

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 3 (63) Т. 1

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.

Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (Баня Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина).

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).

Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).

Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).

Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, Германия).

Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН. Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).

Милошевич Х. – д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).

Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).

Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).

Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).

Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Митко Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Ключко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).

Лушикова Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИРПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 3 (63) Vol. 1

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof.r, Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).
V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).
V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

- 6 **Бортникова Ю. А., Науменко О. Н., Науменко Е. А.** Государственное образование как система борьбы против исламского экстремизма
- 11 **Буранголов Б. В.** Становление и деятельность кантонных архивов Башкирской АССР в 1920-е гг.
- 15 **Ведмин О. П.** Генерал-адъютант Петра III – Карл Карлович Унгерн-Штернберг
- 25 **Ведмин О. П.** П. И. Измайлов и Император Пётр III
- 32 **Головань Н. С.** Из опыта строительства индивидуальных жилых домов в Кемеровской области (1946 – 1950 гг.)
- 37 **Ермолаев А. Н.** Революционеры народовольцы в политической ссылке на территории Кузбасса в 1870 – 1880 гг.
- 42 **Зданович Е. Ф.** Е. Е. Замысловский о внешнеполитических связях России второй половины XVI – XVII вв.
- 46 **Кимеева Т. И., Глушкова П. В., Родионов С. Г.** Музеефикация и актуализация объектов историко-культурного наследия в экомузее «Тазгол»
- 52 **Миклашевич Е. А., Бове Л. Л.** Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина)
- 65 **Нуркина К. К.** Досуг в нерегламентируемом пространстве советского ребенка (на примере г. Омска 1960 – 1970-х гг.)
- 70 **Снегирева Л. И.** Проблемы реэвакуации коллективов промышленных предприятий и их решение в Западносибирском регионе (1942 – 1948 гг.)
- 77 **Шлегель (Чикирева) Н. О.** Кадровое обеспечение колхозно-совхозных театров Западной Сибири (1933 – 1941 гг.)
- 81 **Щеглова Т. К.** Сельскохозяйственная торговля Западной Сибири и степного края на межрегиональных ярмарках (Ирбитской, Ишимской, Тюменской) в начале XX века: новые тенденции

ПСИХОЛОГИЯ

- 86 **Бронин И. Д.** Психометрические показатели четвертой версии опросника стилей идентичности М. Берзонски
- 93 **Гунзунова Б. А.** Личностные факторы саморегуляции эмоциональных состояний педагогов
- 96 **Кулик А. А.** Субъективное качество жизни молодежи при разных типах атрибутивного стиля мышления
- 102 **Левшунова Ж. А., Артюхова Т. Ю.** Возрастные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности в период ранней юности
- 106 **Медюшко В. А.** Состояние вербальных функций младших школьников, проживающих в детском доме, кровной и замещающей семье

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

- 6 **Y. A. Bortnikova, O. N. Naumenko, E. A. Naumenko.** The public education as a system of struggle against islamic extremism
- 11 **B. V. Burangulov.** Formation and functioning of canton archives of the Bashkir ASSR in 1920
- 15 **O. P. Vedmin.** Adjutant general of Peter III – Karl Karlovich Ungern-Sternberg
- 25 **O. P. Vedmin.** P. I. Izmailov and emperor Peter III
- 32 **N. S. Golovan.** Individual house-building experience in Kemerovo region from 1946 to 1950
- 37 **A. N. Ermolaev.** Narodovolets revolutionaries in the political exile in the Kuzbass territory in 1870 – 1880
- 42 **E. F. Zdanovich.** E. E. Zamyslovsky about Russias foreign policy during the second half of the XVI th century – the XVII th century
- 46 **T. I. Kimeeva, P. V. Glushkova, S. G. Rodionov.** The development and actualization the objects of historical and cultural heritage in the eco-museum «Tazgol»
- 52 **E. A. Miklashevich, L. L. Bove.** Studying the images on the kurgan slabs in the cemeteries at the foothills of Bychikha mountain (Minusinsk basin)
- 65 **K. K. Nurkina.** Leisure the unregulated space of the soviet child (case study Omsk 1960 – 1970-ies.)
- 70 **L. I. Snegireva.** The problems of re-evacuation of the staffs of industrial enterprises and their solving in the west Siberian region (1942 – 1948)
- 77 **N. O. Shlegel'.** Staffing kolhozno-state-farm theaters of Western Siberia 1933 – 1941
- 81 **T. K. Shcheglova.** Agricultural commerce in Western Siberia and steppe region at trans-regional fairs (Irbitskaya, Ishimskaya, Tyumen-skaya) in the beginning of the XX century: new tendencies

PSYCHOLOGY

- 86 **I. D. Bronin.** Psychometric properties of the fourth version of the questionnaire of styles identities M. Berzonski
- 93 **B. A. Gunzunova.** Personal factors of emotional self-regulation state teachers
- 96 **A. A. Kulik.** Subjective quality of life of young people in different types of attributive style of thinking
- 102 **Zh. A. Levshunova, T. Yu. Artjuchova.** The age features of conscious self-regulation of determined activity in early youth
- 106 **V. A. Medyushko.** The condition of the verbal functions of primary schoolchildren living in an orphanage, biological and foster family

111	Морозова И. С., Белогай К. Н., Ott T. O. Формы комплексной социально-психологической поддержки семей, воспитывающих ребенка с особыми потребностями	111	I. S. Morozova, K. N. Belogay, T. O. Ott. Forms of complex social and psychological support of the families which are bringing up the child with special needs
115	Олифер О. О. Проблема социализации детей с особыми образовательными потребностями	115	O. O. Olifer. Social adjustment of children with special educational needs
120	Песков В. П. Представление как продукт и как процесс социального познания	120	V. P. Peskov. Representation as a product and as a process of social cognition
126	Подлиняев О. Л., Морнов К. А. Актуальные проблемы нейропедагогики	126	O. L. Podlinyaev, K. A. Mornov. Actual problems of Neuropedagogy
130	Фотекова Т. А., Захаренко Н. В. Особенности высших психических функций младших школьников, проживающих в селе, малом и большом городе	130	T. A. Fotekova, N. V. Zaharenko. The features of higher mental functions in primary school children living in the country, in the town and in the city
ФИЛОЛОГИЯ			
134	Балашова Н. П. Антропоморфизация небесных объектов как способ концептуализации луны	134	N. P. Balashova. Antropomorphic aspect of sky objects as a description of the <i>moon</i> concept
139	Буданова С. Г., Рябинина А. Г. Способы формально-семантической идентификации вторичных текстов: некоторые результаты лингвистического эксперимента	139	S. G. Budanova, A. G. Ryabinina. The methods of formal-semantic identification of the secondary nature: some results of the linguistic experiment
142	Газиева Д. Р. Исследование динамических параметров интернет-коммуникации: языковая способность (по результатам эксперимента)	142	D. R. Gazieva. Analysis of dynamic parametres of internet-communication: linguistic capacity (experimental data)
148	Голев Н. Д., Реттих Д. А. О гендерно-маркированных единицах в русскоязычных текстах как статистических характеристиках служебных частей речи	148	N. D. Golev, D. A. Rettikh. About gender-marked units in russian texts as statistic characteristics of link parts of speech
154	Друцэ А. Ю. Современные методы воздействия на аудиторию в постклассическом дипломатическом дискурсе	154	A. J. Drutse. Modern methods of the audience manipulation in postclassical diplomatic discourse
159	Катанова Е. Н. Самоидентифицирующие высказывания с оценками в форме <i>de dicto</i> и форме <i>de re</i>	159	E. N. Katanova. Self-identification utterances expressing evaluation in <i>de dicto</i> and <i>de re</i> forms
164	Лапай Д. С. Риторика военной угрозы: НАТО – <i>drang nach osten</i> (натиск на восток)	164	D. S. Lapay. The rhetoric of the war threat: NATO – the onslaught of the east
167	Петрунина Н. В. Материализующие и дематериализующие метафоры в лирике У. Б. Йейтса	167	N. V. Petrunina Materialismus and metaphors dematerialize in the lyrics of W. B. Yeats
173	Петрунина С. П. Пояснительная конструкция со значением общего – частного в сибирских говорах	173	S. P. Petrunina. Explanatory design with the value of a public – private in the siberian dialects
178	Пивоварчик Т. А. Распределение коммуникативных приоритетов в речевых ситуациях	178	T. A. Pivovarchyk. The distribution of communicative priorities in speech situations
183	Телегуз А. А. Модели образования терминов в терминосистеме аэрометрии и вентиляции	183	A. A. Teleguz. Term formation models in aerology and ventilation term system
188	Шкилёв Р. Е. Передача при переводе образности в семантической структуре устойчивых терминологических словосочетаний	188	R. E. Shkilev. Rendering imagery in the semantic structure of stable terminological word combinations
192	Шпильная Н. Н. Типы внутренних форм диалогического текста	192	N. N. Shpilnaya. Types of internal forms of dialogic text
198	Шпильная Н. Н. Модели деривации диалогического текста	198	N. N. Shpilnaya. The models of dialogic text derivation
207	Юрина Е. А. «Пищевая метафора»: объем и границы понятия	207	E. A. Yurina. «Food metaphor»: the scope and limits of the concept
212	Юшкова Л. А. Семантические и функциональные особенности омонимичных префиксов и прилагательных частич в словообразовании современной немецкой разговорной лексики	212	L. A. Yushkova. Semantic and functional features of homonymous prefixes and preverbal particles in modern german colloquial vocabulary
218	Правила для авторов журнала	218	Information and instructions for authors
220	Подписка на «Вестник КемГУ»	220	Subscribe to Bulletin of KemSU

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94:7.033 (571.1)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СИСТЕМА
БОРЬБЫ ПРОТИВ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА
*Ю. А. Бортникова, О. Н. Науменко, Е. А. Науменко*THE PUBLIC EDUCATION AS A SYSTEM OF STRUGGLE AGAINST ISLAMIC EXTREMISM
Y. A. Bortnikova, O. N. Naumenko, E. A. Naumenko

В статье на основе теории модернизации и цивилизационного подхода рассматривается исторический и современный опыт воздействия на религиозное сознание мусульман через систему образования на территории Тюменской области, с целью предупреждения экстремистских настроений, на основе проведенного в 2009 – 2014 гг. эксперимента. Под исламским экстремизмом понимается приверженность крайним взглядам и мерам, существующим в радикальных вариантах религии. Авторы учитывают особенности религиозной психологии представителей разных культурно-цивилизационных систем: православной и мусульманской, входящих в состав экспериментальных учебных групп.

В статье анализируется современная система конфессионального образования в Германии с выявлением недостатков и противоречий. Авторы подчеркивают, что изученный опыт не обеспечивает религиозную толерантность в немецком обществе, и обращаются к практике конфессионального образования Российской империи. Апробация дореволюционного опыта России проведена с поправкой на современные политические, правовые, гуманитарные и культурные условия развития региона на базе преподавания на младших курсах вуза дисциплины конфессионального содержания. Авторы на основе экспериментального опыта подчеркивают, что религиозный экстремизм значительно легче предотвратить через систему образования, чем бороться с уже возникшим и сформированным явлением. В качестве результатов исследования в статье отмечено, что изученный опыт эффективен и рекомендуется к применению в качестве превентивной меры в малых группах молодежи без численного доминирования мусульман.

In the article on the basis of modernization theory and civilizational approach examines the historical and contemporary experiences of the impact on the religious consciousness of students through the education system in the territory of the Tyumen region, to prevent extremist views, on the basis of the conducted in 2009 – 2014 the experiment. The Islamic extremism means as a commitment to extreme views and actions existing in radical versions of Islam. The authors take into account the peculiarities of religious psychology of representatives of different cultural and civilizational systems: Orthodox and Muslim included in the experimental study groups.

The article analyzes the modern system of religious education in Germany with identifying weaknesses and contradictions. The authors stress that the experience does not provide religious tolerance in German society, and refer to the practice of religious education of the Russian Empire. Testing of pre-revolutionary experience of Russia, adjusted for current political, legal, humanitarian and cultural conditions for the development of the region on the basis of teaching for Junior courses of the University discipline confessional content. The authors on the basis of pilot experience stress that religious extremism is much easier to prevent through the education system than combat emerged and formed the phenomenon. As the results of the study in article noted that explored the experience of effective and is recommended as a preventive measure in small groups of young people without numerical dominance of Muslims.

Ключевые слова: ислам, экстремизм, терроризм, мусульмане, образование, конфессии, толерантность, Тюменская область, Германия, педагогический эксперимент, культурно-исторический тип, конфессиональное образование.

Keywords: Islam, extremism, terrorism, Muslims, education, faiths, tolerance, Tyumen region, Germany, pedagogical experiment, the cultural-historical type, confessional education.

Начиная с 1773 г., Российское государство имело четкую конфессиональную политику в отношении ислама: считалось, что нормативный вариант этой религии, незначительное отступление от которого могло привести к джихаду и межконфессиональной войне, не должен распространяться на территории России [4, с. 55]. Одним из средств достижения этой цели было сближение православной и мусульманской

культур, что осуществлялось через введение у мусульман некоторых христианских традиций (например, использование «крещеной воды», погребальной практики на третий день и т. д.).

Сближение культур практиковалось и через систему образования. Государство, например, открывало смешанные русско-татарские школы, где учителя с обязательным владением русским и татарским языка-

ми обучали детей разных религиозных конфессий по установленным программам [2, с. 102], ориентированным, прежде всего, на русификацию, но в целом – на воспитание веротерпимости и чувства гордости мусульман за причастность к истории и культуре Российской империи. Опыт советского периода также содействовал национальному сближению через широко распространенную идею дружбы народов, реализация которой осуществлялась во многом через систему школьного образования. Эффективность государственной национальной политики подтверждается тем фактом, что с 1773 по 1991 гг. на юге современной Тюменской области не было ни одного случая религиозного противостояния мусульман с представителями иных конфессий [4, с. 112].

С 1991 г. в силу изменения идеологии и политической системы государство отказалось от контроля за развитием ислама, и ситуация в Тюменской области изменилась. Миграционные потоки с Кавказа и Средней Азии, проникновение знаний о нормативном исламе из Медины и Мекки, обучение мулл в странах Арабского Востока и ряд других факторов содействовали распространению не только нормативного ислама, но и его радикальных направлений. В частности, в 1998 г. Н. Х. Аширов и А.-В. Ниязов привезли в Тюмень лидера американской экстремистской организации «Нация ислама» Л. Фаррахана, выступавшего с радикальными речами и призывами. Хотя он вскоре был выдворен из России, но в регионе начали действовать структуры экстремистской партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» [7, с. 25], которые в Тюменской области готовили крупные теракты, сорванные исключительно благодаря слаженной и самоотверженной работе спецслужб и местной милиции.

В 2004 г. прошли аресты террористов [3, с. 12], получивших в 2005 г. тюремные сроки. Но в последующее десятилетие ситуация изменилась незначительно: «автопробеги» автомобильных колонн с черными знаменами джихада, столкновения «русских и мусульман», в том числе вооруженные, с сотнями участников с обеих сторон, и подобные явления стали привычным атрибутом жизни городов ХМАО и ЯНАО. В 2009 – 2010 гг. правоохранительными органами был раскрыт и нейтрализован религиозно-диверсионный лагерь при мечети «Нур ислама» в Новом Уренгое [6, с. 266]. Эти события не освещаются в СМИ, но известны каждому из многомиллионного населения автономных округов. Характерен факт изменения формы мечетей: на севере Тюменской области появились мечети с архитектурным образом рибата – крепости для джихада [8, с. 101]. Нужно отметить, что подобные проявления категорически не принимаются большинством представителей «народного» ислама из числа татар и казахов региона. Чувствуя ответственность за судьбу ислама в Тюменской области, они делают все возможное для противодействия экстремизму путем «перевоспитания мусульман-мигрантов», однако без государственной поддержки им эту задачу не решить.

Впервые в современной России идея целенаправленного воздействия на культуру ислама через систе-

му школьного образования как одного из средств борьбы с терроризмом была предложена Ю. М. Антониным [1, с. 230]. Автор обосновал необходимость введения для учеников-мусульман обязательной дисциплины по изучению Корана, с акцентом на суры, касающиеся веротерпимости и нравственных ценностей. Эта идея поначалу не нашла поддержки у представителей государственной власти в силу ее противоречия Конституции РФ: нарушились принципы светского характера государства и равенства религий. Между тем, в учебный курс государственных и муниципальных школ были введены такие дисциплины, как: «история религий», «религиоведение», консультации по вопросам религии и т. п., которые, пополняя знания учеников в целом, все же не обеспечивали конфессиональную толерантность.

Европейский Союз, столкнувшись с крахом идеи мультикультурализма и религиозным экстремизмом, также не может действовать более решительно в силу сложившегося демократического мировоззрения и развитым в нем понятием «свободы»: любое давление или корректировка поведения рассматривается как нарушение прав личности. Это влияет на содержание религиозного образования, в котором наиболее преуспела современная Германия. В ее истории накоплен богатый опыт католического и лютеранского образования с целью закрепления в обществе немецкой культуры и системы нравственных ценностей, при этом школа сама выбирает религию для преподавания [9, с. 21]. В соответствии с этой традицией и нормативной базой, в начале XXI в., когда численность мусульман в Германии достигла 8 %, там было введено преподавание ислама для детей из мусульманских семей.

Программы, отличающиеся в разных землях в соответствии с доминирующим там вариантом ислама, основываются на том, что школа должна воспитывать в учениках духовность, а не просто давать знания о религии. Преподаватели отказались от оценок религиозных течений, подчеркивая, что каждая религия самоцenna. Обучение проходит в двух основных формах:

1) консультации по религии в рамках занятий по родному языку (земли Баден-Вюртемберга, Берлина, Бремена, Гамбурга, Саара и Шлезвиг-Гольштейна);

2) официальный урок в школе (в Гессене, Нижней Саксонии, Северном Рейне-Вестфалии и Рейнланде-Пфальце) [9, с. 48].

Между тем, по мнению Д. Эспозиго, такие организационные формы обучения исламу содействуют сохранению этнической культуры, но только не формированию конфессиональной толерантности [10, с. 297].

Среди слабых моментов этой системы можно отметить следующее.

1. По мнению Д. Эспозиго, «поскольку исламская религия разделяется на множество течений, то не для всех подходят данные уроки», – т. е. делается акцент на изучение того варианта ислама, какой предпочитает семья ученика. Однозначно, что данный подход может культивировать экстремизм. Для предотвраще-

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ния этой опасности занятия, как правило, проводят светские преподаватели под прицелом видеокамер, однако и это не гарантирует отсутствие радикальных идей: они могут носить скрытую форму, представляя собой непонятную для непосвященного в ислам интерпретацию сур Корана.

2. Занятия проходят в мононациональных (как правило, турецких) классах, на родном языке. Таким образом, в процессе обучения ученики замыкаются в рамках своей национальной культуры и практически не соприкасаются с немецкой культурой: изучая историю Германии в целом, они ничего не знают о лютеранстве. С другой стороны, ученики немецкого происхождения ничего не знают об исламе и культуре Турции. Данные обстоятельства не могут содействовать воспитанию религиозной толерантности.

Эти проблемы преодолены в ходе педагогического опыта одного из авторов статьи. Опираясь на дореволюционный опыт целенаправленного изменения религиозной культуры учащихся в смешанных православно-мусульманских классах, при условии равного владения учителем обеих культур, в 2009 – 2014 гг. в Тюменской государственной академии международной экономики, управления и права в рамках специальности «регионоведение» автор провел эксперимент по преподаванию дисциплины «Религии изучаемого региона».

Первоначальная цель эксперимента не включала воспитание конфессиональной толерантности, а была направлена на повышение качества образования. Предполагалось, что выпускники данной специальности будут работать в системе государственного и муниципального управления Тюменской области как на управлении должностях, так и в качестве консультантов по особенностям развития региона. В связи с тем, что этно-конфессиональные процессы в Тюменской области обладали исключительной сложностью, на изучение дисциплины «Религии изучаемого региона» был отведен годовой курс объемом 144 часа аудиторных занятий с зачетом и экзаменом (общее количество часов – 292 на группу). Программа предполагала изучение не только истории религий, их особенностей в Тюменской области и современного состояния, но и более глубокое освоение: непосредственное изучение Корана, Библии и Торы в интерпретациях разных богословов. Курс также предполагал обязательное посещение мечети, православной церкви, католического костела и синагоги, а также изучение музеиных фондов с экспонатами религиозных культур. Предполагалось, что при таком подходе студенты смогут стать высококвалифицированными специалистами в сфере этно-конфессиональных отношений региона.

Количество студентов в обучаемых группах варьировалось, в среднем составляя 15 человек (одна группа на потоке), среди которых доминировали представители православной и мусульманской культур. Отказаться от изучения религиозного первоисточника и посещения культового учреждения «не своей» религии было нельзя в силу обязательного изучения дисциплины. Кроме того, необходимость изуче-

ния дисциплины определялась связью «не сдана тема – не сдан экзамен – отчисление». При этом студентам объяснялось, что преподаватель обычно идет на встречу их религиозным чувствам, но не в этом случае, а при несогласии с содержанием дисциплины студент может перевестись на другую специальность. Таким образом, студентам фактически не оставляли выбора.

В отличие от опыта конфессионального обучения Германии, в учебном процессе преподаватель не отказывался от оценочных категорий и понятий, таких как: «тоталитарная секта – плохо / ортодоксальное православие – хорошо», «исламский фундаментализм – плохо / традиционный ислам – хорошо» и пр. Но при этом каждое занятие начиналось с позитивной оценки изучаемой мировой религии, например: «Ислам – одна из самых веротерпимых и замечательных религий, а Коран – мудрейшая в мире книга». Это посыпал изначально формировало у студентов-мусульман доверие к преподавателю и отнесение его к миру «своих», одновременно настраивая студентов других конфессий на уважительное отношение к исламу. При обучении акцент не ставился на какой-либо один вариант ислама: изучались постулаты всех наиболее крупных школ и направлений в сравнительном контексте, с их обязательной оценкой.

Результаты изучения дисциплины в первый же год показали высокий уровень знаний, но одновременно проявился позитивный «побочный эффект»: в группе исчезли национальные и религиозные противоречия. В последующие четыре года формирование конфессиональной толерантности было определено как одна из целей эксперимента, и желаемый результат ежегодно подтверждался. Результаты опросов студентов разных вероисповеданий и культур свидетельствуют, что они начали хорошо понимать друг друга. Это утверждение характеризуют высказывания студентов такого типа, как «...если бы я раньше знала то, что знаю сейчас, я бы никогда ему [мусульманину] такого не сказала...», «теперь я понимаю, почему он [мусульманин] так поступил...», «я раньше презирал русских, но теперь понимаю: религия у них такая...» и т. п. К сожалению, в 2014 г. вуз закрыли как финансово неэффективный, и эксперимент прервался.

Описанный подход можно применять как превентивную меру, но он малоэффективен при обучении студентов с высоким уровнем религиозности. Интересен пример, иллюстрирующий такое утверждение. В составе одной из групп училось два человека, принявшие радикальный вариант ислама: студент русской национальности и студентка казахской национальности. Религиозное сознание студента удалось переломить только через два года, при поддержке муллы и верующего мусульманина, предложившего помочь. При этом студент отвергал любые беседы педагогов, и воздействие на него пришлось осуществлять помощнику-мусульманину под вымышленным именем, через контакты в Интернете, пока студент не согласился встретиться с муллой, заранее ознакомленным с проблемой. Религиозное же сознание студентки удалось лишь отчасти смягчить в плане отно-

шения к товарищам по общежитию (например, не ставить громко будильник на 5 часов утра для совершения намаза и т. п.), но изменить ее представления и преодолеть религиозную агрессию не удалось.

Из практики нашего эксперимента можно подвесить некоторые итоги и, прежде всего, указать на общую эффективность превентивной работы в сфере исламского экстремизма и конфессиональной толерантности. Такой эффект достигнут посредством погружения студентов в содержание специального курса «Религии изучаемого региона», построенного на использовании опыта конфессиональной политики и просвещения дореволюционной России. Содержательное изложение такого опыта наиболее действенно проявляется при следующих условиях.

1. Количество студентов-мусульман в группе должно быть меньше 50 % от общего ее состава. При большем числе срабатывает социально-психологическая установка доминирования, при которой происходит частичная деиндивидуализация сознания студентов большей части группы. Обсуждаемый смысловой материал подкрепляется коллективным архетипическим значением конфессионального образа. Этот эффект производит сильное групповое противодействие логике толерантного сравнения и сопоставления догматических, обрядовых и других конфессиональных построений. Кроме эффекта доминирования, в практике образовательного процесса при численном пре-восходстве студентов-мусульман четко реализуются и другие социально-психологические групповые эффекты.

Эффект «заражения» определяет доминирующее влияние на сознание группы наиболее ортодоксальных конфессиональных и связанных с ними поведенческих позиций отдельных студентов, действия и взгляды которых некритически начинают поддерживаться всеми членами группы. Кроме того, весьма заметным остается и групповой эффект социальной установки «исключительности и избранности», изменить который должен преподаватель, гармонизируя этнические и конфессиональные отношений студентов в их социальной, профессиональной, бытовой действительности.

Нельзя не отметить исключительно важный эффект групповой динамики, имеющий значение в процессе эффективной конфессиональной гармонизации студентов, достигаемый средствами специализированных занятий – конфессиональный конформизм. Чем больше будет численное доминирование представителей ислама в одной учебной группе, тем больший эффект конформных реакций мы будем наблюдать в группе. Поэтому подавляющее количество студентов данной конфессиональной ориентации будет поддерживать и проявления крайних типов своих конфессиональных догматов. Переломить такой социально-психологический эффект средствами педагогического воздействия бывает чрезвычайно трудно.

Методически правильное, психологически выверенное формирование академической учебной группы является первоосновой продуктивной и, в конечном счете, эффективной мерой успеха конфессионального

просвещения и гармонизации социальных отношений вузовской молодежи.

2. Наиболее восприимчивым возрастом студентов в данном эксперименте является 17 – 19 лет. Поэтому дисциплину этно-конфессионального цикла необходимо планировать на младших курсах вуза (1 – 2 курсы) или в старшем классе средней профессиональной и общеобразовательной школы.

3. Очень важен численный состав академических групп, изучающих эту дисциплину: оптимальное число студентов должно соответствовать – 8 – 15 человек (что в социально-психологическом измерении соответствует характеристикам малой группы).

4. Объем аудиторных и внеаудиторных занятий должен быть содержательно-достаточным, т. е. конфигурация этнической и конфессиональной гармонизации в процессе занятий должна осуществляться регулярно и длительное время.

5. Обязательными являются требования к преподавателям конфессиональных дисциплин: их должна отличать высокая квалификация и значительный авторитет. Преподаватель не должен быть глубоко верующим человеком, – этот факт позволит ему не отдавать предпочтение ни одной религии. Именно поэтому для преподавания дисциплин конфессионального цикла нельзя приглашать священнослужителя какой-либо конфессии.

6. Включение в учебный план дисциплин конфессионального цикла в том объеме и варианте, который присутствовал в эксперименте, представляется, в определенной мере, делом затратным. Однако необходимость такой практики вузовского образования диктуется необходимостью построения надежного конфессионального мира, благополучия и гармонизации, поэтому затраты на такую работу имеют достаточное основание.

В качестве выводов можно отметить следующее.

1. Сложная этно-конфессиональная ситуация в Тюменской области требует поиска новых методов профилактики экстремизма, в связи с чем использование исторического опыта формирования религиозной толерантности через систему образования представляется вполне оправданным и продуктивным шагом.

2. Именно система образования представляется наиболее эффективным механизмом в процессе воспитания межконфессионального согласия, что является одним из средств борьбы с экстремизмом, т. к. призвана сформировать новое поколение с устойчивыми соответствующими мировоззренческими установками.

3. Воспитание религиозной терпимости и межконфессионального взаимодействия должно проводиться с учетом возрастных, культурных, мировоззренческих и иных различий обучающихся, а также этноконфессиональных особенностей России.

4. Рассмотренный опыт может являться частью государственной программы по разрешению этно-конфессиональных противоречий, в комплексе с иными мерами правового, политического, воспитательного характера.

Литература

1. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит М, 2001. 306 с.
2. Бакиева Т. Г. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 100 – 109.
3. Бобров И. Г. Молодежный экстремизм в Тюменской области: общая характеристика, формы проявления // Профилактика экстремизма в молодежной среде: материалы региональной науч.-практ. конф. Тюмень, 2011. С. 11 – 14.
4. Бортникова Ю. А. Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона (1773 – 1991 гг.): дис... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 265 с.
5. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 1: Источники и историография: коллективная монография / под ред. А. П. Яркова. Тюмень, 2007. 418 с.
6. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 3: Трансформация сибирской чумы в XIX – XX вв.: коллективная монография / под ред. А. П. Яркова. Казань, 2012. 338 с.
7. Доценко Е. Л. Социально-психологические особенности лиц, склонных к проявлению экстремистских взглядов, и предпосылки их формирования // Профилактика экстремизма в молодежной среде: материалы региональной науч.-практ. конф. Тюмень, 2011. С. 24 – 29.
8. Кабдулвахитов К. Б. Мечети и мусульманские организации Тюменской области: информационный справочник. Тюмень: Печатник, 2011. 119 с.
9. Щербанев Д. Ю. Внедрение обучения исламу в систему религиозного образования государственных школ современной Германии: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2009. 167 с.
10. Esposito J. Islam and Politics. Syracuse. New-York: Syracuse University Press, 1991. 352 с.

Информация об авторах:

Бортникова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Тюменского государственного университета в г. Заводоуковск, soroka-jul@rambler.ru.

Julia A. Bortnikova – candidate of historical Sciences, assistant Professor Humanities and natural Sciences branch of Tyumen state University, Zavodoukovsk.

Науменко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, hea2004@mail.ru.

Olga N. Naumenko – doctor of historical Sciences, Professor of Department of constitutional and municipal law of the Tyumen state University.

Науменко Евгений Александрович – доктор психологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета, hea2004@mail.ru.

Yevgeny A. Naumenko – doctor of psychological Sciences, Professor of the Department of state and municipal administration of Tyumen state University.

Статья поступила в редакцию 14.01.2015 г.

УДК 930.25

СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАНТОННЫХ АРХИВОВ БАШКИРСКОЙ АССР В 1920-Е ГГ.

Б. В. Бурангулов

FORMATION AND FUNCTIONING OF CANTON ARCHIVES OF THE BASHKIR ASSR IN 1920

B. V. Burangulov

Статья посвящена изучению создания и деятельности кантонных архивов в Башкирской АССР в 1920-е гг., т. е. со времени учреждения первых кантонных архивов в республике и до начала административно-территориального реформирования страны. Предметом исследования является организация архивного дела в кантонных, волостных и сельских учреждениях. Цель работы – исследование создания местных архивов в Башкирской АССР, а также выявление уровня организации архивного дела, в части сохранения документального наследия. В статье обобщены новые источники по исследуемой теме, вводятся в научный оборот ретроспективная информация из фондов Центрального исторического архива Республики Башкортостан. Обращение к теме исследования является актуальным, т. к. для организации работы муниципальных архивов, как наиболее динамично развивающейся части архивов страны в современных условиях, необходимо знание истоков создания местной архивной сети. Проведенное исследование показывает, что положительным моментом в налаживании работы местных архивов являлись своевременно принятые нормативно-правовые акты по архивному делу. Проблемными участками местных архивов стали: слабое материально-техническое снабжение, не полное обеспечение кадрами, беспечное отношение некоторых руководителей кантонных и волостных исполнкомов к архивному делу.

The article studies creation and functioning of canton archives in Bashkiria in 1920, i. e. since the establishment of the first canton archives of the republic and before the administrative-territorial reform of the country. The subject of research is organization of archive-keeping in city, canton, district and rural institutions. The purpose of this work is to study the establishment of local archives in Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, as well as to identify the level of archives organization in terms of preservation of documentary heritage. New sources on the topic under research are summarized in the article; the retrospective information from the Central Historical Archives of the Republic of Bashkortostan is introduced into scientific circulation. This theme is considered relevant due to the fact that knowledge of origins of local archives network is required for the organization of municipal archives as the most dynamically developing part of the country's archives system under current conditions. The conducted study shows that the positive aspect of work in establishing the local archives was timely adopted regulations on archives. The problem zones of local archives were as follows: poor supplies of materials and machinery, understaffing, careless attitude of some heads of canton and district executive committees to archive-keeping.

Ключевые слова: архив, Башкирская АССР, кантон, кантонный архив, муниципальный архив, архивный фонд, архивное дело, документ.

Keywords: archive, Bashkir ASSR, canton, canton archives, municipal archives, archive fund, archive matter, document.

Муниципальные архивы – многочисленная и важная составляющая сети архивных учреждений Российской Федерации. К 2012 г. количество муниципальных архивов в стране составляло 2343. Они обеспечивают сохранность 25 % документов Архивного фонда Российской Федерации [1, с. 60]. В Республике Башкортостан функционируют 61 архивных отделов администраций городских округов и муниципальных районов, а также Муниципальное учреждение «Архив муниципального района Стерлитамакский район». Для регионального нормативно-правового регулирования деятельности муниципальных архивов и эффективного управления им, необходимо детальное изучение истоков становления местной архивной сети, которое приходится к 1920-м гг. К сожалению, история деятельности местных архивов Башкортостана, является объектом исследований не многих авторов. В 2002 г. в журнале «Отечественные архивы», а в прошлом году в зарубежной периодической печати были опубликованы исследования автора данной статьи [4; 22]. В этих статьях рассмотрены проблемы становления республиканских органов управления архивным

делом, а также проанализированы вопросы концентрации местных архивных материалов в Уфе. К 90-летию Государственной архивной службы Республики Башкортостан увидели свет сборник статей IX Межрегиональной научно-практической конференции «Археография Южного Урала» [2] и краткий справочник «Муниципальные архивы Республики Башкортостан» [6]. Один из разделов сборника статей конференции называется «История архивного дела в городах и районах Республики Башкортостан», где опубликованы статьи по истории некоторых муниципальных архивов. Однако представленные статьи ограничиваются изучением вопросов архивного дела, начиная с 30-х гг. прошлого столетия. Поэтому, история становления и развития кантонных архивов не затронута. Краткий справочник по муниципальным архивам Республики Башкортостан дает представление о составе, хронологических рамках и объемах фондов городских и районных архивов. В 2010 г. издано учебно-методическое пособие «Муниципальные архивы Республики Башкортостан» [3]. В пособии И. Г. Асфандияровой рассматривается история орга-

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

низации архивного дела в Республике Башкортостан, а также функции, предметы ведения и полномочия органов местного самоуправления в области архивного дела, правовые основы создания, комплектования, функционирования муниципальных архивов, порядок доступа и использования архивных документов. Вместе с тем в первой главе, которая посвящена истории организации муниципальных архивов Республики Башкортостан, прослеживается развитие Государственной архивной службы республики в целом. Итак, краткий историографический обзор литературы по истории кантонных архивов Башкирской АССР показывает, что данная тема до сих пор остается вне поля зрения исследователей.

В 1920-е гг. территория Башкирской АССР была разделена на кантоны, а они, в свою очередь, состояли из волостей, волости – из сельских советов. Деление территории республики на кантоны, как административно-территориальных единиц, применялось в 1917 – 1930 гг. Согласно решению III Всеобщекирского учредительного курултая, который работал 8 – 20 декабря 1917 г., Башкирия состояла из девяти кантонов: Джетировский, Кипчакский, Усерганский, Бурзян-Тангауровский, Тамьян-Катайский, Барын-Табынский, Куваканский, Ичкен-Катайский, Ток-Чуранский. Соглашение между центральной Советской властью и Башкирским правительством 1919 г. определило следующие кантоны: Аргаяшский, Бурзян-Тангауровский, Джетировский, Дуванский, Кипчакский, Кудейский, Кущинский, Табынский, Тамьян-Катайский, Ток-Чуранский, Усерганский, Юрматынский, Яланский. С конца 1922 г. Башкирия включала 8 кантонов (вместо 13 в 1919 г. и 11 – в 1920 г.): Аргаяшский, Белебеевский, Бирский, Зилаирский, Месягутовский, Стерлитамакский, Тамьян-Катайский и Уфимский [5, с. 181].

В Башкирской АССР к организации архивов при кантисполкомах приступили с 1920 г., т. е. после завершения гражданской войны и окончательного установления советской власти. В этом году были разосланы разработанные Архивным управлением республики инструкции: «Кантональным исполнкам – об организации архивного дела» [19, л. 30, 30 об.] и «По ведению текущих архивов, хранению архивного материала и сдаче его в государственный, кантональный или городской архивный фонд» [18, л. 3].

В первой инструкции указывалось, что «все архивы и делопроизводства, находящиеся в кантонах Башкирской республики, составляют по каждому кантону особый кантональный фонд». В этот фонд вошли волостные, сельские и деревенские документальные материалы. Кантонный архив возглавлял заведующий, назначаемый Архивным управлением. Особое значение имел первый пункт инструкции, который гласил: «Ни одно правительственные учреждение (сельский или деревенский исполнком, профессиональная или кооперативная организация) не имеет право уничтожать документы без письменного разрешения Архивного управления».

Особый интерес для нашей темы представляют материалы проверок местных архивов сотрудниками Архивного управления. Как видно из акта проверки 1920 г. в Усерганском кантоне «...не только не осталось ни одного архива старых дел, но даже не сохранились архивные остатки». Представители Усерганского кантисполкома объясняли исчезновение архивных материалов тем, что кантон долгое время был ареной военных действий. В то же время инспектор обратил внимание на то, что некоторые канцелярские распоряжения и отношения в кантисполкоме пишутся на обратной чистой стороне бумаг, несомненно, изъятых из архивов [20, л. 28 об.]. В Бурзяно-Тангауровском кантоне архивы были зарегистрированы в Темясово и в волостях. В отчете инспектора указывается: «...к охране их кантональным исполнкомом приняты все меры». Побывав в сентябре 1920 г. в Табынском и Юрматынском кантонах, заведующий Башархивом Моисеев выяснил, что все архивы госучреждений и частных лиц уничтожены или расхищены. В итоге оказалось, за исключением Бурзяно-Тангауровского кантонов, во многих кантонах республики архивные документы не сохранились.

Республиканские и кантонные органы власти были заинтересованы в налаживании архивного дела на местах. В сентябре 1922 г. было разослано официальное письмо БашЦИК всем кантисполкомам БАССР, где предлагалось в течение двухнедельного срока провести тщательную ревизию деятельности «текущих архивов». При этом кантисполкомы должны были принять меры к охране документального наследия и о ходе работ постоянно уведомлять госорган [13, л. 14 об.]. Кантонные и волостные администрации вяло реагировали на это предложение, т. к. не все ответы поступили с мест. В отношении Ермекеевского волисполкома от 5 октября 1922 г. говорится: «Имеется архив, начиная с 1917 г. Документы за прежние годы сохранились в малой части, которые собой представляют не что иное как материал для бумаги» [9, л. 39]. В письме одного из волисполкомов Белебеевского кантонов от 8 октября 1922 г. отмечается, что «архивные материалы, имеющиеся при канцелярии волисполкома, в порядок приведены» [15, л. 6]. Еще в конце 1920 г. вопрос архивного строительства рассматривался на заседании Юрматынского кантисполкома. В решении предлагалось волостным отделам народного образования «принять меры по приведению всех оставшихся архивных документов в порядок» [8, л. 45].

28 ноября 1922 г. на заседании Бирского кантисполкома был заслушан информационный доклад «О ревизии архивов в учреждениях г. Бирска», где указано, что «...в некоторых учреждениях архивы хранятся в ящиках в неразобранном виде». В решении было поручено «немедленно принять меры к действительной охране архивов и не позднее трех месяцев со дня получения данного постановления привести их в надлежащий порядок» [21, л. 64].

Несмотря на определенные усилия, даже в середине 1920-х гг., не все решения властей были реализованы. К 1924 г. реальные шаги по созданию архивов предпринимались лишь в четырех кантонах. В Тамьян-Катайском кантоне к организации кантонных и волостных архивов приступили только в 1923 г., и в результате отсутствия архивов, материалы советского времени были утеряны. В Бирском кантоне документов волисполкомов и сельсоветов сохранились только

с 1919 г. Аргаяшским кантисполкомом были разосланы письма учреждениям и волисполкомам, с указанием «в кратчайший срок сдать архивный материал в кантонный архив». В Стерлитамакском кантоне архивные фонды сохранились с 1918 г. Но в этом кантоне обнаружилась незаконная продажа из архива 300 пудов ревизских сказок и дел казначейства дореволюционного времени [14, л. 6 – 7].

Итак, несмотря на ряд принятых мер со стороны БашЦИК и Архивного управления по вопросу об организации кантонных архивов, к середине 1920-х гг. многие из них оставались неорганизованными, либо были организованы лишь на бумаге. К становлению архивов в кантонах и волостях препятствовали: слабое материально-техническое снабжение архивов; отсутствие квалифицированных архивариусов на местах.

Толчком к развитию архивного дела в республике стали нормативно-правовые и распорядительные акты, принятые в 1926 г. 20 августа БашЦИК разослал циркуляр всем кантисполкам, в котором говорилось о том, что в кантонах «дело по сохранению архивов до сих пор не налажено, вследствие чего архивные материалы гибнут и расхищаются» [10, л. 1]. В связи с этим предлагалось срочно обеспечить архивы соответствующими помещениями, выделить работников, приступить к работе по сбору архивов. В октябре Центрархив РСФСР утвердил «Положение о кантонном архиве». По этому документу, кантонный архив учреждался для хранения и надлежащего использования кантонного архивного фонда. Кантонный архив возглавлял заведующий, который по согласованию с Архивным управлением назначался кантисполкомом. В функции кантонного архива вошли: учет и концентрация в архивохранилищах документов государственных, профессиональных, кооперативных учреждений; обследование и инструктирование организаций по вопросам постановки архивной части делопроизводства; выдача справок по запросам учреждений и граждан. Кантонный архив имел право, в целях сохранения архивного материала, обратиться в президиум исполнкома с представлением о привлечении виновных в уничтожении архивов учреждений к ответственности [7, с. 147 – 148].

Одной из функций кантонных архивов была организация работы волостных архивов. В 1926 г. проверялась работа местных архивов Уфимского, Бирского, Белебеевского и Стерлитамакского кантонов. В ходе проверки выяснилось, что в Буликеевской и Надеждинской волостных канцеляриях Уфимского кантонна дела оставались неописанными, непронумерованными и неподшитыми. В Бирском кантоне обследовались канцелярии Мишкинского, Кизган-Башевского, Московского и Асяновского волисполкомов, где архивное дело вели согласно инструкции Центрархива РСФСР, архивные дела хранились в соответствующих помещениях [16, л. 3]. А вот в одном из архивохранилищ Белебеевского кантонна помещался керосиновый склад.

Большим препятствием в работе кантонных и волостных архивов, стали отсутствие в штате архивариусов. Лишь в ноябре 1926 г. Башцентрархив добился утверждения штатной комиссией при Наркомате РКИ

должностей архивариусов по одному для Белебеевского, Бирского и Стерлитамакского кантисполкомов.

Еще одним постановлением БашЦИК от 13 августа 1928 г. было рекомендовано произвести организацию «кантонных архивных бюро, предусмотрев при составлении смет содержание штата кантархивов, расходы на отопление, освещение и на ремонт отводимых для архивов помещений» [11, л. 35 – 36]. В 1929 г. Президиум БашЦИК утвердил положение «О кантонных архивах БАССР». Это положение дополняло постановление от 13 августа 1928 г. Согласно положению, кантонный архив комплектовался документами следующих учреждений:

- кантонных исполнительных комитетов, а также государственных, кооперативных и общественных учреждений по истечении 10-летнего срока хранения при них;
- сельских советов, за исключением регистрационных книг дореволюционного периода, по истечении 3-летнего срока хранения при них;
- концессионных и арендованных предприятий по истечении сроков договоров о концессии и аренде.

По этому положению материалы в кантонном архиве хранились в течение 10 лет, после должны были передаваться в Архивное управление [12, л. 33, 39]. С принятием положения «О кантонных архивах БАССР» завершилось юридическое оформление статуса местных архивов.

Принятые нормативные акты второй половины 1920-х гг. способствовали улучшению архивного дела на местах. По сведениям 1928 г. в Белебеевском кантонном архиве работали два сотрудника: заведующая Н. Халкиопова (бывшая учительница) и архивариус. Архив находился в оборудованном каменном здании. Бирскому кантонному архивному бюро в 1928 г. было отведено новое здание. Заведующий архивом К. Каидыров имел неполное среднее образование. Аргаяшское кантонное архивное бюро находилось в деревянном помещении, заведующим был учитель по профессии Х. Валишин. Месягутовскому кантонному архиву передали оборудованное помещение, а также вели в штат должность архивариуса. Стерлитамакское кантонное архивное бюро было учреждено в январе 1927 г. Но по причине отсутствия помещения и финансовых средств, бюро фактически не работало. В Зилаирском кантоне к организации архива не приступили, это объяснили тем, что «данний кантон находится на далеком расстоянии от Уфы» [17, л. 24 – 25]. В Уфимском кантоне архивного бюро не было, так как центр Уфимского кантонна находился в г. Уфа и документальные материалы кантонных и волостных учреждений этого кантонна поступали непосредственно в Башцентрархив.

Таким образом, начало создания кантонных и волостных архивов в Башкирской АССР приходится к 1920-м гг. Первые архивы создаются в Аргаяшском, Бурзянно-Тангауровском, Белебеевском, Бирском кантонах. В становлении этих архивов решающим стали решения республиканских органов власти. БашЦИК постоянно требовал от кантонных властей проведения работ по созданию архивов. Активной деятельностью, в части реализации принятых решений, занималось Архивное управление. К середине 1920-х гг. были

предприняты меры по упорядочению архивов в Тамъян-Катайском и Стерлитамакском кантонах. Большое значение имело появление нормативных документов в 1926 и 1928 гг., которые имели не только нормативно-правовой, но и методический характер. Вместе с тем необходимо отметить, что функционирование кантональных и волостных архивов шло с большими сложностями. Прежде всего, отсутствовали соответствующие требованиям помещения. Долгое время в штатах местных администраций не были ведены должности

архивариусов. В результате беспечного отношения местных властей к архивному делу, были зафиксированы случаи утраты кантонального архивного фонда. Несмотря на сложности, к концу 1920-х гг. во всех кантонах Башкирской АССР, за исключением Зилаирского, были организованы кантональные архивы, что позволило сохранить основную часть бесценного документального наследия муниципалитетов Республики Башкортостан.

Литература

1. Артизов А. Н., Горковенко В. В., Петров П. М., Глазырина А. А. Виноградова В. Э., Муромцева С. М., Пантиухина Р. Ф., Капустин А. А. Муниципальные архивы России: современное состояние, проблемы, перспективы развития // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 60 – 79.
2. Археография Южного Урала // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: Гилем, 2009.
3. Асфандиярова И. Г. Муниципальные архивы Республики Башкортостан: учебно-методическое пособие. Уфа: Уфимская типография № 1, 2010. 116 с.
4. Бурангулов Б. В. Становление и развитие государственной архивной службы Республики Башкортостан в 1919 – 1938 гг. // Отечественные архивы. 2002. № 1. С. 29 – 36.
5. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней / под ред. И. Г. Акманова. Уфа: Китап, 2004. Т. 2. 600 с.
6. Муниципальные архивы Республики Башкортостан / сост. С. У. Низамутдинова. Уфа: Мир печати, 2009. 502 с.
7. Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). М.: ГАУ СССР и МГИАИ, 1961. 266 с.
8. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. (ЦИА РБ). Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 24.
9. ЦИА РБ. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 63.
10. ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 63.
11. ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 51.
12. ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 62.
13. ЦИА РБ. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 23.
14. ЦИА РБ. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 33.
15. ЦИА РБ. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 47.
16. ЦИА РБ. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 66.
17. ЦИА РБ. Ф. Р-564. Оп. 1. Д. 79.
18. ЦИА РБ. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 56.
19. ЦИА РБ. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 27.
20. ЦИА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 245.
21. ЦИА РБ. Ф. Р-1079. Оп. 1. Д. 11.
22. Burangulov B. V. Archives of the Republic of Bashkortostan: from background till today // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Vienna, 2014. № 7 – 8. Р. 21 – 24.

Информация об авторе:

Бурангулов Байрас Вакилович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского государственного университета, Российская Федерация, bajras-burangulov@yandex.ru.

Bayras V. Burangulov – candidate of historical science, associate professor at the History of the Republic of Bashkortostan, archeology and ethnology of Bashkir State University, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.06.2015 г.

УДК 930 «1730-1797»

ГЕНЕРАЛ-АДЬЮТАНТ ПЕТРА III – КАРЛ КАРЛОВИЧ УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ
O. P. Ведьмин

ADJUTANT GENERAL OF PETER III – KARL KARLOVICH UNGERN-STERNBERG
O. P. Vedmin

В статье характеризуется деятельность барона Карла Карловича фон Унгерн-Штернберга в качестве кадета, затем офицера Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Петербурга, генерал-адъютанта Петра III, генерала русской армии при Екатерине II. Особый акцент делается на анализе причин одновременной благосклонности Петра III и Екатерины II к Унгерн-Штернбергу. В работе представлены достаточно новые материалы о взаимоотношениях Унгерн-Штернберга в качестве губернатора Петербурга и Екатерины II. Подробно рассматривается участие Унгерн-Штернберга в масонском движении.

The article characterizes the activities of Baron Karl Karlovich von Ungern-Sternberg as a cadet, then officer of the Land gentry cadet corps of St. Petersburg, the adjutant General of Peter III, General of the Russian army during the reign of Catherine II. Special emphasis is placed on the analysis of the causes of simultaneous favor of Peter III and Catherine II to Ungern-Sternberg. The paper presents new material on the relationship of Ungern-Sternberg as Governor of St. Petersburg and Catherine II. Clarified the participation of Ungern-Sternberg in the Masonic movement.

Ключевые слова: Унгерн-Штернберг, Пётр III, Екатерина II, русский двор, масонство.

Keywords: Ungern-Sternberg, Peter III, Catherine II, Russian court, Freemasonry.

Генерал-адъютант барон Карл Карлович Унгерн-Штернберг вошёл в историю как один из немногих людей императорской свиты Петра III, кто встал на его сторону в ходе начавшегося в Петербурге дворцового переворота 28 июня 1762 г. с целью свержения монарха. Возглавила этот переворот жена Петра III – императрица Екатерина. Однако биография К. К. Унгерн-Штернберга, к большому сожалению, далеко не в полной мере отразилась в работах исследователей как выше указанного, так и современного периодов. Разные авторы приводят лишь отдельные и весьма разрозненные штрихи биографии К. К. Унгерн-Штернберга [12, с. 160 – 164; 47, с. 363], поэтому сохранилась настоящая необходимость составить наиболее полный исторический портрет нашего героя, используя для этого объёмный пласт, прежде всего, архивных документов. Интерес к биографии К. К. Унгерн-Штернберга неслучаен. Как известно, Пётр III, несмотря на ряд своих довольно экстравагантных и эксцентричных личностных и поведенческих особенностей, тем не менее окружал себя людьми высокообразованными, неординарными. Среди них – К. К. Унгерн-Штернберг, военному карьерному росту которого, вплоть до императорского генерал-адъютанта, способствовал сам Пётр III.

Фамилия Штернберг очень древняя и была известной во Франконии ещё в XI в. Род баронов фон Унгерн-Штернбергов происходит от Иоанна Штернберга, который 13 марта 1211 г. прибыл в Ливонию во главе венгерского войска численностью 1000 человек в составе всадников и пехоты на помощь ордену Меченосцев, чтобы оказать немецким рыцарям помощь в войне против ливонских язычников. Иоанн в Ливонии был прозван Унгарном, т. е. «Венгерским воеводою» или «Венгерцем». Прозвище Унгарн заменила ему прежнею фамилию Штернберг, а потомки его затем именовались Унгернами вплоть до 1653 г., когда фамилия эта стала писаться Унгерн-Штернберг. Один из потомков Унгарна – Георгий Унгерн 16 июля 1531 г. был пожалован грамотой от императора «Священной

Римской империи германской нации» Карла V (1500 – 1558) в баронский титул. Диплом шведской королевы Христины (1626 – 1689) от 27 октября 1653 г. возобновил родовое название фамилии Штернберг, сохранив при этом прозвище Унгарн, так как «на сие последнее имя даны были многие грамоты». Кроме того, подтверждалось для данной фамилии баронское достоинство [38, л. 11 – 12, 16].

Дед нашего героя, барон Магнус-Христиан Унгерн-Штернберг (умер в 1710 г.), был шведским подполковником. Он был женат дважды. От первого брака с девицей Будденброк имел сына, барона Карла-Фридриха, служившего в Швеции офицером. От второго брака с Марией-Анной Лоде оставил сына барона Карла-Людвига (1706 – 1749) – отца К. К. Унгерн-Штернберга, будущего генерал-адъютанта Петра III. Барон Карл-Людвиг со временем вступил в российскую службу, был офицером в армии, затем состоял асессором в Коммерц-коллегии. Женат он был на Гедвиге-Элеоноре Штрокирх [13, с. 418]. От этого брака родились: 5 дочерей, одна из которых, баронесса Мария-Луиза, умерла ещё в девицах, и 3 сыновей. Старший сын был барон Карл Христофор (Христофор, Карлович) Унгерн-Штернберг (29.04.1730 – 1797). Второй сын – барон Вильгельм-Людвиг Унгерн-Штернберг (Унгерн-Стернберг) родился в 1740 г. Учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе с 13 августа 1752 г. по 20 марта 1759 г. По окончании учёбы был произведен из фельдфебелей в кадетские прапорщики. 12 февраля 1760 г. был пожалован уже в чин подпоручика. Однако 26 марта 1760 г. скончался, находясь при корпусе, как действующий офицер. Третий сын родителей – Иоанн-Михаил (Иоганн-Михель) был тоже воспитанником Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, в котором учился с 8 июля 1757 г. по 20 апреля 1764 г. После окончании учёбы был направлен в пехотные полки в чине капитана. В отставку вышел в чине генерал-майора, женат не был [33, л. 449 – 449 об., 450 об.; 37, л. 19; 17, с. XVIII].

В духе XVIII в., а это было в период правления императрицы Елизаветы Петровны (1741 – 1761), отец стремился дать своему старшему сыну Карлу Христофору прекрасное образование, поместив его 22 марта 1742 г. в Сухопутный шляхетный кадетский корпус в Санкт-Петербурге, который первоначально назывался Кадетским корпусом. Это учебное заведение было образовано по указу императрицы Анны Иоанновны и предназначалось для дворян (шляхетства). Первоначально Кадетский корпус был рассчитан на 200 воспитанников (от 13 до 18 лет), 150 из собственно российских провинций и 50 из Лифляндии и Эстляндии. Однако число желающих учиться в Кадетском корпусе превысило первоначальную цифру, поэтому 12 мая 1732 г. был утверждён новый штат Кадетского корпуса, который теперь состоял из трёх рот, по 120 кадет в каждой роте. Кадетский корпус размещался на Васильевском острове в бывшем дворце А. Д. Меншикова и прилегающих зданиях. В будущем Кадетский корпус превратился в настоящий центр дворянского просветительства. Г. А. Гуковский отмечал: «С самого начала своего существования корпус сделался дворянским университетом. Военная муштра, а вместе с нею и специальные военные знания отошли на второй план в системе образования, дававшегося корпусом. Наоборот, история, география, юридические науки, языки, затем фехтование, танцы – весь этот круг общеобразовательных и светских дисциплин и навыков выдвинулись вперёд» [9, с. 18].

18 ноября 1731 г. был утверждён «Устав Кадетского корпуса». В это учебное заведение, согласно уставу, надлежало принимать лиц только «из шляхетства», которые «обучены были грамоте». В военном заведении создавались четыре класса. Четвёртый класс считался самым «низшим» в учебном процессе, а в трёх «высших» классах (третий, второй и первый) обучение было рассчитано на 5 – 6 лет. Для каждого класса были определены свои дисциплины, которые должны были изучать кадеты этого уровня, но в то же время допускалось изучение кадетами дисциплин из «высших» классов. Такой творческий подход к обучению, как показывают документы, был в полной мере воспринят и нашим героем. Карл Христофор начал своё обучение с четвёртого класса сразу же, как только был зачислен в Кадетский корпус, т. е. с 22 марта 1742 г. Он приступил к изучению таких дисциплин как: латинского и французского языков, русской грамматики, арифметики, истории, географии, рисования и танцев. Затем 27 августа взялся за изучение немецкой орфографии [27, с. 557 – 559; 34, л. 178]. Хотя немецкий язык был для молодого юноши родным языком, но он стремился быть грамотным и в письменном изложении текста. Следует отметить, что в Кадетском корпусе предмет географии изучался в третьем классе, а история во втором классе. Так начал своё обучение в Кадетском корпусе будущий любимец императора Петра III.

Следует обратить внимание, что Барон Карл фон Унгерн-Штернберг поступил в Кадетский корпус в тот момент, когда его главным директором был генерал-фельдмаршал принц Людвиг-Иоганн-Вильгельм Гессен-Гомбургский (1704 – 1745), который руководил этим учебным заведением с 11 декабря 1741 г. по

25 марта 1745 г. Затем 26 августа 1745 г., по случаю увольнения принца Гессен-Гомбургского в отпуск для излечения болезни, главным директором был назначен генерал-фельдцейхмейстер князь Василий Никитич Репнин (1696 – 30.07.1748). Заканчивал это военно-учебное заведение Карл Христофор тогда, когда его главным директором был уже действительный тайный советник князь Борис Григорьевич Юсупов (18.07.1695 – 26.02.1759), который пробыл на этом посту с 19 февраля 1750 г. по 12 февраля 1759 г. Окончание Кадетского корпуса Карлом Христофером пришлось на 5 сентября 1751 г., которое увенчалось успехом – получением после выпуска из корпуса сразу же второго офицерского чина подпоручика, минуя при этом чин прапорщика [7, с. 76 – 77; 17, с. XVI]. Не все кадетские выпускники имели такой результат. «Устав Кадетского корпуса» от 18 ноября 1731 г. в пункте 10 отмечал, что кадеты во время учёбы должны были освоить «фундаментальное в науках» и после публичного экзамена им жаловались чины. В зависимости от успехов кадетам присваивались как унтер-офицерские чины (от капрала до фельдфебеля), так и чин прапорщика. Только знающим в науках выпускникам жаловались чины подпоручика или даже поручика [27, с. 558]. Вот почему руководство корпуса, учитывая, природную одарённость и трудолюбие Унгерн-Штернберга, приняло решение оставить его служить на месте в качестве кадетского подпоручика.

Подпоручик барон Карл фон Унгерн-Штернберг, как показывают источники, выполнял свои должностные обязанности строго в соответствии с полученными им инструкциями. Так, 17 декабря 1753 г. из канцелярии Сухопутного шляхетного корпуса был послан ордер (приказ), чтобы подпоручик барон Унгерн-Штернберг сменил капитана-поручика Дидриха-Христиана Остервальда на посту кадетского библиотекаря. 22 декабря для нового кадетского библиотекаря была составлена инструкция, состоящая из 6 пунктов (приём, хранение, приобретение новых книг, ведение документации). Инструкцию заверил подполковник Иоганн фон Зихгейм и секретарь Мирон Притчин. Во время передачи книжного фонда из рук в руки выяснилось, что некоторые книги оказались похищенными. Также обнаружилось отсутствие и библиотечных вещей на сумму 92 рубля 62 копейки. Как показывают документы, капитан-поручик Остервальд со временем рассчитался за свою недостачу [35, л. 4 – 4 об., 79].

В самом фонде корпусной библиотеки, в соответствии с каталогом 1750 г., насчитывалось 495 печатных изданий и 2 рукописи, всего 2355 томов. Тематика этих изданий была разнообразной. Преобладала художественная литература, проза (67 названий, 242 тома), поэзия (24 названия, 88 томов), и произведения для театра (9 названий, 31 том), книги по военной тематике (48 названий, 183 тома), истории (47 названий, 159 томов), географии (15 названий, 48 томов), философии (18 названий, 49 томов) и праву (54 названия, 134 тома). Имелись также труды по гражданской архитектуре, геральдике и генеалогии, гравюры, карты, чертежи, уставы, учебники, справочники и словари [48, с. 121 – 122]. Итак, назначение барона Унгерн-Штернберга на должность библиоте-

каря кадетского корпуса не было случайным. От офицера, назначенного на эту должность, требовалось, чтобы он мог свободно ориентироваться в многообразии книжного богатства кадетской библиотеки и быть одновременно образованным человеком. Все эти качества были присущи нашему герою.

Карл фон Унгерн-Штернберг, находясь на должности библиотекаря, продолжал заниматься комплектованием кадетской библиотеки. Вот один из таких примеров. 4 февраля 1755 г. капитан Василий Алексеевич Чертков, преподававший кадетам историю и географию, обратился с предложением в канцелярию Сухопутного шляхетного кадетского корпуса купить в книжной лавке Академии наук для библиотеки нужную ему в процессе преподавания книгу. Издание называлось: «Краткое руководство к древней и новой географии с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель». 14 февраля канцелярия приказала подпоручику Унгерну-Штернбергу купить три экземпляра этой книги, так нужные Черткову. Книга продавалась по цене 2 рубля 50 копеек без переплётта. Карл Христофор, после покупки книг, отнёс их к переплётчику, который по договорной цене – 45 копеек за том – покрыл книги уже кожаной обложкой [26, с. 835].

29 сентября 1756 г. подпоручик барон Карл фон Унгерн-Штернберг был произведен при корпусе в капитаны-поручики. С получением же нового чина заканчивалось его пребывание на должности кадетского библиотекаря. 10 ноября 1756 г. из канцелярии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса последовал приказ о смене кадетского библиотекаря. Новым библиотекарем стал кадетский поручик Пётр Семёнович Свищунов (1732 – 1808). Для него была составлена инструкция, состоящая из 7 пунктов. Только затем состоялся процесс передачи книжного фонда от старого к новому библиотекарю. В ходе передачи библиотечного имущества выяснилось, что, несмотря на отложенную систему выдачи книг, и других библиотечных предметов в кадетские классы, у барона Карла Христофора не было выявлено учтённых по описи некоторых книг, красок, карт и чернильниц на сумму 5 рублей 54 копейки. Эту сумму ему пришлось заплатить [36, л. 3 – 4, с. 61].

В 1759 г. князь Б. Г. Юсупов обратился с просьбой к императрице Елизавете Петровне, чтобы она позволила ему покинуть военную службу из-за болезни. Эта просьба была удовлетворена. 12 февраля 1759 г. именным императорским указом, данным Сенату, главным директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса был назначен великий князь Пётр Фёдорович [28, с. 320], будущий император Пётр III. На этом посту он находился до 14 марта 1762 г. Своим помощником великий князь выбрал Алексея Петровича Мельгунова, который ранее ещё с 16 декабря 1756 г. занимал должность директора Сухопутного кадетского корпуса.

С 1759 г. следует вести отчёт контактов великого князя с бароном Карлом фон Унгерном-Штернбергом. 15 февраля Пётр Фёдорович первый раз побывал в корпусе в качестве руководителя. На этот день была назначена официальная передача главного директорского поста из рук в руки. В два часа дня Пётр Фёдо-

рович, одетый в кадетский мундир и с большой знатной свитой, вышел на плац, где был выстроен весь корпус в полной парадной форме. Кадетским корпусом последний раз командовал князь Б. Г. Юсупов. По его команде корпус отдал честь великому князю. Затем по приказу бывшего главного директора корпуса был зачитан императорский указ о смене кадетского руководства. После официальных церемоний в покоях директора корпуса А. П. Мельгунова состоялся банкет. «Санкт-Петербургские ведомости» писали об этом банкете так: «...Его Императорское Высочество, прибыв со всеми знатными особами в покой полковника Мел[ь]гунова, соизволил всех как штаб-и обер-офицеров, так учителей и кадетов всемилостиво жаловать к руке, после чего при питии за высочайший здравия Ея Императорского Величества и Императорской фамилии из поставленных на двор оного корпуса пушек производилась пальба» [39].

Великий князь Пётр Фёдорович сумел наладить действенный контроль над своим военно-учебным заведением. По нашим подсчётам, на основании «Камер-фурьерских журналов» за 1759 – 1761 гг., наследник престола побывал с 15 февраля 1759 г. по 25 декабря 1761 г. в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе 26 раз [5, с. 107]. Между тем каждое посещение военного корпуса великим князем сопровождалось у него «обеденным кушаньем». М. И. Семёвский подметил в действиях Петра Фёдоровича такую деталь, что «обыкновенные обеды зачастую обращались в пирушки» [42, с. 592]. На обеды с великим князем приглашались штаб- и обер-офицеры корпуса, в числе которых были барон Карл фон Унгерн-Штернберг, С. В. Перфильев, М. П. Чарторижский и С. А. Порошин. Все эти офицеры со временем превратились в любимцев великого князя, и им довольно быстро стали оказываться знаки внимания от наследника. Так, уже 20 марта 1759 г. барон Унгерн-Штернберг был произведен при корпусе капитаном [17, с. VI]. 24 мая 1760 г. императрица Елизавета Петровна, также при содействии великого князя, пожаловала барону Карлу фон Унгерну-Штернбергу в пожизненное арендное содержание мызы Кокенку (Кокенку) в Лифляндии [3, с. 430]. Следует отметить, что в 1760 г. Унгерн-Штернберг служил в конной роте в чине ротмистра – это соответствовало чину капитана в пехотной роте.

Корпусный штат при великом князе увеличился. По штату 2 декабря 1760 г. численность кадетов была доведена до 490 человек, разделённых на пять рот: гренадерскую, три мушкетёрских и одну конную. Всего же в штате корпуса насчитывалось от главного директора до кадетов включительно 546 человек. Кроме того, в корпусе были и сверхштатные единицы – 79 кадетов и один поручик [31, л. 45]. Пётр Фёдорович старался вникнуть во все сферы кадетской жизни, в том числе при нём было улучшено и так вполне пристойное питание кадетов. Он хорошо понимал, что одним из залогов успеха кадетов в учёбе является их питание. Поэтому кадетская столовая была под его особым контролем.

Главный директор корпуса регулярно просматривал отчёты дежурных офицеров о состоянии кадетского рациона в столовой. Один из таких отчётов за 12 июля 1761 г. вызвал сильное недовольство у вели-

кого князя. Это был рапорт капитана-поручика Фридриха Плетца. В донесении говорилось, что за обедом в столовой унтер-офицерам и кадетам подавались следующие блюда: 1) шти с говядиной, 2) фрикасе из баранины, 3) битое мясо, 4) чернослив варёный с мёдом. К ужину: 1) шти, 2) фрикасе из баранины, 3) рагу из говядины. Между тем, из 454 русских воспитанников за обедом присутствовало 424, а за ужином только 408 человек. Напротив, из 139 немецких кадетов (выходцы из Эстляндии и Лифляндии, также детей офицеров иноземцев, находившихся в русской службе) за обедом присутствовали все, а за ужином отсутствовало только 4 воспитанника. Причину высокой явки в столовую у немецких кадетов и низкой у русских кадетов капитан-поручик Плетц объяснил следующим образом: для немцев кушанье было изготовлено «хорошее», а у русских, как в обеде, так и в ужине горох с тёшкою был с песком. Кроме того, щука под хреном – второе блюдо для русских кадетов подавалось с запахом [37, л. 2]. Надо упомянуть, что кадеты немецкого происхождения сидели особняком в столовой, где они имели свои отдельные столы. Многие же офицеры и преподаватели Сухопутного шляхетного кадетского корпуса были лицами немецкого происхождения, и они не могли не симпатизировать своим кадетам-землякам.

Великий князь коренным образом решил исправить негативное положение, имевшее место в кадетской столовой в отношении русских кадетов. По его инициативе 30 июля 1761 г. директор корпуса А. П. Мельгунов издал специальный приказ, в котором указывалось, что за качество пищи, подаваемой в кадетской столовой, отвечал майор Николай Фёдорович Ляпунов, но он допустил ситуацию, когда еда подавалась кадетам, особенно в «постные» дни, недоваренная, а рыба была «с вонючим запахом и песком». «Его Императорское Высочество изволило повелеть», чтобы отныне за качеством подаваемой пищи на стол «смотрел» и ротмистр Унгерн-Штернберг [37, л. 1]. У нас нет сомнений в том, что барон Карл фон Унгерн-Штернберг не мог не выполнить приказ, полученный от великого князя. Этот ротмистр уже тогда являлся примером для многих офицеров корпуса в деле неукоснительного выполнения своих служебных обязанностей и приказов вышестоящих лиц. Так, 15 февраля 1762 г. по Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу вышел приказ, где в пункте № 5 отмечалось: «Господину капитану Свиристину, [чтобы он] отправлял по корпусу письменные дела, как и господин, ротмистр барон Унгерн исправлял» [32, л. 121]. Заметим, что в 1762 г. барон Унгерн-Штернберг уже не служил в Сухопутном кадетском корпусе, а находился в качестве генерал-адъютанта при императоре Петре III. Но, память о его безупречной служебной деятельности продолжала жить ещё долгое время в кадетских приказах.

Возникает вопрос: почему из большого окружения наследника престола не многие могли попасть в его императорскую свиту? Научные источники показывают, что Пётр Фёдорович, назначая в свою свиту, непременно использовал такие критерии, как образованность, знание языков, прежде всего немецкого, дисциплинированность, личную преданность. Никита

Иванович Панин (1718 – 1783) в одной из бесед раскрыл причину любви императора к дворянам, знавшим в совершенстве иностранный язык, особенно немецкий, так: «Говорил он только по-немецки и хотел, чтобы все знали этот язык; по-русски он говорил редко и всегда дурно» [2, с. 364]. Для бывших воспитанников и преподавателей Сухопутного кадетского корпуса, как мы отмечали выше, иностранные языки не были проблемой. Тем не менее основным мотивом возвышения офицеров в свиту наверняка были личная преданность и хорошее исполнение распоряжений будущего государя. Запросам его, несомненно, отвечал и ротмистр Карл фон Унгерн-Штернберг.

25 декабря 1761 г. скончалась императрица Елизавета Петровна – дочь Петра Великого. На престол вступил её племянник Пётр Фёдорович. 28 декабря новый монарх пожаловал трёх своих фаворитов в генерал-адъютанты с чинами и жалованьем действительных бригадиров. Первым в списке значился капитан лейб-гвардии Преображенского полка князь И. Ф. Голицын, вторым был голштинский камергер и полковник А. В. Гудович, третьим – ротмистр Сухопутного шляхетного кадетского корпуса барон Карл фон Унгерн-Штернберг. 31 декабря были пожалованы во флигель-адъютанты с чинами подполковника (но с удвоенным жалованьем): капитан лейб-компании князь И. С. Барятинский, капитан-поручик С. В. Перфильев, поручики Кадетского корпуса М. П. Чарторижский и С. А. Порошин [29].

В «Записках о Петре III» Якоба Штелина (1709 – 1785) читаем: «Каждое утро он вставал в семь часов и во время одевания отдавал генерал- и флигель-адъютантам свои повеления на целый день» [50, с. 97]. В обязанности адъютантов входило дежурство при императоре во дворце или вне дворца, участие в каждодневных пирушках в обед и вечером, а также выполнение специальных поручений императора. Одно из таких поручений, касающихся деятельности Военной комиссии, монарх возложил на Карла фон Унгерна-Штернберга. Так, именным указом от 6 марта 1762 г. была учреждена Военная комиссия для приведения в лучшее состояние армии. Во главе Комиссии стоял Пётр III, членами являлись: генерал-фельдмаршал принц Георг-Людвиг Шлезвиг-Голштинский, генерал-фельдмаршал князь Н. Ю. Трубецкой, генерал-фельдмаршал принц Пётр-Август-Фридрих Голштейн-Бекский, генерал-фельдцейхмейстер А. Н. Вильбоа, генерал-прокурор и генерал-кригс-комиссар А. И. Глебов, генерал-поручик А. П. Мельгунов, генерал-адъютант барон Унгерн-Штернберг [28].

Из императорской свиты два генерал-адъютанта: барон Карл Унгерн-Штернберг и князь И. Ф. Голицын были знакомы с секретными указами русского двора. Это касалось содержания секретного узника – Ивана VI Антоновича (1740 – 1764). Как известно, младенец-император правил страной только номинально (фактическая же власть была первоначально в руках регента Бирона, а после его свержения государством управляла мать младенца – Анна Леопольдовна) – один год, один месяц и восемь дней. 25 ноября 1741 г. император Иван VI был свергнут с престола Елизаветой Петровной, став отныне секретным узником. Арестанта в 1756 г., после длительных перемещений по

России, перевели для большей надёжности в Шлиссельбургскую крепость. С восхождением на престол Петра III содержание узника осталось прежним, смеялся лишь начальник охраны. Прежний капитан Овцын был уволен. Начальником же охраны стал капитан Преображенского полка князь Чюрмантеев. В секретном указе монарха на имя князя Чюрмантеева от 1 января 1762 г. говорилось следующее: «Буде ж сверх нашего чаяния, кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться, сколько можно и арестанта живаго в руки не отдавать» [20, с. 211].

Вскоре капитан Чюрмантеев получил от начальника Тайной канцелярии А. И. Шувалова новый императорский указ от 11 января 1762 г. с надписью «секретнейший» следующего содержания: «Принятого арестанта от капитана Овцына содержать так, как указ наш и инструкция от нашего генерал-фельдмаршала графа Шувалова предписывают, и без нашего указа того арестанта никуда не перевозить и никому не отдавать, а когда соизволение наше будет в какое другое место арестанта перевезти, тогда прислан будет наш генерал-адъютант князь Голицын или генерал же адъютант барон фон Унгерн с именным указом за подписанием собственной нашей руки, а кроме оных, хотя б кто и с именным указом за подписанием собственной руки нашей приехал и стал требовать арестанта, тому не верить и задержать под караулом, писать, для донесения нам, к нашему генерал-фельдмаршалу графу Шувалову» [20, с. 212].

22 марта 1762 г. Чюрмантеев получил очередной императорский указ: «К колоднику, содержащемуся у вас под караулом, имеете тотчас допустить нашего генерал-адъютанта барона Унгерна и с ним капитана Овцына, а потом всех тех, которых помянутый барон Унгерн пропустить прикажет» [20, с. 213]. В этот день барон Унгерн-Штернберг побывал в Шлиссельбургской крепости, а среди сопровождавших его лиц инкогнито находился и сам император. Последний визит барона Унгерна-Штернберга в Шлиссельбургскую крепость состоялся 1 апреля 1762 г. Он передал секретному узнику подарки от императора: шлафрок (халат), рубашки, чулки, колпаки, платки и туфли [20, с. 217]. На этом закончилась секретная миссия барона Карла фон Унгерна-Штернберга в деле выполнения монарших поручений в отношении Ивана Антоновича.

Такая служебная деятельность генерал-адъютанта Карла фон Унгерна-Штернберга поощрялась материально со стороны монарха. Так, 26 марта 1762 г. император подписал указ об отдаче вдове, баронессе Гедвиге-Элеоноре Унгерн-Штернберг с детьми, в арендное содержание на 40 лет коронной мызы Руйен-Гросгоф в Лифляндии. Затем 26 июня последовал новый именной указ «об избавлении от всяких сбров, в течение трех лет, земель в Лифляндии, отданых в арендное содержание генерал-адъютанту барону Унгарну и матери его» [3, с. 494, 511].

18 мая 1762 г. при дворе был создан императорский Совет, куда помимо самого монарха вошли ещё девять приближённых к нему лиц. Одной из главных задач императорского Совета была подготовка к войне с Данией из-за Шлезвига. Пётр Фёдорович мечтал возвратить эту территорию Голштинии, отнятую у неё в ходе Северной войны. Напомним, что государь яв-

лялся герцогом Голштинским с 1739 г. Российская армия получила приказ готовиться к датскому походу. В этой кампании решил участвовать и сам император, намереваясь стать во главе русской армии. Пётр III собирался взять в этот поход и всю свою императорскую свиту. 27 июня тайный секретарь Д. В. Волков объявил на заседании императорского Совета о том, что монарх «пожаловал своих генерал- и флигель-адъютантов не в зачёт по их окладам полным третным жалованием» (т. е. дополнительно выплатить за четыре месяца), а также приказал выдать им денежное содержание за три месяца вперёд для участия в датском походе [23, с. 262]. Согласно свидетельству датского дипломата Андреаса Шумахера (1726 – 1790) Пётр III собирался выступить из Петербурга в поход против Дании 10 июля 1762 г. [11, с. 325]. Однако планам императора не суждено было сбыться.

29 июня 1762 г. Пётр III намеревался праздновать своё тезоименитство в Петергофе. 28 июня, накануне торжества, он со своей свитой, состоящей из лиц первых пяти классов, отправился из Ораниенбаума в Петергоф, где должен был состояться большой обед в Монплезире у Екатерины. По прибытии в два часа на место государь узнал, что императрица ещё рано утром покинула дворец и уехала в столицу, где и произошёл переворот в её пользу. Ответные меры Пётр III предпринял против Екатерины только в 4 часа вечера. Современник тех событий Якоб Штелин писал об этом так: «Граф Роман Илларионович (Воронцов) и Волков диктуют и пишут именные указы, и государь подписывает их на поручне канального шлюза. Адъютанты отправляются с этими указами в разные полки и команды» [11, с. 341]. У нас же нет данных о том, какое конкретное поручение императора выполнял его генерал-адъютант Карл фон Унгерн-Штернберг. В этот день они уже больше не встречались.

Только около 10 часов вечера император дал согласие, чтобы он и его свита переехали в более надёжное место – в морскую крепость Кронштадт. Но укрыться в крепости им не удалось, так как гарнизон Кронштадта принял уже новую присягу на верность императрице Екатерине II. Императорская галера вынуждена была повернуть в Ораниенбаум, куда прибыла к 3 часам утра, а яхта ушла в Петергоф. Существует список тех лиц, кто ездил с императором на галере и яхте в Кронштадт, но среди присутствующих в списке имён не значился генерал-адъютант Унгерн-Штернберг. На императорской галере было всего 29 человек, включая и Петра III. Среди присутствующих лиц на галере находились: генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних, графиня Е. Р. Воронцова, тайный секретарь Д. В. Волков, два генерал-адъютанта императора – И. Ф. Голицын и А. В. Гудович [11, с. 346 – 347]. Генерал-адъютант императора Карл фон Унгерн-Штернберг, как, однако показывают источники, тоже находился в Ораниенбауме 29 июня 1762 г.

Утром 29 июня в Ораниенбауме Пётр III устроил своё последнее совещание по вопросу: «На каких условиях ему следует капитулировать перед Екатериной II?» Против сдачи императрице высказался лишь один генерал-фельдмаршал Миних. У самого же императора всецело отсутствовали мужество и отвага, чтобы попытаться отстоять свои законные права на престол.

Шумахер о ситуации данного дня писал: «Тогда этот несчастный государь отправил с вице-канцлером князем Голицыным письмо к императрице, в котором он просил её лишь позволить ему уехать в Голштинию. Но вскоре затем он сочинил и второе письмо, ещё более унизительное. Он отказывался полностью от своих прав на российский престол и на власть. Он работало молил сохранить ему жизнь и единственное, что выговаривал себе помимо того, – это право взять с собой в Голштинию любовницу Елизавету Воронцову и фаворита Гудовича. Это послание он переслал с генерал-майором Михайлой Измайловым» [11, с. 313, 314].

В 11 часов утра в Петергоф прибыла Екатерина II вместе с мятежными войсками. Тотчас по приезду императрицы Г. Г. Орлов и генерал-майор М. Л. Измайлов были отправлены в Ораниенбаум за Петром III. В 1-м часу дня они привезли его в Петергоф в карете, в которой сидели также императорская фаворитка и генерал-адъютант А. В. Гудович. Здесь они были разлучены и арестованы. Вечером поверженного монарха отвезли в загородный дворец в Ропшу, где 3 июля 1762 г. он и нашёл свою смерть.

В 4 часа вечера 29 июня 1762 г., исполняя поручение императрицы Екатерины II, в Ораниенбаум прибыл генерал-поручик В. И. Суворов с отрядом гусар и конной гвардии. Он произвёл аресты голштинских войск и сторонников бывшего императора. Среди арестованных лиц был и тайный секретарь Д. В. Волков. Позднее, 10 июля 1762 г., Волков в письме к Г. Г. Орлову о своём аресте писал так: «Тут мой арест и совершенное несчастье были решены, но чудесным образом весь тот день прокурил у меня табак барон Унгарн; и так он меня оправдал» [10, стб. 341; 41, с. 422]. В «Записке Я. Штелина о последних днях царствования Петра III» показана дальнейшая судьба арестованных офицеров в Ораниенбауме: «30-го числа в 3 часа пополудни. Василий Иванович Суворов делает общую перекличку всем офицерам и нижним чинам. Из них русские, малороссияне, лифляндцы и прочие здешние ранжируются на одну сторону и приводятся к присяге в дворцовой церкви, а голштинцев и других иноземцев ведут к каналу, сажают там на суда и перевозят в Кронштадт» [11, с. 345].

Скорее всего, в Ораниенбауме барон Карл фон Унгерн-Штернберг, как и другие офицеры, принял со всеми присягу на верность императрице Екатерине II. На это у бывшего любимца императора имелось полное моральное право, так как в правление Петра III он был верен монарху до последних дней его царствования. С приходом же к власти Екатерины II наш герой пожелал удалиться от двора, но в то же время оставил за собой право продолжить свою карьеру уже на военном поприще.

В царствование Екатерины II барон Карл фон Унгерн-Штернберг стал служить в артиллерийском корпусе в чине полковника. Хотя ещё 28 декабря 1761 г., как мы уже отмечали, Пётр III пожаловал своего любимца в свои генерал-адъютанты с чином бригадира армейской пехоты. Чин полковника артиллерии и чин бригадира пехоты были тождественны, что соответствовало военному чину V класса по «Табели о рангах». Только 22 сентября 1764 г., в третью годовщину ко-

ронации Екатерины II, Унгерн-Штернберг был пожалован императрицей из полковников в генерал-майоры [40]. Наш герой, получив генеральский чин, стал называться в официальном справочнике того периода – в «Адрес-календаре» за 1765 г. уже на русский манер: «В Артиллерийском корпусе генерал-майор – барон Карл Карлович фон Унгерн» [1, с. 41].

Унгерн-Штернберг был участником 1-й русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг., начав там службу в чине генерал-майора полевой артиллерии 1-й армии, командующим которой первоначально и на тот момент являлся генерал-аншеф князь А. М. Голицын. Однако рескриптом от 13 августа 1769 г. Екатерина II отстранила А. М. Голицына от занимаемого поста, назначив на его место генерал-аншефа графа П. А. Румянцева. На 14 августа 1769 г. в подчинении генерал-майора К. К. Унгерна-Штернберга имелось 2,7 тысяч человек при 100 орудиях и 10 малых единорогов – орудий типа гаубиц, что говорит об огромном к нему доверии со стороны власти того времени. Унгерн-Штернберг участвовал также в знаменитых победах графа П. А. Румянцева в 1770 г. В сражении в районе реки Ларги 7 июля Румянцев разбил крымского хана Каплан-Гирея и трёх турецких пашей – Абаза, Абди и Измаила. Румянцев в своей реляции от 12 июля 1770 г. так сообщал Екатерине II о действиях артиллерии в битве при Ларге: «Полевая артиллерия, где была употреблена, везде успехи приобретала в самой скорости. Я должен спрашивать в том отдать оно распоряжающим генералам Унгерну и Мелиссино, которые и сами при устройстве батарей довольно трудились» [24, с. 123 – 124, 337]. 21 июля в районе реки Кагул П. А. Румянцев на нёс поражение другой турецкой армии, во главе которой стоял великий визирь Халил-бей. К. К. фон Унгерн-Штернберг принимал тоже активное участие в этом сражении. За победу при Кагуле П. А. Румянцев был пожалован Екатериной II в чин генерал-фельдмаршала, а генерал-майор артиллерии Унгерн-Штернберг был удостоен императрицей орденом Святой Анны [24, с. 376 – 377].

В XVIII в. военные кампании носили сезонный характер, а боевые действия прекращались на всю зиму. Такая тактика ведения войны объяснялась бездорожьем для этого времени года. Войска же отводились в тыл на зимние квартиры. Так в зимний период 1770 – 1771 гг. генерал-майор Унгерн-Штернберг с полевой артиллерией из 64 орудий со служителями стоял в главной квартире Яссах [24, с. 409]. Но, несмотря на это, генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев высоко ценил военный талант и храбрость Унгерна-Штернберга, способствовал его росту и продвижению по службе.

28 апреля 1772 г. фельдмаршал одобрил военный план с названием: «Расписание русской армии и указания П. А. Румянцева командирам корпусов на кампанию 1772 г.». В этом документе генерал-майор Унгерн-Штернберг показан как уже командир первой бригады, куда вошли следующие воинские части: 1-й Гренадерский полк, Куринский пехотный полк и батальон гренадер из рот Тобольского и Елецкого полков. В 1773 г. Карл Карлович становится командиром корпуса, а произошло это в ходе следующих событий. 22 июня 1773 г. у деревни Кучук-Кайнарджи

был разбит турецкий корпус сераскира Нуман-паша. Корпус русского генерал-майора барона О.-А. Вейсмана разбил турок, но сам генерал в ходе сражения был убит. Генерал-поручик барон К. К. фон Унгерн-Штернберг получил начальство над корпусом бывшего Вейсмана [15, с. 505; 24, с. 528, 636].

Екатерина II требовала от П. А. Румянцева, чтобы план кампании на 1773 г. включал в себя перенесение военных действий на правый берег Дуная, наступление на Шумлу, где следовало разбить главную армию турецкого визиря. В октябре Румянцев отправил корпуса генерал-поручиков барона К. К. фон Унгерна-Штернберга и князя Ю. В. Долгорукова за Дунай в направлении на Карасу и Базарджик. 15 октября эти два корпуса соединились у Карамурата, а ещё через два дня заняли Карасу. В этом сражении потери турок составили до 1500 убитыми и 772 человека пленными. Кроме того у неприятеля было взято 11 пушек и 18 знамён. 23 октября русские корпуса почти без потерь овладели турецкой крепостью Базарджик. Русские получили всю неприятельскую артиллерию в количестве 23 орудий. За Базарджик Унгерн-Штернберг был пожалован орденом Святого Александра Невского. Румянцев, окрылённый успехами побед корпусов Унгерна-Штернберга и Долгорукова, отдал им приказ продолжить наступление на их усмотрение на Шумлу и на Варну, но данная операция не получила завершения. Генералы-поручики, не прияя ни к какому соглашению, двинулись от Базарджика в разные стороны, Унгерн-Штернберг на Варну, а Долгоруков к Шумле. 30 октября генерал-поручик Унгерн-Штернберг пытался захватить Варну, но был отбит турками, потеряв 211 человек. Узнав о неудаче Унгерна-Штернберга под Варной, Долгоруков повернулся назад от Шумлы. Русские корпуса вновь отошли на левый берег Дуная [12, с. 162; 24, с. 675 – 678, 682 – 683; 19, с. 148 – 149]. 10 июля 1774 г. был подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор. Война завершилась победой русского оружия и выгодными условиями мирного договора. В Петербурге в августе по этому случаю прошли публичные торжества. После окончания русско-турецкой войны Унгерн-Штернберг оставил военную службу, но на этом его карьера не закончилась.

С 12 сентября 1774 г. по 25 июля 1779 г. генерал-поручик барон К. К. фон Унгерн-Штернберг стал гражданским губернатором Санкт-Петербурга. Он сменил на этом посту ушедшего в отставку генерал-поручика С. В. Перфильева. Следует сказать, что Екатерина II непосредственно выбирала на высшие административные должности известных ей людей, которые сумели уже проявить свои незаурядные способности. На новом месте Карл Карлович теперь руководствовался екатерининским указом от 21 апреля 1764 г., известным под именем «Наставление губернаторам». В статье I этого указа говорилось: «Губернатор, как поверенная от Нас особа и как глава и хозяин всей врученной в смотрение его губернии, состоять имеет под собственным Нашим и Сената ведением, почему и указы только от Нас и Сената Нашего приемлет» [14, с. 338]. Под председательством губернатора действовало санкт-петербургское губернскоеправление. Кроме того, барон К. К. фон Унгерн-

Штернберг имел в своём распоряжении ещё двух товарищ губернатора (вице-губернаторов), которые достались ему ещё от Перфильева. 1-м товарищ губернатора был полковник Я. И. Сукин и на этом посту он оставался до 9 августа 1778 г. Затем его сменил (19.07.1779 г.) бригадир Ф. А. Суворов. 2-м товарищ губернатора был бригадир С. Ф. Дуров [8, с. 250 – 251, 254 – 255].

Унгерн-Штернберг был «хозяином» под № 1 в санкт-петербургской губернии весь 1774 г., но в следующем году он временно переместился на 2-й план. Вот как это случилось. Екатерина II решила пышно отметить Кучук-Кайнарджийский мирный договор со своими подданными также и в Москве. Торжества намечались на июль 1775 г. Указом от 21 декабря 1774 г., на время своего отъезда из Петербурга, государыня возложила управление столицей на генерал-фельдмаршала князя А. М. Голицына. Следует отметить, что в тот период военный чин генерал-фельдмаршала приравнивался к должности генерал-губернатора и был по статусу выше, нежели чин гражданского губернатора, который занимал Унгерн-Штернберг.

8 января 1775 г. Екатерина II уехала в Москву вместе со своим двором, где пробыла одиннадцать с половиной месяцев, а вернулась в столицу только 26 декабря [25, с. 546, 550, 555]. Несмотря на назначение Голицына, тем не менее государыня из Москвы посыпала свои указы санкт-петербургскому губернатору. Так, Екатерина II указом от 1 мая 1775 г. потребовала от барона Унгерна-Штернберга, чтобы он организовал очистку фарватера реки Невы от подводных камней в районе деревень Петрушино и Святки. В то же время губернатор совместно с адмиралтейской коллегией должен был поставить немедленно знаки на реке, чтобы суда и плоты «путь свой держали по тем выставленным знакам» [46, с. 615 – 616].

Указом от 7 ноября 1775 г. были утверждены «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Теперь в каждой губернии новым учреждением являлся приказ общественного призрения, руководивший делами просвещения (школы), здравоохранения (больницы) и благотворительности (приюты, богадельни). В Петербурге, согласно закону, первым председателем приказа общественного призрения стал губернатор Карл Карлович Унгерн-Штернберг. В 1775 г. приказ общественного призрения построил при Смольном монастыре первую общиногородскую богадельню, а в 1777 г. на Московской стороне было открыто народное начальное училище [12, с. 162; 14, с. 380, 445 – 446].

Весьма любопытным и довольно важным фактом биографии Унгерн-Штернберга является его взаимодействие как губернатора столицы с вольными каменщиками (масонами). Ещё в начале 1770-х гг. в российском масонстве формируются два основных течения: «елагинская» и «крайхелевская» системы. Первый масонский союз основал сенатор И. П. Елагин (1725 – 1793), который пользовался доверием государыни. Он вступил в масонство ещё в 1750 г. Елагин, в рассматриваемые годы получил патент от Великой Ложи Англии на создание масонского союза в России, получившего название «Первого елагинского

союза». Работа в ложах должна была вестись в семи степенях по йоркской или новоанглийской системе, но на практике применялись лишь первые три степени: ученик, подмастерье и мастер. Этот масонский союз оказался полностью под влиянием Англии [21, с. 139 – 140].

Новый масонский союз создал немецкий офицер на русской службе барон П. Б. Рейхель (1729 – 1791). Он был приверженцем одной из немецких масонских систем – «шведско-берлинской» системы Циннендорфа, известной также под названием «слабого наблюдения». Масонские ложи этой системы работали в России в семи степенях и находились под сильным влиянием зарубежного центра «Великой Земской ложи всех каменщиков Германии». После недолгого соперничества 3 сентября 1776 г. ложи обеих систем соединились в Великую Английскую (Провинциальную) ложу под управлением И. П. Елагина, как великого провинциального мастера. В ходе объединения было признано главенство «циннендорфской» системы в масонских ложах. В общем, под юрисдикцию немецкого масонства попало в России, по разным данным, от 18 до 20 лож [21, с. 91, с. 144 – 146; 6, с. 356]. Этот объединенный союз просуществовал до своего роспуска в 1784 г.

Екатерина II к масонским ложам первоначально относилась благосклонно. Когда же был создан объединённый союз во главе с И. П. Елагиным, то императрица желала иметь своего представителя в этом масонском ордене, чтобы с его помощью контролировать ситуацию изнутри и в её интересах. Выбор государыни пал на санкт-петербургского губернатора Унгерна-Штернберга, как уже зарекомендовавшего себя надёжным исполнителем. В свою очередь сами столичные масоны искали себе покровителя из высших лиц верховной власти. Прежний благодетель вольных каменщиков – гражданский губернатор С. В. Перфильев был отправлен в отставку ещё в 1774 г. Вот почему в сентябре 1776 г. Унгерн-Штернберг был сразу возведён в шотландские мастера – 5-я степень посвящения в масонстве, войдя в Великую Английскую (Провинциальную) ложу Петербурга. Собрания ложи проходили каждую четверть года в собственном доме И. П. Елагина на Елагинском острове, а съезжались на заседания все мастера лож [44, с. 959 – 960]. Дальнейшие события показали, что Унгерн-Штернберг на масонском поприще не оправдал надежды императрицы и поплатился за это своей карьерой.

Некоторая часть петербургских вольных каменщиков естественно считали, что «истинное» масонство содержится в высших степенях, поэтому их взоры обратились к Швеции. У них была уверенность, что именно масоны этой страны окажут русским братьям нужное содействие в получении данных степеней. В самой же шведской системе масонства было 10 степеней посвящения. Для этой цели они воспользовались пребыванием в Стокгольме князя А. Б. Куракина (1752 – 1818). Брат шведского короля герцог Карл Зюдерманландский, занимавший тогда второе место в иерархии шведской системы «строгого наблюдения», посвятил князя Куракина в высшие масонские степени. При этом была договорённость, что князь будет гроссмейстером русской провинциальной ложи с пра-

вом передать своё звание князю Г. П. Гагарину и с подчинением этой ложи шведскому ордену. Весной 1777 г. в Санкт-Петербург возвратился князь Куракин. Барон К. К. фон Унгерн-Штернберг был один из первых масонов, кому Куракин сообщил о «высших степенях шведской системы» [4, с. 31 – 32; 30, с. 576]. Данная встреча достаточно красноречиво свидетельствует о том, что санкт-петербургский губернатор также поддержал инициативу князя Куракина о развертывания шведской масонской структуры на невских берегах.

Как утверждают различные источники, шведская масонская система окончательно утвердилась в России к 1780 г. Многие из лож, работавших прежде под управлением И. П. Елагина, обратились затем к шведской системе. В 1778 г. в Петербурге был основан капитул «Феникса». О существовании этой структуры в системе «строгого наблюдения» знали лишь «избранные» братья. Здесь должность великого префекта занимал князь Г. П. Гагарин, хотя первоначально планировалось, что эту должность займёт Елагин, но в последний момент он от этого поста отказался и на него Гагарин выдвинул стокгольмский капитул. Петербургским капитулом, в свою очередь, тайно руководила дирекция, состоящая уже из рядов «избранных» братьев, имевших не менее 7 степеней посвящения. Руководил этой масонской структурой также князь Г. П. Гагарин. Дирекция имела постоянную переписку с заграничным центром в Стокгольме, во главе которого стоял герцог Зюдерманландский. Он 9 мая 1780 г. подписал «Инструкцию» для российской дирекции по управлению подчинёнными ей ложами [45, с. 9 – 21].

Для непосвящённых братьев в высшие степени капитул «Феникса» был известен под именем «Великая национальная ложа». Уже 25 мая 1779 г. состоялось её торжественное открытие в Петербурге, где Великим национальным мастером был Г. П. Гагарин. Дирекция же была известна братьям-масонам под наименованием Совета Великой национальной ложи. Санкт-петербургский гражданский губернатор Унгерн-Штернберг, как мы уже отмечали, поддержал шведскую систему «строгого наблюдения», а о тайных структурах этой системы он не был осведомлён. Он был безупречным исполнителем на своём посту, но в отношении проникновения шведского масонства в столицу проявил свою должностную беспечность, так как не знал истинных целей данного проникновения. Сам он в какой-то момент увлёкся масонством, то ли в силу желания получить высшие степени, то ли руководствуясь намерениями осуществления через масонские структуры благотворительности в ещё больших размерах.

Какие цели преследовали руководители шведского ордена в России? Во-первых, они хотели поставить под свой контроль все российские ложи, а масонских братьев превратить, как бы сейчас сказали, в иностранных агентов своего влияния, так как в шведской системе «строгого наблюдения» использовалась практика беспрекословного подчинения братьев вышестоящим инстанциям. Центр этой масонской системы находился в Стокгольме. Во-вторых, руководители Швеции пытались пересмотреть свой geopolитиче-

ский статус-кво, сложившийся на Севере Европы с Россией после окончания Северной войны. Шведский двор на протяжении всего XVIII столетия делал такие попытки. В годы правления Екатерины II шведские руководители в решении своей геополитической стратегии решили использовать и масонские структуры, созданные ими на территории российской империи. Очередная попытка пересмотреть итоги Ништадтского мирного договора была предпринята Швецией в ходе русско-шведской войны 1788 – 1790 гг.

Екатерину II насторожило расширение лож шведской системы в России. Их было уже шесть только в одной столице. В 1779 г. исполняющий обязанности петербургского обер-полицеймейстера П. В. Лопухин по приказанию начальства – генерал-полицеймейстера Д. В. Волкова два раза был в Гагаринских ложах, как тогда назывались ложи шведской системы, «для узнания и донесения Ее Величеству о переписке их с герцогом Зюдерманландским» [44, с. 12]. Участь петербургского покровителя масонов была решена императрицей, так как Унгерн-Штернберг проявил свою несостоительность в этом вопросе. В июле 1779 г. барон К. К. Унгерн-Штернберг был отправлен в отставку. На пост санкт-петербургского гражданского губернатора был назначен Д. В. Волков. Затем Екатерина II приказала И. П. Елагину закрыть ложи Гагарина. Работы Великой национальной ложи шведской системы были приостановлены. Однако тайные же действия капитула «Феникса» продолжились, причём капитул разделился на петербургское и московское отделение. Кроме того, императрица под благовидным предлогом вынуждала из северной столицы Великого национального мастера Г. П. Гагарина, назначив его 26 ноября 1781 г. обер-прокурором шестого департамента Сената в Москве [21, с. 152; 45, с. 24]. Шведское масонство в Санкт-Петербурге стало приходить в упадок.

После своей отставки барон Унгерн-Штернберг продолжал заниматься масонской деятельностью. Теперь он был членом масонской ложи «Северная Звезда» в Вологде. Хотя ложа была основана в апреле 1783 г., но её официальное открытие состоялось лишь 15 сентября. Данная ложа работала под руководством московской ложи-матери (т. е. имела право открывать новые ложи) «Трёх знамён», где мастером стула был П. А. Татищев. Эти ложи принадлежали к одной из ветвей немецкого масонства – к системе розенкрейцеров. Центр ордена розенкрейцеров находился в Берлине во главе с наследником прусского престола, ставшим затем королём Фридрихом Вильгельмом II (1786 – 1797). В России за 1783 – 1786 гг. действовала 21 розенкрейцерская ложа, а центром этой масонской системы являлась Москва. Екатерина II негативно отнеслась и к ордену розенкрейцеров. Со стороны правительства начались гонения на них. Уже в 1786 г. масонские ложи этой системы перестали собираться за исключением 8 тайных лож, имеющих высшие масонские степени [44, с. 946 – 947; 6, с. 106, 125, 375].

Елагин резко критиковал орден розенкрейцеров. Вскоре, в 1786 г., он образовал в Петербурге «Второй елагинский союз», который просуществовал до 1793 г. В новый союз входило до 22 масонских лож. К участию в этом союзе был привлечен и барон

К. К. фон Унгерн-Штернберг, который работал в двух ложах столицы. В ложе «Скромности» в 1786 – 1787 гг. он числился как брат, имевший 6 степень посвящения – «Рыцаря высокой философии», а также являлся членом ложи «Конкордии» [6, с. 94, 98 – 100; 44, с. 967]. Итак, как мы видим, барон Унгерн-Штернберг после своей отставки принимал участие в работе масонских лож двух систем, которые ориентировались на Германию и Англию, но сам он в политике не был активным.

6 ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина II. На престол вступил её сын Павел I. Уже 12 ноября новый государь пожаловал барона К. К. фон Унгерн-Штернберга в генерал-аншефы (т. е. в чин полного генерала) в благодарность за верность императору Петру III. Вскоре в воинских уставах от 29 ноября 1796 г. звание генерал-аншефа было заменено званиями по родам войск. С этого времени генерал-аншеф барон Унгерн-Штернберг стал именоваться генералом от инфантерии (генерал от пехоты). 13 ноября император Павел I впервые пригласил барона Унгерн-Штернберга на обед во дворец [16, с. 407; 18, с. 777]. Такие посещения стали для бывшего генерал-адъютанта Петра III частыми и желанными.

Взойдя на престол, Павел I решил перезахоронить прах императора Петра III. Барон Унгерн-Штернберг узнав об этом, был явно удивлён таким решением, но, встретившись с государём, тотчас согласился с его доводами по этому случаю. Стоит здесь напомнить, что по воле Екатерины II Петру III покоялся не в общей усыпальнице российских императоров в Петропавловском соборе, а в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Здесь он был захоронен ещё 10 июля 1762 г. Перезахоронение Петра III в Петропавловский собор должно было сопровождаться оказанием его бренным останкам всех положенных по этому случаю царских почестей, а также совместить всё это с похоронами самой Екатерины II. По мнению дореволюционного историка Н. К. Шильдера, уже 8 ноября 1796 г. Павел I приказал вынуть гроб с останками Петра III из могилы и поставить его посреди Благовещенской церкви. По другим общепринятым данным, это произошло только 19 ноября. В этот же день бренные останки Петра III переложили в новый гроб. 25 ноября Павел I торжественно возложил на гроб Петра III императорскую корону. 2 декабря гроб с прахом Петра III торжественно перевезли в Зимний дворец, где он был поставлен на катафалке рядом с гробом Екатерины II. А ещё через три дня оба гроба перевезли в Петропавловский собор, где на две недели были выставлены для всеобщего поклонения, и, наконец, 18 декабря были преданы земле [49, с. 248 – 251, 254 – 255].

Барон Унгерн-Штернберг сам принимал непосредственное участие в траурном ритуале по перезахоронению праха Петра III. Так, при гробе, начиная с 19 ноября, происходило чтение Святого Евангелия и было учреждено дежурство из лиц первых четырёх классов. Поскольку барон Унгерн-Штернберг имел чин II класса «Табеля о рангах», постелью Павел I возложил на Карла Карловича несение дежурства возле тела своего отца, предписав ему приготовить для траурных церемоний тот мундир, который он носил во времена Петра

III. Современник тех событий француз Шарль Массон сообщает следующие подробности о нашем герое: «Унгерну посчастливилось отыскать подобную форму у одного из своих старых знакомых. Павел пожелал оставить в своём владении эту реликвию гардероба, которая обеспечила благосостояние того, кто её так хорошо сохранил» [22, с. 83].

Однако время брало своё. В 1797 г. скончался барон К. К. фон Унгерн-Штернберг. В приказах по Венному ведомству от 4 сентября 1797 г. сказано:

Литература

1. Адрес-календарь Российской на лето от рождества Христово 1765. Показывающий о всех чинах и приставенных местах в государстве, и то при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., 1765. 131 с.
2. Ассебург А. Ф. Записка о воцарении Екатерины Второй // Русский архив. 1879. Кн. I. С. 363 – 369.
3. Баранов П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век. СПб., 1878. 513 с.
4. Ведьмин О. П. Масоны в России. 1730 – 1825 гг. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1998. 212 с.
5. Ведьмин О. П. Печальная карьера вундеркинда: превратности судьбы флигель-адъютанта Петра Фёдоровича // Родина. 2009. № 2. С. 107 – 109.
6. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во имени Н. И. Новикова, 1999. 575 с.
7. Висковатов А. В. Краткая история Первого Кадетского корпуса. СПб., 1832. 113 с.
8. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917. М.: Объединённая редакция МВД России, 2003. 480 с.
9. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века: дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.: Изд-во Академии наук, 1936. 239 с.
10. Два письма Д. В. Волкова к Г. Г. Орлову // Русский архив. 1874. Кн. II. Стб. 336 – 346.
11. Дворцовые перевороты в России 1725 – 1825 / сост., вступ. ст., коммент. М. А. Бойцова. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 640 с.
12. Дlugоленский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга-Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальник. СПб., Журнал «Нева», 2001. 416 с.
13. Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. III. 523 с.
14. Законодательство Екатерины II. М.: Юрид. лит., 2000. Т. I. 1056 с.
15. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова, 1740 – 1830 // Русская старина. 1889. Кн. IX. С. 481 – 517.
16. Иванов О. А. Екатерина II и Пётр III. История трагического конфликта. М.: Центрполиграф, 2007. 735 с.
17. Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-обер-офицерам и кадетам с показанием кто из оных, с какими удостоинствами, в какие чины выпущены и в каких чинах ныне. СПб., 1761. Ч. I. 274 с.
18. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896. 892 с.
19. Клокман Ю. Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 207 с.
20. Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М.: Прометей, 1993. 416 с.
21. Масонство в его прошлом и настоящем. М.: ИКПА, 1991. Т. I. 255 с.
22. Массон Ш. Секретные записки о России. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
23. Наумов В. П. Совет при Петре III // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 257 – 267.
24. П. А. Румянцев / под ред. П. К. Фортунатова. М.: Воениздат, 1953. Т. II. 864 с.
25. Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введение в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703 – 1782. М.: Центрполиграф, 2004. 782 с.
26. Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Мол. гвардия, 2003. 873 с.
27. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗРИ). Первая серия. СПб., 1830. Т. VIII. 1018 с.
28. ПСЗРИ. Первая серия. СПб., 1830. Т. XV. 1052 с.
29. Прибавление к № 1 Санкт-Петербургских ведомостей. 1762. 1 янв.
30. Пыпин А. Н. Русское масонство до Новикова // Вестник Европы. 1868. Кн. VI. С. 546 – 589.
31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. I. Д. 74.
32. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. I. Д. 9.
33. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 444.

«Умерший генерал от инfanterии Унгерн из списков исключается» [12, с. 163]. Карл Карлович, как и его родные братья, не были женаты. Павел I именным указом от 27 октября 1797 г. повелел Сенату «отдать лежащую в Перновском уезде казённую мызу Кокенкау, бывшую на аренде у генерала от инfanterии барона Унгерн-Штернберга и по смерти его сделавшуюся теперь вакантною» Дерптскому обществу благородных девиц [43, с. 304].

34. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 1657.
35. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 2563.
36. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 2791.
37. РГВИА. Ф. 314. Оп. I. Д. 3095.
38. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 46. Д. 2149.
39. Санкт-Петербургские ведомости. 1759. 19 февр.
40. Санкт-Петербургские ведомости. 1764. 1 окт.
41. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1876. Т. 18. 518 с.
42. Семевский М. И. Шесть месяцев из русской истории. Очерк царствования императора Петра III. 1761 – 1762 гг. // Отечественные записки. 1867. Кн. 8. С. 589 – 613.
43. Сенатский архив. СПб., 1888. Т. I. 746 с.
44. Серков А. И. Русское масонство. 1731 – 2000 гг.: энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.
45. Соколовская Т. О. Капитул Феникса: Высшее тайное масонское правление в России (1778 – 1822 гг.). М.: Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2000. 120 с.
46. Указ Екатерины II об очистке Невы. 1 мая 1775 г. // Русская старина. 1874. Кн. VII. С. 615 – 616.
47. Федорченко В. И. Свиты российских императоров. М.: АСТ; Красноярск: Издательские проекты, 2005. Кн. 2. 533 с.
48. Хотеев П. И. Библиотека Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в середине XVIII в. (количественные данные) // Книга в России XVI – середина XIX в.: материалы исследования; сб. науч. тр. Ленинград: БАН СССР, 1990. С. 119 – 126.
49. Шильдер Н. К. Император Павел I: историко-библиографический очерк. М.: ТЕПРА; Книжная лавка – РТР, 1997. 464 с.
50. Штелин Я. Я. Записки Штелина о Петре Третьем, Императоре Всероссийском // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. IV, отд. V. С. 67 – 115.

Информация об авторе:

Ведьмин Олег Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, Lubyaginal@mail.ru.

Oleg P. Vedmin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 03.09.2015 г.

УДК 930 «1724-1807»

П. И. ИЗМАЙЛОВ И ИМПЕРАТОР ПЁТР III

О. П. Ведьмин

P. I. IZMAILOV AND EMPEROR PETER III

O. P. Vedmin

В статье впервые анализируется развитие отношений между П. И. Измайловым и великим князем, ставшим императором, Петром Фёдоровичем. Исследуется роль П. И. Измайлова в деле защиты интересов императора в ходе дворцового переворота 28 июня 1762 г. На основе фактического материала развенчивается устоявшийся миф, существующий в исторической литературе о том, что Измайлов принимал двусмысленное участие в июньских событиях. Установлено, что он был верен императору Петру III и не оказывал никаких тайных услуг Екатерине в целях её восхождения на престол.

The paper first analyzes the development of relations between P. I. Izmailov and the Grand Duke, who became the Emperor Peter Fedorovich. It examines the role of P. I. Izmailov in protecting the interests of the Emperor in a Palace coup on 28 June 1762. On the basis of the factual evidence exploded the long-standing myth, that exists in the historical literature, that Izmailov took an ambiguous part in the June events. It is determined that he was loyal to the Emperor Peter III and had no secret service to Catherine for purposes of her ascension to the throne.

Ключевые слова: П. И. Измайлов, Пётр III, Екатерина II, русский двор, гвардия.

Keywords: P. I. Izmailov, Peter III, Catherine II, Russian court, guard.

Углубляясь в изучение истории великой России, вникая в смысл почти мистического предназначения и объективные историко-экономические условия её развития, всё же невольно обращаешься к харизматическим личностям, которые, кто в большей, кто в ещё

недооцененной роли приоткрывают завесы сохранившихся исторических тайнств нашей родины XVIII в. Неоднократно обращаясь к феномену роли Императора Петра III в отечественной истории, который Россией правил всего шесть месяцев, всё время высвечива-

ются необычные персонажи, которые так или иначе обозначились в его окружении и сыграли особую роль в препятствии заката его исторической перспективы. Однозной и малоизвестной в этом смысле выглядит личность П. И. Измайлова. Как известно, 28 июня 1762 г. в Петербурге был совершён дворцовый переворот против монарха, который возглавила его жена – императрица Екатерина. П. И. Измайлов был одним из немногих сторонников Петра III среди гвардейских офицеров Преображенского полка, кто пытался исправить положение дел в пользу императора. Но, предпринятая им попытка не удалась.

Пётр Иванович Измайлов родился в конце царствования Петра I – 13 ноября 1724 г. О дворянском роде Измайловых из Рязани один из дореволюционных авторов писал следующее: «Измайловы ведут свой род от Шая, ханского племени, выехавшего около 1250 г. к Рязанскому великому князю Олегу Игоревичу. Шай при крещении был наречён Иваном, от него родился Иван Иванович, а от младшего сына сего последнего Прокопия родился Измаил, по имени Измаила потомки его получили фамилию Измайловых» [26, с. 218].

Отец будущего любимца императора Петра III – Иван Петрович родился в 1662 г., по другим же данным в 1667 г., а умер в 1754 г. [4, с. 349; 7, с. 149]. Он получил для своего времени прекрасное образование за границей, а содействовал этому сам Пётр I. 25 февраля 1697 г. царь подписал грамоту к Венецианскому дожу Сильвестру Валерио о приёме им из России 39 стольников-дворян для учёбы «новым воинским искусствам и поведениям». Среди посланных учеников в Италию был Иван Измайлов, которого сопровождал солдат Лукьян Черной. Вместе с Иваном Измайловым царь отправил на учёбу и двух его родных братьев – Андрея и Михаила, а за ними также следовали приставленные к ним солдаты [27, с. 133; 36, с. 565 – 566].

Вернувшись из Италии, И. П. Измайлов служил в гвардии. Он сумел обратить на себя внимание Петра I, так как выделялся среди большинства офицеров не только своей безупречной исполнительностью, но и западной образованностью, так высоко ценимой государём. Вскоре он стал одним из доверенных помощников царя. В это время шла Северная война (1700 – 1721) между Россией и Швецией. С 1706 г. Пётр I стал использовать капитана гвардии Ивана Измайлова уже в выполнении дипломатических поручений. Так, в июле 1706 г. он был послан в Польшу, а с 21 августа 1706 г. по 15 марта 1707 г. находился уже при Пруссском дворе с особой миссией [4, с. 349]. В сентябре 1707 г., когда Измайлов возвращался из Берлина в Россию, он был задержан представителями шведской партии на «цесарских землях». В сундуках посланника нашли между многими письмами проекты прусского полковника Шлунда о войне против шведов [8, с. 421]. Секретные бумаги, изъятые у русского посланника, были доставлены самому шведскому королю Карлу XII. Они же вызвали у него гнев. С этого момента судьба Ивана Измайлова резко изменилась. Он оказался в шведском плена, где провёл там несколько лет.

Петра I волновала судьба российских военнопленных. Поэтому, в ходе дипломатических переговоров, Россия добивалась от Швеции пойти на размен плен-

ных. Это касалось участия И. П. Измайлова. Русский генерал Я. Ф. Долгорукий, который находился в шведском плена ещё со времён Нарвской битвы, написал в своём письме из Стокгольма к К. А. Нарышкину от 29 мая 1710 г. следующее: «Капитана Ивана Измайлова и преображенских солдат на размену отпустить велено, только еще отпуском медляют; для каково вымыслу, того нам не скажут. Как он, Иван, и солдаты отпущены будут, ныне отпущенными вышеписанным имянную роспись пришли с ним, и на кого кто отпущен – буду писать имянно» [28, с. 592, 593].

16 января 1712 г. И. П. Измайлов, как только прибыл из шведского плена, был назначен московским комендантом. Это означало особое доверие Петра I к своему бывшему помощнику. Комендант занимался не только военными вопросами, но и решал гражданские дела. Согласно указу от 21 марта 1714 г. российским подданным теперь запрещалось подавать челобитные на имя государя. Их ныне должен был рассматривать комендант Москвы [21, с. 228]. Иван Петрович явно оправдал доверие царя. Уже 29 января 1716 г. он был назначен монархом обер-комендантом Москвы. Петровский указ требовал от нового обер-коменданта, чтобы он с губернатором и вице-губернатором Московской губернии вместе решали дела [25, с. 255]. Фактически И. П. Измайлов превратился в третье должностное лицо Москвы, а его статус в московской административной системе только возрастал. 6 марта 1716 г. Измайлов получает ещё должность товарища московского губернатора. А в словаре-справочнике «Государственность России» эта должность показана как синоним поста вице-губернатора [11, с. 84 – 85]. Хотелось бы напомнить, что Москва на тот момент была второй столицей российской державы.

И. П. Измайлов оставался в должности обер-коменданта Москвы до конца царствования Петра Великого. Помимо своих служебных обязанностей он выполнял ещё и многочисленные царские указы, которые были лично адресованы ему. Так, 2 сентября 1720 г. Пётр I подписал указ полковнику и обер-коменданту Измайлову «О судах коломенках». В этом указе монарх уведомлял, что по рекам Москва и Ока строятся суда не нового образца, а по-прежнему на старый манер. На обер-коменданта была возложена обязанность – выявлять места, где строятся старые типы судов и наслушников, кто их строит, «велеть чинить штраф» [35, с. 239 – 240]. Или другой пример. 15 июня 1724 г. императором была дана инструкция строителю Головинского дворца обер-коменданту Измайлову. Инструкция в себя включала 8 пунктов, которые Иван Петрович должен был выполнить в течение 1724 г. Главным образом, это касалось строительства и благоустройства прудов вокруг территории Головинского дворца [9, с. 77 – 78].

28 января 1725 г. умер Пётр Великий. На всероссийский престол взошла его вторая жена – Екатерина I. Правительницей России она стала благодаря её поддержке со стороны гвардии, совершив с помощью их первый дворцовый переворот в Санкт-Петербурге в XVIII в. В стране начались новые административные перестановки в аппарате управления. Они затронули и И. П. Измайлова. 1 января 1726 г. Измайлов был произведён в генерал-майоры и назначен архан-

гельским губернатором. На этом посту он находился до 12 сентября 1727 г., а затем был переведён губернатором в Воронеж [34, с. 67]. Сама Екатерина I правила не долго – всего 2 года и 3 месяца. Её преемником стал внук Петра I – Пётр II.

В годы правления императора Петра II (1727 – 1730) И. П. Измайлов вновь приблизился к российско-му царствующему дому и был пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского (25.02.1729). А произошло это следующим образом. В 1727 г. юный император Пётр II, которому не было полных двенадцати лет, освободил из заключения свою бабку – монахиню Елену. Это была первая жена Петра I – Евдокия Фёдоровна Лопухина. Она ещё 23 сентября 1698 г. была отправлена своим супругом в Сузdalский Покровский монастырь, где её заставили принять монашеский постриг. 20 марта 1718 г. её уже как старицу Елену сослали под надзор в Староладожский Успенский монастырь в связи с «делом царевича Алексея». При Екатерине I Лопухина была переведена в Шлиссельбургскую крепость.

Освободившись из крепости, бывшая жена монарха 2 сентября 1727 г. прибыла в Москву и решила жить в Новодевичьем монастыре. Монахиню Елену теперь все начали величать: «Ея Величеством Государынею, Царицею Евдокией Фёдоровною» [13, с. 2, 5]. 9 февраля 1728 г. Верховный тайный совет назначил ей годовое содержание в 60 тысяч рублей и сверх того 2 тысячи дворов. А 14 февраля верховники назначили маршалом двора при царице Евдокии Фёдоровне генерал-майора И. П. Измайлова. На этой должности он пробыл до 1 марта 1731 г., заведя штатом двора численностью 64 человека. Незадолго до смерти царицы (умерла 27 августа 1731 г.) И. П. Измайлова сместили с этой должности. Измайлов был заменён родственником царицы – Алексеем Андреевичем Лопухиным [13, с. 22; 2, с. 116; 29, с. 73]. Это было уже в царствование Анны Иоанновны (1730 – 1740). И всё же главной причиной удаления И. П. Измайлова из окружения царицы-инокини Евдокии Фёдоровны послужила его политическая деятельность, которая имела место в январе-феврале 1730 г.

В Москве 19 января неожиданно для всех умер от оспы император Пётр II, и тогда Верховный тайный совет, состоявший из 8 человек, решил возвести на русский престол дочь царя Иоанна Алексеевича, герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну при условии ограничения её самодержавной власти. С этой целью для новой правительницы были составлены ограничительные условия – «кондиции», согласно которых она должна была править вместе с Верховным тайным советом. И. П. Измайлов узнав о плане верховников, поддержал идею ограничения самодержавной власти в России и вместе с другими должностными лицами подписал «проект М. А. Матюшкина». Проект состоял из 12 пунктов. Первый пункт проекта начинался так: «К теперешним членам Верховного Совета следует, по нашему мнению, прибавить еще несколько человек, чтобы всех членов было 12 или 13». А 11 пункт проекта содержал следующее: «О резиденции желаем мы, чтобы для общего блага была в Москве» [23, с. 9 – 10]. Следует отметить, что в период пребывания Петра II в Москве в 1728 – 1730 гг. город фактически снова ста-

новился столицей российской державы. Поэтому члены «проекта М. А. Матюшкина» хотели закрепить статус Москвы как столицы и при Анне Иоанновне.

Однако плану Верховного тайного совета, как и другим 7 дворянским проектам, в том числе и «проекту М. А. Матюшкина» не суждено было сбыться. 25 февраля правительница Анна Иоанновна, опираясь на гвардию, разорвала лист с «кондициями» и тем самым стала править самодержавно. Участники же проектов под благовидным предлогом были удалены из Москвы на административные должности и в войска в отдалённые места. Измайлов был назначен астраханским губернатором. На этом посту он находился с 17 мая 1731 г. по 25 ноября 1736 г. В отставку вышел по болезни и старости 27 января 1741 г. Уже в отставке, 13 мая 1741 г. получил чин генерал-лейтенанта [4, с. 101, 349 – 350].

И. П. Измайлов воспитывал детей на своём жизненном примере: прививал им западную образованность, верность Родине и присяге. Все эти качества в полной мере касались его сына – Петра Ивановича Измайлова. Он, в духе эпохи, получил достаточно хорошее домашнее образование, имел склонность к иностранным языкам, а французским языком овладел в полной мере. Знание иностранных языков помогло в дальнейшем П. И. Измайлову сблизиться с великим князем, а позднее – императором Петром III. Панин, современник Петра III, в одной из бесед раскрыл причину любви императора к дворянам, знавшим в совершенстве иностранный язык, особенно немецкий, так как: «Говорил он только по-немецки и хотел, чтобы все знали этот язык; по-русски он говорил редко и всегда дурно» [3, с. 364].

1742 г. был знаковым в судьбе П. И. Измайлова. Императрица Елизавета Петровна пригласила в Петербург своего племянника герцога Карла Петра Ульриха Голштейн-Готторпского (1728 – 1762), намереваясь подготовить его к русскому престолу. Молодой герцог прибыл в столицу 5 февраля. А 7 ноября уже в Москве в кремлёвской дворцовой церкви совершился торжественный обряд принятия православной веры голштинским герцогом. После крещения племянник Елизаветы стал именоваться Петром Фёдоровичем и был провозглашён великим князем и наследником всероссийского престола. Сам же Пётр Измайлов в 1742 г. был зачислен в лейб-гвардию Преображенского полка [33, л. 9].

В первые годы службы в лейб-гвардии у Петра Измайлова не было возможности сблизиться с наследником престола. Великий князь уже тогда имел в Преображенском полку высокий чин – подполковника, данный ему государыней ещё 10 февраля 1742 г. Полковником полка была сама императрица. Измайлов же только начинал свою военную карьеру и не мог в полной мере проявить себя в эти годы так, чтобы будущий император мог обратить на него внимание. Великого князя Петра Фёдоровича он мог видеть лишь только на военных парадах или на торжественных церемониях и праздниках, а также в ходе несения караульной службы при императорском дворе. В 1753 г. Пётр Измайлов был пожалован из сержантов в первый обер-офицерский чин – прапорщика, а в 1755 г. он служил в полку уже в чине подпоручика

[37, с. 99]. Наличие офицерского чина позволяло теперь Измайлову чаще бывать при императорском дворе, так как на главные праздники страны офицеров Преображенского полка приглашали во дворец для принесения поздравлений Её Величеству (императрице) и Его Высочеству (великому князю).

Измайлов, посещая императорский двор, нашёл там себе невесту. Это была дочь Василия Фёдоровича Салтыкова (1675 – 1751) – Екатерина Васильевна (1732 – 1774). Она была фрейлиной императрицы Елизаветы Петровны ещё с 9 декабря 1752 г. Государыня покровительствовала роду Салтыковых, так как В. Ф. Салтыков был преданным её сторонником. Елизавета Петровна, сразу же после совершения дворцового переворота 25 ноября 1741 г., пожаловала Салтыкова в чин генерал-аншефа (29.11.1741), а затем он стал её генерал-адъютантом (15.12.1744). Салтыков, пользуясь расположением императрицы, пристроил двух своих сыновей Петра и Сергея к малому двору [6, с. 76, 129, 162]. Императрица и после смерти В. Ф. Салтыкова покровительствовала его детям. Так, Е. В. Салтыкова как невеста подпоручика П. И. Измайлова получила вознаграждение от императрицы в виде приданого и наличных денег на сумму 21973 рубля 95½ копейки. Кроме того, невеста также получила от Елизаветы Петровны и 600 душ крепостных крестьян в Шацком и Даниловском уездах [32, л. 350 – 351 об.].

Свадьба состоялась в понедельник вечером 10 ноября 1757 г. при дворе. На этой свадьбе произошло сближение великого князя Петра Фёдоровича с подпоручиком П. И. Измайловым. Сам наследник русского престола сопровождал невесту в церковь, где и состоялось её венчание с Измайловым. А после окончания церковной церемонии жених сидел за праздничным столом вместе с великим князем Петром Фёдоровичем. «Камер-фурьерский журнал» за 1757 г. сообщал об этой свадьбе следующее: «В продолжение стола играла, в галерее, инструментальная, вокальная музыка. А как кушали (или – О. В.) за здоровья: 1) жениха и невесты, 2) отцев и матерей, 3) братьев и сестр, 4) форшнейдера и ближних девиц, 5) маршала и шаферов, 6) всех гостей, играли в трубы, били в литавры». По окончании стола «происходили танцы» [14, с. 95 – 97].

Свадьба бывшей фрейлины Салтыковой продолжилась и на следующий день. Во дворец были приглашены все знатные гости 1, 2 и 3 ранга, принявшие участие в свадьбе ещё в первый день её проведения. В комнате за галереей было подготовлено два праздничных стола для именитых персон. За первым «невестинным» столом были посажены: 21 дама и цесарский посол. За вторым «жениховым» столом находились одни только мужчины в количестве 24 человек. Третий стол был поставлен в комнате перед церковью, где сидело 16 кавалеров и 14 дам. Измайлов на второй день свадьбы должен был выполнить одну обязательную традиционную процедуру, существовавшую при дворе, когда гости уже находились на своих местах. Об этом обычае «Камер-фурьерский журнал» сообщал следующее: «Потом маршал (главный распорядитель торжества – О. В.) привел, при игрании труб и литавр, жениха, который шел через стол по тарелкам, и сорвал венок над невестой и сел подле но-

вобрачной своей; и начался стол, равно как и в первый день. В продолжение играла итальянская инструментальная, вокальная музыка. Пили за здоровья, что в первый день, при играли труб и литавр. После стола в галерее были танцы» [14, с. 98]. Свадьба удалась. Она понравилась всем гостям, в том числе и великому князю Петру Фёдоровичу. 25 ноября 1758 г. Елизавета Петровна пожаловала П. И. Измайлова чином поручика [30].

Во вторник – 25 декабря 1761 г. в 3 с половиной часа пополудни скончалась императрица Елизавета Петровна. В 4 часа её смерть была обнародована. Сама смерть государыни, как свидетельствуют источники, не застала великого князя врасплох. Он ещё в ходе тяжёлой болезни императрицы стремился принять меры в целях своего успешного восхождения на престол. Великий князь, прежде всего, хотел заручиться поддержкой со стороны Преображенского полка – первого среди других гвардейских полков. Это ему удалось осуществить. Так, 25 декабря он назначил генерал-фельдмаршала, князя Н. Ю. Трубецкого подполковником Преображенского полка и дал ему «полномочия производить во всей гвардии перемены». Хотя официальное пожалование Н. Ю. Трубецкого в чин подполковника Преображенского полка произошло позднее и уже по указу Его Императорского Величества Петра III от 28 декабря [33, л. 8 – 8 об.; 31; 12, с. 274]. Трубецкой оправдал надежды Петра. Он первым принёс Петру III присягу и объявил о начале нового царствования высшим сановникам и придворным, находившимся в это время во дворце. По восшествии на престол император принял звание полковника во всех четырёх гвардейских полках, таких как: Преображенский, Семёновский, Измайловский и Конный.

Также Н. Ю. Трубецкой сумел в день смерти императрицы Елизаветы Петровны поднести Петру III письменный доклад о повышении в чинах обер-офицеров и сержантов Преображенского полка. В этом докладе значился и поручик П. И. Измайлов, который представлялся на чин капитан-поручика. Император на докладе наложил резолюцию: «Быть по сему. Петр». 30 декабря документ с положительным решением монарха был доставлен в Преображенский полк [33, л. 9 – 14]. Вскоре император пожаловал Измайлова в чин капитана. Об этом можно судить по записям «Камер-фурьерского журнала» от 7 февраля 1762 г., когда на обеденное кушанье с Петром III был приглашён «гвардии капитан Измайлов» [15, с. 94].

Кумиром Петра Фёдоровича с детских лет был прусский король Фридрих II. Когда же началась Семилетняя война (1756 – 1763 гг.), где Россия совместно с Францией и Австрией воевали против Пруссии, то великий князь с трудом скрывал то глубокое огорчение, какое причиняли ему победы над прусскими войсками. Он решительно считал, что армия Фридриха II непобедима. Став императором, Пётр III 24 апреля 1762 г. подписал позорный для России мир с Пруссией. Все завоёванные Россией немецкие земли в ходе кровопролитной Семилетней войны теперь возвращались Пруссии. Подписав мир с Пруссией, Пётр III начал готовится к войне с Данией из-за Шлезвига. Он мечтал возвратить эту территорию, откуда был родом, – Голштинии на том основании, что Шлезвиг

была отнята у неё за полстолетие до этого. В планы монарха входила и посылка гвардии на войну с Данией. Для изнеженной гвардии это стало ещё одним и, скорее, главным поводом недовольства, так как после смерти Петра I гвардейские полки фактически не использовались в боевых действиях с противником. Сторонники императрицы Екатерины воспользовались этой ситуацией, чтобы вербовать в гвардейской среде её приверженцев с целью свержения Петра III. К концу июня 1762 г., по словам Екатерины, число её сторонников в гвардии насчитывало от 30 до 40 офицеров и 10000 солдат.

Известно, что арест 27 июня 1762 г. капитан-поручика Преображенского полка П. Б. Пассека, активного сторонника императрицы Екатерины, послужил сигналом для выступления заговорщиков. Сам же дворцовый переворот при участии гвардии начался уже на следующий день – 28 июня. Инициативу же ареста Пассека инициировали верные Петру III офицеры Преображенского полка: капитан П. И. Измайлов и секунд-майор П. П. Войков. Об этом событии Е. Р. Дацкова, также активный участник событий 1762 г., сообщила в своём письме русскому посланнику графу Герману Карлу Кейзерлингу (1697 – 1765) сразу же после успешного восхождения на престол Екатерины II: «Я забыла передать вам подробности об аресте капитана Преображенского полка Пассека. Когда между солдатами распространился вышепомянутый слух (*о мнимом аресте Екатерины – О. В.*), один из них пришёл к Пассеку и начал как бы жаловаться на бездействие. На это Пассек сказал ему: «Успокойся братец; та, за которую нам следует собою пожертвовать, находится вовсе не в такой беде, как вам наговорили, и мы сегодня имели о том известие. Впрочем, я думал, что у вас уже был князь Барятинский (офицер того же полка) и вас обнадёжил». После того как этот солдат ушёл от Пассека, он отправился к своему капитану Измайлову с тем, чтобы склонить его на нашу сторону или чтобы передать ему свои опасения. Он ему сообщил про свой разговор с солдатом. Капитан пересказал обо всём этом своему майору Войкову, который вслед за тем арестовал Пассека и послал рапорт в Оранienбаум к императору. Тот почёл это извещение безделицею и пренебрёг нужною в таком деле скоростью» [18, с. 190 – 191].

В XII томе «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» за 1894 г. приводятся следующие данные о жизни П. И. Измайлова: «В перевороте 1762 г. Измайлов принимал двусмысленное участие и по воцарении императрицы Екатерины II, хотя был уволен от службы, но получил в награду большое имение село Дедново (Дединово) в Зарайском уезде, Рязанской губернии» [38, с. 854]. Автор этих строк – А. М. Ловягин (1870 – 1925), который в будущем стал известным российским книговедом и библиографом. Следует предположить, что А. М. Ловягин, будучи молодым и неопытным исследователем, при написании данной статьи, либо использовал непроверенные факты биографии либо допустил досадную ошибку. Источники свидетельствуют о том, что А. М. Ловягин при описании жизненного пути П. И. Измайлова частично использовал биографические данные другого лица – Михаила Львовича Измайлова. Этот Измайлов

был тоже доверенным лицом Петра III. Однако в критическую минуту М. Л. Измайлов, пользуясь доверием императора уже по просьбе Екатерины, сумел обманутым путём склонить Петра III к тому, чтобы он сдался в руки императрицы 29 июня 1762 г. За своё содействие М. Л. Измайлов просил у императрицы село Дедново. Екатерина II не только подарила ему просимое село, но и наградила ещё орденом Святого Александра Невского, а в последствии возвела в чин генерал-лейтенанта, но политически отдала от себя. На вопрос «для чего?» сказано: «изменя другу, верен быть не может... не Миних того не купиши!» [20, с. 130].

Как же вёл себя П. И. Измайлов в день дворцового переворота? 28 июня 1762 г., когда гвардейцы Измайловского и Семёновского полков переходили на сторону Екатерины, он, командуя первой гренадерской ротой Преображенского полка, удерживал солдат от измены Петру III. Об этом поведал в своей автобиографической записке граф С. Р. Воронцов, который в тот период был поручиком и служил под начальством капитана П. И. Измайлова. Вот что Воронцов писал об этом: «Он гнушался тем, что происходило, готов был умереть за верность своему долгу и надеялся, также как и я, что полк не увлечётся. Мы на французском языке, уговорились внушать верность нашим гренадерам, и пошли по рядам, увещевая их оставаться верными законному государю, которому они присягали, и, объясняя им, что он племянник императрицы Елизаветы, сын старшей дочери Петра I-го и, следовательно, внук этого великого основателя империи; что лучше умереть честно, верным подданным и воином, чем присоединиться к изменникам, которые будут побеждены: ибо пример нашего полка ободрит линейные полки к исполнению долга. «Мы умрём за него» отвечали они, и этот возглас нас обрадовал в высшей степени» [1, с. 36].

Далее С. Р. Воронцов сообщал в записке следующее, что Преображенский полк выступил колонной по Невскому проспекту по направлению к Казанскому собору, где собирались восставшие полки. Её возглавил секунд-майор полка П. П. Войков. Колонна, какказалось тогда Воронцову, была уже готова ударить в штыки по мятежным полкам. И когда колонна уже находилась в пятидесяти шагах от двух других гвардейских полков, то случилось непредвиденное событие. Старший по чину премьер-майор Преображенского полка князь А. А. Меншиков, в тылу колонны воскликнул: «Виват императрица Екатерина Алексеевна, наша самодержица!» – после чего дисциплина разом пропала, а тем офицерам, которые были верны императору, пришлось спасаться бегством. Но и они были вскоре арестованы (П. П. Войков, П. И. Измайлов, И. И. Черкасов, С. Р. Воронцов), а выпущены уже после смерти императора [1, с. 36 – 38].

Неизвестный автор писал, что после смерти Петра III только три человека из его бывшего окружения так и не дали присягу Екатерине II: «Ей не присягнули Андрей Васильевич Гудович, Пётр Иванович Измайлов и князь Иван Фёдорович Голицын. Она не токмо не преследовала их, но через несколько времени велела князю Вяземскому написать к ним, что они перестали дурачиться и приехали в Петербург, где будут приняты на службу. Они отказались, и она ска-

зала: «Вижу, что они не любят меня. А за что? Им же хуже». И оставила их в покое» [17, с. 41]. 22 сентября 1762 г., в день коронации Екатерины II в Москве, капитан Преображенского полка П. И. Измайлов был отправлен в отставку с чином полковника по армии. Измайлов, находясь в отставке, проживал то в Москве, то в своих Подмосковных усадьбах – «Северское» и в сельце Городищах.

6 ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина II. На престол вступил её сын Павел I. Новый государь не забыл находившегося в отставке П. И. Измайлова – одного из преданных офицеров Петра III, стоявшего в 1762 г. на стороне монарха. На него, как и на других немногочисленных сторонников Петра III, посыпались монаршие почести и вознаграждения. 16 ноября 1796 г. Павел I пожаловал П. И. Измайлова орденом Святой Анны. Затем император написал ему письмо от 19 ноября с просьбой прибыть из Москвы в Петербург, послав при этом аннинский крест. 20 ноября П. И. Измайлов был произведён в генерал-поручики, а 3 декабря пожалован орденом Святого Александра Невского [5, с. 167, 201; 16, с. 560]. Измайлов явился в Петербург и 6 декабря 1796 г. на вахтпарате был представлен императору Павлу I. «Здесь тебе, Пётр Иванович, холодно, – сказал он ему, – поди вверх и у меня всегда будь и кушай». После обеда император подошёл к нему и сказал: «Наклонись!» и надел на него Александровскую ленту, сказав: «Эта у тебя была дорожная, а эта городская». Измайлов доложил его величеству: «Государь, вы меня воскресили; но я уже не в состоянии все оные милости вам заслужить». Ответ императора Павла I был следующим: «Ты, Пётр Иванович, тому заслужил, ко мне всего дороже» [24, с. 459; 22, с. 874].

Современник тех событий Ф. Г. Головкин, жена-тый на дочери П. И. Измайлова, Наталии Петровне, в своих записках характеризует встречи императора Павла I с бывшими приверженцами Петра III при дворе с некоторой долей иронии. Он пишет: «Явилась группа стариков, в возрасте от шестидесяти до восьмидесяти лет, одетых в старые кафтаны, с широкими золотыми галунами, потёртыми от времени, отвешивающих при каждом слове глубокие поклоны, це-

люющих руку у государя каждый раз, когда он им улыбался, и преподнёсших каждый императору какую-нибудь вещь в воспоминание времён Петра III... Между ними был также Измайлов, мой тесть, который был уволен в 1762 г., будучи капитаном гвардии. Он принёс гренадерскую каску с султаном и старую алебарду. Будучи допущен к малым приёмам, он ежедневно обедал и ужинал с Их Императорскими Величествами, был произведён в генерал-лейтенанты, затем награждён орденом Св. Анны I степени, пожалован кавалером ордена Св. Александра Невского и получил, в виде подарка, кроме прекрасного особняка в С.-Петербурге, ещё очень значительное поместье» [10, с. 135 – 136].

Однако на этом милости и знаки внимания П. И. Измайлова от императора не закончились. 26 октября 1798 г. он был пожалован монархом в действительные тайные советники [16, с. 560]. 12 ноября 1798 г. император Павел I посыпал свой рескрипт на имя П. И. Измайлова как знак благодарности за его письмо. В рескрипте государь писал: «Петр Иванович. Правилом сердца моего, поставляя всем, искренно преданным к особе моей, изъявить всегда знаки несомненные моего благоволения и вас издавна в числе оных зная, вам много за письмо ваше благодарствую, и пожелания ваши на мой счет, к нам изображенные от усердного ко мне сердца вашего, суть моему весьма приятны. Желаю вам доброго здоровья, поздравляю в новом чине и верить прошу тому, что я навсегда к вам пребываю благосклонный» [19, с. 694].

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. благодетель П. И. Измайлова император Павел I был свергнут с престола в ходе дворцового переворота и убит. Новый император Александр I издал указ от 20 февраля 1803 г. о «вольных хлебопашцах», разрешивший помещикам по их желанию отпускать крестьян с землёй на волю за выкуп. Этим указом решил воспользоваться и П. И. Измайлов. В 1806 г. он отпустил 1000 душ крестьян в Московской губернии, которые ему были пожалованы ещё Павлом I, в вольные хлебопашцы [34, с. 68 – 69]. Скончался П. И. Измайлов в марте 1807 г.

Литература

1. Автобиография графа Семёна Романовича Воронцова // Русский Архив. 1876. № 1. С. 33 – 59.
2. Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700 – 1796 годы. М.: Наука, 2008. 380 с.
3. Ассебург А. Ф. Записка о воцарении Екатерины Второй // Русский архив. 1879. Кн. I. С. 363 – 369.
4. Бабич М. В., Бабич И. В. Областные правители России, 1719 – 1739 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 831 с.
5. Бантыш-Каменский Н. Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с их учреждения до установления в 1797 году орденского капитула. М.: Трутень; Древлехранилище, 2006. 226 с.
6. Баранов П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век. СПб., 1878. Т. III. 513 с.
7. Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. 242 с.
8. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М.: Кругъ, 2004. Вып. 2. 656 с.
9. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1839. Т. 10. 458 с.
10. Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 479 с.
11. Государственность России: словарь-справочник. М.: Наука, 2005. Кн. 5. Ч. 1. 501 с.
12. Донесения датского посланника Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // Русская старина. 1914. Кн. XI. С. 262 – 283.

13. Дубровский Н. Последние годы жизни государыни царицы Евдокии Фёдоровны // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). М., 1865. Кн. 3, отд. V. С. 1 – 63.
14. Журналы камер-фурьерские, 1757 года. Б. м., б. г. 163 с.
15. Журналы камер-фурьерские, 1762 года. Б. м., б. г. 119 с.
16. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского, 1819 – 1821 гг. // Русская старина. 1899. Кн. XII. С. 547 – 568.
17. Из записок неизвестного лица // Русский архив. 1898. № 9. С. 36 – 51.
18. Из письма княгини Е. Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой // Русский архив. 1887. № 10. С. 185 – 191.
19. Из реескриптов императора Павла I // Русская старина. 1904. Кн. IX. С. 691 – 700.
20. Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карабановым // Русская старина. 1872. Кн. I. С. 129 – 147.
21. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711 – 1911 гг. СПб., 1911. Т. I. 665 с.
22. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896. 892 с.
23. Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Исторический этюд. Казань, 1880. Приложения. 88 с.
24. Критика и библиография // Исторический вестник. 1883. Кн. VIII. С. 456 – 462.
25. Нарышкин А. К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М.: Центрполиграф, 2005. 735 с.
26. Остроглазов И. М. Книжные редкости // Русский архив. 1892. Кн. II. № 6. С. 202 – 221.
27. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. 888 с.
28. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. 871 с.
29. Протоколы Верховного тайного совета // ЧОИДР. 1858. Кн. 3, отд. II. С. 1 – 124.
30. Прибавление к № 97 Санкт-Петербургских ведомостей. 1758. 4 дек.
31. Прибавление к № 1 Санкт-Петербургских ведомостей. 1762. I янв.
32. Российский государственный архив древних актов. Ф. 14. Оп. 1. Д. 98.
33. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 492.
34. Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. Ибак-Ключарев. 756 с.
35. Указы блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого самодержца Всероссийского состоявшиеся с 1714, по кончину Его Императорского Величества, генваря по 28 число 1725 году. СПб., 1777. 1096 с.
36. Устрилов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. II. 589 с.
37. Чичерин А. К., Долгов С. Н., Афанасьев А. Н. История лейб-гвардии Преображенского полка, 1683 – 1883. СПб., 1883. Т. IV.
38. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. СПб., 1894. Т. XII. 960 с.

Информация об авторе:

Ведмин Олег Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, lubyaginal@mail.ru.

Oleg P. Vedmin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 03.09.2015 г.

ИЗ ОПЫТА СТРОИТЕЛЬСТВА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЖИЛЫХ ДОМОВ
В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1946 – 1950 ГГ.).
Н. С. Головань

INDIVIDUAL HOUSE-BUILDING EXPERIENCE
IN KEMEROVO REGION FROM 1946 TO 1950
N. S. Golovan

В статье рассмотрены проблемы реализации жилищной политики советского государства и ее производственного отраслевого принципа, участие граждан в строительстве индивидуального жилья в первой послевоенной пятилетке в Кемеровской области. Вместе с тем анализируется ход индивидуального жилищного строительства, освещены вопросы использования строительных технологий: сборного и типового домостроения. Выделены основные способы возведения жилья: хозяйственный, подрядный, самостоятельный. Поднята проблема использования в качестве подрядных строительных организаций исправительно-трудовых лагерей.

The way of individual house-building is analysed in this article. The concepts of combined and standard housing usage as building technologies are considered. The main house-building methods such as economical, contractive, independent are pointed out. The problem of correctional labour camps usage as contractive building organizations is given.

Ключевые слова: жилищная политика советского государства, жилищное строительство, типовые проекты, сборное домостроение, финские дома, немецкие дома, исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ).

Keywords: house-building, standard projects, combined housing, Finnish houses, German houses, correctional labour camps.

В ходе реализации четвертого пятилетнего плана советское правительство ставило целью восстановить и усилить промышленный потенциал страны, обеспечить гражданские нужды, в том числе в жилье. Приоритетным способом решения жилищной проблемы в послевоенные годы стало жилищное строительство, на которое было выделено 15 % от всех капиталовложений в народное хозяйство страны, что составило 15,5 млрд руб. [13, с. 27, 47]. Руководство страны в условиях жесткой экономии финансовых, материальных, людских ресурсов сознательно делало ставку на индивидуальное жилищное строительство.

Утвержденная Постановлением Экономического Совета при СНК СССР от 26 апреля 1939 г. практика предоставления ссуд через Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк) для ведения индивидуального жилстроительства сохранилась в послевоенные годы [12, с. 587 – 589]. На основе Постановления СНК СССР от 29 мая 1944 г. срок ссуды был продлен с 5 до 7 лет, размер ссуды увеличен с 5 до 10 тыс. руб., процентная ставка осталась неизменной – 2 % годовых [12, с. 843 – 845]. Подобное строительство предполагалось вести силами застройщиков (т. н. ссудозаемщиков) с оказанием помощи со стороны предприятий строительными материалами, транспортом, инструментами.

Анализ архивных источников свидетельствует о том, что ссуды выделялись работникам на равных условиях, независимо от должности. Их оформление происходило под жестким контролем партийно-государственных и хозяйственных органов. Нарушения при распределении ссуд происходили крайне редко, что сразу становилось предметом критики со стороны периодической печати [3].

Получение ссуд застройщиками зависело от согласованности работы банка с жилищными конторами и бухгалтериями предприятий. В областной газете «Кузбасс» отмечалось, что в Стальнске в 1946 г. в качестве ссуды на индивидуальное жилищное строительство

Коммунальным банком было ассигновано 10 млн 700 тыс. руб., к концу полугодия документы оформлены на 4 млн 615 тыс. руб., а выдано – 514 тыс. руб. или 5 % от утвержденных фондов [4]. Вместе с тем сохранилась практика уменьшения суммы кредита. Управляющий областного отделения Коммунального банка М. Романов отмечал, что вместо 10 тыс. руб., предназначенных для индивидуального застройщика, выделялось от 5 до 7 тыс. руб., но для большего числа заемщиков [22]. Сокращение суммы кредита приводило к использованию дешевых стройматериалов. А возведение дома ограничивалось тем, что ставили стены и подводили крышу. Лишь спустя много лет жильцы стелили пол, штукатурили и белили стены. Темпы жилищного строительства в рамках этого направления были невысокими. В 1946 г. план по возведению индивидуальных домов в Кузбассе был выполнен только на 48,9 % [20, с. 91].

Постановление Совета Министров СССР «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» от 25 августа 1946 г. обязало Министерство финансов СССР ассигновать на жилищное строительство до 1 млрд руб. Рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предоставлялась возможность приобретения в собственность жилого дома. Центральный Коммунальный Банк был обязан предоставить ссуду в размере от 8 до 12 тыс. рублей под 1 % годовых со сроком погашения 10 – 12 лет [13, с. 87 – 89].

Правительство поручило Главному управлению по проектированию жилых зданий разработать типовые проекты индивидуальных домов. Поскольку себестоимость домов не укладывалась в расчеты и выходила за рамки расходов, определенных правительством, в проектах при сохранении максимальной площади было увеличено количество комнат, облегчена кирпичная кладка стен с засыпкой шлаком, сокращено количество окон и дверей, уменьшена толщина стен. Подготовле-

ны были проекты двух серий: серия деревянных рубленых и серия каменных домов, их авторы – архитекторы: А. П. Великанов, В. Г. Калиш, С. Ф. Кибиров, Ю. В. Щуко. Дом был рассчитан на 1 – 2 квартиры. В

каждой квартире предполагалось 2 – 3 комнаты. Жилая площадь (с учетом площади кухни) одноквартирного дома составляла от 23 до 30 кв. м., двухквартирного – от 30 до 39 кв. м [24, с. 7 – 10] (рис. 1).

ПОКАЗАТЕЛИ ПО ПРОЕКТАМ ЖИЛЫХ ДОМОВ ДЛЯ УРАЛА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Одноквартирные дома

Проект № 1 двухкомнатного деревянного рубленого жилого дома с летней мансардой
Автор-архитектор А. П. Великанов

Жилая площадь (с кухней)	23,00 м ²
Летняя мансарда	8,95 м ²
Кубатура	99,30 м ³
Стоимость	8 000 рубл.

Проект № 2 двухкомнатного каменного жилого дома
Автор-архитектор Ю. В. Щуко

Жилая площадь (с кухней)	22,40 м ²
Кубатура	121,90 м ³
Стоимость	10 000 рубл.

Проект № 3 трехкомнатного деревянного рубленого жилого дома с летней мансардой
Автор-архитектор А. П. Великанов

Жилая площадь (с кухней)	29,45 м ²
Летняя мансарда	11,80 м ²
Кубатура	121,60 м ³
Стоимость	10 000 рубл.

Проект № 4 трехкомнатного каменного жилого дома
Автор-архитектор Ю. В. Щуко

Жилая площадь (с кухней)	27,70 м ²
Кубатура	146,70 м ³
Стоимость	12 000 рубл.

Двухквартирные дома
(показатели по половине дома)

Проект № 5 двухкомнатного спаренного деревянного рубленого жилого дома
Авторы-архитекторы А. П. Великанов, В. Г. Калиш и С. Ф. Кибиров

Жилая площадь (с кухней)	29,90 м ²
Кубатура	122,00 м ³
Стоимость	8 000 рубл.

Проект № 6 двухкомнатного спаренного каменного жилого дома
Авторы-архитекторы Ю. В. Щуко, В. Г. Калиш и С. Ф. Кибиров

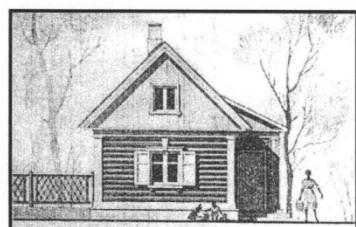
Жилая площадь (с кухней)	30,05 м ²
Кубатура	141,50 м ³
Стоимость	10 000 рубл.

Проект № 7 трехкомнатного спаренного деревянного рубленого жилого дома
Авторы-архитекторы А. П. Великанов, В. Г. Калиш и С. Ф. Кибиров

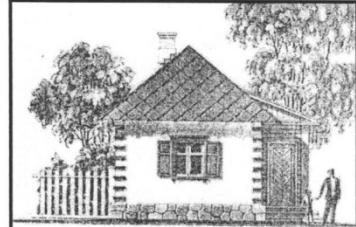
Жилая площадь (с кухней)	38,55 м ²
Кубатура	156,10 м ³
Стоимость	10 000 рубл.

Проект № 8 трехкомнатного спаренного каменного жилого дома
Авторы-архитекторы Ю. В. Щуко, В. Г. Калиш и С. Ф. Кибиров

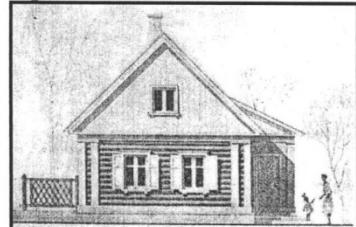
Жилая площадь (с кухней)	38,60 м ²
Кубатура	177,00 м ³
Стоимость	12 000 рубл.

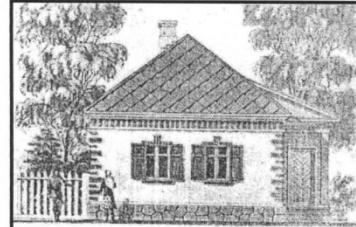
Проект № 1

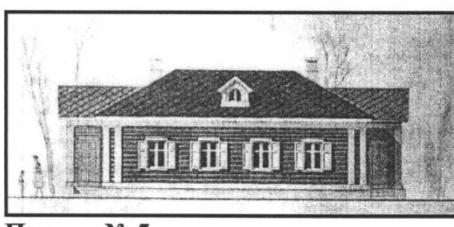
Проект № 2

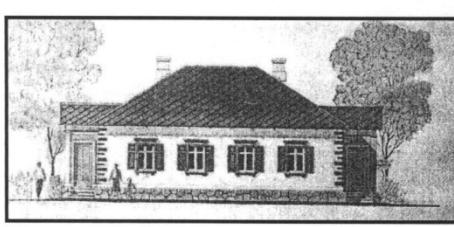
Проект № 3

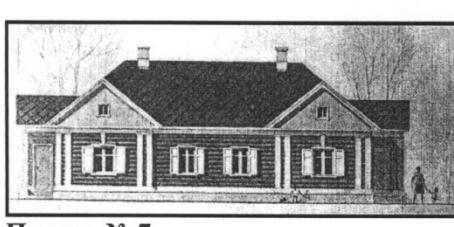
Проект № 4

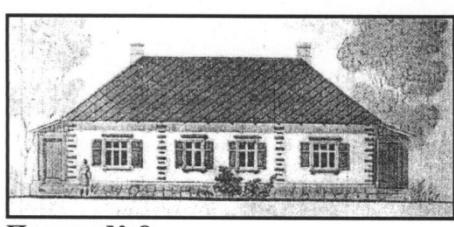
Проект № 5

Проект № 6

Проект № 7

Проект № 8

Рис. 1. Типовые проекты и их характеристика [24]

Строительство жилья и передача (продажа) его работнику осуществлялось в рамках предприятия, на котором он трудился – в этом заключалась сущность производственно-отраслевого принципа советской жилищной политики. На собрании областного партийного актива 10 апреля 1946 г. секретарь Кемеровского областного комитета ВКП(б) С. Б. Задионченко в своем докладе подчеркивал, что «количество индивидуальных домов для своих рабочих определяла хозяйственная организация каждого предприятия сама» [14]. Фиксированная постановлением Совета Министров стоимость дома гарантировала работнику достаточно приемлемый вариант приобретения жилья, поскольку соответствовала доходам инженерно-технических работников и рабочих: среднемесячная заработка рабочих в Кемеровской области в 1946 г. составляла 1102 руб. [1, с. 49]. Несмотря на то, что уже в 1947 г. установленная стоимость домов покрывала только 60 % расходов строительных организаций, оплата, взимаемая из заработной платы покупателя, повышена не была, хотя это создавало крайне напряженное финансовое положение на самих предприятиях [7, л. 17].

Возвведение индивидуальных домов для продажи рабочим осуществлялось как силами строительного подразделения самого предприятия (т. н. хозспособ), так и подрядными строительными организациями. Эффективность хозспособа зависела от производственной мощности предприятия, специфики его производства, объемов капиталовложений, оснащенности строительными материалами. Комбинат «Кемеровоуголь» по плану в 1946 г. должен был построить для продажи рабочим 330 домов, в 1947 г. – 1850, в том числе хозспособом 800, в 1948 г. – 1766 и 660 соответственно [7, л. 42]. Кузнецкий металлургический комбинат (КМК) организовал непосредственно на заводе изготовление хозспособом основных деталей для домов. 135 таких домов планировалось построить на Садопарковом участке. Строители были разделены на группы из 5 человек, каждая группа должна была возводить один дом в срок не больше чем за 4 дня [4].

Если «промышленные гиганты» Кузбасса (угольный и металлургический комбинаты) смогли организовать хозяйственным способом строительство индивидуальных домов, то предприятия других отраслей оказались в затруднительном положении, что отразилось на сроках ввода домов в эксплуатацию, на качестве жилья. В 1947 г. Кемеровский азотно-туковый завод (крупное предприятие химической отрасли) сдал в эксплуатацию только 12 индивидуальных домов для продажи из запланированных 35. В 1948 г. рабочие треста № 30 заселились в индивидуальные дома, где отсутствовали электричество, водоснабжение [15].

Подрядные строительные организации в годы первой послевоенной пятилетки были привлечены к возведению промышленных объектов, перераспределение ресурсов в пользу гражданского строительства осуществлялось по остаточному принципу. В этих условиях для жилищного строительства в качестве подрядчиков были задействованы лагеря, находившиеся в подчинении Министерства внутренних дел. По заявкам Госстроя в 1946 г. на территории крупных

городов Кемеровской области было создано два исправительно-трудовых лагеря: «Кемеровожилстрой» и «Кузбассжилстрой». Управление первого было переведено из «Севдвинлага» после его ликвидации, второго – частично из «Белбалтлага». Общая численность заключенных к началу 1948 г. составила свыше 15 тыс. чел.

Отделения «Кузбассжилстроя» находились в подчинении Главного управления лагерей промышленного строительства. Они базировались в Прокопьевске, Сталинске и вмещали до 7 тыс. чел. В функции заключенных этого лагеря входило изготовление деревянных деталей для домов, подготовка шлакоблочных камней и непосредственное строительство домов. Начальник управления «Кузбассжилстрой» М. Д. Шиши отмечал, что «Кузбассжилстрой» по плану 1947 г. должен был построить 2250 домов общей площадью 75 тыс. кв. м: в Сталинске – 1150 (из которых 750 предназначались для КМК в районе Точилино, 250 – для треста «Кузнецккуголь» в пос. Байдаевка, 100 – для алюминиевого завода, 50 – для ферросплавного завода), в Прокопьевске – 600 домов, Киселевске – 500 домов [16, л. 3; 26]. Предполагалось, что заключенные должны были участвовать в благоустройстве Точилинского поселка рабочих КМК.

Заключенные другого исправительно-трудового лагеря «Кемеровожилстроя», подчинявшегося Главному управлению лагерей железнодорожного строительства, активно привлекались в Кемерово к строительству индивидуальных домов для работников предприятий угольной и химической промышленности [23].

В практике использования лагерей четко отразилась ведомственная иерархия, характерная для советской экономики: нередко лагеря-подрядчики перебрасывались с одной стройки, находящейся в подчинении политически слабого ведомства, на другую, которая курировалась влиятельным и политически весомым министерством. В частности, «Кемеровожилстрой» выступил подрядчиком в строительстве жилого поселка Кемеровского азотно-тукового завода. Но сосредоточение ресурсов этого лагеря на площадках предприятий, прежде всего, черной металлургии, угольной промышленности не позволяло тресту в срок выполнять планы, поставленные заводом. Так, в 1947 г. работы были выполнены только на 27,6 % (т. е. фундаменты были заложены для всех домов, из запланированных 75 домов введено в эксплуатацию – 15, в строительстве находилось – 2) [5, л. 29]. В 1948 г. для Кемеровского азотно-тукового завода трест «Кемеровожилстрой» возвел стены 32 домов, в эксплуатацию было сдано всего 99 кв. м, вместо запланированных 2340 кв. м [6, л. 32]. Такая ведомственная состязательность негативно сказывалась на выполнении плана жилищного строительства.

Одновременное закрытие 15 сентября 1948 г. обоих лагерей затормозило реализацию жилищной программы. В результате чего, например, в Сталинске было приостановлено строительство 300 домов на Точилинской площадке и 100 – на Куляновке [18, л. 3]. Это заставляло заказчиков заканчивать строительство хозяйственным способом или искать новых подрядчиков. Подобная ситуация сложилась на Кеме-

ровском азотно-туковом заводе, когда расформированный трест в ноябре 1948 г. весь задел индивидуальных домов передал Новокемеровскому химкомбинату, который обещал приступить к достройке в следующем 1949 г. [6, л. 32].

Ликвидация лагерей и передача строившихся объектов из одного ведомства в другое привели к самовольному заселению горожан в недостроенное жилье. Так, например, накануне расформирования «Кузбассжилстроя» 50 домов, построенных им для треста «Кузнецкуголь» в поселке Байдаевка (Сталинск), были самовольно заселены без приема Госкомиссией [17, л. 11]. С другой стороны, сами предприятия нарушили порядок приема строительных объектов: целые поселки принимались в эксплуатацию, будучи неблагоустроеными. 222 индивидуальных дома, построенных «Кузбассжилстроеем» на Точилинской площадке для КМК, были приняты в эксплуатацию без дорог, электроосвещения и водопровода [17, л. 11].

В целом использование труда спецконтингента ускорило темпы жилищного строительства, что облегчило положение предприятий, прежде всего, угольной промышленности. По плану жилищного строительства комбината «Кемеровоуголь», в 1947 г. на долю «Кемеровожилстроя» приходилось 57 % всех построенных индивидуальных домов для продажи рабочим, в 1948 г. этот процент вырос до 63 [7, л. 17, 42].

Постановление Совета Министров СССР «О строительстве индивидуальных жилых домов для продажи рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий, строек и учреждений» от 20 октября 1948 г. изменило условия приобретения индивидуальных домов: оно вводило наличный расчет и в виде исключения за счет кредита банка с рассрочкой погашения ссуды на 2 – 3 года и оплатой установленных процентов. Кроме продажи домов по типовым проектам постановление предписывало продажу комплектов стандартных немецких и финских домов [21].

Поставки домов из Германии и Финляндии осуществлялись в Кемеровскую область по линии Министерства угольной промышленности для угольных комбинатов «Кемеровоуголь» и «Кузбассуголь». Обследование сохранившихся домов, архивные данные и воспоминания позволяют охарактеризовать экстерьер и интерьер домов. Финские дома были рассчитаны на одного хозяина. Жилая площадь одноквартирного дома составляла около 24,4 кв. м при общей площади 31,4 кв. м; двухкомнатная в одноквартирном доме занимала 38,2 кв. м при общей площади 53,6 кв. м [19, л. 6]. Высота потолков 2,6 м и 2,8 м. Дома возводились сборно-щитовыми, одноэтажными, с печным отоплением. Стены дома цельные, деревянные двухслойные. Дерево в основном использовалось хвойное: сосна, редко – пихта, лиственница.

Стандартные дома вводились в эксплуатацию достаточно быстро, это было связано с ненужностью проектной документации и с готовностью строительных деталей. По воспоминаниям застройщиков, все необходимые комплектующие будущего дома: шпингалеты, замки, деревянные ручки – были упакованы в один большой деревянный ящик. Заготовки для пола и потолка были связаны и собраны металлической нержавеющей пластиной.

При строительстве сборных домов выявился ряд недостатков. Часто дома собирались без инструкций или с их нарушением, что ухудшало качество сборки. Отсутствие единой городской системы центрального отопления не позволяло оборудовать сборные импортные дома входящей в комплект системой отопления. Вместо этого устанавливались печи местного типа, теплоотдача которых была значительно ниже. Это приводило к повышенному расходу топлива и к массовому утеплению жилых домов завалинками, не предусмотренными планом [2, л. 23].

К возведению домов были привлечены не только строительные подразделения предприятий, подрядные организации, но и будущие жильцы. Заинтересованные в своем быстром заселении владельцы домов вместе с родственниками, друзьями, нанятыми работниками перевозили из железнодорожных тупиков комплекты домов на гужевом транспорте, своими силами дома собирали в течение 2 – 3 недель.

Интенсивное строительство финских и немецких домов осуществлялось в период с 1948 г. по 1951 г. В 1949 г. число возведенных сборных финских и немецких домов было рекордным, что отразилось на общегородском показателе введенного в эксплуатацию жилья за годы четвертой пятилетки. Применение сборного домостроения ускорило выполнение планов строительства, как со стороны заказчиков, так и подрядчиков. Удельный вес сборных домов в жилищном строительстве отдельных предприятий Кузбасса достигал 35 % [8, л. 4]. В 1949 – 1950 гг. один из крупнейших строительных трестов «Прокопьевскшахтстрой» («ПШС») демонстрировал высокие темпы строительства: в 1949 г. «ПШС» ввел в эксплуатацию 40,6 тыс. кв. м, за счет сборного домостроения – 29,8 тыс. кв. м (73 % от всего объема выполненных работ) [10, л. 29; 11, л. 23].

В результате финскими домами были застроены целые улицы в Кемерове, Сталинске, Киселевске, Ленинск-Кузнецком, Осинниках; появились одноименные поселки в Прокопьевске, Белове, Ленинск-Кузнецком (район современного Польсаева). Несмотря на облегченный тип сборных импортных домов и на нарушения при их сборке, многие горожане области в кратчайшие сроки стали обладателями собственного жилья.

Наряду со строительством индивидуального жилья, которое велось при кредитовании государства, население само активно вело жилищное строительство за счет собственных средств. В Сталинске в 1947 г. силами трудящихся «в порядке самодеятельности» строилось 276 домов на общую сумму 3000 тыс. руб. [17, л. 2]. Самодеятельный (самостоятельный) способ индивидуального жилищного строительства был легализован Указом Президиума Верховного Совета СССР «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» от 26 августа 1948 г. [13, с. 313 – 314]. Реализация этой и других мер, направленных на развертывание индивидуального жилищного строительства, позволила заметно увеличить жилой фонд Кемеровской области. В период с 1946 по 1950 гг. в городах региона было построено 30752 дома, находившихся в личной собственности, общей жилой площадью 780,3 тыс. кв. м – это в 3,5 раза

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

больше, чем за годы Великой Отечественной войны. Больше всего домов частного сектора возведено в Прокопьевске и Сталинске: 7774 и 6367 соответственно. В Киселевске было построено 3640 домов, в Осинниках – 3243, в Кемерове – 2434 [9].

В послевоенные годы советское правительство, понимая остроту жилищной проблемы, было вынуждено отклониться от идеологических установок и пойти на дальнейшее расширение практики предоставления в личную собственность жилых домов. В этом проявились гибкость и pragmatism советской жилищной политики. Правительство, делая ставку на жилищное строительство, задействовало не только директивные рычаги управления, что проявилось в

использовании принудительного труда заключенных, в обязательном выполнении плановых заданий по линии подрядного и хозяйственного строительства, но и активно поддерживало инициативу будущих домовладельцев. При возведении индивидуального жилья использовался широкий ряд строительных технологий: типовое проектирование домов, сборное домостроение. Несмотря на облегченность застройки, простоту планировки, «скромность» размеров индивидуальных домов – их возведение стало одним из эффективных способов улучшения жилищных условий для тысяч горожан, которые ютились в производственных помещениях, подвалах и чердаках, общежитиях и землянках.

Литература

1. Алексеев В. В., Букин С.С. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск: Наука СО, 1980. 215 с.
2. Архив гл. архитектора г. Киселевска. Генеральный план г. Киселевска. 1949.
3. Бородкин П. Полностью использовать кредит государства // Большевистская сталь. 1947. 15 февраля.
4. Волошин А. В Сталинске срывают индивидуальное жилищное строительство // Кузбасс. 1946. 6 июля.
5. ГАКО. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 208.
6. ГАКО. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 218.
7. ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 10. Д. 123.
8. ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 10. Д. 129.
9. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 8. Паспорта городов Кемеровской области.
10. ГАКО. Ф. Р-887. Оп. 1. Д. 12.
11. ГАКО. Ф. Р-887. Оп. 1. Д. 18.
12. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. (1929 – 1945 гг.).
13. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3 (1946 – 1952 гг.).
14. Задионченко С. Б. Задачи областной партийной организации по выполнению закона, принятого Сессией Верховного Совета СССР. О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946 – 1950 гг. Из доклада секретаря Кемеровского областного комитета ВКП(б) на собрании областного партийного актива // Кузбасс. 1946. 14 апреля.
15. Неблагоустроенный поселок // Кузбасс. 1948. 14 февраля.
16. НФ ГАКО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 1.
17. НФ ГАКО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 2.
18. НФ ГАКО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 7.
19. НФ ГАКО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 44.
20. Орлянский С. Ф. Местные советы и культурно-бытовое обслуживание рабочих Кузбасса в годы послевоенной пятилетки (1946 – 1950 гг.) // Из истории рабочего класса Сибири. Кемерово, 1972. Вып. 4. С. 91.
21. Постановление Совета Министров СССР «О строительстве индивидуальных жилых домов для продажи рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий, строек и учреждений» от 20 октября 1948 г. № 3905. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
22. Романов М. Правильно руководить индивидуальным жилищным строительством // Кузбасс. 1951. 25 декабря.
23. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923 – 1960 гг.: справочник. М., 1998. 600 с.
24. Смирнов Н. Н. Проекты индивидуальных жилых домов для Урала, Сибири и Дальнего Востока // Архитектура и строительство. 946. № 19 – 20. С. 7 – 10.
25. Шиши М. 1150 домов для трудящихся Сталинска // Большевистская сталь. 1947. 5 февраля.

Информация об авторе:

Головань Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сибирского государственного индустриального университета, gnsmgou@rambler.ru.

Natalia S. Golovan – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Social Sciences and the Humanities, Siberian State Industrial University.

Статья поступила в редакцию 29.07.2015 г.

УДК 94(571.17):343.264"1870/1880"

**РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ НАРОДОВОЛЬЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКЕ
НА ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА В 1870 – 1880 ГГ.
A. N. Ермолов**

**NARODOVOLETS REVOLUTIONARIES IN THE POLITICAL EXILE
IN THE KUZBASS TERRITORY IN 1870 – 1880
A. N. Ermolaev**

Статья посвящена революционерам народовольцам, отбывавшим наказание на территории современного Кузбасса в 1870 – 1880-х гг. Автором установлено, что на территории современного Кузбасса отбывали ссылку более двух десятков ссылочных народовольцев. Большинство из них находились в городе Мариинск. Ссылочные народовольцы имели богатое политическое прошлое, участвовали в различных тайных обществах, в том числе в «Земле и воле», занимались пропагандой своих идей, участвовали в хождении в народ. В Мариинске они старались держаться вместе, некоторые из них заключили браки в ссылке. Они поддерживали связи с политическими ссылочными, находящимися в других регионах Сибири. Деятельность ссылочных народовольцев способствовала повышению политической активности местного населения Кузбасса.

The article is devoted revolutionaries narodolets, was serving a sentence in the territory of modern Kuzbass in 1870 – 1880. The author found that the territory of modern Kuzbass exiled more twenty exiles of the narodolets. Most of them were in the city of Mariinsk. Exiled narodolets had a rich political past, participated in various secret societies, including the «Land and Freedom», engaged in propaganda of their ideas, involved in going to the people. At the Mariinsky they tried to stick together, some of them were married in exile. They liaise with the political exiles who are in other regions of Siberia. The activities of the People exiles helped to increase the political activity of the local population of Kuzbass.

Ключевые слова: политическая ссылка, народовольцы, тайная организация «Земля и воля», история Кузбасса, Мариинск, Кузнецк.

Keywords: political exile, narodolets, secret organization «Land and Freedom» Kuzbass history, Mariinsk, Kuznetsk.

В 1870-х гг. революционное движение в стране вышло на новый уровень и приобрело масштабный характер. Сформировалось радикальное направление, получившее название народничество. Народники считали, что в России возможен переход к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм. В стране возникли десятки тайных организаций и революционных кружков. Их члены изучали труды идеологов народничества М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева и устраивали «хождение в народ»: занимались на должностях сельских учителей и врачей, становились плотниками и кузнецами, пропагандируя свои взгляды среди населения.

Правительство жестко боролось с революционерами. Сотни народовольцев были арестованы, многие тайные организации были раскрыты и разгромлены. Судебные процессы проходили над народниками во второй половине 1870-х гг. Самые известные из них были: «процесс 193-х» (официальное название – «Дело о пропаганде в Империи») и «процесс 50-ти» (официальное название – «Дело о разных лицах, обвиняемых в государственном преступлении по составлению противозаконного сообщества и распространению преступных сочинений»). Всего к 1879 г. по разным судебным процессам и административным порядком (внесудебным образом) было привлечено несколько тысяч человек. Из них около 1,2 тыс. были сосланы в разные отдаленные места империи. В Сибири оказалось 230 народовольцев [18, с. 63, 66]. В 1883 г. численность политических ссылочных в Сибири уже составляла более 500 человек, из которых более половины были отправлены в изгнание административным порядком. Распределены они были крайне неравномерно. Большая часть оказалась в Тобольской губернии (145 человек), затем

следовали Енисейская губерния (130 человек), Якутская область (91 человек), Иркутская губерния (87 человек). В Томской губернии было всего 45 политических ссылочных. В Забайкальской области – 29 [15, с. 233 – 234].

В историографии нет обобщающих работ, касающихся пребывания на территории современной Кемеровской области ссылочных народовольцев. Большинство исследователей лишь упоминают о пребывании тех или иных революционеров на территории Кузбасса [2, с. 144, 145, 147, 150, 154; 17, с. 95]. По разным источникам удалось выявить более двух десятков революционеров народников отбывавших ссылку на территории современного Кузбасса во второй половине 1870-х – первой половине 1880-х гг. Почти они были водворены в Мариинске.

Единственный из народовольцев, отбывавших ссылку в Кузнецке, дворянин Владимир Николаевич Фрессер (он же Павел Александрович Новицкий) был бывшим военным – поручиком в отставке. В Петербурге он занимался переводом иностранной литературы, в том числе запрещенной. Был арестован в 1875 г. после участия в демонстрации, но потом был освобожден и передан под строгий надзор полиции. В том же году был выслан в Архангельскую губернию за связь с революционерами. Из ссылки он сумел бежать за границу. В 1877 г. в Женеве он выступил членом-учредителем «Общества пособия политическим изгнанникам из России». В следующем году он нелегально вернулся в Россию, но был арестован на улице в Петербурге. В 1878 г. его выслали в Томскую губернию и водворили в Кузнецк. В 1882 г. по ходатайству матери его перевели в Минусинск [12, стб. 1853 – 1854].

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Мариинская группа политических ссыльных стала формироваться во второй половине 1870-х гг. В 1877 – 1879 гг. в город прибыли: В. А. Александров, А. А. Бутовская, А. Г. Масютин, М. А. Млодецкий, П. Н. Николаев, Л. Н. Николаевская, А. А. Олеховский, С. В. Рожанский, С. И. Сергеев.

Владимир Петрович Александров (он же Евтропий Николаев) оказался в Мариинске одним из первых. Он являлся одним из активных народовольцев, проходил по знаменитому «процессу 50-ти». На суде было доказано, что вместе с Л. Н. Фигнер он вел пропаганду среди рабочих фабрики Лопатина в Ивано-Вознесенске в 1875 г. Вместе с другими участниками процесса он выступил с пламенной речью. Сначала он был приговорен к каторжным работам на 6 лет, но потом наказание было смягчено на ссылку [10, стб. 16].

Акушерка Александра Александровна Бутовская была арестована в Одессе в 1874 г. Приговором особого присутствия Сената была признана виновной в «злоумышленном распространении сочинений, имеющих целью возбуждение к неповиновению верховной власти». Изначально ее приговорили в 4 годам каторжных работ на заводах, но потом наказание было заменено на ссылку. Пробы в Мариинске несколько лет, она бежала в 1880 г., но была поймана в Казани с паспортом на имя Степаниды Афанасьевны Журавлевой [10, стб. 157 – 158; 17, с. 95].

Бывший студент Петербургского технологического института Алексей Германович Масютин (он же Алексей Николаев) имел большой опыт хождения в народ, трудился в земледельческой колонии, работал в мастерских и т. д. Он вел пропаганду в Псковской, Саратовской и Смоленской губерниях. В Псковской губернии совместно с товарищами устроил кузницу, где проповедовал революционные взгляды. В 1879 г. был арестован по делу о пропаганде в Торопецком уезде той губернии. Административным порядком был выслан в Сибирь, оказался в Мариинске [11, стб. 888 – 889].

Мартын Александрович Млодецкий тоже обучался в Петербургском технологическом институте, а затем в Петровской земледельческой академии. Участвовал в студенческих сходках, посещал мастерские, где проповедовал идеи народничества. Затем был привлечен к дознанию по «процессу 193-х». Позднее участвовал в деятельности революционного кружка в Киеве и проходил по «процессу 50-ти». В 1877 г. был признан виновным в «составлении преступного сообщества, в участии в нем и в распространении преступных сочинений, имевших целью возбуждение к бунту» [11, стб. 954].

Смоленский крестьянин Пафнутий Николаевич Николаев в 1870-х гг. перебрался в Москву и стал работать на одной из ткацких фабрик. Здесь он увлекся революционными идеями и занялся их пропагандой. Был арестован в 1875 г. и проходил по «процессу 50-ти». В 1877 г. суд приговорил его к 9 годам каторжных работ. Но это наказание было заменено на ссылку в виду того, что он был «участником в таком преступлении, важность и значение которого, по принадлежности к крестьянскому сословию, не могли быть им вполне сознаваемы» [11, стб. 1038].

Слушательница фельдшерской школы в Петербурге Лидия Александровна Николаевская участвовала в деятельности одного из столичных революционных

кружков. Первый раз была арестована по делу о пропаганде в Череповецком уезде. При обыске было обнаружено много запрещенных изданий. С мая по октябрь 1876 г. находилась в заключении в одиночной камере. После освобождения участвовала в демонстрации у Казанского собора в Санкт-Петербурге. Вторично была арестована в декабре 1876 г. и сослана в Томскую губернию [11, стб. 1039 – 1040].

Студент Новороссийского университета Андрей Александрович Олеховский (Алеховский) оказался в Мариинске только за то, что во время казни известного народовольца В. Малинко в Одессе 7 декабря 1879 г. выкрикнул из толпы «Мужайтесь, братья!» [11, стб. 1086].

Поляк Стефан Владиславович Рожанский получил образование в Плоцкой гимназии. Став студентом медицинского факультета Варшавского университета, увлекся революционными идеями. В 1878 г. был арестован в Люблине и посажен в один из павильонов Варшавской цитадели. Затем в 1880 г. административным порядком был выслан в Томскую губернию [11, стб. 1341].

Сын судебного следователя Сергей Иванович Сергеев учился в Петербургском университете, участвовал в деятельности лавристского кружка (изучал и пропагандировал учение П. Л. Лаврова). В 1875 г. был арестован и привлечен к дознанию по делу о пропаганде в Империи («процессу 193-х»). В 1876 г. за недостатком улик был освобожден от взыскания. Однако в том же году был вторично арестован за пропаганду среди крестьян Рязанской губернии и признан судом виновным и приговорен к каторжным работам. В виду несовершеннолетия в момент преступления наказание было смягчено на ссылку [11, стб. 1466].

Оказавшиеся в Мариинске ссыльные революционеры народовольцы, старались держаться вместе. Их объединяло не только общее революционное прошлое, но и общие интересы и взгляды. Традиционными для них стали встречи с другими политическими ссыльными, следующими отбывать наказание в отдаленные места Сибири. Один из таких случаев в августе 1879 г. обернулся скандалом. На железнодорожной станции в Мариинске политическая ссыльная Пелагея Патруева, следующая в Восточную Сибирь, ударила полицейского надзирателя, пытавшегося помешать ей встретиться с маринскими ссыльными. Тем самым она усугубила свое положение и была отправлена в Туруханский край [11, стб. 1153].

В 1881 г. в Мариинск прибыл политический ссыльный Георгий Николаевич Преображенский (подпольная кличка «Юрист»). Он был одним из основателей в 1876 г. общества «Земля и воля», входил в состав петербургской центральной группы этой организации. Преображенский имел личные связи с такими видными революционерами, как Г. В. Плеханов, С. Л. Перовская, Н. С. Тютчев, А. И. Желябов, В. Н. Фигнер и др. После распада «Земли и воли» в 1879 г. Преображенский примкнул к обществу «Черный передел». В ссылке он прожил недолго, заболел и умер от чахотки [1, с. 152].

Отношения между народовольцами, отбывавшими ссылку в Мариинске, были даже больше, чем просто дружескими. В январе 1882 г. между В. П. Александровым и Л. А. Николаевской был заключен брак. При этом поручителями на свадьбе выступали ссыльные: С. В. Рожанский, А. А. Олеховский, А. Г. Масютин, а

также марининский мещанин Иннокентий Степанович Китновский [5, л. 118 об. – 119].

В 1883 г. в Мариинск прибыли сразу шесть политических ссыльных, которые пополнили группу местных народовольцев. Это были: дочь священника Е. Д. Диковская, отставной поручик Л. А. Дробный, сын псаломщика Е. Г. Воронин, отставной поручик М. Ф. Лаговский, мещанка С. О. Баранова и мещанин Яков Абрамович Перльштейн (Перельштейн) [8, л. 14 – 14 об.]. О последнем известно только то, что он был арестован в 1881 г. и проходил по делу о революционной организации в Северо-западном крае (Белостоке и Минске).

Обе прибывших в Мариинск женщины революционерки были давними подругами. Екатерина Дорогеевна Диковская в 1877 г. окончила Симферопольское епархиальное училище, и некоторое время работала сельской учительницей в Днепропетровском уезде. Потом она перешла она фельдшерские курсы при Киевском военном госпитале, где и познакомилась с Саррой (Натальей) Осиповной Барановой. В 1881 – 1882 гг. они обе входили в состав киевского революционного кружка. В мае 1882 г. участвовала в демонстративном пении под окнами киевской тюрьмы и переговорах вместе с политическими заключенными. В 1882 г. были арестованы и проходили по делу о принадлежности к кружку «Бычковцев». Причем С. О. Баранова была признана главным организатором этого кружка. В 1883 г. их сослали в Томскую губернию и водворили в Мариинске [14, стб. 1158 – 1159].

Обе революционерки вышли замуж за политических ссыльных. Баранова стала женой известного революционера Льва Матвеевича Коган-Бернштейна, а Диковская заключила брак с отбывавшим в Мариинске ссыльным Сергеем Львовичем Миловзоровым. Здесь же в Мариинске в сентябре 1884 г. у них родилась дочь Елена. При этом восприемниками были политический ссыльный М. А. Панибратченко и марининская мещанка Надежда Даниловна Рогова [6, л. 86 об. – 87].

Евгений Григорьевич Воронин был воспитанником Кишиневской, а затем Каменец-Подольской духовной семинарии. В 1882 г. был арестован за хранение запрещенных изданий. По данным департамента полиции Воронин являлся «главным руководителем социально-революционного сообщества, образовавшегося среди воспитанников Каменец-Подольской духовной семинарии, и положил основание тем кружкам семинаристов, которые под именем «подпольной дружины» поставили себе задачей достижение противоправительственных целей». После ареста Воронин сначала содержался в тюрьме, а потом был выслан в Томскую губернию. В Мариинске он участвовал в беспорядках проведенных политическими ссыльными в сентябре 1883 г. [13, стб. 661 – 663].

Ликарион Алексеевич Дробный являлся слушателем Харьковского университета. В 1882 г. полиция перехватила 16 писем адресованных им А. А. Козаченковой. В них имелись сведения об организации в Харькове «кружка саморазвития из учащейся молодежи». После ареста Дробного в его квартире обнаружилось много нелегальной литературы. По высочайшему повелению был выслан в Томскую губернию и оказался в Мариинске [14, стб. 1245 – 1246].

Отставной поручик Михаил Федорович Лаговский получил военное образование в 3-м Александровском

училище в Москве в 1875 г. Затем он в течение нескольких лет служил во 2-м восточносибирском батальоне, стоявшем в Троицкосавске (Кяхте) на границе с Китаем. На военной службе он попал в разряд «неблагонадежных», так как был замечен в тайных сходках. В 1877 г. он вышел в отставку и поселился в имени под Костромой. В следующем году его арестовали в Ярославле за хранение нелегальной литературы. Административным порядком он был выслан в Томскую губернию и водворен в Мариинске. Здесь он оказался в центре политического инцидента. При встрече местными политическими ссыльными их товарищей, проходивших по этапу, произошла ссора с полицией, которую власти классифицировали как «нападение на полицию». Чтобы не получить более серьезное наказание, Лаговский бежал из Мариинска. Потом он вступил в нелегальную организацию «Народная воля». В 1884 г. был арестован, у него был обнаружен рецепт изготовления взрывчатого вещества. За это Лаговский просидел в одиночной камере в Шлиссельбургской крепости 10 лет [7, с. 148 – 151].

Любопытна судьба Макара Афанасьевича Панибратченко, который попал в Мариинск в январе 1884 г. Государственное преступление отставного унтер-офицера заключалось в том, что он в 1881 г. после убийства императора Александра II призывал крестьян производить беспорядки, подстрекал их к насилию против евреев, священников и лиц благородного происхождения. Все перечисленные преступления Панибратченко совершил в Борзенском уезде Черниговской губернии, где сам и проживал вместе с семьей [3, л. 22 – 23]. Во время следствия вскрылись новые факты из его деятельности. Оказалось, что он участвовал в «нападении и уничтожении чужого имущества», принадлежащего евреям в Харьковской губернии. Решением временного военного суда города Нежинска от 6 марта 1882 г., Макар Панибратченко был лишен всех прав состояния и приговорен к двум с половиной годам исправительных работ в арестантском отделении с последующим отбытием принудительного поселения в Томской губернии под гласным надзором полиции сроком на 5 лет [5, л. 2 – 4].

В Мариинске с Панибратченко произошел казус. Дело в том, местные власти не могли понять к какому разряду преступников его относить: к государственным или уголовным. Если рассматривать первый приговор, то он был государственным преступником, если же изучить приговор Нежинского военного суда, то он уголовный ссыльный, участвовавший в погромах. Сам Панибратченко категорически заявил, что он является государственным преступником, и даже написал жалобу томскому губернатору, обвиняя марининские власти в том, что они его таковым не признают. Желание его вполне объяснимо. Дело в том, что политические преступники имели право на получение пособия. В конце концов, губернские власти решили, что Панибратченко является государственным преступником, и разрешили ему выдавать ежемесячное пособие [3, л. 36 – 36 об.].

Видя, что власти идут на уступки, Панибратченко тут же написал еще одно прошение, в котором потребовал перевезти в Сибирь за государственный счет всю его семью. Ответа не последовало, тогда в марте 1884 г. он подал второе прошение. Основания для беспокойства у Панибратченко были очевидные. Суть в том, что осенью 1883 г. он получил письмо от своей

жены, в котором эта самоотверженная женщина призналась, что с радостью готова поехать за мужем в ссылку, но никаких средств у нее для этого нет. После того, как ее муж был арестован она «с детками осталась при самом бедном и жалком состоянии». Никакой помощи ни от кого она не получала, даже родные забыли ее. Несмотря на это она продолжала воспитывать детей, сына Дмитрия даже устроила в школу, в которую он «бегает босой». В коротких строках этого письма, написанного малограммой рукой, предстает вся тяжесть печальной доли жены ссыльного. Пока ее муж подстрекал крестьян к бунту, и сам участвовал в погромах, она продолжала воспитывать детей. Когда же его отправили в Сибирь, она с готовностью изъявила желание поехать вслед за ним, ибо «разлучены мы лицом, но не сердцем». «Желаю назвать тебя своим мужем, — писала она, — ибо другого не желаю, по Священному писанию плоть от плоти, кость от кости, не желаю оставить тебя при какой-либо неизвестности, но желаю быть всегда с тобой» [3, л. 57 – 58].

Несмотря на все усилия самого ссыльного и его жены, соединиться им так и не довелось. Губернские власти запретили высыпать в Сибирь за казенный счет жену политического ссыльного и его детей. Пять последующих лет Макар Афанасьевич Панибратченко провел под гласным надзором полиции в Мариинске. Он не упускал случая, чтобы добиться разрешения вернуться на родину. В 1888 г. он даже лично обратился к томскому губернатору, который по делам службы приезжал в Мариинск. Губернатор посоветовал ему обратиться с ходатайством в департамент государственной полиции [3, л. 79 – 79 об.]. Только после окончания полного срока ссылки, в 1889 г. Панибратченко отправился на родину в Черниговскую губернию.

На судьбе еще двоих политических ссыльных стоит остановиться подробнее. Это Владимир Дмитриевич Соколов и Алексей Степанович Белевский. Для обоих ссылка в Мариинск сильно повлияла на их дальнейшую судьбу, творчество и взгляды.

В 1882 г. в Вильно был раскрыт заговор революционного кружка, ставившего себе цель борьбы с существующим режимом. Среди арестованных людей был Владимир Дмитриевич Соколов. В сентябре этого года состоялся суд, с докладом выступил лично министр юстиции, и император Александр III приговорил В. Д. Соколова к ссылке в Западную Сибирь сроком на 5 лет. Министерство внутренних дел выбрало местом ссылки Томскую губернию [4, л. 4 – 5].

По прибытию в Томск его определили на место жительства в Каинск, затем он был переведен в Бийск, а в 1886 г. оказался в Мариинске. Поскольку В. Д. Соколов не знал никаких ремесел, он зарабатывал на жизнь уроками. В Мариинске он тоже пытался найти подходящее место домашнего учителя, но вскоре к нему поступило неплохое предложение поработать конторщиком в золотопромышленной компании Миллера. Соколов сразу же согласился. Контора компании находилась в Тисуле, так летом 1886 г. он оказался в этом селе [8, л. 31].

В должности конторщика Соколов проработал менее года. Потом он переехал в село Колыон Мариинского округа. В мае 1887 г. Соколов получил разрешение губернатора приехать в Томск по торговым делам сроком до 15 июня. Однако, после окончания срока, Соколов не вернулся в Мариинский округ. Начались

поиски политического ссыльного, закончившиеся его задержанием и предъявлением требования полиции о возвращении к месту присыпки [9, л. 4 – 4 об.]. Но даже после этого В. Д. Соколов не собирался уезжать из Томска. В сентябре истек срок его ссылки, и он покинул город «в неизвестном направлении». Томская полиция безуспешно пыталась его найти для того, чтобы выплатить положенное пособие [9, л. 9 – 11].

Спустя некоторое время В. Д. Соколов появился в Омске. Здесь-то он и состоялся как поэт и фельетонист. В местной прессе под псевдонимом «Митрич» он стал печатать небольшие рассказы и стихи. В Омске он продолжал вести антиправительственную деятельность. В 1903 г. его обвинили во вредном влиянии на учащуюся молодежь и сослали в Каркаралинск Семипалатинской области. Из ссылки ему удалось вернуться через год. В 1909 г. в Омске возник литературный кружок, в который вошел «Митрич». Последние его стихи были напечатаны в литературно-художественном сборнике «Жертвы войн», посвященном Первой мировой. В январе 1917 г. он умер, похоронен был в Омске, могила его не сохранилась [16, с. 90 – 91].

Алексей Степанович Белевский занялся революционной деятельностью будучи студентом Петровской земледельческой академии в Москве. В 1879 г. он был привлечен к дознанию по делу о создании революционного «центрального распорядительного комитета». Дознанием была установлена его причастность к революционной деятельности, и он был выслан под надзор полиции в Вологодскую губернию. Через год был переведен в Архангельскую губернию, а в ноябре 1881 г. – в Томскую губернию и водворен в Мариинске. Здесь он пробыл в ссылке три года.

В 1884 г. ввиду одобрительного отзыва томского губернатора Белевскому было разрешено вернуться на родину в Могилевскую губернию, но без права проживания в Могилеве. Сибирская ссылка не только не отбила у Белевского желание революционной борьбы, а наоборот укрепило его. В 1887 г. он вместе с несколькими народовольцами создал революционную организацию под названием группа «Социалистов-федералистов», которая ставила себе цель – свержение самодержавия путем массового революционного террора. Главный печатный орган группы – журнал «Самоуправление» издавался в Женеве. Белевский не только его редактировал, но и печатал там свои статьи под псевдонимом «Белорус». В 1889 г. тайная группа «Социалистов-федералистов» была раскрыта полицией. Около полугода с октября 1890 г. по март 1891 г. он находился под стражей, а потом находился под гласным и негласным надзором полиции.

В 1894 г. он вошел в петербургскую «Группу народовольцев», являясь в ней главным теоретиком и литературным публицистом. Был редактором и автором «Летучего листка группы народовольцев». Однако в 1896 г. подпольная типография группы была раскрыта. Затем в течение двух лет отбывал наказание в Петропавловской крепости и Петербургской одиночной тюрьме. В 1898 г. был выслан в Восточную Сибирь на 8 лет. Ссылку отбывал в Якутске и Верхоянске. В 1904 г. был помилован, вернулся в Европейскую Россию и занялся литературной деятельностью. Сотрудничал в «Вестнике Европы» и других изданиях.

В 1908 г. Белевский эмигрировал за границу. Жил в Турции и Франции, являлся постоянным заграничным

корреспондентом «Русских ведомостей». После революции вернулся в Россию. Долгая революционная деятельность и увиденные им ужасы революции кардинальным образом изменили его взгляды. На родине он стал выступать как решительный противник большевиков. В 1918 г. он уехал на Дон и вошел в совет при генерале Корнилове. В сентябре того же года он участвовал в «Государственном совещании» в Уфе, где присутствовали лидеры антибольшевистских партий и течений. Там же он был избран в состав временного правления «Всероссийского национального союза». Потом он уехал в Сибирь и стал председателем созданной колчаковским правительством Комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. Умер в Иркутске в 1919 г. [13, стб. 238 – 242].

В 1870-х – 1880-х гг. в Мариинске сформировалась устойчивая группа ссыльных революционеров народовольцев. На смену одних прибывали другие. Примечательно, что среди народовольцев, отбывавших ссылку в городе, были не только рядовые революционеры, но

и некоторые организаторы тайных обществ. Например, Георгий Николаевич Преображенский был одним из основателей общества «Земля и воля». В ссылке народовольцы старались держаться вместе. Даже находясь под надзором полиции, они продолжали вести антиправительственную деятельность, выражавшуюся в поддержании связей с такими же ссыльными в других регионах Сибири. Для некоторых из них ссылка изменила их личную жизнь. В Мариинске были заключены браки между некоторыми революционерами. После отбытия наказания многие из ссыльных прекратили свою революционную деятельность, другие же, наоборот, стали заниматься ей еще активнее. Хотя маринская ссылка не была такой масштабной, как, например, нарымская (на севере Томской губернии), она оказала некоторое влияние на социальное развитие региона, способствовала распространению революционных взглядов среди населения и повышению политической активности жителей.

Литература

1. Антонов В. Ф. Революционное народничество. М.: Просвещение. 1965. 268 с.
2. Белоконский И. П. К истории политической ссылки 80-х годов // Каторга и ссылка. 1927. № 2(31). С. 142 – 157.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 71.
4. ГАКО. Ф. Д-38. Оп. 1. Д. 10.
5. ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 327.
6. ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 376.
7. Галерея шлиссельбургских узников. Ч. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. 298 с.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 1297.
9. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2034.
10. Александров Владимир Александрович; Бутовская Александра Александровна // Деятели революционного движения в России. Биобиографический словарь. Т. 2. Вып. 1. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. Стб. 16 – 17; 157 – 158.
11. Масютин Алексей Германович; Млодецкий Мартын Александрович; Николаев Пафнутий Николаевич; Николаевская Лидия Александровна; Олеховский Андрей Александрович; Рожанский Стефан Владиславович; Сергеев Сергей Иванович // Деятели революционного движения в России: биобиографический словарь. Т. 2. Вып. 3. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев. 1931. Стб. 888 – 889; 954 – 955; 1038 – 1039; 1039 – 1040; 1086; 1341; 1466.
12. Фрессер Владимир Николаевич // Деятели революционного движения в России: биобиографический словарь. Т. 2. Вып. 4. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев. 1932. Стб. 1853 – 1854.
13. Белевский Алексей Степанович; Воронин Евгений Григорьевич // Деятели революционного движения в России: биобиографический словарь. Т. 3. Вып. 1. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев. 1933. Стб. 238 – 242; 661 – 663.
14. Диковская Екатерина Дорофеевна; Дробный Ликарион Алексеевич // Деятели революционного движения в России: биобиографический словарь. Т. 3. Вып. 2. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев. 1934. Стб. 1158 – 1159; 1245 – 1246.
15. Марголис А. Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука. 1975. С. 223 – 237.
16. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск: Омский дом печати, 2005. 195 с.
17. Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX века. Тюмень: б/з, 1976. 141 с.
18. Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866 – 1882 гг. М.: Мысль. 1978. 335 с.

Информация об авторе:

Ермоляев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, заведующий лабораторией истории Южной Сибири Института экологии человека СО РАН, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, al-ermolaev@yandex.ru.

Alexey N. Ermolaev – Doctor of History, Head of the Laboratory for the History of Southern Siberia, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science; Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 20.05.2015 г.

**Е. Е. ЗАМЫСЛОВСКИЙ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – XVII ВВ.**
E. F. Зданович

**E. E. ZAMYSLOVSKY ABOUT RUSSIAS FOREIGN POLICY DURING
THE SECOND HALF OF THE XVI TH CENTURY – THE XVII TH CENTURY**
E. F. Zdanovich

В статье анализируются взгляды Егор Егоровича Замысловского на важнейшие события русской истории. В центре внимания исследователя находилась история России XVII в. В своих научных поисках историк обратился к царствованию Ивана IV и Федора Алексеевича. Заслугой ученого является, несомненно, то, что он акцент сделал на анализ истории внешнеполитической деятельности Российского государства в XVI – XVII вв. Е. Е. Замысловский довольно обстоятельно знакомит с содержанием тех периодов русской истории, которые были мало изучены. Историку удалось собрать и прокомментировать огромный источниковедческо-историографический материал, что представляет ценность для развития исторической науки. Труды историографа получили признание среди современников. Не смотря на то, что не все замыслы Е. Е. Замысловского оказались реализованными, магистерская диссертация «Царствование Федора Алексеевича» послужила фундаментом для последующих исследований по истории России XVII в.

The article analyzes the views of Egor Zamyslovsky to the most important events of Russian history. In the center of attention of the researcher was the history of Russia of the XVII century. In the scientific searches, the historian addressed to Ivan IV and Fedor Alekseevich's reign. The merit of the scientist is, undoubtedly, that he made emphasis on the analysis of the history of foreign policy of the Russian state in XVI – XVII centuries. Zamyslovsky in details acquaints with the contents of little-known periods of the Russian history. The historian managed to collect and comment huge historiographic material, which is important for the development of historical science. Historiographer's work gained recognition among his contemporaries. In spite of the fact that Zamyslovsky realized not all plans, the master thesis «Fedor Alekseevich's Reign» served as the base for further research of Russia of the XVII century.

Ключевые слова: исторические взгляды, русская история, царствование Ивана IV, магистерская диссертация, царствование Федора Алексеевича, внешняя политика.

Keywords: historical views, Russian history, the reign of Ivan IV, Master's thesis, the reign of Fedor Alekseevich, foreign policy.

Е. Е. Замысловский был разносторонним ученым, имевшим весьма широкий круг интересов: всеобщая история, русская история, историческая география. В историю же российской исторической науки Егор Егорович вошел в первую очередь, как исследователь, в центре внимания которого, была история России XVII в. и историческая география.

Рассматривая творческое наследие Е. Е. Замысловского, необходимо учесть лекции ученого по русской истории [1; 2], которые он читал в Санкт-Петербургском университете. Именно в них исследователь определяет свое отношение к главным событиям русской истории. При этом лекции историка следует рассматривать в едином комплексе с другими работами Егор Егоровича по русской истории.

В лекционном курсе Е. Е. Замысловского разделы были представлены с различной глубиной и полнотой. Наиболее содержательными и оригинальными были лекции, которые посвящены истории царствования Ивана IV и Федора Алексеевича. Эти разделы представляли собой не просто пересказ исторических фактов, но содержали выводы ученого. При характеристике же других периодов русской истории видно, что Е. Е. Замысловский дает общую характеристику событий.

Особое место в творческом наследии Егор Егоровича занимает эпоха Ивана IV. На это указывают не только лекции, но и другие исследования ученого. Среди них выделяются такие работы, как «Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России» [12],

«Очерк сношений России с Англией в царствование Ивана Грозного» [4], «О сношениях с Западом при Иване Грозном» [3, с. 123 – 124].

Одним из главных вопросов для историка стала внешняя политика, проводимая Иваном IV. В частности, Е. Е. Замысловский рассмотрел отношения России с Англией, Швецией и Данией, проанализировал переписку, которую вели правительства этих государств.

В работе «О сношениях с Западом при Иване Грозном» видим повышенное внимание автора к сближению с Западом и выгодам, которые последовали бы за ним. Вероятно, высказывается Егор Егорович, для Ивана IV иностранцы в первую очередь были полезны своими знаниями. Поэтому он даже не против их привлечения на службу. Вслед за этим утверждением, следует мысль о том, что у русского народа появляется возможность свободного передвижения, общения и установления тесных связей с западноевропейским миром. Таким образом, историк показал, что плоды западноевропейской цивилизации могут благоприятно сказаться на развитии русского государства [3, с. 125].

Рассуждал Е. Е. Замысловский и о сложностях, которые могли возникнуть во взаимоотношениях с Западом. В доказательство этого положения он приводит факт, что Запад сознавал, какую силу может приобрести Московское государство в скором времени [3, с. 127]. Эта утверждение присутствует и в его работе «Очерк сношений России с Англией»: «Госу-

дарство, основанное варварами, как называли русских, не принадлежащее к семье государств европейских, существующее только насилием, не может по самому существу своего политического строя, оставить в покое соседние государства, богатые своей цивилизацией» [4, с. 161].

В работе «Очерк сношений России с Англией» отдельного внимания заслуживает переписка царя Ивана с Елизаветой. Из рассуждений автора видно, что королева Англии не переставала заявлять о своем дружеском расположении [4, с. 173]. В одной из грамот она пишет, что «согласна вступить в союз с могущественным государем московским против всех тех, которые будут общими врагами и России и Англии. Против врагов России королева также обещала помочь, если только эта помощь будет возможна и справедлива» [4, с. 169]. Что же касается Ивана IV, то он искал союз с Англией не ради только одних личных интересов. По мнению Егор Егоровича, прежде всего, государственные соображения побудили царя обратиться к королеве. Россия нуждалась в технике и военных снарядах [4, с. 167].

Обратившись к проблеме внешнеполитической деятельности Ивана IV, Е. Е. Замысловский не мог обойти Ливонскую войну. В своих очерках об отношениях с Англией он раскрывает подробно ситуацию, которая сложилась накануне и в начальный период войны. Большое внимание было уделено завоеванию Нарвы русскими. Однако из работы видно, что акцент сделан на экономические взаимоотношения между западноевропейскими странами, установлением торговых связей в этот сложный период.

В лекционном курсе историка также встречается подробный рассказ о Ливонской войне. Здесь Егор Егорович раскрывает причины этой войны, ход событий, определяет основные ее результаты. Обращаясь к событиям Ливонской войны, исследователь показал, что, не смотря на успехи, война затягивалась и была слишком обременительной для Московского государства. Большое внимание было уделено описанию тех настроений, которые возникли во время войны внутри государства. Это было время, когда преследовали служилых людей. Действия опричнины были невыносимо тяжелы для народа. Что же касается итогов этой войны, то историк усмотрел причины поражения в отсутствии искусства брать крепости московским войском, которых было огромное количество на территории Ливонии. Неудачи в ходе войны объясняются и тем, что Московское государство было недостаточно подготовлено к борьбе с западноевропейскими государствами.

Сделав обзор в своем лекционном курсе внешнеполитических событий за время правления Ивана Грозного, Е. Е. Замысловский не оставил без внимания и деятельность царя внутри государства. В царствовании Ивана IV историк выделил два периода. В первом периоде царь у него представлен мудрым законодателем, победителем Казани, Астрахани, Крыма, пользующимся советами своих советников Адашева и Сильвестра. После же событий 1563 г. государство разделилось, — пишет ученый, — на земщину и опричнину. Здесь он дает ссылку на Кавелина, который считал, что с опричниками было положено начало служилому дворянству, задачей которого было возвышение верховной власти с целью подорвать стремление родо-

витого дворянства. Егор Егорович же видел в опричнине только пагубные последствия для развития государства и народа. «Опричники, желая угодить царю, страшно злоупотребляли своей властью, и возмутительные доносы стали явлением обычным. К тому же пытки осложняли и запутывали политические процессы и преследованиями и истязаниями подвергались люди ни в чем не виновные» [1, с. 78].

Детальное изучение работ историка, посвященных периоду Ивана Грозного [3; 4], приводит к выводу, что Е. Е. Замысловский, хотя и не идеализирует личность Ивана IV, но также как и многие историки того времени видит в нем носителя государственных начал, выступающего в борьбе со старыми традициями, стремящегося наладить контакты с западным миром.

Истории России XVII в. было отведено особое место в научной и педагогической деятельности Е. Е. Замысловского. Начало было положено в тот момент, когда историк приступил к работе над своей магистерской диссертацией «Царствование Федора Алексеевича» [10]. Увлеченностю архивными исследованиями привела к тому, что молодой ученый расширил часть магистерской диссертации, которая была посвящена обзору источников по теме. Эта часть была выполнена настолько основательно, что приобрела вполне самостоятельное звучание. Предварительно, в соответствии с существующим положением, она была издана отдельной книгой под названием «Царствование Федора Алексеевича. Часть I. Обзор источников».

Книга Е. Е. Замысловского содержит очень важные и ценные наблюдения. Проведенное историком исследование источников позволяет воссоздать картину царствования Федора Алексеевича. Вместе с тем Егор Егорович был осторожен в формулировке своих выводов.

Наибольшую ценность представляет вводная часть магистерской диссертации, которая раскрывает взгляды Е. Е. Замысловского на историю России XVII в. В работе впервые давался обзор и анализ источников, которые значительно расширили представление о периоде царствования Федора Алексеевича. В исследовании Егор Егорович информация о царе Федоре Алексеевиче представлена не последовательно. Объяснить это можно тем, что автора в первую очередь интересовала историография вопроса.

Историограф одним из первых собирателей материалов о царствовании Федора Алексеевича называет В. Н. Татищева. Е. Е. Замысловского привлекло исследование «Жизнь царя Федора Алексеевича», которое было представлено лишь в черновом варианте. Егор Егорович, в ходе анализа этого сочинения, описал характер и деятельность, как самого Федора Алексеевича, так и лиц к нему близких. Так, например, из исследования узнаем, что царь любил пение, постройки, был великий охотник до лошадей, щедро помогал погоревшим [10, с. 5].

Кроме описания характера и интересов царя Федора, пишет Е. Е. Замысловский, В. Н. Татищев представил одним из первых информацию о внутренней политике правительства того времени. Особое внимание со стороны ученого в исследовании было уделено проблеме уничтожения местничества в России, как самому важному из всех решений царя Федора.

Исследуя незавершенную работу Г. В. Миллера о жизни и царствовании Федора Алексеевича, Е. Е. Замысловский обратил внимание на сведения о воспитании царевича Федора, а также остановился на разборе разноречивых известий о вступлении его на престол.

В своей магистерской диссертации «Царствование Федора Алексеевича. Часть I. Обзор источников» Егор Егорович обратился и к анализу внутриполитической деятельности царя Федора Алексеевича. Ученый отмечал, что Г. В. Миллер в предисловии к «Истории жизни и царствования Федора Алексеевича» писал о периоде царствования Федора как переходном периоде от великих дел царя Алексея Михайловича к преобразованиям Петра. Историк полагал, что время царствования Алексея Михайловича и Федора Алексеевича подготовили почву для реформ Петра, несмотря на тот факт, что в Западной Европе это царствование осталось практически незамеченным [10, с. 8].

Е. Е. Замысловский как исследователь, который уделял особое внимание этому периоду в русской истории, говорит, что ценность сочинения Г. В. Миллера в первую очередь заключается в том, что историк, как и В. Н. Татищев, использовал в работе исторические источники, которые до нашего времени, к сожалению, не дошли. Знакомство с ними позволяет многим исследователям расширить свою источниковедческую базу, по-другому взглянуть на многие события русской истории. В работе Миллера есть подробные сведения о восхождении Федора на престол, об отношениях его с царицей Натальей, о деятельности Артамона Матвеева и патриарха Никона. Замысловский полагал, что это позволяет создать более подробную картину царствования Федора Алексеевича. При этом считает исследователь, историк, который обладал приемами ученой критики, был очень осторожен в подаче исторических фактов. Он лишь дает читателю сведения о тех или иных событиях, но в работе отсутствует их авторская оценка.

Е. Е. Замысловский в своей магистерской диссертации «Царствование Федора Алексеевича» указывает, что новая трактовка событий эпохи преобразований и Московской Руси, начатая во второй половине XVIII в., была продолжена историками в XIX в. Н. М. Карамзин в своей работе «История государства Российского» [11], противопоставляя отрицательным сторонам эпохи преобразований, положительные стороны строя Руси Московской, увидел между ними тесную взаимосвязь. Егор Егорович обращает внимание, что исследователь видел в XVII в. основу для будущих преобразований, которые сблизили Россию и Запад.

Мысль эта прослеживается и во взглядах С. М. Соловьева [14]. Е. Е. Замысловский пишет, что историк новую русскую историю начинает не с Петра Великого, а с царствования Федора Алексеевича. Преемнику царя Алексея Михайловича предстояло идти по новому пути, «на который уже поворотил народ» [10, с. 34].

Большое значение в том, что русское государство встало на новый путь развития, принадлежало польскому и немецкому влиянию. Так как первое распространялось в царствование Федора Алексеевича, то по праву считает С. М. Соловьев его началом нового периода. Историк указывает, что при предшественниках Петра был проведен ряд реформ, которые поставили Россию на новый этап развития. Среди них названы

уничтожение местничества, создание учебных заведений. И лишь из-за кратковременного царствования Федора, полагает С. М. Соловьев, и Е. Е. Замысловский соглашаются с исследователем, многие эти события связывают с последующим историческим периодом [10, с. 34].

При этом Е. Е. Замысловский в своей работе обращает внимание на тот факт, что польское влияние хотя и составляло одну из весьма характерных особенностей царствования Федора Алексеевича, но оно не имело такого значения, какое было признано за немецким влиянием в царствование Петра Великого. Исследователь указал, что лишь одно польское влияние нельзя принять за основание нового деления на периоды. Все основания для проведения границы между новой и старой Русью ученый видел в тех мероприятиях, которые были осуществлены за кратковременный период царствования Федора Алексеевича. Среди них особого внимания заслуживает, конечно, уничтожение местничества.

Е. Е. Замысловский в своей магистерской диссертации представил и возвретия на историю XVII в. историко-юридического направления. Исследователь считает, что К. А. Неволин в своей статье «Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого» [13] приходит к выводам, которые позволили изменить представления об эпохе XVII в. Автор статьи в периоде царствования от Ивана III до Петра Великого находит общие черты в управлении русским государством. Во времени же царствования Федора Алексеевича, – пишет Замысловский, – К. А. Неволин замечает стремления к упрощению системы управления. Это является еще одним фактом, подтверждающим о начале активной преобразовательной деятельности в Российском государстве [10, с. 22].

В магистерской диссертации «Царствование Федора Алексеевича» Е. Е. Замысловский говорил о научном значении каждого возвретия на эпоху царя Федора. По словам историка, каждая более или менее самостоятельная точка зрения на этот исторический период позволяет создать более полную картину царствования Федора Алексеевича. Примечательно и то, что излагая историю царствования Федора Алексеевича, Егор Егорович не упустил из виду целую эпоху. Так, например, исследователь определил историческое значение русской литературы XVII в., привел подробные сведения о состоянии образования, остановился на изучении быта русского народа.

Е. Е. Замысловский в результате долгих научных изысканий пришел к выводу, что русская история XVII в., а особенно период царствования Федора Алексеевича, еще слабо исследованы. Существующие взгляды весьма разнятся друг от друга. Для многих из них характерна односторонность. Однако каждое новое возвретие, полагает историк, позволяет углубить знания по русской истории XVII в.

Все эти взгляды, считает исследователь, приводили к пониманию связи между XVII в. и XVIII в. Развитие централизации, западноевропейского влияния, распространение просвещения характеризуют не только первую половину XVIII в., но и XVII в. Реформы же Петра Великого стали представляться не только как его личная инициатива, но как явление вызванное потребностями того времени. В работе

Егор Егорович высказал мысль о том, что в большей части постановлений царя Федора Алексеевича заметно развитие тех начал, которыми руководствовалось правительство в предшествовавшие периоды.

Для целевого понимания эпохи царя Федора Алексеевича необходимо рассмотреть и такие работы Е. Е. Замысловского, как «Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича» [6 – 9], «Сношения России со Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича» [5]. Егор Егорович так и не создал полную историю царствования Федора Алексеевича. Однако богатый материал, собранный им в архивах Москвы, заставил написать научные статьи по данной проблеме.

В работах «Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича» [6 – 9], «Сношения России со Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича» [5]. Егор Егорович освещает конкретные события русской истории. В данном случае речь идет о внешнеполитической истории. В ходе исследования над проблемой историк использовал разнообразные источники и представил подробный фактический материал. Егор Егорович свой труд «Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича» разделил на главы, которые включают в себя краткое предисловие и разделы. Что касается характера и способа изложения материала о взаимоотношениях России с Польшей в XVII в., то исследователь дает подробный пересказ исторических фактов, где почти полностью отсутствуют авторские выводы по тому или иному вопросу. Также можно обратить внимание и на то, что одни детали очень конкретизированы в работе, в то время как другие затрагиваются автором поверхностно. Так, например, большое внимание было уделено дипломатическим встречам, переговорам, переписке.

В работе Е. Е. Замысловский важное место отвел переговорам России и Польши в царствование Федора Алексеевича. Егор Егорович указывает на преемственность во внешнеполитической деятельности отца и сына. Историк пишет, что отношения с Польшей складывались под знаком идеи о создании оборонительного союза славянских государств против османо-крымского наступления на Европу. Однако Егор Егорович приводит доказательства того, что «на военные силы и средства Речи Посполитой в конце XVII в. нельзя было рассчитывать, и крайнее недоверие к ней со стороны московского правительства служит только доказательством его политической дальновидности и трезвости, его умения сохранить и ограждать интересы своего государства, не соблазняясь никакими заманчивыми обещаниями. Оно не рассчитывало на чужую по-

мощь...» [8, с. 197]. Таким образом, в своей работе Е. Е. Замысловский попытался на конкретных событиях показать сложность сложившейся ситуации в российско-польских взаимоотношениях в XVII в.

Анализируя работу «Сношения России со Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича» можно обнаружить схожесть с работой «Сношение России с Польшей в царствование Федора Алексеевича».

Схема работы «Сношения России со Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича» представлена следующим образом.

1. Россия и Швеция: политические отношения в 1676 г., война Швеции с Данией, Бранденбургскими и Голландскими штатами и связанные с этим переговоры с Россией (пограничный съезд в 1676 г. на р. Меузица), торговые отношения, спорные вопросы о рубеже и высылке пленных, вопросы, связанные с православной церковью, негативное отношение к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, экономические вопросы, дипломатическая переписка.

2. Россия и Дания: отношения Дании к Московскому государству в конце XVII в., стремление датского правительства к привлечению Московской Руси к союзу западноевропейских государств против Швеции, приемы, переговоры (переговоры в ноябре 1676 г. о союзе Дании и России).

Знакомство с данными работами приводит к заключению, что Е. Е. Замысловский стремился на конкретных событиях отразить сложившуюся ситуацию российско-польских и российско-шведско-датских отношений, характеризующихся сложностью и противоречивостью. С одной стороны, может показаться, что ученый большое внимание уделил деталям излагаемых им событий. Однако в этих работах Егор Егоровича отчетливо проявилось стремление дать более подробную характеристику периоду царствования Федора Алексеевича.

Бесспорной заслугой Е. Е. Замысловского можно считать то, что историк довольно обстоятельно знакомил с содержанием тех периодов русской истории, которые были мало исследованы. Отличительной чертой работ ученого стало то, что он делал акцент на внешних связях России. Ценность представляет и огромный источниково-историографический материал, который был собран и проанализирован Егор Егоровичем. Что же касается идей, которые были выдвинуты исследователем, то многие из них получили свое дальнейшее развитие в исторической науке. Они оставались предметом внимания со стороны историков, рассматривались ими как важный вклад в изучение истории России XVII в.

Литература

1. Замысловский Е. Е. Лекции по русской истории. СПб., 1883. 235с.
2. Замысловский Е. Е. Лекции по русской истории. СПб., 1887. 256 с.
3. Замысловский Е. Е. О сношениях с западом при Иване Грозном // Русский вестник. 1889. № 4.
4. Замысловский Е. Е. Очерк сношений России с Англией в царствование Ивана Грозного // Древняя и Новая Россия. 1876. № 6. С. 160 – 173.
5. Замысловский Е. Е. Сношения России со Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. 1889. 93 с.
6. Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. № 1.
7. Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. № 2.
8. Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. № 3.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

9. Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1888. 90 с.
10. Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб.: Тип. Замысловского и Бобылева, 1871. 456 с.
11. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1993.
12. Масса И., Геркман Э. Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России / под ред. Е. Е. Замысловского. СПб.: Тип. Замысловского, 1874. 384 с.
13. Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // ЖМНП. 1844. № 1, 2, 3.
14. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 18 т. М.: Мысль, 1991.

Информация об авторах:

Зданович Елена Францевна – магистр исторических наук, преподаватель социально-гуманитарных наук Гуманитарного колледжа УО ГрГУ им. Я. Купалы, lenfranc@yandex.by.

Elena F. Zdanovich – the Master of Historical Sciences, a teacher of social-humanitarian sciences of the Humanitarian College of Yanka Kupala Grodno State University.

Статья поступила в редакцию 28.07.2015 г.

УДК 930/908:069.8

МУЗЕЕФИКАЦИЯ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЭКОМУЗЕЕ «ТАЗГОЛ» Т. И. Кимеева, П. В. Глушкова, С. Г. Родионов

THE DEVELOPMENT AND ACTUALIZATION THE OBJECTS OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE ECO-MUSEUM «TAZGOL» T. I. Kimeeva, P. V. Glushkova, S. G. Rodionov

Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 15-11-42003.

В статье рассматриваются особенности сохранения и актуализации историко-культурного наследия в таком инновационном типе музея, как экомузей. На примере фактических единственного в России экомузея «Тазгол» выявляется методика сохранения движимых и недвижимых объектов культурного наследия, актуализации нематериального наследия, музеефикации историко-культурного ландшафта. Устанавливается, что именно в экомузее возможна реализация современного подхода к сохранению наследия, при котором музеефикация неотделима от актуализации, историко-культурные объекты не изымаются из естественной социокультурной среды, а традиция сохраняется в развитии. Анализ деятельности экомузея «Тазгол» показал, что наряду с традиционными методами музеефикации применяются те, которые возможны только в таком типе музея как экомузей. Несмотря на комплексный подход к музеефикации среды, можно отметить утрату отдельных элементов традиционной культуры, которые на данном этапе развития общества необходимо реконструировать или моделировать.

The article discusses the features of maintaining and updating historical and cultural heritage in such an innovative type of Museum, ecomuseum. For example, the only actual in Russia ecomuseum «Tazgol» reveals the methodology of conservation of movable and immovable cultural heritage objects, updating intangible heritage, museums and historical-cultural landscape. It is determined that it is in the ecomuseum is possible to implement a modern approach to heritage conservation, in which the development is inseparable from the actualization of historical and cultural objects are not removed from the natural socio-cultural environment, and the tradition continues in development. Analysis of the activities of the ecomuseum «Tazgol» showed that traditional methods are museumification apply those that are only possible in this type of Museum ecomuseum. Despite a comprehensive approach to the museumification of environment, we can see the loss of certain elements of traditional culture, which at this stage of development of society it is necessary to reconstruct or simulate.

Ключевые слова: музеефикация, историко-культурное наследие, актуализация, экомузей, традиционная культура.

Keywords: Museum, historical and cultural heritage, updating, ecomuseum, traditional culture.

Процессы глобализации и информатизации, господствующие в современном обществе, вызывают острую необходимость не только сохранения, но и актуализации традиционной культуры. Традиция должна не только консервироваться, а включаться в современную социокультурную среду, перманентно воспроизводится. Музеи находятся сегодня в поиске новых путей актуализации наследия: наряду с тем, что экспозиция

начинает восприниматься как коммуникационное пространство, музей включает в свою деятельность новые формы работы с посетителем, осуществляет моделирование утраченных элементов. Но в то же время актуализация наследия в музее тесно взаимосвязана с его музеефикацией, базируется на фондовой деятельности музея.

Если раньше музей воспринимался лишь как хранилище предметов, но с течением времени направления его деятельности музея и роль в сохранении наследия переосмыкаются. В 1920-е гг. в работах Ф. И. Шмидта появляется термин «музеификация», применяемый к недвижимым объектам культурного наследия [4, с. 135 – 138]. Позднее начинают подниматься вопросы о необходимости сохранять не только материальное наследие, но и наследие нематериальное, с конца XX в. разрабатывается средовой подход, рассматриваются проблемы сохранения историко-культурной среды, то есть совокупности всех объектов культурного и природного наследия в их взаимосвязи [1]. В современном музееведении появляется термин «частичная» или «мягкая» музееификация – приведение в музейное состояние, не требующее полного изъятия памятника из среды. Новые подходы в сохранении историко-культурного наследия вызвали необходимость создания музеев нового типа. Так с начала XX в. активно создаются музеи под открытым небом, после зарождается теория «живых» музеев, в 1970-е гг. формируется теория экомузеев, внедренная на российской почве с 1990-х гг. Соответственно, в отличие от традиционных музеев коллекционного типа меняется подход к сохранению и презентации объектов культурного наследия: они приводятся в музейное состояние с сохранением первоначальных функций, сохраняются в развитии. Наиболее сложен и неоднозначен процесс музееификации объектов культурного наследия в таком типе музея как экомузей, наряду с этим именно экомузей обладает наибольшим потенциалом в области актуализации наследия, так как объекты культурного наследия встроены в современную социокультурную среду.

Сегодня термин «экомузей» прочно укоренился в отечественном музееведении. Под экомузеем (от греческого «eikos» – «дом», «жилище», «местообитание») понимается разновидность музеев под открытым небом, где основные объекты историко-культурного наследия музеефицируются на их первоначальном местонахождении в естественной историко-культурной среде при активном участии местного населения [2, с. 15].

Историко-культурное наследие делится на материальное и нематериальное. Материальное наследие, в свою очередь, можно разделить на движимые и недвижимые объекты. Помимо обозначенных объектов историко-культурного наследия в музеях под открытым небом сохраняется историко-культурный ландшафт: совокупность всех видов историко-культурного наследия в их взаимосвязи. Особенностью экомузея является, прежде всего, то, что элементы историко-культурного наследия не изымаются из естественной среды, не консервируются, а находятся в постоянном развитии, живут по собственным законам. Фондовая и экспозиционная деятельность музея данного типа будет существенно отличаться от соответствующих направлений деятельности в музеях других типов, иной будет методика музееификации недвижимых объектов, актуализации материальных и нематериальных объектов культурного наследия.

Специфика актуализации и музееификации объектов культурного наследия базируется на его отличительных признаках, которые можно выявить, исходя

из эволюционного определения экомузея Ж. А. Ривьера [3, с. 2 – 4]. Экомузей создается в естественной историко-культурной среде, по инициативе и при активном участии местного населения. И именно местное население обеспечивает функционирование музея. Музейные специалисты лишь координируют их деятельность, обеспечивая научный подход. Следовательно, объекты нематериального культурного наследия будут включаться в современную социокультурную среду непосредственно носителями традиции.

Для экомузея характерно специфическое отношение к предмету: предмет изымается из естественной историко-культурной среды для изучения, после же вновь возвращается в нее, продолжает использоваться по первоначальному назначению. Главная задача экомузея – не столько обеспечить сохранность предмета, сколько обеспечить сохранность традиции его изготовления или возродить утраченный механизм воспроизводства жизненных ценностей и культурных традиций.

Экомузей не имеет четко определенных границ, а охватывает территорию, объединенную не административно, а в силу единства традиций, природной среды и производственной деятельности. Экомузей может иметь собственно музей, а также может иметь коллекции традиционного типа, которые выставляются в постоянной экспозиции.

Идея французских теоретиков была реализована российским этнографом В. М. Кимеевым, и в поселке Усть-Анзас Таштагольского района Кемеровской области в 1991 г. был создан экомузей «Тазгол», в настоящее время являющийся фактически единственным на территории Российской Федерации. Население поселка на 99,9 % составляет коренное население – шорцы. Шорцы являются малочисленным коренным народом Кемеровской области. Это – тюркоязычный народ, проживающий на юге области в горнотаежной местности, получившей в XX в. название Горная Шория. Исследователями этнической истории шорцев выделяется три этапа:

- 1) формирование этнотерриториальных групп их исторических предков (XVII – н. ХХ вв.);
- 2) консолидация шорцев в условиях советского национально-культурного строительства (середина 1920 гг. – конец 1930 гг.);
- 3) этнокультурная трансформация шорцев в отсутствии национально-государственного образования (конец 1930-х гг. – настоящее время). Немногочисленные группы шорского сельского населения, не утратившего свою традиционную культуру и разговорный язык, сохранились на территории области в таежных поселках по р. Мрассу и ее левому притоку Пызасу [2, с. 65 – 66].

Поселок Усть-Анзас расположен на берегу горной реки Мрассу, в устье ее притока Анзас. На противоположном берегу находится священная для местных жителей гора Айган. Селитебная территория поселка рассредоточена по обеим берегам реки Анзас, историческая часть располагается на левом берегу. Улус Усть-Анзас находился на древнем караванном пути, после вхождения в состав Кузнецкого уезда улус стал пунктом сбора ясака, а также продолжал сохранять торговое значение. В середине XIX в. здесь было от-

крыто Мрасское отделение православной Алтайской духовной миссии. В начале XX в. развивается золотодобыча, и в улус приезжают русские приискатели, во многом повлиявшие на эволюцию традиционной культуры шорцев [2, с. 168].

Специфическое отношение к материальным памятникам обуславливает особенности музеефикации недвижимых объектов. Наряду с теми методами, которые традиционно используются в музеях под открытым небом: транслокации, сохранением «*in situ*», реконструкции, в эcomузее объекты музеефицируются с сохранением первоначальных функций.

В эcomузее «Газгол» на основе метода реконструкции воссоздан орехо-промышленный стан, состоящий из навеса со станком «пабрык» для размалывания кедровых шишек, летнего балагана «одаг» из колотых бревен, небольшого орехозапасного амбара, бревенчатой эстакады для погрузки мешков с орехом на лошадей, охотничьей избушки и лабаза «тастак». Но и в данном случае имеется особенность, характерная исключительно для данного типа музеев: реконструкция произведена носителем традиции – местным шорцем Василием Карпушкиным. Реконструкция – точная копия его собственного стана. Станок для рушения кедровых шишек не только носит название, употребляемое шорцами относительно приспособлений для рушения шишек в виде плоских широких досок с рукоятками и нарезанными зубьями на рабочей поверхности – «пабрык», но целиком выполнен из древесины. Вращающийся внутри короба вал, представляет собой часть ствола кедра с обрубками сучьев. Подобная особенность воспроизведения предметов традиционной культуры подкреплена таким признаком эcomузея, как стремления сохранить не столько материальный объект, сколько традицию его производства.

Посредством метода транслокации в эcomузее смоделирована усадьба Иванова, русского плотника, родственника последнего мрасского миссионера шорца Павла Кадымаева. Она воссоздана на месте усадьбы учителей, просуществовавшей до конца 1960-х гг. Усадьба моделируется за счет перевезенного из центра пос. Усть-Анзас подлинного дома-одноклети под двускатной тесовой крышей, двух двухъярусных амбаров. Один из амбаров – двухъярусный под двускатной самцовской желобовой крышей на потоках и курицах используется по первоначальному назначению. Новоделом в усадьбе является срубная баня, выполненная по аналогам начала XX в. Вся усадьба огорожена забором-полузаплотом.

Свеженными также являются такие объекты, как дом псаломщика, который был транслокирован из п. Кезек, миссионерский амбар, вывезенный из центральной части поселка, а также дом паштыка (бывший дом торговца «пай Степана»). В непосредственной близости от данных объектов с целью воссоздания исторической среды реконструируются амбары, стайка и огород. Все постройки отражают этнокультурные процессы соответствующей эпохи: взаимовлияние русской культуры и культуры коренного населения.

На месте сохранен дом мрасского миссионера 1879 г. Миссионерский стан Мрасского отделения Алтайской духовной миссии был обустроен в поселке Усть-Анзас в 1878 – 1881 гг. последователями мис-

сионера Василия Вербицкого иеромонахами Тихоном и Антонием, а также священником Гавриилом Оттыгашевым. На сегодняшний день дом требует неотложной реставрации, с каждым годом техническое состояние постройки ухудшается [2, с. 204 – 207].

Остальные жилые и хозяйствственные постройки сохранены с актуализацией первоначальных функций: шорские семьи продолжают в них жить, хозяйственные постройки также используются по первоначальному назначению. Однокамерные дома характеризуют русское влияние на жилище шорцев конце XIX – начале XX вв. До настоящего времени такой тип дома повсеместно сохраняется у жителей поселка Усть-Анзас и представляет собой одно жилое помещение с пристроенными сенями, как и русская изба. Справа от входа во многих домах сооружена глинобитная печь, вдоль стен расположены спальные места, только в условиях современности деревянные лавки заменены кроватями.

Так как границы эcomузея ограничивается не территорией, а единством традиции, к эcomузею может быть отнесен улус Кезек, дистанцированный от п. Усть-Анзас на 13 км. В улусе Кезек сохранились дома, загоны для скотины, традиционное жилище «сенек», используемое как хозяйственное. Жилище под названием «сенек», бытовавшее у шорцев, расселенных по рекам Мрассу и Кондоме в начале XX в. и имеющее место у усть-анзасских шорцев, прямоугольное в плане, со стенами из горизонтально уложенных бревен и двускатной крышей из колотых полубревен, переложенных берестяными тисками. Характерной чертой «сенека» является отсутствие в жилище потолка, наличие отверстия в крыше для выхода дыма над расположенным напротив входа очагом, устроенным в углублении из утрамбованной глины. Над очажной ямой на горизонтальной жерди под потолком укреплена вертикальная жердь «аскыш» с насечками и крюком на конце, на которые подвешивался сосуд для приготовления пищи. Вдоль стен расположены лавки как для сна, так и домашней утвари. В углу устроена ручная мельница «тербен» для размалывания зерен ячменя. На жердях, закрепленных на верхних бревнах стен, развешивается для просушки сезонная одежда, лыжи и другое охотничье снаряжение, шкурки добытых животных и пр.

Движимые объекты сохраняются различными способами. Наряду с тем, что в музеефицированных памятниках, используемых как музей и под музей, оборудованы экспозиции, построенные на основе тематического и ансамблевого методов, большинство предметов не изымаются из естественной историко-культурной среды и продолжают использоваться по первоначальному назначению. При этом сохраняется и такая часть нематериального наследия, как знания о приготовлении отдельного вида традиционных блюд. Так, в настоящее время в отдельных хозяйствах поселка еще используется бытовая утварь, предназначенная для приготовления одного из самых употребительных блюд шорцев – «талкан». Среди них цеп «токпак» с длинной рукоятью и подвязанной к нему кожаным ремешком колотушкой для обмолота ячменя, а также деревянные веялки «саргаш» в виде огромного толстостенного совка с полукруглым дощатым дном и высоким бортом из кедровой дранки, с

помощью которого ячменные зерна пропеивались от колючих чешуек. Котелки «кёёргуш» в виде чугунных полусферических сосудов с окружным дном, устанавливаются на железные кованые треноги, под которыми разводится огонь и с помощью деревянной мешалки «пулгаш» помешиваются для равномерного поджаривания зерна ячменя. Высокие толстостенные долблевые ступы «сак» с пестом «сак палазы», имеющим каменный наконечник, на следующем этапе применяются по традиции для предварительного измельчения ячменного обжаренного зерна. Зерно такого помола предназначается для приготовления каши «саламат». Для «талканы» дальнейшая обработка ячменя производится на зернотерках «тербен» с жерновами в виде двух каменных дисков, часто укрепленных на специальном столике. Муку дополнительно просеивали через сита «элек» с ободом из кедровой дранки и кожаным дном с мелкими отверстиями. Полученная в результате, поджаренная мука ссыпается берестяные туесы «туус». Сосуды под этим названием изготавливали из бересты и древесины. Были они двухслойными: внутренний снимался с обрезка ствола березы «чулком», внешний обворачивался вокруг него и соединялся вертикальным швом, вдоль верхнего и нижнего края для прочности крепились ободья из полосок бересты. Деревянное донце так плотно подгонялось к тулову, что в туесе можно было хранить и напитки [6, с. 31 – 63]. Приготовление «талканы» было связано с разными типами деревянной утвари: выдолбленными из кипа (нароста на стволах берез) полусферическими с плоским дном чашками «айак», деревянными ложками «каждык» и ковшами «омаш» с глубокой полусферической черпательной частью [6, с. 103 – 118; 120 – 154]. С их помощью поджаренную муку смешивали с водой, иногда приправляя медом и получая, таким образом, сытную пищу, известную под названием «талкан».

Почти все деревянные и берестяные предметы достались их современным владельцам по наследству, так как в поселке нет ни одного мастера по бересте и резьбе по дереву. Хотя в отдельных хозяйствах сохранились инструменты для работы по дереву: железные кованые долота-тесла «адылга», по традиции употребляемые для долбления чашек, ковшей и ложек, используемые иногда жителями поселка при возведении вокруг усадеб заборов-заплотов. Их бытование в поселке связано с наличием в прошлом кузниц, рядом с которыми сооружались стойла для подковывания лошадей.

Свидетельствует о бытовании в прошлом утраченного кузнечества наличие ив шорских хозяйствах используемых до сегодняшнего дня при обработке земли мотыг «абыл», конструкция черена которых соответствует специфике обработки почвы в горнотаежной местности: железное кованое лезвие полукруглой формы насаживается на его «Г»-образно изогнутый конец под прямым углом. Сохранились в конской верховой упряжи и старинные железные кованые стремена «изене» арочной и петлевидной формы [7, с. 35 – 45].

Широко используются до настоящего времени для передвижения по зимней тайге, особенно во время охотниччьего промысла, камусные лыжи «шана» скользящего типа – широкие, без прогиба под ступательной площадкой, с прямо срезанным задником и слегка за-

гнутым скругленным носом [8, с. 99 – 104]. Такие лыжи изготавливались из древесины черемухи, которая при распаривании легко гнется, и обшивались по скользящей поверхности камусом – шкурой с нижней голени копытного животного. Технология изготовления таких лыж до конца не утрачена, хотя чаще охотниками поновляется только износившаяся камусная обшивка. Для регулирования лыжного передвижения, расчистки снега при установке капканов из ствола молодой березы с частью расположенного под углом корня вырезали лыжные посохи «каек», при этом широкое корневое ответвление оформлялось в форме углубленной лопатки [8, с. 104 – 108]. Лыжные посохи также сохраняются у охотников шорской тайги.

Из черемуховой же древесины мастерили не вышедшие из употребления в каждом хозяйстве поселков Усть-Анзас и Кезек длинные узкие охотничьи двухполозовые наряды «шанагаш» с тремя парами копыльев, соединенными с полозьями и дощатым настилом вязками из черемуховых прутьев [8, с. 111 – 112]. Для управления нарядом выстругивали длинную жердь, закрепляемую с передней поперечной перекладиной наряда с помощью кольца из кости или рога. Предметы из кости-цевки и рога копытных животных, декорированные резьбой являются свидетельством домашнего косторезного промысла у шорцев. Их ассортимент был значительным: кольца для нарядов, пряслица для веретен, мерки для пороха, табакерки, курки для самострелов, навершия для сошек и др. К сожалению, традиции этого мужского занятия утрачены, несомненно, что его возрождение в рамках музейной деятельности привлекло бы внимание к народной культуре шорцев.

Редко, в основном у охотников поселка Дальний Кезек, используются в охотничьем быту пояса-натруски, в виде пересекающего грудь широкого ремня к которому подвешены: мерки для пороха из рога копытных животных, кожаные пистонницы, дробовницы и напальники для защиты пальцев при стрельбе, железные кованые отвертки для ремонта ружья и др.

В единичных случаях сохраняются среди снаряжения современного шорского охотника, изготавливаемые из дерева охотничьи самоловы. Среди них различаются давящие ловушки и орудия лучкового боя. К давящему типу орудий относится имевшая место у шорцев дуплянка «сокпа», основу которой составлял полый обрубок бревна с небольшим полукруглым отверстием в стенке, а давком служил меньший по диаметру деревянный цилиндр. Дуплянки предназначались для добычи мелких пушных зверьков, их приставляли отверстием к норе. На принципе лучкового боя и ущемляющего действия основывалось действие черканов «шергей»: вильчатых, рамочных, лопаточных, черканов с деревянной трубой, предназначенных для добычи мелких пушных зверей. Лишь у шорцев зафиксирован кротовый черкан с деревянной трубой, не имеющий аналогов у других народов [8, с. 82 – 97]. На звериной тропе устанавливали несколько черканов, привязывая их бечевкой к опоре и маскировали.

Кроме черканов, лук лежал в основе поражающего самоловного орудия – самострела. Устанавливался самострел горизонтально на рогатины в проходах загородей на маральих тропах или в местах, посещаемых зверем. Луки для самострелов изготавливались

из ели и были длиной около 2 м, тетива – из конопляной бечевки. Древко стрелы вырезали из пихты или ели, наконечник ковали из металла. От самострела с натянутым луком и вложенной стрелой протягивалась насторожка [8, с. 97 – 98].

Еще хранятся у отдельных хозяев поселка, но уже не используются по своему прямому назначению деревянные седла «эзер». Их ленчик состоит из двух продольных, изогнутых по форме спины лошади деревянных лавок, изготовленных из одного куска дерева со средней частью. Передняя и задняя луки, расположенные под тупым углом к средней части седла, соединены с ней ремешками из сырой кожи и железными гвоздями. Путлища для стремян продеты в сквозные отверстия в нижней части лавок [7, с. 30 – 35].

Еще сохраняются в шорском поселке и предметы, традиционно связанные с рыбной ловлей: ловушки «суген» и «ашпар». «Суген» (морду) плели из веток тальника в виде вставленных один в другой конусов, «ашпар» изготавливали из жердей в виде ящика длиной до трех метров и шириной около одного метра. Устраивая запруду из камней в виде угла, направленного вниз по течению горной речки в сезон, когда рыба с верховьев таежных рек спускается вниз, оставляли отверстие, к которому приставляли одну из таких ловушек.

Наибольшее количество традиционных предметов используется жителями п. Кезек, где во многом имеют место традиционные формы хозяйственной деятельности. Особенность сохранения в экомузее материального наследия обуславливает специфику фондовой деятельности: в экомузее «Газгол» отсутствуют собственно фонды, традиционные предметы исследуются этнографами, но не изымаются из естественной среды. Общепринятое понятие «музейный фонд» сложно применимо к данному типу музея. Однако, как отмечали французские теоретики, уникальные предметы все же должны сохраняться иным способом и включаться в основной фонд. На их основе может быть сформирована экспозиция. В экомузее «Газгол» предпринята попытка формирования такого фонда: предметы, не используемые более в хозяйственной и бытовой деятельности, изъяты из естественной социокультурной среды и экспонируются в одном из объектов музея, однако включение их фонд музея и собственно формирование основного фонда в перспективе развития музея.

По отношению к объектам нематериального культурного наследия в экомузее используется метод фиксации: объекты сохраняются и включаются в актуальную среду носителями традиции, более того, они постоянно воспроизводятся в естественных условиях. Несмотря на то, что многие объекты нематериального наследия утрачены и могут быть только реконструированы или смоделированы, в современной социокультурной среде сохраняются элементы традиционных обрядов и традиционных технологий, рассмотренных выше на примере приготовления «талканы».

Сохраняется также технология изготовления лыж, которая заключается в следующем: прямослойный ствол черемухи раскалывали с помощью топора и деревянных клиньев на несколько пластин, выбирая из них прямые, без трещин, с одинаковой толщиной.

Доски гладко обрабатывали скобелем. Комлевую часть как наиболее эластичную ориентировали в носки лыж. Сырые доски шорцы сгибали с помощью специального приспособления в виде рамы из четырех жердей, узкие поперечные стороны которой возвышались над продольными. Заготовки укладывались поверх рамы, выгиб носка формировался проложенным между лыжами и рамой бруском. Процесс сушки продолжался около недели. После просушки производили обтягивание деревянных лыж камусом, которых для пары лыж хватало с трех-четырех ног животного.

Что касается традиционных обрядов, у шорцев в условиях современности они сохраняются фрагментарно. В духовной культуре шорцев можно выявить органическое слияние родовых культов, шаманизма, а также христианства. Вера в духов-хозяев, восходящая к анимистическим представлениям, оказалась очень устойчивой и в редуцированном варианте сохранилась до сегодняшнего дня. Большинство поверий и обрядов связано у шорцев с охотой. Духи-хозяева у шорцев, прежде всего, охотничьи духи, а обряды, с ними связанные, в первую очередь направлены на обеспечение удачи на охоте. Особенно развит у шорцев культ хозяина тайги. Это объясняется тем, что основным занятием являлась охота, соответственно религиозные взгляды насыщены отражением охотничьего образа жизни. До сих пор в улусе Усть-Анзас сохранилось представление о том, что культовая гора открывается и оттуда выходит дух горы. Дух горы может представлять и в образе женщины и мужчины, в любом случае он антропоморфен. Чаще всего дух горы является в образе женщины с большими грудями и распущенными волосами. В музейных собраниях – это уплощенные деревянные антропоморфные фигурки «Тайгам» и «Шалыг» с глазами из медных или железных бляшек и крупным носом [5, с. 40 – 45]. У шорцев существует запрет на разговор с духом горы, а также нельзя ни в коем случае давать ему то, что он хочет. В противном случае дух горы может забрать к себе и человек умрет.

Также нельзя иметь половых сношений перед охотой, идти на охоту грязным, смеяться над промыслом, бросать ружье и охотничьи сетки, заносить охотничий инвентарь в дом, сидеть перед охотой на той стороне, где находилась печь, возвращаться, выйдя на промысел, отвечать на вопрос «куда идешь?», пересекать охотнику дорогу. Помимо запретов, связанных с духом гор, у шорцев сохранился обряд кропления духам. Охотники до сих пор брызгают абырткой (или другим спиртным напитком) на четыре стороны света. Жертвоприношение духам в виде кропления – явление, не утратившее своего значения у шорцев до настоящего времени. Оно наблюдается и в кроплении духам гор на перевалах, и духам воды.

Дух-хозяин воды «Суг-ээзи» в сознании шорцев предстает в образе женщины с длинными распущенными волосами, которые она расчесывает гребнем. Подобно русским русалкам, шорские духи воды могут утащить за собой в воду, чаще всего делают они это во время ледохода, поэтому в данный период нужно быть особенно осторожным.

Почитаемый древний дух огня «От-ээзи», не нашедший у шорцев никакой формы материального воплощения, сохраняется в структуре поминального об-

ряда: ему приносят жертву на кладбище в виде бросания кусочков жертвенной пищи в разведененный на могиле костер. Возможно, что это отголосок древнего верования в то, что огонь обладает способностью передавать жертву различным духам, в том числе духам предков.

Достаточно устойчивым у шорцев поселка Усть-Анзас явилось представление о злых духах «Айна», обладающих способностью насытить на людей болезни и совершившие иное зло. Шорцы утверждают, что «Айна» в виде огоньков появляются в ночное время на кладбищах, а также поселяются в брошенных хозяевами жилищах. Поэтому задержавшийся в дороге путник, никогда не станет ночевать в таком доме. С духами подобного рода способны были бороться шаманы «шабынчы», не имевшие права иметь бубен, но обладающие умением изгонять духов с помощью огня, веника, ножа.

Историко-культурный ландшафт сохраняется посредством музеефикации объектов историко-культурного наследия в их взаимосвязи, также почти полностью сохранилась трассировка исторических планировочных направлений с отдельными старыми деревянными избами. Сохраняется торговая функция бывшей ярмарочной площади, где расположены склады и магазины. Сохранился характерный элемент исторической среды – священный миссионерский родник на берегу реки Мрассу. Именно у данного родника осуществлялось крещение шорцев а рамках мероприятий Алтайской духовной миссии. Культовая гора

Айган до сих пор в сознании местных жителей наделяется особыми сакральными свойствами, местные жители верят в то, что гора является местом обитания горных духов «Таг-ээзи».

Таким образом, музеефикация и актуализация историко-культурного наследия в экомузее будет существенно отличаться от данных направлений в других типах музеев. Особенностью экомузея будет являться, прежде всего, то, что предметы и недвижимые объекты не изымаются из естественной социокультурной среды, используются по первоначальному назначению. В экомузее «Тазгол» в хозяйствах шорцев сохраняется ряд традиционных предметов из дерева и бересты, металла; как хозяйственные постройки используются традиционные жилища «сенек»; применяются в ряде случаев традиционные приемы приготовления пищи («талкан»), изготовления средств передвижения (лыжи, нарты); в редуцированном виде имеют место культовые обряды. Сохранение историко-культурного наследия в развитии позволяет обеспечить органичное единство сохранения и актуализации наследия, где оба эти процесса неразрывно связаны друг с другом. Однако многие элементы культурного наследия все же подвергаются разрушению, часть из них на настоящий момент может быть только реконструирована. Формирование научного базиса и поддержка развития экомузея «Тазгол» может обеспечить ревитализацию утраченных элементов и совершенствование уже сформированного механизма сохранения культурного наследия.

Литература

1. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.
2. Кимеев В. М. Экомузеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. Кемерово: КемГУ; Томск: ТГПУ, 2008. 452 с.
3. Ривьер Ж. А. Эволюционное определение экомузея // Museum. 1985. № 148. С. 2 – 4. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001273/127347rb.pdf> (дата обращения: 02.09.2015).
4. Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 135 – 138.
5. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура / сост. Т. И. Кимеева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. Ч. 5. 192 с.
6. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта / сост. Т. И. Кимеева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. Ч. 3. 234 с.
7. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Производящее хозяйство / сост. Т. И. Кимеева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. Ч. 2. 217 с.
8. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таежные промыслы и средства передвижения / сост. Т. И. Кимеева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. Ч. 1. 190 с.

Информация об авторах:

Кимеева Татьяна Ивановна – кандидат культурологии, доцент, руководитель отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири», tat-kimeeva@mail.ru.

Tatyana I. Kimeeva – Candidate of Culturlogy, Docent, Head of Departavent at the museum of «Archeology, Ethnography and Ecology of Syberia».

Глушкова Полина Валерьевна – научный сотрудник МБУ «Экомузей-заповедник «Тюльберский городок», преподаватель кафедры музеиного дела КемГУКИ, polina-glushkova@mail.ru.

Polina V. Glushkova – Research Associate at Tylberski Gorodok Ecj-museum Reserv, Lecturer Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts.

Родинов Семен Григорьевич – научный сотрудник Музея-заповедника «Томская Писаница», senya-sc@mail.ru.
Semen G. Rodionov – Historikal cultural and natural museum present «Tomskaya Pisanitsa».

Статья поступила в редакцию 17.09.2015 г.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА КУРГАННЫХ ПЛИТАХ МОГИЛЬНИКОВ
ПОД ГОРОЙ БЫЧИХА (Минусинская котловина)**
E. A. Миклашевич, Л. Л. Бове

**STUDYING THE IMAGES ON THE KURGAN SLABS IN THE CEMETERIES
AT THE FOOTHILLS OF BYCHIKHA MOUNTAIN (Minusinsk basin)**
E. A. Miklashevich, L. L. Bove

Работа выполнена в рамках государственного задания №33.1175.2014/К Министерства образования и науки РФ.

В статье рассматриваются проблемы исследования изображений на курганных плитах на примере рисунков, выявленных авторами в результате полного обследования могильников, расположенных у горы Бычиха (Краснотуренский район Красноярского края, правый берег р. Сыды, притока Енисея). На горе находится памятник наскального искусства Сыдинская писаница, полностью документированный, и одной из целей исследования было сравнить изображения на скалах с изображениями на плитах курганов. Авторы приходят к выводу, что репертуар наскальных изображений тех эпох, к которым относятся окружающие писаницы могильники, в целом отличается от изображений на плитах курганов. Статья иллюстрирована материалами документирования изображений на курганных плитах, позволяющими представить основные стили и образы, характерные особенности курганных рисунков, а также состояние их сохранности.

The paper considers some problems in studying the decorated kurgan slabs on the example of the imagery which had been recorded by the authors in the course of their comprehensive survey of the ancient cemeteries located at the Bychikha mountain foothills (Krasnoturansk district of the Krasnoyarsk region, right bank of the Syda river, a tributary of the Yenisei). The Bychikha mountain itself is a rock art site, which is also completely documented by the authors, and one of the objectives of this new study was to compare the images on the rocks with images on the kurgan slabs. The conclusion is that the repertoire of rock art (which is related to the same periods as the cemeteries nearby), differs, in general, from images on the kurgan slabs. The article is well illustrated with materials of the documenting the decorated kurgan slabs, showing the main styles and images, the characteristic features of the kurgan art, as well as the state of its preservation.

Ключевые слова: петроглифы, изображения на курганных плитах, гора Бычиха, Минусинская котловина.

Keywords: petroglyphs, decorated kurgan slabs, Bychikha mountain, Minusinsk Basin.

Гора Бычиха находится на юге Красноярского края на правом берегу р. Сыды, правого притока Енисея, в 10 км от ее устья, напротив Краснотуренска. В этой местности известно множество археологических памятников разных эпох. На скальных выходах южного склона самой горы зафиксировано 80 плоскостей с петроглифами, в основном относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железного века. Этот памятник наскального искусства известен как Сыдинская писаница [1, л. 81 – 84; 3, с. 163; 8] или Бычиха [12, с. 82; 16; 19; 22, с. 160 и др.]. К настоящему времени он полностью нами обследован и документирован. Обширное пространство между южным склоном горы и берегом Сыды заполнено многочисленными разновременными курганами; часть из них находится сейчас под водами Сыдинского залива, образовавшегося при наполнении Красноярского водохранилища, а часть – на незатопленной территории. Довольно большое количество курганов из той и другой части раскопано. Они относятся к таким культурам как афанасьевская [6, с. 25 – 29, 103 – 105; 10, с. 71 – 86], окуневская [7], карасукская [11, с. 144 – 147], тагарская (подгорновский и сарагашенский этапа) [3, с. 110; 5, л. 92, 93; 8] и таштыкская [4, с. 261; 8]. На этой территории известны не только могильники. М. П. Грязновым обнаружено поселение андроновской культуры [5, л. 94]. Нами в 2012 г. (при низком уровне воды в водохранилище) найдены остатки размытого многослойного поселения:

фрагменты керамики тагарского, тесинского и таштыкского времени, а также грузила и фрагменты зернотерок. На берегу р. Узы, недалеко от места ее впадения в р. Сыду, И. И. Ботвичем обнаружено (также в результате размыва почвы водохранилищем и при низкой воде), окруженное плитками песчаника «кольцевое городище», с фрагментами позднетагарской керамики и зернотерок [2].

Таким образом, гора Бычиха и территория между ней и правым берегом р. Сыды, а также правым берегом р. Узы, в месте близком к ее впадению в Сыду, представляют собой один из археологических комплексов (микрорайонов), которых так много в бассейне Среднего Енисея. Как правило, они связаны с доминирующим горным массивом, расположенным на берегу реки, и состоят из разновременных могильников, поселений и местонахождений наскального искусства. И если раскопки могильников разных эпох на территории одного микрорайона, – обычная практика в археологии Минусинской котловины, то комплексное исследование их вместе с поселениями проводилось гораздо реже, а вместе с наскальными рисунками – практически никогда. Чего стоит хотя бы такой парадоксальный факт, что при индексации археологических памятников местонахождения наскальных рисунков никогда не входят в общую систему с могильниками и поселениями. Также до сих пор не проводилось комплексное исследование и сопоставление изо-

бражений на скалах с изображениями на плитах курганов, расположенных в непосредственной близости от них. Тому есть разные объективные и субъективные причины, но актуальность подобных изысканий очевидна. Такая работа начата недавно О. С. Советовой на археологическом комплексе горы Тепсей

[20], а нами осуществлена на материалах комплекса горы Бычиха. В данной статье мы хотели бы представить некоторые результаты исследования изображений на курганных плитах могильников, расположенных у Сыдинской писаницы.

Рис. 1. Курганный камень с изображениями на фоне Сыдинской писаницы на горе Бычиха

Во время работ по копированию наскальных изображений на горе (в 1980-е и начале 2000-х гг.) наличие изображений на плитах курганов у подножия Бычихи, конечно, было замечено. Но так как рисунки показались малочисленными и невыразительными, задача исследования изображений на курганах не ставилась. К тому же могильники расположены здесь на очень большой площади, их осмотр требовал специальных усилий и времени. Первое целенаправленное обследование курганов на предмет поиска изображений авторы статьи провели в 2008 г., когда работы по документированию изображений на скалах близились к завершению. Оказалось, что рисунков на курганах не так уж и мало, и среди них есть достаточно интересные, что курганы относятся к разным периодам, различаются по своей конструкции и среди них есть раскопанные (до этого считалось, что раскопанные С. В. Киселевым и М. П. Грязновым курганы у с. Сыда все затоплены). Появилась надежда сопоставить изображения с типами курганов, выявить какие-то закономерности расположения рисунков, их наличия или отсутствия, использовать их для атрибуции петроглифов на скалах, сравнить изображения на скалах и курганных плитах и т. д. Для выполнения этих задач необходимо было: обойти все могильное поле; осмотреть каждую грань каждого камня каждого кургана при разном освещении; выполнить измерения (размеры, ориентировка, координаты) для каждого кургана; сделать глазомерные чертежи всех курганов и общий план могильного поля; провести индексацию курганов и плит с изображениями; расчистить плиты от лишайника; выполнить фотосъемку каждой плиты с изображениями; сделать цифровые графические воспроизведения рисунков (прорисовки). Полевую

часть этой работы нам удалось осуществить в 2012 г. [14], а камеральную обработку – в последующий период. Обследование могильного поля мы проводили весной, при низком уровне воды в заливе и при отсутствии свежей растительности. Кроме всего прочего, благодаря этому удалось обнаружить еще один большой участок – с размытыми курганами карасукской культуры, часть из которых раскопал в свое время С. В. Киселев [11, с. 144 – 147].

Всего было выявлено 184 кургана (на самом деле их гораздо больше: часть скрыта под водой, а в идентификации другой части мы были не всегда уверены). Концентрируясь отдельными группами, в целом они образуют обширное могильное поле, занимающее около 5 км с юго-запада на северо-восток и около 2 км – с северо-запада на юго-восток. Если добавить еще ту территорию, где у с. Сыда располагались курганы афанасьевской и окуневской культур, ныне находящиеся на дне Сыдинского залива, то с севера на юг ширина этого поля будет почти 4 км. Самые ранние курганы находились в южной части этой обширной территории: окуневские – восточнее, афанасьевские – западнее. Курганы эпохи поздней бронзы занимали западную часть, концентрируясь двумя группами в прибрежной части Бычишного лога (к юго-западу от горы Бычиха). Далее на восток огромное пространство в северной части территории, вдоль горы Бычиха и двух следующих за ней к востоку горок занимают курганы раннего железного века. Среди них больше всего четырехкаменных, от небольших (3 – 4 м по одной стороне) до таких, стенки которых составляют в длину 7 – 10 м. Это курганы подгорновского этапа тагарской культуры (возможно, часть из них – баниновские). Они образуют несколько могильников в разных местах. Концентра-

ция их наибольшая в западной части ареала, а чем дальше на восток, тем чаще наряду с ними начинают попадаться курганы шести-, восьми-, десяти- и двенадцатикаменные. Они различаются не только по количеству камней ограды, но и по размерам и высоте насыпи. Наиболее крупные из них располагаются на значительном расстоянии друг от друга. Среди них есть и курганы подгорновского этапа, но большинство можно отнести к сарагашенскому. Весьма вероятно, что какие-то из этих курганов относятся к тесинской культуре, но визуально это определить трудно. В восточной же части находятся и раскопанные С. В. Киселевым склепы таштыкской культуры.

Поскольку на курганах эпохи поздней бронзы нет угловых плит, а на стенах и перекрытиях не обнаружено ни одного изображения, то в дальнейшем мы будем говорить только о той части могильного поля, где располагаются более поздние курганы и где наличие изображений ожидаемо. Таких курганов зафиксировано 135, но из них 3 – 4 десятка – это курганы либо совсем без камней, либо с сильно разрушенной оградой, либо с очень маленькими камнями. Среди остальных изображения найдены на 21-м кургане. На некоторых курганах рисунки есть на нескольких камнях, а на некоторых камнях – на двух или даже трех гранях. Всего у нас зафиксирована 31 грань с изображениями. Из них к четырехкаменным курганам относится 9 граней с изображениями, к шестикаменным – 6, к 8 каменным – 10, к более крупным и тем, где каменная конструкция не определяется, но курганы все равно крупные – 6. Курган, на котором одном зафиксировано больше всего изображений (6 граней) относится к восьмикаменным.

К сожалению, полученный корпус источников нельзя считать достаточно репрезентативным. Картина, которую мы видим сейчас, очень сильно отличается от того, что здесь некогда было. Состояние сохранности могильников у горы Бычиха – удручающее. Курганные плиты с рисунками подвержены деструкции по разнообразным естественным причинам: за тысячу лет многие из них расслоились, и наружные слои (потенциальные носители рисунков) упали и задерновались; откололись отдельные фрагменты; отслоились верхние слои скальной корки; поверхности «съедены» лишайниками; наконец, некоторые плиты целиком упали и лежат (возможно) рисунками вниз. Эти факторы действуют на всех могильниках. Но на некоторых к ним еще добавляется разрушительная деятельность человека. Курганам у горы Бычиха в этом плане сильно не повезло. Одни из них ушли под воду Сыдинского залива Красноярского водохранилища, другие разрушаются оврагами, третьи, которые находятся на полях (а это большая часть территории), разрушились целенаправленно, как мешающие сельскому хозяйству. Насыпи многих курганов разъезжены тракторами. Курганные камни выдернуты, вывернуты, вывезены. На многих оставшихся мы видели остатки железной проволоки или следы от нее – эти камни выдернуть не удалось. От каких-то остались лишь основания. Пожилые трактористы рассказывали нам, что в советское время колхоз платил им премии за вывороченные из курганов плиты. Сколько камней с возможными изображениями на них утрачено навсегда – трудно себе представить!

Таким образом, зафиксированные на плитах курганов у горы Бычиха петроглифы представляют собой, по всей видимости, лишь очень небольшую часть того, что здесь было когда-то.

Примерами деструкции курганных плит служат все приводимые здесь иллюстрации, но наиболее показательны изображения кургана № 125 (по нашей нумерации). Это восьмикаменный курган, на пяти камнях ограды которого есть петроглифы (рис. 2: 1).

Грань 125/1 – южная сторона юго-западного углового камня. Камень крупный, и по всей вероятности на нем была большая многофигурная композиция, от которой сохранился лишь фрагмент (рис. 2: 2) с изображениями антропоморфных фигур, оленя и неопределимыми остатками выбитых и гравированных рисунков. От плиты откололись фрагменты камня, отслоилась скальная корка. Видны следы железной проволоки – неудавшейся попытки выдернуть камень, и свежие прочерченные линии.

Грань 125/2 – южная сторона промежуточного камня южной стенки. В результате интенсивного расщекивания и отслоения поверхности сохранился лишь небольшой фрагмент скальной корки с остатками неопределимого выбитого изображения.

Грань 125/3 – южная сторона юго-восточного углового камня. Это тоже крупный камень, на поверхности которого в результате отслоения сохранилась лишь треть скальной корки, и та в очень плохом состоянии. Прослеживается антропоморфная фигура и знак в виде сдвоенных овалов в горизонтальном положении (тамга?), а также неопределимые остатки других выбитых изображений.

Грань 125/4 – восточная торцевая сторона промежуточного камня восточной стенки. На очень выветренной растрескавшейся поверхности прослеживается схематичная антропоморфная фигура. На верхней и северной грани этого же камня отмечены беспорядочные следы выбивки.

Границы 125/5 и 6 – относятся к промежуточному камню северной стенки. 125/5 – это северная сторона камня, 125/6 – западная. Камень представляет собой не плиту, а массивный широкий блок светлого крупнозернистого песчаника, очень выветренного и трещиноватого. Трецины и расслоение проходят в направлении, параллельном грани 5 и перпендикулярном грани 6. На грани 125/5 выбиты изображения козлов в характерном скифо-сибирском зверином стиле, а также многочисленные извилистые линии и другие изображения, контуры которых проследить не удалось (рис. 2: 3). Поверхность камня – в очень плохом состоянии, она пористая, выветренная, крошится мелкими кусочками, от выбивки остались лишь едва заметные следы. Но самое показательное это то, что при осмотре в 2008 г. эти рисунки мы видели еще на самом камне, а к 2012 г. поверхность с изображениями отслоилась, упала рисунками вниз и уже начала задерновываться. Нам пришлось ее откапывать. Проведи мы исследование могильника еще через несколько лет, то пришли бы к выводу, что на северных гранях изображений нет, и рисунков в скифском стиле на этих курганах нет! При исследовании изображений на курганных камнях следует иметь в виду, что рисунки могут находиться на отделившихся от основной плиты фрагментах, которые лежат в земле.

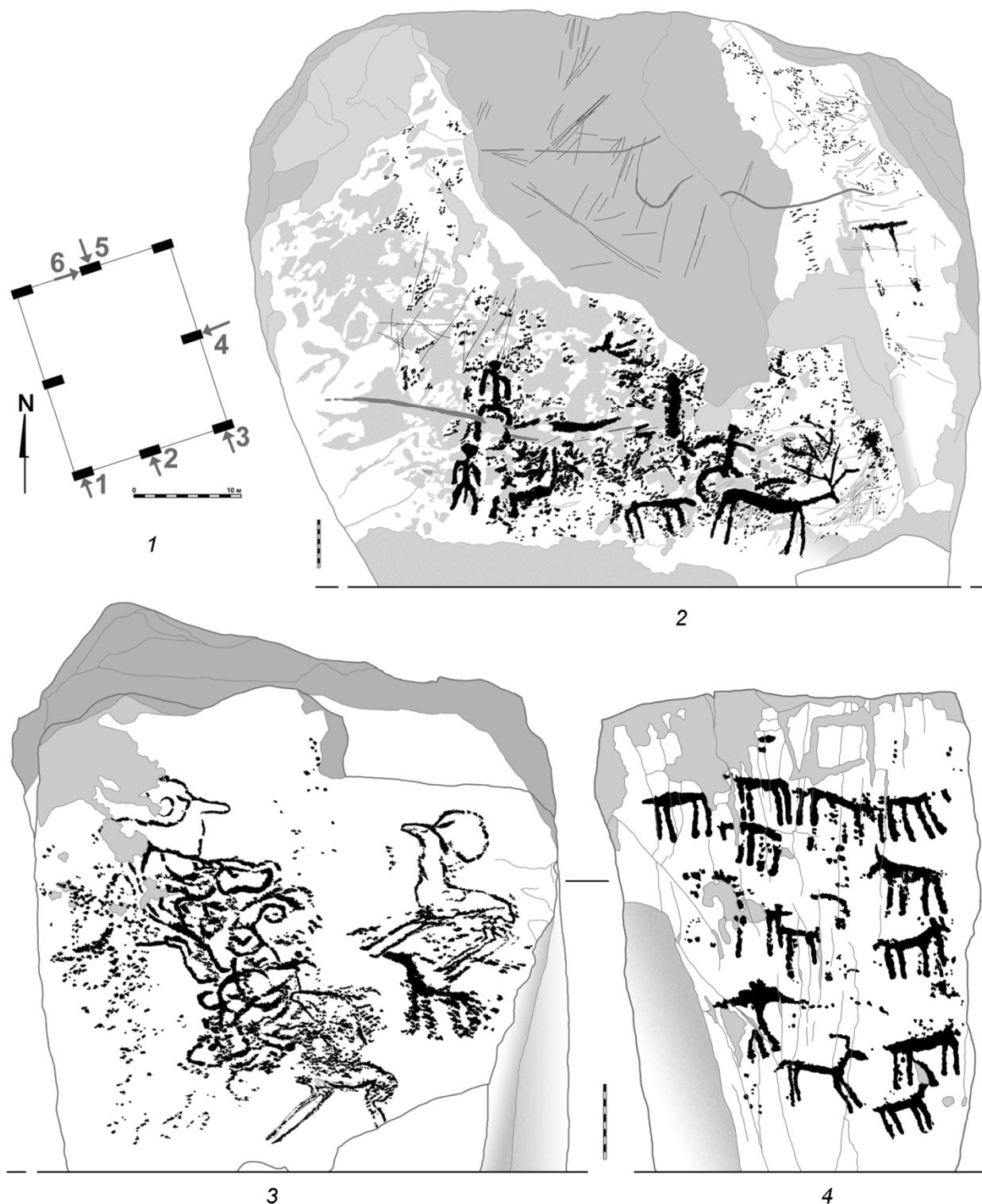

Рис. 2. Петроглифы на плитах кургана № 125. 1 – схема кургана с указанием мест расположения рисунков; 2 – изображения на грани 1; 3 – изображения на грани 5; 4 – изображения на грани 6

Еще более удивительный случай демонстрируют изображения на грани 125/6 (рис. 2: 4). Здесь выбиты фигуры неопределенных животных в характерном для эпохи поздней бронзы «геометрическом» стиле. Таких изображений очень много на скальных плоскостях на горе, они являются как бы даже «визитной карточкой» петроглифов Бычихи. Каким образом они оказались в сарагашенском кургане? Можно было бы предположить, что тагарцы выломали блок с изобра-

жениями на горе. Однако в этом случае рисунки должны были бы быть ориентированы не поперек трещин слоистости, а вдоль них. Напрашивается такое объяснение: возможно, блок камня отвалился от скалы, скатился по склону и лег соответствующим образом; затем в эпоху поздней бронзы на нем выбили рисунки (вообще, на Бычихе зафиксировано 2 случая использования «съехавших» с горы каменных блоков для нанесения изображений). Еще позже та-

гарцы использовали этот блок для сооружения кургана, установив так, что рисунки расположились «правильно». А на северной грани была выбита тагарская сцена. Конечно, нельзя исключать, что она была выбита и раньше, пока блок камня просто стоял под горой. Также нельзя совсем исключать вероятность того, что «геометрические» фигурки грани 125/6 могли быть нанесены на камень после сооружения кургана. В тесинское время также бытовали похожие схематические зооморфные изображения (ср., например, с

изображениями грани 125/1 и рис. 6: 2). Надо учитывать, что состояние сохранности выбивки и поверхности грани 125/6 не дает возможности проследить детали и нюансы изобразительной манеры и сравнить их с соответствующими изображениями. Однако дополнительно в пользу их атрибуции эпохой поздней бронзы говорит композиционное размещение фигур «стройными рядами», очень характерное для наскальных композиций этого периода [12; 17; 19, с. 60 – 62].

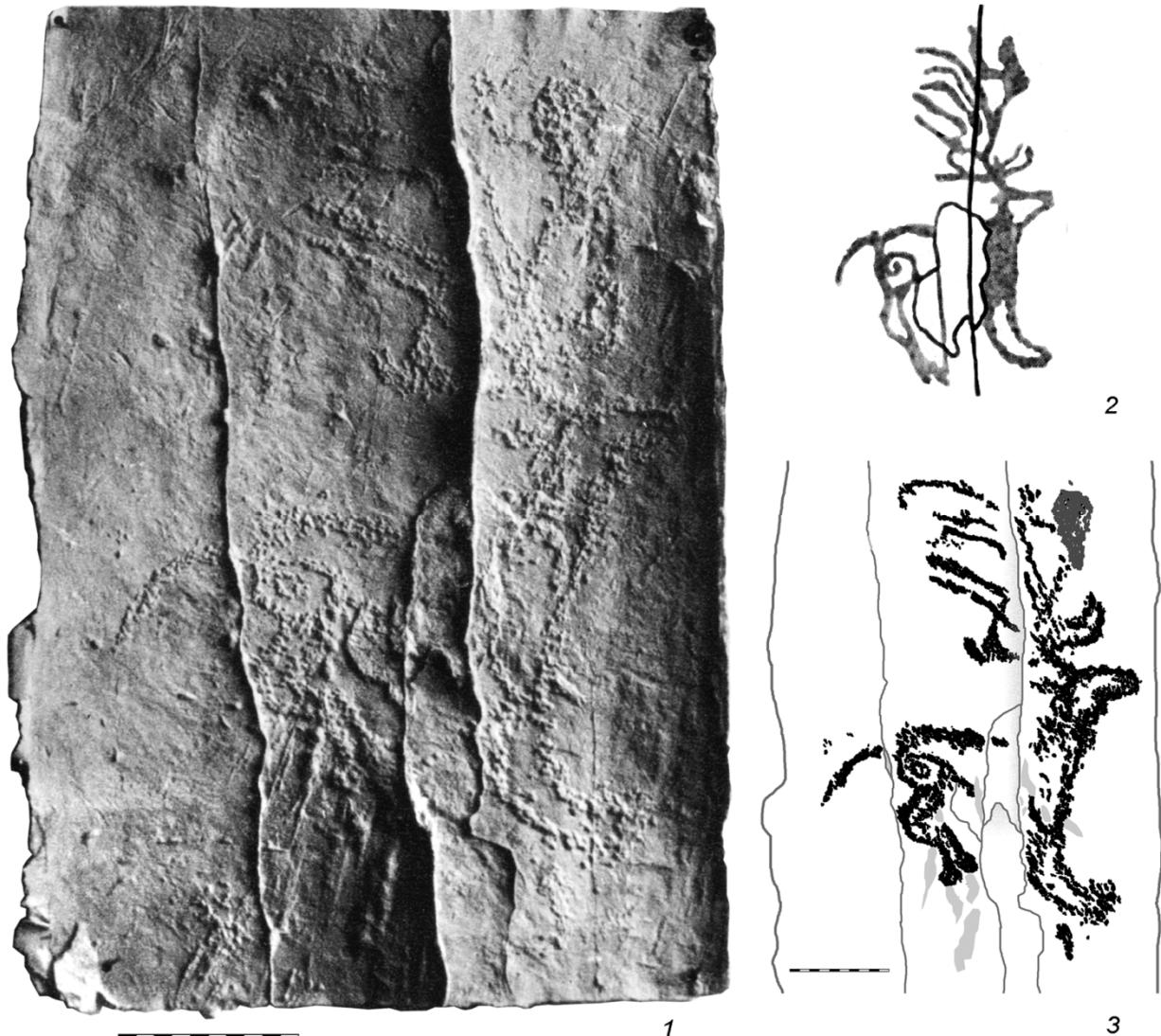

Рис. 3. Утраченная плита с изображением оленя. 1 – фотография эстампажа, сделанного С. В. Киселевым в 1929 г.; 2 – прорисовка С. В. Киселева; 3 – новая прорисовка по фотографии эстампажа

С. В. Киселев, видимо, был первым, кого заинтересовал тот факт, что рисунки есть не только на скальных выходах Бычихи, но и на плитах многочисленных курганов у ее подножия. В 1929 г. он изучал наскальные изображения на горе (Большая Бычиха, как он ее называл), копировал на эстампажи и фотографировал петроглифы центральной группы памятника. Кроме того, в этом же году С. В. Киселев проводил обследование могильников на большой территории правобережья Енисея от Минусинска до Сыды. Его интересовали не только раскопки курганов разных эпох, но и изображе-

ния на курганных плитах. Всего за ту экспедицию было выявлено 80 камней с рисунками, из них 10 – у с. Сыда [8; 9, с. 92], то есть как раз в тех могильниках, которые расположены под горой Бычиха. С. В. Киселев, поставивший своей задачей «отыскание путей к хронологизации Минусинских писаниц» [9, с. 91], один из этих путей видел в изучении рисунков на курганных плитах и «выяснении отношения надкурганных рисунчатых стел к украшаемым ими погребениям и установление через это даты» [8]. Поэтому для раскопок курганов тагарской культуры им выбирались те курганы,

плиты которых имели изображения. К сожалению, нам пока не удалось увидеть материалы экспедиции С. В. Киселева 1929 г., поэтому неизвестно, какие именно 10 камней он зафиксировал в могильниках у с. Сыда. Есть информация только о двух из них.

Прорисовка одного из изображений приводится в его статье «Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц» [9, рис. 4]. Такого изображения сейчас на плитах сыдинских курганов нет; эта плита не сохранилась, возможно, упала после раскопок и сейчас задернована, либо была вывезена. Однако в архиве Минусинского музея сохранилась фотография эстампажа, который Киселев сделал с этого камня [21]. Он применял ту же технику копирования, что и А. В. Адрианов: пришивание щетками к камню с изображениями нескольких слоев смоченной бумаги, после высыхания которой получался оттиск, воспроизводивший наскальный рисунок хотя и в обратном рельефе и зеркально, но факсимильно точно. Мы приводим здесь это изображение оленя с утраченного камня в виде фотографии эстампажа С. В. Киселева и его прорисовки, а также нашу прорисовку, сделанную по этой фотографии (рис. 3). К сожалению, качество ее не настолько хорошее, чтобы можно было сделать совершенно точную копию, но в случае обнаружения самого эстампажа прорисовку можно будет уточнить. Кроме того, в статье указывается, что это «плита кургана № 6», то есть, существует возможность найти в архивах сведения о раскопках именно этого кургана и узнать его культурную принадлежность.

Другая плита, фотография эстампажа которой имеется в Минусинском музее (рис. 4: 1), на могильнике сохранилась. По нашей нумерации это курган № 62. Он был раскопан (очевидно, что С. В. Киселевым). До сих пор видны ямы: большая глубокая с западной стороны (в ней растет дерево), и две поменьше и менее глубокие с восточной. Плиты ограды смешены с мест или перекрыты отвалами, так что тип кургана определить невозможно. Сохранился лишь один промежуточный камень с южной стороны, на его южной грани и расположены скопированные Киселевым изображения. На камне выбит уникальный для Минусинской котловины рисунок, его заметил и С. В. Киселев (он упоминает в статье «отдельное изображение человеческого лица с усами» [9, с. 92]), сделал с него эстампаж, и, как мы предполагаем, именно наличие такого необычного изображения могло повлиять на выбор кургана для раскопок. Когда мы обнаружили эту плиту, она была покрыта лишайником, сквозь который просматривалась выбивка, а изображения в нижней части уходили в землю (рис. 4: 2). При расчистке плиты в грунте обнаружилась ее верхняя отломившаяся и упавшая рисунками вниз часть. Этот фрагмент хорошо подошел к основанию (рис. 4: 3), что позволило восстановить изображения почти полностью (рис. 4: 4). По эстампажу Киселева видно, что плита во время его раскопок была еще целой. Некоторые фрагменты изображений вдоль места слома утрачены, но, в случае обнаружения оригинала эстампажа, возможно, смогут быть реконструированы. На плите выбиты две зооморфные фигуры в стиле, характерном для тагарской культуры, так что курган

должен относиться к ней же; судя по размерам ямы – к финальным ее стадиям. Знак в виде сдвоенных овалов, который встречается на плитах и других курганов, видимо, представляет собой тамгу и мог быть выбит позже. Изображение «лица» – глаз с бровями и усами, так напоминающее лица древнетюркских изваяний, скорее всего, было добавлено в эпоху раннего средневековья. У всех рисунков выбивка сопровождается частыми штрихами гравировки.

Вообще, считается, что большинство изображений на курганных плитах выполнено в технике выбивки. Однако известно немало и гравированных изображений – интересных композиций и детализированных рисунков, в тех случаях, когда для курганной ограды использованы плиты из плотного камня с ровной поверхностью. Но остатки гравировок прослеживаются на плитах вместе с выбитыми изображениями во множестве. Мы полагаем, что никаких особых предпочтений в технике нанесения изображений на плиты курганов не было, а кажущееся преобладание выбивки над гравировкой связано с состоянием сохранности. Большинство поверхностей курганных плит сильно повреждено лишайниками, которые перерабатывают верхние слои субстрата, в результате чего сглаживаются контуры даже выбитых изображений, не говоря уже о тонких резных линиях, которые в некоторых случаях исчезают полностью. На плитах могильников Бычихи отдельные резные линии или нечитаемые их скопления зафиксированы нами много раз; на одном камне, возможно, были и рунические надписи, однако они настолько сглажены в результате действия лишайников, что полностью выявить их не удается даже специальными методами (сильное увеличение на экране компьютера снятых особым образом фотографий [15]). Лишь на одном камне с достаточно плотной структурой поверхности (из-за чего и лишайники на нем почти не поселились) зафиксирована композиция, выполненная в технике гравировки (рис. 5). К сожалению, большая ее часть утрачена в результате отслоения камня, а сами линии очень тонкие и едва различимые. Поэтому среди скопления линий не прочитываются отдельные образы, за исключением фигуры хищника с большой зубастой мордой, длинным хвостом и когтистыми лапами.

Есть свои особенности и у выполненных в технике выбивки курганных рисунков. В отличие от петроглифов на скалах, изображения на курганных плитах нанесены не на скальную корку (поверхностный слой, имеющий довольно рыхлую структуру, на которой выбивать удобнее), а на гораздо более твердую и плотную поверхность, образующуюся в результате раскалывания блоков песчаника вдоль трещин слоистости. В редких случаях использованы блоки камня с уже обрившейся скальной коркой, либо рисунки наносились через большой промежуток времени после установки плит, когда в результате долгого нахождения их под открытым небом скальная корка начинала образовываться и на этих поверхностях. В большинстве же случаев изображения наносились на очень твердую поверхность, вследствие чего они выбивались совсем неглубоко.

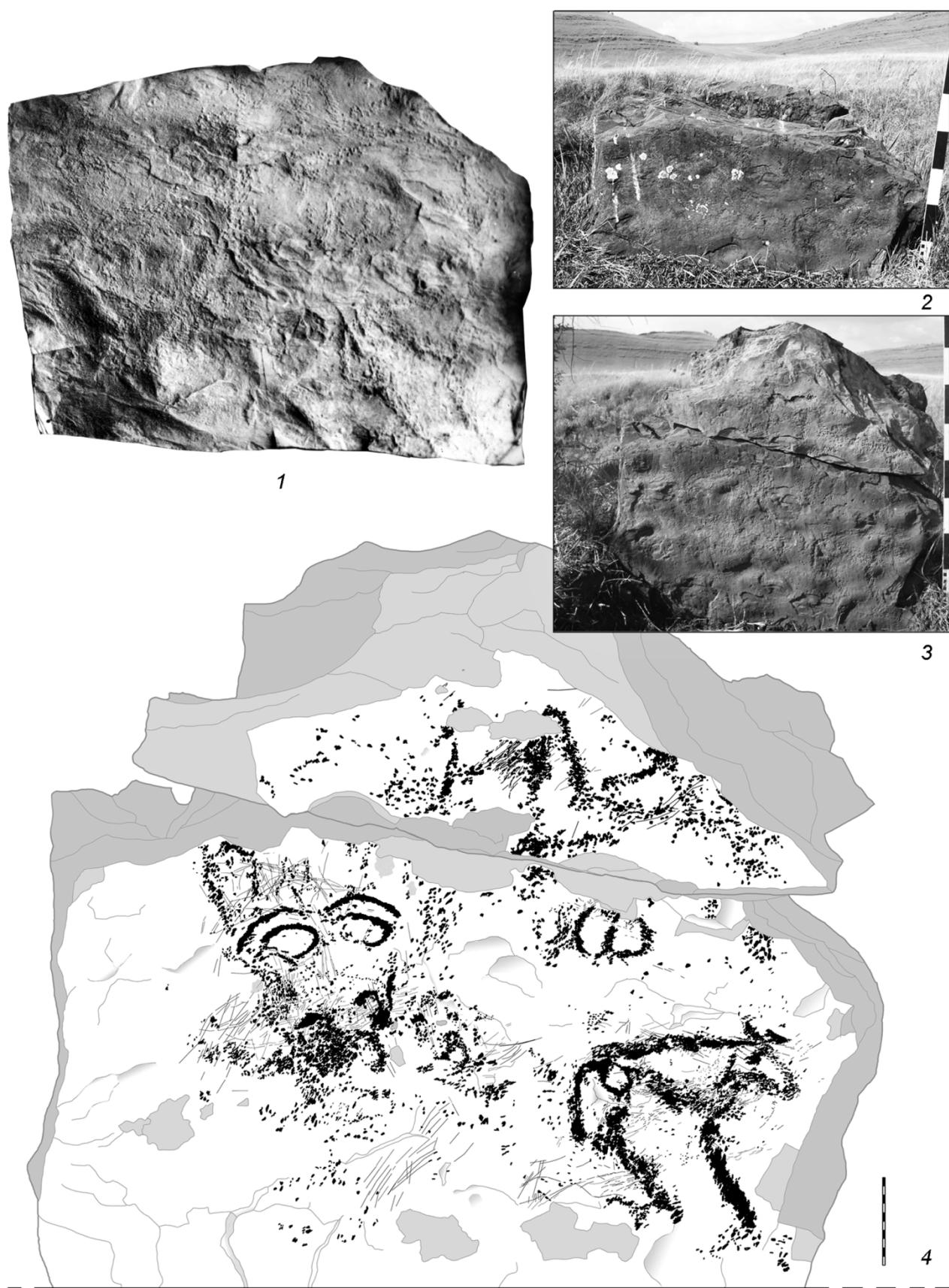

Рис. 4. Изображения на плите кургана № 62. 1 – фотография эстампажа, сделанного С. В. Киселевым в 1929 г.; 2 – фотография плиты на момент ее обнаружения в 2012 г.; 3 – фотография плиты с приставленным фрагментом, отвалившимся и найденным в грунте; 4 – прорисовка

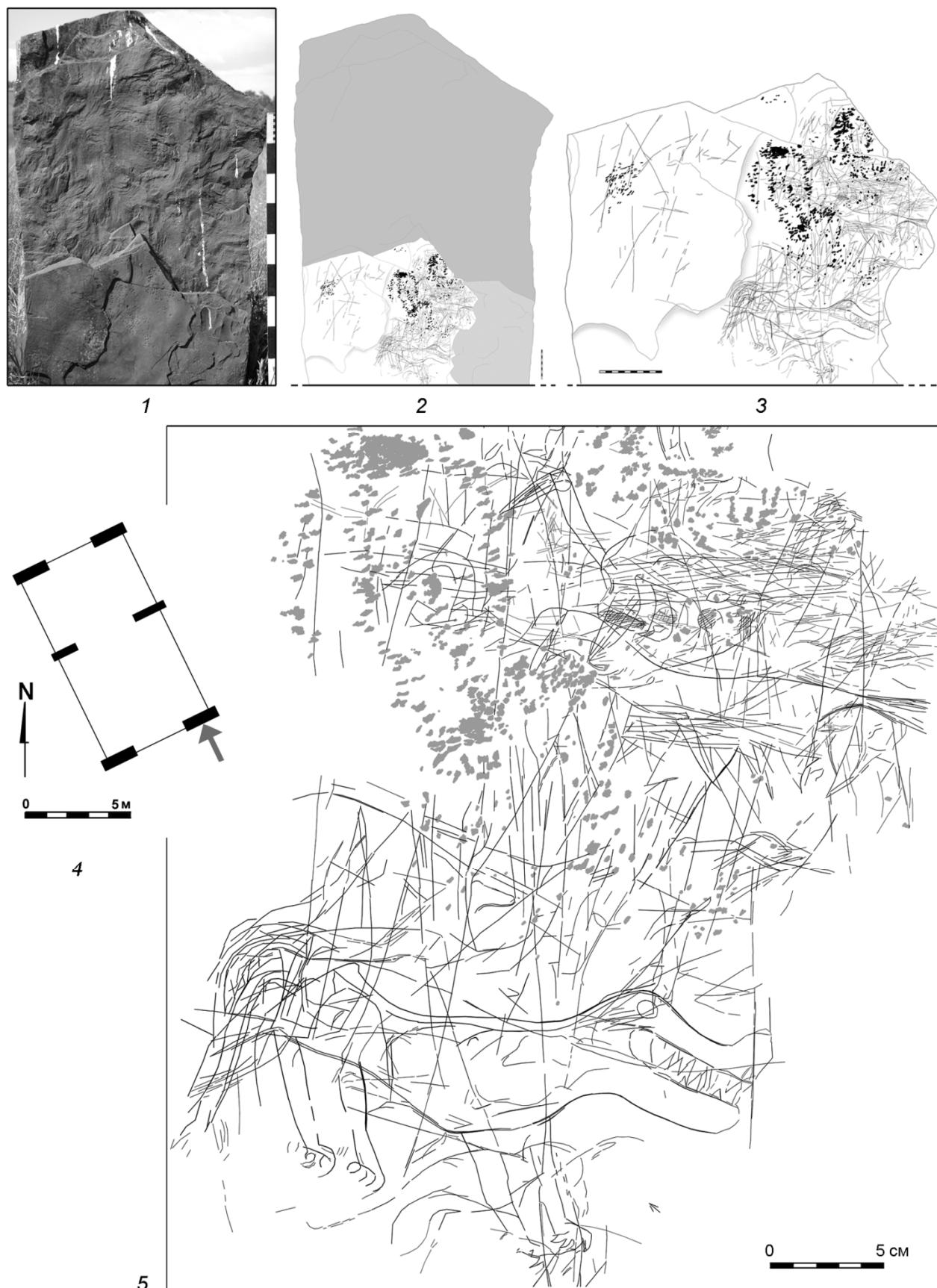

Рис. 5. Гравировки на плитке кургана № 2. 1 – общий вид плиты, фото; 2 – прорисовка всей плиты; 3 – прорисовка сохранившегося фрагмента с изображениями; 4 – схема кургана с указанием места расположения грани с изображениями; 5 – увеличенный фрагмент с изображением хищника

С течением времени их контуры еще больше сглаживались под действием лишайников, поверхностного отслоения и выветривания. Покрывшиеся патиной, такие изображения становились практически невидимыми, и это позволяло использовать поверхность камня для нанесения рисунков еще и еще раз. За тысячелетия на некоторых плитах образовались такие лабиринты из многократных палимпсестов, что сейчас, когда все эти изображения патинизированы в одинаковой степени, кажется, что в этом хитросплетении невозможно разобраться. Иногда, действительно, невозможно. По этой причине рисунки на курганных плитах распознавать гораздо труднее, чем рисунки на скалах. Соответственно, намного сложнее и их документирование. В качестве примера приведем изображения на двух камнях кургана № 112 (рис. 6). Это классический большой восьмикаменный курган, с высокой насыпью. Камни ограды массивные, широкие, не очень высокие. Открыты поверхности только угловых камней, промежуточные почти полностью скрыты расплющенной насыпью. На западных торцах обоих угловых камней северной стенки были обнаружены изображения, полностью покрытые разными видами лишайников. После долгого процесса их удаления обнажились плоскости, заполненные именно такими изображениями, о которых говорилось выше. С помощью метода цифровой прорисовки по увеличенным фотографиям удалось проследить контуры отдельных антропоморфных и зооморфных фигур, но большинство «хитросплетений» остались «нерасшифрованными». Не исключено, что таким способом выбивка наносилась намеренно, и тогда скорее всего, это произошло в тесинское время, когда «лабиринтами» покрывались многочисленные могильные и курганные плиты и стелы [18, гл. V]. Антропоморфные фигуры с показанными под прямым углом руками и ногами, также как и с согнутыми кольцом под туловищем ногами – во множестве встречаются на плитах именно из тесинских курганов.

Изображения на камне кургана № 44 (рис. 7) еще более наглядно демонстрируют многократное обращение древних художников к одним и тем же «полотнам». Рисунки находятся на южной грани юго-западного углового камня шестикаменного кургана. Здесь нет «лабиринтов» и контуры всех изображений, выполненных разной выбивкой и перекрывающих друг друга, проследить удалось. Очевидно, что первым был нанесен изящный контурный олень с ветвистыми рогами, выполненный в скифо-сибирском стиле. Он находится в верхней центральной части плоскости, на самом удобном и заметном месте. Вполне возможно, что он соотносится со временем сооружения кургана. Предположительно, следующими на камне появились силуэтные олени и козлик в правой нижней части. Схематичные контурные, ориентированные влево зооморфные фигуры, в самой нижней части, нанесенные совершенно другим орудием, появились еще позже, так как одна из них перекрывает силуэтного оленя. Антропоморфные фигуры тоже наносились не менее чем в два приема: одна группа выполнена тонкими линиями аккуратной мелкой выбивкой, в другой представлены крупные фигуры, выбитые более грубой и глубокой выбивкой. Последние изображения перекрывают и ажурного оленя, и силуэтных животных, и тонкие антропоморфные фигуры, хотя надо отметить, что они

были подновлены (нельзя исключать, что перекрывает именно подновление). Антропоморфные и зооморфные фигуры здесь сюжетно не связаны; так что можно считать, что на этом камне представлено по меньшей мере пять «эпизодов рисования» (как выражаются исследователи палеолитического искусства). Отметим, что и этого интереснейшего камня можно было бы недосчитаться: на нем есть следы от толстой проволоки, свидетельствующие о попытках его выдернуть; и по всей поверхности перкуссией определяется внутренняя полость, так как происходит отслоение скальной корки.

Подводя итоги, скажем, что в результате исследования изображений на курганных камнях могильников у горы Бычиха каких-то явных закономерностей в расположении рисунков мы не отметили. Как и во всех других могильниках, изображения чаще всего встречаются на широких наружных гранях плит южных стенок, однако есть они и на внутренних (обращенных внутрь кургана), и на северных гранях, и на восточных и западных, и на широких фасадных поверхностях, и на узких торцевых. Думается, что выбор места для изображения связан в первую очередь с качеством каменной поверхности, а не предпочтениями в ее расположении. Северные стороны просто чаще покрыты лишайником, чем южные, например. Эти и многие другие наблюдения говорят в пользу того, что большинство изображений, которые мы видим на камнях оград тагарских курганов, не связаны с данными погребениями, а наносились на открытые поверхности многократно в разные периоды позже времени сооружения курганов. Если учесть, что во всех могильниках встречается достаточно много курганов с прекрасного качества плитами, на которых рисунков нет вообще, то можно прийти к выводу, что нанесение изображений вовсе не обязательно было частью погребального ритуала, как считается. По крайней мере, не для каждой из эпох, в которые возводились курганы с плитами. Пока представляется убедительным только то, что нанесение изображений сопутствовало погребениям тесинской культуры [13, с. 234; 18, гл. V].

Тесинцы нанесли также огромное количество изображений на плиты более ранних курганов. Соответствие же рисунков на плитах погребениям подгорновского и сарагашенского этапов еще предстоит обосновать. Что касается сопоставления изображений на курганных плитах с рисунками на скалах, то в целом сходства оказалось меньше, чем ожидалось. Фактически (если не считать рассмотренный выше случай с переиспользованными, как нам представляется, изображениями эпохи поздней бронзы на камне 125/6) соответствия (и то не полные) на скалах нашли только некоторые типы антропоморфных фигур, а также ажурные контурные изображения оленей и козликов в скифо-сибирском стиле (рис. 8: 1). Другие же многочисленные на скалах Бычихи зооморфные образы скифской эпохи на курганных камнях не обнаружены. Нет на них также имеющихся на скалах изображений всадников, лучников и других вооруженных людей скифской и более поздних эпох. При этом на курганных камнях есть характерные только для них типы антропоморфных фигур; есть и изображения животных, аналогичных которым на скалах не найдено; наконец, только на курганах зафиксированы «знаки копыт», тамги и другие знаки (рис. 8: 2).

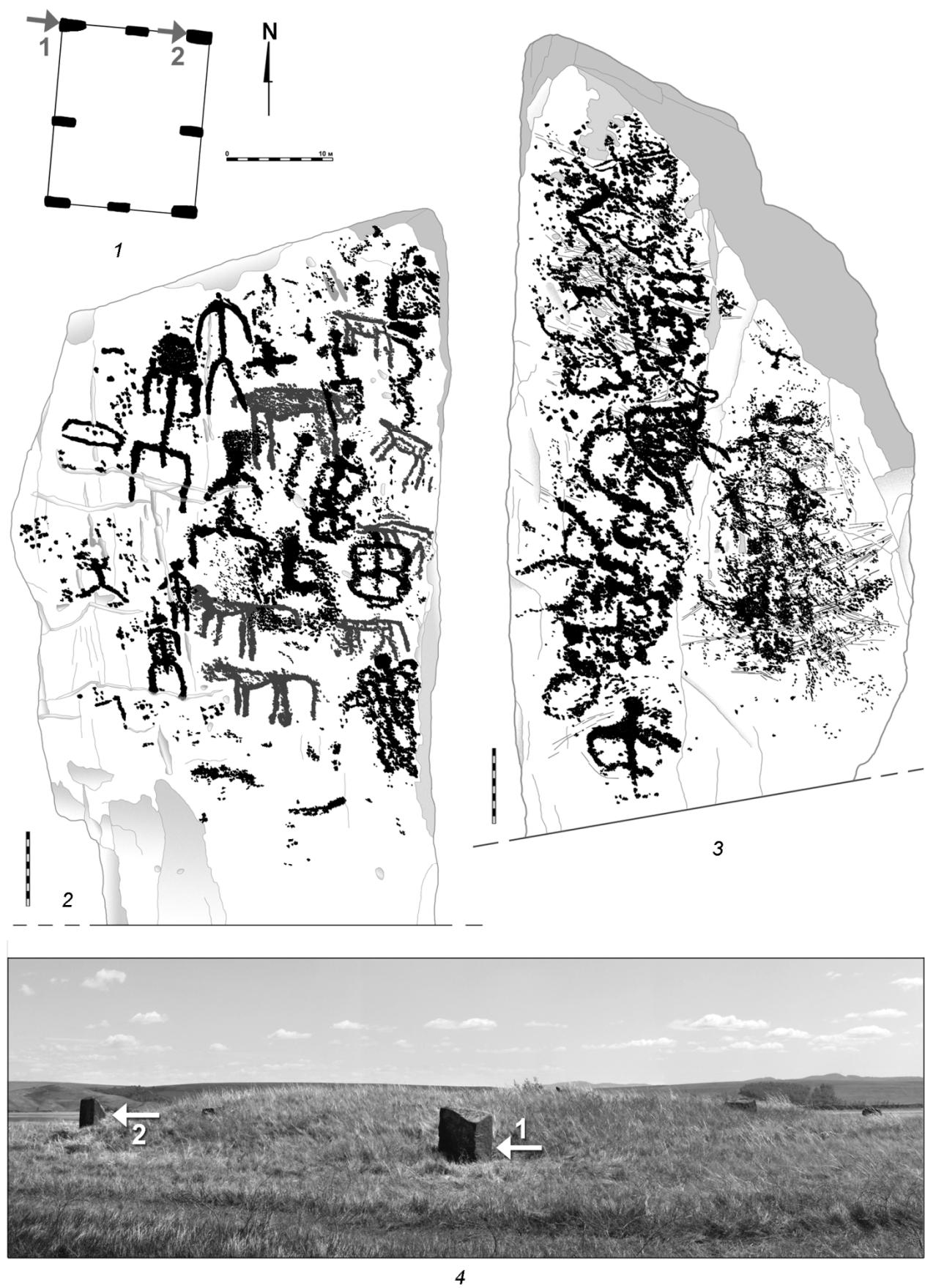

Рис. 6. Петроглифы на плитах кургана № 112. 1 – схема кургана с указанием мест расположения рисунков; 2 – изображения на грани 1; 3 – изображения на грани 2; 4 – общий вид кургана с севера, фото

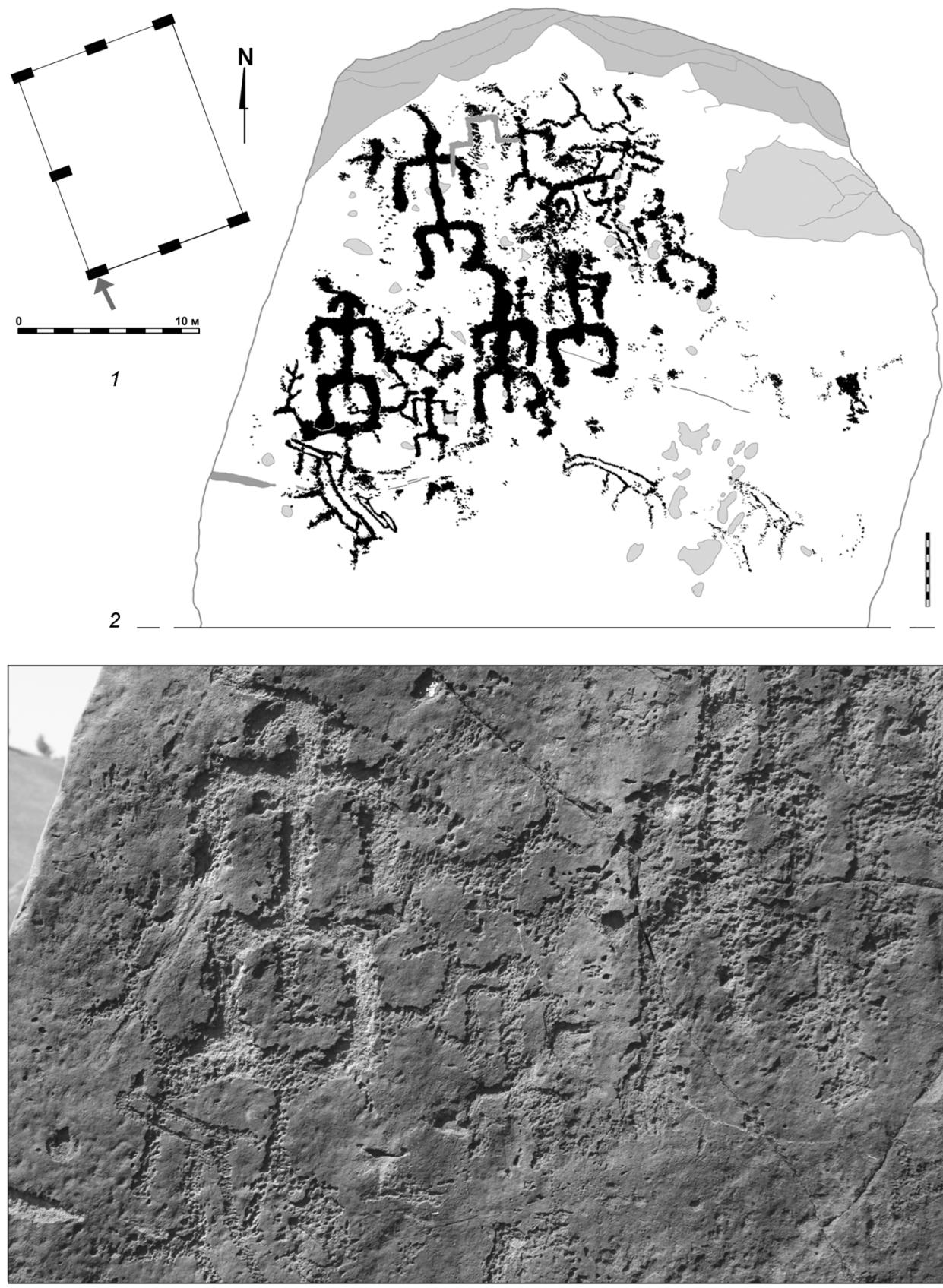

Рис. 7. Петроглифы на плитах кургана № 44. 1 – схема кургана с указанием места расположения рисунков; 2 – прорисовка; 3 – фотография фрагмента композиции, показывающая различия в технике выбивки и перекрывание разновременных изображений

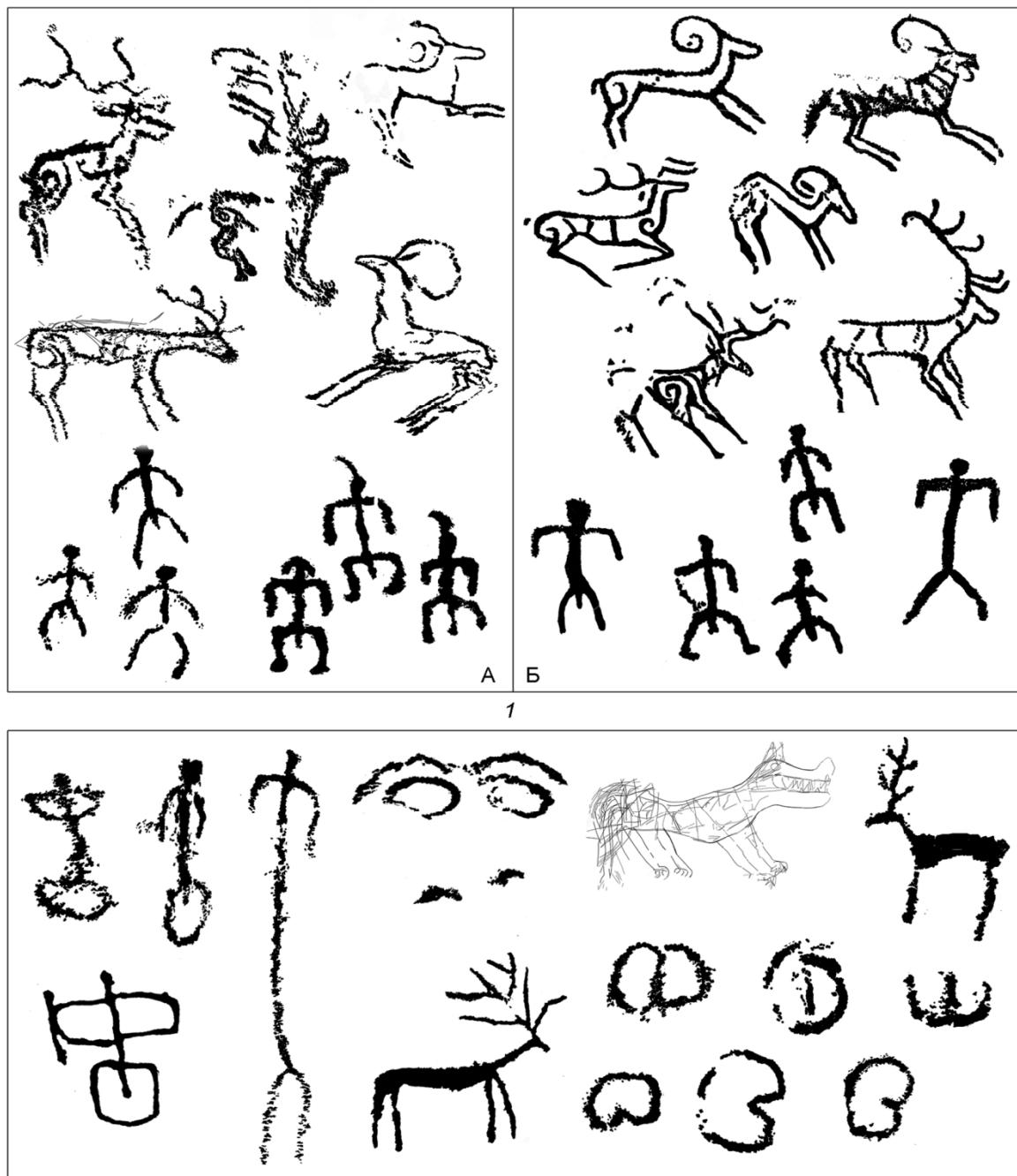

Рис. 8. Сопоставление петроглифов на курганных камнях и скалах горы Бычихи.

1 – изображения, которые находят соответствие: А – рисунки на курганных плитах, Б – рисунки на скалах; 2 – рисунки на курганных плитах, которым не найдены соответствия на скалах

Как уже говорилось, корпус выявленных на курганах под горой Бычиха изображений мы не считаем достаточно представительным, чтобы проследить некоторые закономерности и сделать какие-то уверенные выводы. Однако проделанная работа – это один из этапов большого исследовательского «пути», по-

скольку только накопление большого массива данных путем тщательного и полного документирования серии могильников на предмет изображений может помочь в решении актуальных проблем в изучении наскального искусства Минусинской котловины.

Источники и литература

1. Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии. Томск, 1906. Рукопись. Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. № 12.
2. Ботвич И. И. Кольцевые городища в долине реки Сыда // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири. Абакан, 2008. С. 37 – 39.
3. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
4. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

5. Грязнов М. П. Отчет о раскопках Карасукского отряда в 1965 году. Л., 1966. Рукопись / Архив ИА РАН. Р-1. № 3200.
6. Грязнов М. П. Афанаьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.
7. Грязнов М. П., Комарова М. Н. Сыда V – могильник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 53 – 71.
8. Киселёв С. В. Отчет об археологических раскопках и разведках в Минусинском крае в 1929 г.: рукопись / Архив ИИМК РАН Р-4 № 132.
9. Киселёв С. В. Значение техники и приёмов изображения некоторых енисейских писаниц // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1930. Т. V. С. 91 – 100.
10. Киселёв С. В. «Афанаьевские» курганы у сел Сыды и Теси // Советская археология. 1937а. № 2. С. 71 – 94.
11. Киселёв С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. // Советская археология. 1937б. № 3. С. 137 – 166.
12. Ковалёва О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2011. 162 с.
13. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
14. Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012 – 2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2013. С. 255 – 259.
15. Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. М.; Казань, 2014. Т. IV. С. 75 – 79.
16. Пяткин Б. Н., Черняева О. С. Новые петроглифы горы Бычиха (р. Сыда) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. С. 85 – 88.
17. Савинов Д. Г. Изображения эпохи бронзы на плитах тагарских курганов юга Минусинской котловины // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: КемГУ, 1993. С. 61 – 73.
18. Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984-1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.
19. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петрографического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47 – 74.
20. Советова О. С., Шишкина О. О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник КемГУ. 2014. № 3(59). Т. 3. С. 93 – 98.
21. Фотографии Ф. П. Кравченко с эстампажей писаниц, изготовленных С. В. Киселевым в 1929 г. / Архив Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартынова. Н-1790.
22. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

ИИФФ СО СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

Информация об авторах:

Миклашевич Елена Александровна – старший преподаватель кафедры археологии КемГУ, elena-miklashevich@yandex.ru.

Elena A. Miklashevich – senior lecturer, Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Бове Леонид Леонидович – магистрант кафедры археологии КемГУ, l_bove@mail.ru.

Leonid L. Bove – master's degree student, Department of Archaeology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, olgasovetova@yandex.ru.

Olga S. Sovetova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редакцию 02.07.2015 г.

УДК 94 (41/99)

ДОСУГ В НЕРЕГЛАМЕНТИРУЕМОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОГО РЕБЕНКА
 (на примере г. Омска 1960 – 1970-х гг.)
 К. К. Нуркина

LEISURE THE UNREGULATED SPACE OF THE SOVIET CHILD
 (case study Omsk 1960 – 1970-ies.)
 K. K. Nurkina

В статье рассматривается досуговое времяпрепровождение детей в г. Омск в 1960 – 1970-е гг. в рамках нерегламентируемого пространства. Основное внимание уделяется восприятию современников, воспроизведенное посредством проведенных интервью, которые ярко передают эмоциональную составляющую повседневной жизни. Автор приходит к выводу, что в преимуществе перед существовавшими проблемами, в том числе материального характера, ставятся отношения между людьми, содержание и качество различных элементов досуга. Соотношение и значение самостоятельно организованного времяпрепровождения и организованного извне показывают, что попытки регулирования и формализации личного пространства «по месту жительства» не имели большого успеха.

The article discusses Dosugovoe pastime of children in the city of Omsk in the 1960 – 70s. within the non-regulated area, least of all subject to supervision by an adult. It focuses on the perception of contemporaries, reproducible means of interviews, which vividly convey the emotional component of everyday life. The author concludes that, in advantage over existing problems, including the nature of the material, put the relationship between the peers, content and quality of the various elements of entertainment. Value and the value of self-organized and organized in many ways from the outside show that attempts to regulate and formalization of personal space "in the community" did not have much success.

Ключевые слова: повседневность, досуг, нерегламентируемое пространство, дворовое пространство, советское детство.

Keywords: casual, leisure, unregulated space, yard space, Soviet childhood.

С ростом интереса непосредственно к человеку и разным аспектам его жизнедеятельности, в связи с историко-антропологическим поворотом, приведшим к становлению новых направлений в исторической науке, изучение детства не может быть оставлено в стороне. Дети, «как в силу своей массовости, так и в силу предначертанной им миссии трансляторов человеческого опыта не могли и не могут не оказывать существенного воздействия на развитие общества» и «без учета их наличия и участия невозможно изучение общества в целом» [34, с. 6, 15]. Однако исследуемый объект неоднороден по содержанию и значению, и следует уделить внимание различным элементам повседневной жизни детей, в том числе и нерегламентируемому пространству.

Нерегламентируемое пространство, подразумевающее те области жизнедеятельности детей, которые менее всего подлежат строгому контролю и регулированию, включает в себя дом (жилищное пространство, в котором растет ребенок) и двор. При этом, конечно, здесь подразумевается определенная степень контроля и регламентации, но имеющая неофициальный характер. Большую часть времени в рамках нерегламентируемого пространства занимал досуг. Согласно энциклопедическому определению, «досуг – это часть внерабочего времени, которая остаётся у человека после исполнения непреложных непроизводственных обязанностей (передвижение на работу и с работы, сон, приём пищи и др. виды бытового самообслуживания)» [16, с. 468]. С философской точки зрения досуг выступает реальным пространством для всестороннего развития и удовлетворения многообразных потребностей [19, с. 5].

Существующий спектр работ по истории детства преимущественно построен на источниках официального характера, и освещает, прежде всего, регламентируемое пространство ребенка и властные стратегии в области детства, а в хронологическом срезе охватывает периоды катастроф и войн [18; 20; 33]. В трансформации представлений о детстве как объекте исторического исследования значимую роль сыграли такие специалисты в области изучения детства, как Е. М. Балашов, В. Г. Безрогов, О. Е. Кошелева, А. А. Сальникова, К. Келли [1; 21; 23; 34]. Интересен опыт И. В. Нарского, который посредством истории одного ребенка освещает разные стороны повседневной жизни детей в рамках регламентируемого и нерегламентируемого пространств в 1960-е гг., уделяя при этом внимание влиянию макро- и микроистории, используя визуальные источники в качестве основного [27]. Периоду «счастливого» детства, когда в поле зрения исследователя оказывается период достаточно благополучный для развития ребенка, уделено мало внимания, повседневная жизнь ребенка, его переживания оказывались вне исследовательского интереса, или же исследования имели фрагментарный характер.

Цель работы – исследовать досуговое времяпрепровождение и восприятие его детьми в рамках частного, личного пространства ребенка в городе Омск в 1960 – 1970-е гг.

Основным источником для исследования послужили материалы интервью, проведенных с людьми, родившимися в конце 1950 – 1960-х гг., детство которых приходилось на период 1960 – 1970-х гг. Специфика устного источника требуют критичного подхода, и параллельно не терпит пренебрежительности, по-

скольку источники данного вида позволяют выявить непосредственно переживания, восприятие детьми окружающей реальности. Ведь именно эмоциональная составляющая повседневной жизни формирует человека.

Первым социальным пространством, которое осваивает ребенок, служит дом [28, с. 38]. В послесталинскую эпоху возросло строительство индивидуального жилья, семья и дом приобретают особое значение. «Приватизация» социальной жизни, в том числе позволяла уделять больше внимания потребностям детей. Не у каждого ребенка был свой детский уголок, но с изменением жилищных условий во многих отдельных квартирах все же отводилось специальное пространство для детей.

Изменение условий жизни отразилось и на приобретении различных предметов культурно-бытового характера, которые способствовали как формированию нового понимания о достатке, так и расширению досугового времяпрепровождения. Примечательны воспоминания о приобретении первого телевизора: «Да, я еще совсем маленький был, отец зарабатывал хорошо, и телевизор у нас сразу появился, и все люди ходили смотреть к нам. Телевизор был самый первый: с лупой спереди, куда воду наливали, чтобы экран увеличивался. Это дефицит еще был» [12]. Сложилась традиция «смотреть всем подъездом» или двором: «Первый телевизор в подъезде в третьей квартире появился, и туда чуть ли не пол подъезда ходили» [5]. Такие добрососедские отношения распространялись не только на пользование телевизором, но и на другие предметы быта: «...И телефон один из первых в доме появился, всем домом прибегали звонить» [9].

Неизменным атрибутом в доме, «работающим с самого утра», было радио: «На кухне у всех висело» [4], «что-то разговаривает и ладно, главное, чтобы было» [12]. Радио выполняло функции будильника: «Раньше просыпались под радио, сотовых телефонов то не было» [5], и «радио очень хорошо работало, постоянно, и на зарядку поднимало, но дома мы не делали зарядку, а в школе заставляли – перед уроками» [2].

Значимым элементом воспоминаний из детства выступают игрушки. Информанты, в зависимости от половой и возрастной принадлежности, называют разные любимые в их детстве игрушки: у девочек куклы, пластмассовые пупсы, плюшевые мишки. Они приобретались в «Детском мире», либо их привозили, чаще всего из командировок, или «по блату»: «У сестры германская кукла была, которая и сейчас есть, дочь моя теперь играется, уже 40 лет ей (Прим. автора: кукле)! У меня мишка был – любимая мягкая игрушка» [13]. Н. Н. Деревянкина вспоминает: «В зале детский уголок был. Игрушек много на стеллаже стояло: конструкторы, мозаики, посудки, мягкие игрушки. Помню, на семь лет папа подарил большого медведя, которого здесь, в Омске, купил. А в садике мечта была – «больничка»! Нереально было в магазине купить. Я всегда тащила папу на второй этаж универмага, к игрушкам, ждала «больничку»! [4]. Приобретение игрушек зачастую было приурочено к определенным событиям: «Крестные на каждый день рождения покупали по моему выбору игрушку <...> Пом-

ню куклу – что я, что она – такая большая была!» [14]. В старшем возрасте роль игрушек окончательно сменяет спортивный инвентарь: «скакалка, обруч, бадминтон» [7]. «Приоритеты с годами сменились: велосипед, коньки появились <...> два-три раза в неделю с подругой обязательно на «Красную звезду» (Прим. автора: спортивный комплекс) ездили, катались на коньках, невзирая на погоду» [5].

Игрушки для мальчиков имели более дефицитный характер, зачастую изготавливались самостоятельно: «Делали пистолеты, лук, рогатки, самострелы, организовывали банды на велосипедах, ездили по улицам и стреляли из самострелов ранетками» [6]. Игрушки заменялись дворовыми играми, активной деятельностью, что присуще для мальчиков по природе: «Игрушек почти в магазинах не было <...> это был очень большой дефицит, а так делали сами из железячек там, деревянные автоматы, пистолеты, луки обязательно, рогатки, играли в войнушки, стреляли, тир устраивали, клюшки деревянные сами себе делали. Коньки «снегурочки» у нас были – мы их привязывали на валенки и ходили на озеро – играли в хоккей, а летом – в футбол. ПОСТОЯННО. Были дворовые команды, собирались, и с соседними дворами играли», «на велосипедах постоянно катались» [3], «машинки, велосипед <...> к технике интерес был. Сам в основном собирал что-нибудь, из металломома» [10].

Время досуга детей намного обширнее по временному показателю, чем у взрослых. При этом стоит различать свободное время систематически и организованно регулируемое обществом, и свободное время, которое регулируется самим человеком и может быть стихийно используемым [19, с. 82].

Согласно классификации Г. Е. Збровского досуг состоит из следующих элементов.

1. Культурное потребление индивидуального характера (чтение книг и журналов, газет, слушание радио, просмотр телепередач, сюда же можем отнести посещение кружков по интересам, увлечения/хобби).
2. Культурное потребление публично-зрелищного характера (посещение театров, кино, цирка, концертов).
3. Физические занятия (физзарядка, прогулки, посещение катка, купание и т. д.).
4. Товарищеские общения (встречи дома, в клубах, на улице).
5. Развлечения, обусловленные желанием отвлечься от серьезных дел, дать разрядку умственному и физическому напряжению, создать хорошее настроение, весело провести время. Учитывая специфику исследуемого объекта, здесь можно отметить и игровую деятельность.
6. Пассивный отдых [19, с. 94].

Значимое положение в структуре досуга занимало чтение книг, журналов и газет: «Книг, честно, в магазинах не было, в библиотеках даже очереди были, брали все подряд и читали. Читали много!» [12], «читали запоем в то время» [4]. Согласно опубликованным статистическим данным с 1960 по 1977 гг., расширяется сеть самостоятельных детских библиотек. В 1960-е гг. резко выросло издание детской литературы, в сравнении с 1950 гг. – в 1,8 раза, а тираж – в 2,8 раза. Уже в течение 1960 – 1970-х гг. общее количество

изданных книг и брошюр для детей меняется несущественно, но при этом тираж их возрастает в 2,5 раза (с 204 млн экземпляров до 516) [17, с. 54 – 55].

Периодическая печать играла большую роль как еще один канал воспитания и культурного просвещения. По итогам проведенных бесед, было выяснено, что наиболее популярными из числа периодических изданий для детей были журналы «Мурзилка», «Веселые картинки», «Пионер», газета «Пионерская правда». Каждые из них имел свой возрастной адрес: дошкольникам предназначались «Веселые картинки», младшим школьникам – «Мурзилка», подросткам «Пионер», но возрастные разграничения были условны. Информанты отмечают, что «народными были журналы «Работница» и «Крестьянка» [15], и дети их тоже «пролистывали». Читаемыми среди юных читателей были и журналы «Костер», «Юный натуралист», «Огонек», «Романгазета». Реже читали «Юность», «Ровесник», «Крокодил», «Вокруг света», «Музыкальную жизнь». Мальчики читали журналы «Юный техник», «Техника младежи».

Доступ к периодике преимущественно осуществлялся посредством подписки: «У каждой семьи была мощная подписка, и каждый друг перед другом бравировал, вот, мол, у меня журналов больше, чем у тебя» [15]. По воспоминаниям А. П. Кемпф, их семья выписывала около «12 журналов, 16 газет, и в каждой семье так было» [8].

Неотъемлемыми составляющими культурного просвещения были также радио и телевидение. Они, являясь в большей степени регулирующей стороной, выступают в качестве неизменных элементов в повседневной жизни населения. Просмотр телепередач становится популярной формой проведения досуга, в связи с чем телевидение можно отнести к нерегламентируемому пространству, с акцентом государственной регламентации.

По рассказам респондентов, радио незримо присутствовало в их повседневной жизни: «Радио даже и не выключалось, оно было местное, омское» [6]. Транслировались радиопередачи, направленные на целевую аудиторию детей: «Пионерская зорька», «Радионяня». Кроме того, любили слушать зарядку, радиоспектакли, концерты по заявкам. Слушали и «Свободную Европу»/«Голос Америки»: «В 10 классе я слушал «Голос Америки», но он заглушался, но у нас была антenna и мы слушали. Потом – «Свободную Европу», или как там называлась... тоже заглушалось все» [6]. Часто слушали пластинки.

Телевещанию, в том числе направленному на детскую аудиторию, как «передовому краю идеологической борьбы», государство уделяло особое внимание. Результатом системной продуманной работы стал подъем детского вещания в конце 1960 – начале 1980-х гг. Сдача в эксплуатацию московского телекомплекса «Останкино», увеличение объема программ для юной аудитории, расширение тематики, ощущаемая финансовая поддержка положительно сказались на его развитии [22, с. 81].

Наибольшей популярностью пользовались следующие телепередачи для детей: «В гостях у сказки», «АБВГДейка», «Будильник», «Спокойной ночи, мальчиши», а также «Ералаш», «Веселая карусель». Лю-

бимы были сказки, детские фильмы, мульти фильмы: «очень много показывали мульти фильмов, хороших: про Красную шапочку, про Серого волка, про кота – нормальные, не то что бум-бум, стрелялки всякие» [12], «сборники мульти фильмов были только по выходным, поэтому мы ждали выходных! Это были получасовые сборники» [15].

Уделяя отдельное внимание увлечениям, отметим, что особенностью той поры было коллекционирование марок, открыток, значков, фотографий любимых артистов. Увлечение коллекционированием «чего-нибудь» имело повсеместный и долгосрочный характер – «до сих пор хранятся» [14]. В качестве хобби информанты называют конструирование (характерно для мальчиков) и спортивные занятия. Фотографирование и конструирование, соответственно техническому развитию в обществе, выступали в качестве востребованных и популярных увлечений: «В основном это (Прим. автора: хобби в период детства) связано с техникой – мотоциклы, мопеды. Я даже конструировал что-то наподобие автомобильчиков, типа карт, это такой спортивный автомобиль с четырьмя колесами. Сами с ребятами, в гаражах, с чертежей делали» [15].

Свободное время, посвященное культурному просвещению, организовывалось школой, семьей и в кругу сверстников. Организованно, преимущественно с классом, посещали музеи (прежде всего, Краеведческий музей), театры (в основном Музыкальный, Кукольный, Драматический театры, ТЮЗ). Цирк чаще всего посещали вместе с семьей. Популярность приобрели кинотеатры: «Приходилось даже отстаивать большие очереди» [6]. Активно функционировали кинотеатры «Художественный», «Спутник», «Пионер», «Кристалл», «Октябрь», клуб «Юность».

Много времени проводили с друзьями в Парке культуры и отдыха, а также на набережной Иртыша и Оми. Данные дислокации выступали в качестве универсальных зон отдыха в г. Омск для детей и взрослых, местом семейного отдыха. Для мальчиков местом отдыха выступали двор и улица: «Мы выросли во дворе» [12]. Особо любимым и буквально повсеместным занятием было катание на велосипедах. Пространство двора было важной частью жизни ребенка, где фактически проводили «все свободное время» [11].

Все большее внимание уделяется со стороны власти всесторонней работе с подрастающим поколением с целью «повышения роли комсомольских организаций в борьбе с нарушениями общественного порядка... помочь скорейшему торжеству коммунизма» и «формированию человека с коммунистическими чертами характера» [29, л. 22, об. 1]. В связи с чем остро ставится вопрос о массовом спорте, «чтобы отвлечь ребят от плохого».

В постановлении Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ «Об улучшении работы профсоюзных и комсомольских организаций с детьми и подростками по месту жительства» (1969) отмечается необходимость работы пионерской организации по месту жительства [32, с. 64]. Ответственность за реализацию ложилась на школы и комсомольские организации. Обозначается, что «всяческой поддержки заслуживает работа по созданию тимуровских команд при домоуправлениях, кварталах, создание органов

детского самоуправления: пионерские штабы, пионерские отряды, детские клубы», и насколько «важно добиться, чтобы ребята, прия из школы домой, на улицу, на свой двор, попадали в такую же среду, какой является пионерский и комсомольский коллектив» [29, л. 30, об. 1]. Хотя отмечаются недостатки в работе школы, которая так и «не стала центром воспитательной работы с детьми и подростками по месту жительства» [30, л. 20, об. 1]. Деятельность клубов и штабов была поставлена под контроль ряжевых бригад, отчеты которых периодически появлялись на страницах местной печати, особенно в летний период, ведь «отдых должен быть таким же целенаправленным, как учебный процесс в школе». В газете «Молодой Сибиряк» представлен опыт активно действующих тимуровских отрядов, детских клубов «Радуга», «Дружба», «Ракета», где дети занимаются в драм-кружке, танцевальном, акробатическом кружках, проводят концерты. В общем, «увлекательный труд и веселый отдых объединяет ребят» [26, с. 3]. Представлены и бездействующие клубы: «С замком на двери» [25, с. 4], и подозреваемые в ложной активности: «Нагло закрытая дверь. В такое время дня замок вызывал удивление <...> Еще совсем недавно ребята живущие в этом квартале, взахлеб, с упоением рассказывали о своем «Востоке», о технической лаборатории, кружках» [26, с. 3].

Наблюдается увеличение количества спортивных площадок, но темпы обустройства были невысокими. Пропагандировалась самостоятельная организация детских и спортивных площадок детьми старшего возраста или при помощи взрослых. Помощь от взрослых особенно ощущалась в зимнюю пору, при заливании катков, горок: «Родители горку заливали. Во дворе у нас горка обязательно была зимой» [5]. «Зимой дед, ветеран он был, заливал постоянно каток» [4]. Сами дети активно участвовали в организации зимнего активного отдыха. Так, в 1971 г. было сделано 75 горок, 47 катков, 58 хоккейных коробок [24, л. 96, об. 1], а в соревнованиях по хоккею с шайбой участие принимало 1470 ребят – 147 команд [30, л. 20, об. 1].

Занятие спортом приобрело общесоюзный размах. К 40-летию Пионерской организации ежегодно в 40 видах спорта занимались более 140 тыс. пионеров и школьников. В 1963 г. в соревнованиях по лыжам на приз газеты «Пионерская правда» только в Омске участвовало более 13 тысяч пионеров. Популярны стали соревнования «Олимпийская снежинка» по конькам, на приз «Золотая шайба» по хоккею, на кубок клуба «Кожаный мяч» по футболу [24, л. 73, об. 1].

К одним из самых ярких воспоминаний А. Ф. Щеглов, один из интервьюируемых, относит воспоминания о дворовом хоккее: «В нашем микрорайоне, это в Старой Московке, был такой человек, Завалин, который на общественных началах организовал большую хоккейную секцию. Вся Старая Московка была охвачена хоккейными дворовыми командами. Их было всего шесть, и каждый год разыгрывался чемпионат по всем правилам. Зимой чемпионат начинался, и весной определялся чемпион. Так было из года в год. Была построена хоккейная коробка, а потом все рассыпалось, ближе к 1990-м гг. А так, это была целая

эпоха, лет 10 – 15 вся Московка жила хоккеем» [15]. В. П. Завалин, известный тренер-общественник, который вел, на период н. 1970-х гг. уже более 10 лет, физкультурно-массовую работу в детской комнате «Космос» домауправления № 8 НГЧ-2, инженер телевизионного завода, и организовал множество хоккейных команд [31, л. 96, Об. 1].

В материально-техническом оснащении дворового пространства г. Омск и в помоши от прикрепляемых шефов, наблюдается недостаточность: «У нас был пустырь, почти ничего вообще не было» [9]. Однако приоритетным является не оснащенность, а степень вовлеченности детей прошедшей поры в дворовую жизнь, взаимосвязь со сверстниками: «Во дворе минимум был, и то со временем все разломали. Но я хочу сказать, что в наше детство были в основном активные игры: волейбол, баскетбол, футбол, казаки-разбойники, резинки, прятки-жмурки, вышибалы, штандер. Сейчас дети в эти игры не играют. Тогда если собирались во дворе – человек 6 – 8, как минимум» [5].

Игровая деятельность – важная составляющая времяпровождения ребенка во дворе, служит формированию личностных качеств ребенка. Игры двора в 1960 – 1970-е гг. были многообразны, зачастую с самодельными игрушками: «На улицах были взрослые, нам всегда делали все, без проблем. Песочница с грибочком была, там мы всегда машинки всякие из деревяшек, железячек делали, игрались. Взрослые нам всегда помогали, мы и самолеты на веревках делали, и из рогаток, естественно, с пацанами стреляли, и игры всякие были. Игры были не компьютерные: бегали на улице, играли и в лапту, и в догонялки, и в прятки. Ну и даже в азартные игры – в «чику», деньги переворачивали. В карты нам взрослые не разрешали играть, они рядом постоянно в домино, в шахматы играли, ну а мы – по своему, но они за нами приглядывали» [12].

Самыми распространенными играми были «казаки-разбойники», «лапта», «лезиночки», скакалки, «штандер», «вышибалы», «12 палочек», «войнушки», волейбол, футбол, прятки, «кашевар», классики и т. д. Очевидны и предпочтения по гендерному признаку. Девочки играли преимущественно в «резиночки», скакалки, обруч, куклы, в «домики» и т. д. Женское поведение стабильнее и осмотрительнее. Не исключено, что именно по этой причине девочки менее склонны расширять пространство, но зато более качественно обживают и психологически осваивают его [27, с. 201]. Мальчики предпочитали футбол, хоккей, «войнушки». Им от природы положено больше, чем девочкам, лазать, на всех парах устремляться туда, где интересно и опасно [20, с. 64]. Один из информантов рассказывает, как «таскали помидоры с чужих огородов, свои были, но нет, надо было у кого-то утащить, хулиганили, карбид наберем и бомбочку изготавлим, взорвем и посмотрим. Взорвал, чуть палец себе не оторвал – и это мы чисто тренировались, интересно было. Ружья у взрослых были, не прятали тогда, но мы не трогали, сами по себе хулиганили. Еще воробьев стреляли из рогатки» [12]. Или: «Все было просто, замечательно, хулиганили, баловались, по стройкам бегали [...]. Как-то поспорили, кто с

9 этажа на кабеле высоковольтном спусстится, и мы спускались, и ничего не боялись!» [6].

Отдельная часть воспоминаний дворовой жизни связана с первыми совместными доходами: «Мы всей толпой разгружали КАМазы, на которых узбеки торговали приезжали, привозили овощи, фрукты на рынок <...> Еще бутылки сдавали, макулатуру, утиль» [2]. Порой заработки имели не совсем разрешенный характер: «Мы даже в азартные игры играли – в чику, деньги переворачивали [12].

Дворовое детство по временной протяженности было довольно длительным: «В казаки-разбойники играли, до 10 класса, аж до 17 лет!» [6]. Наибольшее эмоциональное значение имеют различные дворовые истории, своего рода «приключения», самостоятельно организуемый досуг, когда дети не выступали в роли «активных строителей коммунизма», а оставались, прежде всего, детьми.

Таким образом, досуговое времяпровождение ребенка в рамках нерегламентируемого пространства в обозначенный период, переживает некоторую трансформацию. Имеются трудности, связанные, прежде всего, с материальной обеспеченностью в части игрушек, детского уголка, дворовой детской площадки. Присутствовавший дефицит информантами не ангируется (или вовсе отрицается), и акцент переносится с материальных ценностей на ценности духовные, общечеловеческие. Как отмечает одна из интервьюируемых: «Это было лучшее время для детства!» [5]. Детям мирной послевоенной поры уделяется особое внимание, максимально организуется свободное время ребенка, расширяются возможности для досугово-

го времяпровождения. Способствует этому развитие массового спорта, телевидения, технический прогресс, и, как следствие – становление целого ряда популярных тем и увлечений – конструирование, фотографии, космос и пр. Досуг ребенка в свободное от учебы время выходит за рамки нерегламентируемого пространства, что свидетельствует о некоторой условности границы нерегламентируемого и регламентируемого пространств.

Мир ребенка по большей части организуется взрослыми, установки свыше определяют развитие детства. С другой стороны, нельзя отрицать самостоятельности, некоторой обособленности детства, у детей свои переживания, видение и оценка мира, увлечения, все то, что, несомненно, влияет на становление, формирование человеческой личности. Проанализировав данные, полученные в ходе интервьюирования жителей г. Омск, можно отметить и особую роль дворового пространства в жизни ребенка, в его «воспитании». С ним связывают воспоминания о первых заработках, веселых командных играх, сплоченности и настоящей дружбе, сохранившейся поныне, а также о совместных хулиганствах, будь то стрельба из рогаток или нарушение установленных взрослыми запретов. Попытки регламентации личного пространства осуществлялись настолько, насколько позволяли дети. Так, успешными были влияние и организация досуга в сфере спорта, что «вписывалось» в рамки досугового времяпровождения детворы, а влияние детских клубов при домоуправлениях имели меньшее влияние и носили скорее формализованный характер.

Литература

1. Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917 – 1927 гг.: Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 236 с.
2. Беседа с Д. А. Асановой 1968 г. р. // Архив автора.
3. Беседа с С. А. Вениковым 1962 г. р. // Архив автора.
4. Беседа с Н. Н. Деревянкиной 1970 г. р. // Архив автора.
5. Беседа с А. А. Дрозджащих 1960 г. р. // Архив автора.
6. Беседа с В. Н. Зятыковым 1968 г. р. // Архив автора.
7. Беседа с И. Н. Ишковой 1962 г. р. // Архив автора.
8. Беседа с А. П. Кемпф 1955 г. р. // Архив автора.
9. Беседа с Л. Клевакиной 1958 г. р. // Архив автора.
10. Беседа с П. А. Осинцовым 1969 г. р. // Архив автора.
11. Беседа с В. М Рочевым // Архив автора.
12. Беседа с А. А Рудаевым 1957 г. р. // Архив автора.
13. Беседа с М. Г Сагалбековой 1964 г. р. // Архив автора.
14. Беседа с И. Н. Соловьевой 1970 г. р. // Архив автора.
15. Беседа с А. А. Щегловым 1963 г. р. // Архив автора.
16. Большая Советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд.: испр., доп. и перераб. М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978. Т. 8: Дебитор-Евкалипт. 1972. 592 с.
17. Дети в СССР: статистический сборник. М.: Статистика, 1979. 70 с.
18. Дети эмиграции: воспоминания: сб. ст. / под ред. В. В. Зеньковского. М.: Аграф, 2001. 256 с.
19. Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: деятельность и иллюзии. Свердловск, 1970. 232 с.
20. Зезина М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945 – 1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127 – 136.
21. Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60(2). С. 218 – 251.
22. Когатько А. Г. История Отечественного телевидения для детей (на примере программ для дошкольников, младших и средних школьников) // Вест. Моск. ун-та. (Серия 10: Журналистика). М., 2007. Вып. 1. С. 79 – 85.
23. Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения. М.: УРАО, 2000. 319 с.

24. Михайлова В. А. «Самые первые»: Исторический очерк об истории Омской пионерской организации // Исторический архив Омской области. Ф. 4. Оп. 56. Д. 140. Л. 1 – 119.
25. Молодой сибиряк. Омск, 1960. 1 июля. № 78.
26. Молодой Сибиряк. Омск, 1978. 12 января. № (5588).
27. Нарский И. В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историографический роман). Челябинск: Энциклопедия, 2008. 516 с.
28. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Речь, 2000. 245 с.
29. Протокол заседания актива Горкома ВЛКСМ 24 февраля 1964 г. // ИАОО. Ф. 2400, Оп. 5. Д. 42.
30. Протоколы № 42, 43, 1 – 6 заседаний бюро ГК ВЛКСМ. 14 янв. – 12 мая 1972 г. // ИАОО. Ф. 2400. Оп. 8. Д. 4.
31. Протоколы бюро горкома ВЛКСМ с № 19 по № 28. // ИАОО. Ф. 2400. Оп. 7. Д. 47.
32. Розенберг А. Я. Пионерская организация, общественность, семья: учебное пособие. М.: Просвещение, 1982. 142 с.
33. Салова Ю. Г. «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы: учебное пособие. М.: Ярославль, 1998. 100 с.
34. Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.

Информация об авторах:

Нуркина Кымбат Кайсаровна – аспирант кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, kuba_1716@mail.ru.

Kymbat K. Nurkina – graduate student of "History of Russia" Omsk State Technical University.

(Научный руководитель: Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета

Research advisor: Aleksey V. Sushko – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of "History of Russia" Omsk State Technical University).

Статья поступила в редакцию 07.08.2015 г.

УДК 94 (47) 084.8

**ПРОБЛЕМЫ РЕЭВАКУАЦИИ КОЛЛЕКТИВОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
И ИХ РЕШЕНИЕ В ЗАПАДНОСИБИРСКОМ РЕГИОНЕ (1942 – 1948 ГГ.)**

Л. И. Снегирева

**THE PROBLEMS OF RE-EVACUATION OF THE STAFFS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES
AND THEIR SOLVING IN THE WEST SIBERIAN REGION (1942 – 1948)**

L. I. Snegireva

Впервые на архивных материалах рассматриваются реэвакуационные процессы в промышленности Западной Сибири, вызванные ими организационно-производственные, социальные проблемы и последствия. Цель статьи – изучение исторического опыта решения организационно-производственных и социальных проблем реэвакуации промышленных предприятий и их коллективов в Западно-Сибирском регионе. Исследование проведено в соответствии с основными принципами исторической науки. Показано, что вопросы реэвакуации промышленных предприятий и их коллективов решались персонально, с учетом складывающейся обстановки. Подчеркивается сложность проводимой работы. Анализируются организационно-производственные и социальные проблемы, возникшие при перебазировании предприятий и их коллективов на новые места, а так же проблемы, возникшие в коллективах оборонных предприятий, оставленных в Западной Сибири. Прослеживаются пути их решения. В выводе отмечается, что, несмотря на предпринимаемые меры, комплекс причин, и прежде всего тяжелые материально-бытовые условия, вызвал массовый отток специалистов в освобожденные районы страны. В этих условиях даже оборонные предприятия испытывали кадровый «голод». Особенно остро встал вопрос с инженерно-техническими кадрами. Реэвакуация не только привела к оттоку квалифицированных промышленных кадров, но и остро поставила проблему обеспечения специалистами сибирской экономики в целом.

This work presents the first case of the research of the processes of the West Siberian industry re-evacuation, which is based on archival materials, as well as the research of the problems of industry organization and social sphere, and other consequences caused by the processes. The purpose of the article is to present the research of historical experience in solving the above mentioned problems connected with industrial enterprises and their staffs re-evacuation, which had been held in the West Siberian region. The research is performed in accordance with the historical science's main principles. It evinces that the questions of re-evacuation of industrial enterprises and their staffs were solved with the use of personal approach and with respect to the current circumstances. The article emphasizes the hardness of the work being performed. It gives the analysis of the social and organizational problems, which arose in process of the relocation of the enterprises

and their staffs to new places, as well as the problems occurred to the staffs of defense enterprises, which stayed in West Siberia and traces the ways of solving these problems. The author concludes that in spite of the measures, that had been took, there still existed a complex of reasons, and first of all harsh living conditions, which caused the mass outflow of specialists to the liberated areas of the country. In such circumstances even the defense enterprises were subject to acute cadres' shortage. Especially it concerned engineering and technical personnel. Re-evacuation not only caused the outflow of qualified industrial cadres, but also significantly aggravated the problem of supplying the Siberian economy in whole with specialists.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, реэвакуация, ИТР, коллективы промышленных предприятий.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, re-evacuation, engineering and technical personnel, staffs of industrial enterprises.

Осмысление причин и цепи Победы советского народа в войне остается и сегодня актуальным. Оно неразрывно связано с эвакуацией производительных сил в тыловые районы страны и всего комплекса проблем, сю порожденных, ставшей наиболее сложным направлением перестройки народного хозяйства в условиях войны. Составляющей этого комплекса является проблема реэвакуации. Как разновидность вынужденной миграции реэвакуация в мировой практике не была новым явлением. Однако по масштабам, условиям и последствиям проведенной в Советском Союзе реэвакуации аналогов не существует.

Тема реэвакуации долгое время не привлекала внимания исследователей. Одним из первых коснулся этой проблемы А. Р. Дзенискевич. Он обозначил круг проблем, с которыми столкнулись реэвакуанты, возвращающиеся в г. Ленинград [24, с. 152 – 153]. Реэвакуацию изучала и уральский историк М. Н. Потемкина. Она сделала попытку ввести понятие реэвакуации, описать ее механизмы, этапы и последствия для уральского региона [29, с. 173 – 204]. Как один из аспектов перемещения трудовых ресурсов описывает виды реэвакуации В. Л. Пянкевич [33, с. 55]. Исследователь И. А. Карпенко рассмотрела социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации населения г. Ленинграда [27, с. 177 – 181]. Массовой реэвакуации населения из Сибирского региона посвятили свою статью Л. И. Снегирева, Т. А. Сафонова [35, с. 22 – 30]. Как видим, в исторической литературе обозначенная проблема получила некоторое освещение. Но до сих пор она относится к числу слабоизученных, на что неоднократно указывалось в исторических обзорах [1, с. 49 – 50; 23, с. 3 – 10]. Несмотря на попытки исследователей внести вклад в изучение рассматриваемой проблемы, специального исследования, посвященного этому процессу, так и не появилось. Реэвакуация коллективов промышленных предприятий не изучена, поэтому данная статья может рассматриваться в качестве одной из первых попыток в этом отношении.

Проблема реэвакуации многогранна и многопланова. Учитывая это, автор рассматривает лишь часть ее, а именно проблемы реэвакуации коллективов промышленных предприятий и их решение в Западно-Сибирском регионе.

В первый период войны (1941 – 1942 гг.) в Западную Сибирь прибыли 244 предприятия и более 1 млн человек [3, с. 8, 33 – 38]. На 1 апреля 1943 г. здесь было учтено 934,5 тыс. человек, в том числе 508,1 тыс. трудоспособных, из которых 173,1 тыс. человек работали в промышленности [4, с. 338]. Мно-

гие из них показывали образцы высокопроизводительного труда. С началом реэвакуации прибывшее население покидало Западную Сибирь.

Реэвакуация населения осуществлялась по многим направлениям. Одним из них была реэвакуация ИТР, рабочих, служащих вместе с промышленными предприятиями [5, с. 22 – 23, 27 – 30]. Работа по реэвакуации коллективов вместе с промышленными предприятиями была разносторонней и сложной. Вопрос о реэвакуации по каждому предприятию решался персонально. Большинство заводов, и прежде всего, оборонных, не подлежали реэвакуации. Заводы, которые реэвакуировались, как правило, вывозили свои коллективы полностью [10, л. 6 – 8; 17, л. 253; 19, л. 55 – 58]. Некоторые предприятия, реэвакуируясь, оставляли на сибирской земле часть оборудования, ИТР, рабочих [11, л. 112].

В конце 1941 – 1942 гг. в связи с удачным наступлением Красной армии, была снята угроза потери столицы, Правительство разрешило частичную реэвакуацию предприятий и их коллективов в г. Москву и Московскую область.

Одним из первых к месту своего пребывания в первом квартале 1942 г. из г. Новокузнецк в г. Серпухов Московской области был реэвакуирован завод № 192 Наркомсудпрома [38, с. 25]. В это же время началась реэвакуация авиапромышленности на Ходынку. Филиал завода № 51 Наркомата авиапромышленности и Отдел конструкторского бюро им. Яковлева прибыли в г. Новосибирск в октябре 1941 г. Коллектив отдела конструкторского бюро А. С. Яковлева вернулся в г. Москва уже в начале 1942 г. [37, с. 2]. В 1943 г. из г. Новокузнецк в г. Серпухов Московской области выехал коллектив завода № 252 Наркомсудпрома, который вместе с заводом № 192 этого же наркомата был эвакуирован летом 1941 г. на сибирскую землю [12, л. 51]. В 1943 г. началась реэвакуация завода № 51 из г. Новосибирск в г. Москва. Основной его территорией стала Московская площадка, а территория в г. Новосибирск получила статус филиала. По Постановлению ГКО № 4290-С от 8 октября 1943 г. и Приказу № 641-с Наркомата авиационной промышленности СССР от 28 октября 1943 г. завод № 51 из г. Новосибирск к концу 1943 – началу 1944 гг. полностью вернулся на основную территорию завода № 51 в г. Москва со всем оборудованием, кадрами и членами их семей [17, л. 253]. В 1942 – 1943 гг. на обеих территориях велись работы по постройке, доводке и испытаниям самолетов И-185 с различными моторами М-107 и Ам-37 [37]. В сентябре 1943 г. из г. Барнаул к

месту своего пребывания в г. Москва выехала проектная организация Гипроавиапрома [6, л. 15]. Осенью 1943 г. из г. Томск были реэвакуированы на прежние базы в г. Загорск и г. Изюм Московской области заводы № 353 и 355 [20, л. 55 – 57, 68; 86 – 89]. Несколько заводов были реэвакуированы из г. Тюмень. Во второй половине 1942 г. из Тюмени на свою базу в Московскую область был реэвакуирован завод № 241 Наркомата авиационной промышленности. Первый эшелон этого завода с рабочими и оборудованием прибыл в г. Тюмень 9 ноября 1941 г. Позже сюда же были эвакуированы планерные мастерские из г. Голицыно Московской области. Они были объединены. Главной продукцией этого завода были десантные планеры А-7 конструкции О. К. Антонова [30, с. 2 – 4].

Весной 1944 г. из г. Тюмень в г. Горький (г. Нижний Новгород) выехал коллектив мотоциклетного завода Главного управления мотоциклов и велосипедов Наркомата среднего машиностроения СССР, созданный в ноябре 1941 г. на основе мотоциклетного завода, прибывшего из г. Таганрог и части оборудования эвакуированных мотоциклетных заводов из г. Москва и г. Серпухов Московской области. В 1944 г. был реэвакуирован из г. Тюмень и завод № 5 «Цепи Галля» Главного управления промышленности металлоизделий Наркомата местной промышленности РСФСР. Эвакуированный в октябре 1941 г. из г. Киев в Омскую область, размещенный в г. Тюмень, коллектив завода выпускал пистолеты-пулеметы ППШ [30, с. 2 – 4].

Выбывали заводы и из других городов Западной Сибири. В 1944 г. из г. Бердска Новосибирской области был эвакуирован завод им. Дзержинского, а позже заводы № 9 и 296 Наркомата авиационной промышленности [34, с. 89; 28, с. 226, 846]. Из г. Томск в августе 1945 г. в г. Ново-Белица БССР был реэвакуирован завод «Везувий» [21, л. 200]. В это же время из г. Кемерово в г. Москву выбыл коллектив завода № 6 НКАП [13, л. 154], из г. Новосибирска – завод № 635 Наркомата боеприпасов [28, с. 846]. В 1949 г. из г. Мариинска Кемеровской области в г. Одесса был реэвакуирован завод № 16 [13]. Реэвакуировались и другие предприятия.

Перебазирование коллективов промышленных предприятий было делом сложным. Отправление людей и техники осуществлялось эшелонами, количество которых зависело от численности людей и сложности оборудования и механизмов. Иногда необходимо было несколько эшелонов и большое количество вагонов. Формирование каждого эшелона оформлялось приказами, составлялись списки уезжающих с указанием фамилий, имени, отчества, профессии, места работы, должности. На всех отезжающих оформлялись необходимые документы. Специальными приказами назначались начальники эшелонов, их заместители по политчасти, начальники по снабжению и питанию, начальники охраны эшелонов, врачи и фельдшера, ответственные за сохранность имущества и оборудования, санобслуживание. Производился полный расчет по последний день работы и выдавался аванс. В дороге все обеспечивались двухразовым горячим питанием и одноразовым пайком, который вы-

давался на месяц. За день до отъезда все обеспечивались хлебными карточками. Все в обязательном порядке проходили санитарную обработку [16, л. 10 – 12; 27, 29 – 32].

Реэвакуируя кадры и материальные ценности, директора предприятий нередко шли на нарушения, стремясь вывезти со своими заводами как можно больше специалистов и простых рабочих, принятых на работу уже в тылу на свои и другие предприятия. Так, 13 августа 1943 г., рассматривая вопрос о реэвакуации коллектива завода № 355, Томский горисполком указал руководству в лице директора т. Пескова на ряд неправильных, незаконных действий: нечуткость подхода к заявлениям рабочих и служащих, которые в силу многих причин не могли выехать с заводом; на случаи принуждения к отъезду студентов вузов и техникумов, членов семей военнослужащих Томского гарнизона, многосемейных коренных жителей г. Томск; на факты увоза рабочих и служащих с других предприятий города без согласия и увольнения их администрацией этих заводов. Исполком Томского городского Совета категорически запретил руководству завода посадку в эшелон лиц, работающих на других предприятиях, в организациях и учреждениях города, и поручил горпрокурору т. Рубанову и начальнику НКВД т. Смысляеву в двухсуточный срок расследовать факты незаконной отправки в г. Загорск рабочих и служащих других предприятий города, а результаты расследования доложить членам горисполкома. Вопрос о незаконных действиях руководства завода № 355 обсуждался и на бюро горкома партии. Осудив неправильные действия руководства завода № 355 по рассматриваемому вопросу, бюро горкома указало директору завода № 355 т. Пескову и зам. директора завода № 355 по кадрам т. Жданову на необходимость более внимательного отношения к заявлениям рабочих, ИТР и служащих, которые, в силу сложившихся обстоятельств не могли выехать вместе с заводом, и потребовало в каждом отдельном случае решать вопрос о целесообразности и возможности брать людей на старую базу завода, а всех ИТР, рабочих, незаконно отправленных в г. Загорск с других предприятий города, вернуть. О фактах нарушения и неправильных действий руководства завода было доведено до сведения Новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома [19].

К руководителям реэвакуируемых предприятий предъявлялись и другие требования. Они должны были к моменту полной реэвакуации передать по акту все занимаемые ими производственные помещения, жилые дома, подсобные хозяйства, пригодными к эксплуатации бывшим владельцам, вернуть им весь мягкий и твердый инвентарь и оборудование. Техническое состояние зданий, передаваемых заводами прежним владельцам, определяли специально созданные комиссии. Их возглавляли главные инженеры горкомхозов. В состав комиссий входили представители заводов, владельцы домов и члены экспертных советов горкомхозов. Обо всех оставляемых заводами рабочих, служащих и ИТР отделы кадров информировали мобилизационные отделы горисполкомов [19].

Предъявляя необходимые требования руководству реэвакуируемых предприятий, властные струк-

туры оказывали выезжающим коллективам всю необходимую помощь транспортом, финансами, продовольственным обеспечением, людьми для отгрузки оборудования и тракторами для переброски тяжелого оборудования к погрузочным площадкам. На новых местах, как правило, предусматривалось выделение реэвакуированным заводам производственных площадей, жилого фонда, выделение земель для подсобных хозяйств, закрепление за заводами секций в строящихся домах [19].

Выше указывалось, что промышленные предприятия оборонного значения, за редким исключением, не подлежали реэвакуации. В связи с этим ИТР, рабочие этих предприятий, часто вопреки их желанию, были вынуждены оставаться в Западной Сибири, что приводило к недовольству, протестам. Необходимость укрепления экономического развития страны в послевоенные годы, требования оставить оборонные заводы в тылу не всеми ИТР и рабочими понимались и принимались, а потому рассматривались как противоречащие их интересам. Информационные сводки, составленные по материалам перлюстрации частной переписки и спецсообщения начальников Управлений НКВД секретарям обкомов ВКП(б) сибирских областей свидетельствуют о желании многих эвакуированных ИТР и рабочих вернуться в родные края. Так, информационные сводки о положении ленинградских рабочих в Омске от 19 сентября 1945 г. свидетельствовали об огромном желании ИТР и рабочих уехать из Западной Сибири в г. Ленинград. Слухи о том, что заводы могут оставить в г. Омск, подталкивали эвакограждан к самовольному уходу с предприятий. Рабочий З. Г. Новиков писал домой: «Завод оставляют в Сибири, многие бегут...». Со всем этим разбиралась московская комиссия. Но рабочие требовали вернуть их в г. Ленинград [36, с. 278]. К самовольному уходу часто подталкивали и тяжелые материально-бытовые условия. Ленинградец А. В. Стамбулов писал из г. Омск родным: «Живу опять в цеху, спать приходится 3 – 4 часа в сутки... С одеждой тоже дело швах... Все мое обмундирование состоит из ремня, грязного комбинезона и рваных ботинок... Надвигается зима, а теплого ничего нет...» [36, с. 277]. О тяжелых условиях жизни эвакуированных рабочих в г. Барнаул, их желании вернуться по этой причине быстрее домой, свидетельствуют спецсообщения начальника Управления НКВД СССР по Алтайскому краю т. Волошенко на имя секретаря Алтайского Крайкома партии т. Лобкова. Большинство эвакуированных рабочих и ИТР оборонных заводов жили в неблагоустроенных бараках, в порядке уплотнения местных жителей в проходных комнатах и кухнях с жилой площадью не более 2 кв. м на человека, часто не обеспечивались топливом, что еще больше усугубляло их положение и вызывало настроение безысходности и желание уехать домой. Так, И. Г. Митрофанов, инженер-конструктор завода № 17, ценный и способный работник, имея трех детей в возрасте от 1 года до 4 лет и жену, жил в проходной кухне. На все просьбы к дирекции об улучшении жилищных условий его семьи не получил никакой помощи. В связи с этим настроен был самовольно оставить работу и выехать на Запад [7, л. 59]. Инженер-конструктор этого же завода П. В. Шевцов с женой и двумя маленькими детьми жил в сыром бараке, где с

потолка текла вода. Он не скрывал желания бросить работу на заводе и самовольно выехать к прежнему месту жительства [7]. В таких же условиях жили рабочие и ИТР этого завода: П. С. Алексеенко, И. П. Алексеенко, В. А. Савченко, П. Ф. Мартынов и ряд других лиц, которые высказывали желание о скорейшем выезде в родные края [7].

Аналогичные настроения имели место на заводе № 236, химзаводе, среди рабочих, прибывших с эвакуированными заводом № 60 из Ворошиловграда, заводом № 44 из г. Москва и др. [8, л. 193].

Часть ИТР и квалифицированных рабочих хотели выехать из г. Барнаула в связи с тем, что на Западе ими были оставлены собственные дома и семьи. Разговоры о самовольном уходе и выезде в г. Подольск вели заместитель главного технologа по станкостроению завода № 17 П. И. Ольшанов, инженер-конструктор этого же завода Л. И. Овчаренко и другие [9, л. 60]. Как видим, считая свое желание вернуться домой справедливым, эвакуанты в качестве доводов приводили необходимость быть вместе с родными и близкими, которые остались на оккупированной территории, испытали ужасы фашистской неволи и продолжают жить тяжело, не получая помощи и льгот от государства, так как не являются семьями военнослужащих. Важным аргументом было и то, что в местах прежнего проживания у них остались квартиры, дома, имущество. У многих на Западе находились престарелые родители, нуждающиеся в материальной помощи и моральной поддержке. Многими двигало горячее желание принять личное участие в возрождении их родных предприятий, шахт, городов и сел [14, л. 77]. Стремясь вернуться из эвакуации в родные края, люди зачастую не были готовы к реальной действительности, к восприятию новых условий [7, л. 61].

Коренные изменения на фронте и освобождение советской территории от фашистских захватчиков, усиливали настроения эвакуантов о скором возвращении домой. Известие о Победе в Великой Отечественной войне наряду со всеобщими радостью и ликованием еще более подогревало это желание. В информации секретаря Сталинского горкома партии В. Москвина «О политических настроениях трудящихся г. Сталинск после войны», направленной 19 мая 1946 г. первому секретарю Кемеровского обкома партии С. В. Зодионченко, отмечалось, что в связи с окончанием Великой Отечественной войны эвакуированные инженерно-технические работники и рабочие высказывают намерения выехать в родные края [15, л. 38, 38 об.]. Эвакуированный рабочий ремонтно-строительного цеха КМК Т. И. Шишkin заявлял: «...У нас в бараке теперь одни разговоры, как бы скорее уехать домой. Война кончилась и нас теперь скоро всех распустят по домам» [15, л. 39].

Условия жизни эвакограждан были тяжелыми на протяжении всех лет войны. Но пока она шла, люди с этим мирились. Переход к мирной жизни принес надежды на лучшее, но ситуация оставалась по-прежнему тяжелой. Этим и вызывалось недовольство. Оно проявлялось в различных формах, охватывая даже относительно благополучные предприятия [15, л. 38, 38 об.].

Следует отметить, что на проявление резакцииционных настроений оказывали влияние законодательные акты Правительства и события, происходившие в политической жизни страны. 7 июля 1945 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с Победой над гитлеровской Германией». Согласно ему освобождались осужденные к лишению свободы на срок не более трех лет и осужденные за самовольный уход с предприятий, на которые распространялось действие Указа Президиума Верховного Совета ССР от 26 декабря 1941 г. [2, с. 108 – 109]. Все они могли вернуться на прежние места жительства. Это вызывало недовольство рабочих, ИТР, которые, в силу сложившихся обстоятельств, задерживались вместе с эвакуированными предприятиями. Когда же в августе 1945 г. начались военные действия ССР с Японией, произошел резкий спад их недовольства.

В основном недовольство ИТР и рабочих, оставленных с предприятиями, проявлялось в словесной форме. Но иногда люди переходили и к действиям. Кое-кто, добиваясь увольнения, сознательно нарушал трудовую дисциплину. Другие под разными предлогами (отпуск, семейные обстоятельства, а то и просто самовольный уход) стремились вернуться в родные края. Многие там и оставались, устраиваясь на работу. Власти не могли не реагировать на происходящее. В августе 1945 г. Секретариат ЦК ВКП(б), рассмотрев этот вопрос, потребовал от местных властных структур принять необходимые меры по удовлетворению требований трудящихся, за исключением резакции. Эвакуированным ИТР и рабочим рекомендовали забрать свои семьи по месту работы [15, л. 38 – 39]. Велась широкая разъяснительная работа. В случаях самовольного ухода с предприятий руководство заводов прибегало к помощи органов НКВД и прокуратуры. Обращались руководители заводов и в Наркоматы с просьбой запретить трудоустройство лиц, самовольно оставивших работу на предприятиях Западной Сибири. Принятые меры были действенными. Большую часть рабочих возвращали на прежние заводы [25, с. 318]. Наряду с названными мерами изыскивались возможности по улучшению материально-бытовых условий эвакуированных ИТР, рабочих и их семей. С этой целью на заводах проводились проверки материально-бытовых условий жизни и труда эвакограждан и принимались меры по их результатам. Так, 13 июля 1946 г. вопрос «О бытовом устройстве эвакуированных, работающих на заводе резиновой обуви» обсуждался на заседании исполнительного комитета Томского областного Совета депутатов трудящихся. В ходе обсуждения вопроса было отмечено, что из 354 эвакуированных ИТР и рабочих, продолжающих еще работать на заводе, многие находились в неудовлетворительных материально-бытовых условиях. Считая такое отношение к бытовому устройству эвакуированных ИТР и рабочих недопустимым, исполнком потребовал от руководителей завода принять все необходимые меры к коренному улучшению их положения [21, л. 17]. В Постановлении СНК ССР от 25 августа 1946 г. «О мероприятиях по улучшению материально-бытовых условий рабочих, ИТР и служащих предприятий, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» [32, с. 352] была намечена система мер в этом направ-

лении, но при нехватке материальной и финансовой поддержки осуществление их проводилось в жизнь медленно.

Создание материально-технической базы оставшихся в Западной Сибири эвакуированных и строящихся предприятий оборонной промышленности было важнейшей и труднейшей проблемой. Кроме решения производственных вопросов необходимо было развивать социально-бытовую инфраструктуру. Все это создавалось, но медленно, ибо не хватало людей, средств. Поэтому случаи проявления недовольства имели место и в последующие годы.

Сложность положения, в котором оказались предприятия в связи с резакцией, видна на примере завода № 69 им. Ленина г. Новосибирск. Когда выяснилось, что завод не вернется на свою старую базу в г. Красногорск, начались массовые увольнения по разным причинам. Усилились отзывы работников через Наркоматы. Уехал главный инженер завода Д. Ф. Скаржинский. Главному конструктору С. М. Николаеву предложили создать в г. Красногорск Центральное конструкторское бюро. Вместе с ним выехала целая группа высококлассных специалистов. Конструкторский отдел завода № 69 оказался обескровленным. Возникла опасность потери специализации завода. В этих условиях дирекция предприятия обратилась к эвакуированным специалистам с призывом остаться в Сибири. На этот призыв откликнулись многие конструкторы, технологии, мастера, рабочие [25, с. 314, 318, 319]. Новому главному конструктору Е. И. Финкельштейну необходимо было в короткий период воссоздать конструкторский отдел. Выход был найден за счет выпускников эвакуированного в райцентр Черепаново под Новосибирском Ленинградского техникума точной механики и оптики и Ленинградского института точной механики и оптики (ЛИТМО), находящихся в связи с эвакуацией в райцентре Черепаново Новосибирской области. Выпускники техникума были направлены на стажировку в г. Красногорск и в Ленинградский оптический институт (ГОИ). Инженеры и техники, окончившие институт, сразу же загружались ответственной и сложной работой. Так, коллектив завода нашел выход в формировании молодого, но вполне работоспособного конструкторского отдела, который решал серьезные производственные вопросы и разрабатывал документацию новых приборов [25, с. 319].

В подобной ситуации оказались многие эвакуированные заводы. 1946 год принес радостное известие коллективу Новосибирского инструментального завода, основной костяк которого составляли эвакуированные. Им разрешили вернуться в родной город. Событие, которого они так долго ждали, для завода обернулось острой кадровой проблемой, ибо уехать решили более половины эвакуантов. Допустить остановку производства было невозможно. В связи с этим руководством завода была поставлена задача уезжающим: подготовить квалифицированную замену. С каждым из резактируемых заключали договор на обучение новых рабочих. Новички учились два-три месяца, получали разряд, а уезжающие – деньги за обучение и документы на выезд. Так создавался новый коллектив [25, с. 25 – 26].

В первые послевоенные годы предприятия корректировали профиль производства, переходили на выпуск гражданской продукции. Все это было связано с огромными трудностями по всем направлениям их деятельности. И главной из них была текучесть кадров, связанная, прежде всего, с реэвакуацией – процессом болезненным для всех предприятий, ибо уходили ведущие конструкторы, инженеры, высококвалифицированные рабочие.

К концу войны на предприятиях восточных районов страны, в том числе и Западной Сибири, оставалось еще немало эвакуированных ИТР и рабочих. На 17 апреля 1946 г. здесь продолжало работать 3,5 тыс. шахтеров Донбасса, 14,8 тыс. металлургов Юга [26, с. 57; 31, с. 90, 172, 188]. Эвакуированные трудились и на предприятиях многих других наркоматов. Анализ многочисленных архивных документов свидетельствует о том, что реэвакуация промышленных предприятий была завершена к концу 1940-х годов. К этому времени бывшие эвакуированные предприятия были закреплены за регионами, в которых они размещались. Так, на шести ведущих оборонных предприятиях г. Томск («Сибкабель» (№ 631), «Красный богатырь» (№ 765), «Сибмотор» (№ 653), «Манометровый» (№ 838), «Радиозавод» (№ 625) и завод № 690 на 1 января 1946 г. трудилось еще 1513 эвакуированных специалистов. На 1 января 1947 г. их оставалось уже 1169. Часть из них покинула пределы Западной Сибири в последующие годы, а часть – осталась здесь на всегда [22, л. 72 – 75, 86 – 87, 109, 127, 154, 173, 191]. Подобная картина была характерна и для предприятий других областей Западной Сибири.

Интересным является вопрос и о местах выхода эвакограждан, продолжающих работать на предприятиях Западной Сибири в послевоенные годы. Из 1169 человек эвакуированных специалистов, работающих на вышеуказанных оборонных заводах г. Томск, абсолютное большинство – 848 человек (72,5 %) – были выходцами из г. Москвы и Московской области, 172 человека (14,7 %) – из г. Ленинград и Ленинградской области. В целом на этих заводах из 1169 чел 1020 чел (87,3 %) составляли москвичи и ленинградцы. Остальные 12,7 % распределялись между специалистами из БССР, УССР, Карело-Финской ССР, Брянской, Воронежской, Саратовской, Николаевской областей, г. Ярославль, Северного Кавказа [22, л. 72 – 75, 86, 177, 177 об, 182].

Из новосибирской эвакуации в Ленинград возвратились около 25 – 30 % наиболее квалифицированных рабочих, ИТР и техников, которые составляли основное ядро производственных коллективов, прижившихся в г. Новосибирск заводов-переселенцев [24, с. 118 –

119]. По данным Статистического отдела Переселенческого Управления РСФСР, среди оставшихся в Западной Сибири эвакограждан на 1 января 1948 г. наибольшее число составляли жители Украины, г. Ленинград и Ленинградской области, г. Москва и Московской области, Белоруссии. Из оставшихся 2833 жителей г. Москва 1394 человека осели в г. Томск и Томской области. Преимущественно это были специалисты промышленного производства [18, л. 2], оставленные в Западной Сибири вместе с оборонными предприятиями. Определение численности перебазированных на Запад предприятий с коллективами не представляется возможным из-за большого разнообразия путей, по которым эта работа велась, состояния учета кадров и тех миграционных процессов, которые в то время шли. Эти проблемы ждут своих исследователей. Реэвакуация не охватила большого количества предприятий. Специфика реэвакуации промышленности заключалась в том, что большая часть оборудования эвакуированных в Западную Сибирь предприятий осталась в регионе. Освобожденные районы восстанавливали промышленность преимущественно за счет нового промышленного строительства. На Запад отправлялось не использованное в Западной Сибири эвакуированное оборудование, и главным образом новое, производимое на предприятиях, оставшихся в регионе. Что касается эвакуированных специалистов, то они продолжали отзываться в освобожденные районы и в первые послевоенные годы. На оказание помощи в восстановлении народного хозяйства освобожденных районов направлялись и местные сибирские кадры.

Выходы

Подводя итоги рассмотрения проблемы, следует подчеркнуть, что, несмотря на предпринимаемые властными структурами меры, комплекс причин, и прежде всего тяжелые материально-бытовые условия, вызвал массовый отток специалистов на Запад. Реэвакуация обнажила остроту проблемы кадров в целом, и особенно высококвалифицированных, актуальную для Западной Сибири в предвоенные годы и только на короткое время, в связи с прибытием в регион по эвакуации большого количества специалистов временно «снятую». В сложившихся условиях даже оборонные предприятия испытывали кадровый «голод». Особенность остро встал вопрос об инженерно-технических работниках. Реэвакуация привела не только к оттоку квалифицированных промышленных кадров, но и остро поставила проблему обеспечения специалистами сибирской экономики в целом.

Литература

1. Алексеев В. В., Гущин Н. Я. Трудовой подвиг сибиряков в годы Великой Отечественной войны (итоги и задачи изучения) // Сибирь в Великой Отечественной войне. Доклады Пленарного заседания Всесоюзной научной конференции (5 – 6 марта 1985 г.). Новосибирск, 1985. С. 49 – 50.
2. Важнейшие законы и Постановления советского государства за время Великой Отечественной войны. М. 1946. С. 108 – 109.
3. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. / сост. и отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск, 2005. Т. 1: Исход. Введение. С. 8, 33 – 38.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

4. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. / сост. и отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск, 2005. Т. 2: На сибирской земле. Приложение 2. Табл. 3. С. 338.
5. Во имя Победы: реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в документах и материалах (1942 – 1948 гг.). Возвращение / сост. и отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск, 2015. Введение. С. 22 – 23, 27 – 30.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-10. Оп. 27. Д. 40.
7. ГААК. Ф.П-1. Оп. 18. Д. 155.
8. ГААК. Ф.П-1. Оп. 18. Д. 27.
9. ГААК. Ф.П-1. Оп. 18. Д. 135.
10. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.П-75. Оп. 6. Д. 26.
11. ГАКО. Ф.Р-790. Оп. 1. Д. 12.
12. ГАКО. Ф.Р-74. Оп. 6. Д. 38.
13. ГАКО. Ф.Р-533. Оп. 1. Д. 4.
14. ГАКО. Ф.Р-349. Оп. 1. Д. 7.
15. ГАКО. Ф.П-74. Оп. 6. Д. 86.
16. ГАКО НФ.Ф.187. Оп. 1. Д. 42; 50.
17. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П-4. Оп. 7. Д. 34.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).Ф.А-327. Оп. 2. Д. 748.
19. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р-430.Оп. 7. Д. 11.
20. ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 7. Д. 11; 6.
21. ГАТО. Ф.1708. Оп. 1. Д. 5.
22. ГАТО. Ф.1708. Оп. 1. Д. 8.
23. Гущин Н. Я. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны: некоторые проблемы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. (Серия: Отечественная история). 1995. № 1. С. 3 – 10.
24. Дзенискевич А. Р. Накануне и в дни испытаний. Ленинградские рабочие в 1938 – 1945 гг. Ленинград: Наука. 198 с.
25. История промышленности Новосибирска. Т. 3: Второй фронт (1941 – 1945). Новосибирск, 2004. 732 с.
26. История социалистической экономики 60-х годов. М., 1980.
27. Карпенко И. А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943 – 1946 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 2. Вып. 4. С. 177 – 181.
28. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сборник документов. Новосибирск, 2005. 874 с.
29. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы: монография. Гл. 6. Магнитогорск: МагГУ, 2002. 265 с.
30. Предприятия, работавшие на территории города Тюмени в годы Великой Отечественной войны, выпускающие продукцию для нужд фронта. Режим доступа: http://www.tyumen-city.ru/informacii/68let_pobeda-predpriyaty%20title=c.2-4.11.11.2014. Администрация города Тюмени. Официальный портал.
31. Приходько Ю. А. Восстановление индустрии 1942 – 1950. М.: Мысль, 1973. 287 с.
32. Промышленность и рабочий класс СССР. 1946 – 1950. Документы и материалы. М.: Наука, 1989. 388 с.
33. Пянкевич В. Л. Восстановление экономики СССР (середина 40-середина 50-х). Историография. СПб.: Нестор, 2001. 431 с.
34. Савицкий И. М. Помощь промышленных предприятий Сибири восстанавливаемым районам // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1986. С. 30.
35. Снегирева Л. И., Сафонова Т. А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942 – 1945 годы) // Вестник ТГПУ. Вып. 4(41). (Серия: Гуманитарные науки. История, археология). С. 22 – 30.
36. Советская жизнь. 1945 – 1953. М., 2003. 720 с.
37. Демин А. Ходынка для Великой Победы // Крылья Родины. М., 2005. № 6. С. 34 – 36.
38. Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово. 1995. 117 с.

Информация об авторе:

Снегирева Людмила Илларионовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и культурологии Томского государственного педагогического университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, snegireva@vtomske.ru.

Ludmila I. Snegireva – Candidate of Historical Sciences, docent, associate professor in the National History and Culturology Department of the Tomsk State Pedagogical University, Honorary Worker of Professional Education of Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.05.2015 г.

УДК 93/94:792.9 (908) (09)

**КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНЫХ ТЕАТРОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1933 – 1941 ГГ.)**
N. O. Шлегель (Чикирева)

**STAFFING KOLHOZNO-STATE-FARM THEATERS
OF WESTERN SIBERIA 1933 – 1941**
N. O. Shlegel'

Как известно, театр не может существовать без актеров и зрителей, но в 30-е годы появилась проблема дефицита театральных кадров и очень сильно она отразилась на местных театрах. Сложной обстояла проблема с кадрами в колхозно-совхозных театрах. Предметом исследования являются театральные кадры колхозно-совхозных театров Западной Сибири. Цель работы – рассмотреть проблему нехватки данных кадров, а так же выявить меры принимаемые государством для решения этой проблемы. Для написания работы использовались сравнительно-исторический, логический, хронологический и статистический методы. В результате исследования были выявлены пути решения кадровой проблемы – это театральные училища, курсы повышения квалификации работников, «шефство» стационарных театров, командировки в Москву, Ленинград, а так же выявлены как положительные, так и отрицательные моменты проводимой работы. В статье представлен численный состав работников колхозно-совхозных театров Западной Сибири. По итогам работы делаются выводы о формировании нового типа мышления у людей, по средствам колхозно-совхозных театров, которые несли идеологию в массы, т. к. театр был одним из средств пропаганды и массового воздействия на население. Актеры, являясь «носителями» культуры, могли помочь в развитии новой идеологии. В дальнейшем материалы могут использоваться при разработке спецкурса по истории театрального искусства Западной Сибири, истории отечественной культуры, при разработке областных и краевых программ по развитию культуры и искусства.

As you know, the theatre cannot exist without the actors and the audience, but in the 30th, appeared the problem of shortage of theatre staff and she is very much reflected in the local theaters. Complicated was the problem with the employees in kolhozno-state-farm theaters. The research object is the theatrical footage for kolhozno-state-farm theaters. Purpose – to address the problem of shortage of data frames, as well as to identify the measures taken by the state to resolve this problem. For writing work used comparative-historical, logical, chronological and statistical methods. As a result, the study identified ways of solving human problems is a theatre school, courses of improvement of qualification of employees, patronage stationary theatres, trips to Moscow, Leningrad, and identified both positive and negative aspects of their ongoing work. The article presents a number of employees of collective and state farms theatres of Western Siberia. On the results of conclusions about the formation of a new type of thinking in people by means of collective and state farms theaters that carried the ideology to the masses, because the theatre was a means of propaganda and mass effect on the population. The actors, being "carriers" of culture could help in the development of a new ideology. Further materials can be used in the development of a special course on the history of theatrical art in Western Siberia, the history of Russian culture, the development of regional programs for the development of culture and art.

Ключевые слова: культура, театр, колхозно-совхозный театр, кадры, театральное училище, Западная Сибирь.

Keywords: Culture, theater, kolhozno-state-farm theaters, shots, theatre school, Western Siberia.

В нашей стране создаются разные национальные программы, которые однако не касаются проблем воспитания нравственно-эстетических ценностей у молодежи. На наш взгляд, именно сейчас такая проблема представляется назревшей. Поэтому стоит обратиться к опыту нашей страны 30-х гг., который дал положительный результат и может быть использован и ныне. Одним из путей формирования ценностей является приобщение молодежи к искусству. Средством для достижения цели может служить театр.

Цель работы – рассмотреть проблему нехватки данных кадров, а так же выявить меры принимаемые государством для решения этой проблемы.

При изучении литературы по данной теме следует обратить внимание на фрагментарное изучение темы. Процесс подготовки кадров для колхозно-совхозных театров, как в принципе и сами данные театры не достаточно изучены. Среди работ сибирских исследователей можно выделить публикации В. Л. Соскина, В. П. Буторина, Ю. Г. Марченко, Н. Х. Аитова [1; 2; 16; 26]. Особый интерес представляет работа

Е. А. Поповой «Развитие театрального искусства Западной Сибири в 1929 – 1941 гг.», в своей работе автор касается существования колхозно-совхозных театров [18]. Так же провинциального театра данного периода касается статья О. В. Петренко (Гуровой) [17]. За последние несколько лет вышла статья С. В. Зяблицевой «Колхозно-совхозные театры как социокультурный феномен», которая дает общее представление о данных театрах [12].

В начале 30-х годов, в связи с размахом культурного строительства в стране стала проблема нехватки кадров по всем видам. Особенно остро потребность в театральных учебных заведениях и художественных кадрах отразилась на Западной Сибири. Качественный состав колхозно-совхозных театров не был удовлетворительным, т. к. это были не специальные кадры для работы в деревне, а артисты профессионального городского театра средней квалификации, в большинстве мало знакомы с деревней. Учитывая это, партийные и советские органы Западно-Сибирского края, предусмотрели в годы второй пятилетки созда-

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ние в крае специальных учебных заведений – мастерских типа фабрично-заводского ученичества при техникумах и театрах, специальных школ, студий. При этом намечалось за пятилетие подготовить 1080 специалистов музыкального и театрального искусства.

На 1934 г. в Западной Сибири существовали: музыкальные техникумы в Омске (дневное и вечерние отделение), в Томске, Театральное отделение в Политпросвет техникуме ДИСК в Черепанове; Музыкальные школы в Омске, Томске, Барнауле и Новосибирске. Теучи (особый вид театральной учебы – театральное ученичество), были открыты при Омском, Новосибирском и Сталинском театрах [6, л. 4]. По социальному составу больше половины учащихся, принятых в театральные учебные заведения, были рабочие и крестьяне. После окончания учебного заведения проводилось распределение выпускников по театрам области. Наряду с подготовкой кадров в художественных учебных заведениях и студиях широкое распространение получила учеба актеров в своих театральных коллективах, без отрыва от производства. К преподаванию привлекались лучшие режиссеры и актеры. Большую роль в подготовке кадров сыграло заочное отделение, открывшееся в 1934 г. при Московском Государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского. В 1935 г. на режиссерском и театроведческом отделениях обучалось 30 человек из Западной Сибири.

Из-за отсутствия свободных квалифицированных кадров комплектование творческих составов колхозно-совхозных театров проходило за счет актеров из рабочей молодежи и лучших представителей театральной самодеятельности. Готовили театральные кадры для деревни в основном на курсах с годичной программой, организованных при городских и колхозных театрах. Кроме того, ежегодно директора и художественные руководители колхозных театров отправлялись на курсы по совершенствованию квалификации в Москву. Так в 1937 г. состоялись месячные курсы по повышению квалификации режиссеров и худруков колхозно-совхозных театров. Занятия проводились по специальной программе, содержащей в себе теоретический и практический циклы [25, л. 12]. Отдельно, в этом же году, проводились курсы для режиссеров колхозно-совхозных театров, количество слушателей 72 человека. В 1938 г. Управление по делам искусств при СНК РСФСР организовало 3-месячные курсы подготовки режиссеров театров периферии. Всего за 1938 г. на краткосрочных курсах было подготовлено 1705 человек, в большинстве колхозные кадры. В 16 областях было организовано 294 семинара, которые прослушали 2959 чел. На заочных курсах занимались 467 чел. [19, л. 4]. Краевым комитетом по делам искусств были проведены 15-ти дневные семинары на 30 человек. В 1940 г. были организованы курсы худруков колхозно-совхозных театров в Ленинграде [20, л. 2]. Для организации учебного процесса были привлечены сотрудники Театрального института [19, л. 3]. Массовая работа на курсах строилась в расчете на максимальное использование обстановки. Слушатели присутствовали на текущих премьерах, конференциях и творческих вечерах организованных ВТО и Домом искусств [19, л. 6]. Общее количество слушателей к концу курсов составило 22

человека, состав был неровен и по возрасту и по стажу, образовательному цензу. Младшему из них было 25 лет, старшему – 52 года [19, л. 7]. Производственный стаж колебался от 3 до 5 лет. С людьми, окончившими неполную среднюю школу, были люди с высшим образованием [19, л. 8].

Городские стационарные театры оказывали значительную помощь в повышении квалификации работников деревенских театров. Так, например, в 1935 г. в Западную Сибирь из Москвы была командирована т. Авенариус, которая оказала большую помощь в деле развертывания работы по повышению квалификации художественных работников. С ее участием был разработан учебный план для Новосибирского и Барнаульского колхозно-совхозных театров. Установлен порядок прохождения учебы работниками этих театров во время их пребывания на базе, был принят 20-часовой учебный план, включающий семинарские занятия. В Венгеровском и Каменском колхозно-совхозных театрах педагогами выступали работники Новосибирского театра «Красный факел», которые выезжали в эти театры для лекционной работы [5, л. 190].

К концу второй пятилетки в области подготовки кадров были достигнуты определенные успехи. Но в целом проблема не была решена. Одним из серьезных недостатков являлась слабая материальная база для подготовки работников искусств, недостаток специальных учебных заведений. Отрицательно на кадровую подготовку повлияло необоснованное сокращение бюджетных ассигнований. Так, если в 1933 г. по краю было отпущено на подготовку художественных кадров 164 тыс. руб., то в 1936 г. – только 50 тыс. руб. Кроме того, отдельные руководители театров не всегда полностью использовали отпущенные средства на повышение квалификации актерского состава. Не благоприятно повлияло на состояние и закрепление художественной интеллигенции в театрах края их слабое материальное положение, что приводило к значительной текучести кадров работников искусств. В октябре 1935 г. УТЗП была проведена проверка проведения учебы по повышению квалификации и выявлено, что основная сложность – это отсутствие учебных пособий и программ [5, л. 197]. Так же отрицательно на кадровый состав влияла политическая обстановка в стране, массовые репрессии. Это не могло не сказаться на искусстве. В этот период Омский театр обвинили в формализме, начали искать «вредную идеологию», началось искусственное сужение диапазона художественных средств, грубое администрирование. Многие работники театра были репрессированы, в том числе ведущие актеры И. К. Чечет и В. И. Владимиров.

Важную роль в закреплении кадров театральной интеллигенции края сыграло постановление Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК РСФСР «О порядке формирования театральных трупп» (апрель 1938 г.), оно ликвидировало сезонность в работе актеров и создало условия для организационного и художественного роста театров. Исходя из него, краевые театры укрепили и стабилизировали свои творческие составы. В конце 30-х годов краевые органы увеличивают сеть средних художественных учебных заведений. В 1939 г. открыто театральное училище в Бар-

науле [13, л. 19]. Его открытие было вызвано необходимостью обеспечения кадрами расширяющейся сети колхозно-совхозных театров, а также пополнение кадрами уже существующих театров. Горкомы ВКП(б), стремясь укрепить опытными кадрами художественные учебные заведения, посыпали на руководящую работу в них квалифицированных специалистов, что благоприятно отразилось на учебном процессе. В итоге выпуск специалистов для театров Западной Сибири увеличился. Большую роль по подготовке театральных кадров сыграло организованное в 1931 г. в Омске театральное училище с 4-годичным сроком обучения, где готовили артистов драмы. Студенты, с 1935 г. окончившие ТЕУЧ направлялись на работу в театры области [8, л. 76]. Кроме Теучи, при областном Доме народного творчества в Омске были открыты курсы по подготовке и переподготовке руководителей колхозно-совхозных драматических кружков [13, л. 27]. По окончании обучения присваивалась квалификация – «руководитель колхозно-совхозного драматического кружка».

К 1936 г. участились случаи досрочной ликвидации на периферии театральных предприятий и досрочного расторжения директорами заключенных с работниками трудовых договоров. После проверки этих фактов Всесоюзный комитет по делам Искусств при СНК СССР и Центральный комитет профсоюза работников искусств СССР издал постановление, в котором говорилось, что такие случаи вызываются в основном бесхозяйственностью и безответственностью директоров театров, допускающих при отсутствии условий на содержание формирование трупп. Многие труппы укомплектовывались актерами и вспомогательным персоналом, но в процессе работы им выплачивалась либо заработка плата меньше, чем установлено в договоре, либо вообще таковая отсутствовала. На основании этого было принято постановление о том, что формирование театральных коллективов и досрочная их ликвидация может быть лишь с прямой санкции Управления театров Всесоюзного комитета по делам искусств, по представлению Областных и Краевых Управлений по делам искусств. Перед тем как формировать или ликвидировать театральное предприятие, необходимо было предоставить обоснованные материалы, а так же освобожденные рабочие должны использоваться на других предприятиях, в частности быть задействованы в других театрах города и области.

Штаты театров составили на 1937 г. по коллектикам 653 человека [9, л. 138]. Степень загрузки художественно-артистического персонала определялась по колхозным театрам – 20 спектаклей в месяц, по городским, в среднем – 24 спектакля. Таким образом, нагрузка актеров колхозно-совхозных театров не сильно отличалась от нагрузки коллективов стационарных театров. После выхода постановления Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК РСФСР в апреле 1938 г. «О порядке формирования театральных трупп» Управление театров, Комитет по делам Искусств при СНК СССР в июне 1938 г. организовали проверку, в ходе которой было выяснено, что не все директора театров придерживались основных принципов нового порядка формирования театральных

составов и продолжали проводить формирование «старыми» методами [11, л. 22].

В этот же год были разработаны и принятые Учебные планы для колхозно-совхозных театров на 120, 160 (2 сессии), 220 (3 сессии) часов. Согласно им, основной формой повышения квалификации актеров колхозно-совхозных театров являлась учеба в театрах в период их пребывания на базе.

В 1937 г. и 1938 г. штаты колхозных театров увеличиваются в связи с полустационаризацией их в уездных городах и районных центрах. В штаты включены обслуживающий и технический персонал, труппы колхозных театров увеличиваются с 18 – 20 человек до 23 – 27 человек. В дальнейшем это распространялось на все колхозно-совхозные театры [23, л. 11].

В октябре 1936 г. состав 4-го колхозного театра в Камне составил 23 человека. В 1937 г. штаты Латгальского колхозного театра составили 12 человек [7, л. 30]. В этом же году, в Алтайском колхозно-совхозном театре был утвержден штат в 26 человек, но к концу года из первоначального состава осталось 10 человек [15, л. 131]. Штат Бийского колхозно-совхозного театра по плану 26 человек, фактически – 27 [15, л. 85 об.]. Художественный состав 2-го колхозно-совхозного театра в Ишиме составил 21 актер [22, л. 26 – 26 об.]. Состав 1-го колхозно-совхозного театра в г. Кировске-Омском Омской области на 1939 г. – 24 человека [22, л. 24 – 24 об.]. Новосибирский колхозно-совхозный театр 1938 г. – 27 человек, 1939 г. – 30. На 1941 г. состав театра 26 человек. Томский колхозно-совхозный театр на 1937 г. был не доукомплектован, вместо 22 актеров по штату было 17, 1940 г. – 30 человек. В Ялуторовском колхозно-совхозном театре к 1940 г. работало 32 человека [24, л. 88 – 90]. В 1940 г. прошло обследование театральной сети и выявлено, что существующая сеть театральных учебных заведений по РСФСР создавалась без учета перспективного плана потребности театральных кадров. Ряд училищ был организован без наличия необходимой базы (учебные помещения, общежития) и квалифицированных педагогов по специальным и искусствоведческим дисциплинам (Барнаульское, Омское и др.) в результате этого многие театральные училища, не в состоянии были обеспечить выпуск полноценных специалистов и, имея к тому же небольшой контингент учащихся, вызывали огромное непроизводительное расходование государственных средств. Ряд существовавших театральных учебных заведений по своему малочисленному составу учащихся (до 20 – 30 человек) и высокой стоимости обучения не соответствовали своему назначению (Омское, Барнаульское и др.). Такое положение театральных учебных заведений отрицательно отражалось на итогах учебного года [21, л. 32].

В целях улучшения подготовки театральных кадров и упорядочения сети училищ, готовящих театральные кадры, Управление по делам искусств разработал ряд конкретных мероприятий, которые были представлены на утверждение в СНК РСФСР и ГУУЗ Комитета по делам искусств [21, л. 33].

В этом же году после проведения проверки Крайисполкомом деятельности Отдела Искусств и подведомственных ему основных учреждений искусств, было отмечено, что ряд учреждений искусств Края

значительно улучшил свою работу в сравнении с 1939 г. [13, л. 12]. Но отмечено, что одним из серьезных недостатков в работе Отдела является отсутствие необходимой работы с кадрами искусств [13, л. 17]. По данным в период с 1939 г. по 1947 г. остались – Новосибирское театральное училище с 3-годичным сроком обучения, контингент учащихся – 78 человек. Томское музыкальное училище с 7-годичным сроком обучения, контингент учащихся 142 человека. Семь детских музыкальных школ в Новосибирске – 2 школы, Томск, Стальнск, Прокопьевск, Кемерово и Анжеро-Судженск с общим составом учащихся 1131 человек [4, л. 1].

Можно сказать, что партийные и советские органы Западно-Сибирского края сделали многое для решения проблемы диспропорции между потребностью в театральных кадрах и возможностью ее удовлетворения. В театральных училищах начинало свой творческий путь много талантливой молодежи. Основными проблемами Теучей являлось нехватка помещений и преподавателей по специальным дисциплинам. Эта проблема так и осталась неразрешенной до войны, но, несмотря на это, можно говорить о достаточно большом вкладе училищ в подготовку театральных кадров в Западной Сибири. Также, большое влияние на формирование кадров оказали курсы, проводимые для руководителей колхозно-совхозных драматических кружков, директоров и художественных руководителей колхозных театров, и режиссеров, плановая подготовка актерского состава, проводимая на базе и за счет ресурсов стационарных театров, а также практика кураторства театральных кружков города, колхозов и совхозов квалифицированными кадрами. В эти годы вводилось основное направление повышения квалификации работников колхозно-совхозных теат-

ров – это учеба без отрыва от производства. Большое влияние оказали командировки ведущих актеров стационарных театров в область, а также творческие командировки актеров колхозных театров в Москву и Ленинград.

Отрицательно на кадровый состав сказалась текучесть кадров, обусловленная слабым материальным положением и необоснованными репрессиями. Отсутствие в большинстве колхозно-совхозных театров, несменяемых ежегодно актерских составов. Пренебрежение к творческой работе внутри театра, выражающееся в пассивном отношении художественного руководства коллектива к задачам – выработки самостоятельных творческих позиций театра, в недостаточном изучении культурного наследства прошлого, современных театральных систем и творческой практики мастеров Советского театра. Эти недостатки находятся в зависимости от качества организационно-хозяйственного руководства, от степени квалификации директоров колхозно-совхозных театров, умения поднять в театре основные творческие вопросы, от степени ответственности директоров за выполнение производственно-финансового плана театров.

И все же, на наш взгляд, именно в предвоенные годы складывается новая театральная интеллигенция, театр становится доступным и для простого человека, он «выходит в массы». Все мероприятия, проводимые для подготовки профессиональных театральных кадров и поднятия уровня профессионального мастерства актеров, обслуживающих рабочих колхозов и совхозов, начинают формировать новый тип мышления. Только люди нравственно богатые могли помочь в развитии новой идеологии, т. к. театр являлся и является одним из средств идеологической борьбы и пропаганды.

Литература

1. Аитов Н. Х. Деятельность партийных организаций Западной Сибири в области повышения культурного уровня трудящихся в период упрочнения и развития социализма (1937 – 1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 20 с.
2. Буторин В. П. Просвещение рабочих Западной Сибири 1927 – 1933 гг. Новосибирск: Наука, 1977. 141 с.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1376. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАНО. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАНО. Ф. 896. Оп. 1. Д. 250.
6. ГАНО. Ф. 896. Оп. 1. Д. 119.
7. ГАНО. Ф. Р-896. Оп. 1. Д. 395.
8. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1203. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАОО. Ф. 1839. Оп. 1. Д. 11.
10. ГАОО. Ф. 1839. Оп. 1. Д. 12.
11. ГАОО. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 5.
12. Зяблицева С. В. Колхозно-совхозные театры как социокультурный феномен // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 91 – 95.
13. Краевое государственное учреждение государственный архив алтайского края (КГУ ГААК). Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 42.
14. КГУ ГААК. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 28.
15. КГУ ГААК. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 4.
16. Марченко Ю. Г. Очерки истории культурного развития рабочих Сибири (1920 – 1928 гг.). Новосибирск, 1977. 173 с.
17. Петренко (Гурова) О. В. Досуг как элемент городской повседневности: досуг советского человека в культурном пространстве провинциального города (на материалах Омска второй половины 1930-х годов) // Досуг, творчество, медиакультура: социально-экономические проблемы: сб. научных трудов. Омск: Сибирский филиал Российского института культурологии / отв. ред. Н. А. Томилов. Омск, 2005. С. 130 – 135.
18. Попова Е. А. Развитие театрального искусства Западной Сибири в 1929 – 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 26 с.

19. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2075. Оп. 1. Д. 72.
20. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 3. Д. 33.
21. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 5. Д. 12.
22. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Д. 219.
23. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Д. 306.
24. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Д. 608.
25. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Д. 23.
26. Соскин В. Л., Бугорин В. П. Пролеткуль в Сибири // Проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1973. С. 133 – 146.

Информация об авторе:

Шлегель (Чикирева) Нина Олеговна – аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета, teatr23@yandex.ru.

Nina O. Shlegel' – The post-graduate student of chair of national history Omsk State Technical University.

(Научный руководитель: Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета, Alexsushko@rambler.ru.

Research advisor: Aleksey V. Sushko – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Omsk State Technical University).

Статья поступила в редакцию 11.09.2015 г.

УДК 94 (571.1)

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТОРГОВЛЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОГО КРАЯ
НА МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ЯРМАРКАХ (Ирбитской, Ишимской, Тюменской)
В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

T. K. Щеглова

**AGRICULTURAL COMMERCE IN WESTERN SIBERIA AND STEPPE REGION
AT TRANS-REGIONAL FAIRS (Irbitskaya, Ishimskaya, Tyumenskaya)
IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: NEW TENDENCIES**

T. K. Shcheglova

В XIX веке сложилась система взаимосвязанных межрегиональных ярмарок по ввозу и вывозу товаров из Азиатской части России в Европейскую. В начале XX в. под влиянием индустриализации и транспортного строительства меняются условия, формы и содержание ввоза промышленной и вывоза сельскохозяйственной продукции. Анализируется торговля маслом, мясом, хлебом. Показываются трансформации форм торговли, изменения направлений и радиуса торговли ведущих сибирско-азиатских ярмарок, их взаимодействий с региональными рынками Западной Сибири и Степного края. Анализируется место и роль сборно-распределительных торгов в системе мирового рынка, всероссийского рынка, а также торговой сети азиатской части России.

In the XIX century the system of interrelated trans-regional fairs was formed. They specialized in export and import of goods from Asian part of Russia to European. In the beginning of the XX century the conditions, forms and essence of industrial import and agricultural export were changed under the influence of industrialization and transport construction. In this paper butter, meat and bread trade is analyzed. Transformations of trade forms, changes of vectors and radius of trade of the leading Siberian-Asian fairs, their interaction with regional markets of Western Siberia and Steppe region are shown. The place and the role of collecting-distributing bidding in the system of world market, Russian market and trade network of Asian part of Russia is analyzed.

Ключевые слова: Ирбитская, Ишимская, Тюменская ярмарки, сельскохозяйственная торговля, масло, мясо, хлеб, речной и железнодорожный транспорт, внутренняя и внешняя торговля.

Keywords: Irbitskaya, Ishimskaya, Tyumeskaya fairs, agricultural commerce, butter, meat, bread, inland water and railway transport, internal and external commerce.

Начало эксплуатации Великой Сибирской железной дороги и расширяющееся железнодорожное строительство к товаропроизводящим регионам вызвало значительные изменения в организации товарного ярмарочного движения в начале XX вв. В предшествующий период решающую роль в мобилизации товарной массы сельскохозяйственного производства Сибири играла система межрегиональных сборно-распределительных ярмарок: Ирбитская, Ишимская, Тюменская, Крестовская и другие. На них сложились

«масляные», «жировые», «сальные», «хлебные» торги [19, с. 76, 129]. Оптовая торговля скоропортящейся сельскохозяйственной продукцией обусловила и сроки, и места торговли межрегиональных ярмарок для ее вывоза из Сибири.

В начале XX столетия сибирская сельскохозяйственная торговля на межрегиональных ярмарках претерпела изменения, обусловленные новыми технологиями производства, подготовки и транспортировки скоропортящихся товаров для перевозки на дальние

расстояния. Это вызвало не столько падение ярмарочной торговли, или как часто пишут, «умирание ярмарок», сколько корректировку ярмарочного ассортимента, изменение территориального размещения ярмарок и форм торговли на них. Обороты Ирбитской ярмарки составляли в 1896 г. – 47 млн руб., в 1900 – 37 млн, 1904 – 30,2 млн руб., 1912 – 24,8 млн, 1914 – 22,8 млн руб. Обороты Ишимской ярмарки по привозу составляли в 1896 г. 5,2 млн, продаже – 4,2 млн, снизились в первое десятилетие XX в. соответственно до 2 – 2,8 млн по привозу и 1,9 млн по продаже, в 1911 г. общий оборот составил 3,5 млн, 1912 г. – до 3,6 млн, 1913 г. – до 2 млн. Представляется важным рассмотреть механизмы организации товарного движения, стадии перегруппировки товаров на ярмарках от производителя к торговцу или фабриканту в новых условиях. Это способствует решению вопроса о месте Сибири в российской экономике и темпах и формах ее модернизации.

Первой выявленной тенденцией стало уменьшение значения ярмарок в распределении и насыщении многих региональных рынков Западной Сибири и Степного края товарами типового фабрично-заводского производства, например, мебелью, текстильными изделиями, посудой и др. Теми товарами, что производилось поточным способом, имели стандартный вид, не требовали поштучного выбора. Или в силу громоздкости товаров, их больших габаритов или хрупкости создавали сложности в их транспортировке и требовали больших финансовых затрат в перевозке от ярмарки к ярмарке. Эта тенденция во второй половине XIX в. отличалась, например, в торговле тяжелыми надгробными памятниками с Урала (Екатеринбург), венской мебелью из Европейской России, рома, вина и шампанского из европейских стран и др. Как правило, по этим товарам совершались сделки по представленным образцам.

В начале XX в. российские промышленники, минуя ярмарки, создали целый ряд оптовых распределительных центров вдоль Сибирской железной дороги, с которых товары поступали в торговую сеть западносибирских регионов. Историкам хорошо известен пример превращения Омска в крупнейший распределительный центр промышленных товаров для Западной Сибири и Степного края. Как пишет про текстильную торговлю В. А. Скубневский, «если во 2-й половине XIX в. текстиль для Сибири поступал через Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, то в начале XX в. ярмарки стали утрачивать свою роль в поставке товаров из Европейской России в Сибирь. Открытие в Омске значительного числа отделений по сбыту текстильной продукции..., свидетельствует, что этот город отчасти стал играть ту роль в текстильной торговле, которую до проведения Сибирской железной дороги, ... выполняли крупные ярмарки и прежде всего Ирбитская» [16, с. 126 – 127]. В целом правильно подмеченная тенденция в натуральной торговле на межрегиональных ярмарках неверно. Она осталась, но не в виде натуральной торговли с привозом товаров, а по образцам. Ярмарки остались местом встречи крупных производителей с заводчиками или торговыми посредниками для совершения оптовых сделок.

Новые тенденции и формы проявились в торговле на межрегиональных ярмарках товарами Западной Сибири и Степного края, основу которых составляла

продукция сельского хозяйства. Если в XIX в. продукция скотоводства и земледелия попадала в места назначения через систему межрегиональных ярмарок, например, через Ирбитскую ярмарку для Урала закупался хлеб с юга Западной Сибири; для поволжских городов – кожи из Степного края и Западной Сибири, то в начале XX в. направления вывоза остались те же, но стал развиваться альтернативный вывоз по Транссибу, минуя оставшиеся в стороне от него оптовые ярмарки.

Железнодорожные перевозки позволили повысить качество товаров, что привело к увеличению экспортной массы из Сибири, в т. ч. ее активному выходу на внешний рынок, что повлияло на товарный ассортимент вывозной торговли. Многие сибирские товары, подготовленные кустарным способом, остались в обращении только на региональных ярмарках для внутреннего потребления. А для вывоза за рубеж в производстве и подготовке сельскохозяйственных товаров стали использоваться новые технологии.

Наибольшие изменения в вывозной торговле сибирско-азиатскими товарами на всероссийских межрегиональных ярмарках произошли в продвижении на рынок скоропортящихся продуктов, таких, как масло. Если в 1882 г. на Ирбитской ярмарке масло продавалось на сумму до 485 тыс. руб., то в 1904 г. до 15 тыс. руб., 1914 г. – 10 тыс. и 1915 г. – 4 тыс. Связано это с тем, что в XIX в. торговали на ярмарке топленым маслом, произведенным кустарным способом. Для торговли на международном рынке требовалось свежее сливочное масло. Ярмарки с длительным кругом продвижения товара от производителя к потребителю не могли создать условий для «новой маслоторговли», т. к. свежее сливочное масло прогоркало. Основными поставщиками масла в ярмарочную сеть в XIX в. были крестьяне. Производство масла в крестьянском хозяйстве выпадало на лето, когда после весеннего отела были самые высокие надои скота. Масло крестьяне сбивали вручную, как называли, «крыночным» способом. Такое производство требовало больших затрат сырья и физического труда. Для производства 1 пуда топленого масла уходило до 25 пудов молока [18, с. 91]. Готовили к продаже сливочное масло «на вольном жару в русской печи». Цены на топленое масло были низкие. Крестьяне выручали за 1 пуд от 12 до 20 коп., на западносибирских ярмарках его продавали от 3 руб. 5 коп. – до 6 руб. за пуд. На зарубежных торгах его называли «русским маслом». Вывозная торговля топленым маслом до строительства железных дорог концентрировалась на Ирбитской и Ишимской ярмарках. На них только из южной полосы Тобольской губернии с прилегающими территориями Томской губернии и Акмолинской области вывозилось до 30 тыс. пуд., на сумму около 2 млн руб. [2, с. 66]. Но «русское масло» из-за своего низкого качества преимущественно имело только внутрироссийский сбыт; за рубеж поступало в основном в Турцию. В начале XX в. торговля топленым маслом сохранилась на ярмарках западносибирской региональной сети для употребления населения Западной и Восточной Сибири, частично Урала.

Развитие промышленного маслоделия и торговля свежим сливочным маслом, имевшим ограниченные сроки реализации, потребовала создания торговой сети на новых условиях. Это привело к падению тор-

говли им на межрегиональных ярмарках. С созданием частных и кооперативных маслозаводов, большинство крестьян стали ежедневно стали сдавать молоко на заводы. Многие предприниматели и маслодельческие кооперативы открывали собственные торговые лавки и рассчитывались деньгами или товарами. В крупных селах и городах были открыты представительства экспортных фирм, имевших холодные погреба и склады. Затем крупные партии масла по речной сети Оби отправлялись на пароходах до железнодорожных станций, например, с Алтая в Ново-Николаевск, например, из Степного края по Иртышу в Омск. При железнодорожных станциях, в т. ч. и Петропавловска, Кургана, Татарской создавались специальные складские помещения, откуда масло отправлялось из Сибири в охлаждаемых «масляных» поездах до портов Прибалтики и Черного моря в холодильники крупных экспортных компаний. И уже затем на специальных пароходах масло вывозилось в европейские страны [15, с. 77 – 92].

Однако, если торговля маслом на оставшихся в стороне от железной дороге ярмарках, таких как Ирбитская и Ишимская, падала, то на перекрестках железнодорожных и водных путей в начале XX в. возникли новые сборно-распределительные ярмарки, расположенные. Примером являлась Тюменская ярмарка, учрежденная под летнюю навигацию в 1891 г. со сроками торговли с 20 июня по 20 июля, связанной с железной дорогой Тюмень-Екатеринбург (1885 г.). Она изменила ситуацию в Западной Сибири, превратив Тюмень в крайний западный пункт, связанный с Уралом и Европейской Россией. Кроме того, Тюмень благодаря Обскому водному бассейну была связана с городами Тобольской, Томской губерний, Семипалатинской области, с южными хлебопроизводящими и скотоводческими регионами. Уже в 1891 г. привоз товаров составил 2 млн 600 тыс. руб., продажа 1 млн 800 тыс. руб., в 1892 г. – 1,3 млн руб., сбыт – 1 млн, в 1897 г. – 2 млн 600 тыс. и 1 млн 800 тыс. руб. [14]. В 1900 г. оборот ярмарки составил 2160940 руб. В 1901 г. сроки Тюменской ярмарки были увеличены с 5 июня по 20 июля [12]. Также на перекрестке железной дороги, но с сухопутным трактом возникла Ново-Николаевская ярмарка. Ее обороты составили в 1910 г. 120900 руб., а в 1911 г. – привезено на 19751000 и продано на 16003300 руб. и в 1912 г. – на 3093300 и 2725076 руб.

Новые технологии изменили торговлю мясом на межрегиональных ярмарках. Вывозная торговля мясом во второй половине XIX в. отражала патриархальные способы подготовки товара к реализации: в летнее время мясо продавалось в соленом виде, осенью и зимой в замороженном виде. Но так как межрегиональные ярмарки, находились на значительных расстояниях, то на них также доставлялся живой скот гоном. Часть скота скупалась на ярмарке для перегона и забоя на месте потребления. Такая практика была характерна для летне-осенних ярмарок. Часть скота забивалась на созданных при ярмарках ближайших салганах и продавалась на зимних ярмарках. Такие салганы или бойни существовали при всех сборно-распределительных ярмарках в Ишиме (с 6 декабря), и в Ирбите (с 1 февраля) и в Петропавловске (декабрь – январь).

Но и торговля мясом и торговля скотом сопровождалась потерями для скотопромышленников и скототорговцев. Торговля мороженым мясом имела сезонно ограниченный срок реализации от 3 до 5 месяцев в году (до 90 % всего товарооборота мороженым мясом осуществлялась на ноябрьско-декабрьских ярмарках). Транспортировка мороженого мяса на дальние расстояния проводилась исключительно в морозное время. Высокий спрос на мороженое мясо, особенно был на «рождественский мясоед» на декабрьских и январских ярмарках. Опасность наступления теплой погоды всегда вынуждала торговцев торопиться с вывозом и реализацией мяса. Тем не менее бывали случаи, когда груз попадал в полосу оттепелей и десятки тысяч пудов погибали в пути, не дойдя до ярмарки. Кроме того, зимний забой понижал выход мяса и сала, так как за 2 – 3 осенних месяца скот, на гулянny летом, терял до 2 пудов на голову в живом весе. В результате перегон скота на ногах также был ограничен временем, потерями поголовья и веса.

После проведения железной дороги значительная часть скота, скупленного на осенних сельских ярмарках Степного края и Западной Сибири, сгонялась уже не к межрегиональным распределительным ярмаркам, а к железнодорожным станциям, при которых также был организован забой скота. Но и от железнодорожных станций и от межрегиональных ярмарок готовое мясо отправляли в холодный сезон. Это обстоятельство вело к тому, что торговля мясом, как и другими скотоводческими субпродуктами, в отличие от торговли маслом, в меньшей степени претерпела изменения на межрегиональных ярмарках. Отправлению мяса в летнее время препятствовало отсутствие специальных вагонов-ледников. Доставка же скота в вагонах оказалась менее прибыльна, чем мясо, так как животные теряли в весе за дорогу до 1,5 пуд. Кроме того провоз живого скота требовал больших расходов за провоз и уход за скотом. Например при доставке скота из Ново-Николаевска до Петербурга затраты составляли до 1 руб. 46 коп., мяса – по 82 коп. Поэтому межрегиональные ярмарки сохраняли свое значение в торговле мясом и скотом. Хотя его привоз был не стабильным: говядины было привезено в 1897 г. в Ирбит 21360 пуд. на 32040 руб., 1898 – 22500 пуд. в 1904 – 6947,28 пуд. [6 – 8].

Изменения больше проявились в направлениях торговли. С железной дороги основными пунктами отправки скота в Европейскую Россию были города Омск, Курган, Петропавловск и станции Макушино, Татарская, Ново-Николаевск. Межрегиональные ярмарки в Ирбите, Ишиме, Тюмени сохраняли свое значение в заготовке мяса для сопредельных регионов. Так, для Урала мясо по-прежнему реализовывалось через Ирбитскую ярмарку. В 1905 г. на ней для заводов Верхотурского уезда было куплено говядины 14641,15 пуд., баранины – 777 пуд., свинины 141,5 пуд. Для Невьянского завода Екатеринбургского уезда – 3939 пуд. говядины, 15 пуд. баранины, заводов Ирбитского уезда – 162 пуд. говядины. В 1907 г. для верхотурских заводов было куплено до 15 пуд. говядины, заводов Екатеринбургского уезда – 2731 пуд., Камышловского – 1700 пуд., Ирбитского – 524 пуд. В 1912 г. на Ирбитской ярмарке было куплено 2737 пуд. говядины для Верхотурья и 30 пуд. для Челябинска, 1054 пуд. телятины для Верхотурья и т. д. [8 – 9; 17].

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Это мясо было поставлено с сельских сборных ярмарок южной полосы Тобольской и Томской губерний и Степного края. В частности, в 1905 г. для Ирбитской ярмарки было закуплено на ярмарках Ишимского уезда 12815 пуд. говядины и 6305 пуд. – на ярмарках Ялуторовского, Тюменского и Курганского Тобольской губернии, а также в южном Приуралье – Шадринском, Камышловском уездах Пермской губернии. В 1907 г. на Ирбитскую ярмарку было завезено с ярмарок Ишимского уезда – 10423 пуд., Ялуторовского – 2275, Турина – 144 и из городов: Курган – 770 пуд., Камышлов – 70 пуд.

Претерпела изменения и торговля хлебом. Хлеб имел низкую стоимость, и для оправдания дальних перевозок торговля им требовала больших объемов продажи или удешевления их доставки. В последней четверти XIX в. хлеб стал главной статьей вывоза на межрегиональных ярмарках. А в начале XX в. его продажа на всероссийских и межрегиональных ярмарках пошла на убыль. Это отражают данные по Ирбитской ярмарке: если в 1882 г. было привезено хлеба и крупы на сумму до 643 тыс. руб., то в 1904 г. уже на 400 тыс., в 1912 г. – 150 тыс. и 1915 г. – 100 тыс. руб. [8; 11; 13]. Несмотря на уменьшение привоза хлеба, торговля им на межрегиональных ярмарках сохранила большое значение для ряда сибирских и уральских территорий. Для этого использовалась сложившаяся в 1880 – 1890-х гг. практика комбинированной доставки хлеба к ярмарочным торгам по дешевым водным путям, связанным с узловыми пристанями Обь-Иртышской водной системы. Это привело к переходу хлеботорговли на межрегиональных ярмарках в руки пароходовладельцев. Этому способствовало то, хлеб, в отличие от продуктов скотоводства, не требовал быстрой перевозки и реализации. Кроме того, большие объемы торговли привели к уменьшению привоза наличного хлеба на межрегиональные ярмарки и увеличение объема сделок по образцам. Так, на Ирбитскую ярмарку хлеб довозился в летнюю навигацию до Тюмени с совершением сделки на него в Ирбите в феврале. При этом хлеб оставался в Тюмени, а затем в течение следующих месяцев вывозился на Урал, в т. ч. по железной дороге от Тюмени к Екатеринбургу, или на север Тобольской губернии по Оби на пароходах до Тобольска, Сургута, Березова. Главными продавцами хлеба по контрактам на Ирбитской и Тюменской ярмарках, по свидетельству К. Голодникова, были бийские и барнаульские купцы. По его же словам, их хлеб закупался на межрегиональных ярмарках тюменскими и тобольскими купцами для продажи коренному населению через северную Обдорскую ярмарку и в хлебозапасные магазины [1, с. 191]. Большинство предпринимателей, ведущих хлебное дело, прекратили завоз хлеба в зерне и муке на межрегиональные ярмарки.

Ярмарки превращались в места встречи мукомолов с продавцами хлеба. Только в навигацию 1893 г. в Тюмень для Ирбской ярмарки с линии Иртыша и Оби было привезено пшеницы свыше 7 млн пуд., из них сбыт пшеницы составил около 6 млн пуд. Оставшиеся 1,2 млн были проданы по образцам. Причиной привоза наличного хлеба на ярмарку в отдельные годы становилось перепроизводство хлеба в регионе или стремление сбыть хлеб быстрее.

Вместе с тем, несмотря на падение наличной хлебной торговли в Ирбите, в начале XX в., по мнению современников, именно на ярмарке определялось количество собранного в Западной Сибири хлеба, устанавливались годовые цены, определялся спрос со стороны Урала и севера Тобольской губернии. В том же 1894 г., по прогнозам ярмарочных купцов, к навигации должно было собраться пшеницы с верховьев Оби не более 3 млн пуд. а с остатками от навигации 1893 г. в Тюмени до 4,6 млн пуд. Потребность же пшеницы по заказам на ярмарке составила 6 млн пуд. [3]. В 1895 г. на ярмарке было куплено у Е. А. Жернакова по образцам 100 тыс. пуд. перерода с условием принятия первым рейсом в Тюмени по 60 коп. торговым домом «Волчихин, Лещев и К.», партия в 100 тыс. пуд. на тех же условиях куплена Симаковым у Морозова [4].

Такой же характер и по тем же причинам приобрела торговля другими земледельческими товарами. Так, льняного семени на ярмарке 1895 г. было продано 100 тыс. пуд. и самая крупная партия в 50 тыс. пуд. была реализована по образцам Е. А. Жернаковым для экспорта в Рыбинск по 70 коп. пуд. со сдачей в Тюмень [5].

Таким образом, в начале XX в. в хлебной торговле при снижении объемов торговли и Ирбская, и Тюменская, и Ишимская ярмарки сохранили свое значение. Но хлебные операции имели смысл при отправлении грузов на Урал или далее на север Тобольской губернии. При этом ярмарки оставались местом заключения хлебных сделок по образцам, хлеб же складировался в речных пристанях, откуда и вывозился. Так, в 1909 г. в конкуренции с семипалатинским синдикатом, который, несмотря на хороший урожай и сравнительно дешевую закупку зерна, повысил цены на 20 коп. на мешок, «администрация по делам Е. А. Жернакова из Кольвани, назначившая цену на крупчатку дешевле на 30 – 35 коп. мешок» продала всю партию на север Тобольской губернии и в Тобольск. Что касалось таких прежних покупателей, – писал корреспондент «Ирбского ярмарочного листка», – как «крупчатники ярославского и нижегородского районов», то они «покупали пшеницу на местах в Барнауле и Семипалатинске, тогда как раньше все закупки производили здесь» на Ирбской ярмарке [10]. В результате вывоз хлебных продуктов для Прикамья, Поволжья и Европейской России в начале XX в. стал осуществляться через оптовые рынки, учрежденные при станциях Сибирской железной дороги. Как писали современники, «многие железнодорожные станции на участке Челябинск – Омск превратились в целые городки со значительным населением и миллионными торговыми оборотами. Все население кормится около скопки хлеба и других сырьевых продуктов, привозимых из прилегающей полосы Западной Сибири» [10].

Таким образом, изменения, происходившие в торговле на межрегиональных ярмарках, отражали их адаптацию к новым условиям. В начале XX в. на мобилизацию товарной массы, несомненно, повлияла модернизация транспортной системы, промышленное производство товарного продукта. Сохранению межрегиональных ярмарок в структуре всероссийского рынка способствовало то, что непосредственное влияние транспортной революции по продвижению

товара было минимизировано полосой прилегания и незавершенностью технического перевооружения транспорта промышленности. По мере втягивания в мировой рынок торговля такими скоропортящимися сельскохозяйственными товарами, как масло, мясо претерпела наибольшие изменения. Но и в их передвижении сложилась взаимосвязанная сеть перио-

дических межрегиональных ярмарок и постоянных элеваторов, контор по закупке хлеба и мяса при железных дорогах, оптовых складов приречных портов и других пунктов торговли. Вместе с тем на межрегиональных ярмарках видоизменялись торговые операции, что позволило им вписаться в новую рыночную ситуацию начала XX в.

Литература

1. Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск: типография Тобольского губернского правления, 1881. 192 с.
2. Звездин Л. Как возникло и развивалось в Тобольской губернии маслоделие // Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск: Губернская типография, 1910.
3. Ирбитский ярмарочный листок. 1894. № 19. 21 февр.
4. Ирбитский ярмарочный листок. 1895. № 22.
5. Ирбитский ярмарочный листок. 1895. № 33.
6. Ирбитский ярмарочный листок. 1897. № 34.
7. Ирбитский ярмарочный листок. 1898. № 35.
8. Ирбитский ярмарочный листок. 1905. № 2. 26 янв.
9. Ирбитский ярмарочный листок. 1905. № 10. 3 февр.
10. Ирбитский ярмарочный листок. 1913. № 19. 12 февр.
11. РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 219. Д. 301.
12. РГИА. Ф. 1287. Оп. 26. Д. 1376.
13. Сибирская газета. 1887. № 8. 22 февр.
14. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год: год четвертый. Томск: Изд-во Ф. П. Романова, 1897 (паровая типо-литогр. П. И. Макушина). 256 с. рекл., XVI, 692 с., 128 с.
15. Скубневский В. А. Маслоделие и маслоторговля на Алтае в конце XIX – начале XX вв. // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул, 1993. С. 77 – 92.
16. Скубневский В. А. Торговая инфраструктура сибирского города в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 1995.
17. Справочная книжка Ирбитской ярмарки на 1907. Ирбит, 1908.
18. Трошин И. П. История развития скотоводства Западной Сибири. Новосибирск, 1969. 207 с.
19. Щеглова Т. К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX века: из истории российско-азиатской торговли / отв. ред. М. А. Демин. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 234 с.

Информация об авторе:

Щеглова Татьяна Кирилловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории АлтГПУ, tk_altai@mail.ru.

Tatiana K. Shcheglova – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Altai State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.08.2015 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЧЕТВЕРТОЙ ВЕРСИИ
ОПРОСНИКА СТИЛЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ М. БЕРЗОНСКИ
*И. Д. Бронин*PSYCHOMETRIC PROPERTIES OF THE FOURTH VERSION
OF THE QUESTIONNAIRE OF STYLES IDENTITIES M. BERZONSKI
I. D. Bronin

Содержательный анализ пунктов опросника третьей версии опросника стилей идентичности М. Берзонски, а также его умеренные психометрические показатели являются основанием для адаптации четвертой версии опросника. В статье представлены данные о надежности как внутренней согласованности, конструктной валидности и факторной структуры (эксплораторного и конфирматорного типов) четвертой версии опросника стилей идентичности. Результаты убедительно свидетельствуют об умеренно высоких психометрических характеристиках опросника. В сравнении с третьей версией опросника, обсуждаемая в статье четвертая версия, показывает более высокие результаты по всем исследованным параметрам, за исключением факторной структуры конфирматорного типа. Кроме того, четвертая версия содержит большее количество пунктов по шкалам, чем третья. Обсуждаются перспективы последующих доработок опросника.

The items' content analysis of the third version of Berzonsky's Identity Style Inventory as well as its moderate psychometric properties, are both the basis for adaptation of the questionnaire's fourth version. The article discusses the data of reliability as internal consistency, construct validity, exploratory and confirmatory factor structures. The results persuasively evidence moderately high psychometric characteristics of the inventory. In comparison with the third version of the questionnaire, the fourth version discussed here also shows higher quality for all the parameters except confirmatory factor structure. Besides, the fourth version includes more items for the scales than the third one. The perspectives of further revision are discussed.

Ключевые слова: стили идентичности, психометрические показатели, валидность, идентичность, шкальные опросники.

Keywords: identity styles, psychometric properties, validity, identity, scale questionnaires.

Проблема измерения идентичности стоит сегодня почти столь же остро, как и в то время, когда понятие было введено в социальную психологию и психологию личности. Среди методического инструментария исследователя имеются клинические интервью, полу-структурированные интервью и опросники, под которые довольно часто не подведена теоретическая база. Разумеется, это порождает серьезные препятствия для проведения количественных исследований идентичности и ее связей с другими аспектами личности. Основная причина состоит в том, что предложенные инструменты, во-первых, крайне трудоемки, а, во-вторых, их результаты – преимущественно текстовые – сложно поддаются перекодированию на язык цифр (хотя это и возможно).

В 1992 г. М. Берзонски опубликовал свою работу, в которой представил опросник стилей идентичности [3]. Методика М. Берзонски, по сути переформулирующая взгляды Э. Эрикссона и Дж. Марсия на язык когнитивной психологии [1; 12; 8; 7], позволяет измерить три стиля идентичности – информационный, нормативный и диффузный, а также степень приверженности человека своим взглядам.

Выраженный информационный стиль идентичности свидетельствует о том, что человек склонен к активному самостоятельному поиску ответов на жизнен-

ные вопросы (кем быть, во что верить, как развиваться). Закономерно предполагается, что человек с таким стилем идентичности имеет относительно высокий уровень приверженности своим взглядам и целям. Человек с нормативным стилем идентичности не столь склонен к активному поиску, но отличается высоким уровнем приверженности традициям, мнениям и ценностям родителей и значимых других. У людей с диффузным стилем идентичности не отмечается стремление к поиску, равно как и приверженности своим целям и взглядам. Такие люди чрезвычайно адаптивны в том смысле, что полностью детерминированы ситуацией: готовы принимать любую точку зрения и менять ее в зависимости от собеседника.

Сегодня опросник стилей идентичности М. Берзонски может применяться не только в англоязычных и италоязычных культурах, но и в русскоязычной: психометрические показатели русскоязычной версии опросника представлены в статье Е. П. Белинской и И. Д. Бронина [1]. Однако по отношению к этой работе возникает ряд вопросов.

Во-первых, оригинальная версия опросника, которая была адаптирована, включает в себя 40 вопросов, хотя в финальную версию вошли только 20 вопросов. Причиной для этого послужили результаты эксплора-

торного факторного анализа, показавшие, что очень многие пункты опросника:

- а) дают факторные нагрузки менее 0,4;
- б) имеют факторную нагрузку более чем на одну главную компоненту.

Другими словами, хотя авторам адаптации и удалось добиться более или менее приемлемых показателей, шкалы методики стали в два раза меньше. Это ведет к таким последствиям, как:

- а) снижение надежности методики;
- б) снижение количества покрываемых (измеряемых) опросников аспектов идентичности;
- в) делает шкальные оценки менее богатыми, что ведет к меньшей дисперсии в целом по генеральной выборке.

Во-вторых, следует отметить, что эта работа носила пилотажный характер. Об этом прямо свидетельствует величина выборки валидизации, составившей лишь 242 респондента для исследования факторной структуры и связей между шкалами опросника, и 115 – 127 респондентов для установления внешних коррелятов шкал опросника стилей идентичности. Это особенно важно подчеркнуть, учитывая, что на данных с таким объемом выборки проверялись гипотезы, что, например, «люди с нормативным стилем идентичности имеют более низкие баллы по шкале Открытости опыта (Большая пятерка)». Даже применяя самый низкий критерий, что личность имеет нормативный стиль идентичности, если балл по этой шкале выше среднего, для проверки подобной гипотезы выборка сокращается примерно до половины, т. е. до 50 – 60 респондентов, учитывая закон нормального распределения.

В-третьих, сам факт того, что с целью получения хороших психометрических показателей опросника авторам пришлось исключить половину пунктов, говорит о том, что в формулировке пунктов опросника имеются те или иные проблемы. Остановимся на этом подробнее.

В работе И. Смитса [13] проведен подробный анализ пунктов опросника, который определил направление их доработок. Во-первых, отмечает И. Смитс и его коллеги, в то время как одни вопросы отсылают респондента к конкретным сферам жизни (религия, политика, и т. д.), другие сформулированы в общем виде. К примеру, пункт 1, относящийся к шкале нормативного стиля идентичности, имеет явную ссылку на религиозную сферу: «Касательно религиозных убеждений, я знаю, во что верю, а во что – нет», а пункт 2, относящийся к информационному стилю идентичности, заставляет респондента отвечать с общих позиций: «Я провел много времени, размышляя, чтобы понять, что делать со своей жизнью».

Во-вторых, не только то, что респонденту постоянно приходится мысленно переходить от общего к конкретному (часто, предположительно, не релевантному в жизни), делает опросник менее валидным, но и то, что респондент вынужден переходить от прошлого к настоящему и обратно. К примеру, пункт 5, относящийся к информационному стилю идентичности, отсылает респондента к его прошлому: «Я посвятил много времени чтению о религиозных идеях и их обсуждению с другими людьми», а пункт 25, относящийся к той же шкале, обращается к настоящей жизни человека:

ка: «Когда у меня возникает личная проблема, я стараюсь проанализировать ситуацию, чтобы понять, в чем дело».

Наконец, можно говорить и о такой проблеме, что формулировки пунктов шкалы нормативного стиля идентичности и шкалы приверженности зачастую оказываются слишком близкими друг к другу. Это ведет не только очевидному ухудшению психометрических показателей, но и к сложностям в содержательной интерпретации этих шкал из-за слишком большой их близости друг к другу. К примеру, пункт 32 шкалы нормативного стиля идентичности явным образом содержит ссылку на степень приверженности респондента: «Как только я определился с верным путем решения проблемы, я строго придерживаюсь его». Любопытно сравнить эту формулировку с пунктом 7 шкалы приверженности: «Я точно знаю, что мне делать в будущем». Задумывающийся читатель вряд ли сможет сказать, что эти пункты относятся к разным шкалам, что прямо свидетельствует также и о низкой содержательной валидности пунктов опросника.

Таким образом, очевидным образом возникает задача адаптации и валидизации четвертой версии опросника стилей идентичности М. Берзонски. Процедура модификации опросника производилась с опорой на текст И. Смитса и его коллег [13]. Согласно данным авторам можно выделить три основных принципа, исходя из которых необходимо модифицировать опросник третьей версии с содержательной точки зрения. Во-первых, все пункты опросника должны быть сформулированы в общем виде. Во-вторых, все пункты опросника должны быть сформулированы в настоящем времени. В-третьих, в шкале нормативного стиля идентичности в случае, если пункт содержит ссылку на степень приверженности, его следует либо исключить из опросника, либо переформулировать его таким образом, чтобы ссылка на степень приверженности отсутствовала.

Таким образом, четвертая версия опросника стилей идентичности М. Берзонски, предложенная И. Смитсом и его коллегами и измененная в некоторых аспектах авторами данной работы, содержит 32 вопроса, из которых 9 пунктов приходится на шкалу информационного стиля идентичности, 6 пунктов – на шкалу нормативного стиля идентичности, 9 пунктов – на шкалу диффузного стиля идентичности и 8 пунктов – на шкалу приверженности (4 из них – прямые, 4 – обратные).

Выборка исследования

Общая выборка составила 442 студента различных факультетов (как естественнонаучных, так и гуманитарных). Медиана возраста составила 19,27 (SD = 1,38); из 442 респондентов 62,7 % – женщины, 19,9 % – мужчины, 12,9 % респондентов не сообщили свой пол.

Процедура исследования

На первом этапе мы осуществили перевод англоязычной четвертой версии опросника и его модификацию с учетом принципов, описанных ранее [1].

Второй этап подразумевал сбор данных для оценки психометрических показателей. Батарея опросников состояла из следующих пяти методик: опросник стилей идентичности М. Берзонски (N = 442), опросник самоуважения Розенберга (N = 345), опросник Большая пя-

ПСИХОЛОГИЯ

терка ($N = 345$), Краткий личностный опросник ($N = 419$), опросник Уровень субъективного контроля ($N = 345$). Количество респондентов, заполнивших опросники, различается вследствие организационных причин.

На третьем этапе производилась оценка психометрических показателей опросника; исследовалась надежность как внутренняя согласованность, факторная структура (эксплораторного и конфирматорного типов), анализ внутренних связей между шкалами опросника и конструктивная валидность.

Результаты исследования

Эксплораторный факторный анализ

Так как теоретическая структура опросника предполагает измерение трех стилей идентичности и одной

шкалы приверженности, исследование факторной структуры (как эксплораторной, так и конфирматорной) производилось раздельно (методологические основания описаны здесь: [1; 7; 13]). Далее мы будем называть исследование шкал стилей идентичности трехфакторным решением, а исследование шкалы приверженности – монофакторным.

Первым шагом при исследовании факторной структуры является проверка матрицы на факторизуемость. Результаты применения теста сферичности Бартлетта и метода Кайзера-Майера-Олкина, представленные в таблице 1, показали приемлемые результаты. Все расчеты производились в программе R Statistics. Расчет указанных показателей производился посредством библиотек {psych} [10] и {rela} [6], соответственно.

Таблица 1

Исходная четвертая версия опросника: тест сферичности Бартлетта и метод Кайзера-Майера-Олкина

Критерий	Значение показателя «идеальной» модели	Трехфакторное решение			Монофакторное решение	
		ISI3	ISI4.1	ISI4.2	ISI3	ISI4
Тест сферичности Бартлетта	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001
KMO ^a	> 0,80	0,65	0,75	0,76	0,71	0,82

Примечание: показатель Кайзера-Майера-Олкина; ISI4.1 – исходная четвертая версия опросника стилей идентичности; ISI4.2 – модифицированная четвертая версия опросника после исключения пунктов на основе факторного анализа.

На втором шаге мы исследовали пункты опросника методом эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, косоугольное вращение для трехфакторного решения; метод главных компонент, варимакс вращение для монофакторного решения). Расчеты производились посредством библиотеки {psych} [10]. Общий принцип состоит в том, чтобы,

используя итеративный подход, постепенно исключить все пункты, которые имеют факторную нагрузку менее 0,30 или имеют нагрузку более чем на одну главную компоненту. Факторные нагрузки исходной версии представлены в таблице 2 для трехфакторного решения и в таблице 3 для монофакторного решения.

Таблица 2

Матрица факторных нагрузок трехфакторного решения для исходной четвертой версии опросника (ISI4.1)

№ вопр.	Компонента 1 (диффузный стиль)	Компонента 2 (информационный стиль)	Компонента 3 (нормативный стиль)	Комментарий
2		0,32		-
3	0,54			-
4	0,35		0,39	Нагрузки на два фактора.
5		0,54		
7				Низкие нагрузки на все факторы.
9			0,61	
11	0,33			
13	0,51			
14		0,34		
17			0,55	
18	0,66			
19		0,66		
20		0,61		
21			0,61	
22	0,69			
23				Низкие нагрузки на все факторы.
24	0,50			

25		0,55		
26			0,41	
27		0,53		
28	0,50			
29		0,64		
30	0,62			
32				Низкие нагрузки на все факторы

В то время как из таблицы 3 видно, что для монофакторного решения все пункты дают нагрузки выше 0,3, таблица 2 показывает, что три пункта опросника трехфакторного решения дают крайне низкие факторные нагрузки. Мы исключили их из дальнейшего анализа и финальной версии опросника, а после повторного применения метода эксплораторного факторного анализа было обнаружено еще два неудовлетворительных пункта, которые также были исключены из дальнейшего анализа.

Таким образом, будут описаны психометрические показатели трехфакторного решения модифицированной исходной четвертой версии опросника, состоящей из 17 пунктов (6 относятся к шкале информационного стиля идентичности, 4 – к шкале нормативного стиля идентичности, 7 – к шкале диффузного стиля идентичности). Шкала приверженности остается в исходном виде и состоит из 8 пунктов. В итоге, общее количество пунктов опросника составило 25 против 32 в исходной четвертой версии.

Как показано в таблице 1, матрица данных модифицированной версии показывает приемлемые результаты для возможностей факторизации. Финальная матрица факторных нагрузок представлена в таблице 4.

Таблица 3
Матрица факторных нагрузок монофакторного решения для исходной четвертой версии опросника (ISI4.1)

№ вопр.	Компонента 1 (шкала приверженности)
1	0,56
6	0,71
8	0,59
10	0,58
12	0,59
15	0,73
16	0,72
31	0,34

Таблица 4
Матрица факторных нагрузок трехфакторного решения для модифицированной четвертой версии опросника (ISI4.2)

№ вопроса	Компонента 1 (диффузный стиль)	Компонента 2 (информационный стиль)	Компонента 3 (нормативный стиль)
3	0,54		
5		0,54	
9			0,60
13	0,46		
17			0,55
18	0,67		
19		0,70	
20		0,63	
21			0,70
22	0,68		
24	0,53		
25		0,62	
26			0,44
27		0,49	
28	0,47		
29		0,60	
30	0,67		

Надежность как внутренняя согласованность

Данные о надежности как внутренней согласованности представлены в таблице 5. Из нее видно, что коэффициенты α Кронбаха оказываются высокими и колеблются в пределах от 0,66 (шкала нормативного стиля идентичности) до 0,83 (шкала приверженности).

Обсуждаемая версия опросника не только имеет надежность как внутреннюю согласованность лучшую, по сравнению с русскоязычной третьей версией, но и по сравнению с оригинальной третьей версией М. Берзонски [4]. Тест двух половин Гуттмана и анализ максимизированной ковариации двух переменных

опросника также выглядят убедительными: первый колеблется в пределах от 0,58 (шкала нормативного стиля идентичности) до 0,83 (шкала приверженности), а второй – от 0,50 (шкала нормативного стиля идентичности) до 0,80 (шкала приверженности). Расчеты показателей производились с помощью библиотеки {psych} [10].

Таблица 5

Сравнение показателей надежности как внутренней согласованности третьей русскоязычной и оригинальной версии с четвертой исходной и модифицированной версиями

Шкала опросника стиля идентичности	Lambda 3				Lambda 4		Lambda 5	
	ISI3	[Berzonsky, 1997]	ISI4.1	ISI4.2	ISI3	ISI4.2	ISI3	ISI4.2
Информационный стиль идентичности	0,65	0,70	0,72	0,77	0,70	0,75	0,64	0,70
Нормативный стиль идентичности	0,62	0,64	0,50	0,66	0,68	0,58	0,64	0,50
Диффузный стиль идентичности	0,62	0,76	0,75	0,78	0,60	0,76	0,62	0,75
Шкала приверженности	0,67	0,71	0,82	0,83	0,64	0,83	0,69	0,80

Примечание: Lambda 3 – коэффициент альфа Кронбаха, Lambda 4 – максимизированная корреляция между двумя половинами шкалы (maximized split-half correlation), Lambda 5 – максимальная ковариация двух переменных шкалы (maximized covariance between two variables); ISI3 – третья версия опросника стилей идентичности Берзонски М. [1]; ISI4.1 – исходная четвертая версия опросника стилей идентичности; ISI4.2 – модифицированная четвертая версия опросника после исключения пунктов на основе эксплораторного факторного анализа.

Конфирматорный факторный анализ

Данный анализ проводился отдельно для трех- и монофакторного решения. Результаты представлены в таблице 6. Результаты показывают худшие показатели

относительно третьей версии, но выглядят приемлемыми, особенно для трехфакторного решения. Модель проверялась с помощью библиотеки {lavaan} [11].

Таблица 6

Результаты конфирматорного факторного анализа монофакторного и трехфакторного решения (модифицированная версия)

Критерий оценки модели	Показатели «идеальной» модели	Показатели трехфакторного решения		Показатели монофакторного решения	
		ISI3	ISI4	ISI3	ISI4
chi-sq/df	< 2:1	1,74	4,47	1,34	9,22
p-value	1,00	0,00	0	0,244	0
CFI	> 0,90	0,852	0,77	0,992	0,84
TLI	> 0,90	0,822	0,74	0,983	0,78
GFI	> 0,09	0,927	0,82	0,989	0,90
RMSEA	< 0,08	0,055	0,09	0,038	0,14
SRMR	< 0,08	0,067	0,077	0,030	0,07

Примечание: **chi-sq** – показатель χ^2 ; **df** – степени свободы (degrees of freedom); **CFI** – показатель сравнительного соответствия (Comparative Fit Index); **TLI** – показатель Такера-Льюиса (Tucker-Lewis Index); **GFI** – качество индекса пригодности (Goodness of Fit Index); **RMSEA** – среднеквадратичная ошибка оценки (Root Mean Square Error of Approximation); **SRMR** – стандартизированный корень среднеквадратичного остатка (Root Mean Square Residual and Standardized Root Mean Square Residual); **ISI3** – третья версия опросника стилей идентичности Берзонски М.; **ISI4** – четвертая модифицированная версия опросника после исключения пунктов на основе эксплораторного факторного анализа.

Конструктная валидность: связи внутри шкал опросника

С точки зрения теории, заложенной в опросник, должны фиксироваться внутренние связи между его шкалами. Отсюда вытекают соответствующие гипотезы, теоретическое обоснование которых подробно изложено в работе И. Смита и его коллег [13]. Во-первых, мы предположили и подтвердили, что респонденты с информационным стилем идентичности будут иметь более высокие баллы по шкале приверженности, чем люди с диффузным стилем идентичности.

Во-вторых, подтвердилось предположение, что люди с нормативным стилем идентичности имеют более высокие баллы по шкале приверженности, чем люди с диффузным стилем идентичности ($t[245,81] = 6,94, p < 0,001$). В-третьих, удалось зафиксировать положительную корреляцию между шкалой информационного стиля идентичности и шкалой приверженности ($r = 0,29, p < 0,001$). В-четвертых, было показано, что имеется положительная корреляция между шкалой нормативного стиля идентичности и шкалой приверженности

($r = 0,15$, $p < 0,001$). Наконец, зафиксировано наличие теоретически обоснованной корреляции между шкалой диффузного стиля идентичности и шкалой приверженности ($r = -0,49$, $p < 0,001$).

Таким образом, подчеркнем, что все предположения, выдвинутые относительно связей между шкалами опросника, подтвердились. Это прямо свидетельствует о том, что обсуждаемая версия опросника функционирует лучше, чем та, которая предлагалась ранее [1].

Конструктная валидность: внешние корреляты

Далее проверялись гипотезы относительно связей между шкалами опросника стилей идентичности и самоуважением респондентов, измеренным посредством опросника Розенберга (см. теоретическое обоснование в: [8; 7; 2]).

Нам удалось подтвердить, что имеется положительная корреляция между баллами по шкале информационного стиля идентичности и баллами по шкале самооценки Розенберга ($r = 0,11$, $p = 0,04$). Также было показано, что имеется отрицательная корреляция между баллами по шкале диффузной идентичности и баллами по шкале самооценки Розенберга ($r = -0,19$, $p < 0,001$). Наконец, зафиксировано, что не имеется значимых различий в самооценке у людей с информационным и нормативным стилями идентичности ($t [231] = 0,48$, ns).

С другой стороны, гипотеза, что люди с информационным стилем идентичности имеют более высокую самооценку по сравнению с людьми с диффузным стилем идентичности, не прошла свою проверку ($t [176,12] = 1,63$, $p = 0,10$). Такой же результат был получен и при проверке предположения, что люди с нормативным стилем идентичности имеют более высокую самооценку по сравнению с людьми с диффузным стилем идентичности ($t [173,85] = 1,23$, ns). Таким образом, четвертая версия опросника дает примерно тот же уровень связей со шкалой самоуважения Розенберга, что и предыдущая третья версия.

Существует теоретическое обоснование связей шкал опросника стилей идентичности со шкалами Большой пятерки (см. теоретическое обоснование [2]). Мы выдвинули и эмпирически верифицировали 11 таких гипотез, из которых подтвердились только 6. Мы подтвердили следующие предположения:

1. Люди с нормативным стилем идентичности имеют более низкие баллы по шкале Открытости опыта, чем люди с диффузным стилем идентичности ($t [197,76] = 2,15$, $p = 0,03$).

2. Люди с диффузным стилем идентичности имеют низкие баллы по шкале Сознательности по сравнению с людьми с информационным стилем идентичности ($t [186,2] = -7,70$, $p < 0,001$).

3. Люди с диффузным стилем идентичности имеют низкие баллы по шкале Сознательности по сравнению с людьми с нормативным стилем идентичности ($t [179,22] = -6,64$, $p < 0,001$).

4. Баллы по шкале Эмоциональной нестабильности положительно коррелируют с баллами по шкале диффузного стиля идентичности ($r = 0,14$, $p < 0,01$).

5. Баллы по шкале Экстраверсии отрицательно с баллами по шкале диффузного стиля идентичности ($r = -0,16$, $p < 0,01$).

6. Имеется отрицательная корреляция между баллами по шкале Доброжелательности и баллами по шкале диффузного стиля идентичности ($r = -0,23$, $p < 0,001$).

Другие пять выдвинутых гипотез не прошли эмпирическую проверку:

1. Люди с нормативным стилем идентичности имеют более низкие баллы по шкале Открытости опыта, чем люди с информационным стилем идентичности ($t [225,87] = 0,70$, ns).

2. Люди с информационным стилем идентичности имеют высокие баллы по шкале Экстраверсии по сравнению с людьми с нормативным стилем идентичности ($t [230,96] = -0,70$, ns).

3. Люди с информационным стилем идентичности имеют высокие баллы по шкале Экстраверсии по сравнению с людьми с диффузным стилем идентичности ($t [191,36] = 1,82$, $p = 0,07$).

4. Баллы по шкале Эмоциональной нестабильности отрицательно коррелируют с баллами по шкале информационного стиля идентичности ($r = 0,01$, ns).

5. Баллы по шкале Экстраверсии положительно коррелируют с баллами по шкале информационного стиля идентичности ($r = -0,04$, ns).

В результате, мы можем говорить о том, что опросник четвертой версии (текущая) дает тот же уровень связей со шкалами Большой пятерки, что и русскоязычная третья версия опросника [1].

Наконец, в некоторых работах обсуждается связь между шкалами опросника стилей идентичности М. Берзонски и Уровнем субъективного контроля (см. например, [8]). Все три выдвинутые нами гипотезы прошли успешную эмпирическую проверку. Во-первых, мы сумели показать, что, действительно, имеется положительная корреляция между баллами по шкале информационного стиля идентичности и баллами по опроснику УСК ($r = 0,17$, $p < 0,001$). Во-вторых, подтвердились наличие отрицательной корреляции между баллами по шкале нормативного стиля идентичности и баллами по опроснику УСК ($r = 0,11$, $p = 0,05$). В-третьих, эмпирически корректным оказалось суждение, что имеется отрицательная корреляция между баллами по шкале диффузного стиля идентичности и баллами по опроснику УСК ($r = -0,39$, $p < 0,001$). Таким образом, мы можем констатировать, что опросник четвертой версии дает значительно лучшие связи с методикой УСК, чем опросник третьей версии.

Выводы и перспективы

Подводя итог, мы можем сказать, что в целом при исследовании конструктной валидности было проверено 24 гипотезы, 16 из которых подтвердились. В сравнении с третьей версией мы считаем четвертую версию опросника более валидной конструктивно. Причина состоит в том, что хотя, по сути, уровень связей с опросником Большая пятерка и шкалой Розенберга остался прежним, в значительной степени стали лучше внутренние связи между шкалами опросника, а также внешние связи между шкалами опросника и опросником уровня субъективного контроля. Кроме того, удалось значительно увеличить надежность как внутреннюю согласованность. Напомним далее, что в финальную версию опросника вошли 25 пунктов – против 20 пунктов третьей русскоязычной версии.

Однако можно говорить и о перспективах в дальнейшей проверке различных показателей опросника четвертой версии. Так, не исследованными являются конвергентная валидность, которую необходимо устанавливать в связи с результатами полуструктурированного интервью по Дж. Марсиа. Исследование тестовой надежности также требует отдельного исследования, не говоря уже о перспективах в доработке опросника не только с позиции изучения отдельных психометрических показателей, но и с содержательных позиций. Дело в том, что опросник стилей идентичности М. Берзонски хоть и является хорошим инструментом для количественных исследований, на уровне индивидуальном его интерпретация нередко оказывается достаточно затруднительна. Специалисты, описывающие результаты заполнения опросника стилей идентичности, сталкиваются с ситуациями, когда респондент имеет одновременно высокие баллы по нескольким шкалам (например, и по шкале информа-

ционного стиля, и по шкале диффузного стиля идентичности). Фактически, эти случаи невозможны содержательно интерпретировать, так как с теоретических позиций подхода М. Берзонски некоторые стили являются взаимоисключающими.

Эта проблема интерпретации, возможно, связана с недоработкой опросника в целом: одним из косвенных свидетельств тому является недавняя публикация М. Берзонски результатов оценки психометрических показателей последней, уже пятой, версии опросника [5]. С нашей точки зрения, существуют определенные перспективы в плане преобразования методики в другой формат. Представляется, что было бы интересно сформировать такой опросник стилей идентичности, который бы каждый своим вопросом вынуждал респондента делать выбор в пользу только одной из шкал, что значительно снизило бы парадоксальные результаты и тем самым упростило бы интерпретацию в целом.

Литература

1. Белинская Е. П., Бронин И. Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 34. С. 12. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/-num/2014v7n34/964-belinskaya34.html>
2. Adams G. R. The Objective Measure of Ego Identity Status: A Reference Manual. 1998. Режим доступа: http://www.uoguelph.ca/~gadams/OMEIS_manual
3. Berzonsky M. Identity Style Inventory (ISI-3): Revised Version. Unpublished Measure, 1992, Department of Psychology, State University of New York, Cortland, NY.
4. Berzonsky M. Reliability Data for the Identity Style Inventory. State University of New York at Cortland, 1997. Режим доступа: <http://w3.fiu.edu/srif/ArchivedPagesJK/Berzonsky/BerzonskyISI3.rtf>
5. Berzonsky M., Soenens B., Luyckx K., Smits I., Papini D., Goossens L. Development and Validation of the Revised Identity Style Inventory (ISI-5): Factor Structure, Reliability, and Validity. Psychological Assessment. 2013. Vol. 25. Issue 3. P. 893 – 904.
6. Chajewski M. rela: Scale Item Analysis. R package version 4.1.
7. Crocetti E., Rubini M., Berzonsky M., Meeus W. Brief Report: The Identity Style Inventory – Validation in Italian Adolescence and College Students. Journal of Adolescence. 2009. 32(1). P. 425 – 443.
8. Kroger J., Marcia J. The Identity Statuses: Origins, Meanings, and Interpretation. In: S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles (Eds.). Identity Theory and Research. NY: Springer, 2010. P. 31 – 54.
9. Parker J. R. Influences of Openness and Identity Style on Orientations to Religious Belief: A Proposed Integrative Model. Master's Thesis and Doctoral Dissertation. 2011. 337 p. Режим доступа: <http://commons.emich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1337&context=theses>
10. Revelle W. psych: Procedures for Personality and Psychological Research, Northwestern University, Evanston, Illinois, USA. Режим доступа: <http://CRAN.R-project.org/package=psych>, version 1.5.4.
11. Rosseel Y. lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. Journal of Statistical Software. 2012. Vol. 48. Issue 2. P. 1 – 36. Режим доступа: <http://www.jstatsoft.org/v48/i02/>
12. Schwartz S. J., Mullis R. L., Waterman A. S., Dunham R. M. Ego Identity Status, Identity Status, and Personal Expressiveness: An Empirical Research of Three Convergent Constructs. Journal of Adolescent Research. 2000. Vol. 15. № 4. P. 504 – 521.
13. Smits I., Soenens B., Berzonsky M. D., Luyckx K., Goossens L., Bosma H. The Identity Style Inventory – Version 4: A Cross-National Study in Scale Development and Validation. In: Smits I. Identity Style in Adolescents: Measurement and Associations with Perceived Parenting, Personal Well-Being, and Interpersonal Functioning. 2009. P. 57 – 105.

Информация об авторе:

Бронин Игорь Дмитриевич – аспирант лаборатории психологии подростка Психологического института Российской академии образования, Москва, idbronin@gmail.com.

Igor D. Bronin – Ph. D. Student Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia.

(Научный руководитель: Белинская Елена Павловна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка Психологического института, Москва, Россия, Elena_belinskaya@list.ru).

Research advisor: Elena P. Belinskaya – Doctor of Psychology, Professor Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 26.06.2015 г.

УДК 159.942.5

**ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ПЕДАГОГОВ**
Б. А. Гунзунова

PERSONAL FACTORS OF EMOTIONAL SELF-REGULATION STATE TEACHERS
B. A. Gunzunova

В статье особое внимание уделяется вопросу изучения эмоционального благополучия профессиональной группы педагогов. Утверждается значимость вопроса соотношения саморегуляции и личностных факторов. Установлено, что саморегуляция обусловлена психозащитным поведением и эмоциональными особенностями. Основной целью работы являлось изучение саморегуляции эмоциональных состояний педагогов г. Улан-Удэ в их взаимоотношениях с личностными факторами (профессиональным стрессом, механизмами психологической защиты). Результаты исследования показали наличие корреляционной связи между показателями профессионального стресса и шкалами саморегуляции. Исследование показало, что психозащитное поведение находится во взаимосвязи с различными сторонами саморегуляции. Корреляционный анализ показал, что осознанная саморегуляция педагогов испытывает на себе влияние личностных характеристик, в частности механизмов психологической защиты в профессиональной деятельности педагогических работников. Сделаны выводы о том, что существует специфика в использовании внутриличностных защит в зависимости как от степени осознанной саморегуляции, так и от индивидуальной структуры регуляторного профиля. Поэтому знание закономерностей саморегуляции состояний в педагогической деятельности, умение управлять собственными состояниями, а также овладение приемами и способами регуляции являются важными компонентами процесса самосовершенствования учителя и психологического образования педагогических работников.

The article focuses on the question of studying emotional well-being of a professional group of educators. It asserted the importance of the issue of self-relations and personal factors. It was found that self-regulation is due to psychological protective behavior and emotional characteristics. The main purpose of the work was to study the self-regulation of emotional states of teachers in Ulan-Ude in their relationship with personal factors (occupational stress, psychological defense mechanisms). The results showed the presence of correlation between the performance of occupational stress scales and self-regulation. The study showed that psychological protective behavior is in conjunction with the various parts of self. Correlation analysis showed that the conscious self-regulation of teachers has been influenced by personal characteristics, such as psychological defense mechanisms in the professional activity of teachers. The conclusion is made that there is specificity in the use of intrapersonal defenses, depending on the degree of conscious self-regulation and regulatory structure of the individual profile. Therefore, knowledge of the laws of self-states in educational activities, the ability to manage their own conditions, as well as mastering the techniques and methods of regulation are important components of the process of self-improvement of the teacher and psychological education of teachers.

Ключевые слова: саморегуляция, профессиональный стресс, педагогическая деятельность, стрессогенные факторы, эмоциональные состояния, механизмы психологической защиты.

Keywords: self-regulation, professional stress, educational activities, stressors, emotional states, psychological defense mechanisms.

Необходимость саморегуляции возникает, когда педагог сталкивается с новой, необычной, трудноразрешимой для него проблемой, которая не имеет однозначного решения или предполагает несколько альтернативных вариантов. Саморегуляция необходима в ситуации, когда педагог находится в состоянии повышенного эмоционального и физического напряжения, что побуждает его к импульсивным действиям, или в случае, если он находится в ситуации оценивания со стороны детей, коллег, других людей. Психологические основы саморегуляции эмоционального состояния включают в себя управление как познавательными процессами, так и личностью: поведением, эмоциями и действиями [1].

В связи с вышеизложенным, целью нашей работы являлось изучение взаимосвязи саморегуляции эмоциональных состояний и механизмов психологической защиты в профессиональной деятельности педагогов. В исследовании участвовало 240 педагогов г. Улан-Удэ. Для оценки уровня психической саморегуляции ис-

пользовался опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой (1998) [4], определения уровня стресса – опросник Вайман «Цикл развития профессионального стресса», механизмов психологической защиты педагогов – опросник «Индекс жизненного стиля» (LSI) Г. Келлермана и Р. Плутчика. Для статистической обработки данных были использованы χ^2 – критерий Пирсона, коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена.

Профессиональная деятельность человека может быть осложнена воздействием стрессоров разной природы. Причины возникновения профессионального стресса, как правило, связаны с организационными, социальными и техническими особенностями профессиональной деятельности. Обобщив различные стрессогенные факторы, мы предложили совокупность наиболее типичных стрессоров, распространенных в педагогической деятельности. В ходе исследования испытуемые оценивали эти стрессогенные факторы. По результатам опросника Вайман «Цикл развития профессио-

нального стресса» были выявлены показатели частоты встречаемости стрессогенных факторов в педагогической деятельности. Педагоги в своей профессиональной деятельности чаще всего сталкиваются со следующими стрессорами: маленькая заработка плата, перегрузка, большая ответственность, полифокусность деятельности и неопределенность ролей. Самый низкий показатель частоты встречаемости был получен стрессогенным фактором – плохие физические условия труда. Анализ результатов с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена r_s показал, что существуют значимые положительные корреляционные связи между высокими показателями уровня профессионального стресса у педагогов и такими его внешними детерминантами, как перегрузка ($r_s = 0,5624$, $p < 0,01$), большая ответственность ($r_s = 0,5387$, $p < 0,05$), полифокусность деятельности ($r_s = 0,5182$, $p < 0,05$), маленькая заработка плата ($r_s = 0,5098$, $p < 0,05$).

Профессиональная деятельность может способствовать или препятствовать формированию продуктивного стиля саморегуляции за счет соответствия стилевых особенностей регуляторики человека, сложившихся в силу объективно присущих требований личности, предъявляемых к регуляторике исполнителя данной профессиональной деятельности.

По мнению В. А. Конопкина, В. И. Моросановой, защитные механизмы являются динамическим компонентом личностного содержания, что напрямую соотносится с процессуальными особенностями функционального аспекта саморегуляции. Индивидуальный стиль саморегуляции определяют залог успешной профессиональной деятельности. Действительно, чем устойчивее будет стиль саморегуляции у человека, тем большего он сможет добиться в своей профессиональной деятельности и тем больше у него шансов на успешное преодоление трудностей [2; 4].

Следующим этапом нашего исследования явилось изучение взаимосвязи саморегуляции поведения и личностных характеристик, в частности механизмов психологической защиты в профессиональной деятельности педагогических работников. Для изучения психологических защит педагогических работников использовалась методика «Индекс жизненного стиля» Келлермана-Плутчика. Хроническая эмоциональная насыщенность профессии педагога требует наличия больших ресурсов саморегуляции и является повышенной нагрузкой на защитно-совладающее поведение. Были установлены достоверно значимые различия между показателями механизмов психологической защиты, применяемых на практике педагогами [2].

На значимых позициях у педагогических работников находятся следующие механизмы психологической защиты: «отрицание» (7,1), «подавление» (4,9), «компенсация» (3,3), «проекция» (5,7) и «интеллектуализация» (5,8). Полученные результаты нашего исследования, показывают доминирование защитного механизма «отрицания», посредством которого личность игнорирует информацию и связанные с ней мысли и чувства, вызывающие тревогу и напряжение. Вслед за авторами мы считаем, что механизм «отрицание» является ведущим в профессиональной деятельности педагогов, проявляется отрицанием наличия проблем на работе, фростирующей реальности (повышенной загруженности,

неадекватной социальной и материальной оценке труда и т. п.) [3].

Также предпочтаемым защитным механизмом педагогов является механизм «подавления» или «вытеснения», посредством которого психотравмирующие обстоятельства или нежелательная информация вытесняются из сознания человека. Таким образом, неприемлемые для личности импульсы – желания, мысли, чувства, вызывающие тревогу, становятся бессознательными, но, тем не менее, сохраняют свои эмоциональные и психовегетативные компоненты.

Следующий психологический механизм, используемый педагогическими работниками – «проекция», показывает, что социально неодобряемые проявления, негативные импульсы, такие как непрофессионализм, раздражительность, тревожность и агрессивность в отношениях с коллегами и т. д., реально признаются окружающими, чтобы оправдать собственные, которые проявляются как бы в защитных целях. Использование защитного механизма по проективному типу препятствует процессу профессионального и личностного роста. Профессионалы с высоким уровнем защитного проектирующего поведения – люди со слабым «Я», находятся в ситуации профессионального кризиса.

Использование защитного механизма «интеллектуализация» или «рационализация» основано на «умственном» способе преодоления конфликтной ситуации без переживаний. Иными словами, педагогические работники устраниют переживания, вызванные неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией при помощи логических установок, построения гипотез и теорий, рассуждений. Испытуемые с помощью логических суждений оправдывают свой неуспех, неудачи в профессиональной деятельности сложившимися обстоятельствами, а не личной и профессиональной состоятельностью. В психологии данный механизм является одним из наиболее зрелых, нейтрализующих тревогу и эмоциональное напряжение.

Корреляционный анализ дает основание считать, что существует достоверная корреляционная связь между стилевыми особенностями саморегуляции и механизмами психологической защиты (таблица).

Результаты исследования показали наличие корреляционной связи между общим уровнем саморегуляции и «интеллектуализацией» ($r = 0,211$, $p < 0,01$), свидетельствующим о способности педагогических работников устраниять переживания, вызванные неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией при помощи логических установок, построения гипотез и теорий, рассуждений. Они с помощью логических суждений оправдывают свой неуспех, неудачи в профессиональной деятельности сложившимися обстоятельствами, а не личной и профессиональной состоятельностью. Также выявлена обратная корреляционная взаимосвязь между общим уровнем саморегуляции и защитным механизмом «ретрессия» ($r = -0,428$, $p < 0,01$), которая свидетельствует о том, что в ситуации повышенного стресса и эмоциональной напряженности педагоги не способны прибегать к ребячливой, детской модели поведения.

Корреляционные взаимосвязи саморегуляции и механизмов психологической защиты у педагогов

	<i>Пл</i>	<i>М</i>	<i>Пр</i>	<i>Ор</i>	<i>Г</i>	<i>С</i>	<i>Оу*</i>
Отрицание	-0,013	0,0006	0,01	-0,249	0,099	-0,091	-0,075
Подавление	0,033	-0,207	0,016	-0,365	0,097	-0,093	-0,170
Регрессия	-0,302	-0,165	-0,402	-0,022	-0,045	-0,315	-0,428
Компенсация	0,200	-0,196	-0,072	-0,261	0,212	-0,093	-0,097
Проекция	-0,044	-0,055	0,141	-0,089	-0,201	-0,032	-0,094
Замещение	-0,032	-0,083	-0,247	-0,283	-0,033	-0,053	-0,221
Интеллектуализация	0,158	0,106	0,194	0,012	-0,155	0,155	0,211
Реактивное образование	-0,054	0,006	-0,234	-0,036	-0,030	-0,070	-0,232

Примечание: * Пл – планирование целей деятельности; М – моделирование значимых условий; Пр – программирование действий; Ор – оценки и коррекции результатов; Г – гибкость; С – самостоятельность; Оу – общий уровень саморегуляции.

Рассматривая соотношения механизмов психологической защиты с отдельными компонентами саморегуляции произвольной активности, пришли к следующему. Результаты свидетельствуют о наличии обратной корреляционной связи между шкалами «планирования» и «регрессии» ($r = -0,302$, $p < 0,01$). Эта связь показывает, что в структуре личности педагогов преобладает потребность в осознанном планировании деятельности. Планы в этом случае реалистичны, детализированы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно. При возникновении чрезвычайных обстоятельств они легко перестраивают планы и программы действий и поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий, что способствует снижению импульсивного поведения, эмоциональной напряженности и определяют защитное реагирование по типу «регрессии».

Далее выявлена обратная корреляционная связь между шкалой «моделирования» и защитным реагированием по типу «подавления» ($r = -0,207$, $p < 0,01$), что означает при возникновении внутреннего конфликта педагоги способны выделять значимые условия для достижения целей, как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем.

Обратные корреляционные связи выявлены между шкалой «программирования» с защитными механизмами в виде «регрессии» ($r = -0,402$, $p < 0,01$), «замещения» ($r = -0,247$, $p < 0,01$) и «реактивного образования» ($r = -0,234$, $p < 0,01$) показывают, что при продумывании способов своих действий и поведения для достижения намеченных целей испытуемые способны разрядить состояние напряженности, переориентировать свои чувства и импульса на другие объекты. Наличие незначительных обратных корреляционных связей между шкалой «оценивания результатов» и механизмами психологической защиты «отрицания» ($r = -0,249$, $p < 0,01$), «подавления» ($r = -0,247$, $p < 0,01$), «замещения» ($r = -0,283$, $p < 0,01$) означает, что при оценивании факта рассогласования полученных результатов с целью деятельности и приведших к нему причин, педагоги способны осознавать неприятную информацию, избавляясь от внутреннего конфликта путем активного выключения неприятной информации.

Защитный механизм «проекция» коррелирует с показателями шкалы «гибкость» ($r = -0,201$, $p < 0,01$). Педагоги с высоким уровнем защитного проецирова-

ния способны продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей. Такие программы гибко изменяются в новых обстоятельствах и устойчивы в ситуации помех, они вносят коррекцию в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий, в случаях возникновения острого состояния напряжения, беспокойства и нервозности. Обратная корреляционная взаимосвязь между шкалой «самостоятельность» и защитным механизмом «регрессии» ($r = -0,315$, $p < 0,01$) позволяют диагностировать индивидуальную развитость представлений о внешних и внутренних условиях, степень их осознанности, детализированности и адекватности в конфликтной или фрустрирующей ситуации.

Таким образом, психическая саморегуляция в педагогической деятельности обусловлена психозащитным поведением. Результаты нашего исследования позволяют предположить, что существует специфика в использовании внутриличностных защит в зависимости как от степени осознанной саморегуляции, так и от индивидуальной структуры регуляторного профиля. Особенности саморегуляции педагогических работников позволяют учитывать еще нереализованные потенциальные возможности человека и способствовать оптимизации его деятельности [2].

Предметом особой заботы исследователей должен стать поиск соответствующих решений по обеспечению защищенности работников от негативного воздействия стрессогенных факторов в их профессиональной деятельности. Для достижения этой цели предлагается использовать следующие методы профилактики профессионального стресса: обучение навыкам самоконтроля и саморегуляции; освоение приемов и техник релаксации; обучение широкому спектру стратегий адаптации и преодоления стресса (копинг-стратегий); внедрение систем эффективной организации рабочего времени (тайм-менеджмент); обучение навыкам управления конфликтными ситуациями; овладение навыками эффективного общения; формирование навыков позитивного мышления [1]. Внедрение антистрессовых мероприятий в систему подготовки и переподготовки педагогов позволит повысить ее эффективность за счет снижения уровня аддиктивности поведения, а также уменьшить риск развития профессионального выгорания и профессиональных деформаций педагогов, что, в свою очередь, приведет к улучшению их профессионального здоровья.

Литература

- Гунзунова Б. А. Теоретико-методологические основы саморегуляции в профессиональной педагогической деятельности. Улан-Удэ, 2012.
- Гунзунова Б. А. Стилевые особенности саморегуляции в профессиональной деятельности педагогов // Ученые записки ЗабГПУ. 2011. № 5(40). С. 195 – 198.
- Гунзунова Б. А. Личностные детерминанты саморегуляции состояний в профессиональной педагогической деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2006. № 6(2). С. 110 – 113.
- Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции. М.: Наука, 2001.

Информация об авторе:

Гунзунова Бальжима Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ), balzhimag@mail.ru.

Balzhima A. Gunzunova – candidate of psychological sciences, associate professor of department of general and social psychology of Buryat State University (Ulan-Ude).

Статья поступила в редакцию 16.06.2015 г.

УДК 159.900

**СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ
ПРИ РАЗНЫХ ТИПАХ АТРИБУТИВНОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ**
A. A. Куллик

**SUBJECTIVE QUALITY OF LIFE OF YOUNG PEOPLE IN DIFFERENT TYPES
OF ATTRIBUTIVE STYLE OF THINKING**
A. A. Kulik

В статье приводится анализ результатов эмпирического исследования, направленного на выявление взаимосвязи между параметрами субъективного качества жизни и атрибутивным стилем мышления (в качестве основных параметров которого выступают оптимизм и пессимизм). Результаты проведенного исследования доказывают, что лицам с оптимистическим атрибутивным стилем свойственно более высоко оценивать основные параметры качества жизни, они обладают более сильной ресурсной системой, что расширяет поле деятельности личности, делая более достижимыми значимые цели в жизни, и способствует успешному приспособлению к окружающему миру и практическому овладению им. Оптимисты в ситуации успеха склонны приписывать причины позитивного события непосредственно себе, они носят интернальный характер, успех находится под контролем и зависит от действий самого индивида, оптимисты верят в роль усилий и настойчивости, воспринимают жизнь как вызов, получая удовольствие от решения трудных задач и преодоления трудностей. Напротив, пессимисты, склонны верить в роль случая в достижении успеха, объясняя свой успех легкостью задачи и другими внешними неконтролируемыми факторами. Стабильный и глобальный атрибутивный стиль в отношении негативных событий приводит субъекта к ощущению, что он имеет ограниченный контроль над событиями, что в свою очередь ведет к состоянию беспомощности. Оптимистический атрибутивный стиль является более сильным предиктором субъективного благополучия.

Описанные результаты могут стать основой для проведения уточняющих исследований с целью описания качественной специфики взаимосвязи субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью и атрибутивного стиля мышления на разных выборках.

The article analyzes the results of empirical research aimed at identifying the relationship between the parameters of subjective quality of life and attributional style of thinking (as the basic parameters which are the optimistic and pessimistic). The results of the studies show that people with an optimistic attributional style tend to higher evaluate basic parameters of quality of life, they have a strong resource system, which extends the field of activity of the individual, making it more achievable meaningful purpose in life, and contributes to the successful adaptation to the world around them and the practical mastery. Optimists in the situation of success tend to attribute the causes of the positive developments directly themselves, they are of Internal character, success is controlled and depends on the actions of the individual, the optimists believe in the role of effort and perseverance, see life as a challenge, taking pleasure in addressing the challenges and overcoming difficulties. In contrast, pessimists are inclined to believe in the role of chance in achieving success, explaining his success easy task, and other uncontrollable external factors. Stability and global attributional style on negative events leads to a sense of the subject, he has limited control of events, which in turn leads to a state of helplessness. The optimistic attributional style is a stronger predictor of subjective well-being.

These results may serve as a basis for clarifying research to. The qualitative specifics of the relationship of subjective well-being, life satisfaction and attributional style of thinking on different samples.

Ключевые слова: качество жизни, удовлетворенность жизнью, атрибутивный стиль мышления, оптимизм, пессимизм.

Keywords: quality of life, satisfaction with life, attributional style of thinking, optimism, pessimism.

Проблема исследования качества жизни занимает пограничное место не только в системе отраслей психологического знания, но и в смежных с ней гуманитарных и социальных науках. Изучение проблемы качества жизни началось в конце 60-х гг. XX в. и было обусловлено интересом к гуманитарному содержанию экономического прогресса вследствие того, что количественные оценки условий жизни человека, сводимых в категорию «уровень жизни», в рамках сугубо экономического подхода были недостаточны. Качество жизни включает в себя как объективные, так и субъективные параметры. Традиционно в фокусе внимания исследователей находятся в большей степени объективные показатели (уровень здоровья, уровень материального достатка, демографические показатели, показатели уровня социального обслуживания населения и др.), нежели субъективные, представляющие не меньшую значимость (В. Г. Горшков, Л. И. Конча, А. Ю. Земченков, Я. И. Коц, Р. А. Либец, С. В. Кондуров, А. А. Новик, Т. И. Ионова и др.). Необходимо подчеркнуть, что субъективный подход в большей степени центрируется на «ощущаемом индивидом качестве жизни» [9] и связан с изучением потребностей и интересов конкретных людей, которые всегда индивидуальны и отражаются в субъективных представлениях, переживаниях, личных мнениях и оценках. Сторонники субъективного подхода в изучении качества жизни нередко отождествляют качество жизни с общей удовлетворенностью жизнью, ощущением счастья. Вместе с тем субъективный подход не ограничивается изучением степени удовлетворенности человека, качество жизни определяется и другими критериями, относящимися к социальной, духовной, культурной, психологической и нравственной сторонам жизни в целом [1]. В отношении категории «качество жизни» Г. М. Зараковский [4] выделяет: самооценку качества жизни как целостного феномена, то есть в виде ответа человека на прямой вопрос об уровне качества его жизни; самооценку счастья; самооценку удовлетворенности жизнью; баланс положительных и отрицательных эмоций, то есть отношение числа положительных и отрицательных эмоциональных переживаний, испытываемых человеком за определенный, достаточно большой промежуток времени.

По мнению А. В. Баановой, В. А. Хашенко, в структуре качества жизни необходимо рассматривать элементы психологического отношения личности к среде: когнитивные (представления, знания), конативные (мотивационно-потребностные состояния сознания), эмотивные (переживания, оценки, чувства) [1].

К. Рифф предлагает обобщенный критерий качества жизни – «психологическое благополучие», в котором выделяет 6 параметров: самопринятие; позитивные отношения с другими; автономность; компетентность; цели в жизни; личностный рост [8].

К тому же, несмотря на большое количество точек зрения, относительно критериев качества жизни, его параметры по-прежнему остаются недостаточно изученными, вследствие чего возникают противоречия между формальными, количественными и содержательными показателями качества жизни. Такая ситуа-

ция возникает в силу того, что в рамках субъективного подхода изучение качества жизни либо сводится к анализу общей удовлетворенности качеством жизни, либо, напротив, включает максимально возможный набор показателей, что приводит к размыванию границ между субъективным и объективным подходами.

Нами была предпринята попытка изучения взаимосвязи атрибутивного стиля мышления и субъективного качества жизни молодежи. Данная взаимосвязь представляется заслуживающей внимания по ряду параметров.

1. Структурные составляющие качества жизни неравнозначны, поскольку специфика среды проживания определяет характер соотношения объективных и субъективных параметров. Решающим показателем качества жизни должна быть субъективная удовлетворенность человека собой и миром, эмоциональный статус, самочувствие (И. Ю. Петрушина, Ю. А. Крючков, М. Г. Чопорова и др.). Камчатский край относится к территории с экстремальными природно-климатическими условиями жизнедеятельности. В депривирующих условиях среды, когда объективные факторы (природные и антропогенные) приводят к снижению качества жизни, повышению уровня неудовлетворенности населения средой проживания, возрастает значение субъективных критериев. В случае дефицита личностных ресурсов негативные оценки качества жизни генерализуются и могут приводить к тому, что даже нейтральные стимулы окружающей среды начинают восприниматься как негативные. На уровне объективных параметров это проявляется в увеличение миграционных показателей, негативных оценок всех сред жизнедеятельности человека, что в целом ставит под угрозу реализацию планов развития регионов с депривирующими, природно-климатическими условиями жизнедеятельности [7]. В связи с этим именно исследование субъективного качества жизни молодежи во взаимосвязи с различными компонентами личностного потенциала представляет наибольший научный интерес.

2. С другой стороны, возможно стимулировать активность человека в сложных средовых условиях в случае актуализации личностных ресурсов (наличие определенных ресурсов расширяет поле деятельности личности, делая более достижимыми значимые цели в жизни), за счет которых человек способен компенсировать дефицитарность среды и на субъективном уровне ощущать себя более комфортно. Среди основных компонентов личностного потенциала можно рассматривать осмысленность жизни, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, рефлексию, автономию, оптимизм и пр. Предварительный анализ дает основания рассматривать структуры личностного потенциала как вносящие существенный, если не определяющий, вклад в осуществление функции сохранения. Понятие личностного потенциала помогает перейти от анализа разрозненных характеристик к системному комплексному анализу индивидуально-психологических особенностей личности, лежащих в основе психологического благополучия и эффективности деятельности. Оптимизм как умение конструктивно (оптимистично) мыслить и позитивно оценивать свое будущее является комплексным образова-

нием, влияющим на умение целенаправленно действовать во внешнем мире, реализовывать задуманное и противостоять воздействию трудных жизненных обстоятельств, сохраняя психологическое благополучие [6].

Таким образом, актуальным является изучение взаимосвязи личностных ресурсов (в частности, оптимизма) и субъективного качества жизни.

Проблематика оптимизма начала активно разрабатываться в последние 30 лет в рамках двух психологических концепций – концепции диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера и теории атрибутивного стиля, предложенной в работах М. Селигмана, К. Петерсона и их коллег. М. Селигман обратился к особенностям когниций, характерных для психологически благополучных и неблагополучных индивидов и описал оптимистический и пессимистический атрибутивный стиль. При оптимистическом атрибутивном стиле неудачи воспринимаются как временные, затрагивающие лишь небольшую часть жизни и подверженные изменению, а успехи – как стабильные, глобальные и зависящие от собственных усилий индивида. При пессимистическом атрибутивном стиле неудачи воспринимаются как постоянные, универсальные и носящие внутренний характер, а успехи, наоборот, как случайные, локальные и вызванные внешними причинами. В подходе диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера, под оптимизмом/пессимизмом понимается чувство уверенности или сомнения, связанное с обобщенными, касающимися разных сфер жизни положительными или отрицательными ожиданиями относительно будущего.

Подход к понятию оптимизма-пессимизма М. Шейера и Ч. Карвера, основывается на общей теории саморегуляции поведения Р. Аткинсона. Основной тезис этой теории заключается в том, что поведение ориентировано и направлено на некоторую цель и ее достижение. Одним из элементов этой теории является ожидание, выражющееся в чувстве уверенности или сомнения относительно достижения цели. По мнению автора, если сомнения по достижению цели преобладают, то никакие усилия по ее достижению предприниматься не будут. Данная точка зрения получила развитие в теории диспозиционного оптимизма [3]. Анализируя теорию диспозиционного оптимизма можно сделать вывод, что оптимизм рассматривается как ожидание наилучшего результата, чувство уверенности относительно достижения цели, стимулирует активную деятельность по ее реализации, в то время как сомнения, наоборот, предотвращают какую-либо активность.

В психологической науке атрибуция понимается как механизм объяснения причин поведения другого человека. Выделяются три параметра атрибуции для жизненных событий:

- 1) персонализация (внутренний – внешний);
- 2) устойчивость (постоянный – непостоянный);
- 3) генерализация (глобальный – частный).

Б. Вайнер в атрибутивной теории мотивации достижения также выделял три параметра атрибуции, лежащих в основе объяснения причин успеха и неудач: «параметр локуса причинности, характеризую-

щий интернальность/экстернальность причины по отношению к субъекту, «параметр стабильности», характеризующий постоянство и неизменность причины и «параметр контролируемости», характеризующий меру управляемости воспринимаемой причины. Опираясь на эти параметры, М. Селигман охарактеризовал атрибутивный стиль мышления, используя параметры контроля, стабильности и глобальности. Параметр локуса причинности (контроля) характеризует интернальность или экстернальность причин по отношению к субъекту. Параметр стабильности характеризует постоянство и неизменность причины. Параметр глобальности характеризует универсальность или конкретность причинных объяснений [3].

В отечественной психологии феномен атрибутивного стиля как предмет изучения не получил широкого распространения. Исследований, направленных на изучение атрибутивного стиля и других психологических переменных, крайне мало.

Программа исследования

Целью исследования являлось изучение взаимосвязи субъективного качества жизни молодежи и атрибутивного стиля мышления. При этом мы исходили из допущения, что лица с различным атрибутивным стилем мышления имеют ряд содержательных отличий, выражющихся в оценке уровня качества жизни и удовлетворенности жизнью, а так же в оценке региона. Так, оптимистический атрибутивный стиль является более сильным предиктором субъективного ощущения счастья, более высокой оценки субъективного качества жизни, оптимисты верят в роль усилий и настойчивости, получая удовольствие от решения трудных задач и преодоления трудностей. Лица с пессимистическим атрибутивным стилем, напротив, склонны верить в роль случая в достижении успеха, объясняя свой успех легкостью задачи и другими внешними неконтролируемыми факторами.

В исследовании приняли участие студенты вузов Камчатского края, в возрасте от 18 до 23 лет в количестве 68 (133) человек.

Исследование выстраивалось по следующей схеме. Мы формировали выборку, разделяя респондентов на группы в зависимости от типа атрибутивного стиля (оптимистического/пессимистического). Был использован метод кластерного анализа (кластеризация проводилась на основании результатов «Опросника стиля объяснения успехов и неудач для взрослых – СТОУН-В» К. Петерсона, М. Селигмана, адаптированного Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осиной;), позволивший в последующем выделить три экспериментальные группы: ЭГ 1 – «Пессимисты» (31 человек), ЭГ 2 – «Умеренные оптимисты» (в группу вошли те респонденты, у которых суммарный показатель оптимизма превышает средневыборочное значение, но не достигает его максимального порога – 53 человека). ЭГ 3 – «Оптимисты» (44 человека). 5 человек не вошли ни в один кластер. Следует отметить, что общий уровень оптимизма суммируется по трем параметрам: «Глобальности», «Стабильности», «Контроля». Задания в опроснике разделены на два типа: связанные с успехом и связанные с неудачами в двух сферах: сфера достижения и межличностная сфера. Получив результаты

клusterного анализа, мы провели сравнительный анализ средних величин между параметрами «Глобальности», «Стабильности», «Контроля» в ситуациях успеха и неудач среди респондентов трех экспериментальных групп (использовали t -критерий Стьюдента). Мы получили значимые различия в группах «Пессимисты» и «Умеренные оптимисты» по параметру «Контроля» в ситуациях успеха. Подобный результат свидетельствует, что «Умеренные оптимисты» в ситуации успеха склонны приписывать причины позитивного события непосредственно себе, они носят интернальный характер, успех находится под контролем и зависит от действий самого индивида, иные показатели были получены в группе «Пессимистов», имеющих низкие показатели по параметру контроля в ситуациях успеха. Успех обусловлен внешними обстоятельствами, которые не зависят от воли пессимиста. В свою очередь, «Умеренные оптимисты» имеют значимые различия с группой «Оптимистов» по параметрам «Стабильности» и «Глобальности» в ситуациях неуспеха. Полученные данные свидетельствуют о том, что респондентам, вошедшим в группу «Оптимисты», свойственно объяснять ситуации неуспеха внешними, временными и конкретными причинами. Подобная оценка неудач в группе «Оптимистов» может как способствовать успешности в осуществлении какой-либо деятельности, так и мешать ей. Нереалистичный оптимизм может приводить к раслабленности вместо собранности и активности планирования дальнейших действий, направленных на достижение лучших результатов. В группе «Умеренных оптимистов» преобладает более критичное отношение к причинам неуспеха.

Различия между группами по остальным параметрам атрибутивного стиля мышления также представляют интерес. В частности, различия по параметру «Стабильности» в ситуациях успеха и неуспеха у всех трех групп значимы, наибольший уровень оптимизма в данных ситуациях у респондентов экспериментальной группы 3. Подобный результат можно объяснить тем, что «Оптимисты» склонны считать причины успеха постоянными, а причины неуспеха кратковременными, возникшими случайно событиями.

Далее мы осуществляли межгрупповой анализ выраженности показателей субъективного качества жизни, личностных ресурсов (жизнестойкости, осмысленности жизни), субъективной оценки региона проживания. Сравнивали показатели среди респондентов ЭГ 1, ЭГ 2, ЭГ 3, а также осуществляли корреляционный анализ между показателями субъективного качества жизни и атрибутивного стиля мышления (оптимизма/пессимизма) внутри каждой из групп.

Вполне ожидаемый результат был выявлен по данным методики «Опросник жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева при сравнительном анализе групп: значимые различия были выявлены по шкалам «вовлеченности», «принятия риска» и «общей жизнестойкости». Между группами «Пессимисты» и «Оптимисты» значимые различия выявлены по шкалам «общая жизнестойкость» (70,1 в ЭГ 1 против 84 в ЭГ 3 – $t_{\text{эмп}} 2,2$ при $p \leq 0,05$), «вовлеченность» (29,5 в ЭГ 1 против 35 в ЭГ 3 – $t_{\text{эмп}} 2,1$ при $p \leq 0,05$), «принятие риска» (15,3 в ЭГ 1 против 19 в

ЭГ 3 – $t_{\text{эмп}} 2,1$ при $p \leq 0,05$). «Оптимисты» обладают более высоким уровнем жизнестойкости и, как следствие, имеют более высокую стрессоустойчивость, оптимизм может выступать фактором, способствующим быстрому восстановлению позитивного эмоционального состояния после неудачи. Полученные результаты соотносятся с результатами корреляционного анализа. В ситуациях неуспеха межличностных отношений «Оптимисты» интерпретируют неудачи как источник опыта, что демонстрируется прямой взаимосвязью указанного параметра со шкалой «Принятие риска» (0,46 при $p \leq 0,05$). По мнению С. Мадди, подобный результат свидетельствует о выраженности у респондентов жизнестойких убеждений, которые, с одной стороны, влияют на оценку ситуации – благодаря готовности человека активно действовать и его возможности на нее влиять, а с другой, – ситуация воспринимается им как менее травматичная [6]. В основе принятия риска лежит идея о том, что извлекаемый опыт является знанием, которое будет применено в последующих ситуациях. Низкие показатели по шкале «принятия риска» в группе «Пессимисты» отражают модель поведения, при которой человек стремится к избеганию неудачи. Пессимисты не готовы действовать в отсутствии надежных гарантий успеха. Отрицательный опыт, извлекаемый из ситуации неуспеха, является травмирующим для пессимистов.

Также в группе «Оптимистов» была получена взаимосвязь между шкалой «вовлеченность» и параметрами «Контроля» в ситуации успеха и «Контроля» в ситуациях достижения (0,45 при $p \leq 0,05$). Подобный результат позволяет предположить, что деятельность, в которой участвуют оптимисты и все, что с ними происходит, приносит им удовольствие и ощущение ответственности за достигнутый в этой деятельности успех. Рассматривая жизнестойкость как личностный ресурс, можно утверждать, что оптимисты обладают более сильной ресурсной системой, нежели пессимисты. Еще одним компонентом личностного ресурса выступает осмысленность жизни.

Для того, чтобы исследовать осмысленность жизни респондентов был использован «Тест смысложизненных ориентаций» Дж. Крамбо, Л. Махолика в адаптации Д. А. Леонтьева. Сравнительный анализ результатов позволил выявить значимые различия лишь по шкале «общая осмысленность жизни» между группами «Пессимисты» и «Умеренные оптимисты» (116 в ЭГ 1 против 129 в ЭГ 2 – $t_{\text{эмп}} 2,1$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, «Умеренные оптимисты» обладают большей осмысленностью жизни, нежели «Пессимисты», за счет большей контролируемости жизни. Подобный тезис подтверждается результатами корреляционного анализа. Была установлена взаимосвязь шкал «общая осмысленность жизни» (тест смысложизненных ориентаций) и «контроль» (тест жизнестойкости) – 0,49 при $p \leq 0,05$.

Таким образом, респонденты групп «Умеренные оптимисты» и «Оптимисты» обладают более сильной ресурсной системой, что, безусловно, расширяет поле деятельности личности, делая более достижимыми значимые цели в жизни, и способствует успешному

приспособлению к окружающему миру и практическому овладению им.

С целью изучения качества жизни и удовлетворенности жизнью, были использованы методики: «Опросник качества жизни» М. Фриша в переводе Е. И. Рассказовой (методика находится на стадии адаптации), «Опросник качества жизни и удовлетво-

ренности» в адаптации Е. И. Рассказовой. При сравнительном анализе были выявлены различия по шкалам: «удовлетворенность здоровьем», «удовлетворенность помощью другим», «важность любви», «удовлетворенность дружбой», «удовлетворенность домом», «удовлетворенность городом» (результаты представлены в таблице).

Таблица

Сравнительный анализ значений среди респондентов трех групп по различным сферам качества жизни

Шкалы	«Пессимисты» (ср. знач.)	«Умеренные оптимисты» (ср. знач.)	«Оптимисты» (ср. знач.)	«Пессимисты» и «Умеренные оптимисты» (t-критерий Стьюдента)	«Пессимисты» и «Оптимисты» (t-критерий Стьюдента)	«Умеренные оптимисты» и «Оптимисты» (t-критерий Стьюдента)
Здоровье (удовл.)	0,4	0,8	0,7	2,09 p ≤ 0,05	1,9	0,05
Помощь другим (удовл.)	1,08	1,6	1,8	2,2 p ≤ 0,05	2,6 p ≤ 0,05	0,8
Любовь (важ- ность)	1,6	1,6	1,9	0,4	2,09 p ≤ 0,05	2,09 p ≤ 0,05
Дружба (удовл.)	1	1,9	2,03	2,1	2,1	0,5
Дом (удовл.)	1,04	1,9	1,6	2,2 p ≤ 0,05	0,6	1,2
Город (удовл.)	-0,1	0,3	-0,8	0,2	-2,5 p ≤ 0,05	-2,8 p ≤ 0,01

Оценки различных параметров, составляющих качество жизни, данные респондентами трех групп, характеризуются ожидаемо большим количеством более высоких значений среди «Оптимистов» и «Умеренных оптимистов», что свидетельствует о доминировании в субъективной картине жизненного пути активной роли самого индивида в процессе конструирования социального мира и себя в нем. Довольно интересные результаты были получены в ходе анализа субъективной удовлетворенности городом среди респондентов. Данный эмпирический факт представляется нам заслуживающим внимания. Мы предполагали, что более негативная оценка среды проживания будет свойственна респондентам, вошедшем в группу «Пессимистов», вместе с тем результаты свидетельствуют об иной эмпирической картине: низкая удовлетворенность городом характерна «Оптимистам» (мы соотнесли полученный результат с результатами анкетирования, где одним из вопросов было определение желания респондентов покинуть регион проживания). Наибольший процент молодежи, желающих покинуть регион, представлен группой «Оптимистов» (56 % против 31 % в группе «Пессимистов»). Для определения взаимосвязи атрибутивного стиля мышления и удовлетворенности средой проживания мы провели корреляционный анализ параметров оптимизма в ситуациях неуспеха межличностных отношений и шкалы «удовлетворенность городом» в группе лиц, вошедших в группу «Оптимистов». Нами была выявлена обратная корреляционная связь (-0,60 p ≤ 0,01),

указывающая на то, что молодежь, желающая покинуть Камчатский край, неудовлетворена сферой межличностных отношений, им свойственно считать регион и его жителей «депрессивными». Высокий уровень оптимизма в ситуациях неуспеха и высокие показатели по параметру «принятие риска» выражаются в стремлении «Оптимистов» сменить место жительства, что определяется стремлением личности к планированию будущего и осознании собственной роли субъектной активности. Таким образом, можно констатировать определенное влияние оптимистического мышления на успешность построения деятельности. Лица, верящие в возможность достижения успеха, способны прилагать усилия в достижении целей, а конструктивная интерпретация неудач способствует применению адаптивных поведенческих и эмоциональных реакций. Свойственные «Пессимистам» низкие показатели оптимизма по параметру «контроля в ситуациях успеха» отражают преобладающую установку бессилия изменить сложившийся образ или условия жизни. Таким образом, респонденты с пессимистическим атрибутивным стилем в меньшей степени склонны к активной перестройке жизненного плана, им свойственно ощущать меньший контроль над событиями, что может приводить к состоянию беспомощности, характеризующейся торможением попыток активного вмешательства в ситуацию, когнитивному и эмоциональному дефициту [2].

Выходы

Проведенное исследование позволяет говорить о наличии взаимосвязи субъективного качества жизни молодежи и атрибутивного стиля мышления. Лицам с оптимистическим атрибутивным стилем свойственно более высоко оценивать основные параметры качества жизни, что свидетельствует о доминировании в субъективной картине жизненного пути активной роли самого индивида в процессе конструирования социального мира и себя в нем.

Они обладают более сильной ресурсной системой, что безусловно расширяет поле деятельности личности, делая более достижимыми значимые цели в жизни, и способствует успешному приспособлению к окружающему миру и практическому овладению им. Оптимисты в ситуации успеха склонны приписывать причины позитивного события непосредственно себе, они носят интернальный характер, успех находится

под контролем и зависит от действий самого индивида. Оптимисты склонны считать причины успеха постоянными, а причины неуспеха кратковременными, возникшими случайно событиями. Напротив, пессимисты, склонны верить в роль случая в достижении успеха, объясняя свой успех легкостью задачи и другими внешними неконтролируемыми факторами. Оптимистический атрибутивный стиль является более сильным предиктором субъективного благополучия.

Вместе с тем низкая оценка региона («депрессивный») в группе «Оптимистов» позволяет выделить основные векторы работы, направленной на изменение субъективной оценки среды проживания. Описанные результаты могут стать основой для проведения уточняющих исследований с целью описания качественной специфики взаимосвязи субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью и атрибутивного стиля мышления на разных выборках.

Литература

1. Баранова А. В., Хащенко В. А. Социально-психологические факторы оценки качества жизни // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25 – 28 июня 2003 года. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 293 – 297.
2. Гордеева Т. О., Осин Е. Н., Шевяхова В. Ю. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: Опросник СТОУН. М.: Смысл, 2009. 152 с.
3. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. 28 с.
4. Зараковский Г. М. Качество жизни и качество населения: сб. докладов «Качество жизни – главный критерий социально-экономического развития России». М.: ВНИИТЭ, 2002. С. 26.
5. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2000. 18 с.
6. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2001. 680 с.
7. Неяскина Ю. Ю., Кулик А. А., Сурикова Я. А., Ширяева О. С. Специфика качества жизни в контексте экстремальных климатогеографических и особых социокультурных условий жизнедеятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 85 – 94.
8. Ротова Е. Е., Машилов К. В., Жигарева Е. Б. Коган Б. М. Современные психологические подходы к анализу качества жизни (обзор литературы) МГПУ. М.
9. Симакина М. А. Сущность концепции качества жизни в современных российских исследованиях // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 210 – 214.

Информация об авторе:

Кулик Анастасия Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Камчатского государственного университета им. В. Беринга, anastasija81@yandex.ru.

Anastasya A. Kulik – candidate of psychological sciences, associate professor of department of theoretical and practical psychology of Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy.

Статья поступила в редакцию 30.07.2015 г.

**ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ
ПРОИЗВОЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ЮНОСТИ**

Ж. А. Левшунова, Т. Ю. Артюхова

**THE AGE FEATURES OF CONSCIOUS SELF-REGULATION
OF DETERMINED ACTIVITY IN EARLY YOUTH**

Zh. A. Levshunova, T. Yu. Artjuchova

В статье представлены результаты исследования возрастных особенностей саморегуляции произвольной активности в период ранней юности. В качестве основного метода исследования был использован метод тестирования («Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, «Шкала социально-психологической адаптированности» К. Роджерса, Р. Даймонда (адаптация Т. В. Снегиревой), «Личностный опросник» Г. Айзенка и др.). Выборка составила 167 учеников 10 – 11 классов. В результате анализа полученных данных, была определена специфика осознанной саморегуляции, свойственная данному возрасту, выявлена несформированность отдельных звеньев этого процесса.

In the article authors present results of study of the age features of self-regulation of determined activity in early youth. Method of testing ("Style of self-regulation of behavior" by V. I. Morosanova, "Scale of socio-psychological adaptation" by K. Rogers, R. Diamond (adaptation by T. V. Snegireva), "Personal inventory" by H. Eysenck) was used as main method of study. 167 pupils from 10 – 11 classes participated in study. After analyze received data the authors defined specific of conscious self-regulation for this age and exposed immaturity of separate parts in this process.

Ключевые слова: ранняя юность, старший школьный возраст, осознанная саморегуляция произвольной активности.

Keywords: early youth, senior school age, conscious self-regulation of determined activity, socialization.

Юность – важнейший период в жизни. Выделившись достаточно поздно исторически, он, тем не менее, играет значимую роль в становлении личности, выполняя роль «буфера» между детством и взрослостью. На современном этапе развития общества ранняя юность дает возможность психологически подготовиться к вступлению во взрослую жизнь, самоопределиться в личностном и профессиональном плане. В это время у школьников формируются представления о будущем, складываются планы, осознаются возможности их реализации, анализируются собственные качества, создаются правила поведения, складываются представления о правах и обязанностях взрослого человека и т. д. Все это свидетельствует о необходимости у старшеклассников саморегуляции произвольной активности, под которой в отечественной психологии принято понимать «системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей» [5, с. 307].

Тема саморегуляции в отечественной психологии рассматривалась в работах К. А. Абульхановой-Славской [1], Г. Ш. Габдреевой [3], И. С. Морозовой [8], В. И. Моросановой [9], Г. С. Прягина [10], С. Л. Рубинштейна [11], И. И. Чесноковой [12] и др. Изучение саморегуляции в период ранней юности на современном этапе находит свое отражение в небольшом количестве разрозненных исследований таких авторов как Е. А. Аронова и В. И. Моросанова [2], А. В. Зобков [4], И. В. Лысенко [6], Ю. А. Миславский [7] и др. Проблема ограниченного изучения саморегуляции в период ранней юности, требования,

предъявляемые к старшеклассникам в рамках новых образовательных стандартов определяют актуальность исследования возрастных особенностей осознанной саморегуляции произвольной активности в этом возрасте.

Методы исследования

Для изучения возрастных особенностей саморегуляции произвольной активности в период ранней юности использовался опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения», в состав которого входят 7 шкал: 4 диагностируют регуляторные процессы (планирование, моделирование, программирование, оценку результата), 2 – регуляторно-личностные свойства (самостоятельность и гибкость), 1 – общий уровень саморегуляции.

Для диагностики личностных особенностей, влияющих, на наш взгляд, на процесс саморегуляции у старшеклассников, мы использовали комплекс методик: «Шкала социально-психологической адаптированности» (ШСПА) К. Роджерса, Р. Даймонда (адаптирована Т. В. Снегиревой), «Личностный опросник» (ЕРІ) Г. Айзенка, «Шкала реактивной (сituативной) и личностной тревожности» (ШРЛТ) Ч. Д. Спилбергера – Ю. Л. Ханина, «Шкала эмоциональной неустойчивости».

Полученные в ходе эксперимента данные были обработаны с помощью методов описательной статистики и методов многомерного статистического анализа: корреляционного (г-коэффициент Пирсона) и факторного анализа (метод главных компонент с последующей ротацией факторов «Varimax raw»). Для обработки результатов использовался пакет программ «STATISTICA 6.0».

Базой исследования послужили одна из общеобразовательных школ и кадетская школа-интернат

г. Лесосибирска Красноярского края. В работе приняли участие учащиеся 10 – 11 классов в количестве 167 человек.

Результаты исследования и их обсуждение

На основании корреляционного анализа были выделены значимые взаимосвязи показателей компонентов саморегуляции («Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой) с показателями личностных свойств школьников (таблица 1). Все корреляции учи-

тывались на уровне значимости $p < 0,05$. Так, шкала «Планирование» имеет положительную взаимосвязь с «адаптированностью», «принятием себя», «внутренним контролем» и отрицательную – с «экстраверсией», «непринятием себя». Значит, способность выдвижения, удержания цели и планирования деятельности в этом возрасте зависит от уровня фактического приспособления к жизни, способности к самоконтролю.

Таблица 1

Корреляционные взаимосвязи компонентов саморегуляции и личностных свойств в период ранней юности (при $p < 0,05$)

	<i>Пл.</i>	<i>Мод.</i>	<i>Пр.</i>	<i>ОР.</i>	<i>Гибк.</i>	<i>Сам.</i>	<i>ОУС</i>
Экстраверсия	-0,20				0,36		
Нейротизм		-0,42			-0,28	0,19	
Ситуативная тревожность		-0,24			-0,19		
Личностная тревожность		-0,40			-0,28	0,16	-0,20
Эмоциональная неустойчивость		-0,39			-0,31		-0,25
Коэф. адаптированности	0,25	0,46	0,30		0,37		0,44
Принятие себя	0,18	0,21	0,20		0,23		0,21
Непринятие себя	-0,16	-0,35	-0,20		-0,21		-0,27
Принятие других			0,26		0,29	-0,25	0,19
Конфликты с другими		-0,25			-0,28	0,21	-0,16
Эмоциональный комфорт		0,26	0,19		0,39		0,22
Эмоциональный дискомфорт		-0,39			-0,26		-0,25
Внутренний контроль	0,37	0,27	0,37	0,23	0,29		0,53
Внешний контроль		-0,51	-0,19	-0,16	-0,28		-0,36
Доминирование		0,16					
Ведомость		-0,29					-0,23
Уход от проблем		-0,31					-0,18

Примечание: Пл. – планирование, Мод. – моделирование, Пр. – программирование, ОР – оценка результата, Гибк. – гибкость, Сам. – самостоятельность, ОУС – общий уровень саморегуляции.

Шкала «Моделирование» имеет наибольшее количество взаимосвязей в данном контексте. Определены положительные корреляционные связи с «адаптированностью», «принятием себя», «эмоциональным комфортом», «внутренним контролем», «доминированием» и отрицательные – с «нейротизмом», «ситуативной и личностной тревожностью», «эмоциональной неустойчивостью», «непринятием себя», «конфликтами с другими», «эмоциональным дискомфортом», «внешним контролем», «ведомостью», «уходом от проблем». Таким образом, учет значимых условий, степень их осознания и анализа, построение эффективной модели деятельности зависят от осознания реальности школьником, от представлений о себе в настоящем времени и в перспективе. Негативные эмоции, тревожность, давленность, страх мешают адекватному восприятию окружающей действительности. Такие старшеклассники часто не замечают изменения ситуации, что приводит к неадекватной оценке обстоятельств.

Шкала «Программирование» имеет положительную значимую связь с «адаптированностью», «принятием себя», «принятием других», «эмоциональным комфортом», «внутренним контролем». Индивидуальная особенность программирования собственных действий у школьников старших классов зависит от внутренних гармоничных отношений с самим собой. Высокий уровень программирования демонстрируют те, кто

не сравнивает себя с другими, имеет адекватную самооценку, хорошо приспосабливается к новым обстоятельствам.

Шкала «Оценка результатов» имеет значимую положительную связь с «внутренним контролем». Юноши и девушки осознанно подходят к оцениванию, способны к анализу причин, приводящих к тому или иному результату. Они уверены, что все происходящее полностью зависит от их действий, поэтому могут критично относиться и к результатам своей деятельности. Отрицательная взаимосвязь «Оценки результата» и «внешнего контроля» свидетельствует о том, что, чем больше школьник ориентируется на чужую точку зрения, тем менее он способен адекватно оценить полученные результаты: он не замечает своих ошибок, не критичен по отношению к своим действиям.

Гибкость – свойство личности, связанное со способностью человека перестраиваться и вносить корректировки в свою деятельность в зависимости от ситуации, при изменении внешних или внутренних условий. В нашем исследовании шкала «Гибкость» положительно коррелирует с «экстраверсией-интроверсией», «адаптированностью», «принятием себя», «принятием других», «эмоциональным комфортом», «внутренним контролем». Отрицательная взаимосвязь наблюдается с «нейротизмом», «ситуативной и личностной тревожностью», «эмоциональной неустойчивостью», «неприня-

тием себя», «конфликтами с другими», «эмоциональным дискомфортом» и «внешним контролем». Быстрая и адекватная реакция на изменение событий или условий возможна у тех старшеклассников, которые пребывают в состоянии уверенности, спокойствия. Они хорошо адаптируются в предлагаемых обстоятельствах, обладают адекватной самооценкой, не испытывают беспокойства и страха.

Самостоятельность в контексте психологии саморегуляции связывают с регуляторной автономностью. В нашем исследовании шкала «Самостоятельность» положительно коррелирует с «нейротизмом», «личностной тревожностью», «конфликтами с другими». Это означает, что самостоятельность как свойство личности еще не сформировалась на том, уровне, который обеспечивает независимость, автономность в организации произвольной активности. Юноши и девушки данной выборки при организации работы, анализе результатов, контроле выполнения деятельности часто испытывают тревожные состояния, беспокойство.

Шкала «Общий уровень саморегуляции», оценивающая общий уровень сформированности саморегуляции произвольной активности, положительно взаимодействует с «адаптированностью», «принятием себя», «принятием других», «эмоциональным комфортом», «внутренним контролем». Эти свойства являются основополагающими при определении контура осознанной саморегуляции в юношеском возрасте.

По результатам корреляционного анализа можно сделать вывод, что в период ранней юности уровень саморегуляции произвольной активности зависит от способности ребенка адаптироваться в изменяющихся условиях, развитого самоконтроля, адекватной самооценки, эмоциональной стабильности.

Для получения дополнительной информации о возрастных особенностях саморегуляции произвольной активности в период ранней юности мы провели факторный анализ с помощью метода главных компонент с последующей ротацией факторов «Varimax raw». В процедуру факторизации были включены 24 переменных. В итоге было выделено 7 факторов, объясняющих 73,62 % дисперсии (таблица 2). При анализе факторных нагрузок переменных были учтены значения выше 0,5.

Фактор 1, объясняющий 17,04 % дисперсии, объединил в себя 7 переменных, причем шесть из них демонстрируют отрицательную связь с данным фактором: «коэффициент адаптированности» (0,64), «непринятие себя» (-0,75), «конфликт с другими» (-0,51), «эмоциональный дискомфорт» (-0,70), «ожидание внешнего контроля» (-0,77), «ведомость» (-0,74), «уход» от проблем» (-0,70). Очевидно, что данный фактор отражает адаптационные возможности старшеклассников. Чем выше уровень адаптированности, тем меньше проблем в общении с окружающими. Такие школьники редко идут на открытый, неоправданный конфликт с другими, не испытывают эмоционального дискомфорта в общении или в новой ситуации, предпочитают решать проблемы, а не прятаться от них. Адаптированность как личностное свойство способствует умению отставать собственные интересы, в тоже время, соотнося их с мнением окружающих, находить компромиссы, исключая слепое следование чужой идеи.

Фактор 2 (доля дисперсии – 11,14 %) включает в себя «программирование» (0,68), «планирование» (0,84), «общий уровень саморегуляции» (0,71), «ожидание внутреннего контроля» (0,59). Этот фактор отражает те процессы, которые обеспечивают эффективность саморегуляции произвольной активности. Он объясняет способность старшеклассников к саморегуляции умением выдвигать и удерживать цели, программировать необходимые действия и корректировать их по мере необходимости.

Фактор 3, доля дисперсии которого составляет 10,35 %, связан с направленностью школьников на внешний мир и установление контактов с другими. Сюда вошли такие переменные как «экстраверсия» (0,84), «гибкость» (0,52), «принятие других» (0,61), «эмоциональный комфорт» (0,50), «конфликт с другими» (-0,61). Саморегуляция в данном случае достигается старшеклассниками на основе умения перестраивать деятельность и поведение при изменении условий. Общительность и открытость внешнему миру только способствуют этой «чувствительности» в организации произвольной активности. Испытываемое при этом эмоциональное удовлетворение способствует снятию конфликтности в отношениях с другими.

Фактор 4, объясняющий 7,06 % дисперсии, объединил две переменные: «ожидание внутреннего контроля» (0,51) и «доминирование» (0,90). Наличие развитого самоконтроля, умение ребенка полагаться на свои силы могут способствовать его превосходству над другими в различных ситуациях. Самоконтроль предполагает не только контроль собственных действий, но и умение ставить цели, выстраивать программу ее достижения и придерживаться ее выполнения. Умение предвидеть ситуацию может приводить к некоему доминированию в группе или в ситуации.

Фактор 5 (доля дисперсии – 13,25 %) объединил в себе переменные, связанные с эмоциональным состоянием человека. А именно: «нейротизм» (0,70), «ситуативная тревожность» (0,78), «личностная тревожность» (0,78), «эмоциональная неустойчивость» (0,62). Видимо, саморегуляция в данном случае осуществляется на основе особой эмоциональной чувствительности.

Фактор 6, объясняющий 6,47 % дисперсии, состоит из переменной «самостоятельность» (0,88). Самостоятельность как свойство личности, обеспечивает человека некую автономность в организации произвольной активности. Школьники, обладающие данной характеристикой, самостоятельны в выборе цели, они выбирают эффективные средства ее достижения, умеют анализировать промежуточные и конечные результаты.

Фактор 7, доля дисперсии которого составляет 8,30 %, состоит из отрицательно направленных по отношению к самому фактору переменных, формирующих процесс саморегуляции: «гибкость» (-0,55), «моделирование» (-0,65), «оценка результатов» (-0,76), «общий уровень саморегуляции» (-0,61). Очевидно, что у части участвующих в исследовании юношей и девушек саморегуляция как целостный процесс не сложилась. Эту функцию на себя взяли некоторые личностные свойства.

Результаты факторного анализа

Показатели	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
Экстраверсия	0,123	-0,206	0,836	0,099	-0,064	0,172	0,004
Нейротизм	-0,380	0,140	-0,051	0,131	0,703	0,153	0,164
Ситуативная тревожность	-0,041	-0,022	-0,095	-0,093	0,776	0,007	-0,070
Личностная тревожность	-0,393	-0,070	-0,116	-0,100	0,783	0,072	0,025
Эмоциональная неустойчивость	-0,349	0,054	-0,203	0,089	0,621	-0,220	0,237
Моделирование	0,316	0,063	-0,060	0,181	-0,366	-0,184	-0,648
Программирование	0,039	0,678	0,133	-0,011	-0,027	0,041	-0,247
Планирование	0,124	0,840	-0,168	-0,072	0,083	0,054	0,019
Оценка результата	0,084	0,189	-0,051	-0,030	0,162	-0,101	-0,758
Общий уровень СР	0,162	0,707	0,074	0,050	-0,103	0,210	-0,609
Гибкость	0,006	0,154	0,518	0,076	-0,263	0,134	-0,550
Самостоятельность	-0,068	0,189	0,015	0,044	0,060	0,880	0,050
Коэффициент адаптированности	0,640	0,361	0,366	0,300	-0,259	-0,183	-0,088
Принятие себя	0,367	0,333	0,258	0,471	-0,243	-0,259	0,155
Непринятие себя	-0,747	-0,200	-0,258	-0,162	0,160	0,143	-0,031
Принятие других	0,066	0,328	0,612	-0,011	-0,130	-0,460	0,010
Конфликты с другими	-0,510	-0,072	-0,611	0,145	0,163	0,234	0,027
Эмоциональный комфорт	0,084	0,260	0,503	0,258	-0,494	-0,213	0,057
Эмоциональный дискомфорт	-0,700	-0,106	-0,245	0,012	0,425	0,094	-0,004
Внутренний контроль	0,084	0,586	0,197	0,512	-0,055	0,006	-0,184
Внешний контроль	-0,767	-0,131	-0,078	-0,049	0,451	0,044	0,177
Доминирование	0,040	-0,060	0,004	0,897	-0,003	0,082	-0,064
Ведомость	-0,737	0,037	0,092	-0,156	0,066	-0,330	0,144
Уход от проблем	-0,703	0,045	0,107	0,269	0,025	0,031	0,211
Expl. Var	4,090	2,675	2,484	1,694	3,181	1,552	1,992
Prp. Totl	0,170	0,111	0,103	0,071	0,133	0,065	0,083

Выходы

Таким образом, изучение саморегуляции произвольной активности в период ранней юности остается актуальной проблемой, требующей разрешения в свете требований современного образования и общественной жизнедеятельности в целом. Экспериментальное исследование показало, что, показатели саморегуляции коррелируют с некоторыми личностными свойствами. Адаптированность, принятие себя, эмоциональный комфорт, внутренний контроль мы рассматриваем как потенциал для формирования саморегуляции в период ранней юности. В этот период определяется ряд особенностей этого процесса, в том числе

большая зависимость от личностных свойств, с отрицательными последствиями некоторых ребенок еще не способен справляться самостоятельно. К таким дезорганизующим саморегуляцию свойствам можно отнести высокий уровень экстраверсии, тревожность, нейротизм, эмоциональную неустойчивость, внешний контроль.

Полученные данные свидетельствуют о неоднородности показателей осознанной саморегуляции произвольной активности в период ранней юности, поэтому говорить о полной сформированности саморегуляции в старшем школьном возрасте нельзя.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Личностные механизмы регуляции деятельности // Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982. С. 92 – 98.
2. Аронова Е. А., Моросанова В. И. Регулятивная роль самосознания в старшем школьном возрасте // Журнал прикладной психологии. 2004. № 1. С. 31 – 39.
3. Габдреева Г. Ш., Юсупов М. Г. Взаимосвязь психических состояний и когнитивных процессов в системе саморегуляции жизнедеятельности субъекта // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 4. С. 253 – 258.
4. Зобков А. В. Личностно-деятельностные компоненты саморегуляции учебной деятельности в переходный от старшего школьного к студенческому период обучения: дис. ... канд. психол. наук. Владимир, 2004. 214 с.
5. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: ЛЕНАНД, 2011. 320 с.

6. Лысенко И. В. Формирование у старшеклассников опыта личностной саморегуляции в учебной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. Волгоград, 2003. 181 с.
7. Миславский Ю. А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М.: Педагогика, 1991. 152 с.
8. Морозова И. С. Личность и саморегуляция деятельности. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 110 с.
9. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010. 519 с.
10. Прыгин Г. С. Психология самостоятельности: монография. Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009. 408 с.
11. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
12. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144 с.

Информация об авторах:

Левиунова Жанна Амирсановна – старший преподаватель кафедры психологии развития личности Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, zh.levshunova@mail.ru.

Zhanna A. Levshunova – senior teacher of Psychology of personality development Chair, Lesosibirsk Pedagogical Institute – the branch of Siberian Federal University.

Артюхова Татьяна Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, tartjuchova@mail.ru.

Tatyana Y. Artjuchova – Ph.D. in Psychology, assistant of professor, deputy director on educational work, Lesosibirsk Pedagogical Institute – the branch of Siberian Federal University.

Статья поступила в редакцию 26.05.2015 г.

УДК 159.922.72

СОСТОЯНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДЕТСКОМ ДОМЕ, КРОВНОЙ И ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬЕ *B. A. Медюшко*

THE CONDITION OF THE VERBAL FUNCTIONS OF PRIMARY SCHOOLCHILDREN LIVING IN AN ORPHANAGE, BIOLOGICAL AND FOSTER FAMILY *V. A. Medyushko*

Публикация подготовлена при поддержке фонда РГНФ, грант № 14-06-00293 «Нейропсихологический подход к изучению роли средовых факторов в формировании высших психических функций у детей».

В статье анализируются особенности вербальных функций младших школьников, воспитывающихся в различных социокультурных условиях. Выявлено негативное влияние условий детского дома на развитие номинативной функции речи, фонематического восприятия, а также слухоречевой памяти. Отмечается благоприятное воздействие семьи на развитие вербальных функций.

The article analyses the peculiarities of the verbal functions of primary schoolchildren living in different socio-cultural conditions. Revealed negative impact of orphanage on the development of the nominative function of speech, phonemic awareness, and oral-aural memory. Positive impact of the family on the development of verbal functions.

Ключевые слова: вербальные функции, младший школьный возраст, детский дом, замещающая семья, кровная семья.

Keywords: verbal functions, primary school age, orphanage, foster family, biological family.

В последнее время отмечается положительная динамика государственной программы по борьбе с сиротством и семейным неблагополучием, вследствие чего сокращается количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства. Условия жизни таких детей значительно меняются, в ситуации приближенной к семейной. Тем не менее остаются проблемы, которые пока неразрешены. К ним относится неготовность большинства граждан к тому, чтобы принять в свою семью ребенка-сироту, выявление с каждым годом новых сирот, возврат детей из приемных семей.

К тому же немаловажным является наличие различных отклонений в развитие у детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей, в силу которых ребенок остается в условиях детского дома.

Современные дети-сироты и дети, оставшиеся без попечительства родителей, находившиеся в трудных жизненных ситуациях, в основном характеризуются спецификой в физическом [4], личностном и социальном [5] развитии. При этом особенности высших психических функций таких детей остаются малоизученными, минимизированы данные о влиянии семейных

и несемейных форм воспитания на развитие психических процессов. Согласно взгляду Л. С. Выготского, эти функции имеют социальную природу, а условия жизни в замещающей семье и детском доме обеспечивают специфическую социальную ситуацию развития [3].

В связи с этим целью нашего исследования является изучение особенностей высших психических функций у младших школьников, воспитывающихся в различных социальных условиях. Исследование было проведено среди младших школьников, проживающих в кровной и замещающей семье, детском доме. Всего было обследовано 210 детей, возраст испытуемых составил 6 – 7 лет. В выборку включались школьники, не имеющие нарушений неврологического статуса.

Для исследования состояния вербальных функций младших школьников, проживающих в разных социальных условиях, применялись нейропсихологические пробы, разработанные А. Р. Лuria и модифицированные в лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова [2; 6]. При этом все параметры, связанные с качеством и продуктивностью выполнения оценивались по принципу

«чем лучше, тем выше балл», а все виды ошибок учитывались с отрицательным знаком [9].

Статистическая обработка данных выполнялась с помощью пакета программ SPSS for Windows 17 с применением: описательной статистики, однофакторного дисперсионного анализа ANOVA, апостериорного критерия Бонферрони.

Применение ассоциативного эксперимента для обследования младших школьников позволило нам определить способность к активному извлечению слов, возможность переключаться с одного слова другое, а также с одной группы слов на другую.

Как видно из таблицы 1, продуктивность свободных ассоциаций выше у младших школьников из семейных форм воспитания ($F = 19,45$; $p < 0,0001$). В среднем такие дети называли 15 – 18 слов, в то время как большинство детей, проживающих в детском доме воспроизводили 10 – 13 ассоциаций. Количество повторов при назывании свободных ассоциаций среди всех групп было невысоким и приблизительно одинаково. Нередко среди повторов встречалось употребление слов во множественном числе, реже – однокоренные ассоциации.

Таблица 1

Показатели ассоциативного эксперимента

Показатели	Кровная семья	Детский дом	Замещающая семья	F	Sig.
Свободные ассоциации: продуктивность	1,92	0,92	1,52	19,45	0,000
Глагольные ассоциации: продуктивность	1,95	0,90	1,62	21,04	0,000
Глагольные ассоциации: ответы словосочетанием	0,17	1,31	0,47	15,48	0,000
Ассоциации растений: продуктивность	1,62	0,25	1,30	58,77	0,000

Анализ направленных ассоциаций также продемонстрировал низкую способность к активному извлечению слов среди младших школьников, воспитывающихся в детском доме.

Актуализация глагольных ассоциаций гораздо лучше выполнялась детьми из кровной и замещающей семьи. Школьники из детского дома редко воспроизводили более десяти глаголов правильно, при этом допуская большое количество ответов фразой ($F = 15,48$; $p < 0,0001$). Низкие показатели в продук-

тивности глагольных, а также свободных ассоциаций среди воспитанников детского дома может указывать на слабость функций программирования и контроля [10]. Это может быть связано с тем, что в детском доме имеются ограничения в контактах с взрослыми, а также сведены до минимума проявления самостоятельности при планировании своих действий такими детьми, а функция контроля всецело выполняется воспитателем.

Таблица 2

Сравнительный анализ выполнения пробы на исследование свободных и направленных ассоциаций

Свободные ассоциации: продуктивность		Ассоциации растений: продуктивность	
Кровная семья **	Детский дом	Кровная семья **	Детский дом
1,92	0,92	1,62	0,25
Кровная семья ~	Замещающая семья	Кровная семья ~	Замещающая семья
1,92	1,52	1,62	1,30
Детский дом	Замещающая семья *	Детский дом	Замещающая семья
0,92	1,52	0,25	1,30**

Примечание: в этой и последующих таблицах рядом со значениями указан уровень значимости:

** – $p < 0,0001$; * – $p < 0,001$; $p < 0,05$ ~ – тенденция.

Наибольшие трудности среди младших школьников всех групп проявились при ассоциации растений. Тем не менее успешность выполнения пробы выше у детей, воспитывающихся кровными и замещающими родителями. Воспитанники детского дома воспроизвели не более 5 растений, при этом таким детям требовалось большее количество времени для переключения с одного слова на другое ($p < 0,0001$). Задание на актуализацию названий растений чувствительно к состоянию задних отделов (переработка слуховой информации), так как в нем отражаются номинативные функции [1]. Дети, проживающие как в кровной, так и в замещающей семье имеют более разнообразный комплекс ощущений, влияющих на адекватное формирование образа предмета, позволяющий в дальнейшем соотносить предмет с названием, увеличивать рост словарного запаса.

Таким образом, анализ выполнения ассоциативного эксперимента младшими школьниками, обнаружил

слабость как «передних», так и «задних» функций участвующих в осуществлении речи.

Сравнение показателей продуктивности орального праксиса и слоговой структуры слова позволило оценить некоторые особенности уровня моторной реализации высказывания младших школьников, в зависимости от условий воспитания.

Как видно из таблицы 3, испытуемые из кровной и замещающей семьи успешнее справились с заданием на оральный праксис, чем дети, проживающие в детском доме, что проявляется в более точном и правильном выполнении пробы ($F = 26,51$; $p < 0,0001$). Более половины детей из кровной (54 %) и замещающей семьи (51 %) верно выполняли все 5 предложенных движений. Для многих (32 %) младших школьников, воспитывающихся в интернатном учреждении характерен длительный поиск правильного выполнения позы. Это говорит о слабости двигательной функции языка, губ и лица, играющих важную роль для построения речевого акта.

Таблица 3

Показатели моторного уровня реализации высказывания

Показатели	Кровная семья	Детский дом	Замещающая семья	F	Sig.
Слоговая структура слова	4,61	3,66	4,39	22,10	0,000
Оральный праксис	4,50	3,92	4,65	26,51	0,000

Построение послоговой программы высказывания оказалось успешнее у детей, воспитывающихся родными и замещающими родителями. Такие младшие школьники четко и правильно воспроизвели предложенные слова, тем не менее встречалось замедленное повторение и упрощение слога за счет пропуска согласного звука ($F = 22,10$; $p < 0,0001$). Воспитанники детского дома продемонстрировали слабость слоговой структуры слова, которая проявилась в послоговом воспроизведении, но без нарушения структуры, замене закрытого слога открытым, также имелись случаи перестановки слогов. Подобные ошибки могут оказывать негативное влияние на формирование устной речи,

кроме этого затрудняют анализ и синтез звукового состава слова.

Перейдем к анализу некоторых особенностей связной речи, которые можно оценить с помощью пробы пересказ текста «Галка и голуби».

Младшие школьники из семейных форм воспитания оказались успешнее по всем показателям связной речи (таблица 4). В ходе пересказа текста такие дети в большинстве случаев правильно и точно описывали басню «Галка и голуби», однако понимали смысл после уточняющих вопросов. Воспитанники детского дома правильно пересказывали ситуацию с буквальным пониманием смысла после уточняющих вопросов.

Таблица 4

Показатели связной речи

Показатели	Кровная семья	Детский дом	Замещающая семья	F	Sig.
Смысловая адекватность	2,44	1,55	2,12	19,69	0,000
Программирование текста	2,35	1,28	2,24	35,51	0,000
Грамматическое оформление	2,28	1,72	2,17	9,50	0,000
Лексическое оформление	2,27	1,81	2,38	8,89	0,000

Наибольшие различия между детьми обнаружились в ходе построения текста ($F = 35,51$; $p < 0,0001$). Пересказ школьников, проживающих с родными и замещающими родителями, характеризовался пропуском отдельных смысловых звеньев, при этом их сверстники из детского дома проявляли фрагментарность текста, а также им требовались наводящие вопросы. Грамматическое и лексическое оформление пересказа воспитанниками, интернатного учреждения осуществлялось с нарушением порядка слов и семантически близкими вербальными заменами. Низкие показатели связной речи у младших школьников, воспитывающихся в детском доме, возможно, зависят от

дефицита опыта речевого взаимодействия ребенка с взрослым.

Анализ показателей импресивной речи (таблица 5) позволил выявить, что для всех исследуемых детей понимание названий действий вызывает большие трудности, чем понимание предметов близких по звучанию, при этом понимание пассивных и активных логико-грамматических конструкций выполняет больший процент детей из каждой группы, чем понимание предложных конструкций. Тем не менее стоит отметить, что с каждой пробой, указанной в таблице 5, младшие школьники, воспитывающиеся родными родителями, справляются лучше, в сравнении со сверстниками из двух других групп.

Некоторые показатели импрессивной речи

Показатели	Кровная семья	Детский дом	Замещающая семья	F	Sig.
Различение названий предметов близких по звучанию	3,88	3,34	3,66	17,27	0,000
Различение названий действий близких по значению	3,44	2,76	3,31	13,77	0,000
Пассивные и активные логико-грамматические конструкции	4,73	3,92	3,92	11,65	0,000
Предложные логико-грамматические конструкции	3,23	2,74	2,67	10,45	0,000

Оценивая выполнение проб на понимание слов, близких по звучанию и значению, а также на понимание логико-грамматических конструкций между детьми из детского дома и замещающей семьи, выявлено что, с первыми двумя пробами успешнее справляются школьники, проживающие в замещающей семье, а более точное понимание логико-грамматических конструкций и меньше количества ошибок характерно для сверстников из детского дома. Полученные результаты могут говорить о некоторой слабости фонематического восприятия и трудностях различения синонимов школьниками из детского дома. Такие показатели могут быть связаны с дефицитом внешней окружающей среды ребенка в детском доме, скучными контактами с социумом. Для детей, проживающих в замещающей семье характерна слабость квазипространственных функций. Подобные трудности младших школьников, воспитывающихся в условиях замещающей семьи, возможно, объясняются тем, что квазипространственные представления являются наиболее поздними из базовых факторов речевой дея-

тельности и опираются на работу пространственных представлений «низшего» порядка [7; 8], формирование которых могло быть нарушено за период пребывания в детском доме.

Различия между группами младших школьников по вербальным функциям также четко проявляются и в пробе на слухоречевую память.

Из таблицы 6 видно, что продуктивность всех воспроизведений слухоречевых стимулов, кроме первого извлечения слов, успешнее у детей, воспитывающихся кровными родителями по сравнению со сверстниками из детского дома ($p < 0,0001$) и замещающей семьи ($p < 0,05$). Однако необходимо отметить, что показатели воспроизведений слов между воспитанниками детского дома и детьми, проживающими с приемными родителями, имеют статистические значимые различия, в пользу последних. Такой результат может быть связан с тем, что с детьми в замещающих семьях больше разговаривают и окружают разнообразными игрушками.

Таблица 6

Сравнительный анализ некоторых показателей слухоречевой памяти

Второе воспроизведение		Третье воспроизведение		Отсроченное воспроизведение	
Кровная семья	Детский дом	Кровная семья	Детский дом	Кровная семья	Детский дом
5,00 **	3,78	5,44 **	4,42	5,15**	3,74
Кровная семья	Замещающая семья	Кровная семья	Замещающая семья	Кровная семья	Замещающая семья
5,00 ~	4,40	5,44 ~	5,00	5,15 ~	4,65
Детский дом	Замещающая семья	Детский дом	Замещающая семья	Детский дом	Замещающая семья
3,78	4,40 *	4,42	5,00 ~	3,74	4,65 **

Дети из детского дома характеризуются более низкими показателями непроизвольной и произвольной слухоречевой памяти, кроме того, небольшим объемом кратковременной и долговременной памяти. Дефицит слухоречевой памяти, подобным образом проявляется и в ходе пересказа текста. Отсроченное воспроизведение слов продемонстрировало, что следы памяти у воспитанников, детского дома в большей степени подвержены интерференции.

Анализ допущенных ошибок при выполнении пробы на слухоречевую память показал, что к числу

тических нарушений для младших школьников, воспитывающихся в детском доме можно отнести нарушение порядка слов, звуковые замены и искажение слов (таблица 7). Данные ошибки могут свидетельствовать о левополушарном дефиците воспитанников детского дома. Наиболее распространенной ошибкой детей, как из кровной, так и замещающей семьи является нарушение порядка следования слов, указывающей на правополушарные трудности.

Показатели слухоречевой памяти					
Показатели	Кровная семья	Детский дом	Замещающая семья	F	Sig.
Первое воспроизведение	3,91	3,31	3,45	4,44	0,013
Второе воспроизведение	5,00	3,78	4,40	23,57	0,000
Третье воспроизведение	5,44	4,42	5,00	16,26	0,000
Отсроченное воспроизведение	5,15	3,74	4,65	27,16	0,000
Количество звуковых замен	0,34	1,11	0,28	19,74	0,000
Количество искажений слов	0,11	0,95	0,28	23,14	0,000
Количество вербальных замен семантически близких	0,08	0,32	0,04	10,17	0,000
Количество вплетений посторонних слов	0,18	0,82	0,61	10,00	0,000
Нарушение порядка слов	1,14	1,80	1,27	3,56	0,030
Переходы в другую группу	0,14	0,64	0,15	15,88	0,000

Обобщая проведенный анализ особенностей вербальных функций младших школьников, воспитывающихся в различных социокультурных условиях, можно выделить следующие основные моменты:

- неравномерный характер развития вербальных функций младших школьников;
- благоприятное влияние семейных условий воспитания на развитие вербальных функций;
- отрицательное воздействие условий детского дома на развитие номинативной функции речи и фонематического восприятия, а также слухоречевой памяти;

– передние функции, участвующие в осуществлении речи успешнее сформированы у детей из семейных форм воспитания;

– состояние уровня моторной реализации высказывания, связной речи и слухоречевой памяти лучше у младших школьников, воспитывающихся родными и замещающими родителями;

– квазипространственные функции сформированы хуже у школьников, проживающих в замещающей семье.

Литература

1. Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер, 2008. 320 с.
2. Ахутина Т. В. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / под ред. Т. В. Ахутиной, О. Б. Иншаковой. М.: В. Секачев, 2012. 132 с.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.
4. Гаврилов Д. Н., Пухов Д. Н. Результаты исследования здоровья и поведения детей школьного возраста // Профилактическая и клиническая медицина. 2014. № 2(51). С. 32 – 35.
5. Дегтярева О. В., Акутина С. П. Особенности развития личности детей-сирот подросткового возраста в условиях детского дома // Культура и образование. 2015. Январь. № 1. Режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2015-01/2841> (дата обращения: 30.06.2015).
6. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1969. 504 с. № 1. 497с.
7. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Проблемные дети: основы диагностической и коррекционной работы психолога. М., 2000.
8. Семенович А. В., Умрихин С. О. Пространственные представления при отклоняющемся развитии. М., 1997.
9. Фотекова Т. А. Развитие высших психических функций в школьном возрасте. Абакан. Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. 162 с.
10. Фотекова Т. А. Возрастные, половые и индивидуально-типологические особенности высших психических функций в норме. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2007. 168 с.

Информация об авторе:

Медюшко Вадим Александрович – аспирант кафедры общей и клинической психологии медико-психологического социального института Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, vadim.medushko@yandex.ru.

Vadim A. Medyushko – post-graduate student of general and clinical psychology chair at Medical, psychological and social institute of Khakas State University named after N. F. Katanov.

(Научный руководитель: Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, fotekova@yandex.ru.

Research advisor: Tatiana A. Fotekova – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Psychology of N. F. Katanov, Khakass State University).

Статья поступила в редакцию 26.08.2015 г.

УДК 316.6:364.465:314.6-053.2(24)

**ФОРМЫ КОМПЛЕКСНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ,
ВОСПИТЫВАЮЩИХ РЕБЕНКА С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ**
I. С. Морозова, К. Н. Белогай, Т. О. Отт

**FORMS OF COMPLEX SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF THE FAMILIES WHICH
ARE BRINGING UP THE CHILD WITH SPECIAL NEEDS**
I. S. Morozova, K. N. Belogay, T. O. Ott

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта №14-16-42007а (р) – «Социально-психологическая поддержка семей, воспитывающих родных, приемных и усыновленных детей с особыми потребностями, в условиях промышленного региона (на примере Кемеровской области)», 2014 – 2015.

В статье приведены результаты исследования семей, воспитывающих детей с особыми потребностями. Целью статьи является изучение проблем, связанных с лечением и воспитанием больного ребенка, выявление основных социальных проблем данного вида семей, а также рассмотрение возможных вариантов их решения. Изучен ряд характеристик, определяющих адаптивные возможности этих семей. Авторами предложены различные формы работы с детьми, имеющими особые потребности, дающие возможность каждому ребенку получать дошкольное образование в соответствии со своими интеллектуальными и психологическими особенностями.

Results of research of the families which are bringing up children with special needs are given in article. The purpose of article is studying of the problems connected with treatment and education of the sick child, identification of the main social problems of this type of families, and also consideration of possible versions of their decision. A number of the characteristics defining adaptive opportunities of these families is studied. Authors offered various forms of work with the children having a special need, giving the chance to each child to get a preschool education according to the intellectual and psychological features.

Ключевые слова: дети с особыми потребностями, семьи с детьми с ограниченными возможностями, социально-психологическая поддержка семей, семейные отношения.

Keywords: children with special needs, families with children with limited opportunities, social and psychological support of families, the family relations.

Одной из социальных групп населения, нуждающихся в специально организованной помощи государства и социальных служб, являются семьи, в которых воспитываются дети с особыми потребностями. Семья ребенка с особыми потребностями сравнительно недавно стала объектом изучения и социального действия. Отчасти, на наш взгляд, это обусловлено тем, что в ранних школах семейной теории и терапии не уделялось в достаточной мере особого внимания хронически больным индивидам в контексте их семьи [10]. Однако в настоящее время происходит усиление внимания со стороны общества к детям и взрослым с особыми потребностями, обеспечивающего новый уровень интегрированных знаний в этой сфере [12].

Особое значение в разработке названной проблемы приобретает факт признания того, что нарушение психического и физического развития человека часто не является лишь медицинским явлением ни по причинам возникновения, ни по последствиям. Согласно Федеральному закону РФ «О социальной защите инвалидов в РФ» (24.11.1995 г., № 181) «Инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеванием, последствием травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты... Ограничение жизнедеятельности – это полная или

частичная потеря лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью» [8]. Особые потребности трактуются специалистами как состояние – процесс, в котором специфические нарушения (функций организма, условий среды) делают деятельность человека или функционирование его органов затрудненным или невозможным [3].

Развитие российского общества по пути гуманности требует осознания проблем обособленности, не типичности, развития толерантности и предоставления социальных гарантий детям с особыми потребностями в аспекте нормализации их жизни, социального участия [11]. Соответственно, программа медико-психологического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с особыми потребностями должна быть основана на комплексном подходе к проблеме при сохранении широкого социального контекста и на базе анализа реальных семейных затруднений, потребностей и ресурсов их решения [1].

Однако зачастую семьи, воспитывающие детей с особыми потребностями, оказываются в обстановке изоляции, проявляющейся в отгороженности общества и государства от забот родителей, борющихся за жизнь и здоровье ребенка, страдающего тем или иным заболеванием [6; 9]. Таким семьям со временем

становятся присущ целый ряд негативных психологических и социальных особенностей. При этом, как отмечает М. А. Гусева с соавт., важным фактором уменьшения травматизации родителей является их способность оказывать эмоциональную поддержку друг другу. В ситуации с появлением в семье ребенка с особыми потребностями, частым вариантом может являться уход одного из супругов (как правило, мужа) в дисфункцию (алкоголизм, потеря работы и т. п.). Возникающие при этом обиды, непроговоренные взаимные претензии, тяжесть переживаний вызывают ухудшение отношений и могут привести к их разрыву, нередко во время госпитализации ребенка (7,7 % семей) [6]. Для организации комплексного медико-психологического-социального сопровождения семей с детьми, имеющими тяжелое заболевание, необходимо изучить проблемы, связанные с лечением и воспитанием больного ребенка [7].

В опросе приняли участие 156 матерей, дети которых имеют следующие заболевания: нервно-психические (детский церебральный паралич, опухоли нервной системы, олигофрения, болезнь Дауна, аутизм), заболевания внутренних органов (хронический туберкулез, хронический агрессивный гепатит, непрерывно-рецидивирующий язвенный процесс, порок сердца, лейкоз, лимфогранулематоз), поражения и заболевания органа слуха.

С помощью анкетирования нами изучены характеристики, определяющие адаптивные возможности этих семей: социально-экономические, социально-демографические (состав семьи, брачный статус), возраст, образование, взаимоотношения с микро и макроокружением. При изучении возрастной структуры опрошенных выяснилось, что 22,5 % от общего количества матерей находятся в возрастной группе 24 – 29 лет; 67 % – в возрастной группе 30 – 45 лет; 10,5 % – в возрасте 46 – 49 лет. Проведенный анализ позволяет утверждать, что большинство опрошенных женщин находилось в возрасте, который предполагает высокий уровень социально-экономической адаптации семьи, наличие сформировавшихся поведенческих установок, жизненных стратегий, прочных социальных связей, профессиональных навыков и ценностных ориентаций.

По типу семьи распределились следующим образом:

- 1) полные – 78 %;
- 2) неполные – 22 %.

Среди неполных семей мы выделили семьи, где мать ребенка:

- 1) официально в разводе (13,6 %);
- 2) официально замужем, но брак сохранен формально (1,1 %);
- 3) мать-одиночка (3,3 %); 4) вдова (4 %).

С учетом сравнительно молодого возрастного состава опрошенных женщин обращает на себя внимание довольно высокий процент вдов – 4 %. Поэтому представилось целесообразным проанализировать возраст и причины смерти супружов. Основная причина смерти брачного партнера – сердечнососудистые и другие тяжелые заболевания. Причем большинство умерших супружов находились в молодом или среднем возрасте. Вышеизложенное позволяет предполо-

жить, что вся ситуация воспитания и лечения тяжело больного ребенка в семье является негативным стрессогенным фактором, существенно ухудшающим состояние здоровья родителей, детерминирует возникновение и развитие заболеваний, имеющий психологическую и психосоматическую природу. Это подтверждается и тем фактом, что только 18 % опрошенных женщин оценили состояние своего здоровья, как хорошее; 67 % – среднее и плохое – 15 %.

Также опрос матерей по методике оценки семейных потребностей Д. Бэйли и Р. Симеонсона [13] позволил нам выявить иерархию потребностей семьи, воспитывающей ребенка с особыми потребностями и провести сравнительный анализ результатов. Пирамиду потребностей можно представить следующим образом:

- основные расходы (лечение, массаж, приобретение дорогостоящих лекарств (витаминных препаратов), средств гигиены, протезов, слухового аппарата, ортопедической обуви, инвалидного кресла и др.);
- поиск медицинских специалистов и организация лечения ребенка;
- консультации специалистов в смежных областях наук;
- организация обучения ребенка (на дому, в школе-интернате; в специализированном дошкольном образовательном учреждении и др.);
- организация отдыха с ребенком (санаторий, летний загородный отдых и др.);
- расширение информационного пространства (исчерпывающие средства о функциональных нарушениях здоровья ребенка, о мерах государственной поддержки инвалидов, о социальных ресурсах их поддержки, о вариативных способах лечения).

Также опрошенным было предложено указать наиболее значимые для них варианты помощи больному ребенку со стороны государства.

Результаты опроса показали, что большинство семей предпочитает содержать ребенка с особыми потребностями в условиях семьи (не прибегая к услугам специализированных учреждений, предназначенных для содержания детей-инвалидов), но при этом рассчитывает на помочь государства в процессе лечения, воспитания и развития ребенка с особыми потребностями.

Таким образом, наше исследование показало, что жизнь большинства семей, имеющих в своем составе ребенка с особыми потребностями, характеризуется определенным набором социальных проблем:

1. Активность родителей, проявляющаяся в экономических, медицинских и социальных вопросов не обеспечивает оптимального развития. Наблюдается снижение социального статуса взрослых, воспитывающих ребенка с особыми потребностями, существенно снижается уровень материального благосостояния. Постепенное возрастание количественных и качественных показателей проблемного поля детерминирует нарушение и стимулирует возникновение различных вариантов деструкций внутрисемейных отношений.

2. Члены семей, в которых воспитывается ребенок с особыми потребностями, неосознанно исполь-

зуют механизмы психологической защиты и приобретают статус изолированных или отвергнутых как ближайшим окружением, так и социальными институтами.

3. Воспитание ребенка с особыми потребностями становится делом отдельно взятой семьи, которая получает разрозненный, нескоординированный спектр услуг, часто добиваясь положенного с помощью психологических манипуляций.

4. Серьезной проблемой остается отсутствие квалифицированного диагноза. Чаще всего диагноз устанавливается на 1 или 2 – 3 году жизни; только у 10 % из всех опрошенных диагноз поставлен сразу после рождения (тяжелые поражения ЦНС и врожденные пороки развития). Диспансерное медицинское обслуживание не предполагает этапности и пролонгированности. Вид и содержание помощи часто определяется не показаниями, а имеющимися возможностями в конкретном медицинском учреждении.

5. В большинстве больниц нет психологических служб, также не во всех стационарах и учреждениях санаторного типа предусмотрены ставки психологов и специалистов по психолого-педагогическому сопровождению развития, не налажена психолого-медицинско-социальная работа по поддержке этой группы населения.

Полученные данные являются основанием для разработки системы мер, направленных на комплексную психолого-медицинско-социальную помощь семей, воспитывающих ребенка с особыми потребностями [1]. Мы предлагаем следующие формы работы с детьми с особыми потребностями [2].

1. Открытие интегративных групп, которые посещают как дети с особенностями развития, так и их обычно развивающиеся сверстники. Число детей в группах от 10 до 12 человек. В каждой группе работают два воспитателя, младший воспитатель, логопед, дефектолог и психолог. Опыт работы показывает, что в интегративных группах должно быть определенное соотношение нормально развивающихся детей и детей с особыми потребностями. Недопустимо наличие одно или двух детей. Практика работы в европейских странах ориентирует педагогов на создание ГРУ, в которых соотношение представлено 1/4 или 1/5. Предпосылкой для успешного осуществления интеграции детей с особыми потребностями в социум служит комплексная психолого-медицинско-педагогическая диагностика каждого ребенка с последующей выработкой и осуществлением индивидуальных программ коррекции и социализации. Интеграция обеспечивает включение детей с особыми образовательными потребностями в развитие в общий поток образования, а также приспособление обычного воспитания к специальным нуждам ребенка путем предоставления нужной информации педагогам и одновременной подготовки самого ребенка и его семьи. Специалисты работают по принципу междисциплинарной команды, где каждый специалист использует методы смежных специальностей, дополняя друг друга. Отметим, что такие детские сады уже успешно функционируют в России [4].

2. Открытие центров ранней социализации для детей от рождения до 4 лет и их родителей. В данных

образовательных организациях ребенок получает первый социальный опыт, реализует возможность общения и взаимодействия. Родители общаются, играют с собственным ребенком, наблюдают за другими детьми, за взаимоотношениями ребенка со сверстниками. Родители реализуют возможность получить квалифицированную помощь специалистов по вопросам воспитания, развития, предупреждения возможных нарушений и коррекции наблюдаемых проявлений в поведении ребенка.

3. Открытие интернет-порталов для взаимодействия всех субъектов воспитательно-образовательного процесса. Родители смогут общаться в форуме, задавать вопросы специалистам, обсуждать удачные и нереализованные способы воздействия, делиться своими сомнениями и победами. Родителям детей предлагается иметь персональные странички-дневники, где записывается история развития ребенка от первых движений до событий, произошедших на данном этапе развития. Воспитатели и специалисты смогут получить данные о ребенке со слов родителей, другими словами иметь информацию о важных для ребенка вещах, событиях, иметь возможность сопоставлять описанные ситуации с возрастными параметрами развития. В свою очередь, специалисты будут делать записи о том, чем занимался ребенок в течение дня в детском саду, на что следует обратить внимание самим родителям.

4. Организация совместной деятельности детей и родителей в игротеки, леготеки, изотеки, видеотеки и т. д. Посещение различных «тек» обеспечивает эффективное взаимодействие ребенка с родителями. Взрослый в практической деятельности понимает, что ребенка нельзя отправить поиграть, умения и навыки игрового поведения формируются в совместной деятельности ребенка со взрослым. Необходимо научить родителей правильно использовать тот материал, который есть в детском саду, объяснить действие механизмов интериоризации, обеспечение реализации которых определяется наличием образцов и примеров, предъявляемых ребенку значимым взрослым.

5. Дошкольный микрорайонный центр (ДМЦ), представляющий собой упорядоченную совокупность различных форм дошкольного образования на своей территории [5]. Центр может создаваться на базе дошкольной образовательной организации по инициативе заведующей или персонала. ДМЦ охватывает все помещения, все открытые площадки, все ресурсы данной территории, оптимально сочетая принципы свободного предпринимательства с принципами госконтроля.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что предлагаемые варианты дают возможность каждому ребенку получать дошкольное образование в соответствии со своими особыми образовательными потребностями. При этом практически бесплатно и независимо от социального положения родителей, уровня их доходов достигаются максимальное удовлетворение их потребностей на базисном уровне при достаточно широкой дифференциации подходов к развитию ребенка и оптимальном сочетании семейного и общественного воспитания дошкольников.

В нашем понимании разнообразные формы работы с родителями, воспитывающими детей с особыми потребностями, обеспечат построение системы социально-психологического сопровождения, которая включает: дом для детей – безопасный и комфортный; школу родителей с творческими мастерскими и мастер-классами; оздоровительный и спортивный центр; культурный центр (библиотека, игротека); научный

центр рядом с домом (экспериментальный, инновационный; консультационно-справочный).

Создание педагогических условий, оптимальных для каждого ребенка, в том числе и имеющего особые образовательные потребности, на основе личностно-ориентированного подхода предполагает формирование адаптивной социально-образовательной среды, интегрированность процесса управления деятельностью дошкольной образовательной организации.

Литература

1. Белогай К.Н., Морозова И. С., Отт Т. О. Диагностическая и коррекционно-развивающая работа с семьями, воспитывающими ребенка с особыми потребностями: учебно-методическое пособие. Кемерово, 2014. 97 с.
2. Белогай К. Н., Морозова И. С., Отт Т. О. Технологии поддержки психического развития ребенка с особыми потребностями в условиях дошкольного образовательного учреждения: учебно-методическое пособие. Кемерово, 2014. 94 с.
3. Боровая Л. П. Социально-психологическая помощь семьям, имеющим тяжело больных детей // Социально-педагогическая работа. 1998. № 6. С. 59 – 63.
4. Бурмистрова Л. Л. Детский сад будущего // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2007. Режим открытого доступа: <http://www.sdo-journal.ru/journalnumbers/detskij-sad-budushego.html> (дата обращения: 30.04.2015).
5. Гришаева Н. Социальные проблемы дошкольного воспитания // Дошкольное образование. 2002. № 18. Режим доступа: <http://dob.1september.ru/article.php?ID=200201814> (дата обращения: 30.04.2015).
6. Гусева М. А., Антонов А. И., Лебедь О. Л., Карпова В. М., Цейтлин Г. Я. Социальные проблемы семей, имеющих детей-инвалидов с онкологическими заболеваниями // Высшее образование для XXI века: 6-я Международная научная конференция. Москва, 19 – 21 ноября 2009 г.: Доклады и материалы. Секция 8. Социальное образование / отв. ред. С. В. Овчинникова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009.
7. Дарлинг Р., Селигман М. Обычные семьи, особые дети / перев. М.: Теревинф. 2007. 368 с.
8. Зозуля Т. В., Свиступова Т. В. Комплексная реабилитация инвалидов. М., 2005. 288 с.
9. Исаев Д. Н. Психология больного ребенка: лекции. СПб., 1993. 76 с.
10. Климантова Г. И. Государственная семейная политика современной России. М., 2004. 192 с.
11. Маллер А. Р. Ребенок с ограниченными возможностями: книга для родителей. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 80 с.
12. Морозова И. С., Белогай К. Н., Отт Т. О. Социально-психологическая поддержка семей, воспитывающих дошкольников с особыми потребностями // Вестник КемГУ. 2014. № 3-1. С. 131 – 135.
13. Павленок П. Д. Технология социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. М., 2008. 608 с.

Информация об авторах:

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития КемГУ, ishmoroza@yandex.ru.

Irina S. Morozova – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Chair of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Белогай Ксения Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, belogi@mail.ru.

Kseniya N. Belogay – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Отт Татьяна Олеговна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, Olegovna5555@ya.ru.

Tatyana O. Ott – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 25.06.2015 г.

УДК 159.922.7:364.694:616.899

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

O. O. Олифер

SOCIAL ADJUSTMENT OF CHILDREN WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

O. O. Olifer

В статье проанализированы основные трудности, связанные с включением в российское общество детей с особыми образовательными потребностями. Социализация таких детей сопряжена с выполнением ряда социально-экономических условий, основным из которых является получение качественного образования. Мы рассматриваем инклюзивное образование как наиболее эффективную возможность социализации детей с особыми образовательными потребностями.

Было проведено эмпирическое исследование с целью изучения отношения взрослых участников образовательной среды к возможности совместного обучения в общеобразовательных школах здоровых детей и детей с особыми образовательными потребностями. В качестве респондентов выступили: педагоги общеобразовательных школ, родители здоровых детей школьного возраста, родители детей с особыми образовательными потребностями: детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья школьного возраста.

Большинство опрошенных родителей считают, что образовательная инклюзия вполне возможна и даже необходима, однако, среди учителей такого же мнения придерживаются не более 30 %. Но лишь небольшой процент учителей выразил готовность работать с такими школьниками наравне с обычными. Анализ результатов анкетного опроса позволил сделать вывод о том, что нежелание учителей, их неготовность к обучению детей-инвалидов в общеобразовательной школе связана не с отрицательным отношением педагогов к таким детям, а с отсутствием четко разработанной системы обучения особых детей в общеобразовательной школе, отсутствием учебных программ для инклюзивных классов и критерии оценки таких учеников.

The article analyzes major difficulties connected with social adjustment of children with special educational needs to Russian society. Social adjustment of such children is associated with the implementation of a number of socio-economic conditions. One of the main conditions is getting a high quality education. We consider inclusive education as the most effective possibility for social adjustment of children with special educational needs.

Empirical study was conducted to examine the attitude of adult participants of educational process to the possibility of integrated co-teaching of both upstanding children and those with the special educational needs. Those surveyed were regular school teachers, parents of upstanding school-aged kids, parents of children with special educational needs: school-aged disabled and special needs children.

Most parents consider educational inclusion to be possible and even necessary, though, only 30 % of teachers think the same way. A small percentage of teachers express readiness to teach special needs children along with healthy ones. The questionnaire survey analysis has allowed establishing that teachers' unwillingness to do with disabled children at regular schools is not connected with negative attitude towards such children but with lack of well-defined system of teaching special needs children at regular schools, lack of educational programs and academic progress assessment for inclusive classes.

Ключевые слова: дети с особыми образовательными потребностями, социализация, педагоги, родители, образование, инклюзия, отношение к инклюзии.

Keywords: children with special educational needs, social adjustment, teachers, parents, education, inclusion, attitude to inclusion.

Получение образования детьми с ограниченными возможностями здоровья является одним из основных и неотъемлемых условий их успешной социализации, обеспечения их полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности. В связи с этим обеспечение реализации права детей с ограниченными возможностями здоровья на образование рассматривается как одна из важнейших задач государственной политики не только в области образования, но и в области демографического и социально-экономического развития Российской Федерации [6].

В дошкольном периоде жизни детей инклюзия как способ, как форма взаимодействия считается более плодотворной и дает наибольший эффект. Прежде всего, у детей дошкольного возраста нет предубеждений против сверстников с ограниченными возможно-

стями. У них легко воспитывается отношение к психическим и физическим недостаткам, как к таким же субъективным особенностям иного лица, как голос, цвет волос и глаз. Американские ученые считают, что, вводя инклюзию в дошкольном возрасте в образовательную среду, мы воспитываем поколение с гуманным отношением к другим людям, в том числе к людям, которые имеют особенности в развитии [5].

Помимо этого, компонентом успешной инклюзии и интеграции детей с особыми образовательными потребностями в среде здоровых сверстников считается подготовка окружения к таким процессам посредством обучающих программ повышения квалификации для узких специалистов и массовых программ повышения компетентности родителей. В особенной поддержке нуждаются педагоги, работающие в классах инклюзивного образования. Психолог помогает пре-

ПСИХОЛОГИЯ

одолеть тревожность и страх, который связан с поиском правильных подходов во взаимодействии со школьниками с особыми потребностями в образовании и воспитании [7].

Родители детей с особыми образовательными потребностями настаивают на включение их детей в обычное детское сообщество. В первую очередь, это связано с тем, что в системе специального (коррекционного) обучения с прекрасно отработанной методикой обучения детей с особыми образовательными потребностями слабо развита общественная адаптация этих детей в реальном мире – ребенок находится в изоляции от общества. Естественно, дети с особыми образовательными потребностями адаптируются к жизни в общеобразовательных учреждениях более эффективно, чем в специализированных учреждениях: ощутима разница в приобретении общественного опыта; у здоровых детей улучшаются учебные способности, развивается самостоятельность, активность и толерантность. Однако до сих пор открытым является вопрос о формировании процесса обучения и развития детей с особыми образовательными потребностями в массовых школах. Это связано с нехваткой специалистов, неподготовленностью кадров, отсутствием методического инструментария и др. [2].

Администрация и педагоги общеобразовательных учреждений, которые приняли идею инклюзивного образования, остро нуждаются в помощи по отработке механизма взаимодействия между участниками процесса образования и формированию педагогического процесса, где основной фигурой считается ребенок. Пространство инклюзии подразумевает доступность и открытость как для детей, так и для взрослых. Чем больше партнеров у общеобразовательных учреждений, тем более успешным будет школьник. Круг партнеров весьма широк: общественные и родительские организации, центры педагогической и психологической реабилитации и коррекции, специальные (коррекционные), общеобразовательные и дошкольные учреждения, профессиональные центры и высшие учебные заведения повышения квалификации, методические центры, управление образования, департамент образования [3].

Педагоги не всегда готовы работать со школьниками, которые имеют ограниченные возможности в развитии. Существуют пробелы как в качестве подготовки специалистов, так и неготовности учреждений принимать таких школьников.

Идея инклюзивного обучения предъявляет особые требования к личностной и профессиональной подготовке специалистов, имеющих базовое коррекционное образование, и преподавателей со специальным компонентом профессиональной квалификации и с базовым уровнем знаний. Базовый компонент – это профессиональная педагогическая подготовка (навыки и умения, методические, педагогические, психологические, предметные знания), а специальный компонент – педагогические и психологические знания:

1. Умение реализовывать разные способы педагогического взаимодействия между субъектами образовательной среды (с руководством, специалистами, коллегами-учителями, родителями, с учениками в группах и индивидуально).

2. Знание методов дидактического и психологического проектирования процесса обучения.

3. Знание психологических особенностей и закономерностей личностного и возрастного развития детей в условии инклюзивной образовательной среды.

4. Понимание и представление того, что такое инклюзивное обучение, в чем его отличие от традиционной формы обучения [1].

Актуальным считается вопрос о понимании масштаба инклюзии, которая основана на содержании школьной модели образования, одинаковой для всех школьников вне зависимости от их воспитания и привычек (школьники должны приспосабливаться к правилам, режиму и нормам системы образования). Или она, наоборот, предполагает использование и концептуализации широкого спектра образовательных стратегий, которые отвечают многообразию школьников (образовательная система должна отвечать на потребности и ожидания молодежи и детей) [5].

Необходимо реально оценивать значимость инклюзии для развития не только детей с особыми образовательными потребностями, но и общества в целом.

Одна из наиболее актуальных демографических и социально-экономических проблем российского социума на современном этапе – это включение в общество детей с особыми образовательными потребностями. В российском обществе сегодня наблюдается стабильное сокращение численности населения трудоспособного возраста и сохранение тенденции к ухудшению его качественного состава. Обе указанные негативные тенденции происходят на фоне роста уровня инвалидизации молодёжи и детей, что становится значимым ограничением экономического развития государства. Социализация детей с особыми образовательными потребностями позволит им включаться и активно участвовать в жизни общества – это значит, что они смогут участвовать в жизни общества, в развитии экономики страны и её стабильном функционировании [2].

Социализация – это развитие и самостоятельное изменение человека в процессе воспроизведения и усвоения культуры, что идёт во взаимодействии человека с целенаправленно создаваемыми, относительно направляемыми либо стихийными условиями жизни на любых возрастных этапах [3, с. 9]. В процессе социализации человек или ребенок становится личностью, приобретая знания, навыки и умения, самые необходимые для жизни в обществе. Социализация предполагает также усвоение норм и ценностей соответствующего общества, выступающих важными социальными регуляторами поведения [10].

Основной проблемой детей с особыми образовательными потребностями является нарушение их связи с миром, ограниченная мобильность, скудность контактов с взрослыми и со сверстниками, недоступность ряда культурных ценностей и ограничение общения с природой, а в ряде случаев и элементарного образования. Эта проблема стала итогом сложившегося общественного сознания и социальной политики, которые санкционировали развитие общественного транспорта, архитектурной среды и социальных служб, недоступных для инвалидов. Ребенок, имеющий инвалидность, даже будучи также способен и

талантлив, как и его сверстники, у которых нет проблем со здоровьем, не имеет возможности обнаружить и развить свои таланты и дарования, приносить пользу обществу с их помощью, во все этом ему мешает ощущение неравенства возможностей [4; 8 – 9].

Ребёнок не является каким-то пассивным объектом социальной помощи, он – человек развивающийся, имеющий право удовлетворять свои разносторонние социальные потребности в общении, познании или творчестве. Государство должно не только предоставить ребенку с особыми образовательными потребностями определенные привилегии и льготы, оно призвано идти навстречу его социальным потребностям и создавать систему социальных служб, которые позволяют нивелировать те ограничения, которые препятствуют процессу его индивидуального развития и социализации.

Сегодня интернаты и специальные школы признаны скорее сегрегационными, а это имеет характер дискриминационный и выражает «навешивание социальных ярлыков». И потому активно развивается система образования для детей с особыми потребностями по типу интеграции.

Эффективность социальной интеграции лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, по большому счету зависит от двух значимых социально-психологических факторов [9]:

– достоверности и полноты информированности по проблемам и правовой грамотности в отношении учащихся детей с особыми образовательными потребностями и учителей разных типов образовательных учреждений;

– воспитания, психологической толерантности к инвалидам в общеобразовательных школах и развитие умения и желания оказывать детям с особыми образовательными потребностями помочь для их эффективной самореализации.

Учитывать указанные факторы необходимо для социальной интеграции и формирования комплексной системы медико-социальной и психолого-педагогической реабилитации таких детей. Одно из направлений решения указанной проблемы социализации детей с особыми образовательными потребностями – это определение психолого-педагогических и социально-психологических факторов и неблагоприятных личностных и индивидуальных особенностей, которые затрудняют развитие и самореализацию этих детей.

Определение структуры системы специального образования, способы, пути, организационные формы и психолого-педагогические условия их реализации в нынешних нравственно-психологических и социально-экономических условиях общества – это оказание помощи детям, имеющим ограниченные возможности здоровья, в процессе включения или входа в социальные общественные отношения.

Социально-педагогическое значение формирования и развития социального потенциала детей с особыми образовательными потребностями заключено в целенаправленной и полноценной психолого-педагогической поддержке детей, раскрытии их личностного потенциала в разных формах деятельности. Социализация детей с особыми образовательными потребностями может быть достигнута посредством проведе-

ния индивидуальной программы социально-педагогической реабилитации и подготовки окружающих (взрослых и детей) к восприятию и принятию детей с особенностями в развитии (организация школы помощника социального педагога, движения детского милосердия и др.).

Социально-педагогическая деятельность по развитию социального потенциала детей с особыми образовательными потребностями, направленная на их успешную социализацию, включает следующие направления [1]:

– развития физических и духовных способностей детей;

– поддержки, повышения и постоянного восстановления моральных и физических сил, а также душевного равновесия;

– облегчения жилищных и бытовых условий, организация и проведение свободного времени, полноценное участие в культурной и общественной жизни;

– содействия при получении соответствующего образования, в том числе и подготовку к нему;

– обеспечения условий для того, чтобы дети с возможностями, окончательно признанными как допускающие обучение исключительно навыкам практическим, могли принимать участие в жизни общества;

– установления более комфортного и реального контакта с внешним миром.

Особо важная социальная проблема детей с особыми образовательными потребностями, как считают специалисты [9; 11], заключается в отсутствии специальных нормативных актов и законов, которые устанавливают ответственность органов государственного управления и власти, должностных лиц организаций и учреждений за реализацию прав таких детей на социальную реабилитацию, охрану здоровья и независимое существование.

Решать социальные проблемы детей с особыми образовательными потребностями, связанные с включением их в общество, необходимо комплексно, при участии органов управления социальной защиты населения, здравоохранения, образования, экономики, культуры, транспорта, строительства и архитектуры, и в то же время нужно разрабатывать единую, целостную систему социальной реабилитации.

При комплексном взаимодействии общественных и государственных структур может быть достигнут достаточный уровень адаптации детей с особыми образовательными потребностями, который обеспечит им возможность самообслуживания, самоорганизации; возможность трудиться, внося посильный вклад в развитие культуры и экономики государства, чтобы ощущать себя полноправными членами общества.

Все вышесказанное послужило основанием для проведения эмпирического исследования с целью изучения отношения взрослых участников образовательной среды к возможности совместного обучения в общеобразовательных школах здоровых детей и детей с особыми образовательными потребностями. Были определены три группы респондентов: педагоги общеобразовательных школ, родители здоровых детей школьного возраста, родители детей с особыми образовательными потребностями: детей-инвалидов и де-

тей с ограниченными возможностями здоровья школьного возраста.

Анкетирование учителей и родителей проводилось в период с февраля по март 2015 г. в общеобразо-

зовательных школах г. Хабаровска, на базе которых внедрен инклюзивный метод. Ответы респондентов представлены в таблице.

Таблица

Отношение к совместному обучению в общеобразовательных школах здоровых детей и детей с особыми образовательными потребностями

Вопросы	Педагоги			Родители здоровых детей			Родители детей-инвалидов		
	да, %	нет, %	другое	да, %	нет, %	другое	да, %	нет, %	другое
Возможно ли обучение детей-инвалидов в массовой школе?	89.4	10.6	0	86.3	13.7	0	50	45.2	4.8
Могут ли в одном классе обучаться дети-инвалиды и обычные дети?	100	0	0	72.8	22.7	4.5	61.9	30.9	7.2
Получают ли дети-инвалиды большие возможности для своего развития в массовой школе?	84.3	15.7	40.7	18.1	81.9	0	95.2	4.8	0
Может ли негативно повлиять на качество обучения совместное обучение детей?	21	73.6	5.4	13.6	86.4	0	14.3	76.2	9.5
Повысится ли в результате совместного обучения качество образования?	47.3	36.9	15.8	72.7	27.3	0	76.2	19	4.8
Научатся ли взаимопомощи и терпению дети, обучаясь вместе с детьми-инвалидами?	52.6	41.2	6.2%	86.4	13.6	0	90.5	9.5	0
Обучаясь совместно, дети не смогут найти общий язык и будут конфликтовать?	31.5	68.5	0	27.8	68.2	4	38.1	61.9	0
Совместное обучение усугубит физические, психологические и психические проблемы детей-инвалидов?	73.7	26.3	0	59.1	40.9	0	26.2	71.4	2.4
Дети-инвалиды не смогут справиться с программой массовой школы?	36.9	52.7	10.4	77.2	18.2	4.6	42.9	47.6	9.5
В результате совместного обучения, поймут ли заинтересованные стороны, что дети-инвалиды нуждаются в помощи и внимании?	89.6	5.2	5.2	31.9	68.1	0	54.8	42.8	2.4%

В индивидуальной беседе 4,5 % из общего числа опрошенных родителей здоровых детей и 4,8 % родителей детей-инвалидов высказали мнения, среди которых наиболее часто встречающимся было высказывание о том, что совместное обучение с детьми-инвалидами возможно по соматическому состоянию здоровья, но не с детьми с заболеваниями центральной нервной системы или психическими расстройствами.

Подобная установка, разделяющая детей-инвалидов на «хороших» и «плохих», характерна для современного общества. Многочисленные исследования психологов подтверждают, что наиболее приемлемыми партнерами по общению и взаимодействию здоровые дети и их родители считают детей-инвалидов с

нарушениями опорно-двигательного аппарата и с соматическими заболеваниями. В наименьшей степени здоровые члены общества готовы строить межличностные отношения с детьми-инвалидами с умственной отсталостью и психическими заболеваниями.

Большинство опрошенных родителей считают, что образовательная инклюзия с детьми с особыми образовательными потребностями вполне возможна и даже необходима, однако, среди учителей такого же мнения придерживаются не более 30 %. Но лишь небольшой процент учителей выразил готовность работать с такими школьниками наравне с обычными.

Анализ результатов анкетного опроса позволил сделать вывод о том, что нежелание учителей, их неготовность к обучению детей-инвалидов в общеобразо-

зовательной школе связана не с отрицательным отношением педагогов к таким детям, а с отсутствием четко разработанной системы обучения особых детей в общеобразовательной школе, отсутствием учебных программ для инклюзивных классов и критериев оценки таких учеников. Статистика показывает необходимость дополнительной переподготовки преподавательского состава в случае расширения сферы инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями. Всего 1/5 часть учителей считают, что их уровень квалификации позволит работать с детьми с особыми образовательными потребностями.

В настоящее время существует много препятствий на пути включения детей с особыми образовательными потребностями в обычную школу. Средняя общеобразовательная школа комплектуется из детей по главному признаку – по состоянию интеллектуаль-

ного развития. Если ребенок – инвалид по слуху, зрению, опорно-двигательному аппарату, но с интеллектуальным показателем нормы, то было бы замечательно, если бы он учился в общеобразовательной школе. Но при условии, что для него будут созданы все условия: от необходимого подъемника, лифта, туалета до морально-психологического климата. Задача учителя – помочь детям принять ребенка с особыми образовательными потребностями, создать такую атмосферу в классе, чтобы этого ребенка не воспринимали как инвалида.

Анализ проблемы социализации детей с особыми образовательными потребностями показал, что это процесс, полностью зависимый от действий универсальных социально-психологических и психологических механизмов, от особенностей восприятия обществом таких детей и характера взаимодействия их с другими членами общества.

Литература

1. Агавона Е. Л., Алексеева М. Н., Алексина С. В. Готовность педагогов как главный фактор успешности инклюзивного процесса в образовании. М., 2011. 302 с.
2. Алексина С. В. Инклюзивное образование в Российской Федерации: доклад // Международный симпозиум «Инвестиции в образование – вклад в будущее». М., 2010. 102 с.
3. Голованова Н. Ф. Социализация и воспитание ребенка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
4. Иванов М. С., Яницкий М. С. К проблеме оценки потенциала самореализации личности в процессе обучения // Философия образования. 2004. № 3(11). С. 233 – 241.
5. Михальченко К. А. Инклюзивное образование – проблемы и пути решения // Теория и практика образования в современном мире. СПб.: Реноме, 2012. 206 с.
6. Пенин Г. Н. Инклюзивное образование как новая парадигма государственной политики. СПб.: Вестник Герценовского университета, 2010. 47 с.
7. Семаго Н. Я. Роль школьного психолога на начальных этапах организации инклюзивного образования в школе // Пути развития инклюзивного образования в Центральном округе: сб. статей / под общ. ред. Н. Я. Семаго. М.: ЦАО, 2009. 56 с.
8. Сокольская М. В. Ценностные ориентации в структуре личности и деятельности подростков. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2004. 119 с.
9. Тригер Р. Д. Психологические особенности социализации детей с задержкой психического развития. СПб.: Питер, 2008. 192 с.
10. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 82 – 97.
11. Ярская-Смирнова Е. Р., Лошакова И. И. Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования. М., 2003. № 5. С. 100 – 106.

Информация об авторах:

Олифер Ольга Олеговна – старший преподаватель кафедры психологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск, mvsokolskaya@mail.ru.

Olga O. Olifer – senior lecturer, Psychology Department, Far Eastern State University of Humanities, Khabarovsk.

Статья поступила в редакцию 29.07.2015 г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК ПРОДУКТ И КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ
В. П. Песков

REPRESENTATION AS A PRODUCT AND AS A PROCESS OF SOCIAL COGNITION
V. P. Peskov

Рассматривается связь таких психологических категорий, как сознание, самосознание и представление. Показывается, что одним из мотивов изучения представления является изучение возможностей человека по осознанию и пониманию мира и себя. Вскрывается социальная детерминированность как содержания, так и самого процесса представления. Обосновывается положение о том, что представление, с самого начала, это активный, постоянно меняющийся во времени процесс, проявляющий себя не только в состоянии активного покоя, но и в состоянии формирующей активности, изменяющий, порождающий представляющего. В статье рассматривается роль внешнего и внутреннего, врожденного и приобретенного в развитии представления. Доказывается, что представление имеет врожденную основу. Выделяются первичный и вторичный уровни развития представления, даются критерии и характеристики, предпосылки каждого уровня, показывается, что они возникают не одновременно. Указывается на то, что выделенные критерии в одинаковой степени относятся как к представлению себя, так и к представлению мира. Делается вывод, что врожденная основа выступает в качестве ядра дальнейшего развития этих представлений и позволяет представлять и истолковывать физический мир и себя, опережая способность активно действовать в нем.

Examines the relationship of such psychological categories as consciousness, self-consciousness and representation. It is shown that one of the motives for studying representation is the study of human abilities, awareness and understanding of the world and ourselves. Opened social determinism both the content and the submission process. It is proved that the representation, from the beginning, it is an active, ever-changing process in time, manifesting itself not only in a state of active rest, but also in a state forming activity of changing, generating represents. The article discusses the role of internal and external, congenital and acquired in the development of the submission. It is proved that the representation has an innate basis. Outstanding primary and secondary levels of development of the submission, given the criteria and characteristics, the prerequisites of each level, it shows that they do not occur simultaneously. Indicates that the selected criteria applies equally to the representations yourself and to the representations of the world. It is concluded that a congenital basis acts as a nucleus for further development of these representations, and allows you to present and interpret the physical world and themselves ahead of the ability to be active in it.

Ключевые слова: представление себя, представление мира, метапредставление, филогенетические предпосылки, антиципация, субъектность, психическая активность.

Keywords: representations yourself and to the representations of the world, metarepresentations, phylogenetic background, anticipation, subjectivity, mental activity.

Актуальность исследования взаимоотношений таких психологических категорий, как сознание, самосознание, представление, обусловлена онтологическим переосмысливанием функциональной роли представления в системе взаимоотношений «человек-мир». Мы согласны с И. С. Якиманской [15] в том, что освоение человеком реального мира начинается с чувственного познания, действия, непосредственного контакта с миром людей и вещей, явлений природы, накопления разнообразных эмпирических впечатлений, которые обогащаются в своем содержании по мере их «социализации», перестраиваются в ходе овладения общественно-историческим опытом, что изменяет отношение человека к предметному миру, его осмысление, понимание, использование в практической деятельности.

Д. Жодле указывал, что: «Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределена контекстом и условиями его возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым оно служит во взаимодействии с миром и другими людьми» [3, с. 361 – 362].

История психологии позволяет сегодня утверждать, что психика возникла как регулятор отношений организма и среды. В. Д. Шадриков, указывает, что: «Именно посредством ощущений, восприятий, представлений, независимо от их осознания, происходит отражение действительности... Сознание есть вторичная субъективная форма существования психического. Это отражение психического в себе. Отражение своих ощущений, представлений, переживаний, мыслительной деятельности. Это рефлексия, интроспекция, самосознание. Процесс осознания явлений психики связан с осознанием их предметности... Предметность психического процесса приводит к тому, что у каждого индивида формируется наглядно-практический субъективный образ внешнего мира... формируется идеальный образ внешнего мира» [13, с. 44 – 45].

У другого отечественного исследователя А. Г. Спиркина [11] мы находим уточнение, что по своей природе и происхождению идеальное представляет собой некоторый аспект сознания человека. Так, В. Д. Шадриков [13] в качестве особого момента в развитии идеального определяет осознание субъектом самого

себя и своих отношений с другими. Поэтому ученый в качестве важных моментов самопознания выделяет осознание человеком своего бытия во времени, формирование в сознании представлений «настоящего», «прошлого» и «будущего» и т. д. Кроме того, он дает определение сознания как «особой формы психического, включающей как чувственный образ действительности, несущий личностный смысл (переживание субъектом своих отношений с реальностью), так и осознание психического в самом себе, осознание себя как субъекта психической деятельности» [13, с. 46]. Поэтому одним из мотивов изучения представления как вторичного, чувственного образа, является изучение возможностей человека по осознанию и пониманию мира и себя. А вот эти возможности рано или поздно будут связаны у человека с познавательными процессами, с познавательной сферой человека, и в частности с представлением мира и представлением себя.

Изучение представления неразрывно связано с осознанием себя, а значит с психологией самосознания. Однако самосознание – это предмет изучения самых разных отраслей психологии общей, социальной, возрастной, сравнительной, клинической и др. Но говорить о самосознании нельзя не затронув проблему сознания, поскольку одно невозможно без другого, т. к. одним из критериев сознания является возможность субъекта дать отчет о себе. Поскольку первый предмет психологии как науки – сознание, то и изучить его было бы невозможно, если бы человек не мог дать отчет о себе, не обладая интроспекцией.

В контексте сказанного будет уместным вспомнить В. В. Петухова [9], который отмечал, что обычно когда мы говорим «сознание», то самое простое, что имеем ввиду – это представление человека о мире, в котором он живет, а вот когда мы говорим «самосознание», то имеем ввиду представление о себе. Таким образом, представление о мире не возможно без представления о себе.

Итак, есть сознание и, стало быть, представление мира, представление окружающей реальности, в которой действует субъект, представление чего-то, а с другой стороны, представление о мире, представление о чем-то, представление об окружающей среде, об обществе и т. д. Следовательно, представление как психический процесс разворачивается на разных уровнях: с одной стороны, это относится к функциональной системе, реализующей психическую функцию представления чего-то, с другой – это результат психического процесса представления – представления о чем-то. При этом анализ психологических исследований показывает, что отдельные уровни в реальном психическом процессе могут выпадать из сознания или не находить в нем отражения [13, с. 47].

Если перефразировать У. Найссера [7], человек становится тем, кем он есть, благодаря тому, что было им представлено и сделано в прошлом; он продолжает создавать и изменять себя, представляя и действуя в настоящем («существование предшествует сущности»). Рассмотрение представления как динамичного и постоянно меняющегося во времени процесса за-

ставляет нас задуматься над тем, в чем же заключается его движение, его изменчивость.

Для начала обратимся к работам А. А. Ухтомского, М. М. Бахтина, М. К. Мамардашвили, В. П. Зинченко. Так, В. П. Зинченко отмечает: «В живом организме, как телесном, так и духовном, все дискретно: интервалы, кванты, волны наблюдаются в работе кровеносной и нервной систем, в перцепции, внимании, мышлении, в моторике, в смене функциональных и эмоциональных состояний» [2, с. 26]. Кроме того, опираясь на работы А. А. Ухтомского, М. М. Бахтина, М. К. Мамардашвили, он рассматривает такие понятия, как «активный покой», «зазоры дляящегося опыта», «вне временные звенья, образующиеся между двумя моментами реального». Характеризуя эти состояния, ученый замечает: «В состояниях активного покоя голоса, слова и действия уступают место голосам образов и смыслов» [2, с. 27]. Таким образом, в вышеперечисленных состояниях образы-представления выходят на первый план и в эти минуты существования психического играют большую роль в сознании человека.

Опираясь на М. К. Мамардашвили [6, с. 37], В. П. Зинченко указывает на существование между потребностью и ее реализацией – зазоров дляящегося опыта и его психической проработки, в которых человек как бы отрывается от привычного течения обстоятельств и отношений к ним. «В эти-то моменты только и можно говорить об истинно человеческом бытии, когда с полной нагрузкой работает сознание, доопределяется мир и активизируется личность» [2, с. 26].

Однако наравне с состояниями покоя существуют и отличные от них состояния. Чтобы охарактеризовать их, мы обратились к работам Н. А. Бернштейна, М. М. Бахтина, В. П. Зинченко. Так, например, Н. А. Бернштейн вводит термин «двигательное действие». Ученый указывает на то, что мало видеть, как движение выглядит снаружи, нужно почувствовать, как оно выглядит изнутри. В. П. Зинченко, анализируя работы Н. А. Бернштейна и М. М. Бахтина, характеризуя это движение, указывает на то, что это: «...движения, в которое вовлечен и организм, и смысловая активность, ...чувство порождающей и формирующей активности» [2, с. 27].

Итак, представление проявляет себя не только в состоянии активного покоя, но и в состоянии движения (формирующей активности), однако оба эти состояния не могут существовать друг без друга. Подтверждение нашим словам мы находим у В. П. Зинченко [2], который отмечает, что, с одной стороны, чувство порождающей активности имеет универсальный характер. С другой стороны, чувство порождающей активности не менее важно как для порождения образа, так и для формирования действия: «Над этими актами ведь тоже витает смысл перцептивной или двигательной задачи. Для подготовки к их исполнению нужно время, и это – время активного покоя».

Проведенный нами анализ исследований Р. Шовена, В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилеса, Б. Х. Гуревича, Л. Митрани, Ю. Б. Гипенрейтер, В. И. Панова, В. А. Барабанщикова, В. Д. Шадрикова и др. показал,

что человек избирательно и в разной степени реагирует на окружающий его мир, а также способен сам создавать, сохранять и изменять среду своего существования. Так, например, Р. Шовен отмечает: «организм не инертная масса, пассивно ожидающая возбуждения извне, напротив, он сам его активно ищет: это и есть так называемая исследовательская активность» [14, с. 41].

В психологии масса исследований вскрывают множественность состояний, которыми человек реагирует на окружающий его мир. Порождающая образы-представления активность есть психический отклик на осознание и понимание мира и себя в нем. Выражаясь словами М. К. Мамардашвили [6, с. 33 – 34]: «...размерность которых не совпадает с размерностью нашего макроскопического мышления, с нашими категориями пространства и времени, — продукт, обладающий такой размерностью, которая или минимально меньше, или космически больше (что, кстати, одно и то же) размерности нашей модели действия». В. П. Зинченко, анализируя слова М. К. Мамардашвили, уточняет: «модели, не содержащей чего-то внешнего по отношению к самому действию. Именно таким внешним автор считает органическую ткань социальной жизни, в которой действительно приобретают смысл (или обесмысливаются) наши действия» [2, с. 28].

Мы согласны с А. А. Ухтомским [12, с. 149], что представление как вторичный образ является подвижным функциональным органом, поскольку таким может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение.

Эта идея получила развитие у Н. А. Бернштейна, А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, В. П. Зинченко и др. Наша позиция опирается на их исследования. Например, у А. Н. Леонтьева мы находим: «...одновременно или по мере формирования психических актов (новообразований) складываются и соответствующие функциональные органы мозга» [5, с. 540].

Кроме того, эта идея, наравне с другими, была положена нами [8] в основание принципов порождающего процесса представления и направлена на переосмысление функциональной роли представления в системе взаимоотношений «человек-мир», а также на разработку теоретической модели порождения полифункционального представления. Опираясь на исследования А. И. Миракяна, В. И. Панова, В. П. Пескова и др. отечественные исследования, мы можем утверждать, что любой психический процесс, в том числе и представление, возможен лишь тогда, и только тогда, когда жизненная активность живого реализует себя как порождающий, формообразующий процесс. Представление по своей природе избирательно, это активный процесс в том смысле, что оно изменяет представляющего.

Опираясь на работы С. Л. Рубинштейна, М. М. Бахтина, В. П. Зинченко, К. А. Абульхановой А. В. Брушлинского, В. Д. Шадрикова, В. В. Петухова, В. П. Пескова, можно указать на то, что представление неразрывно связано с сознанием, являясь внутренним переживанием. Оно, с одной стороны, точно также как и сознание рождается на границе с внешним миром

(чужим представлением), с другой стороны – представление участно в бытии, бытийно, ответственно за выбор и инициативу поступка. А значит мы можем перефразировать слова В. П. Зинченко [2, с. 32], высказанные им по поводу сознания в отношении представления. В образовании представления (формировании, развитии) участвуют внешний и внутренний миры, поведение и деятельность индивида, и, что не менее важно, участвует и оно само.

В свою очередь В. Д. Шадриков, анализируя роль внутреннего и внешнего в развитии, показывает: «дeterminация развития идет не только от внешних условий, преломляясь через внутренние, но не менее важна (если не более) внутренняя determinация со стороны внутреннего мира человека, преломляющаяся через внешние условия среды и требования, которые ситуация поступка или деятельности предъявляет человеку. Таким образом, речь может идти о двойной determinации со стороны внутреннего мира и внешних условий, которые и определяют процесс развития, с доминированием той или другой стороны в конкретных ситуациях» [13, с. 536 – 537].

Однако, определяя роль внутреннего и внешнего в развитии представления, мы сталкиваемся с вопросом о том, не является ли внутренняя активность предопределенной.

Так, В. Д. Шадриков, изучая роль врожденного и приобретенного в человеке, задается вопросом: «является ли человечность врожденным качеством?» [13, с. 58]. Ученый делает вывод, что в большинстве психологических работ внутренняя активность считается предопределенной. Так, например, А. Адлер указывает: «с самого своего начала история человека была историей развития и постоянной дифференциацией сознания» [1, с. 218]. В свою очередь В. Д. Шадриков, продолжая эту мысль, дополняет: «которое берет начало в бессознательной жизни человека. Наука имеет множество фактов проявления видовой памяти. Таким образом, можно выделить природные предпосылки человечности». Затем ученый делает вывод: «человечность представляется в двух формах природной (врожденной)... и коллективной (социальной) морали...» [13, с. 61].

Подтверждение сказанному, уже применительно к представлению, мы находим и у В. В. Петухова [9], который вслед за Л. Леви-Брюлем указывает на то, что представление мира – это первичный уровень сознания у него априори должны быть и есть филогенетические предпосылки. То есть для того чтобы жить в мире, его необходимо представлять. И это представление необязательно должно являться знанием, для того чтобы жить, необязательно представлять на уровне знания, на уровне знаков, символов.

Указывая на неразрывную связь сознания и самосознания, а значит и на неразрывную связь представления о мире и представления о себе, можно отметить, что ядром сознания человека является сознание собственного «Я», или сознание самости, самосознание, тогда по аналогии ядром представления о мире является представление о себе.

Первичной формой, которую иногда связывают с самочувствием, является элементарное осознание

своего тела и его вписанности в мир окружающих вещей и людей. Но тогда первичной формой или элементарным представлением мира является представление собственного тела и его вписанности в представление о мире окружающих объектов (вещей) и людей. Простое представление предметов в качестве существующих вне данного человека и независимо от его сознания уже предполагает наличие представления себя (как вид самосознания). Поскольку для того, чтобы представить тот или иной предмет как нечто существующее объективно, в сам процесс представления должно быть «встроено» представление себя как определенный механизм, учитывающий место себя (тела человека) среди других объектов (тел) – как природных, так и социальных – и изменения, которые происходят с телом человека (с представлением себя) в отличие от того, что совершаются во внешнем мире (внутри, в контексте представления о мире).

Исследования отечественных психологов В. П. Зинченко, Е. А. Сергиенко, В. В. Петухова и др., а также зарубежных психологов Н. Хомского, У. Найссера, Ж. Пиаже, А. Даймонд, Р. Байлджен, Э. Спелке и К. Шот и др. показывают, что первичный уровень сознания возможен, когда у субъекта еще нет речи, нет понятий и нет возможностей получать, формировать, продуцировать знания, но даже этот уровень позволяет представлять мир, иметь представление мира.

Так, например, Е. А. Сергиенко доказывает аналитическим и опытным путем, что: «В 3 – 4 месячном возрасте младенцы не способны говорить об объекте, совершать локомоции вокруг него и активно манипулировать с ним... В то же время младенцы этого возраста могут представлять объекты, исчезающие из поля зрения, интерпретируют их скрытые перемещения, «знают» о пространстве их существования. Младенцы репрезентируют объекты и причинность их движения. В соответствии с такими свойствами поведения материальных тел как непрерывность и субстанциональность» [10, с. 16].

Кроме того, Е. А. Сергиенко доказывает, что планирование поведения должно предшествовать его выполнению. «Поэтому осуществить эффективные действия с движущимися объектами можно лишь при одном условии: необходимо предвидеть будущую позицию объекта движения. А такое предвосхищение возможно только в том случае если учитывать основные конструкты организации физического мира; непрерывность, субстанциональность, гравитация и инерция. Их использование может лежать в основе антиципирующего действия» [10, с. 165].

Полученные Е. А. Сергиенко результаты позволяют ей сделать вывод о том, что младенцы 4-х месячного возраста уже имеют представления о законах физического движения и организации пространства. Следовательно, можно заключить, что младенцы с самого начала развития имеют динамичные представления (активную репрезентацию) отдельных проявлений существования физического мира. А следовательно, они обладают способностью представлять и истолковывать физический мир с самого раннего воз-

раста, опережая тем самым способность активно действовать в нем.

Опираясь на все вышесказанное, можно утверждать, что первичный уровень представлений имеет филогенетические предпосылки. Еще раз повторим тезис – для того чтобы жить в мире, его необходимо представлять, но эти представления имеют врожденную основу, которая выступает в качестве ядра дальнейшего развития, трансформации представлений. Анализ работ отечественных и зарубежных исследований для ответа на вопрос, что выступает в качестве такой основы, позволил выделить некоторые взгляды на эту проблему.

Например, У. Найссер [7] отмечает, что существуют врожденные, начальные когнитивные схемы, которые модифицирующиеся и изменяющиеся в процессе когнитивного развития.

В работах Р. Декарта, И. Канта, Н. Хомского и др. делается предположение, что существуют «начальные понятия», которые и составляют сердцевину, стержень, ядро многих более поздних концептов.

Е. А. Сергиенко приходит к выводу: «...представление... имеет врожденную основу. Эта основа может быть обозначена как сердцевина, ядро знания, как «антиципирующая схема». Составной элемент «антиципирующей схемы» – представленность (репрезентация) внешнего мира, которая направляет восприятие и организует действие, в свою очередь, развивающая, изменяющая и дополняющая первоначальное, базовое понятие. Однако это не означает неизменности базовых представлений. Восприятие и действие... совершенствуясь, развиваются представления...» [10, с. 168].

Характеризуя первичный уровень развития представлений, можно утверждать, что младенцы не только имеют представления о мире и о себе, но эти представления имеют врожденную основу, которая выступает в качестве ядра дальнейшего развития представлений, что позволяет младенцам представлять и истолковывать физический мир, опережая способность активно действовать в нем. Эта основа может быть обозначена как ядро, как когнитивная, «антиципирующая схема». Однако это не означает неизменности базовых представлений. Психическая активность ребенка, процесс познания, совершенствуясь, развивает эти представления. Составной элемент «антиципирующей схемы» – представленность (репрезентация) внешнего мира, которая направляет, организует, развивает, изменяет и дополняет первоначальное, базовое знание.

Подтверждение данному выводу мы также находим и в работах зарубежных психологов Gallap, Landau, Perelloux, Lewis, Brooks и др.

Именно в этом смысле человек – открытая самоорганизующаяся система, существование и развитие которой обеспечивается регулирующей функцией представлений в деятельности. Поэтому представление как регулятор деятельности (психической активности) обеспечивает целесообразное функционирование психики как живой системы, позволяющее устанавливать равновесие между организмом и миром, в котором он существует.

И если рассматривать представление как психический регулятор, то речь может идти не только о поддержании гомеостазиса и адаптации к миру, но и об активном создании представления о среде (мире), о себе, т. е. формировании представления нового и отличного от предыдущего. В этом смысле можно говорить о расширении картины мира в представлениях человека.

Итак, подведем итог.

Во-первых, поскольку представление неразрывно связано с сознанием, являясь внутренним переживанием, оно, с одной стороны, точно также как и сознание рождается на границе с внешним миром (чужим представлением), с другой стороны, представление участно в бытии, бытийно, ответственно за выбор и инициативу поступка.

Во-вторых, представление благодаря антиципации может выступать как в роли внутреннего регулятора психической активности, так и в роли регулятора внешней активности ребенка (человека) – это непрерывный процесс организации психической активности по содержанию и во времени в зависимости от меняющихся объективных и субъективных условий.

В-третьих, представления могут включать в себя не только репродукцию прошлого опыта, но и его трансформацию, преобразование в будущем.

Определяя первичный уровень развития представлений человека, важно то, что представление о мире как знаковое представление, появляется позже, поскольку это уже знание о той реальности, в которой человек живет и действует. Поэтому существует разница между просто представлением мира как первичным уровнем познания и вторичным, знаковым, понятийным уровнем.

Но если теперь по аналогии мы будем говорить о представлении себя, то ему также будет свойственен первичный уровень, который хоть и недавно, но стал выделяться в практической психологии личности как самостоятельный [9]. Этот уровень пока еще даже не имеет определения и определяется несколькими разными терминами: сознание, а оно невозможно без представления себя, способность замечать, а значит, и представлять свои состояния, представление о субъектности своих действий, т. е. представление собственной активности, а не активности другого. Способность представить именно свои эмоциональные переживания, свои телесные ощущения и отличить их от представлений другого человека. Именно такое выделение в собственных представлениях себя из среды и будет являться первичным уровнем представления.

Но, как и в предыдущем случае, представление себя – это еще не представление о себе (как знание о себе, что соответствует уже вторичному уровню развития представлений человека). Поэтому в когнитивной психологии, чтобы обозначить этот вторичный уровень в структуре познания, используют приставку «мета», т. е. «над» – «метапознание», «метапредставление», т. е. не просто представлять, а иметь представление о себе, о своих особенностях, о своих возможностях и т. д. Такое представление возможно только как социальное познание.

Опираясь на достижения современной психологии, можно утверждать, что эти два уровня представления (первичный и вторичный-знаковый), как и два уровня сознания, возникают не одновременно.

Очень хорошо этот вопрос затронул В. В. Петухов [9] в своих лекциях по общей психологии, где показал, что решение этой проблемы было сформулировано Л. Леви-Брюлем, указавшим на то, что первичный уровень сознания, а значит и представления мира, в котором существует человек, необходим всегда, а представление как знание о мире и как знание о себе – это уже более позднее образование.

Вывод, к которому приходит Л. Леви-Брюль [4] – прежде чем понимать мир, его надо представить. Прежде чем строить знания о мире, его познавательную картину, концепцию мира, модель мира, его уже необходимо как-то представлять.

Таким образом, даже когда нет знаний, уже есть представление мира, есть представление себя.

Однако анализ работ Л. Леви-Брюля [4] указывает нам на еще одно очень важное положение – первичный уровень развития представлений сохраняется и далее, он не исчезает с появлением знаний.

П. Аристин [4] указывает на то, что, по мнению Леви-Брюля: «У людей всегда остается потребность в непосредственном общении с окружающим миром, общении, которое не заменяется его чисто научным познанием. Наука объективирует мир и тем самым как бы отделяет его от человека. Человек же стремится к живому общению».

Хороший пример, иллюстрирующий сохранение первичного уровня при появлении метапредставлений (знаковых, опирающихся на знания), и включающих концепции мироустройства у развитого человека, приводит В. В. Петухов [9], заимствуя его опять-таки у Л. Леви-Брюля.

Он вспоминает дискуссию Кеплера и Галилея о движении планет. В. В. Петухов [9] указывает на то, что Галилей, по мнению Л. Леви-Брюля, не просто сформулировал свою концепцию, свое представление об устройстве мира, он принимал ее аффективно. Его концепция сводилась к тому, что планеты движутся по окружности. И когда Кеплер показал ему, что планеты движутся по эллипсу, ученые не смогли решить эту научную проблему на познавательном уровне. Спор был чисто аффективным и напоминал настойчивость первобытного человека, поскольку, как нами уже было показано выше, опытная проверка не может разубедить первобытного человека в его вере. И поэтому Галилей сказал следующее: «Если планеты движутся по эллипсу, то я больше не учений. Планеты должны двигаться только по окружностям, т. е. если мир устроен так, а не иначе, я готов его познавать, а если он движется не понятным мне образом, по каким-то эллипсам, то я уже не могу иметь знания».

Вывод, к которому затем приходит В. В. Петухов: «Даже у любого знакового представления есть свой аффективно-волевой фундамент» [9].

Подводя итог анализу работ Л. Леви-Брюля, попробуем дать интерпретацию представления себя на первичном уровне познания. Представление себя включает в свою сферу целый спектр особенностей,

поскольку представлять себя – это значит и принимать себя, и принимать свои границы, свою целостность, собственную идентичность, а значит и свое самочувствие, но представление себя не исключает и саморегуляцию, и самоуправление собой, своей физической и психической активностью и т. д. Кроме того, представлять – значит принимать эмоционально, аффективно и быть готовым к действию, т. е. антиципировать (предвосхищать) себя.

Поэтому сегодня в социальной психологии, говоря о самосознании, а значит и о представлении себя, в нем выделяют как когнитивную, так и аффективно-волевую части.

В частности, говоря о представлении себя, выше мы уже показали, что для появления представлений о себе должно произойти выделение себя из среды или, что одно и тоже, человек должен стать способным пережить в процессе представления себя субъект-

ность собственных действий, пережить собственную активность, соотнести собственную активность и ее результаты, связать в представлении собственные действия и их последствия.

По сути субъектность и соотнесение своих действий с их результатом в структуре представления – это и есть природный критерий представления о себе. Однако осмысление выделенного позволяет к таким критериям представления отнести и возможность обучения, возможность иметь субъектный опыт. Представление, как нам кажется, должно стать тем регулятором, который способен привести к индивидуально изменчивому поведению, результатом которого и станет продукт представления – представление, содержащее индивидуальный опыт. Но все те критерии, что мы выделили относительно представления себя, в той же степени относятся и к представлению мира.

Литература

1. Адлер А. Лекции по аналитической психологии. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1996.
2. Зинченко В. П. От потока к структуре сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 2. С. 3 – 36.
3. Жодле Д. Социальные представления как элементы, опосредующие отношение к отклонению // Психоанализ и науки о человеке. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 155 – 190.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 575 – 587.
5. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
6. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. Культура, 1990.
7. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981.
8. Песков В. П. Метасистемный подход к исследованию структуры представления // Ярославский педагогический вестник. (Серия: Психолого-педагогические науки). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. № 3. С. 192 – 202.
9. Петухов В. В. Общая психология: сб. текстов: в 3 вып. / под общ. ред. В. В. Петухова. М.: Психология, 2000.
10. Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006. 464 с.
11. Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М., 1960.
12. Ухтомский А. А. Парабиоз и доминанта // Ухтомский А., Васильев Л., Виноградов М. Учение о парабиозе. М., 1927.
13. Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности: введение в психологию. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009. 656 с.
14. Шовен Р. Поведение животных. М.: Мир, 1972.
15. Якиманская И. С. О разработке метода диагностики пространственного мышления // Проблема диагностики умственного развития. М., 1975.

Информация об авторе:

Песков Вадим Павлович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психодиагностики и практической психологии Иркутского государственного университета, vpeskov@bk.ru.

Vadim P. Peskov – Ph.D. (Psychology), assistant professor of Department of psychodiagnostic and practical psychology, Department of Psychology, Pedagogical Institute of Irkutsk State University (ISU), Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 26.05.2015 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЙРОПЕДАГОГИКИ

О. Л. Подлиняев, К. А. Морнов

ACTUAL PROBLEMS OF NEUROPEDAGOGY

O. L. Podlinyaev, K. A. Mornov

В статье рассматриваются актуальные проблемы нейропедагогики – современного направления в образовании, возникшего в конце XX века в качестве междисциплинарной области на пересечении нейронаук (нейропсихологии, нейрофизиологии, нейробиологии), педагогики и психологии. Нейропедагогика, опираясь на новейшие достижения и открытия в области нейронаук (наук, изучающих функционирование, деятельность головного мозга человека), стремится построить систему обучения и воспитания, оптимально учитывающую индивидуальные нейропсихологические особенности обучающихся. К таким особенностям относятся: индивидуальный латеральный профиль обучающихся; особенности, обусловленные полом человека (гендерные различия); тип темперамента; тип сенсорно-перцептивной организации (модальность внутреннего опыта); уровень развития высших психических функций. В статье приводятся основные требования к организации образовательного процесса, определяемые необходимостью учёта основных нейропсихологических особенностей обучающихся.

In article actual problems of neuropedagogics are considered. The neuropedagogics is the modern direction in education, arisen at the end of the XX century as interdisciplinary area on crossing of neurosciences (a neuropsychology, neurophysiology, a neurobiology), pedagogics and psychology. Neuropedagogics in their research is based on the latest achievements and discoveries in the field of neuroscience (the science of studying the functioning, the activity of the human brain), also seeks to build a system of training and education is optimally tailored to the individual neuropsychological characteristics of students. Including, the modern psychological and pedagogical science include: individual lateral profile of students; especially due to their sex (gender differences); the type of temperament; type sensory-perceptual organization (modality of internal experience); level of development of higher mental functions. The article presents the basic requirements for the organization of educational process, determined by the necessity of taking into account major neuro-psychological characteristics of students.

Ключевые слова: нейропедагогика, нейродидактика, нейропсихологические, психодинамические, гендерные особенности обучающихся.

Keywords: neuropedagogics, neurodidactics, neuropsychological, psychodynamic, gender features of the trained.

Выдающийся отечественный психолог и педагог Павел Петрович Блонский считал, что «хороший учитель отличается от плохого тем, что он умеет видеть индивидуальные особенности детей; для хорошего учителя все ученики разные, а для плохого – одинаковые» [3, с. 81].

Умение организовать процесс обучения и воспитания с учётом индивидуальных особенностей детей является одной из важнейшей составляющей профессиональной компетентности педагога. От того, насколько полно в образовательном процессе учитываются особенности личности детей, зависит их физическое и психическое здоровье, качество образования, успешность социализации в целом.

Заметим, что к индивидуальным особенностям, которые, прежде всего, необходимо учитывать в образовательном процессе, современная психолого-педагогическая наука относит нейропсихологические и психофизиологические особенности детей [7 – 9].

В то же время, как показывают исследования отечественных и зарубежных психологов [1; 4 – 5] и др., а также данные, полученные одним из авторов настоящей статьи [7] в ходе проведённого анкетирования учительских коллективов ряда школ Восточно-Сибирского региона, большинство – до 88 % из 370 учителей, принявших участие в опросе, не только не учитывают нейропсихологические и психофизиологические особенности учащихся, но и зачастую не знают, что именно к таковым относится.

В конце XX в. как в отечественной, так и в зарубежной педагогике возрос интерес к результатам исследований в области нейронаук (науки, изучающие деятельность головного мозга): в первую очередь – нейропсихологии, нейрофизиологии и нейробиологии.

В 1988 г. Герхард Прейс (*Gerhard Preiss*) вводит термин «нейродидактика» (*нем. Neurodidaktik*) для обозначения междисциплинарной области, существующей на пересечении нейронаук, педагогики и психологии. В рамках нейродидактики разрабатываются вопросы организации условий эффективного обучения, основанного на результатах исследований функционирования структур головного мозга и нервной системы [6].

Нейродидактика является частью нейропедагогики. Помимо неё нейропедагогика включает в себя соответствующие (*нейро*) диагностику; разработку системы воспитания и коррекционно-развивающего сопровождения обучающихся.

В России нейропедагогика начинает активно заявлять о себе в 90-х гг. XX в. и связана с трудами Т. В. Ахутиной, В. А. Москвина, Н. В. Москвиной, В. Д. Еремеевой, Т. П. Хризман, А. С. Потапов, А. Л. Сиротюк и др.

Фундаментальными основами нейропедагогики являются работы отечественных физиологов (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, В. М. Бехтерев, И. П. Павлова, И. М. Сеченов и др.); психофизиологов (Э. А. Голубева, В. Д. Небылицин, Б. М. Теплов, Н. Н. Трауб-

готт и др.); нейропсихологов (А. Р. Лурия, Ю. М. Микадзе, Л. Ю. Московичюте, Е. Д. Хомская, Л. С. Цветкова и др.).

Анализ работ, посвященных нейропедагогике и нейродидактике [6; 8 – 9] и др., позволил сформулировать основную, по нашему мнению, цель этой науки.

Цель нейропедагогики – опираясь на фактические знания о закономерностях процессов, происходящих в структурах мозга и психики человека, построить систему обучения и воспитания, обеспечивающую учёт индивидуальных нейропсихологических особенностей обучающихся. Тем самым содействовать оптимальному физическому, интеллектуальному, творческому, духовно-нравственному и профессиональному развитию человека, удовлетворению его образовательных потребностей и интересов. Другими словами, эффективно учить и воспитывать, содействовать личностному росту и профессиональной самореализации человека, основываясь на законах работы его мозга.

Согласно нейропедагогике к индивидуальным нейропсихологическим особенностям обучающихся, которые необходимо учитывать в образовательном процессе, прежде всего, относятся следующие.

А) Индивидуальный латеральный профиль (функциональная асимметрия полушарий головного мозга обучающегося – распределение психических функций между левым и правым полушариями; преобладание, доминирование функций левого или право полушария при восприятии и обработке информации, поступающей как из внешнего, так и из внутреннего мира).

В основном выделяются три типа функциональной асимметрии полушарий головного мозга: левополушарный, правополушарный и равнополушарный тип, характеризующийся отсутствием выраженного доминирования одного из полушарий.

Левое полушарие отвечает за оперирование вербально-знаковой информацией, логическое мышление, кратковременную память, категория людей: «мыслители» (И. П. Павлов); **правое** – за оперирование информацией образной, эмоции и долговременную память, категория людей: «художники» (И. П. Павлов) (перечислить и раскрыть все известные на данный момент функции левого и правого полушария не позволяет ограниченный объём статьи; простейшие диагностические методы, позволяющие педагогу выявить представленные в настоящей статье нейропсихологические особенности и, с учётом этого, оптимизировать учебный процесс, описаны в следующих работах: [7 – 9]).

Отечественными учёными (В. Д. Еремеева, А. С. Потапов, А. Л. Сиротюк, Т. П. Хризман и др.) предложены теоретически обоснованные, детально разработанные и экспериментально апробированные, в том числе на уровне докторских диссертаций, модели обучения, учитывающие латеральную асимметрию полушарий головного мозга.

Основные требования к организации учебного процесса, определяемые особенностями функциональной специализации полушарий головного мозга, представлены ниже в таблице.

Таблица

Требования к организации учебного процесса

Левополушарный обучающийся	Правополушарный обучающийся
Расположение в левом ряду класса таким образом, чтобы доска находилась в правой рабочей полусфере.	Расположение в правом ряду класса таким образом, чтобы доска находилась в левой рабочей полусфере.
Абстрактно-логический стиль подачи информации. Сопровождение вербальной информации рациональными комментариями, обобщающими формулами, графиками.	Максимальная связь информации с реальностью, наглядность, сопровождение вербальной информации образами, иллюстрациями, символами, демонстрационным материалом.
Логические задания. Аналитическая работа. Объективное оценивание результатов со стороны педагога. Желательна работа в одиночку.	Творческие задания. Позитивная эмоциональная поддержка со стороны педагога. Желательна работа в группе.
Предпочтительные формы обучения: лекции, чтение текстов, решение задач, работа с формулами.	Предпочтительные формы обучения: ролевые игры, мозговые штурмы, эксперименты, экскурсии.
Оптимальные формы проверки и контроля: письменные, контрольные работы, тесты, задания на поиск ошибок.	Оптимальные формы проверки и контроля: беседа, устные ответы, выполнение самостоятельных творческих заданий.

Латеральный профиль в значительной степени определяет психологические особенности учащегося, индивидуальные возможности, познавательные и творческие способности. Игнорирование педагогами специфики проявления у учащихся их латерального профиля приводит к наиболее негативным последствиям как в дидактическом контексте, так и в контексте здоровьесбережения школьников.

Б) Гендерные различия – учёт в образовательном процессе нейропсихологических и психофизиологических особенностей развития, а также деятель-

ности мальчиков и девочек, юношей и девушек, мужчин и женщин.

Современные отечественные и зарубежные исследователи [1 – 2; 10] и др. констатируют неэффективность бесполой педагогики – использования одинаковых форм, методов, приёмов и содержания при обучении и воспитании представителей разных полов, совместного их обучения в целом; подчёркивают повышение успеваемости и уменьшения числа дидакто-генных неврозов как у мальчиков, так и девочек при раздельном обучении.

В. Ф. Базарный установил, что обучение мальчиков среди более развитых и сильных девочек (*девочки в среднем на 2 года психологически и физически опережают в развитии мальчиков-сверстников*) в одних случаях приводит к развитию у них сугубо женских черт характера, в других – к формированию невротического комплекса неудачника [1].

Ю. В. Баурова отмечает, что «...раздельное обучение способно нейтрализовать недостатки совместного обучения, феминизирующего (*формирующего по женскому типу*) мальчиков и маскулинизирующего (*формирующего мужские качества*) девочек, способствовать снижению эмоциональной лабильности (*слабости*) у девочек, препятствовать возникновению школьной дезадаптации и невроза у мальчиков, который встречается в 4 – 5 раз чаще» [2, с. 21].

Необходимость осуществления гендерно ориентированного (*поличностного, полоролевого*) образования закреплена в федеральной программе «Гендерная стратегия Российской Федерации» (2004), указывающей на приоритетное положение гендерной составляющей в образовательно-культурной сфере в XXI в.

Отметим, что за одиннадцать лет реализации названной выше стратегии классы раздельного или параллельно-совместного обучения (*предусматривающего раздельное обучение предметам, в освоении которых гендерные различия являются значимыми, например, языки и математические дисциплины*) встречаются редко, считаются экспериментальными, чуть ли не педагогическими диковинами. Заметим, что до революции 1917 г. раздельное обучение мальчиков и девочек, юношей и девушек в России считалось обычным делом, нормой.

Проблема реализации гендерного подхода в условиях непрерывного образования остаётся актуальной и недостаточно изученной. Поличностное образование, согласно В. Ф. Базарному, Л. А. Алифановой, Л. П. Уфимцевой и др., должно стать мощной альтернативой бесполому информационному образованию, заглушающему адекватные природе пола эмоционально-образные отклики, а в итоге – подавляющему развитие адекватных полу ценностей и смыслов, потребностей, мотивов, эмоций, воображения, поведения, – т. е. полоролевой дифференциации и личностной идентичности в целом [1].

Б) Тип темперамента – учёт психодинамических особенностей обучающихся в процессе обучения и воспитания. Принятие во внимание педагогом даже основных свойств темперамента, таких как (*по В. Д. Небылицыну*): активность (*подвижность, энергичность*); темп и скорость двигательных реакций (*моторика*); эмоциональность (*чувствительность, впечатлительность, импульсивность и тревожность*), может помочь более эффективно организовать образовательный процесс, создавать ситуации успеха и избежать коммуникативных конфликтов.

Наши наблюдения показали, что максимальное время, на протяжении которого учителя «дожидаются» ответа от учащегося (*с того момента, как был задан вопрос*), не превышает 6 – 7 секунд. В то же время ученику, имеющему выраженный флегматиче-

ский тип темперамента, для мысленной подготовки к ответу требуется до 10 секунд.

Меланхолика, как правило, отличающегося ригидностью и повышенным уровнем тревожности, нежелательно спрашивать неожиданно, так как, даже зная ответ на вопрос, он может растеряться и впасть в состояние, близкое к «*когнитивному ступору*». Кроме того, меланхолики, которым зачастую присущ экспериментальный локус контроля, легко расстраиваются даже от незначительных негативных оценок и нуждаются в постоянной эмоциональной поддержке со стороны педагога.

Природная повышенная активность, эмоциональность и импульсивность холериков и сангвиников нередко принимается педагогами за «невоспитанность», «недисциплинированность» и т. д.

Г) Тип сенсорно-перцептивной организации опыта (*модальность внутреннего опыта*) – ведущий канал восприятия и обработки информации обучающимся. Как правило, выделяются три модальности: визуальная (*от лат. visualis – зрительный*), аудиальная (*от лат. audio – слышу*) и кинестетическая (*от греч. kinematos – движение*). Любой здоровый человек обладает всеми вышеперечисленными модальностями. Однако, степень их выраженности неодинакова.

Визуальная модальность включает в себя весь опыт внутреннего мира, связанный со зрением. Визуальную модальность обеспечивает зрительная память, которая связана с запоминанием, сохранением и воспроизведением зрительных образов. Таких людей называют «визуалы» и их преобладающее большинство (*в среднем около 50 %*).

Аудиальная модальность включает опыт внутреннего мира, связанный со слухом. Соответственно аудиальная модальность обеспечивается слуховой памятью, которая позволяет запоминать, сохранять и вспоминать звуки. Люди, «специализирующиеся» на аудиальной модальности (*наименее распространенной*), называются «аудиалами».

Кинестетическая модальность охватывает опыт внутреннего мира, связанный с движением и осязанием. Эта модальность обеспечивается сложной совокупностью таких видов памяти, как двигательная, осязательная, обонятельная и вкусовая. Таких людей называют «кинестетики».

Отметим, что недостаточная психологическая проповедность педагогов в вопросах сенсорно-перцептивной организации учащихся зачастую приводит их к профессиональным неудачам. Представим, что в переполненном классе городской школы сидят 30 учащихся. Из них 15 человек – визуалы, 10 – кинестетики, а 5 – аудиалы. Учитель использует на уроке какую-либо устную форму обучения (*беседу, рассказ, лекцию*). Из всех учеников эффективно воспринимать, понимать и запоминать учебную информацию будут лишь 5 аудиалов, поскольку визуалам для восприятия и запоминания нужно «посмотреть», а кинестетикам – «потрогать, сделать». Парадоксально то, что учитель, не добившийся на уроке поставленной дидактической цели, нередко начинает обвинять детей в низком качестве усвоения знаний.

Если педагоги не будут учитывать модальность внутреннего опыта и доминирующий вид памяти обу-

чающихся, то это приведет к навязыванию собственных представлений, образов и ассоциаций. Естественно, что такая работа изначально обречена на неудачу.

В области нейропедагогики активно разрабатывается мультимодальный подход в обучении, предполагающий в изложении материала охват всех трёх модальностей обучающихся. Его девиз: «Учитель! Покажи, расскажи, дай сделать!».

Д) Уровень развития высших психических функций – учёт в образовательном процессе индивидуальной динамики развития психических процессов, обеспечивающих познавательную, интеллектуальную и творческую деятельность, общение и речь, саморегуляцию обучающихся. Прежде всего, к ним относятся: произвольное внимание, память, мышление, воображение, речь, эмоции и воля.

Л. С. Выготский, А. Р. Лuria подчёркивали, что высшие психические функции не даны человеку в изначально готовом, развитом виде. Они преодолевают длительный гетерохронный и асинхронный путь развития, что и определяет индивидуальные особенности обучения [9].

А. Л. Сиротюк отмечает, что требования современного школьного образования зачастую опережают темпы развития головного мозга учащихся. Раннее обучение существенно обостряет проблемы в усвоении знаний. Особенно это относится к мальчикам, у которых темпы созревания высших психических функций медленнее, чем у девочек. Этим обуславливается необходимость внедрения в образовательный

процесс коррекционно-развивающей работы, основанной на двигательных методах и включающей в себя растяжки, дыхательные, глазодвигательные, перекрестные (рецепторные) телесные упражнения, упражнения для языка и мышц челюсти, для развития мелкой моторики рук и их релаксации, игры с правилами для развития коммуникативной и когнитивной сферы детей [9].

Также одной из главных задач нейропедагогики является организация оптимально-помогающих взаимоотношений и взаимодействий между субъектами образовательного процесса, основными принципами которых выступают положения личностно-центрированного подхода в обучении: признание человека субъектом собственного развития; оказание доверия человеческой природе и вера в способность конструктивного, свободного и ответственного её саморазвития, обеспечиваемого в том числе уникальной для каждого и неповторимой биологической системой – мозгом человека.

В заключение отметим, что по нашим наблюдениям интерес к нейропедагогике у учителей растёт, педагоги хотят знать, что происходит в момент обучения в мозге у обучающихся, понимать причины индивидуальных различий детей, более эффективно их учить и воспитывать. В связи с этим и выше изложенным актуальной остаётся проблема разработки и внедрения соответствующих курсов, дисциплин и программ подготовки как для будущих педагогов, так и для работников образования.

Литература

1. Базарный В. Ф. Школьный стресс и демографическая катастрофа России. Сергиев посад, 2004.
2. Баурова Ю. В. Интенсификация процесса обучения в условиях реализации гендерного подхода // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. № 3. С. 19 – 23.
3. Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения. Т. 1. Педагогика. М., 1979.
4. Воробьева В. А., Иванова Н. А., Сафонова Е. В., Семенович А. В., Серова Л. И. Комплексная нейропсихологическая коррекция когнитивных процессов в детском возрасте. М., 2001.
5. Герриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. 16-е изд. СПб.: Питер, 2004.
6. Куликова О. В. Нейродидактический подход как фактор повышения качества обучения иноязычному профессиональному общению // Вестник МГЛУ. 2014. № 14(700). С. 107 – 114.
7. Подлиняев О. Л. Учёт нейропсихологических особенностей учащихся в образовательном процессе // Школьные технологии. 2014. № 6. С. 152 – 159.
8. Потапов А. С. Психологическое обоснование системы обучения с учетом латеральной асимметрии полуширий головного мозга: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 39 с.
9. Сиротюк А. Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. М.: Сфера, 2003. 282 с.
10. Тельтевская Н. В. Гендерный подход к обучению школьников. Саратов: Наука, 2009. 120 с.

Информация об авторах:

Подлиняев Олег Леонидович – профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института Иркутского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, podlinyaev@inbox.ru.

Oleg L. Podlinaev – D.Phil. in Education Science, Professor of the Education Science Department, Irkutsk State University, Irkutsk.

Морнов Константин Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Братского государственного университета, Братск, Mornov.KA1983@yandex.ru.

Konstantin A. Mornov – candidate of pedagogical Sciences, associate professor department of pedagogy and psychology, Bratsk State University, Bratsk.

Статья поступила в редакцию 26.05.2015 г.

**ОСОБЕННОСТИ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ,
ПРОЖИВАЮЩИХ В СЕЛЕ, МАЛОМ И БОЛЬШОМ ГОРОДЕ**

T. A. Фотекова, Н. В. Захаренко

**THE FEATURES OF HIGHER MENTAL FUNCTIONS IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN LIVING
IN THE COUNTRY, IN THE TOWN AND IN THE CITY**

T. A. Fotekova, N. V. Zaharenko

Публикация подготовлена при поддержке фонда РГНФ, грант № 14-06-00293 «Нейропсихологический подход к изучению роли средовых факторов в формировании высших психических функций у детей».

Были исследованы высшие психические функции (ВПФ) младших школьников с учетом типа поселения. Проведено полное нейропсихологическое обследование 60 второклассников, живущих в селе, 60 детей того же возраста из малого города и 58 школьников из большого города. Исследование основано на концепции культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и теории системной динамической локализации высших психических функций в коре головного мозга А. Р. Лурии. Выявлено, что тип поселения оказывает влияние на формирование ВПФ. Наибольшие различия в их характеристиках обнаружены между детьми, живущими в селе и большом городе. Младшие школьники из малого города приближаются к сверстникам, проживающим в большом городе по состоянию вербальных функций, программированию и контролю произвольных форм деятельности, в остальном они ближе к сельским сверстникам. Дети из сельской местности имеют преимущества в уровне сформированности зрительно-пространственных функций.

The subject of the study is the state of higher mental functions (HMF) in children depending on the place of residence. The total neuropsychological study has been conducted among 60 second-class pupils living in the country, 60 children of the same age living in the town and 58 city school children. The study is based on Vygotsky's concept of the cultural-historical psychology and Luria's theory of the systemic dynamic localization of higher mental functions in the brain cortex. The results indicate that the type of settlement influences the formation of HMF. The main differences in their characteristics are found among the children living in the country and in the city. The primary school children living in the town are similar to the city coevals in verbal functions and arbitrary activity regulation, in other respects they are closer to the rural ones, coming short of the level of visual-spatial functions formation.

Ключевые слова: высшие психические функции, социокультурные факторы, программирование и контроль, серийная организация движений, кинестетические функции, зрительный гноэзис, слуховые функции, зрительно-пространственные функции.

Keywords: higher mental functions, socio-cultural factors, programming and control, serial organization of movements, kinesthetic functions, visual gnosis, auditory functions, visual-spatial functions.

Согласно современным представлениям мозг рассматривается как культурно зависимый орган. Психика человека формируется в контексте культуры, к которой он принадлежит [8], что делает необходимым понимание специфики взаимовлияния мозговых функций и культурного опыта. Особенно важно знать, какие социокультурные факторы и каким образом оказывают воздействие на высшие психические функции в период их формирования.

Некоторые из этих факторов уже описаны. Ряд исследований свидетельствует о том, что уровень материального благосостояния семьи играет важную роль в развитии ВПФ ребенка. По данным М. Farah с соавторами языковые и пространственные способности первоклассников, память и некоторые управляющие (регуляторные) функции изменяются вместе с социально-экономическим статусом семьи [10, с. 47].

Имеет значение также образовательный уровень родителей. Причем, вероятно, образовательный статус матери и отца влияют на развитие ребенка неодинаково. По нашим данным, материнское образование влияет сильнее, чем отцовское, наиболее чувствительны к нему функции переработки информации, особенно по левополушарному типу [9]. Этот вывод подтверждается и исследованием М. С. Платоновой, в

котором обнаружены различия между дошкольниками, имеющими мам с высшим и средним общим образованием, по состоянию всех нейрокогнитивных функций, за исключением правополушарных, зрительно-пространственных [6].

Есть немногочисленные данные о различиях между городскими и сельскими детьми по уровню сформированности ВПФ. В процессе популяционного исследования были выявлены темповые различия и специфические особенности процессов латерализации функций. Обнаружено, что сельские школьники характеризуются преимущественной опорой на зрительную память, при этом демонстрируют дефицит слухоречевой памяти и речи в целом [7]. По другим данным городские условия способствуют развитию функций программирования и контроля деятельности, кинетического и кинестетического практиса, речи и вербального мышления, жизнь в селе обеспечивает более высокий уровень зрительно-пространственных и зрительных функций [4, с. 23].

В нашем исследовании предпринята попытка сравнительного анализа состояния высших психических функций у младших школьников, живущих в сельской местности, малом и большом городах. Всего было обследовано 178 второклассников, 60 из кото-

рых проживают в сельских районах Республики Хакасия, 60 – в г. Абакане, который мы отнесли к малым городам, и 58 детей – в г. Красноярске, который мы рассматривали как большой (по классификации городских поселений Абакан с населением 175000 человек относится к большим городам, а Красноярск, население которого составляет 1052218 жителей, – к крупнейшим).

Было проведено полное нейропсихологическое обследование с использованием методов, разработанных А. Р. Лурией [5] и адаптированных в лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Т. В. Ахутиной [1]. Статистическая обработка данных производилась с использованием описательных статистик, однофакторного дисперсионного анализа ANOVA, и апостериорных критериев. Обработка данных осуществлялась с применением пакета программ IBM SPSS Statistics 20.

В процессе обработки рассматривались количественные характеристики выполнения отдельных нейропсихологических проб, а также подсчитывались индексы, которые представляют собой относительные суммарные показатели, объединяющие преимущественно однофакторные параметры выполнения различных заданий [2]. В индексы включаются как показатели продуктивности выполнения значимых для конкретного фактора проб, так и штрафные оценки. Первые суммируются, вторые вычитаются. Полученные значения подвергаются нормализации.

В статье рассматриваются индексы функций программирования и контроля произвольных форм деятельности, серийной организации движений, кинестетических функций, зрительного гносиза, слуховых и зрительно-пространственных функций.

В индекс программирования и контроля произвольных форм деятельности были включены некоторые показатели выполнения проб на реакцию выбора, ассоциативный эксперимент, пересказ (критерии смысловой адекватности и возможности построения текста), а также отдельные штрафные оценки, свидетельствующие о наличии ошибок инертности и трудностей произвольной регуляции при выполнении других проб.

Индекс серийной организации движений и речи построен с учетом успешности динамического праксиса, графомоторной и реципрокной координации, слоговой структуры слова и грамматического оформления пересказа.

Индекс кинестетических функций формируется на основе оценок праксиса позы пальцев и орального праксиса.

Индекс зрительных функций учитывает продуктивность, а также количество и специфику ошибок в пробах на узнавание перцептивно сложных изображений.

Индекс слуховых функций включает значительную часть параметров слухоречевой памяти, оценки за понимание слов близких по звучанию и значению и лексическое оформление текста, а также баллы за воспроизведение и оценку ритмов.

Индекс зрительно-пространственных функций основан на показателях памяти соответствующей мо-

дальности, успешности рисования и копирования трехмерного объекта, пространственной организации движений и некоторых параметрах конструктивной деятельности.

Полученные значения индексов позволяют построить графики, отражающие состояние высших психических функций у младших школьников трех сравниваемых групп. Как видно на рис., разные условия проживания по-разному влияют на состояние высших психических функций. Самый высокий уровень сформированности почти всех функций наблюдается у детей, живущих в большом городе. Они статистически достоверно отличаются как от сельских детей, так и, несколько менее явно, от школьников из малого города.

От сельских испытуемых дети из большого города отличаются во всем, кроме величины индекса зрительно-пространственных функций, который у младших школьников из села даже несколько выше. У городских младших школьников существенно лучше развиты функции программирования и контроля произвольных форм деятельности ($p = 0,006$). Они лучше усваивают инструкцию, легче извлекают свободные и направленные ассоциации, реже демонстрируют ошибки инертности, успешнее формируют смысловую программу высказывания. У них также лучше развита серийная организация как на двигательном, так и на речевом уровне ($p = 0,001$). Они быстрее осваивают и автоматизируют новые двигательные навыки, грамматически правильнее и разнообразнее оформляют свою речь. Кинестетические функции также успешнее у детей из большого города ($p = 0,000$), это проявляется как в праксисе позы пальцев, причем в обеих руках, так и в оральном праксисе.

Сложные формы зрительного восприятия более доступны городским детям ($p = 0,000$). Они лучше опознают недорисованные и перечеркнутые изображения, в два раза реже, чем сельские школьники, допускают перцептивно близкие ошибки.

Выявлены также различия между сельскими детьми и их сверстниками, живущими в большом городе, в значениях индекса слуховых функций ($p < 0,000$), это происходит в первую очередь за счет более высокого уровня сформированности речи. Дети из большого города имеют более развитый фонематический слух, они лучше понимают названия предметов и действий, близких по значению и звучанию, у них больше объем кратковременной и долговременной речеслуховой памяти.

Как уже отмечалось, обработка полимодальной информации одинаково доступна второклассникам из села и из большого города. По ряду показателей сельские дети даже опережают городских. Они немного лучше рисуют трехмерный объект, допускают меньше координатных ошибок, при воспроизведении невербализуемых фигур реже допускают ошибки, обусловленные правополушарным дефицитом. При этом некоторые другие показатели зрительно-пространственных функций выше у детей, живущих в большом городе. Они лучше организуют свои движения в пространстве, успешнее складывают целое из частей и запоминают больше невербализуемых объектов.

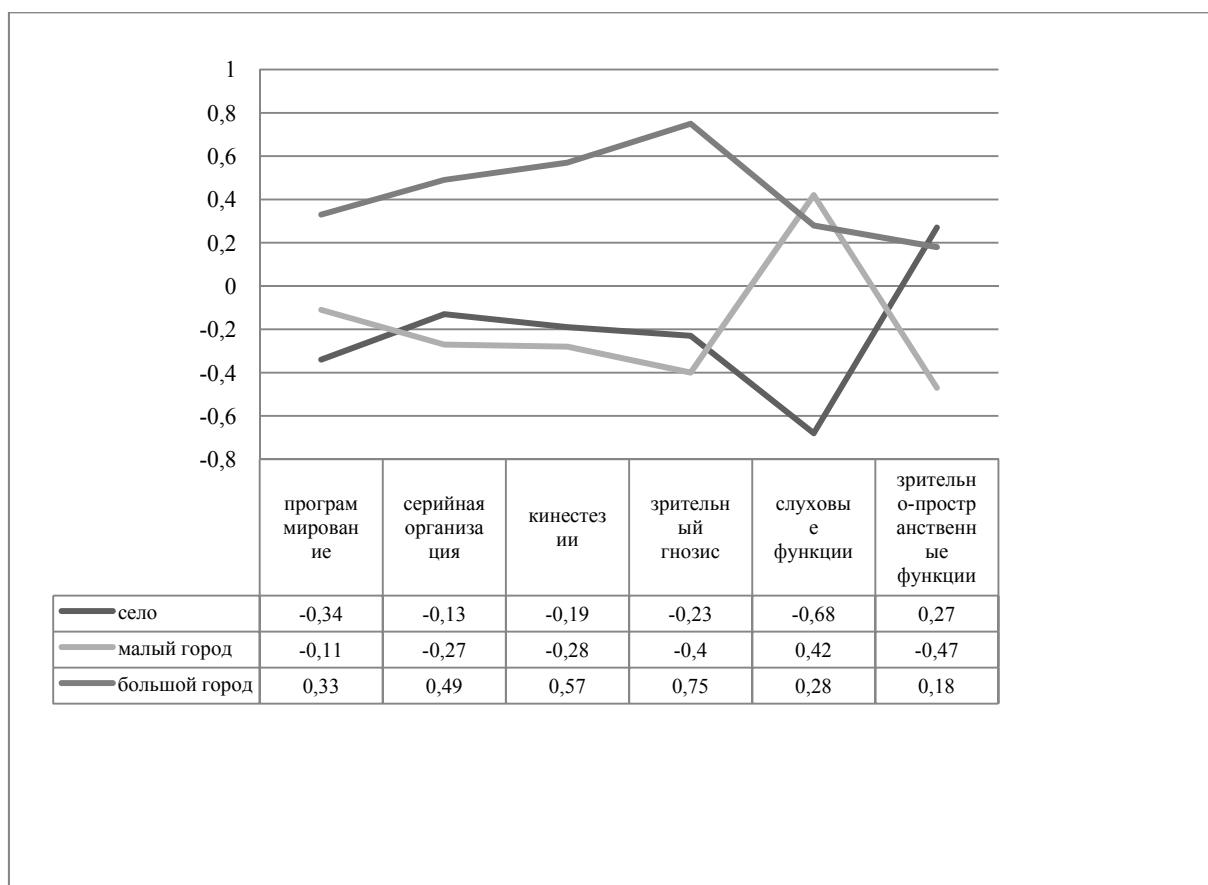

Рис. Индексы функций в группах детей, проживающих в селе, малом и большом городе

Также явные различия наблюдаются между детьми, проживающими в большом и малом городах. Преимущество сохраняется за школьниками из большого города. У них успешнее серийная организация движений ($p = 0,000$), кинестетические функции ($p = 0,000$), зрительный гноэзис ($p = 0,000$), зрительно-пространственные функции ($p = 0,002$). При этом не обнаружено статистических достоверных различий в показателях программирования и контроля произвольных форм деятельности и слуховых функций.

Состояние высших психических функций у сельских второклассников и у детей того же возраста, живущих в малом городе, оказалось близким. Выявленные различия разнонаправлены: зрительно-пространственные функции достоверно лучше развиты у сельских детей ($p = 0,000$), а переработка слуховой информации успешнее реализуется городскими сверстниками ($p = 0,000$).

Как видно, разные типы поселения по-разному влияют на детское развитие. Очевидно, это объясняется тем, что в них формируются совершенно различные социокультурные условия. Жители города и села предпочитают разные виды деятельности, по-разному организуют свое время и общение, у них разное отношение к образованию. Вероятно, чем больше город, тем сложнее условия проживания. Можно предположить, что город, особенно большой, активнее стимулирует умственную деятельность, способствует расширению кругозора, постоянно требует овладения новыми поведенческими программами и новой информацией. Такие динамичные условия, с одной сто-

роны, приводят к стрессу, с другой – развивают гибкость и адаптивность, что требует хорошего уровня произвольной регуляции деятельности, что подтверждается нашим исследованием.

Сельская жизнь спокойнее, хуже технически оснащена, предъявляет меньше требований к абстрактному мышлению, сельские дети больше нацелены на приобретение конкретных предметных навыков. Словом, условия сельской жизни более просты в когнитивном отношении. По-разному протекает и процесс обучения. В классе сельской школы меньше учеников, а педагоги часто преподают сразу несколько учебных предметов с разным уровнем компетентности в них. Следует отметить также, что родители сельских школьников имеют, как правило, менее высокий образовательный уровень и хуже обеспечены материально, т. е. у них ниже социально-экономический статус, который, как уже упоминалось, оказывает существенное влияние на развитие нейрокогнитивных функций [9; 10].

Можно предположить, что состояние ВПФ, особенно зрительных и зрительно-пространственных, зависит также от географического и культурного ландшафтов, различающихся в городских и сельских поселениях.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

– на формирование высших психических функций в младшем школьном возрасте оказывают влияние не только городской или сельский тип поселения, но и также размеры города, т. е. численность населения;

— максимальные различия выявлены между сельскими младшими школьниками и детьми, живущими в большом городе. Дети из малого города занимают промежуточное положение. Хотя по большинству показателей они ближе к сельским школьникам, способность к произвольной регуляции деятельности и речеслуховые функции у них находятся на том же уровне, что и у сверстников, живущих в большом городе;

— сельские младшие школьники имеют некоторое преимущество перед всеми городскими детьми по уровню сформированности зрительно-пространственных функций, но существенно уступают по состоянию слухоречевых.

Наше исследование показывает, что городские условия проживания стимулируют развитие функций передних отделов мозга и левого полушария, причем тем больше, чем больше город. Жизнь в селе, напротив, затрудняет развитие левополушарных функций, но благоприятна для правополушарных. Поскольку развитие функций левого полушария мозга происходит в онтогенезе позже, чем правого, можно утверждать, что городские дети опережают сельских в темпах формирования ВПФ. Очевидно также, что сельские дети испытывают трудности в овладении вербальными функциями, что может и должно быть учтено при организации их обучения.

Литература

1. Ахутина Т. В., Полонская Н. Н., Пылаева Н. М., Максименко М. Ю. Методики нейропсихологического исследования детей // Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / под ред. Т. В. Ахутиной, О. Б. Иншаковой. М.: Секачев, 2012. С. 11 – 33.
2. Ахутина Т. В., Матвеева Е. Ю., Романова А. А. Применение луриевского принципа синдромного анализа в обработке данных нейропсихологического обследования детей с отклонениями в развитии // Вестник Московского университета. (Серия 14: Психология). 2012. № 2. С. 89.
3. Выготский, Л. С. Проблема развития и распада высших психических функций // Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо, 2004. С. 548 – 563.
4. Колмакова Н. В. (Захаренко Н. В.). Особенности высших психических функций у сельских младших школьников // Вестник БГУ. 2013. № 5. С. 20 – 24.
5. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 3-е изд. М.: Академический проект, 2000.
6. Платонова М. С. Влияние образования матери на развитие высших психических функций у детей дошкольного возраста // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2014. № 4. С. 37 – 39.
7. Поляков В. М. Нейропсихология в скрининговых исследованиях детских популяций // Доклады второй Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Р. Лурия / под ред. Т. В. Ахутиной, Ж. М. Глозман. М.: Смысл, 2003. С. 198 – 206.
8. Фаликман М. В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластиичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 5.
9. Фотекова Т. А. Влияние социокультурных факторов на развитие высших психических функций // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 11. С. 254 – 264.
10. Noble K. G., McCandliss B. D., Farah M. J. Socioeconomic gradients predict individual differences in neurocognitive abilities // Developmental Science 10:4. 2007. С. 47.

Информация об авторах:

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, fotekova@yandex.ru.

Tatiana A. Fotekova – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Psychology N. F. Katanov Khakass State University.

Захаренко Наталья Викторовна – психолог, Абакан, kolmakova@bk.ru.

Natalia V. Zaharenko – psychologist, Abakan.

Статья поступила в редакцию 03.08.2015 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81`27

АНТРОМОРФИЗАЦИЯ НЕБЕСНЫХ ОБЪЕКТОВ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЛУНЫ

Н. П. Балашова

ANTROPOMORPHIC ASPECT OF SKY OBJECTS AS A DESCRIPTION OF THE MOON CONCEPT

N. P. Balashova

В статье описываются антропоморфные метафоры с учетом витальных, перцептивных и соматических метафор, а также социальные, ментальные и эмоциональные признаки, признаки характера концепта луна. Признаки, положенные в основу создания таких метафор, объясняются с позиций мифологии и символизма. В качестве иллюстративного материала используются произведения современных авторов. Одним из источников языкового материала послужил Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Было выделено 8 блоков метафор: витальные: луна – живое существо; соматические: луна – существо, имеющее ‘тело’; перцептивные: луна – видящее и слышащее существо; антропоморфные (эмотивные; ментальные метафоры; метафоры характера и метафоры поведения). Луна воспринимается как самостоятельный, не связанный с другими небесным объектом, отстраненный от людей, но тем не менее наблюдающий с высоты за их жизнью.

This article deals with the description of the antropomorphic (mental, emotive, social) including vital, perceptual and bodily metaphors. Signs underlying the creation of such metaphors are explained from the mythology and symbolism perspective. The modern poetic works are used as an illustrative material. One of the sources of language material is the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru) served. It was noted 8 blocks of metaphors: the vital: moon – ‘the living entity’; somatic: moon – a creature with the ‘body’; perceptual: moon – seeing and hearing being; anthropomorphic (emotive, mental metaphors; metaphors of nature and behavior). The moon is seen as an independent, not related to other celestial objects, detached from the people, but, nevertheless, observing from the height of their lives.

Ключевые слова: метафора, концепт, символ, языковая картина мира.

Keywords: metaphor, concept, symbol, language picture of the world.

Обзор современных теоретических работ по лингвокультурологии и концептологии (А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, В. А. Маслова, М. В. Пименова, В. Н. Телия и др.) показал, что основной интерес для этих двух направлений лингвистической науки представляет изучение языка как аккумулятора информации о культуре и ментальности того или иного языкового сообщества [2 – 5].

Цель статьи: проанализировать концепт луна сквозь призму антропоморфного с учетом витального, перцептивного и соматического кодов. В качестве материала анализа используются произведения современной русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в.

Антропоморфизм – один из основных способов описания объектов мира, в том числе и объектов небесного мира. Человек описывает мир, исходя из известных ему качеств и свойств. Поэтому луна, звезды, планеты, кометы и солнце наделяются человеческими чертами (*звезда ведет, луна прячется, солнце смеется, кометы стремительно движутся, радуга широко раскинула свои руки и т. д.*).

Антропоморфизация луны обусловлена сакрализацией этого явления небесного мира. Боги в любой религии чаще всего имеют антропоморфные черты. В мифах разных народов прочитывается культ луны. А боги, в свою очередь, представляются с позиций очеловеченных свойств и качеств. Так, например, в рим-

ской мифологии Луна (Luna) – это богиня ночного света. Позже на смену культу Луны (Luna) пришёл культ Дианы (считавшейся воплощением ночного светила).

Многие мифы указывают на родственные отношения между двумя основными небесными светилами. Ещё в Древнем Перу было почитание Луны и Солнца. Инка Гарсиласо де ла Вега (1539 – 1616) в своих сочинениях называл Луну «женой Солнца», он писал, что в храме было два особых помещения: первое было облицовано серебряными пластинами, «чтобы по белому цвету узнавали, что это покой Луны», в нём «находился портрет, изображающий женский лиц на большом слитке серебра». В это помещение входили, чтобы вверить себя защите Луны, т. к. «ее считали сестрой и женой Солнца, а также матерью инков и всего их рода; и потому они называли ее Мамаквилла, что означает "мать Луна"». Луне не приносили жертв, как Солнцу. Луна почиталась как солнце мёртвых (*Мими говорит: по верованиям древних, луна – солнце мертвых*. Наталья Галкина. Вилла Рено // Нева. 2003). Сама Луна предстаёт в своих описаниях как мёртвая (Блекнет чутъ видный кусок совсем уже мёртвой луны... Семен Лунгин. Виденное наяву). Древние храмы представляли собой природное пространство, иконостасом в котором было небо (*Прямо над устрем в небе льдисто пылала Луна, а за ней сиял весь иконостас мироздания*. Алексей Иванов. Сердце Пармы).

В собранном языковом материале зафиксированы примеры обожествления луны разными народами. Среди богинь Луны – древнеегипетская Изида, древнеиндийские Кали-Майя и Шандра, древнегреческая Артемида (Более того, левая и правая свастики соответственно воплощают богиню Кали-Майю (Луну) и бога Ганеши (Солнце). Александр Клейн. 108 + свастика = Солнце? // Пятое измерение, 2002; *Шандра, индийская богиня луны, эротики и плодородия, царствует в этом лабиринте необычного дизайна, в который так легко зайти, но почти невозможно выйти*. Полнолуние // Мир & Дом. City, 2004.02.15; Это богиня Изида, богиня луны, знаний, мудрости и любви. Мария Перова. Легенды DeBon; *Древние греки отмечали дни рождения своих богов 12 раз в год (так, день рождения Артемиды, богини Луны и охоты, праздновали шестого числа каждого месяца)*. Ю. Фролов. Кто и когда придумал отмечать День Рождения? // Наука и жизнь, 2008). Как древнеиндийские боги создавали мир, створоживая Мировой океан, так и луна пахтает отраженный свет солнца (*Чудесное виденье на песке готовится отдать себя воде: лоскутья света облетают и большие тело не скрывают – не тело да же: сгусток сна, где свет пахтает нам луна – и запускает шаром в лабиринт желанья, распуская боли бинт*. Александр Иличевский. Бутылка). Луне поют гимны, как божеству (*Неужели соловей и жаворонок, оттого что они серые, а не красные и не бархатно-зеленые, как попугаи, – пожалеют, что Небо велело им петь Солнце и Луну?* К. Д. Бальмонт. На заре).

Живший во втором веке н. э. древнегреческий апологет Феофил Антиохийский рассматривал Солнце и Луну как дуалистические и взаимодополняющие символы, он отмечал, что Солнце есть образ Бога, Луна – это образ человека, потому что он получает от Солнца свет [7].

Возникновение и исчезновение Луны на небесном склоне, её меняющиеся фазы: всё это считалось убедительным символом «умирания и рождения» этого небесного светила. Древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего мистического и таинственного Геката (др.-греч. Ἑκάτη) имела эпитет Триодитис (Трёхликая), связанный с тремя основными фазами Луны (молодая Луна – новолуние, полнолуние, темная Луна – на ущербе) и тремя жизненными фазами женщины (девичество, материество, старость). Луна и ее синоним *месяц* имеют эпитеты *новорожденная* (11 октября опять наступит новолуние, а затем, как и за месяц до этого, *новорожденная Луна* долго будет скрываться на юге и появится только 19 октября, в ночь, когда наступит первая четверть. А. Остапенко. Луна и планеты в сентябре – октябре 2007 года), молодая (*Однажды в древней резиденции китайских императоров, пекинском «Запретном городе», куда Ельцин был приглашен на изысканную по-китайски церемонию восхода молодой луны, столь ценимую сентиментальными владыками Поднебесной, российский президент со свитой явился несколько позже назначенного срока (такие опоздания в его практике, кстати, были крайне редки)*). Борис Грищенко. Посторонний в Кремле).

Именно поэтому луну использовали в качестве первой меры времени (русское слово *месяц* – январь месяц, февраль месяц – и английское *month*, образованное от слова *moon* – тому подтверждение). На парском языке Луна называется *ମାହ* māh, что означает «измеритель», а латинское слово *mensis* «месяц» восходит к одному словообразовательному гнезду со словом *mensura* «мера». Лунная мера времени раньше широко использовалась многими народами и чрезвычайно распространена и поныне. Магометане и иудеи до сих пор руководствуются лунным календарем при определении своих церковных праздников, христиане определяют по этому календарю наступление пасхи, с фазами луны буддисты связывают рождение и уход в нирвану учителя Шакьямуни (см. подробнее: [1]).

Язык представляет большое количество фактов антропоморфизации этого небесного объекта. Луна переосмысливается как живое здоровое существо, способное двигаться по небосводу (*Луна жила и двигалась, но её движение не могло открыть ничего нового, потому что она катилась по раз и навсегда заведённому кругу, словно человеческая жизнь*. Андрей Волос. Недвижимость; – *Тогда пойдёмте на улицу, там сейчас здоровая луна*. И. Грекова. На испытаниях) или как мертвое существо (*Пустая дорога, огромная ночь, мертвая луна, четвероугольник машины мигает на обочине*. Александр Иличевский. Перс).

Луна описывается соматическими, перцептивными и витальными метафорами. На это указывают предикаты улыбки, одевания (*Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла по небу*. Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда?; *Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить*. М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

У луны есть практически все признаки ‘человеческого тела’ (*Яркая, обнаженная луна горит над утесом дальнего берега*. Алексей Иванов. Географ глобус пропил) с сопутствующими ему качествами (*А в комнате уже поселилась бездыханная тишина, и далекая озябшая луна освещала сквозь окно маленькую сгорбленную фигурку, несущую свой еженощный караул в изголовье опустевшей кровати...* Яна Кузнецова. Любовь лилипута; *Полнится каждую ночь, полнится, пока не наберется в круглую сытую луну*. Валентин Распутин. Женский разговор). Телесные признаки луны выражаются вегетативными метафорами (*Между тем наступил вечер, и в небо вышла полная, в соку и силе, луна*. В. А. Солоухин. Капля росы).

Выделены следующие соматические признаки луны: ‘лицо’ (*Одни шагают в ногу с народом, вдохновляясь его трудной, но счастливой судьбой, другим хватает общения с бледноликой луной*. Григорий Фукс. Двое в барабане; *Яркие весенние звезды редели на лиловом, бледнеющем небе, и уходила прочь полнолицая желтая луна*. Влада Валеева. Скорая помощь), ‘глаза’ (*Большая, глазастая луна обливала серебром деревья и траву*. Гавриил Троепольский. Никишка Болтушок), ‘брови’ (*Тихая спящая деревня – на земле,*

скорбная луна со вспухшими бровями – на небе. Ирина Муравьева. Документальные съемки), ‘лоб’ (*Лобастая луна* стояла высоко, окруженнная яркими звездами, как новый среди гривенников рубль. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев), ‘череп’ (Потемневшее небо уже было в звездах, из-за сырости выходила *плешивая большелобая луна*. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев), ‘рот’ (Казалось, *хохотала Луна* или *сама Вселенная*. Юрий Мамлеев. Конец света/Дорога в бездну), ‘ушки’ (*Из-за купола храма Христа показалось бронзовое ухо луны*. Анатолий Марингоф. Мой век, мои друзья и подруги; *И ветер угнал с неба расстёпаные тучи; выкатилась луна с ушами*, и ночью подморозило так, что *Снег покрылся твёрдой ледяной корочкой*. Эдуард Шим. Снег и кисличка), ‘ волосы’ (*Поседевшая луна* висела среди голых ветвей. Подмерзшие листья хрустели под ногами. К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность), ‘язык’ (*Луна*, просочившись сквозь щель занавески, *лизала ее съехавшую набок щеку с черным кустиком длинных волос*. Ирина Муравьева. Филемон и Бавкида; *Показалось, что луна дразнилась: корчила рожи и высывала желтый язык*. Андрей Троицкий. Удар из прошлого), ‘спина’ (Было семь часов вечера; *маленькая луна осторожно встала спиной к солнцу*. В. А. Каверин. Семь пар нечистых), ‘ноги’ (*Вон и луна встала не с той ноги*. Михаил Шишкин. Письмовник).

При этом лицо луны носит явно выраженные национальные черты, что связано с округлостью ее формы (– Здравствуй, – шепнул он в *монгольское лицо луны*. Денис Гуцко. Тварец; *Новый японец* размахнулся своей палкой, а Петьяка, открав рот, смотрел на эти три белых круга, расположившихся точно один над другим, и ему казалось, что у луны тоже японская рожа – с такими же хитрыми узкими глазами – и что вообще эти три белых круга похожи на снежную бабу, которую он слепил с Валеркой этой зимой, а бабка Дарья разбила ее потом коромыслом. Андрей Геласимов. Степные боги) или черты конфессиональной принадлежности (*И над всем этим сияла мусульманская луна* на высоком минарете. И. Гравчева. Диво в Дивове // Наука и жизнь, 2007). «Лицу» луны приписывают отображение стереотипных эмоций (*Луна уже пригорюнила на западе свое лицо набок – и вместо привычных ее глаз и улыбки видно было, как брат убивает брата, опрокинув вниз головой*. Татьяна Набатникова. День рождения кошки).

К индивидуальным характеристикам луны относятся эмоциональные признаки. Луна наделяется разными эмоциями, например, это ‘зависть’ (*После твоих слов моя серая Луна позеленела от зависти*. Евгений Велтистов. Рэсси – неуловимый друг), ‘стыд’ (*Луна от стыда закатилась за гору, / А птички зерно перестали клевать*. Александр Андрусенко. Свой собственный. Григорий Кусочкин).

Луна – существительное женского рода. Обычно луна символизирует женское начало, что можно проследить по словам в разных языках, ее обозначающим, принадлежащим к женскому роду (лат. Luna ж. р., исп. Luna ж. р., портг. Lua ж. р., франц. lune ж. р., греч. Селена или Артемида, в восточно-

азиатских языках Куанунин, Кваннон; майя Иксхел и т. д.).

Из-за смены фаз луна в мифологии считается не-постоянной, но все же благодетельной, которая оказывает влияние на характер, женский род и всех матерей [5]. Соматические признаки концепта отображают женскую сущность луны. Это выражается в признаках ‘женской одежды’ (*Темная ночь молчаливо пугается, Шалями тучек луна закрывается*. А. А. Есенина. Родное и близкое), ‘красоты’ (Так или иначе, все это продолжалось до тех пор, пока не появлялся на черном небе *красавец месяц*, который толстел и округлялся, превращаясь в *красавицу луну*, или не выпрыгивало однозначно круглое солнышко среднего рода, единственного числа, и тогда абсолютно слепые, глухие и немые электронные часы, прислушивающиеся исключительно к пульсации своей уже изрядно подсевшей батарейки, окончательно пропадали из поля зрения, и само небо указывало – говорить или молчать, держать глаза открытыми или закрытыми. Мария Голованивская. Почтальон), ‘роды’ (*По черной поверхности под его ногами неслись сразу три тени – одну, густую и короткую, рождала луна, а две другие, несимметричные и жидкие, возникали от каких-то других источников света – вероятно, окон. Виктор Пелевин. Тарзанка*).

Не все соматические метафоры описывают антропоморфный облик луны. Некоторые признаки этого концепта связаны с зооморфными чертами (ср.: Да, в том вечер была сотворена вселенная, и удивительная, *мудрая морда луны*, и соловьиная трель звонков в коридоре. Е. И. Замятин. Пещера). Эпитет луны *мордастая* означает «прост. С большой толстой мордой. Мордастый щенок. М. мужик» [6] (ср.: За открытым окном была белая ночь, висела *мордастая луна*, пахло тополем, растущим по соседству. Нина Катерли. Дневник сломанной куклы).

Перцептивные метафоры представляют луну как видящую (Он сделал в мире лишь несколько шагов, он увидел следы босых детских пяток на горячей, пыльной земле, в Москве жила его мама, *луна смотрела вниз*, а снизу её видели глаза, на газовой плите кипел чайник; мир, где бежала безголовая курица; мир, где лягушки, которых он заставлял танцевать, держа за передние лапки, и утреннее молоко, – продолжал тревожить его. Василий Гроссман. Жизнь и судьба), рассматривающую и наблюдающую. Луна может быть слепой. Признак ‘слепота’ ассоциируется с медленным передвижением этого небесного тела по небосводу (*Слепая луна с отрешенной медлительностью поднималась над вокзалом, над столицей, над страной, над Северным Полушарем*. Александр Иличевский. Перстень, Мойка, Прорва).

В русских авторских произведениях луне приписываются душевые качества сострадательности, равнодушия, бесстрастности, безучастности, одиночества, угрюмости и щедрости (*Сострадательная луна скрывается за облако, и смерть, сжалившись над нею, покрывает ее гробным покровом*. Г. П. Каменев. Инна; *Было оживленно, Аня, неуловимо изменившаяся и похорошившаяся, прогнала скучу с лица гостя, Артур рассказывал про институт, тут и там мелькали ма-*

нящие слова: сессия, коллоквиум, пара, зачёт, – школьники слушали его раскрыв рот, роскошная и равнодушная луна выкатилась над садом и глядела в окно, а нахальный студент между тем ухитился съесть почти целиком литровую банку золотистого крыжовенного варенья. Алексей Варламов. Купавна; Погибала здесь, загнанная в холодные приазиатские пески, погибала под угрюмой и равнодушной луной, и милая, бесконечно любимая им русская речь слилась с воплями ужаса и отчаяния разбегавшихся, покалеченных немецкими минами верблюдов. Василий Гроссман. Жизнь и судьба; Младший лейтенант Надешин с физиономией бессстрастной зимней луны напомнил майору, что ни сам он, ни тем более его надзиратели не знают немецкого языка и не знают латышского (они и русский-то знали плоховато). Александр Солженицын. В круге первом; Шумела вода, скрипел под сапогами песок, шуриши, отмечая шаг за шагом, резиновые отвороты, глядела сверху безучастная луна... Владимир Тендряков. Тройка, семерка, туз; Как печалится и поднимается все выше Над холмами одинокая луна. Александр Гиряевенко. Там от звезд такая тишина...; Луна была щедрая, и в ее холодном разливистом свете поблескивали зеленые лампочки редких в том году яблок, янтарные бусы обленихи, агатовые ожерелья черной смородины, влюбленные глаза собак, полные слез, и роса на стеблях травы, как маленькие глаза земли. Евгений Евтушенко. Волчий паспорт). Этими качествами определяется характер луны.

Расположение и отсутствие небесных объектов выражается в метафорах человеческих взаимоотношений. В основе создания таких метафор находятся признаки 'объятий' (К этому времени луна ненадолго вырвалась из облачных объятий. Леонид Юзефович. Дом свиданий), 'ссоры' (Пусть на листьях не будет росы поутру, Пусть Луна с небом пасмурным в ссоре – Все равно я отсюда тебя заберу В светлый терем с балконом на море... Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь). Другая часть признаков относится к социальному статусу и социальным взаимоотношениям. Луне свойственны, например, признаки 'соседка' (Я бы вышел к реке, ночевать у воды спокойней. Луна в омуте – соседка. Александр Ильинский. Горло Ушулуга), '(освободившаяся) пленница' (Луна наконец вырвалась из плена, и, освещаемые то палевым, то снежно-синим, облака шли, как ночные корабли. Игорь Адамацкий. Утешитель).

С давних времён луна ассоциируется с сумасшествием, безумием и другими ментальными болезнями. Эти же качества метонимически переносятся на саму луну (Повернув голову вверх и налево, летящая любовалась тем, что луна несётся под нею, как сумасшедшая, обратно в Москву и в то же время странным образом стоит на месте, так что отчётливо виден на ней какой-то загадочный, тёмный – не то дракон, не то конёк-горбунок, острой мордой обращённый к покинутому городу. М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Среди других ментальных у луны отмечены признаки 'знания' (Луна уже успела промыть глаза и теперь глядела сюда свысока, зная все про них наперед. Алан Черчесов. Венок на могилу ветра).

К антропоморфным признакам следует отнести признаки поведения. Луна «ведёт себя», как человек, странно и непредсказуемо (Еще одна загадка кроется в странном поведении Луны. Павел Котляр. Загадочные явления Солнечной системы). На это указывают признаки 'купания' (Лишь бледная, точно подвергнувшаяся атаке вампира, луна малокровно купалась в мраморном фонтане. Дмитрий Емец. Таня Гrottter и колодец Посейдона), 'плач' (Не исправляли дело и новые работы Зюба – клыки, в царапины которых вкраплены золото – пот Солнца и серебро – слезы Луны. Улья Нова. Инка), 'наблюдения' (Полная луна наблюдает за морем. Нина Щербак. Роман с филфаком), 'удивленного рассматривания' (Луна удивленно заглядывала сквозь битые пыльные стекла на перевернутые скамейки, разбитую стойку кассы, пост милиции с остатками забытой в спешке фуражки, разломанные турникеты на входе, освещала выведенные по трафарету инструкции и предостережения для посетителей телебашни. Дмитрий Глуховский. Метро). Часто луна описывается метафорами женского поведения (Сквозь дым просачивались лица друзей. Восточная луна ласкала улыбкой Майи Аймедовой. Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда).

Луна традиционно символизирует бессмертие, космическую и магическую силу, изменчивость, влияние на жизнь всей земли в целом. Луна управляет человеческой судьбой, властвует в растительном и животном мире. В мифологии небесные объекты вступают в родственные с луной отношения. Луна – «один из самых важных природных символов, соединивших в себе как положительные, так и негативные черты. В культурах многих народов луна – символ красоты и совершенства (ср.: луночка)» (см. подробнее: [6]). Этот символ был привнесен в русскую, английскую и другие культуры из восточных стран.

Таким образом, концепт луна объективируется следующими блоками метафор:

1 блок – витальные метафоры: луна – живое существо: живое, молодое, движущееся, здоровое, сытое, озябшее, сильное, рождающее, мёртвое существо;

2 блок – соматические метафоры: луна – существо, имеющее 'тело': у луны выделены признаки: 'лицо', 'глаза', 'брови', 'лоб', 'череп', 'рот', 'уши', 'волосы', 'язык', 'спина', 'ноги';

3 блок – перцептивные метафоры: луна – видящее и слышащее существо, «имеющее органы восприятия» ('глаза' и 'уши');

4 блок – антропоморфные метафоры: луна – 'мать'; 'соседка'; '(освободившаяся) пленница'; 'находящаяся в объятиях', 'поссорившееся существо';

5 блок – эмотивные метафоры: луна – печальная, завидующая, стыдливая;

6 блок – ментальные метафоры: луна – сумасшедшая, безумная, знающая;

7 блок – метафоры характера: луна – сострадательная, равнодушная, бессстрастная, безучастная, одинокая, угрюмая, щедрая;

8 блок – метафоры поведения: луна – дразнится, купается, плачет, удивляется, рассматривает, ласково улыбается.

Антропоморфизм объектов небесной сферы, в частности *луны*, представленный в языковом материале проанализированными блоками метафор, обусловлен, с одной стороны, с пришедшиими в русскую лингвокультуру древними традициями почитания луны (её обожествления), с другой стороны – *луна*, как и многие другие концепты, развивая свою структуру, «получила» свои антропоморфные признаки по аналогии с другими концептами небесной сферы (антропоморфные признаки – обязательный компонент структуры любого концепта). Человек, познавая окружающий мир, переносит свои качества на объекты этого мира, наделяя луну, солнце, звёзды свойственными ему самому признаками.

Собранный языковой материал позволяет увидеть еще одну закономерность – 88 % антропоморфных признаков относятся к категории индивидуальных, а не социальных (их доля составляет всего 12 %). *Луна* носителями русского языка обычно воспринимается как самостоятельный, не связанный с другими небесный объект, отстраненный от людей, но тем не менее

наблюдающий с высоты за их жизнью. Для *луны* практически не свойственны социальные, интерперсональные и этические признаки, что говорит об отделении луны от других небесных объектов. Известное в науке влияние луны на эмоциональную и ментальную сферу жизнедеятельности людей в языковой картине мира преломляется в метафорах в обратном векторе восприятия: сама луна эмоциональна и безумна.

По нашему мнению, антропоморфизм луны объясняется помимо фактора расширения концептуальной структуры за счет образных признаков заметным влиянием других культур на русское языковое сознание. Вторая сторона антропоморфизма луны предопределена её теоморфными признаками: богов человек уподобляет себе. Третья сторона антропоморфизма исследуемого концепта объясняется грамматическим женским родом слова, его вербализующего. Отсюда – признаки стереотипного «женского» поведения, характера и эмоциональных состояний в структуре концепта *луна*.

Литература

1. Богиня Луны в мифологиях разных народов. Режим доступа: <http://zoroastrian.ru/node/721> (дата обращения: 10.05.2015).
2. Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 248 с. (Серия: Концептуальные исследования). Вып. 16.
3. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Вып. 2(54). Т. 2. С. 127 – 131.
4. Пименова М. В. Ментальность в зеркале фольклорной картины мира // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: коллективная монография: к 80-летнему юбилею профессора В. В. Колесова. Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2014. 376 с. С. 70 – 105. (Серия: Концептуальный и лингвальный миры). Вып. 5.
5. Сидорова Н. П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов ЛУНА и MOON: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.
6. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.vedu.ru/expdic/16017/> (дата обращения: 2.05.2015).
6. Энциклопедия символики и геральдики. Режим доступа: http://www.symbolarium.ru/index.php/Краткая_энциклопедия_символов (дата обращения: 09.05.2015).

Информация об авторе:

Балашова Наталья Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания Новокузнецкого института (филиала) КемГУ, balashova.nata84@yandex.ru.

Natalia P. Balashova – Candidate of Philology, teacher of the Department of English Language and Teaching Methodology, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 08.06.2015 г.

УДК 81' 36:81' 42

**СПОСОБЫ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ:
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА**
С. Г. Буданова, А. Г. Рябинина

**THE METHODS OF FORMAL-SEMANTIC IDENTIFICATION OF THE SECONDARY NATURE:
SOME RESULTS OF THE LINGUISTIC EXPERIMENT**
S. G. Budanova, A. G. Ryabinina

Определены и описаны особые способы формально-семантической идентификации вторичных текстов. Предпринята попытка их разграничения на следующие типы: лексико-деривационный, формально-грамматический, просодический, комбинированный. Для достижения поставленной цели был проведен лингвистический эксперимент, суть которого состояла в том, что реципиентам предлагалось восстановить первичный вид протослова, включенного в рекламный текст в измененном виде, и указать конкретный источник трансформации. Одним из наиболее эффективных приемов признается лексико-деривационный способ (процент узнавания и восстановления от 80 % до 100 %), предполагающий распознавание адекватной вторичной текстовой единицы посредством лексических рядов (ключевых слов) протослова. Формально-грамматический способ характеризуется значительной или полной трансформацией основных лексических единиц при построении вторичного текста с сохранением исходной синтаксической структуры, морфологических показателей лексем и формо- и словообразовательных морфем, при восприятии которых осуществляется распознавание первоосновы (процент узнавания и восстановления от 9 % до 60 %). Просодический способ идентификации используется при полной трансформации протослова на синтаксическом, лексическом, морфологическом уровне, что затрудняет его восприятие в качестве вторичного текста без музыкального сопровождения, ритмико-звуковых, интонационных и тембральных признаков (процент узнавания и восстановления минимален – до 3 %). Совмещение в определенном тексте нескольких приемов (например, лексико-деривационного и просодического) позволяет говорить о восприятии протослова посредством комбинированного способа.

The special methods of formal-semantic identification of the secondary nature are defined and described. An attempt was made to divide them into the following types: lexical-derivational, formal-grammatical, prosodial, combined. To achieve this goal a linguistic experiment was carried out. The essence of which was that the recipients were offered to restore the original form of the Proto-Word included in the **advertising text** in a modified form, and to indicate a particular source of transformation. One of the most effective methods is lexical-derivational method (the percentage of recognition and reconstruction from 80 % to 100 %). It implies recognition of adequate secondary nature item through lexical units (keywords) Proto-Words. Formal-grammatical method is characterized by substantial or complete transformation of basic lexical units by construction of a secondary nature with saving the initial syntactic structure of morphological parameters of lexemes and forms and word formation morphemes during the perception of which the recognition of an original form is maid (the percentage of recognition and reconstruction from 9 % to 60 %). Prosodial method of identification is used for a complete transformation of Proto-Word on the syntactic, lexical, morphological level, which complicates its perception as a secondary nature, without musical accompaniment, rhythmic sound, intonation and timbre signs (the percentage of recognition and reconstruction minimal to 3 %). The combination of several methods (e.g., lexical- derivational and prosodial) in a particular text allows to talk about the perception of the Proto-Word by the combined method.

Ключевые слова: текст, рекламный текст, вторичность, идентификация вторичного текста, способы идентификации.

Keywords: text, advertising text, secondary nature, identification of a secondary nature, methods of identification.

Вторичный текст как явление достаточно специфическое должен быть изучен не только с точки зрения порождения, назначения, функционирования в разнообразных дискурсах, но и восприятия, которое представляет собой сложную когнитивную деятельность. Ведь адекватная интерпретация авторского замысла зависит как от компетенции читателя (слушателя), уровня его культурно-исторических знаний, так и от особенностей построения вторичного речевого произведения.

Данная проблема была затронута многими исследователями: М. В. Вербицкая [1, с. 13] подчеркивает необходимость «фоновых знаний», «вертикального контекста» и как его разновидность «широкого филологического контекста», а также семиотических данных, служащих для распознания «общего кода»,

Ю. В. Трубникова рассматривает ориентиры читателя и лексико-деривационную структуру, которая формирует адекватную семантику протослова в «сознании воспринимающего на ассоциативно-логической и смысловой основе» [2, с. 92], Н. В. Уканакова отмечает, что понимание содержания произведения происходит при появлении «валидной текстовой проекции» [3, с. 142] источника. Мы полагаем, что на восприятие вторичных единиц в большей мере оказывают влияние особенности текстопорождения (лексические, семантические, структурные и др.), позволяющие выделить следующие способы идентификации: лексико-деривационный (согласно концепции Ю. В. Трубниковой), формально-грамматический и просодический.

Для наглядного обоснования правомерности данного разграничения и выявления специфики распо-

ФИЛОЛОГИЯ

знавания вторичных образований нами был проведен лингвистический эксперимент, суть которого состояла в том, что реципиентам предлагалось восстановить первичный вид протослова, включенного в рекламный текст в измененном виде, и указать конкретный источник трансформации. При этом мы предприняли попытку подобрать такие речевые произведения, которые узнаваемы и известны широкому кругу лиц. В настоящем исследовании отражены результаты эксперимента на основе анализа анкет 240 участников, которыми стали студенты гуманитарного профиля обучения (экономический, филологический факультет и факультет архитектуры и дизайна) со знанием русского языка как родного.

Одним из наиболее эффективных приемов идентификации является *лексико-деривационный способ*, который, согласно концепции Ю. В. Трубниковой, предполагает порождение адекватной вторичной текстовой единицы на базе лексических рядов протослова, формирующихся посредством выделения ключевых слов и возникающих в структуре трансформированного произведения на основе «деривационно-детерминационных связей и семантико-сintаксических отношений» [2, с. 13]. Важно обратить внимание на то, что возможное изменение первичной конструкции с полным или частичным сохранением исходных языковых элементов в большинстве случаев не оказывает влияние на безошибочное распознавание источника при наличии у читателя (слушателя) соответствующих фоновых знаний.

Рассмотрим реализацию данного способа, проанализировав результаты лингвистического эксперимента, направленного на идентификацию двух текстов, один из которых функционирует в первичном виде, а другой несколько трансформирован. Так, рекламный материал сотовой компании «Мегафон» «Земля в иллюминаторе,/ Земля в иллюминаторе,/ Земля в иллюминаторе видна», относящийся к песне Анатолия Поперечного «Трава у дома», полностью соответствует источнику в лексическом и синтаксическом аспекте, что обеспечивает его адекватное восприятие. Показатели узнаваемости данного речевого произведения достигают наивысшего уровня, так как 100 % реципиентов правильно идентифицировали протослов и осознали его вторичное воплощение. Кроме этого, распознание отрывка песни сопровождалось появлением дополнительных комментариев у студентов, содержащих указание на композитора В. Мигулю, исполнителей – группа «Земляне» и позднее группа А. Макаревича «Машина времени», воспроизведение в знаменитом мультфильме «Ну, погоди!», и даже желанием продолжить цитирование (ответ студента: «Как сын грустит о матери,/ Как сын грустит о матери,/ Грустим мы о Земле, она одна...»), чего не требовалось согласно формулировке задания. На полученные данные высокой степени конкретизации источника с учетом связанных с ним сведений (авторство, коллектив исполнителей, включение в кинематограф) оказывает влияние нетрансформированная лексико-деривационная структура.

Следующий рекламный текст финансовой компании «Город Денег» «Место встречи бизнеса и инвестиций» соотносится с наименованием известного кинофильма «Место встречи изменить нельзя». В

процессе идентификации дословно восстановили первичное речевое произведение 97 % реципиентов, 0,5 % допустили ошибки, указав совершенно иной протослов (ответ студента: «Место столкновения двух стихий – воды и огня»), 2,5 % оставили конструкцию в предложенном виде. При этом один из участников эксперимента ассоциировал вторичный текст с именем В. Высоцкого, который снимался в главной роли в кинофильме «Место встречи изменить нельзя», что обусловлено известностью выражения и даже его использованием в повседневной речи в качестве сформировавшейся афористической конструкции. На высокий процент узнаваемости исходной текстовой единицы оказывает влияние лексико-деривационная структура, в которой лексемы «место встречи» сохраняются, а предикативная основа «изменить нельзя» замещается компонентами «бизнес и инвестиция». Подобная трансформация не затрагивает препозитивные ключевые слова и позволяет адекватно интерпретировать протослов. Таким образом, порождение речевого произведения посредством лексико-деривационной концепции с использованием языковых элементов основы влияет на высокий процент узнаваемости его источника.

Формально-грамматический способ характеризуется значительной или полной трансформацией основных лексических единиц при построении вторичного текста с сохранением исходной синтаксической структуры, морфологических показателей лексем (чаще всего частеречной принадлежности) и формо- и словообразовательных морфем (преимущественно суффиксов), при восприятии которых осуществляется распознавание первоосновы.

Проиллюстрируем особенности рассматриваемого способа на примере идентификации рекламного текста сухариков «Хрустята» «Вкуснота-то какая, хрустя! Хрустят все!», который восходит к фразе «Красота-то какая, лепота! Танцуют все!» из культового кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию». Небольшое количество представителей обозначенной группы правильно воспроизвели речевое произведение – 9,5 %, в некоторых работах, составляющих 35 %, было зафиксировано искажение протослова, минимальное число участников – 0,5 % – неверно назвали ключевые слова, но структуру источника остались исходной (ответ студента: «Вкуснота-то какая, прелест! Едят все!»), а остальные 55 % реципиентов либо восприняли языковой материал как нетрансформированный, либо осознали его вторичность, но затруднились дать ответ. Необходимо заметить, что степень приближения переработанной текстовой единицы к исходной зависит от количества использованных первичных языковых компонентов и, следовательно, варьируется в широких пределах: от минимального (ответы студентов: «Чистота-то какая, лепота!» или «Танцуют все!») до максимального с небольшими погрешностями (ответ студента: «Вкуснота-то какая, лепота! Танцуют все!»). Низкие показатели узнаваемости и восстановления вторичного текста мы можем объяснить тем, что при его порождении все ключевые единицы («красота», «лепота», «танцуют») заменены совершенно иными лексемами («вкуснота», «хрустята», «хрустят») с сохранением отношений тождества формально-грамматических показателей

(частеречная принадлежность, единство морфемной структуры и др.) и семантической близости («красота» – «вкуснота», «лепота» – «хрустота», «танцуют» – «хрустят»), что с точки зрения концепции Ю. В. Трубниковой приводит к образованию в большей степени самостоятельного произведения (производного текста), не являющегося вариантом исходного. Однако же некоторые участники эксперимента совершенно верно восприняли трансформированную текстовую единицу, на что оказывает влияние формально-грамматическая структура, актуализирующая элементы источника. Возможно, узнаваемость протослова достигается еще и включением в рекламный ролик образа Ивана Грозного, который является в кинокомедии ярким персонажем и, несомненно, запоминается зрителю, что зафиксировано в одной из анкет студентов.

Выявим специфику распознавания девиза олимпийского движения А. М. Дидона *«Быстрее, выше, сильнее»* в рекламном слогане магазина «Спортмастер» *«Дальше, больше, лучше»*. Из анализа полученных работ было установлено, что 48 % реципиентов соотнесли исходный текст с соответствующим источником, назвав ключевые единицы, 12 % дали приблизительные ответы, сопровождающиеся нарушением порядка слов (ответ студента: «Сильнее, быстрее, выше!») или неполным включением первичных компонентов (ответ студента: «Дальше, выше, сильнее!»), 2,5 % рассмотрели совершенно иной протослов (ответ студента: «Ближе, меньше, хуже!») и 37,5 % сохранили конструкцию в заданном виде. Интересно, что у некоторых участников рекламный слоган ассоциировался с паремиями (например, с пословицей «Чем дальше в лес, тем больше дров») и в единичном случае с именем Ю. Цезаря, но подобные предположения не могут считаться правильными. На невысокий процент узнаваемости первоосновы повлияли особенности порождения вторичного образования: замена всех ключевых слов, следовательно, отсутствие изначальной лексико-деривационной формы, однако же неизменяемость грамматических параметров, структурной характеристики позволяет определить источник в том случае, если читатель с ним достаточно хорошо знаком. Итак, в процессе восприятия данных текстов важны фоновые знания, но при этом значима и формально-грамматическая организация единиц, без которой распознавание исходного речевого произведения было бы невозможно.

Просодический способ идентификации используется при полной трансформации протослова на синтаксическом, лексическом, морфологическом уровне, что затрудняет его восприятие в качестве вторичного текста без музыкального сопровождения, ритмико-звуковых, интонационных и тембральных признаков. При этом подобные единицы являются чаще всего известной песней, реже – стихотворением в авторском исполнении или текстами, характеризующимися индивидуальной произносительной манерой.

Проанализируем рекламный материал шоколадного батончика «Snickers» *«Тем, кто вместо теплых слов поддержки/ Оскорбляет нас такой весь дерзкий,/ Отфутболить голод нужно мощно,/ "Snickers" голод удалит досрочно,/ Ты призы получишь – это*

точно», восходящий к песне Ю. С. Энтина «Бременские музыканты»: *«Ничего на свете лучше нету,/ Чем бродить друзьям по белу свету./ Тем, кто дружен, не страшны тревоги./ Нам любые дороги дороги,/ Нам любые дороги дороги!»*. Уровень восприятия данного текста можно считать достаточно низким, так как эталонный ответ дали 3 % реципиентов, передающий приблизительное (неполное) содержание первоосновы – 15 % (ответы студентов: *«Тем, кто любит, не страшны тревоги,/ Нам любые дороги дороги»* или *«Ничего на свете лучше нету,/ Чем бродить друзьям по белу свету»*), неверный – 0,5 %, а 81,5 % участников не произвели идентификацию. В одной анкете нами была зафиксирована ссылка на стихотворение с указанием автора Ю. С. Энтина, поэтическое произведение которого стало впоследствии песенным и получило реализацию в мультфильме. Думается, что преобразования протослова по основным классификационным параметрам, касающимся семантических, лексических, грамматических и структурных аспектов, затрудняет его адекватное восприятие. Вероятно, некоторые представители группы распознали текст только благодаря тому, что слышали его воспроизведение в рекламном ролике, где учитывается ритм, мелодия, рифма, но отсутствие собственно языковых отсылок повлияло на восстановление. Значит, восприятие подобных речевых произведений осуществляется посредством просодии и фоновых знаний, активизация которых требует глубоких умственных усилий при полной трансформации исходных текстов, так как является минимальной при самостоятельном чтении, не предполагающем музыкальное сопровождение.

В проведенном эксперименте в качестве исходных было использовано 20 вторичных рекламных текстов, способы идентификации которых различны. Так, процент восстановления текстов с помощью лексико-деривационного способа варьировался от 80 % до 100 % в зависимости от полного или частичного сохранения исходных языковых элементов, формально-грамматического способа – от 9 % до 60 %, что обусловлено сохранением лишь исходной словообразовательной, морфологической и/или синтаксической структуры, просодического способа – до 3 %, так как использование только звукового оформления первичного текста препятствовало его адекватному восприятию.

Таким образом, каждое вторичное речевое произведение обладает особой формально-семантической идентификацией, которая зависит от особенностей текстопорождения. При этом имеют значение лексико-деривационная и формально-грамматическая структура, просодические средства при отсутствии смысловых элементов, а также фоновые знания читателя (слушателя). Важно обратить внимание на то, что в дискурсе рекламы возможно совмещение в определенном тексте нескольких приемов (например, лексико-деривационного и просодического), допускающих в перспективе выявление аспектов восприятия протослова посредством комбинированного способа. Проведенное исследование нельзя считать завершенным, так как для подведения окончательных итогов необходимо большее количество экспериментального материала, наличие иных текстовых единиц и критериев для их анализа.

Литература

1. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов: (на материале современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 201 с.
2. Трубникова Ю. В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012. 354 с.
3. Уканакова Н. В. Стратегии восприятия текста-источника, объективируемые во вторичных текстах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Вып. 4(56). Т. 2. С. 141 – 149.

Информация об авторах:

Буданова Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, lanastar@bk.ru.

Svetlana G. Budanova – Candidate of Philological sciences, senior lecturer of the Russian Modern Language Department, Kuban State University.

Рябинина Алевтина Геннадьевна – студентка 2 курса филологического факультета Кубанского государственного университета, alyar2015@yandex.ru.

Alevtina G. Ryabinina – Second-year student of Faculty of Philology, Kuban State University.
(Научный руководитель – С. Г. Буданова). (Research advisor – S. G. Budanova).

Статья поступила в редакцию 10.07.2015 г.

УДК 81

**ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ:
ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ (по результатам эксперимента)**
Д. Р. Газиева

**ANALYSIS OF DYNAMIC PARAMETERS OF INTERNET-COMMUNICATION:
LINGUISTIC CAPACITY (experimental data)**
D. R. Gazieva

В статье рассматривается зависимость характера коммуникативного взаимодействия участника интернет-общения от одного из свойств субъекта коммуникации – языковой способности. Методологическую платформу исследования составляет теория аутопоэза, рассматривающая речевое событие как процесс адаптивного взаимодействия самоорганизующихся систем. Теоретические выкладки подтверждаются экспериментом с носителями русского языка, изучающими английский язык. Полученные в ходе проведения эксперимента данные показали, что субъект коммуникации не ориентирован на осуществление коммуникации в тех случаях, когда степень сформированности языковой способности препятствует полноценному пониманию текста и продуцированию ответного речевого действия. В таких случаях субъектом коммуникации могут быть задействованы разные адаптационные механизмы или стратегия самопрезентации. Проведенное исследование показало, что степень сформированности языковой способности определяет степень релевантности для живой системы (субъекта коммуникации) средовых факторов и, следовательно, ее способность к рекурсивному взаимодействию со средой.

The paper looks into the prospect of analyzing the correlation between the communicative behavior of a participant to the communication act and his/her linguistic capacity. The methodological platform of the current research is laid down by the theory of autopoeisis. Within this framework the communicative event is viewed as the process of adaptive interaction of self-organizing systems. The paper features the findings of the experimental research with Russian native speakers who learn English as a second language in order to show how autopoietic principles can be applied. The research reveals that a participant is not aimed at communication when his/her level of linguistic capacity prevents a more thorough understanding of the text and speech act production. In such cases various adaptive mechanisms or strategy of self-presentation may be employed. The study proves that linguistic capacity determines the level of understanding environmental factors by a living system (a participant of communication) and its ability to recursive interaction with the environment.

Ключевые слова: аутопоэз, аутопоэтическая система, рекурсивность, коммуникативная деятельность, языковая способность.

Keywords: autopoeisis, autopoietic system, recursiveness, communication activity, linguistic capacity.

Интернет-коммуникация представляет собой сложный для анализа исследовательский объект, поскольку она является комплексным коммуникативным событием, в котором единовременно задействовано неограниченное количество участников. Этот формат общения дает возможность выстраивать ком-

муникацию нелинейно, задействовать различные аудио-визуальные средства, выстраивать собственный имидж так, как того желает сам коммуникант. Подобная свобода действий приводит к тому, что участники интернет-коммуникации вырабатывают совершенно новые стратегии общения, которые невозможны и

недопустимы в традиционном межличностном взаимодействии. Специфика коммуникации в интернет-пространстве определяется такими особенностями этого формата общения, как анонимность, стереотипность, актуальность, интерактивность, автономность, дистантность, опосредованность, виртуальность и др. В связи с этим методы, разработанные для исследования текста, речевой деятельности и дискурса, мало применимы к анализу диалогического взаимодействия коммуникантов в интернет-коммуникации. Теоретическую основу исследования интернет-коммуникации, как представляется, должна составлять такая платформа, в которой учитывается свойственная этому феномену континуальность.

Так, новые исследовательские возможности открывает теория аутопоэза, разработанная чилийскими биологами У. Матураной и Фр. Варелой в 1970-е гг., поскольку она дает возможность анализировать вербальное взаимодействие в интернет-пространстве как процесс адаптации участника общения в конструируемой им среде. В аутопоэтической теории коммуникант трактуется как самоорганизующаяся живая система, основным свойством которой является самоохранение. Исходя из этого, коммуникация рассматривается как поддержание равновесных отношений между коммуникантом и его средой, которые, однако, постоянно «нарушаются» в силу того, что и живая система, и ее среда являются гибкими и пластичными. Именно поэтому авторы теории аутопоэза вводят понятие эволюции (как усложнения, так и упрощения) живой системы, направленной на достижение равновесных отношений между системой и средой [3, с. 27 – 63].

Для того чтобы «зафиксировать» механизм адаптации участника интернет-общения в среде требуется комплексный анализ субъекта коммуникативного взаимодействия, обладающего такими свойствами, как предшествующий коммуникативный опыт, степень сформированности психических операций, степень сформированности языковой способности и перцептивно-когнитивно-аффективная база коммуниканта (см. [1]).

В статье представлены результаты экспериментального исследования, направленного на изучение одного свойства коммуницирующего субъекта – степени сформированности **языковой способности**, которая определяется как владение языковыми/речевыми инструментами коммуникации (следует отметить, что в данном случае речь идет не о грамотности и объеме словарного запаса, а о способности эффективно применять необходимые вербальные средства для обеспечения взаимодействия со средой). Для того чтобы оценить значимость этого свойства в процессе коммуникативного взаимодействия участников интернет-общения был проведен эксперимент, в котором семидесяти испытуемым – носителям русского языка, изучающим английский язык, – было предложено сформулировать ответное речевое действие на отдельные высказывания участников англоязычных форумов. Высказывание было отобрано на англоязычном форуме, освещавшем социально-политические и экономические вопросы (*“What if sanctions backfire?”*).

На этапе планирования эксперимента была выдвинута гипотеза, согласно которой **языковая способность определяет уровень осмыслиения коммуникантом (живой системой) средовых факторов и, следовательно, ее способность к рекурсивному взаимодействию со средой**. Исходя из этого, ожидается, что при условии достаточного понимания предъявленного экспериментального текста испытуемые, отвечая, будут оперировать такими стратегиями, как генерализация, конкретизация, сравнение, поиск логического вывода и т. д. Однако в тех случаях, когда понимание текста будет недостаточно полным, комментарии испытуемых будут произвольными, не соотносимыми со стимульным высказыванием. Более того, можно предположить, что в подобных ситуациях испытуемые будут использовать стратегию само-презентации. Данная гипотеза может быть проверена при предъявлении испытуемым задания, направленного на понимание иноязычного текста (поскольку степень понимания текста может быть недостаточной для осуществления ответного речевого действия).

В результате анализа полученных данных было выявлено большое количество случаев, когда испытуемые, совершая ответное речевое действие, опирались на те слова и фразы, которые содержались в исходном высказывании. Так, 38 % испытуемых частотно использовали такую языковую единицу, как *“to impose the sanctions”*; 21 % – *“pressing Russia”*; 17 % – *“sanctions backfire US and Europe”*; 17 % – *“own production”*; 12 % – *“to influence the situation”*; 5 % – *“start peace negotiations”*; 4 % – *“to stop violence”*. Рассмотрим некоторые примеры.

– TO IMPOSE THE SANCTIONS: *These sanctions imposed by the USA are not more than panic of the US government and pathetic attempts to damage Russian economics and status...* (ср. в оригинальном высказывании: *... It condemns the actions of Russian government and is eager to control it by imposing different sanctions...*);

– PRESSING RUSSIA: *... Though sanctions they want to press Russian economy and make it helpless* (ср. в оригинальном высказывании: *The US also pushes the EU into joining the sanction process and pressing Russia...*). При этом наравне с использованием собственной единицы, заимствованной из оригинального текста, испытуемые в ряде случаев опираются на синонимичные единицы.

– Так, например, TO MAKE RUSSIA WEAKER: *I am firmly convinced that the main purpose of the US government is not to prevent violence in Ukraine, but to make Russia be weaker ...*; TO WEAKEN RUSSIAN ECONOMY: *I agree with the 1st abstract only as sanctions do weaken our economy and do have an impact of mainstream people...*; TO DESTRUCT RUSSIA: *Yes, America does everything possible to destruct Russia, to make it weaker*; TO DAMAGE RUSSIAN ECONOMY: *These sanctions imposed by the USA are not more than panic of the US government and pathetic attempts to damage Russian economy and status*.

– SANCTIONS BACKFIRE US AND EUROPE: *I am positive that the sanctions imposed on Russia are to backfire US and Europe...* (ср. в оригинальном высказывании: *... It condemns the actions of Russian government and is eager to control it by imposing different sanctions...*).

зывании: *But what if sanctions don't cause the needed effect and what's more, backfire US and Europe??*;

– OWN PRODUCTION: *Still there is a great possibility that sanctions will cause a converse effect and encourage Russia to develop its own production...* (ср. в оригинальном высказывании: *For example, the supplies of oil pipes were stopped, as a result, the USSR managed to start its own production of such pipes*);

– TO INFLUENCE THE SITUATION: ...*For instance it's obvious that the US is trying to influence the situation in Ukraine and attempts to make the EU follow their lead...* (ср. в оригинальном высказывании: *The US government tries to influence the situation in Ukraine...*);

– TO START PEACE NEGOTIATIONS: *The US Government tries not to come to peace negotiations but to start a war ...* (ср. в оригинальном высказывании: *The goal of the measures is to stop violence in Ukraine and to start peace negotiations...*);

– TO STOP VIOLENCE: ...*Still it's a rather controversial statement that the US government is eager to stop violence in Ukraine...* (ср. в оригинальном высказывании: *The goal of the measures is to stop violence in Ukraine and to start peace negotiations...*).

Представляется, что подобное «заимствование» языковых элементов стимульного высказывания является показателем того, что недостаточная степень сформированности языковой способности у испытуемого накладывает определенные ограничения в процессе формулирования ответного высказывания: испытуемый вынужден корректировать течение собственной мысли с тем, чтобы встроить эту мысль в определенный вербальный каркас. Иными словами, он ограничен в количестве доступных ему средств вербализации собственной мысли. Излагая это в терминах аутопоэза, мы можем говорить о том, что субъект коммуникации выстраивает иерархию средовых факторов таким образом, что формальные составляющие коммуникации оказываются для него приоритетными (при этом содержательные параметры, которые традиционно считаются наиболее значимыми составляющими коммуникации, утрачивают значимость).

На следующем этапе анализа были рассмотрены содержательные параметры реализованного в эксперименте коммуникативного взаимодействия.

Так, формулируя ответное высказывание, 48 % испытуемых согласились с предъявлением стимульным комментарием, 21 % испытуемых не согласились, а 31 % испытуемых посчитали данный вопрос спорным. Текстовый анализ показал, что испытуемые, согласившиеся со стимульным (оригинальным) высказыванием, преимущественно употребляли модальные слова (*I can agree that...*, *We all have to admit that...*), слова для выражения действия, вероятность совершения которого достаточно высока (*Still there is a great possibility...*, *there is a strong probability...*, *sanctions are very likely to result in...*, *it will be possible*), а также усилительные конструкции (*I am firmly convinced that...*, *I do agree that...*, *I fully agree that...*, *I am positive that...*, *I absolutely agree that...*, *I totally agree with...*).

Те испытуемые, которые не согласились с комментарием, как правило, употребляли глаголы с отри-

цательной семантикой (*I disagree with...*) или отрицательные модальные и вспомогательные глаголы (*I can't fully agree with...*, *I don't believe that...*).

И, наконец, испытуемые, считающие данный вопрос спорным, использовали глаголы умственной деятельности (*I see that...*, *I think that...*, *I believe...*, *I tend to believe...*, *I suppose...*), конструкции, обозначающие сомнение, спорность (*Hopefully...*, *this point is controversial...*, *this point is very arguable...*).

В тех ситуациях, когда степень сформированности языковой способности не ограничивала коммуникативные возможности испытуемых, в ответном речевом действии они предлагали продукт собственного осмысливания проблемы. Коммуникация при этом становится более сложной, поскольку испытуемые действуют разнообразные логические операции, такие как поиск логического вывода, генерализация, конкретизация, сравнение и др.

Анализ материала показал, что испытуемые частотно опираются на логическую операцию **поиска логического вывода**: *I disagree. I believe that the sanctions imposed to weaken Russia rather than to stop violence. If the USA was eager to end war, they wouldn't support Ukraine with weapons.* Испытуемый предлагает поиск возможных путей логического вывода, используя такие речевые обороты, как *“if you..., you will...”*.

Следует отметить, что испытуемый использует сложноподчиненные предложения с союзом *“because”*, *“as”*, что также свидетельствует о том, что он делает выводы на основе вышесказанного: *The US government tries to restrict freedom of actions of Russia in Ukraine (as they believe) imposing sanctions, however it doesn't work as they also have a desire to see Russia repressed and defeated.* Во втором примере: *I fully agree with this point of view because of some reasons. First of all, the US government tries to impose these sanctions because they realize that without the EU they won't win and these sanctions won't cause the needed effect. And secondly, they want to maintain their position as an empire and a world leader, so they see that Russia is a serious rival...* Испытуемый поддерживает мнение другого коммуниканта относительно санкций и говорит о том, что американское правительство настаивает на введении санкций против РФ, поскольку оно не уверено в решении данного вопроса без помощи Европейского союза в свою пользу. Помимо этого, данный пример иллюстрирует то, как коммуникант делает логические выводы, используя вводные фразы *“first of all”*, *“secondly”*. *I believe that the US government is trying to pour oil on flames in order to start a war against Russia. And moreover, it is trying to persuade the EU that Russia is the bad one here and does everything possible to invade into Ukraine. And I find sanctions not effective.* В данном примере коммуникант использует единицы *“moreover”* и *“I find...”*, предполагающие последующие выводы. Предлагая альтернативные возможности, испытуемые также используют оборот *“instead of ... we'd better...”*: *Instead of implementing sanctions and counter-sanction we had better think of a more peaceful and efficient way to help Ukraine.* В следующем примере: *However the government of the Russian Federation should spend more time to start its own production* – испытуемый предлагает поиск возмож-

ных путей логического вывода, что маркировано наличием модального глагола “*should*”.

Некоторое количество испытуемых предлагало ответы на высказывание, задействуя логическую операцию **генерализации**: *I fully agree with this statement. Russia is a strong politically country with our economic. Any American sanctions influence not only on Russia but on EU...* В данном случае испытуемый говорит о стране в целом, об этом свидетельствует фраза “*Russia is a strong politically country*”, а также употребление притяжательного местоимения множественного числа “*our*”. В вышеприведенном и ниже следующих примерах: *I tend to believe that sanctions won't cause the needed effect on any country because nowadays they are more or less developed and can cope with all the issues on their own or get help from other countries; Yes, I generally agree with this stance. Any aggressive measure triggers corresponding reaction...* – коммуниканты реализуют логическую операцию генерализации, используя местоимение “*any*”. В следующем примере: *still they won't get the reaction, as Russia and our people are much stronger than others suppose* – коммуникант при ответе на предложенное высказывание из интернет-форума также использует прием обобщения, используя фразу “*Russia and our people*”, говоря о том, что люди, живущие в России, намного сильнее, чем думают другие, и американскому правительству, устанавливая определенные санкции в отношении России, не удастся развязать войну и ослабить положение страны.

При ответе на стимульные высказывания испытуемые в некоторых случаях использовали логическую операцию **конкретизации**: *These sanctions imposed by the USA are not more than panic of the US government and pathetic attempts to damage Russian economy and status.* Испытуемый, употребляя указательное местоимение “*these*”, подчеркивает мысль о том, что санкции, введенные США, представляют собой безнадежные попытки ослабить российскую экономику и испортить ее репутацию. *The main idea of the US sanctions is to weaken Russia as a dangerous competition on the world arena. Despite Ukraine situation America wants to save EU as ally.* В вышеприведенном примере автор прибегает к приему конкретизации, о чем свидетельствует словосочетание “*the main idea*”, которое акцентирует внимание на том, что, устанавливая санкции, правительство США намеревалось, прежде всего, дестабилизировать экономическую ситуацию в России. Далее испытуемый говорит о том, что, несмотря на ситуацию, сложившуюся на Украине “*despite Ukraine situation*”, правительство США желает оставить страны Европейского союза в качестве своих союзников. *The main purpose of the US government is not to prevent violence in Ukraine, but to make Russia be weaker.* В данном примере испытуемый употребляет словосочетание “*the main purpose*” и конструкцию “*not..., but ...*”, которые уточняют ту мысль, что целью правительства США является не предотвращение насилия на Украине, а ослабление экономического положения России. *Russia is the only country that must be more interested in Ukraine affairs.* Здесь коммуникант конкретизирует то, что Россия является единственной страной, которая должна быть

наиболее заинтересована в обстановке, сложившейся на Украине.

В следующем примере: *I agree with this point as US is trying to control the situation in Ukraine and from my point of view all of this has started also because of US policy...* – испытуемый, употребляя фразу “*all of this*”, еще раз подчеркивает наличие причинно-следственной связи между характером американской политики и обстановкой, возникшей в Украине. *But I partially share this point because history has a tendency to repeat still in the modern world the government should find more democratic measures and finally both countries will commit an agreement.* В данном примере коммуникант, говоря о том, что подобные ситуации могут повторяться вновь, поясняет, что в современном мире правительству следует находить более демократические меры и приходить к определенному консенсусу с другими государствами. *I cannot agree with the point of view presented. I don't see how the sanctions imposed on Russia can improve the situation in Ukraine. What do the USA and Europe expect Russia to do? Why is Russia the only one to blame for the conflict? We all have to admit that the sanctions had a negative effect on the Russian economy. They coincided with an oil price fall, which only aggravated the situation. But the sanctions imposed affect European and American partners of Russia, too.* В данном примере следует обратить внимание на употребление определенных артиклей со словами “*sanctions*”, “*situation*”, “*Russian economy*”. В некоторых случаях конкретизация проявляется в наличии в ответном речевом действии уточняющих вопросов “*What do the USA and Europe expect Russia to do? Why is Russia the only one to blame for the conflict?*”.

В ряде случаев испытуемые руководствовались приемом **сравнения**: *Ukraine and Russia, these two countries can be good friends, and there are some evident reasons: we have the same culture, religion, our histories have so many common points, we are neighboring countries at least, that means must respect each other and help. Russia is the only country that must be more interested in Ukraine affairs. The US successfully started this horror people faced in Ukraine to involve Russia and to demonstrate how much power the US still has over Russia.* В приведенном примере испытуемый сравнивает две страны, употребляя следующие словосочетания “*these two countries*”, “*we have the same culture, religion, our histories have so many common points*”, “*we are neighboring countries*”.

I'd rather disagree with this point. The thing is that Europe and the US are reluctant to admit that Russia has no influence on Ukraine and its war. They've just taken a chance to push harder on Russia and make it fall. В данном примере испытуемый сопоставляет Европу и Америку, подчеркивая то, что они не намерены признать отсутствие влияния со стороны России на обстановку, сложившуюся на Украине.

I tend to agree with the point of view presented in the text because it is a well-known fact that sanctions imposed to USSR triggered boom in its economy. However the government of the Russian Federation should spend more time to start its own production. Здесь испытуемый проводит сравнение между СССР и Россией, говорит о том, что санкции в отношении СССР оказали

благоприятное влияние на экономику страны, однако данный факт вовсе не свидетельствует о том, что правительство РФ затратит меньшее количество времени и усилий для того, чтобы начать собственное производство товаров.

Russia has its own answers to EU sanctions, is against the war and I hope will solve all the problems as successfully as it was before. В ряде случаев сопоставление было отражено в шаблонных моделях типа “as ... as”. В приведенном примере решение данного экономического вопроса сопоставляется с тем, как он был решен успешно в прошлом веке.

Некоторые участники эксперимента при продуцировании собственного ответа задействовали стратегию **самопрезентации**. Участвуя в интернет-общении, коммуникант всегда в той или иной степени осуществляет самопрезентацию – представляет себя другим, формирует о себе определенное впечатление. Иначе говоря, коммуникант, руководствуясь приемом самопрезентации, намеренно и осознанно (равно как ненамеренно и неосознанно) создает некое впечатление о себе у окружающих. Таким образом, он находит способ регулирования своего взаимодействия с социальной средой. Самыми значимыми, обладающими наибольшим потенциалом воздействия, являются такие компоненты самопрезентации, как способность убеждать: “*I have a hunch that the US government won't succeed in implying these sanctions. If we take a look at the example that the twentieth century gave to us we'll find out why. So I strongly disagree with this situation*” (в этом примере самопрезентация реализуется в формулах, отражающих субъективную точку зрения), аргументировать, сформировывать представление и оспаривать чужую точку зрения: “*I don't know what they want to get. These sanctions are not effective... But it backfires US and Europe as you can see. US has a great influence on Europe. But why? I don't know and who knows?*” (использование в ответном комментарии разнообразных отрицательных конструкций, направленных на противопоставление своей точки зрения чужой).

Представляется, что стратегия самопрезентации представляет собой своего рода защитный механизм: коммуникант осуществляет общение (не «выпадает» из процесса интернет-коммуникации), но при этом не определяет дальнейшее развитие дискуссии.

Таким образом, результаты проведенного эксперимента с носителями русского языка, изучающими английский язык как иностранный, показали, что 30 % испытуемых при продуцировании собственного ответа опирались на логическую операцию поиска логического вывода; 29 % испытуемых применяли операцию конкретизации; 15 % участников эксперимента выстраивали свой ответ, опираясь на логическую операцию сравнения; 14 % испытуемых при ответе использовали такую логическую операцию, как генерализация; 12 % испытуемых в той или иной степени осуществляли самопрезентацию – формировали определенное впечатление о себе, при этом акцент в их ответном речевом действии смещается с содержания высказывания на собственную личность.

Анализ экспериментального материала показал, что в тех случаях, когда понимание иноязычного тек-

ста было неполным, ответы испытуемых представляли собой преимущественно стереотипные или произвольные комментарии, не соотносимые со стимульным (оригинальным) высказыванием. При этом испытуемые иногда «переключались» на новый доминирующий мотив – самопрезентацию. Таким образом, в ходе обработки экспериментальных данных выяснилось, что некоторые испытуемые считают достаточным осуществление коммуникации на формальном уровне. Именно этим и может объясняться появление ответов, в которых реализуется стратегия самопрезентации.

Поскольку в исследовании под языковой способностью понимается способность эффективно применять необходимые вербальные средства для обеспечения взаимодействия со средой, был проведен анализ высказываний, полученных в ходе проведения эксперимента, на верbalном уровне. Выборка испытуемых, в которую вошли носители русского языка, изучающие английский язык как иностранный, была условно разделена на три подгруппы: сформировавшиеся, формирующиеся и слабосформировавшиеся искусственные билингвы. Следует отметить, что термин «искусственный билингвизм» используется тогда, когда второй язык является выученным языком (через учителя), а сам билингв практически не использует (или использует спорадически) выученный язык для постоянного общения с его носителями [2, с. 85]. Поскольку в эксперименте были задействованы студенты разных курсов высшего учебного заведения, они могут быть отнесены в следующие подгруппы: сформировавшиеся (студенты 3 – 4 курсов, изучающие английский язык как первый иностранный), формирующиеся (студенты 1 – 2 курсов, изучающие английский язык как первый иностранный) и слабосформировавшиеся (студенты, изучающие английский язык как второй иностранный) искусственные билингвы. Сравнительный анализ ответов испытуемых, вошедших в эти подгруппы, позволил выявить зависимость характера коммуникативного поведения индивида от степени сформированности его языковой способности.

На верbalном уровне в высказываниях сформировавшихся искусственных билингвов было отмечено употребление сложных конструкций, характерных для коммуникантов с высокой степенью сформированности языковой способности, а также распространенных предложений, раскрывающих суть обсуждаемого вопроса. Так, например, *I cannot agree with the point of view presented. I don't see how the sanctions imposed on Russia can improve the situation in Ukraine. What do the USA and Europe expect Russia to do? Why is Russia the only one to blame for the conflict? We all have to admit that the sanctions had a negative effect on the Russian economy. They coincided with an oil price fall, which only aggravated the situation. But the sanctions imposed affect European and American partners of Russia, too. And soon everyone will be left suffering. Instead of implementing sanctions and counter-sanction we had better think of a more peaceful and efficient way to help Ukraine.* Другой пример, демонстрирующий наличие высокой степени сформированности языковой способности: *I agree with this point of view. These sanctions imposed by the USA are not more than panic of the US*

government and pathetic attempts to damage Russian economics and status. Still there is a great possibility that sanctions will cause a converse effect and encourage Russia to develop its own production. Коммуникант употребляет различные грамматически и стилистически сложные конструкции, подкрепляя свой ответ релевантными фактами.

Формирующиеся искусственные билингвы при продуцировании собственного ответа на стимульный комментарий отдавали предпочтение простым предложениям: *I agree because Russia is strong enough to oppose during sanctions and war.* В следующем примере коммуникант повторяет стимульное высказывание, строит нераспространенные предложения, а в случае с условным предложением, которое делает предложение сложным, допускает грамматические ошибки: *I disagree. I believe that the sanctions are imposed to weaken Russia rather than to stop violence. If the USA was eager to end war, they wouldn't support Ukraine with weapons.*

В ответах слабосформировавшихся искусственных билингвов используются слова и фразы, «заимствованные» из стимульного высказывания, а также неполные конструкции и нераспространенные предложения: *“The goal of the measures is to stop violence in Ukraine and to start peace negotiations” – disagree. There is only one important thing in Amerika – the interests of Amerika. All the other countries are nothing for it. The same is with Ukraine. Yes, Amerika does everything possible to destruct Russia, to make it weaker. And uses all the methods it knows.* Среди испытуемых, изучающих язык как второй иностранный, количество допущенных орфографических, грамматических и стилистических ошибок значительно выше. *Russia is a strong politically country with our economic (economy).* Кроме того, встречаются неразвернутые ответы: *I agree that the sanctions are useless; I disagree with this*

Литература

1. Карданова-Бирюкова К. С. Реализация принципа рекурсивности речевой деятельности в политическом дискурсе (на основе анализа стенограммы телепередачи «К барьеру!») // Вестник МГПУ. (Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование). М.: МГПУ, 2013. № 2(12). С. 77 – 86.
2. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук. Институт языкоznания. Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.
3. Maturana H. R. Biology of language: the epistemology of reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg. Miller G. A., Lenneberg E. (Eds.). New York: Academic Press, 1978. P. 27 – 63.

Информация об авторе:

Газиева Диана Рустамовна – аспирант кафедры западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, diana-gazieva@mail.ru.

Diana R. Gazieva – post-graduate student with West European Languages and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teachers' Training University.

(Научный руководитель: Карданова-Бирюкова Ксения Суфьяновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, kardanova81@yandex.ru.

Research advisor: Ksenya S. Kardanova-Biryukova – PhD, Associate Professor with West European Languages and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teachers' Training University).

point; I tend to believe this point is arguable; The effectiveness of this measure is arguable.

Испытуемые, осуществляющие выход на самопрезентацию, в большинстве случаев принадлежат к группе слабосформировавшихся искусственных билингвов. Данный факт объясняет то, что при недостаточной ясности контекста или при непонимании контекста испытуемые «переключаются» на новый доминирующий мотив.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что степень сформированности языковой способности субъекта коммуникации определяет его ориентированность на содержание, структуру и стилистику речевых действий, составляющих интернет-коммуникацию, и дает возможность учитывать эти характеристики при выстраивании собственного ответного высказывания. При условии достаточного понимания вербальной составляющей коммуникации участники интернет-общения продуцируют содержательное ответное речевое действие, оперируя такими логическими операциями, как генерализация, конкретизация, сравнение, поиск логического вывода и некоторые другие. В тех случаях, когда понимание вербальной составляющей является недостаточно полным, комментарии испытуемых носят произвольный характер и не соотносимы со стимульным высказыванием, при этом часто наблюдается «выход» на стратегию самопрезентации.

Представляется, что степень сформированности языковой способности участника интернет-коммуникации в значительной степени определяет характер его адаптивного поведения в интернет-среде. Это свойство важно учитывать при моделировании коммуникативного взаимодействия участников интернет-общения с опорой на теорию аутопоэза, поскольку оно позволяет конструировать адаптивное поведение коммуниканта и объяснять возможные коммуникативные сбои.

Статья поступила в редакцию 17.07.2015 г.

О ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦАХ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ
КАК СТАТИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Н. Д. Голев, Д. А. Реттих

ABOUT GENDER-MARKED UNITS IN RUSSIAN TEXTS
AS STATISTIC CHARACTERISTICS OF LINK PARTS OF SPEECH
N. D. Golev, D. A. Rettikh

Статья посвящена проблеме наличия в русском языке гендерно-маркированных лексем. Ставится и обсуждается вопрос о степени такой маркированности у разных лексем, разрабатывается методика измерения лексических единиц в данном аспекте. Статья выполнена на материале служебные части речи – частиц и союзов. Источник материала – авторские профили, принадлежащие авторам-мужчинам и авторам-женщинам, на одном дискуссионно-информационном портале русского Интернета. Для решения поставленных задач авторами применяется лексико-квантитативный метод, связанный с определением частотности избранных лексем в текстах разных авторских профилей с их дальнейшим ранжированием в данном параметре для определения степени маркированности.

The article is devoted to the problem of gender-marked lexemes in the Russian Language. The question about the degree of marked lexemes is introduced and discussed, the methods of lexical units measuring being worked out. The article is done on the materials of link parts of speech – conjunctions and particles. The source of the materials is author profiles belonging to men and women on the discussion-informative portal of Russian Internet. The research is done by means of lexical-quantitative method which is connected with the definition of chosen lexemes frequency in the texts of different author profiles, further ranking to define the degree of marked lexemes being carried out.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, идентификационная лингвистика, частицы русского языка, лексико-квантитативный метод, мужская и женская речь, гендерно-маркированные тексты.

Keywords: gender linguistics, identification linguistics, Russian particles, lexical-quantitative method, male and female speech, gender-marked texts.

Статья включена в парадигму сибирской лингвоперсонологии, она продолжает линию разработки лингвоперсонологической гипотезы языка, согласно которой между оппозициями типов языковой личности и значимостями, формируемыми оппозициями в системе языка, существуют устойчивые коррелятивные отношения [2, с. 512 – 522]. В данной статье осуществляется попытка выстроить гендерную оппозицию языковых личностей и представить ее как оппозицию гендерно-маркированных лексем. Попытка противопоставления лексем по гендерному признаку осуществлена нами в статье «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность?» [3, с. 14 – 28], в которой гендерная сема понималась в системно-языковом плане как узуальная «способность» персоной лексемы обозначать лиц мужского и женского пола, а зоолексемы – самцов и самок. В данной статье поиск гендерной семы переведен в речевую плоскость, ее проявления авторы стремятся обнаружить не в объекте обозначения, а в субъекте речи, точнее, в образе автора в тексте, который так или иначе проявляет себя в нем, в том числе и в плане его гендерной принадлежности. Текст, таким образом, выступает как персонотекст. Гендерные персонотексты исследовались нами ранее в работе «К основаниям гендерной типологии читателей (на материале рефлексий о художественном тексте младших подростков)» [6, с. 119 – 125].

Основной способ обнаружения гендерных проявлений автора в тексте в настоящей статье – квантитативный, связанный с определением частотности избранных лексем в текстах разных авторов (относи-

тельно которых известна их гендерная принадлежность) с их дальнейшим ранжированием в данном параметре для определения степени маркированности. Квантитативное измерение системных оппозиций в языке также имеет свою линию в исследованиях авторов [1; 4; 5].

Изучение языка в аспекте гендерных различий имеет в российской лингвистике достаточно давнюю традицию, начало которой положили социолингвистические исследования. Гендерная лингвистика изучает языковые явления, связанные с различием носителей языка по полу. Среди факторов, определяющих дифференциацию языковых единиц, используемых мужчинами и женщинами, могут быть социальные, религиозные и др. Чаще всего различия проявляются в речи, на лексическом уровне, но могут также проявляться на орфоэпическом, фонологическом уровнях [16, с. 42]. В большинстве исследований гендерных проявлений в речи под мужским и женским полом подразумевается «...не биологический пол, а скорее, социальная роль (быть мужчиной/женщиной и совершать в связи с этим соответствующие данной культуре действия, в том числе и речевые)» [11, с. 46 – 47].

Существует множество работ, связанных с исследованием закономерностей в мужской и женской речи, среди них: Т. В. Гомон, Е. И. Горошко, Е. А. Земская, А. В. Кирилина, Е. С. Ощепкова [8 – 11; 15]. В результате исследований учёные приходят к выводу, что чётких дифференцирующих признаков, способных идентифицировать мужскую и женскую речь, не существует, однако, можно говорить о степени проявленности тех или иных единиц, указывающих на принадлеж-

ность автора к мужскому или женскому полу. Среди этих исследований мы выделяем работу А. В. Кирилиной, в которой говорится об определенных особенностях речевого стиля мужчин и женщин, который проявляется на двух уровнях, которые с известной долей условности мы назвали *симптомами первого и второго порядка*. К симптомам первого порядка относятся признаки, обнаруживаемые более четко. Они могут быть замечены непосредственно в период речевого общения: перебивания, длительность речевого периода, категоричность высказывания и связанные с ней предпочтения в выборе типа речевого акта, управление тематикой диалога и т. д. К симптомам второго порядка относятся особенности речи, для выявления которых требуется специальная статистическая процедура: частотность употребления определенных частей речи, частиц, синтаксических конструкций. Данное исследование имеет своим предметом, по терминологии А. В. Кирилиной, симптомы второго порядка.

Целью настоящего исследования является выявление в тексте симптомов второго порядка на основе служебных слов русского языка (прежде всего частиц), которые несут в себе признак гендерной принадлежности языковой личности автора данного текста. Основным способом обнаружения названного признака является количественный подсчет интересующих нас лексем в текстах, написанных мужчинами и женщинами, и дальнейшим их сопоставлением, направленным на выявление лексем, которые можно было бы квалифицировать как преимущественно мужские или женские. Маркированные по гендерному признаку тексты мы называем персонотекстами. Обращение к формально количественным методам обусловлено тенденциями развития лингвоперсонологии вообще (см. опыты квантитативных исследований в [13 – 14]) и гендерной лингвистики в частности. А. Г. Фомин писал в связи с последней: «Введение статистических принципов обработки данных в лингвогендерные исследования не является новым для мировой науки, но современная российская лингвистика находится на таком уровне обобщения лингвистических данных, когда обнаруживается необходимость обязательной, точной обработки данных для получения репрезентативных выводов» [17, с. 5].

Исходной установкой исследования послужило предположение о том, что в русском языке существуют слова, которые в плане частотности имеют гендерную маркированность. Следовательно, в текстах, написанных женщиной, будут чаще встречаться одни слова, а в текстах, написанных мужчиной, другие слова. На основе данной гипотезы за основу исследования был взят лексико-квантитативный метод изучения (см. о нём: [13; 14; 17]).

Материалом послужили 9 текстов (*средней размер текста – 10 тыс. слов.*) пользователей портала “Newsland”, при этом известно, что 3 из них принадлежат мужчинам (м1, м2, м3), 3 – женщинам (ж1, ж2, ж3) и 3 текста на начальном этапе идентифицированы не были.

Newsland – информационно-дискуссионный портал, в котором пользователи могут оставлять комментарии к новостным статьям. У каждого зарегистриро-

ванного пользователя сайта имеется профиль. За основу материала исследования были отобраны профили пользователей данного портала, и из данных профилей извлечены авторские комментарии. Комментарии были извлечены подряд, без деления на темы и т. п.

Для исследования были выбраны наиболее частотные частицы и союз русского языка [18]: же, ведь, бы, вот, только, ещё, если, ну, не.

На начальном этапе работы было подсчитано количество слов, принадлежавших данному пользователю, и по формуле:

$$\frac{\text{Количество частиц в тексте} \times 100}{\text{общее количество слов}} = \\ = \text{частотность частиц, выраженная в \%}$$

найдена частотность употребления заданных частиц в соотношении с общим числом слов.

Ниже представлены результаты подсчётов, которые показывают процентное соотношение исследуемого слова ко всему тексту (все данные указаны в %):

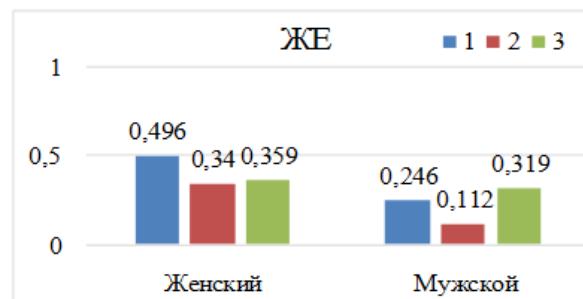

Рис. 1. Частотность употребления частицы ЖЕ

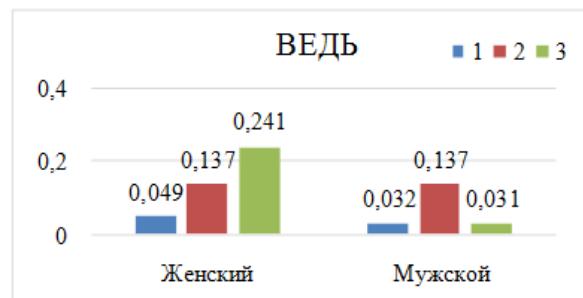

Рис. 2. Частотность употребления частицы ВЕДЬ

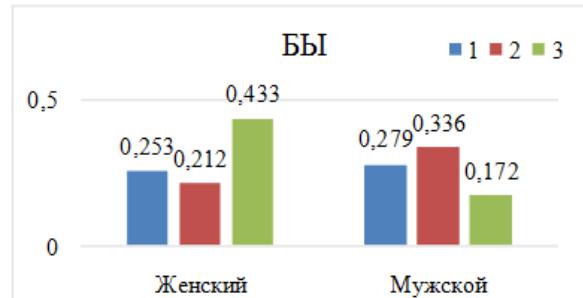

Рис. 3. Частотность употребления частицы БЫ

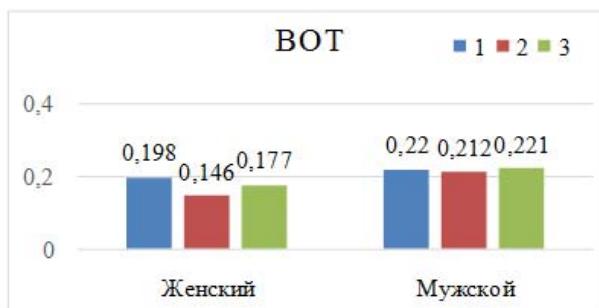

Рис. 4. Частотность употребления частицы ВОТ

Рис. 7. Частотность употребления союза ЕСЛИ

Рис. 5. Частотность употребления частицы ТОЛЬКО

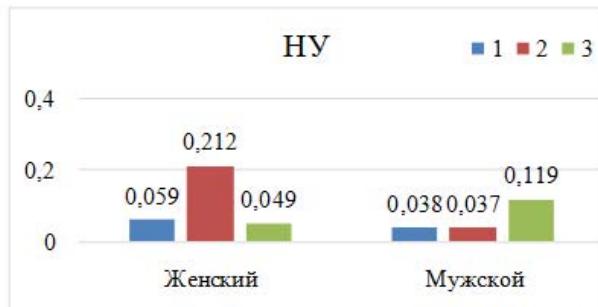

Рис. 8. Частотность употребления частицы НУ

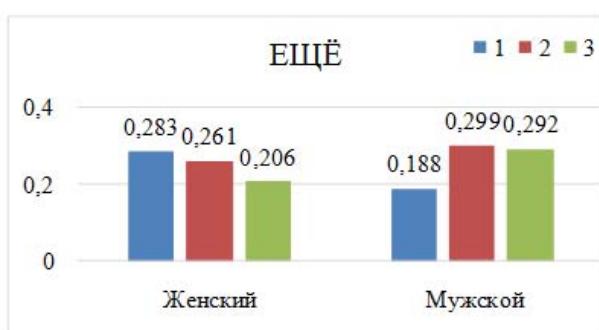

Рис. 6. Частотность употребления частицы ЕЩЁ

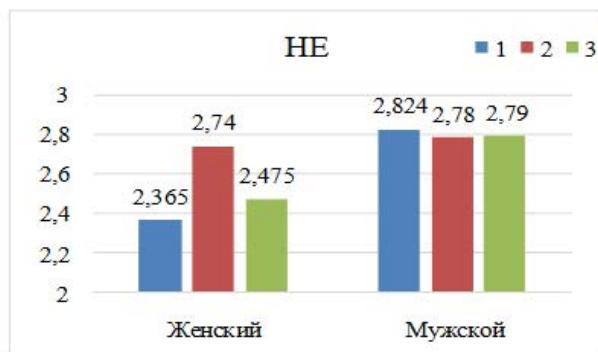

Рис. 9. Частотность употребления частицы НЕ

Результаты позволяют провести линию гендера у трёх частиц: же, вот, не.

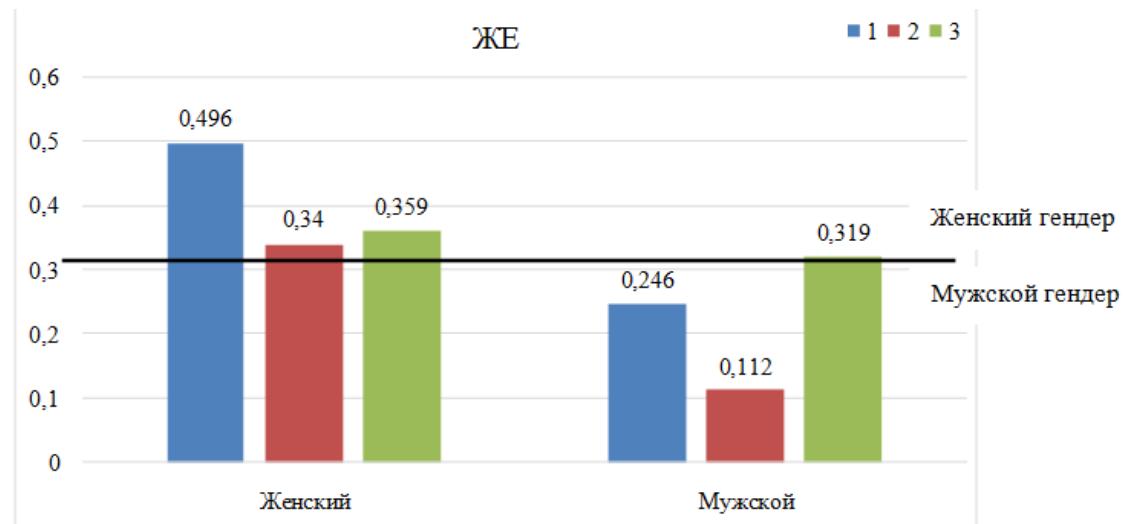

Рис. 10. Сопоставление частотностей употребления частицы ЖЕ в женских и мужских текстах

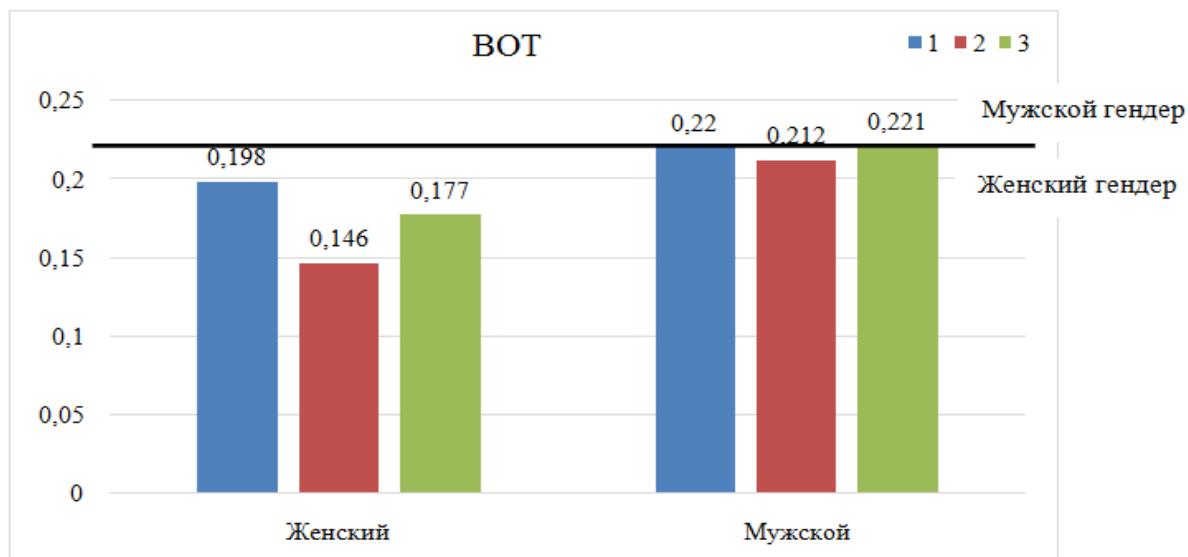

Рис. 11. Сопоставление частотностей употребления частицы *BOT* в женских и мужских текстах

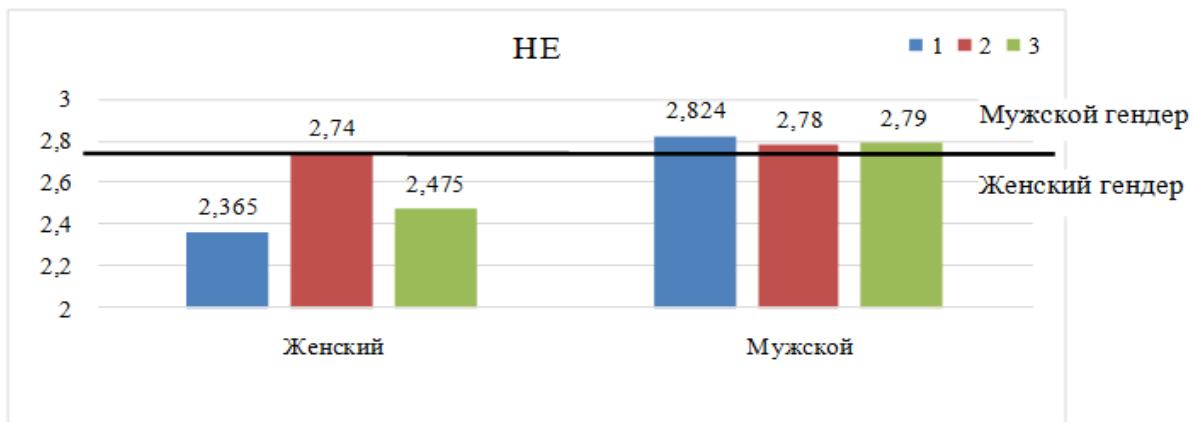

Рис. 12. Сопоставление частотностей употребления частицы *НЕ* в женских и мужских текстах

Данная линия говорит о возможной гендерной маркированности данных частич русского языка. Следующим этапам исследовательской работы является апробация полученных результатов. Проверка проводилась на основе трёх текстов других авторов, взятых из того же источника. Для частоты проверки изначально пол авторов известен не был.

Принцип проверки: в проверочных текстах (п1, п2, п3) высчитывалась частотность гендерно-маркированных частич по той же формуле, что в исходных текстах. Далее результаты соотносились с предыдущими данными. Реальный пол авторов был проверен по глаголам прошедшего времени: все тексты были написаны мужчинами.

Результаты проверки: рис. 13 – 15.

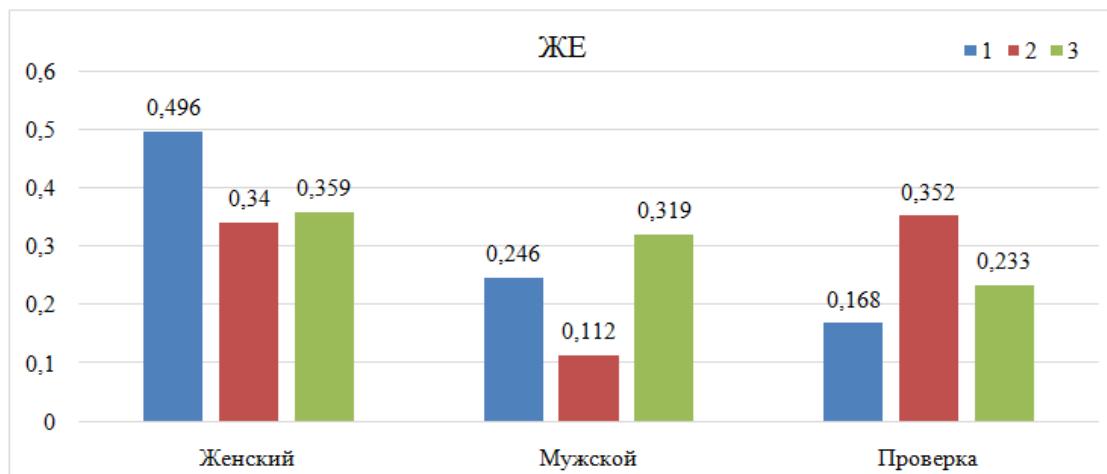

Рис. 13. Сопоставление частотностей проверочных текстов с имеющимися данными по частице *ЖЕ*

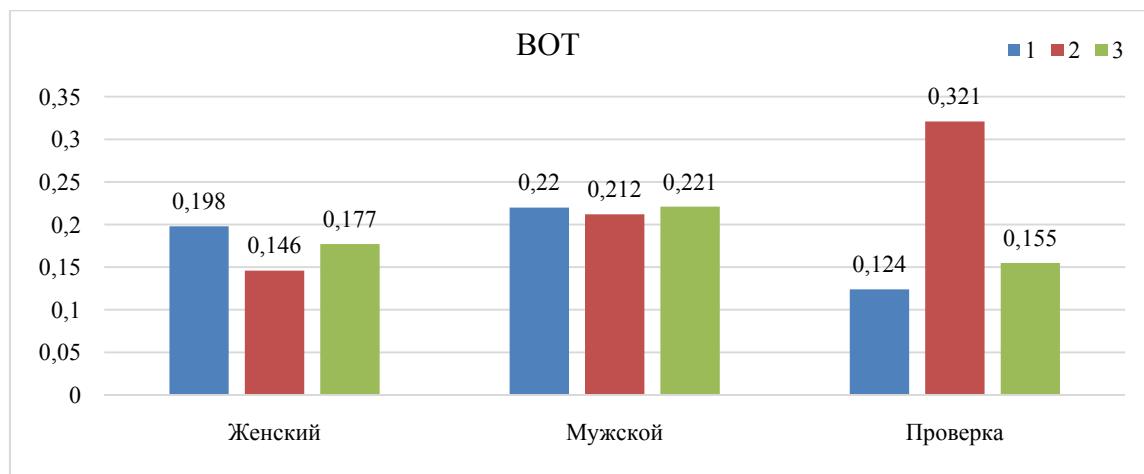

Рис. 14. Сопоставление частотностей проверочных текстов с имеющимися данными по частице ВОТ

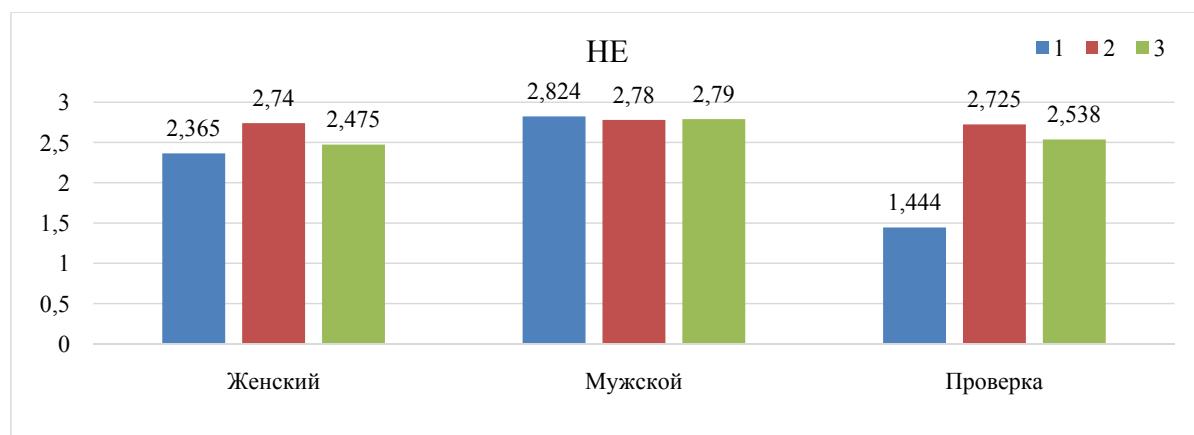

Рис. 15. Сопоставление частотностей проверочных текстов с имеющимися данными по частице НЕ

Результаты анализа позволяют сделать следующие обобщения: п1 = женский (по частице *не*), мужской (по частице *вот*), мужской (по частице *же*), следовательно п1 = 1/3 женский, 2/3 = мужской; п2 = женский + мужской + женский, следовательно п2 = 2/3 женский, 1/3 мужской; п3 = женский + женский + мужской, следовательно п3 = 2/3 женский, 1/3 мужской. Что говорит нам о том, что текст № 1 принадлежит мужчине, № 2 и № 3 – женщине.

Данные результаты получены на ограниченном материале (и в плане массива «просчитанных» текстов и в плане набора «просчитанных» лексем и языковых личностей – авторов текстов), поэтому экстраполировать эти результаты в плоскость системной лингвистики и говорить об устойчивости гендерной семы для той или иной лексемы преждевременно. Также из того, что полученные результаты не соответствуют реальному полу автора, следует: из приведённых частиц нет такой, которая смогла бы чётко определить гендер автора. Есть лишь некоторые проявления различий, носящих слабо выраженный градуальный характер, так, частица *же* проявляет достаточно сильную позицию в гендерно-идентификационном аспекте. Это во многом объясняется специфическими функционально-семантическими характеристиками служебных слов, употребление которых обусловлено не столько семантикой (тем более номи-

нативной), сколько синтагматикой. По терминологии представителей Пражской лингвистической школы, они являются номинативно слабыми, но синтагматически сильными (в большей мере последнее касается предлогов и союзов). Продолжая линию обоснования слабости гендерной семы, заметим также, что среди проанализированных частиц и союза: *же*, *ведь*, *бы*, *вот*, *только*, *ецё*, *если*, *ну*, *не* – нет такой, с помощью которой можно чётко идентифицировать пол автора. В это плане значимы результаты, полученные в исследовании Т. Б. Крючковой [12], в поле зрения которой попадает частица *не*. Согласно данному исследованию «в речи женщин также наблюдалась тенденция к более частому употреблению частицы "не"». Нетрудно убедиться, что в нашем исследовании получены данные, позволяющие интерпретировать частицу «не» как гендерно (слабо) маркированную. Нарушение закономерности можно объяснить разными дискурсами текстов, взятых для исследований. Все сказанное приводит к выводу о необходимости продолжения исследований в рамках сформулированной гипотезы на другом (дискурсном, жанровом, персонном) материале.

Литература

1. Голев Н. Д. О возможностях Интернета в количественном описании лексической семантики // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: материалы I Международной научной конференции (23 – 24 марта 2006 г.) / под ред. Н. Б. Лебедевой. Вып. 1. Кемерово: Меркурий, 2006. С. 41 – 49.
2. Голев Н. Д. О корреляционных связях между системой типов языковых личностей и системой категорий русского языка // VI Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и Мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». 22 – 25 мая 2014 года. Лёвен, Бельгия. Department of Slavonic and Eastern European Studies of the University of Leuven. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego). С. 512 – 522.
3. Голев Н. Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томского государственного университета. (Серия: Филология). 2013. № 6(26). С. 14 – 28.
4. Голев Н. Д. Поисковые системы Интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования) // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24 – 26 марта 2009 г.) / под ред. Е. В. Петрухиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 197 – 212.
5. Голев Н. Д. Понятие «квантитативная мощность языковых единиц» и его исследовательские возможности (по статистическим данным поисковых систем Интернета) // Метаязык науки: мат. Международной научной конференции / гл. ред. С. В. Лесников. Сыктывкар: Сыктывкар ГУ, 2012. С. 245 – 254.
6. Голев Н. Д., Максимова С. А. К основаниям гендерной типологии читателей (на материале рефлексий о художественном тексте младших подростков) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 4. С. 119 – 125.
7. Головина Т. А. Лингвоперсонологическое функционирование частей речи: статистический аспект: на материале художественных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008.
8. Гомон Т. В. Судебно-автороведческая экспертиза текстов документов, составленных с намеренным исказением письменной речи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
9. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения: (психолингвистический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
10. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1993.
11. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты: монография. М., 1999.
12. Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 186 – 200.
13. Напреенко Г. В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 17 – 23.
14. Напреенко Г. В. Интернет-дневники и проблема идентификации личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 544 – 559.
15. Ощепкова Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2003.
16. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006.
17. Фомин А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2004.
18. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

Информация об авторах:

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ, ngolevd@mail.ru.

Nikolay D. Golev – Doctor of Philology, Professor at the Russian Language Department of Kemerovo State University.

Реттих Дмитрий Александрович – студент по направлению «Отечественная филология» КемГУ, hcitteramid@gmail.com.

Dmitriy A. Rettikh – student of Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **Н. Д. Голев**). (Research advisor – **N. D. Golev**).

Статья поступила в редакцию 01.06.2015 г.

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ
В ПОСТКЛАССИЧЕСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**
A. Ю. Друцэ

**MODERN METHODS OF THE AUDIENCE MANIPULATION
IN POSTCLASSICAL DIPLOMATIC DISCOURSE**
A. J. Drutse

Становление дипломатии как более открытой сферы повлекло за собой множество изменений, которые оказали влияние на формирование нового вида дипломатического дискурса – постклассического дипломатического дискурса. По нашему мнению, основными характеристиками, указывающими на формирование постклассического дипломатического дискурса, можно считать: внедрение повседневной лексики, в том числе и сленга, в речь некоторых дипломатов, высказывание личной точки зрения, выбор совершенно новых тактик уклонения, не характерных для классического дипломатического дискурса. Во многом благодаря широкому распространению и внедрению онлайн-ресурсов в жизнь людей речи дипломатов моментально становятся достоянием общественности, вследствие чего неудачно выбранное выражение или тактика уклонения может повлечь за собой негативную реакцию аудитории, крайне нежелательную для дипломатического деятеля. Детальное изучение данного явления предоставляет возможность выявить и сравнить успешность достижения коммуникативной цели того или иного дипломата в зависимости от выбранной им тактики уклонения или вовсе отказа от нее.

Coming into being a diplomacy as more public sphere entailed serious changes that have an influence upon formation the new kind of diplomatic discourse – postclassical diplomatic discourse. Nowadays internet has a wide distribution, it means that modern diplomatic speech is open for everybody, because of it unsuitable choice of words or deviation tactic can bring about negative reaction of authority that is undesirable for diplomat. According to our opinion the main characteristics of postclassical diplomatic discourse are introduction of daily speech and slang in diplomatic discourse, expression of private opinion, choosing new deviation tactics, that are not typical for classical diplomatic discourse. In-depth study of this phenomenon offers great opportunities to reveal and compare choosing deviation tactics with successfulness of achieving communicational goal.

Ключевые слова: постклассический дипломатический дискурс, стратегия речевого поведения, тактика уклонения.

Keywords: postclassical diplomatic discourse, communication behavior strategy, deviation tactic.

Сегодня, когда «всемирная паутина» связывает всех людей на планете независимо от их места жизни, социального статуса, уровня образования, убеждений и иных характеристик, мир вокруг нас изменился качественно, действительно сжавшись до размеров «деревни», пусть и виртуальной. Практически любая информация, которая может интересовать человека, стала доступной для пользователей интернета, и эта доступность не могла не повлиять на коммуникацию не только на бытовом уровне, но и на институциональные виды дискурса. Стали обычными публичные лекции в интернете, эффективно работают сайты, на которых граждане могут общаться с представителями власти, существует множество интернет-сообществ, где их члены обсуждают все те проблемы, которые их интересуют.

Радикально изменился и дипломатический дискурс, по крайней мере в той его части, которая касается открытых для широкой публики вопросов. Еще два десятилетия назад дипломатия представляла собой практически закрытую сферу, интересную только для профессионалов и узкой группы интеллектуалов, делавших выводы о каких-то событиях на международной арене на основе тщательного анализа официальных заявлений либо интервью представителей дипломатического корпуса, которые в своих речах неукоснительно следовали строгим правилам, выработан-

ным столетиями. Современный дипломатический дискурс становится предметом обсуждения в самых разных слоях населения. С одной стороны, это может объясняться растущим интересом простых людей к ситуации в современном мире. Однако, как нам представляется, главная причина кроется в том, что все чаще в качестве основной аудитории дипломаты намеренно избирают обычного человека, а важнейшей целью их выступлений, как официальных, так и записей, размещаемых на личных страницах в интернете, становится конструирование общественного мнения по важнейшим вопросам политики их страны. Все это свидетельствует о качественных сдвигах в дискурсе дипломатии, что позволяет нам обозначить современный дипломатический дискурс как постклассический, для которого характерны следующие черты, составляющие, на наш взгляд, главное отличие дипломатии XXI века:

- 1) изначальная направленность на широкие массы населения;
- 2) кажущаяся открытость;
- 3) мгновенная доступность выступлений дипломатических служащих любого ранга в интернете;
- 4) предоставляемая любому участнику возможность прокомментировать их в социальных сетях, твиттере, в блогах.

Проведенный нами анализ интернет-комментариев к выступлениям дипломатических служащих показывает, что особый интерес для широкой общественности представляют речи дипломатов, использующих, вне зависимости от обсуждаемой темы, одни и те же стратегии и тактики речи. Следует отметить, что с позиции психолингвистики под стратегией понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [2]. С точки зрения речевого воздействия стратегию можно рассматривать только с помощью анализа тактик, поскольку стратегия в переводе с греческого (*stratos* «войско» + «*ago*» веду) – искусство планирования, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах. А тактика (греч. «искусство построения войск») – это использование приемов, способов достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо. Использование тактик уклонения в своей речи – профессиональная необходимость дипломата. Выбор правильной тактики, таким образом, является основным средством достижения коммуникативной цели. Более того, очевидно, что в фокусе внимания пользователей, внимательно следящих за главными мировыми событиями, оказываются именно те выступления, в которых говорящие пытаются уйти от обсуждаемой темы, причем чаще всего делают это так, что это вызывает многочисленные комментарии как непосредственных участников общения, так и наблюдателей со стороны.

Наиболее ярким примером следования указанной стратегии являются пресс-конференции, проводимые главой пресс-службы госдепартамента США, Джен Псаки, в каждом из выступлений и комментариев которой прослеживается целый набор тактик уклонения. Этот факт не мог не обратить на себя внимания общественности, а «новый стиль дипломатии», развиваемый Джен Псаки и ее коллегами (причем не только в США, но и в некоторых других странах, в частности, на Украине), стал темой для многочисленных язвительных статей, появляющихся в разных изданиях во всем мире, породил немало юмористических шоу, посвященных отдельным, самым ярким ее фразам, десятки анекдотов и выражений, которые не только появляются в сети день ото дня, но и уже успели стать устойчивыми.

Исследование содержания выступлений Джен Псаки позволяет утверждать, что глава пресс-службы госдепартамента США, как правило, обращается к одному из видов тактик уклонения, представляющей собой в самом общем виде *неподготовленный заранее уход от ответа*. Примеры, подтверждающие типичность тактик уклонения, применяемых Джен Псаки, будут приведены далее в статье. Однако, прежде чем обратиться к ним, стоит отметить, что популярность Псаки как совершенно нового явления в дипломатии изначально была обусловлена не применением тактики уклонения, а отказом от нее. Как пишет издание Федералл пресс: «Джен Псаки объяснила позицию Вашингтона по поводу прошедших на Украине референдумов. Самое интересное было то, что

текст она зачитала по бумажке, а после не смогла ответить на вопросы журналистов и пояснить свои слова» [9]. Диалог Дженифер Псаки с журналистом был коротким, но свой ответ она выстроила таким образом, что последующие вопросы, адресованные ей, возникли, вероятно, именно по причине такого комментария.

– Мы не признаем результаты референдума, который прошел в Донецке и Луганске. Были сообщения о выборных каруселях, заранее заполненных бюллетенях, о голосовании детей и голосовании за отсутствующих. (Дженифер Псаки).

– *Простите мое невежество. А что такое "выборная карусель"?* Никогда не слышал о такой. (Мэтт Ли, корреспондент Associated Press).

– *Должна признаться, что я просто читаю этот текст. Я сама не знаю, что это. Я уточню у своих коллег, о чем идет речь.* (Дженифер Псаки).

– *Упомянуты еще и дети, которые голосовали. Они же не делали это, кружась на карусельных лошадках?* (Мэтт Ли).

– *Думаю, что нет.* Мэтт. (Дженифер Псаки) [3].

Как мы видим, в данном отрывке Дженифер Псаки не обратилась к тактике уклонения, хотя в указанном случае отказ от использования тактик привел к негативным для дипломата последствиям, в частности к переспросу. Применив тактику отказа от ответа, Псаки эксплицитно признала свою некомпетентность, что сразу же привлекло внимание аудитории. Более удачным представляется в данном случае применение смешанных тактик, к примеру *тактики обобщения* и *тактики условного ответа*. В таком случае термин «карусель», значение которого, как ясно из текста выступления, Псаки незнакомо, не оказался бы в фокусе внимания. Признав то, что, будучи главой пресс службы госдепартамента США, Псаки *просто читает этот текст, она сама не знает, что это и нужно уточнить у коллег*, представитель дипломатии не просто обнаружила нежелание говорить на данную тему, а продемонстрировала полное отсутствие знания вопроса. Дальнейший вопрос журналиста о детях, голосовавших на каруселях, представляет собой откровенную издевку, которая связана с предыдущим ответом госпожи Псаки, и ее парирование: «*Думаю, что нет, Мэтт*», по коннотации обращает внимание на то, что даже в этом вопросе она не уверена.

В целом выступления Дженифер Псаки отличаются тем, что в них всегда присутствуют громкие обвинения или обличающие факты, но во многих случаях, когда уточняющие вопросы прессы направлены на выяснение достоверности ситуации, госпожа Псаки прибегает к таким видам тактики уклонения, как, например, *тактика задержки ответа* или вовсе *умолчания*.

– *Совпадение ли это, что оба раза украинские власти посыпали войска в Восточную Украину сразу после визита в Киев высокопоставленных представителей США? Первый раз это был Джон Бреннан, а теперь это вице-президент Джо Байден. Байден посоветовал так действовать, или это совпадение?*

ФИЛОЛОГИЯ

— Я думаю, что Вы просто повторяете слова министра иностранных дел Лаврова. (Дженнифер Псаки).

— Ну, а Ваш-то ответ какой?

— Следующий вопрос! (Дженнифер Псаки) [1].

В первом ответе Джэн Псаки использовала **тактику нападения**, которая будучи смешанной, к примеру, с **тактикой обобщения** могла бы стать, по нашему мнению, более удачной. В таком случае она бы не давала прямого ответа на вопрос, а использовала бы его структуру в удобных для себя целях. Употребив лишь **тактику нападения**, Псаки опять обращает внимание на отсутствие ответа, на что молниеносно реагирует журналистка. «Следующий вопрос» — фраза, которая может быть употреблена в дипломатии крайне редко, как правило, в случае затянувшийся полемики между представителем страны и журналистом, спором, который не приводит ни к какому выводу, в данном же случае неясен отказ от ответа на вопрос, который задан уже второй раз.

Следует отметить, что во многих случаях оппонентом Джэннифер Псаки выступает журналист Associated Press Мэтт Ли. Проанализировав диалоги вышеуказанных персон, можно предположить, что поставленные журналистом вопросы стимулируют госпожу Псаки к поиску новых тактик уклонения. Как говорится на официальном сайте телеканала ТВЦ: «На традиционной встрече с журналистами официальный представитель госдепартамента США Джэннифер Псаки сделала попытку объяснить мотивацию недавних высказываний министра иностранных дел Украины Андрея Дещицы в адрес российского президента» [6].

— Значит, вы не считаете, что министру иностранных дел недопустимо говорить такое? Вы не считаете его высказывание подстрекательским? (Журналист агентства Associated Press Мэтт Ли).

— Ну, Мэтт, вы же знаете, что есть слова, которые мы употребляем и которые не употребляем. Но, я думаю, в контексте того, что он пытался совершить там, — это важно. (Официальный представитель Госдепартамента США Джэннифер Псаки).

В данном отрывке Джэннифер Псаки опять обратилась к **тактике обобщения**, а точнее обозначила общеизвестные факты, что стало очевидным для аудитории. В последующих диалогах Джэннифер Псаки с Мэттом Ли начала перестраивать тактику уклонения, что, к сожалению, не привело к благополучному результату, о чем свидетельствует статья с подзаголовком: «Спикер американского Госдепа Джэн Псаки так и не смогла убедительно объяснить, почему вхождение сына вице-президента США Джо Байдена в

совет директоров украинской нефтегазовой компании не является конфликтом интересов» [7].

Первый вопрос прозвучал так:

— Не видите ли некий конфликт интересов — то самое панибратство, в котором вы часто обвиняете русских? (Мэтт Ли).

— Нет. Он частное лицо. (Дженнифер Псаки).

— Хорошо. Но тогда можно сказать, что все российские и украинские олигархи, имеющие отношение к украинскому кризису, тоже не большие чем частные лица? (Мэтт Ли).

— Нет, не надо стричь всех под одну гребенку. (Дженнифер Псаки).

— Я сейчас не совсем об этом. Мне бы хотелось знать, нет ли у вас опасений, что российская и украинская стороны могут неоднозначно воспринять участие в украинских делах сына американского вице-президента? (Мэтт Ли).

— Нет. (Дженнифер Псаки).

Следует отметить, что односложные ответы, хоть и выглядят прямыми и лаконичными, не представляют для интервьюера никакой ценности. Джэннифер Псаки использовала возможность ответить только «да» или «нет», учитывая общий вопрос, но настолько неразвернутый ответ, во-первых, сразу обращает внимание на то, что представитель не хочет разговаривать на эту тему, во-вторых, свидетельствует о некой негативности, принимая во внимание пять повторений «нет» в одном небольшом диалоге с журналистом. Таким образом, ответы «да» и «нет» тоже могут рассматриваться как вариант тактики уклонения, когда они употребляются, как это видно из контекста, с целью избежать ответа на прямой вопрос.

В связи с неудачно выбранной **тактикой уклонения** практически в каждом интервью Джэннифер Псаки стала настоящим символом дипломатического непрофессионализма. Сотни комментариев, стихи, поэмы и даже новые термины, изобретенные пользователями интернета, подтверждают этот факт. Большой популярностью пользуется термин «псакинг», который на разговорном сленге обозначает лживые, абсурдные или откровенно глупые заявления и ответы на вопросы, которые заставляют удивляться и смеяться одновременно. Примерно 9 тысяч запросов в поисковой системе Яндекс посвящено этому термину, что говорит о том, что термин уже прижился в лексике. Также на данный момент образовались целые форумы, посвященные обсуждению терминов, производных от фамилии госпожи Псаки. В одном из них «псаками» предлагают измерять индивидуальную эрудицию.

Псачина (псакая псачина) — псевдоконтргументы, используемые для опровержения неоспоримых фактов или для ухода от ответа на провокационные вопросы.

Проанализировав интервью, выступления на пресс-конференциях и любые ответы на вопросы, мы сделали вывод о том, что ни одна тактика уклонения, которую использует госпожа Псаки, не является подготовленной. Следует отметить то, что представитель

США ведет свою линию вне зависимости от комментариев или вопросов журналистов, общие фразы, которые являются частью тактики обобщения, употребляются таким образом, что тактика ухода от ответа бросается в глаза не только профессионалам. В каче-

стве примера можно рассмотреть ответ Дженифер Псаки на вопрос о ситуации в Египте. Госпожа Псаки вела речь о национальной безопасности на Ближнем Востоке, о той роли, которую играет в ней Египет, а также о препятствиях на пути возвращения этого государства «на стабильный путь демократии». Далее журналист, о котором уже говорилось выше, задал вопрос:

– *То есть Вы не согласны с тем, что ваша политика вплоть до настоящего момента служила интересам США и стран региона? (Мэтт Ли).*

– *Мэтт, Вы про нашу помочь Египту? (Дженнифер Псаки).*

– *Нет, я говорю про вашу политику по отношению к Египту в целом, не только финансовую политику, но вообще позицию, которую вы заняли после смещения Мурси, Вы считаете, эта политика служила национальным интересам США или стран Ближнего Востока? (Мэтт Ли).*

– *Безусловно, для Египта сейчас настали непростые времена, мы, как и представитель госсекретаря, Бернс, акцентируем внимание на том, как вернуть демократию, как прекратить кровопролитие, так что мы анализируем наши отношения каждый день, и это значит... (Дженнифер Псаки).*

– *Это понятно, но Вы не ответили на мой вопрос, да или нет, и если да, то какие именно интересы продвигались? (Мэтт Ли).*

– *Мэтт, мы рассматриваем это с точки зрения долгосрочных перспектив, а не с такой позиции. (Дженнифер Псаки) [5].*

Первоначальный вопрос журналиста построен кратко, лаконично, не содержит двусмыслинности и требует ответа «да» или «нет» с кратким комментарием, исходя из данного факта ответ Дженифер Псаки рассчитан на то, чтобы выиграть время и продумать ответ, пока журналист повторяет вопрос. В ответе на второй вопрос госпожа Псаки использовала тактику обобщения, практически полностью сменив тему, не затрагивая элементы вопроса журналиста. В сокращении этот диалог выглядит так: «Эта политика служила национальным интересам США или странам Ближнего Востока?», Дж. Псаки: «Сейчас мы акцентируем внимание на том, как вернуть демократию, как прекратить кровопролитие». За неинформативным ответом последовал разоблачающий комментарий об его отсутствии и вопрос был конкретизирован еще больше. Далее в своем ответе Дженифер Псаки начала говорить о «долгосрочных перспективах», что следует рассматривать как явный уход от ответа по причине того, что данное словосочетание уже несколько раз употреблялось в контексте. Именно таким образом выражения, которые постоянно употребляет Дженифер Псаки, формируются в так называемые «псакизмы», частотность их употребления в ходе уклонения в ответе на вопрос прочно закрепляет их в данной классификации, изобретенной интернет-пользователями.

Безусловно, появление Дженифер Псаки на дипломатической арене ознаменовало зарождение совершенно новых тактик ухода от ответа. По причине частого использования одних и тех же тактик, вне зависимости от ситуации и темы пресс-конференции (ситуация на Украине, политическое положение

Египта и т. д.), а также в некоторых случаях неосведомленность в терминах («выборные карусели»), положение госпожи Псаки как дипломата стало очень неустойчивым. Помимо сомнений в профессионализме представителя США, неудачно выбранные тактики ухода от ответа вызвали, как было указано выше, огромное количество обсуждений ее «стиля» ведения переговоров. Следует отметить, что не только на форумах или в комментариях пользователей уделяется внимание ее приемам. Подтверждением этому служит, например, статья «Псаки как секретное оружие», которая недавно была опубликована на сайте информационного агентства «Риа-Новости» [10]. Начинается статья так: «Перлы по актуальным вопросам мировой политики официального представителя госдепа Джена Псаки стали притчей во языцах. Кому нужно, чтобы один из рупоров Вашингтона вызывал усмешку у всего мира? Нет ли в этом некоей хитрой уловки?». Короткая, сатирическая статья описывает приемы Дженифер Псаки, автор находится в сомнении, не уловка ли, такое непредусмотренное поведение дипломатического деятеля. «Странный, конечно, персонаж эта Джена Псаки. Но если пофантазировать и подключить конспирологию, то можно прийти к выводу, что если бы ее не было, Псаки стоило бы придумать. Ведь перевод самых острых и неудобных для США вопросов с помощью такого официального представителя госдепа в бесконечную нелепость и пародию – неплохой способ уходить от конкретных ответов. Этот способ можно даже назвать новым суперсекретным оружием Вашингтона» [10].

Таким образом, само появление на дипломатической арене таких персонажей, как Джена Псаки (а также, например, ее предшественника Марка Тоннера, Андрея Дешицы и т. д.), свидетельствует о новых тенденциях развития дипломатического дискурса, который, безусловно, выходит за рамки установленных в дипломатии правил общения.

Проведенный нами анализ показал, что к чертам, характерным для постклассического дипломатического дискурса, помимо указанных выше: кажущейся открытости, доступности комментирования, следует отнести:

1. Использование лексики, не характерной для дипломатических выступлений (Сергей Лавров: «Наши партнеры на Украине пошли ва-банк, наступили на собственные демократические принципы, поддержали экстремистов. **Хотели «взять нас на понт»** [8]);

2. Более высокую степень агрессивности комментариев (Мари Харф: «Вы, откровенно говоря, ведетесь на российскую пропаганду. Весь Ваш тон говорит об этом») [4];

3. Широкое использование различных типов тактики уклонения, обусловленных, во-первых, непрофессионализмом дипломатических служащих и, во-вторых, неподготовленностью линии поведения дипломата.

Все вышесказанное позволяет предполагать, что выявляемые в дипломатической коммуникации новые черты могут быть свидетельством более глубоких изменений, касающихся способов решения международных проблем, количества которых неуклонно растет в настоящее время.

На примере Дженифер Псаки можно выявить тактики уклонения, которые по специфике своего применения указывают не только на непрофессионализм дипломата. На наш взгляд, очевидно, что линия речевого поведения дипломатической фигуры становится все менее подготовленной заранее, несмотря на осведомленность в тематике интервью или выступлений, как правило, посвященным последним событиям в мире. Термин «псакинг», который появился сравнительно недавно, широко употребляется среди пользо-

вателей интернета и прочно закрепил свои позиции, обозначая неправильно выбранную, явную тактику уклонения от ответа. В современном мире, где многие вопросы политики и дипломатии стоят особенно остро и профессиональные интересы дипломата при помощи всемирной сети становятся достоянием общественности намного быстрее, чем в прошлом, дипломатический дискурс, претерпевающий изменения, требует особого внимания как главное средство достижения профессиональной цели.

Литература

1. Верницкий А. Москва требует от Киева остановить операцию на востоке, Киев обвиняет Москву в поддержке повстанцев // Первый канал: сайт. Эфир от 27.04.2014. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/world/257428> (дата обращения: 01.08.2014).
2. Иссерс О. С. Коммуникативный успех как прогнозируемая категория // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 379 с.
3. Лазарев А. Заявления пресс-секретаря Госдепа США Джен Псаки рождают шутки и анекдоты // Первый канал: сайт. Эфир от 25.05.2014. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/world/259585> (дата обращения: 22.06.2014).
4. Мари Харф обвинила Мэтта Ли в том, что он ведётся на российскую пропаганду // Первый канал: сайт. Эфир от 06.09.2014. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/world/267095> (дата обращения: 20.12.2014).
5. Представитель Госдепартамента США уходит от ответа на неудобный вопрос о Египте // Сайт видеоХостинг youtube. 17.08.2013. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=nLwzQuFjvho> (дата обращения: 03.09.2014).
6. Псаки попыталась оправдать высказывание Дешицы // ТВЦ: сайт. 17.06.2014. Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/42369> (дата обращения: 01.09.2014).
7. Псаки-троллинг // Aftershock: сайт информационного агентства. 15.05.2014. Режим доступа: <http://aftershock.su/?q=node/230220>
8. Сергей Лавров: Запад пошел на Украине ва-банк, хотел взять Россию на понт // Политическая Россия: общественно-политический интернет журнал. 22.11.2014. Режим доступа: <http://politrusia.com/news/sergey-lavrov-zapad-884/> (дата обращения: 15.12.2014).
9. Стенина О. Дженифер Псаки, зачитав речь о референдумах на Украине, не смогла объяснить своих слов // Federal Press World News, russian news agency. 13.05.2014. Режим доступа: <http://world.fedpress.ru/news/-america/1399978689-dzhen-psaki-zachitav-rech-o-referendumakh-na-ukraine-ne-smogla-obyasnit-svoikh-slov>
10. Харламов И. Псаки как секретное оружие Вашингтона // РИА Новости: сайт. 19.06.2014. Режим доступа: http://ria.ru/radio_brief/20140619/1012684398.html (дата обращения: 03.09.2014).

Информация об авторе:

Другэ Анна Юрьевна – аспирант кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, any2501@gmail.com.

Anna Ju. Drutse – Postgraduate student of foreign philology department Moscow City Teacher Training University.

(Научный руководитель: Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, aribubnova@gmail.com.

Research advisor: Irina A. Bubnova – Doctor of philology, professor, Head of a foreign philology department Moscow City Teacher Training University).

Статья поступила в редакцию 04.06.2015 г.

**САМОИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
С ОЦЕНКАМИ В ФОРМЕ DE DICTO И ФОРМЕ DE RE**
E. N. Катанова

**SELF-IDENTIFICATION UTTERANCES EXPRESSING EVALUATION
IN DE DICTO AND DE RE FORMS**
E. N. Katanova

Статья посвящена аксиологическому анализу самоидентифицирующих высказываний (СИВ), способных выражать оценку в двух модальных формах: de dicto и de re. Цель статьи – выявить существенно значимые характеристики СИВ с оценками в форме de dicto и СИВ с оценками в форме de re, которые реализуются американскими и британскими политиками в парламентском дискурсе. В статье описывается семантико-синтаксическая структура СИВ, рассматриваются механизмы вербализации оценочности, свойственные данным высказываниям. Подчеркивается, что каждая из двух изучаемых форм выражения оценки определенным образом коррелирует с теми или иными аспектами и характером идентичности парламентариев. Автор обращает внимание на то, что представители американской и британской лингвокультур, выражая оценочные суждения о своей идентичности в аналогичных условиях коммуникации, отдают предпочтение разным средствам языка.

The article is devoted to the axiological analysis of self-identification utterances capable of expressing evaluation in two modality forms: de dicto and de re. The author aims at revealing significant characteristics of the self-identification utterances used to express evaluation in de dicto and de re forms by American and British politicians in parliamentary discourse. The semantico-syntactical structure of the utterances in question is described in the article; verbalization mechanisms of evaluative meanings peculiar to these utterances are considered. It is stressed that each of the two evaluation forms studied correlates in a way with certain identity aspects and identity character. Special attention is paid to the fact that the representatives of American and British linguistic cultures show preference for different language means while expressing evaluation in similar conditions of communication.

Ключевые слова: самоидентифицирующее высказывание (СИВ), оценка в форме de dicto, оценка в форме de re, парламентский дискурс, американская лингвокультура, британская лингвокультура.

Keywords: self-identification utterance, de dicto evaluation form, de re evaluation form, parliamentary discourse, American linguistic culture, British linguistic culture.

В современных исследованиях по лингвистике и межкультурной коммуникации, отвечающих приоритету антропоцентрического подхода к языку, одно из центральных мест по праву занимает проблема использования языка как проявления личностной и коллективной идентичности субъектов в разной коммуникативной среде. В фокус научного интереса помещаются такие аспекты данной проблемы, как описание ментальной презентации идентичности и выявление маркеров идентичности субъектов, изучение языковых средств выражения идентичности и анализ влияния ценностных ориентаций коммуникантов на организацию их интеракции и мн. др. (см., например: [3; 8; 12]). В данном контексте особую актуальность приобретает изучение высказывания, с помощью которого человек выносит суждение о собственной идентичности, называемого самоидентифицирующим высказыванием (СИВ) [5].

Одна из особенностей данного высказывания состоит в том, что оно не только фиксирует представления субъекта о своей идентичности, но нередко содержит и оценочное отношение индивида к той или иной ипостаси его личности. Упомянутая особенность СИВ представляется вполне закономерной, поскольку человек в процессе своей жизнедеятельности постоянно соотносит всевозможные проявления собственной личности с нормами и ценностями, значимыми

для своей социокультурной среды, и оценивает их по разным основаниям. В этом смысле изучение СИВ становится своеобразным средством доступа к познанию структуры идентичности личности, как содержательной, так и ценностной ее составляющих.

Еще одной особенностью СИВ, рассматриваемого в аксиологическом ракурсе, является то, что данное высказывание способно выражать оценку в двух модальных формах: de dicto и de re. По мнению Е. М. Вольф, каждая из этих двух форм выражения оценки соотносится с определенной синтаксической структурой и семантикой высказывания [2, с. 13], а следовательно, СИВ с оценками в форме de dicto и СИВ с оценками в форме de re могут иметь специфические механизмы вербализации оценочных суждений о различных аспектах идентичности субъектов и по-разному воздействовать на восприятие адресатом сообщаемой в этих высказываниях информации.

Данные обстоятельства побуждают нас обратиться к аксиологическому анализу СИВ, цель которого – выявить существенно значимые характеристики СИВ с оценками как в форме de dicto, так и в форме de re.

Наиболее благоприятной коммуникативной средой для порождения СИВ, содержащих оценку, является сфера парламентской деятельности, специфику которой отражает парламентский дискурс. Как показывают многочисленные исследования парламентско-

го дискурса, основу этой деятельности составляет обсуждение разнообразных законодательных вопросов, затрагивающих все жизненные сферы человека, и поиск убедительных аргументов в пользу той или иной точки зрения (см., например: [1; 7]). В роли одного из таких аргументов способно выступать и СИВ, которое становится еще более убедительным, если включает оценочную интерпретацию говорящего.

Коммуникативная среда, однако, не является единственным фактором, определяющим речевое поведение коммуникантов. В современной лингвистике уже утверждилось представление о том, что процесс речевого отбора языковых средств обусловлен множеством различных причин, в том числе и культурной принадлежностью участников коммуникации. Многие исследователи уже обратили внимание на то, что в одних и тех же дискурсивных условиях язык может функционировать по-разному. Сделанное наблюдение они объясняют тем, что интеракция одного и того же типа организована специфично в каждой культуре и имеет некоторые количественные и качественные отличия [3]. Так, участники коммуникативного процесса с разной культурной идентичностью могут подвергать оценке разные комплексы сведений об окружающем их мире и о своей собственной личности, отдавая при этом предпочтение различным средствам языка. С данной точки зрения несомненный интерес представляет изучение дискурсивной деятельности субъектов, вербализующих оценочные суждения о своей идентичности и являющихся носителями родственных, но разных культур (американской и британской), в сходных условиях коммуникации.

Таким образом, объектом нашего исследования являются СИВ с оценками *de dicto* и *de re*, порожденные представителями американской и британской лингвокультур в парламентском дискурсе. В качестве материала исследования использованы стенограммы заседаний парламента Великобритании и конгресса США за 2005 – 2010 гг., из которых извлечены 500 СИВ (по 250 для каждой группы материала). В ходе исследования предполагается решить следующие задачи:

- 1) описать механизмы вербализации оценочности, присущие СИВ с оценками в форме *de dicto* и форме *de re*;
- 2) выяснить, как взаимосвязаны форма выражения оценки и семантико-синтаксическая структура СИВ;
- 3) определить, взаимосвязаны ли СИВ, содержащие оценки *de dicto* и *de re*, с аспектом и характером идентичности говорящих;
- 4) выявить общие и специфические тенденции в выборе средств языка, присущие носителям американской и британской лингвокультур.

*Самоидентифицирующие высказывания, выражающие оценку в форме *de dicto**

По мнению Е. М. Вольф, изучавшей разнообразные по форме оценочные высказывания, оценка *de dicto* относится к факту, событию или ситуации, о которой выносится суждение. При такой оценке в фокус внимания адресата попадает отношение субъекта оценки к объекту, и ничего не говорится о свой-

ствах самого объекта [2, с. 13 – 15]. Установлено также, что оценочное суждение *de dicto* оформляется структурой «модус – диктум» – «Хорошо, что Р» [2, с. 13 – 15]. Рассмотрим, что означают приведенные выше характеристики формы выражения оценки *de dicto* по отношению к СИВ, реализуемым в парламентском дискурсе.

Согласно проведенному анализу, СИВ с оценками *de dicto* представлены двумя типами структур: адъективными (73 % в АМ и 48 % в БМ) (АМ – американский материал; БМ – британский материал) и глагольными (27 % и 52 %) (см. примеры 1, 3 и 2, 4 соответственно). Перечисленные структурные типы предложений выделяются, согласно Х. Бринкманну, в зависимости от характера сказуемого и предикатива: в адъективных предложениях в роли предикатива выступает прилагательное, в глагольных предложениях в качестве сказуемого функционирует финитный глагол [10]. Как считают специалисты в области когнитивной лингвистики, разные части речи обладают разными категориальными и ономасиологическими свойствами [6, с. 279], поэтому представляется, что в СИВ они несут неодинаковую смысловую нагрузку и задают различную перспективу восприятия сообщаемой информации. Отличительная особенность адъективных предложений, оформляющих СИВ с оценками *de dicto*, состоит в том, что в предикативной позиции здесь находится двухвалентное прилагательное (прилагательное, требующее замещения субъектной и объектной позиций), которое конституирует сложные по своей семантической структуре образования. В глагольных предложениях, оформляющих СИВ с оценками *de dicto*, в роли сказуемого употребляется глагол *to have*, объектная позиция при котором замещается абстрактным существительным типа *honour* или *privilege*. Подобные существительные в свою очередь открывают позицию определения, что приводит к формированию комплексных по своей семантической структуре предложений. В основе таких предложений лежат две пропозиции – первичная, выраженная финитной конструкцией, и вторичная, выраженная инфинитивной или герундиальной группой; при этом суждение говорящего о своей идентичности основано на вторичной пропозиции.

Лексемы, выполняющие в анализируемых высказываниях функцию предикатива (*delighted, fortunate, glad, happy, lucky, pleased, privileged, proud*) и синтаксического объекта к переходному глаголу *to have* (*fortune, honour, pleasure, privilege*), содержат в своей структуре положительную эмоционально-оценочную или оценочную сему и являются механизмами актуализации оценочного значения в СИВ. Например:

АМ: (1) Mr. Dreier: *I am proud to represent Americans of many, many national origins in my home state of California* (July 13, 2006, H5142). (2) Ms. Wasserman Schultz: *I have the privilege of sitting on the House Judiciary Committee* (Jan 29, 2007, H984).

БМ: (3) Mr. Greg Hands: *I am delighted to become the first Conservative MP for Hammersmith since 1964* (26 May 2005: Col 909). (4) Baroness Finlay: *My Lords, I had the honour to serve on the Select Committee* (10 Oct 2005: Col 23).

Рассматриваемые лексемы называют психическую характеристику субъекта (в частности, его эмоциональное состояние), которая ставится в связь с действием, обозначенным последующим инфинитивом или герундием [9, с. 147]. Используя подобные лексические единицы, говорящий выражает субъективное оценочное отношение к факту исполнения им некоторой социальной роли, как правило, профессиональной (68 % в АМ и 70 % в БМ) и политической (7 % и 8,5 %), или к факту принадлежности к какой-либо группе, чаще всего, к региональной (16,5 % и 17 %) и этнической (7 % и 4 %). Важно отметить, что идентичность при этом всегда носит личностный характер (сведения, конституирующие идентичность, принадлежат одному субъекту, который обозначен личным местоимением единственного числа I), а выражаемая оценка всегда находится в зоне «+». Поэтому представляется, что факты, на которые направлена оценка *de dicto*, обладают личным ценностным значением для говорящего. Думается, что актуализация оценочных признаков говорящего в данном случае связана с определенной темой парламентских дебатов, которая каким-то образом затрагивает внутренний мир адресанта, или реализацией определенных дискурсивных стратегий.

Таким образом, аксиологический анализ СИВ, выражающих оценки в форме *de dicto*, позволил выявить в американском и британском материале ряд особенностей.

По своему семантическому содержанию и структурному выражению СИВ с оценками *de dicto* в двух группах материала проявляют очевидное сходство. Представители обеих лингвокультур для выражения оценок *de dicto* используют одни и те же конструкции, заполняемые аналогичными лексическими единицами. Однако конгрессмены США при этом отдают предпочтение адъективным предложениям, а британские парламентарии чаще используют глагольные предложения. Сходство, выявленное в сопоставляемых группах материала, состоит и в том, что оценки, которые вербализуются через СИВ в форме *de dicto*, чаще всего относятся к одним и тем же аспектам идентичности американских и британских политиков: профессиональному и региональному.

Самоидентифицирующие высказывания, выражающие оценку в форме de re

Оценка в форме *de re*, в отличие от оценки в форме *de dicto*, относится непосредственно к обозначению объекта и акцентирует свойства самого объекта. Оценочное суждение в модальности *de re* оформляется структурой «субъект – предикат» или «определяемое – определение» – «X – хороший» [2, с. 13 – 15].

В исследуемом материале СИВ с оценками *de re* реализуются предложениями трех структурных типов: субстантивными (43 % в АМ и 42 % в БМ), глагольными (29 % и 36 %) и адъективными (9 % и 10 %) предложениями, выделяемыми, согласно Х. Бринкманну [10], в зависимости от характера предикатива и сказуемого (см. примеры 6; 7; 5; 12; 9). Данные структуры являются носителями разного смысла, формирующегося в тесной взаимосвязи со значением той

части речи, которая занимает в них позицию предикатива или сказуемого. Варьирование этими структурами позволяет говорящему некоторым образом предопределять категоризацию сведений, воспринимаемых адресатом: подавать информацию о своей идентичности с разной степенью категоричности и объективности, представлять себя то как динамичного деятеля, то как носителя какого-либо статического признака. Субстантивные, глагольные и адъективные предложения являются первичными средствами вербализации суждения говорящего о своей идентичности, так как обладают значением полной предикативности. В качестве вторичного средства вербализации этого суждения рассматривается аппозитивная конструкция (19 % в АМ и 12 % в БМ), которая является полупредикативным построением, неспособным выступать в роли самостоятельной коммуникативной единицы [4]. Аппозитивная конструкция представляет собой единый структурный и содержательный расчлененный функциональный комплекс, обязательными компонентами которого являются аппозитив (приложение) и определяемое им слово (*As a person of French heritage, I welcome this change of course in France*). Аппозитив формально синтаксически и семантически усложняет финитную структуру предложения и превращает монофинитное монопропозитивное образование в полипропозитивное. С семантико-синтаксической и логико-семантической точек зрения аппозитив с определяемым словом отражает свое собственное «положение дел», вербализует вторичную пропозицию *P(x)* с семантикой «Аргументу *x* приписывается качество *P*» (см. пример 13).

В процессе анализа выявлено, что СИВ с оценками *de re* специализируются на репрезентации сведений о профессиональной (43 % в АМ и 60 % в БМ), национальной (24 % и 11 %), региональной (13 % и 10 %), индивидуальной (10 % и 12 %) и политической (8 % и 5,5 %) идентичности субъектов. Установлено также, что для обсуждаемой группы высказываний, в отличие от предыдущей, характерна репрезентация сведений не только о личностной (сведения, конституирующие идентичность, принадлежат одному субъекту), но и о коллективной идентичности (сведения, конституирующие идентичность, принадлежат группе людей). Рассматриваемые СИВ употребляются американскими и британскими парламентариями для выражения как положительной (89 % и 92 % соответственно), так и отрицательной (11 % и 8 %) оценочной характеристики собственных свойств или действий, а также свойств и действий тех групп, членами которых они являются. В большинстве своем они выражают абсолютные (по 97 % в каждой группе материала) оценки, когда в центре внимания оказывается один оценочный объект – сам говорящий, и лишь в незначительных случаях они эксплицируют сравнительные оценки (по 3 %), когда оценка направлена на два объекта. По степени актуализации дескриптивных и оценочных смыслов изучаемые СИВ в большинстве случаев являются квазиоценочными (63 % в АМ и 56 % в БМ). Эти высказывания не содержат в своем составе оценочных единиц, однако приобретают оценочный смысл на основании того, что описываемое в них по-

ложение вещей в картине мира говорящих расценивается как хорошее или плохое [2, с. 32]. На втором месте по частотности находятся СИВ, выражающие частные оценки (28 % и 34 %). Это высказывания, которыми актуализируются и дескриптивные, и оценочные признаки говорящих [2, с. 32]. На третьем месте стоят СИВ, выражающие общие оценки (9 % и 10 %). Такие высказывания соотносят оцениваемый объект со стереотипом, но не указывают на дескриптивные свойства этого объекта [2, с. 32].

Как показал аксиологический анализ, механизмы вербализации оценочности в СИВ, выражающих оценки в форме *de re*, более разнообразны, чем в СИВ с оценками *de dicto*. В их числе зафиксированы следующие средства:

- лексемы с положительной (*brilliant, courageous, fine, good, successful*) или отрицательной (*bad, cynic, imperfect, terrible*) эмоционально-оценочной или оценочной семой в своей структуре в позиции атрибута или предикатива.

AM: (5) Mr. Allard: *In my view, I have represented the best State in the Union* (Oct 2, 2008, S10403).

(6) Mr. Domenici: *I still am a pretty good Senator, so nobody is fighting about that* (Dec 18, 2007, S15807).

БМ: (7) Lord Beaumont: *We are a revising Chamber and a very good one* (16 Jan 2007: Col 623). (8) Lord Tanlaw: *I am not really qualified to take part in this debate. Like the noble Lord, Lord Beaumont of Whitley, I got a very poor degree – it was in medieval history rather than agriculture - when we were at Cambridge together* (14 July 2006: Col 937).

– контекстозависимые единицы, то есть лексемы, словосочетания или высказывания, реализующее значение оценочности в контексте. Сюда относятся единицы с нейтральной семантикой, апеллирующие к ценностным представлениям определенного общества или его отдельных групп (*majority, minority, senior, young; believer in the family; number one etc.*) или амбивалентные в оценочном отношении лексемы, которые вне контекста могут рассматриваться и как положительные, и как отрицательные (*ambitious, stubborn*). Например:

AM: (9) Mrs. Boxer: *The Iraqis don't want us there. They do not want us there. The head of Iraq said: Go, leave, we are fine. What are we doing? Are we that stubborn as a nation? Well, I think the majority of this United States Senate might very well be ready to vote to begin the redeployment of the troops* (July 17, 2007, S9339).

(10) Ms. Fudge: *I am a person who you can count on.* (Nov 19, 2008, H10831).

БМ: (11) Chris Bryant: *We are a naturally sceptical country. We distrust absolute power; we value freedom of speech; and we love scabrous satire. If anything, British scepticism helps keep us honest* (2 Feb 2009: Col 640). (12) Lord Thomas: *I am speaking on behalf of the consumers. I can do it because I have seen the legal profession at every level, from articled clerk all the way through* (23 Jan 2007: Col 1089);

- лексико-стилистические средства, такие как метафора или метонимия (*diamond for growth; legislation machine; model of democracy; strong voice etc.*). Например:

AM: (13) Mr. Smith: *As a nation that serves as a beacon of freedom and liberty throughout the world, we simply cannot tolerate violence against our own citizens simply because of their differences* (Sept 26, 2007, S12086).

БМ: (14) БМ: Sir Patrick Cormack: *I was sometimes a lone voice on the then Government Benches when I argued for intervention - something that the official Opposition of the day did not support* (1 Mar 2007: Col 1091);

– синтаксические конструкции со средствами отрицания в сочетании с оценочными лексемами, в том числе стилистические фигуры, такие как литота (*not an anomaly; not a hopeless pessimist; not at all brilliant, not courageous; not very good etc.*). Например:

AM: (15) Mrs. McCaskill: *We are not without sin here* (Sept 26, 2007, S12106).

БМ: (16) Mr. Walker: *I freely admit that I was not a particularly nice person five years ago* (25 Mar 2010: Col 458).

Итак, аксиологический анализ СИВ, выражающих оценки в форме *de re*, позволил выявить в американском и британском материале ряд сходств и различий.

Сходство, обнаруженное в двух группах материала, проявляется в аналогичном семантическом содержании и структурном выражении изучаемых высказываний. Как в американском, так и в британском материале доминирующими оказались СИВ, эксплицирующие частнооценочные и квазиоценочные смыслы. Их широкая распространенность, по-видимому, обусловлена тем, что они позволяют субъектам идентичности передавать о себе не только оценочную, но и дескриптивную информацию. Еще одна сходная тенденция, зафиксированная в проанализированном материале, касается оцениваемых коммуникантами аспектов идентичности. Чаще всего обсуждаемые высказывания использовались американскими и британскими политиками для вынесения оценки своей профессиональной деятельности. Вместе с тем установлено, что конгрессмены США в 2 раза чаще, чем британские парламентарии, обращались к оценке национального аспекта своей идентичности. Обнаруженная тенденция, на наш взгляд, может получить объяснение с точки зрения культурной специфики американского сообщества, которому свойственны особое чувство патриотизма и замкнутость на своих национальных интересах [11].

Различие, выявленное в сопоставляемых группах материала, заключается в том, что конгрессмены, выражая оценки в форме *de re*, чаще обращаются к квазиоценочным средствам языка, а члены парламента Великобритании предпочитают частнооценочные языковые средства. Кроме того, британские политики, вербализуя оценочное отношение к различным аспектам своей идентичности, более активно используют глагольные предложения, а американские политики чаще употребляют аппозитивные конструкции.

В целом в результате проведенного анализа СИВ с оценками *de dicto* и *de re* можно сделать следующие обобщения.

Во-первых, СИВ с оценками *de dicto* и СИВ с оценками *de re* имеют разную синтаксическую структуру и семантику, а также специфические механизмы

вербализации оценочности. Модификация формы выражения оценочного отношения позволяет субъектам задавать определенный формат восприятия сообщаемой информации: акцентировать то личные чувства и мнения, то личные или коллективные свойства и действия.

Во-вторых, СИВ с оценками *de dicto* и СИВ с оценками *de re* могут содержать оценочную интерпретацию разных аспектов личностной и/или коллективной идентичности парламентариев. СИВ с оценками *de dicto* специализируются на репрезентации сведений о профессиональной, региональной, политической и этнической идентичности коммуникантов. СИВ с оценками *de re* специализируются на вербализации сведений о профессиональной, национальной, региональной, индивидуальной и политической иден-

тичности субъектов коммуникации. Для СИВ с оценками *de dicto* характерна репрезентация сведений только о личностной идентичности, СИВ с оценками *de re* имеют свойство выражать оценочную информацию как о личностной, так и о коллективной идентичности политиков.

В-третьих, носители американской и британской культуры, выражая оценочные суждения и в той, и в другой форме, имеют неодинаковые предпочтения в выборе средств языка. Причины этих предпочтений связаны с разными ценностными ориентациями американского и британского сообществ, особыми культурными традициями и конвенциями, существующими в этих сообществах, а также особенностями организации дискурса в американской и британской парламентской среде.

Литература

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 63 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
3. Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: ВГУ, 2007. 262 с.
4. Катанова Е. Н. Аппозитивная конструкция как средство выражения самоидентифицирующего суждения // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2007. № 2. Ч. 1. С. 68 – 75.
5. Катанова Е. Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 224 с.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. М.: Языки славян. культуры, 2004. 555 с.
7. Кузнецова Л. Н. Модус в аргументативном дискурсе парламентских дебатов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004. 17 с.
8. Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: коллективная монография / под ред. Е. Н. Азначеневой. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 232 с.
9. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев: Вища школа, 1971. 191 с.
10. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1971. 937 s.
11. Making America. The Society and Culture of the United States. Washington, DC.: U.S. Information Agency, 1988. 393 p.
12. Mendoza-Denton N. Language and identity // The handbook of language variation and change. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2002. 807 p.

Список источников примеров

1. Hansard. Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/>
2. Congressional Record. Режим доступа: <https://www.congress.gov/>

Информация об авторе:

Катанова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Воронежского филиала Московского государственного университета путей сообщения, ekatanova@yandex.ru.

Elena N. Katanova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow State University of Railway Engineering (Voronezh Branch).

Статья поступила в редакцию 22.04.2015 г.

РИТОРИКА ВОЕННОЙ УГРОЗЫ: НАТО – DRANG NACH OSTEN (НАТИСК НА ВОСТОК)

Д. С. Лапай

THE RHETORIC OF THE WAR THREAT: NATO – THE ONSLAUGHT OF THE EAST

D. S. Lapay

Изменения во внешней политике привели к изменениям в военной риторике. Самыми распространенными фреймами современной военной риторики НАТО выступают: «агрессивность России», «военная угроза с её стороны», «война за справедливость», «война за демократию», «война во имя мира», «ответственность перед миром», «священная миссия перед миром». Все эти фреймы уже встречались в мировой истории в известный период в виде одного фрейма Drang nach Osten («натиск на Восток»), который использовал в свое время Адольф Гитлер. Описанию этих фреймов современной военной риторики НАТО посвящена данная статья.

The foreign policy changes led to changes in the military rhetoric. The most useful frames of modern military rhetoric NATO are: «Russian aggression», «military threat from Russia», «the war for justice», «war for democracy», «war for peace», «responsibility to the world», «sacred mission to the world». All these frames have already met in the world history as a Hitler's frame «Drang nach Osten». This article deals with the description of these frames of NATO's modern military rhetoric.

Ключевые слова: риторика, речевая коммуникация, военная риторика.

Keywords: rhetoric, speech communication, military rhetoric.

Военная риторика как неотъемлемая составная часть внешнеполитического курса страны в современных геополитических условиях приобретает все большую значимость. Перед ней отчётливо ставятся новые масштабные задачи в деле формирования престижного имиджа Вооруженных Сил и «силовых» ведомств, продуманной информационной политики, морально-психологического обеспечения войск и операций, подготовки квалифицированных кадров в области укрепления обороноспособности и национальной безопасности [5].

Решение этих задач в контексте риторики и речевой коммуникации на самом высоком уровне немыслимо без объективного, тщательного анализа современной международной обстановки, которая в нынешних условиях характеризуется рядом особенностей.

Первая особенность состоит в глобальных изменениях мировой политики ведущих держав, что в конечном итоге вызвало общую нестабильность международных отношений в различных сферах деятельности.

Вторая особенность заключается в расширении «благоприятной почвы» для эскалации напряжённости и нарастающей угрозы Третьей мировой войны на международном, региональном и местных уровнях для различных областей деятельности человечества.

Фактически, официально провозглашенная новая риторика всеобщего миролюбия и демократического братства народов оказалась утопичной и не соответствующей международному курсу экономического и политического давления, неприкрытой военной агрессии.

Третья особенность отражает сохранение и активнейшее применение политики т. н. «стального кулака» и «дубинки» при решении спорных вопросов во внешней политике государств.

Так, если проанализировать служебные документы, решения саммитов НАТО и заявления официаль-

ных лиц США и представителей ведущих европейских держав в части, касающейся их внешнеполитических устремлений, то в первую очередь бросается в глаза общий миротворческий посыл и естественное неприятие эскалации военной угрозы и вооруженных конфликтов. Более того, в XXI в. США в системе мироустройства заведомо лживо определили себе роль «миротворца», на деле же выступая «мировым жандармом». Чего стоят громкие названия проектов Североатлантического альянса: «Партнёрство во имя мира» (Partnership for Peace), военные операции «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom) в Афганистане, Джибути, Западной Сахаре и на Филиппинах, «Иракская свобода» (Iraqi Freedom) в Ираке, «Поддержка демократии» (Support for democracy) в Гаити, «Союзная защита» (Federal protection) и другие. Внутреннее содержание данных стратегических «проектов» нужно читать, что называется, «между строк». Ведь на деле под маской риторики миротворчества и мнимой демократизации в реальности западные партнеры претворяют сейчас в жизнь задачи, определяющиеся исключительно для ведения боевых действий с гипотетическим противником. Процесс милитаризации со стороны стран НАТО развивается и традиционно все глубже обличается в «миротворческий камуфляж». Поступательные действия Североатлантического альянса несут прямую угрозу государственным интересам России.

Расширение НАТО на Восток, реализованное после распада СССР в несколько этапов, на деле оформилось в грандиозную аферу по введению в заблуждение «одной шестой части суши».

В феврале 1990 г. в ходе переговоров риторика США и НАТО была чёткой и недвусмысленной: было заявлено руководству СССР, что альянс «ни на дюйм не сдвинется в восточном направлении». Однако на деле все договоренности были перечеркнуты присоединением к блоку стран Восточной Европы и Прибалтики и размещением в них военных контингентов и

элементов стратегического наступательного вооружения.

Этому не приходится удивляться, ведь риторика невыполненных обещаний и миролюбивых устремлений западных политиков свойственна периоду советской перестройки: периода гласности, «демократизации», развала государственности СССР и его Вооруженных Сил.

Джеймс Бейкер, когда был государственным секретарем США, пообещал Михаилу Горбачеву, что «НАТО не продвинется на Восток» [3]. Известный американский военный деятель и в прошлом министр обороны Роберт Макнамара многократно заверял мировое сообщество, что «Соединенные Штаты обязались никогда не расширять НАТО на Восток, если Москва согласится на объединение Германии» [2].

Сам Михаил Сергеевич Горбачев, впоследствии признавая губительность произошедших событий, в многочисленных интервью подчеркивал, что «на американских политиков нельзя полагаться. Они просто обманули» [2].

Опасность такого рода послаблений, выразившаяся в риторике «соглашательства и уступок», со стороны нашего государства, к сожалению, не переориентировало риторику Штатов, а только усилило пропагандистский эффект риторики «доминирования» «мирового военно-политического гегемона» Америки.

Первостепенными речевыми фреймами периода холодной войны являлись «мировой паритет» (World Parity), «ядерный баланс» (Nuclear Balance), «стратегическое сдерживание» (Strategic Deterrence), однако СССР распался, холодная война закончилась, и в риторике мировых держав все чётче прослеживается агрессия, выражаясь как в тенденциях теневой «теории управляемого хаоса» (Theory of Controlled Chaos), так и в открытых и никак не скрываемых событиях в зоне вооружённых конфликтов.

Но история повторяется. Россия в очередной раз сталкивается с угрозой собственному суверенитету в связи со скрытым «натиском на Восток». Как это похоже на антантовский «Крестовый поход против большевизма» в период Гражданской войны и военной интервенции в Россию и немецко-фашистский лозунг «Drang nach Osten», закончившийся миллионами погибших, тысячами разрушенных городов и в конечном итоге Знаменем победы над поверженным рейхстагом.

Цели современного «натиска на Восток» выразил вице-президент США Джозеф Байден в ходе визита в Тбилиси 23 июля 2009 г., где он заявил: «Мы выступаем против сфер влияния образца XIX в. Им нет места в XXI в.» [2].

Риторика НАТО и Соединенных Штатов, находящихся на вершине этой организации планетарного масштаба, в широком смысле сводится к трём фреймам: «война за справедливость» (War for Justice), «война за демократию» (War for Democracy), «война во имя мира» (War for Peace), являясь обычной для всех империй и супердержав, однако феноменальными выступают четвёртый и пятый фреймы: «ответственность перед миром» (Responsibility to the World), «священная миссия перед миром» (Sacred Mission to the World), что подчеркивает исключительность за-

падной (американской) модели уклада жизни и системы ценностей.

Американские политики и военные деятели на порядок чаще других используют выражения, которые в переводе на русский язык звучат как: «история призвала Америку и наших союзников действовать, и это наша общая ответственность... бороться» (History has called America and our allies to act, and it is our common responsibility to fight...), «Америка остается вовлечённой в мир историей и выбором» (America remains involved in the world by history and selection), «страна... была призвана защитить свободу» (country ...was intended to protect the freedom of), «наша ответственность перед историей уже ясна» (Our responsibility to history is already clear) [1].

Уже сейчас подобного рода риторика закладывает в общественное сознание «западных коллег» идею «супернации», выражающуюся не только в мировой глобализации, но и в пафосном превознесении одних народов над другими. Что-то подобное пережила в свое время Германия... И чем это закончилось, не знает разве что ленивый.

Что же следует за риторикой «обманчивого миролюбия» и «скрытой угрозы»? А следует за этим, как это ни странно, прямая и ничем не скрываемая русофobia.

Например, вступив в НАТО, большинство восточноевропейских стран резко усилили антироссийскую риторику, занявшиесь откровенной фальсификацией истории, в особенности истории Второй мировой войны.

С развалом блока Организации стран Варшавского договора каждый бывший его член как будто соревнуется в своем неприятии всего российского, русского, ставя в уравнении «коммунизм» – «Россия» знак равенства и отождествляя собственные проблемы в первую очередь, в экономической сфере со своим советским прошлым, а значит с Россией.

Наиболее красноречиво логику таких действий словоохотливо и риторически выверенно подкрепил известный литовский политик Витаутас Ландсбергис, заявивший, что «теперь она (Литва) может говорить с Россией на языке силы» [2]. Еще дальше в этом вопросе пошла Польша, которая чуть ли не открыто работала за начало вооруженного конфликта с Россией.

В контексте этих событий вчерашних союзников по членству в Союзе Советских Социалистических Республик и Организации стран Варшавского договора, Литву и Польшу соответственно, мировые обозреватели справедливо называют «воинами новой холодной войны» [2]. Это звучит, как минимум, угрожающе и как-то по-средневековому. Интересно то, что эти «воины» своими страхами и психологическими комплексами государственного масштаба заразили и старажил НАТО.

Фреймы «русская угроза» (Russian threat) и «страх перед большим северным соседом» (fear of the big north neighbor), к которым апеллируют наши западные партнеры, представляют собой лишь мистический трепет перед Востоком в лице России и зиждется на переделе сфер влияния, экономических интересах, русофобии, на фальсификации исторических событий, прежде всего, на обвинении бывшего СССР в развяз-

ФИЛОЛОГИЯ

зывании Второй мировой войны наравне с нацистской Германией.

Запад всяческими методами делает попытки доказать всем и вся, что Россия выступает продолжателем тоталитарных традиций СССР и что нашей стране так же присуща агрессивность. Однако если бы западные политики придерживались точки зрения Уинстона Черчилля, который не считал СССР виновником развязывания Второй мировой войны, указывая в своих мемуарах, «что если политика Москвы и была холодно-расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной» [2], степень конфронтации и милитаристических устремлений Запада стала бы заметно ниже.

К сожалению, подобного рода фальсификации ряда западных партнеров в Европе и за океаном воспринимаются благожелательно, а фрейм «демонизации» России (demonization of Russia) в риторике нагнетания нестабильности устраивает глав многих западных держав. Это прослеживается по конкретным концептуальным документам, определяющим перспективное планирование и программу развития Североатлантического альянса.

По итогам саммита НАТО в Кардиффе была принята впечатльная декларация из 112 пунктов, где нашлось место практически для всех мировых проблем, включая Ирак, Афганистан, Косово.

В декларации неоднократно упомянули Россию и за поддержку сепаратистов, и за «неуважение к международному праву» [2], и за «дискриминацию» крымско-татарского меньшинства в Крыму. Однако главным практическим итогом саммита стало подписание «Плана действий по повышению боеготовности альянса» [2].

В частности, речь идет о развертывании специальной передовой группы высокой готовности в составе сил быстрого реагирования НАТО. «Численность этой группы, весьма символично и стилизовано названной в контексте свойственной риторики “наконечником копья”, составит несколько тысяч человек». В таком случае силы быстрого реагирования – это «древко копья» [2]. Как видно из вышеупомянутых словосочетаний по вопросам стратегического планирования НАТО и из всей риторики декларации, настроения у европейских лидеров явно воинственные, и в очередной раз дается прямой отсыл к средневековым событиям, эпохе постоянного вооруженного противостояния Запада и Руси, эпохи массированного «натиска на Восток».

Такая постановка вопроса – это уже не переписывание истории и «не стояние на костях погибших», это прямая риторика военной угрозы, словесная осознанная интерпретация идеологии войны. Сравнивание альянса с холодным наступательным оружием символизирует качественно новое состояние международного баланса сил – переход от мнимой миротворческой миссии НАТО к нескрываемой агрессивности. И именно здесь риторика перестает быть просто наукой об искусстве речи, но становится военной во всех смыслах, основной целью чего выступает оправдание применения военной силы.

Современные международные отношения породили, по мнению ряда аналитиков, новый тип войны.

Наряду с уже известными фреймами «горячей войны» (shooting war, fierce war, hot war, где fierce буквально «яростная», «огненная», «кровавая»), «холодной войны» (cold War), которая, по сути, предвосхищает «горячую», «заморозив» последнюю на длительное хранение, появляется понятие «прохладной войны» (cool war) – войны санкций, экономических эмбарго, информационно-пропагандисткой шумихи. В условиях нынешней внешнеполитической обстановки с подобным рода явлением столкнулась и Россия, имея потенциального недоброжелателя в лице НАТО.

Суть происходящих событий без прикрас описывает канадское интернет-издание Mondialisation.ca, которое впервые вводит в риторику мирового военно-политического сообщества термин «прохладной войны» [3]. В одном из интервью указывается, что в теории, то есть по официальной версии, «система ПРО призвана защитить Европу от пусков ракет из государств “оси зла” и в первую очередь Северной Кореи и Ирана. На практике же достаточно просто посмотреть на карту, чтобы совершенно однозначно понять, что Россия на своих западных границах оказывается окруженней поясом натовских антиракет» [3].

«Это какая-то очередная специальная пропагандистская дезинформация, вброшенная в СМИ накануне саммита и призванная скрыть истинное предназначение ЕвроПРО, тем самым сняв озабоченность России» [2]. Налицо риторика «двойных стандартов»: сегодня говорим одно, завтра – другое, а подразумеваем третье.

А что же остается делать России в подобных условиях? Необходимо действовать адекватно обстановке.

В соответствии с вновь принятой Военной доктриной России основными внешними военными угрозами названы территориальные претензии к России и ее союзникам и вмешательство в их внутренние дела. «Наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации. При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны, на ряде направлений военные опасности для Российской Федерации усиливаются».

При этом, несмотря на все разногласия и противоречия, Россия готова сотрудничать с НАТО, если альянс будет учитывать ее национальные интересы. Так, постпред России при НАТО Александр Грушко сказал: «Проблема с НАТО в том, что, когда она накачивает собственную инфраструктуру, когда накачивает мускулы, она не думает об общеевропейской безопасности» [2].

Как заявил по этому поводу в свое время президент Российской Федерации Владимир Путин, «я думаю, что не нужно быть никаким экспертом, чтобы понять: если одна сторона хочет, либо будет иметь над собой “зонтик” от всяческих угроз, то тогда у нее возникает иллюзия, что ей все можно, и тогда агрессивность ее действий будет многократно возрастать, а угроза глобальной конфронтации достигнет очень опасного уровня» [4].

Таким образом, приходится констатировать наличие очередного «витка напряженности» между Восто-

ком и Западом. При этом военная риторика никаким образом не может оставаться в стороне от происходящих процессов, неся на себе основной груз информационно-пропагандистского воздействия на собственные народы и армии, а также народы и армии потенциального противника. Фреймы «агрессивность России» (Russian aggression) и «военная угроза с её стороны» (the military threat from Russia) умело использу-

ются западными политиками, военными деятелями и идеологами для сокрытия собственных агрессивных устремлений, желания в очередной раз перекроить сферы влияния, «вогнать в свою орбиту» теперь уже не только восточноевропейские страны, но и государства на постсоветском пространстве, с целью реализовать очередной этап «натиска на Восток».

Литература

1. Авдонина Н. Риторика войны // Свободная мысль. 2014. № 5. Режим доступа: <http://svom.info/entry/494-ritorika-vojny/> (дата обращения: 11.05.2015).
2. Малевич И. С. Саммит НАТО: желаемое и действительное // Независимое военное обозрение. № 17(711). 1 – 7 июня 2012 г. Режим доступа: <http://nvo.ng.ru> (дата обращения: 06.05.2015).
3. Малевич И. С. У НАТО открылось второе дыхание // Национальная оборона. № 4. Апрель 2015 г. Режим доступа: <http://nationaldefense.ru> (дата обращения: 06.05.2015).
4. О военной доктрине. Указ Президента РФ от 19 декабря 2014 г. // Президент России: сайт. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47334> (дата обращения: 28.05.2015).
5. Система морально-психологического обеспечения в Вооружённых силах Российской Федерации: учебное пособие / под общ. ред. Главного управления воспитательной работы, генерал-полковника Н. И. Резникова. М.: Воениздат, 2005.

Информация об авторе:

Лапай Денис Сергеевич – соискатель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, старший помощник начальника учебно-методического отдела Военного института железнодорожных войск и военных сообщений Военной академии материально-технического обеспечения Министерства обороны Российской Федерации им. генерала армии А. В. Хрулёва, denis_lapay@mail.ru.

Denis S. Lapay – candidate of science degree of the Department of "Humanitarian and socio-economic disciplines", a senior chief officer, educational and methodical Department, Military Institute of Railway Troops and Military Transportation Service of the Military Academy of Logistics.

(Научный руководитель: Пименова Марина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных и русского языков Военного института железнодорожных войск и военных сообщений ВА МТО (Военная академия материально-технического обеспечения), чл.-корр. САН ВШ.

Scientific advisor: Marina V. Pimenova – DPhil, Professor of Foreign and Russian languages Department, Military Institute of Railway Force and Military Transportation MA LS (Military Academy of Logistical Support).

Статья поступила в редакцию 08.06.2015 г.

УДК 811.111-26

МАТЕРИАЛИЗУЮЩИЕ И ДЕМАТЕРИАЛИЗУЮЩИЕ МЕТАФОРЫ В ЛИРИКЕ У. Б. ЙЕЙТСА Н. В. Петрунина

MATERIALISMUS AND METAPHORS DEMATERIALIZE IN THE LYRICS OF W. B. YEATS N. V. Petrunina

Настоящая статья посвящена анализу метафорики в лирике англо-ирландского поэта У. Б. Йейтса с позиций отражения в метафоре эзотерического мотива универсализма (понимаемого как взаимодействие материального и идеального, видимого и невидимого). Универсалистские метафоры в лирике поэта можно условно разделить на материализующие и дематериализующие. Материализующая метафора реализуется в приёме опредмечивания, в структуре которого отвлечённое заменяется конкретным. Опредмечиваемые поэтом объекты объединяются в пять групп по степени возрастания отвлечённости объекта сравнения и его удалённости от индивидуального и повседневного. Дематериализующая метафора отражает обратный процесс: материальные объекты уподобляются духовным, приближаются к менее умопостижаемому. Материализующие и дематериализующие метафоры взаимодействуют друг с другом, что порождает смысловую амбивалентность поэтического контекста.

The submitted paper deals with the analysis of metaphors in W. B. Yeats's poetry. Yeatsian metaphors are analyzed through the prism of esoteric motif of universalism. The author considers universalism as the philosophical principle of interaction between the Material and the Ideal, the Visible and the Invisible. The universalist metaphors can be divided – with a degree of acceptable approximation – into materializing and de-materializing ones. The materializing metaphor is based on the objectification technique, which implies that the abstract object is replaced with the concrete one. The

things objectified by Yeats can be subsequently divided into five groups according to the increase in the degree of abstraction and the gradual removal of the 'individual' and the 'daily-routine' semantic hues. The de-materializing metaphor reflects the opposite process: the concrete objects are compared to the spiritual ones – getting closer to the universe of non-cognizable. The poet allows both types of metaphors to interrelate creating the meaningful ambivalence of the poetic context.

Ключевые слова: У. Б. Йейтс, художественная метафора, эзотеризм, лингвопоэтический анализ.

Keywords: W. B. Yeats, poetic metaphor, esotericism, linguistics and poetics.

Настоящая статья посвящена лингвопоэтическому анализу метафорики лирики У. Б. Йейтса раннего и среднего периодов сквозь призму эзотерической философии – трёх течений, значимых для понимания названных периодов творчества поэта: теософии, герметизма и розенкрейцерства, а также авторской доктрины У. Б. Йейтса, сформулированной им в трактате *A Vision* [17].

Эзотерическую составляющую лирики Йейтса рассматриваем как совокупность мотивов (рекуррентных смыслов, соответствующих отдельным положениям теософии, герметизма, розенкрейцерства) и «речевой художественной формы» – ансамбля языковых единиц, отражающих эти мотивы [6, с. 15]. Минимальными единицами речевой художественной формы являются артемы – «метафоры и другие тропы, стилевые мены, стилистически значащие повторы и т. п.» [6, с. 11].

Таким образом, целью нашего анализа является рассмотрение метафоры У. Б. Йейтса как артемы, то есть единицы речевой художественной формы, с позиций отражения в ней различных эзотерических мотивов. М. Н. Эштейн определяет мотив как универсальный, устойчивый смысл; он «стиховторен», то есть повторяется от стихотворения к стихотворению и служит основой для конструирования множества индивидуальных образов и тропов [12, с. 42].

В качестве одного из устойчивых эзотерических смыслов лирики У. Б. Йейтса выделяем мотив универсализма, выбранный нами в силу отражения в нём сущностных признаков эзотерической философии: многомерности Вселенной, взаимосвязи всех элементов бытия и т. п. (подробнее об этом см. в [10, с. 19 – 30]).

Кратко изложим суть эзотерического универсализма. Материальный и духовный слои Вселенной тесно связаны между собой и основаны на схожих принципах. Этот принцип был сформулирован Еленой Блаватской в «Тайной доктрине» как взаимодействие Видимого (предметного) и Невидимого (духовного). «Вселенная делится на мир ноуменальный (невидимый) и мир феноменальный (видимый). Они находятся в отношениях взаимосвязанности, проникают друг в друга, развиваются, движутся» [1, с. 50]. Спиритуализм, общение с неодушевлённым миром теософы считали одним из инструментов познания сущи вещей. Аналогичное высказывание находим в «Кибалионе» – трактате герметистов: «Вселенная ментальная. Ничто не покоятся, всё движется. Как наверху, так и внизу. Как внизу, так и наверху» [5, с. 9 – 15].

Данная установка мистиков пересекается с представлениями древних кельтов о структуре пространства их родины – «Изумрудного острова». Ирландия – не просто место на карте, считали жрецы-друиды, но

мир, имеющий собственную душу. «Традиционно было принято делить Ирландию на пять частей; четыре королевства: Улад на севере, Лейнстер на востоке, Мунстер на юге, Коннахт на западе. И центр – Миде. <...> Известен другой центр – «второй Мунстер», выступающий в качестве полюса, противоположного Миде и связываемого с поэзией и тайным знанием» [11]. «Второй Мунстер» не существует в материальной плоскости, его обнаружение возможно только при помощи проникновения в «душу пространства» посредством единения с окружающей природой.

Точка пересечения наивного анимизма древних кельтов с эзотерической онтологией теософов и герметистов подчёркивает значимость мотива универсализма для У. Б. Йейтса – патриота, придававшего большое значение кельтскому фольклору, активно боровшегося за его восстановление и создание новой литературной традиции своей страны. Стремление сблизить Видимое и Невидимое как характерная особенность йейтсовской поэтики отмечается критиком Дж. Аллисоном: «The attempt to represent the supernatural in human terms, or to portray the human as irresistibly attached to the supernatural, is a consant in Yeats's early verse». – «Попытка представить сверхъестественное в форме материального или, напротив, изобразить материальное неразрывно связанным со сверхъестественным является своего рода константой ранней лирики Йейтса» [13, с. 356]. Результаты нашего анализа совпадают с наблюдением Дж. Аллисона и позволяют выделить две противоположные тенденции в йейтсовской метафорике раннего и среднего периодов:

1) материализацию невидимого, духовного и/или сверхъестественного;

2) построение духовного слоя у материального. Рассмотрим эти тенденции подробнее.

Первая тенденция находит своё выражение в **«материализующих» метафорах**. Мотив универсализма реализуется в приёме **опредмечивания** (частной разновидности олицетворения), в конструировании которого участвует метафора. Олицетворение – это «одушевление неодушевлённых имён посредством сочетания их с антропоморфными метафорами» [8, с. 109], опредмечивание – родственный олицетворению приём «наделения абстрактного понятия свойствами конкретного объекта (предмета, животного, лица)» [8, с. 109].

В вербальной структуре олицетворения / опредмечивания имеется слово-аргумент (выразитель объекта сравнения, то есть олицетворяемого или опредмечиваемого) и слово-параметр – выразитель субъекта сравнения, носитель метафорического значения, позволяющий перенести свойства одушевлённого на неодушевлённое или свойства конкретного на отвле-

чённое. Например: *Do you not hear me calling, [white deer with no horns]₁? / I have been changed to [a hound with one red ear]₁; / I have been in the Path of Stones and the Wood of Thorns, / For [somebody hid]₂ hated and hope and desire and fear / [Under my feet]₂ that they [follow]₂ you night and day (He Mourns for the Change that has Come upon Him and His Beloved, and Longs for the End of the World, 1899).* (Прим. автора: здесь и далее слова-аргументы подчёркиваются, слова-параметры выделяются полужирным шрифтом.)

В данном стихотворении – проникновенном образце любовной лирики, полном кричащего отчаяния – переплетаются две реализации приёма опредмечивания. Отвлечённые лирические «я» и «ты» – герой и его возлюбленная – одушевляются, предстают в метафорических образах «белой безрогой лани» и «одноухой гончей собаки» (индекс 1), а человеческие чувства и переживания (*hated, hope, desire, fear – ненависть, надежда, желание, страсть*) преследуют (*follow*) возлюбленную лирического героя, будучи «спрятанными под ногами» (*somebody hid... under your feet*) героя подобно камням или иным объектам материального мира (индекс 2).

Важно подчеркнуть, что для У. Б. Йейтса явления внешнего мира являются не только основанием для описания своей внутренней реальности или импресий (это свойственно романтизму и неоромантизму в целом [16, с. 370 – 378]), но и материалом для означивания потусторонних, сверхъестественных явлений, бывших для поэта частью действительности: «Am I a mystic? – no, I am a practical man. I have seen the raising of Lazarus and the loaves and the fishes and have made the usual measurements, plummet line, spirit-level and have taken the temperature by pure mathematic». – «Мистик ли я? – нет, я человек, полагающийся на опыт. Я видел воскрешение Лазаря, хлебы и рыбы; для своих измерений [сверхъестественного] я использую обычные инструменты: свинцовый грузик или спиртовой уровень, а температуру измеряю посредством чистой математики» (цит. по [15]). То есть Йейтс склонен к гипостазированию – осмыслинию фактов воображаемой реальности в форме реально существующих объектов при условии веры в реальность первых [8, с. 92].

Совокупность йейтсовских метафор с семантикой предметности, конкретности и/или одушевлённости означивает различные объекты сравнения, которые можно условно разделить на пять групп по степени возрастания отвлечённости и глобальности их денотатов – отдаления от повседневного и индивидуально-романтического. При этом возрастает и степень парадоксальности сближения двух планов действительности и называющих их лексических единиц. Тем самым мы пытаемся сконструировать ту реальность, которую метафоризирует поэт.

1-ая группа объектов сравнения и выражающих их слов-аргументов – ‘повседневность’. В данную группу входят нематериальные атрибуты повседневной реальности – явления, связанные с обыденным внешним миром, его суетой и заблуждениями: *action* – «действие»; *common things* – «обыденность»; *disaster* – «катастрофа»; *grey Truth* – «серая правда».

Приведём яркий пример опредмечивания повседневности: *For those that love the world serve it in action, / Grow rich, popular and full of influence, / And should they, [artists] paint, or write, still it is action₃: / [The struggle of [the fly]₁ in [marmalade]₂]* (Ego Dominus Tuus, 1919). Данная метафора объединяет ряд объектов и субъектов сравнения в целостный дерогативный образ: художник сравнивается с мухой (индекс 1), его творчество – с мармеладом (индекс 2), а понимание творчества как реального действия, но не как иллюзии, призрака действительности (*a vision of reality*), является всего лишь сладким самообманом – «барахтаньем мухи в мармеладе» (индекс 3). Таким образом, абстрактное понятие (*action* – «действие») универсализируется, приобретает черты конкретной ситуации, в которой участвуют конкретные предметы, то есть оно дважды опредмечивается. Интересно, что в данном контексте к эзотерической онтологии восходит не только мотив универсализма – единства бытия, но и собственно отрицательная оценка действия, присущая в данной метафоре. Регрессию – устремлённость к прошлому (от формы как конечного звена творения к её первопричине), пассивность, созерцательность, но не противопоставляемые им деятельность и активность Е. П. Блаватская считает эффективным методом познания действительности (об этом см. в [9, с. 197 – 200]).

Аналогичный пример опредмечивания явлений обыденного мира находим в стихотворении *He Bids His Beloved Be at Peace* (1899): *The Horses of Disaster plunge in the heavy clay: / Beloved, let your eyes half close, and your heart beat / Over my heart, and your hair fall over my breast, / Drowning love's lonely hour in deep twilight of rest, / And hiding their tossing manes and their tumultuous feet.* В данном контексте опредмечивается некая катастрофа, приходящая извне, сопровождаемая отсутствием покоя и гармонии. Поэт уподобляет её стремительно скачущим лошадям, чьи гривы развеиваются, а копыта грохочут.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что для Йейтса повседневность видимого мира с её стремлениями, иллюзиями, суетой – это не только то, чего следует избегать, но и то, о чём следует помнить: в стихотворении *To the Rose upon the Rood of Time* (1893), обращаясь к своей музе, воплощающей Красоту Мира, Йейтс просит оставить ему «немного места» для того, чтобы он всё же мог воспринимать обыденность (*common things*), метафорами которой становятся червяк (*worm*) и полевая мышь (*field-mouse*) – слабые, жалобные знаки внешней реальности, к которой поэт остаётся привязан вопреки устремлённости к невидимым мирам.

2-ая группа объектов сравнения и выражающих их слов-аргументов – ‘переживания’. Эта группа включает в себя палитру эмоций, чувств и эмоциональных состояний. Это могут быть как непосредственные внутренние переживания Йейтса-неоромантика, так и более отвлечённые понятия, например «человеческие чаяния» (*mortal hopes*). В этот ряд входят также *desire* – «желание»; *cry* – «стон»; *fear* – «страх»; *hate* (*hated*) – «ненависть»; *loneliness* – «одиночество»; *love* – «любовь»; *sadness* – «грусть»; *solitude* – «уединение».

ФИЛОЛОГИЯ

нённость»; *sorrow* – «печаль»; *weariness* – «усталость».

Субъекты сравнения представляют собой разнообразные натур- и артефакты. Приведём примеры:

– *Ah! Druid, Druid, how great webs of sorrow / Lay hidden in the small slate-coloured thing!* (*Fergus and the Druid*, 1893) – субъект сравнения *webs* («паутина»);

– *...And on the instant clamorous eaves, / A climbing moon upon an empty sky, / And all that lamentation of the leaves, / Could but compose man's image and his cry* (*The Sorrow of Love*, 1893) – объединяющиеся в метафорическую цепочку субъекты сравнения *clamorous eaves* («стремкоющие крыши», имеется в виду стрекотание воробьёв под крышей), *a moon* («луна»), *lamentation of the leaves* («стенания листьев») и т. д.

Эмоции и чувства также приобретают антропоморфный характер, уподобляясь человеку; в этом – универсалистская замысловатость поэтики и стиля Йейтса: не человек переживает то или иное состояние, но само состояние уподобляется человеку. Приведём примеры:

– *I build a boat for Sorrow: / O swift on the seas all day and night / Saileth the rover Sorrow, / All day and night* (*The Cloak, the Boat, and the Shoes*, 1889) – развёрнутая метафора, в которой исходными компонентами являются объект сравнения *sorrow* («печаль») и субъект сравнения *rover* («скиталец»);

– *Lest I no more bear common things that crave; / The weak worm hiding down in its small cave, / The field-mouse running by me in the grass, / And heavy mortal hopes that toil and pass* (*To the Rose upon the Rood of Time*, 1893) – развёрнутая метафора с пропущенным исходным механизмом номинации; объект сравнения *mortal hopes* («надежды смертных»), субъект сравнения *human being* («человек») и т. д.

3-я группа объектов сравнения и выражающих их слов-аргументов – ‘сознание’. К данной группе принадлежит сознание (*mind*), его трангрессивные, просветлённые состояния (*dreams* – «мечты», «сновидения», «видения»; *peace* – «умиротворение»; *wisdom* – «мудрость»), инструментарий его совершенствования (для поэта это *art* – «искусство»; *old mythologies* – «предания древности»; *words* – «слова»).

Йейтсовская метафора «овеществляет» указанные объекты. Например:

– *...and though scarred, / As with the cat-o'-nine-tails of the mind, / His body moulded from within his body / Grows comelier* (*The Phases of the Moon*, 1919) – субъект сравнения *cat-o'-nine-tails* («плётка»);

– *Take, if you must, this little bag of dreams; / Unloose the cord, and they will wrap you round* (*Fergus and the Druid*, 1893) – субъект сравнения *little bag* («котомка»);

– *And I shall have some peace there, for peace comes dropping slow, / Dropping from the veils of the morning to where the cricket sings* (*The Lake Isle of Innisfree*, 1893) – замкнутая метафора, требующая развёртывания – дешифровки субъекта сравнения; возможный субъект сравнения – *morning dew* («утренняя роса»);

– *All wisdom shut into his onyx eyes, / Our Father Rosicross sleeps in his tomb* (*The Mountain Tomb*, 1914) – данная замкнутая метафора также требует дешифровки субъекта сравнения; совокупность слов-

параметров (*shut into his onyx eyes* – досл. «скрытая в его ониксовых глазах», речь идёт о Христиане Розенкрайце, смерти которого посвящено стихотворение) позволяет посредством дополнительных ментальных операций вычленить возможный исходный субъект сравнения – *treasure, jewel* («сокровище», «драгоценный камень»). Мудрость, таким образом, уподобляется драгоценности.

– *I made my song a coat / Covered with embroideries / Out of old mythologies / From heel to throat* (*A Coat*, 1914) – в этой развёрнутой метафоре объектом сравнения являются предания древности (*old mythologies*), субъектом сравнения – вышитый поэтом плащ (*coat with embroideries*) и т. д.

4-я группа объектов сравнения и выражающих их слов-аргументов – ‘время’. К анализируемой группе относится собственно категория времени (*time*) и её составляющие: *days* – «дни»; *light* – «свет», «рассвет»; *midnight* – « полночь»; *morning* – «утро»; *noon* – «полдень»; *night* – «ночь»; *half-light* – «полумрак», «предрассветный сумрак»; *years* – «годы».

Категория времени для поэта – предмет многих болезненных размышлений; Йейтс страдал хронофобией (боязнью времени и старения) [7, с. 100 – 105]. Йейтсовская «хронометафорика» определяет время – поэт словно пытается описать его более простирами, доступными словами, чтобы лучше понять и принять:

– *I spit into the face of Time / That has transfigured me* (*The Lamentation of the Old Pensioner*, 1893) – антропоморфное слово-параметр *face* («лицо») указывает на субъект сравнения – *a human being* («человек»);

– *And in the trembling blue-green of the sky / A moon, worn as if it had been a shell / Washed by time's waters as they rose and fell / About the stars and broke in days and years* (*Adam's Curse*, 1904) – субъект сравнения в развёрнутой метафоре выражен совокупностью объединённых «водной» темой слов-параметров; ключевое слово-параметр – *waters* («воды»);

– *Had I the heavens' embroidered cloths, / Enwrought with golden and silver light, / The blue and the dim and the dark cloths / Of night and light and the half-light, / I would spread the cloths under your feet* (*He Wishes for the Cloths of Heaven*, 1899) – субъект сравнения выражен словом-параметром *cloths* («ткани»), разворачиваемым при помощи тематически смежного глагола *spread* («расстилать») и сопровождаемым актуализирующими эпитетами *blue* («синий»), *dim* («блёккий»), «приглушённый»), *dark* («тёмный»), которые подчёркивают сущностные признаки слова-параметра, акцентируют сходство объекта и субъекта сравнения (ночь, рассвет и сумрак отличаются недостатком света и тепла, а потому ткани, которым они уподобляются, могут быть окрашены только в тёмные, холодные тона).

5-я группа объектов сравнения и выражающих их слов-аргументов – ‘невидимое’. В данную группу входят: 1) духовные компоненты человеческого существования: *Beauty* – «Красота Мира» (гармония форм, понимаемая как следствие божественного творения [1, с. 504]); *soul* – «душа»; *heart* – «сердце» (понимаемое как «душа»); *truth* – «истина» и смежные с ней понятия: *right* – «верное», «правильное»; *wrong* – «не-

верное, ошибочное»; 2) всё то невидимое и непостижимое, что выше и необъятнее человека: *God* – «Бог»; *the rage of elemental creatures* – «гнев духов»; *heavens* – «небеса» («рай»); *Nature* – «природа» (понимаемая как божественное, созидательное начало).

Приведём примеры определяния невидимого:

– *Out-worn heart, in a time out-worn, / Come clear of the nets of wrong and right* (*Into the Twilight*, 1899) – субъект сравнения *nets* («пути», «сети»);

– *Because the red-rose-bordered hem / Of her, whose history began / Before God made the angelic clan [World's Beauty], / Trails all about the written page* (*To the Rose upon the Rood of Time*, 1893) – субъект сравнения *girl* (девушка, возможно муз или возлюбленная поэта);

– *No place for love and dream at all; / For God goes by with white footfall* (*To Ireland in the Coming Times*, 1893) – субъект сравнения *human being* («человек»);

– *For the elemental creatures go / About my table to and fro, / That hurry from unmeasured mind / To rant and rage in flood and wind, / Yet he who treads in measured ways / May surely barter gaze for gaze* (*To Ireland in the Coming Times*, 1893) – субъекты сравнения *flood* («поток»); *wind* («ветер»).

Таким образом, поэт пытается заместить отвлечённое конкретным, находится в поиске взаимодействий невидимого с видимым. Поиск воплощений невидимого (в том числе презираемого – как в случае с ‘повседневностью’ – но не отрицаемого) в видимом свидетельствует о стремлении поэта познать то, что скрыто от непосредственных ощущений, с помощью поиска аналогов в мире материального. Это является своеобразной аналогией средневековых катафатических описаний Бога, содержавших бесконечные перечисления его проявлений и атрибутов [4, с. 202].

Что касается второй тенденции в метафорике Йейтса – построения духовного слоя у материального, то она проявляется в «дематериализующих» метафорах. Материальные объекты могут сопоставляться с духовными, приближаться к менее умопостижаемому. К данной разновидности метафоризации относится в том числе метафорическое олицетворение, понимаемое как уподобление неодушевлённого живому. Анимизм – одухотворение неживого – также является частью доктрины Е. П. Блаватской, значимой для поэтики Йейтса [1, с. 203].

Так, поэт обнаруживает духовный слой у ряда материальных объектов и ставит знак равенства между следующими объектами:

– Землём (*earth*) и словом (*word*): *The wandering earth herself may be / Only a sudden flaming word, / In clanging space a moment heard, / Troubling the endless reverie* (*The Song of the Happy Shepherd*, 1899);

– солнцем, луной, лощиной, рощей, рекой, потоком (*sun, moon, hollow, wood, river, stream*) и таинственным братством (*mystical brotherhood*): *...there the mystical brotherhood / Of sun and moon and hollow and wood / And river and stream work out their will...* (*Into the Twilight*, 1899);

– зеркалом (*looking-glass*) и дьяволом (*devil*): *...And though I'd marry with a comely lass, / She need not be too comely – let it pass, / Beggar to beggar cried,*

being frenzy-struck, / 'But there's a devil in a looking-glass' (*Beggar to Beggar Cried*, 1914);

– землёй ирландской (*Ireland*) и душой (*heart*): *The measure of her flying feet / Made Ireland's heart begin to beat; / And Time bade all his candles flare / To light a measure here and there* (*To Ireland in the Coming Times*, 1893).

Взаимодействие универсалистских метафор.

Как отмечает И. И. Гарин, «символы Йейтса – мосты между реальным миром и миром идей, между плотью и духом... Его символика многопланова, многослойна» [2, с. 76]. Сказанное справедливо не только в отношении символа – незамкнутой метафоры, но и йейтсовской метафорики в целом.

И материализующие, и дематериализующие метафоры могут находиться в отношениях наложения, что порождает амбивалентность метафорического контекста. Например, в стихотворении *Into the Twilight* (1899): *Come, heart, where hill is heaped upon hill: / For there the mystical brotherhood / Of sun and moon and hollow and wood / And river and stream work out their will.*

С одной стороны, различные объекты природы (солнце, луна, лощина, роща, река, поток) уподобляются таинственному духовному братству. Исходная метафора, в образовании которой участвует существительное *brotherhood*, разворачивается за счёт стилистически близкого ему фразеологизма *work out one's will* (возв. «вершить свою волю»). С другой стороны, если обратиться к значимым для поэта культурным фрагментам, то *sun, moon, hollow* и др. – это не только прямые номинации натурафактов, но и метафоры-символы. Луна, согласно эзотерической доктрине Йейтса, – символ силы, управляющей душой человека и её перерождениями (см. [17]); солнце в индуистской традиции является знаком гармонии стихий («все лучи солнца сходятся в волосах Шивы») [14, с. 284]. Вода (река, поток) в кельтской мифологии означает любую высшую, сверхъестественную силу [3]. Таким образом, рассматриваемый фрагмент иллюстрирует взаимодействие универсалистских метафор и интерпретируется двояко: и как уподобление конкретного отвлечённому (при рассмотрении стихотворного контекста *per se*), и как воспевание высших сил и вселенской гармонии, сравниваемых с таинственным братством (при рассмотрении стихотворного контекста в свете фрагментов культуры, значимых для Йейтса).

Таким образом, мотив универсализма в лирике У. Б. Йейтса отражается в материализующих и дематериализующих метафорах, которые могут взаимодействовать друг с другом, порождая смысловую амбивалентность.

Любопытно, что сопоставление видимого и невидимого определяется американским поэтом У. Стивенсом как устойчивая особенность поэзии в целом: *...the theory / Of poetry is the theory of life, / As it is, in the intricate evasions of as, / In things seen and unseen, created from nothingness, / The heavens, the hells, the worlds, the longed-for lands* (*An Ordinary Evening in New Haven*) – ...теория / Поэзии есть теория жизни – / Такой, какая она есть, в изощрённых намёках сравнений, / Кроющихся в вещах видимых и невидимых, созданных из ничего, / Рая, ада и им подобных миров и

желанных земель («Обычный вечер в Нью-Хейвене»). «Трезвый» модернист Стивенс усматривает в этом метафорическом механизме желание постичь объективную действительность при помощи обращения к действительности выдуманной. Символист и неоромантик Йейтс, по мнению критиков, ставит перед со-

бой менее прагматические цели: «Бледные волны, белые звёзды, туманное море, заброшенное озеро, белые птицы, одинокие ветры, серые сумерки – это не только знаки жизни, но её глубинные сущности, знаки души, существующие вне времени и пространства, сокровенный язык бытия» [2, с. 87].

Литература

1. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. М.: Золотой лотос, 2008. 961 с.
2. Гарин И. И. Уильям Батлер Йейтс // Век Джойса. М.: ТЕРРА, 2002. С. 58 – 112.
3. Грефенштейн А. Peter Greif's Symbolarium: энциклопедия символов. Режим доступа: www.symbolarium.ru (дата обращения: 09.10.2013).
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
5. Кибалион. М.: Золотой век, 1993. 88 с.
6. Климовская Г. И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста: методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. Томск: НТЛ, 2009. 168 с.
7. Кружков Г. М. У. Б. Йейтс: исследования и переводы. М.: Изд-во РГГУ, 2008. 671 с.
8. Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. М.: ЛКИ, 2007. 184 с.
9. Новикова Т. М. Эзотерическая философия. М.: Вузовская книга, 2006. 368 с.
10. Петрунина Н. В. Эзотерическая метафорика в лирике У. Б. Йейтса и её трансформации в русскоязычных переводах Г. М. Кружкова. Новокузнецк: Изд-во СибГИУ, 2014. 123 с.
11. Фомин О. В. О кельтизме и оккультизме // «Клюев». Поэтическая Газета. 2007. № 2. Режим доступа: <http://www.arthania.ru> (дата обращения: 16.12.2009).
12. Эпштейн М. Н. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии XVIII – XX вв. Самара: Баухах-М, 2007. 352 с.
13. Allison J. William Butler Yeats // The Oxford Encyclopedia of British Literature / ed. David Scott Kastan. Oxford: Oxford University Press, 2006. Vol. 1. P. 355 – 363.
14. Cirlot J. E. A Dictionary of Symbols. New York: Dover Publications, 2002. 420 p.
15. Mann N. The System of W. B. Yeats's *A Vision*. 2013. Режим доступа: www.yeatsvision.com (дата обращения: 02.09.2013).
16. Vendler H. Wallace Stevens // The Columbia History of American Poetry / ed. J. Parini, B. C. Miller. New York: Columbia University Press, 1993. P. 370 – 395.
17. Yeats W. B. The Collected Works. Vol. 8. A Vision. New York: Scribner, 2013. 448 p.

Список источников

- The Collected Poems of W. B. Yeats. London: Wordsworth, 2008. 402 p.
Yeats W. B. Two Plays for Dancers. Dublin: Cuala Press, 1919. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/33321/33321-h/33321-h.htm> (accessed: 24.12.2011).

Информация об авторе:

Петрунина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания Новокузнецкого филиала (института) КемГУ, nad514@yandex.ru.

Nadezhda V. Petrunina – Centre of Pedagogical Studies, Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), Department of English Language, Master of Arts in Philology, senior lecturer at the Department of English Language.

Статья поступила в редакцию 19.05.2015 г.

УДК 811.161.1'28

**ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЩЕГО – ЧАСТНОГО
В СИБИРСКИХ ГОВОРАХ**
C. П. Петрунина

EXPLANATORY DESIGN WITH THE VALUE OF A PUBLIC – PRIVATE IN THE SIBERIAN DIALECTS
S. P. Petrunina

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-14-42002a(p).

Настоящая статья посвящена анализу пояснительной конструкции в сибирских говорах (Кемеровская и Томская области). Целью анализа является описание и категоризация одной из разновидностей диалектного пояснения – конкретизации со значением общего – частного. Данная разновидность выражается специфической конструкцией, которая обладает сложной параллельной структурой (т. н. сложный ряд). Основными особенностями пояснения-сложного ряда в сибирских говорах являются: 1) употребление широкого диапазона местоимений в роли обобщающего слова; 2) незавершённость открытого сочинительного ряда; 3) частотное функционирование цетерных слов и выражений в качестве последнего, но не конечного члена ряда; 4) включение в структуру ряда ассоциативных вставок и др. Анализируемая конструкция создает избыточность – фундаментальное свойство диалектного спонтанного монолога.

The submitted paper deals with the analysis of the clarifying construction in Siberian dialects (Tomsk Oblast and Kemerovo Oblast). The analysis is aimed at the description and categorization of the so-called clarifying construction and one of its types – the substantiation construction represented by a specific complex structure, the ‘complex chain’ used to express the interrelation between the general and the particular (e.g., X is Y: namely, A, B, C). The chief peculiar features of the complex chain are the following: 1) the usage of a wide range of pronouns performing the function of the generalizing word; 2) the non-finality of the equipotent chain; 3) the frequent functioning of ‘etcetera’ words and word combinations playing the role of the last but non-final chain link; 4) the regular usage of associations, etc. The complex chain under analysis contributes to the ‘excessiveness’ of the dialect monologue being the fundamental trait of the latter.

Ключевые слова: Сибирские говоры, диалектный монолог, пояснительная конструкция, конкретизация, сложный ряд.

Keywords: Siberian dialects, dialect monologue; clarifying construction; substantiation construction; complex chain.

Пояснительная конструкция – это конструкция, представляющая особый тип ряда, состоящего из двух параллельных членов: поясняемого (первый член) и поясняющего/пояснения (второй член), выраждающих отношение тождества. Разновидностью пояснительного отношения является **конкретизация**, при которой поясняемое и поясняющее связаны между собой или как общее и частное (первая разновидность), или как отвлеченное и конкретное (вторая разновидность). «При отношениях общее – частное конкретизация создается путем перечня, так что образуется особая структура – **сложный ряд**. Он состоит более чем из двух параллельных членов: поясняемое – «обобщающее слово» и пояснение – сочинительный ряд. Однако принцип бинарности сохраняется, – поскольку одна конструкция входит в состав другой» [9, с. 55].

«Пояснительная конструкция конкретизирующего типа обеих разновидностей (с перечислением и без него), – пишет А. Ф. Прияткина, – отличается важной синтаксической особенностью. В ней используются дополнительные средства формальной организации: в состав поясняемого обычно входят специальные показатели отношения конкретизации – **местоименно-указательные слова**, которые выполняют роль своеобразных коррелятов. [...] Взаимодействуя с интонацией, они подготавливают пояснение, указывают на него и тем самым служат связи частей конструкции» [9, с. 56].

Особенности конкретизации со значением общего – частного в сибирских говорах связаны, во-первых, с

определенным кругом местоименно-указательных слов, входящих в состав поясняемого и, во-вторых, с особенностями строения сочинительного ряда – второго члена конструкции.

I. В диалектных монологах по частоте встречаемости в конкретизации-сложном ряде выделяются следующие разряды местоимений: 1) неопределенные *кто-то*, *чё-то*, *кто-нибудь*, *чё-нибудь* и вопросительно-относительные *кто*, *чё*, *какой*, *который* в функции неопределенных местоимений; 2) местоимения и слова с признаками прономинализации определительной семантики: *весь* (*вся*, *всё*, *все*), *чё угодно*, *всякий* (*всяк*), *разный*, *всякий-разный*, *всяко*, *разно*, *всяко-разно*, *по-всякому*; 3) отрицательные местоимения *ничего*, *никого* (последнее часто в значении ‘ничего’ при обозначении явлений, фактов); 4) указательные местоимения: *такой* (*така*, *тако*, *таки*), *так*.

Приведем примеры на каждый из перечисленных случаев.

1. *Постряпушки – это чё-нибудь когда поставишь и стряпаешь: калачики, пирожки* (МДС II, с. 79); *Ето теперь уж вешалки-то делать стали: весится на на неё что-нибудь из одежды: пальто, куфайки* (МДС I, с. 65); *Жеребьёвики были// Раньше рынков не было// Кому продать чё/ гармошку ли/ лошадь/ цену определяют// оценивают//; Чё и поделаю ишо// в игороде копаюсь поманенъку/ полвики (половики) вот тку люди простят//.* (Прим. автора: указания на диалектные словари, сопровождающие приводимые примеры, разъясняются в списке источников.

Примеры без этих указаний являются авторскими записями, сделанными в течение десяти лет диалектологических экспедиций (1981 – 1986 гг., 1993 – 1996 гг., 1998 – 2000 гг.) в села Молчаново, Сулзат Молчановского района Томской области (среднеобские говоры), Таргай, Малиновка Осинниковского района, Лучшево Прокопьевского района Кемеровской области (говоры юга Кузбасса).

2. *Всё* было (в лавке): *сатинец, сатин ли, шерстянка*. Шерстянка шерстяная (МДС I, с. 309); *А раньше вот, бывало, дак всё сеяли*: это лён к пасеке поближе и *подсолнухи* садили, *гречуху* сеяли, *гречку* сеяли (ОСК I, с. 162); *Она всё делат*. Скоро *всё* делат. *Свитры* вяжет, *джемпера* вяжет. Ничё бабёшка (ПССГ I, с. 31); *Точут чё угодно: топор, лопату, тяпку* (МДС II, с. 250); *Все* праздники празднуем: и *свои* (религиозные) и *советские* (МДС II, с. 44); *Я ведь в этом доме всю жизнь живу: и родилась здесь, и свадьбу здесь играли* (МДС I, с. 123); *Лес был всякий: пихтовник, кедровник, березник* (МДС I, с. 99); *А лес всякий. Есь берёзник, ёлка есь* (ОСК I, с. 175); *Масти у лошадей всякие: карие, серые, буланые – беловатые, сероватые* (МДС II, с. 119); *Сейчас урожай убирают разными машинами: жатками, жнёвками, сенокосилками, лобогрейками*. Раньше жали вручную (МДС I, с. 118); *Разна* была работа// летом сено *косили/* зимой сено *возили/* да и куды *посылают* вот нарочным//; *Всяко* ловили: и *сетями, и удочками, частушками*. Трехпёрстка такая, трёхпестная сеть (МДС II, с. 252); *По-всякому* было// и *ссорились ругались/* и *целовались миловались//* Всяко было//; *Уж я всяко-разно* приготовилась// и избу *побелила/* пола тоже *покрасила/* Федька забор новый *поставил/*.

3. *Ничё ему ись (есть) нельзя было// ни яйцы/ ни грыбы/ ни свиное/*; *Никого она (сноха) не умет// Ни белить тебе/ ни испекти тебе//* Спит с утра до ночи//; *Вот так в молодости своей и жила. Никого* не было у меня: *ни отца, ни матери*. Безродная я. Дочь потом у меня безотцовка и была (ОСК I, с. 152).

Конструкциям с двойным отрицанием в сибирских говорах предпочтительны синонимичные *всё*-конструкции. Ср.: *Ничё ему ись (есть) нельзя было// ни яйцы/ ни грыбы/ ни свиное/* и *Всё ему ись нельзя было: яйцы, грыбы, свиное*. См. также: *Всё не доложила: соли – несолено, хрену и всё ерундовско*. Старый рот не чует дак; *Солила осенью вот. Всё не положила чё надо: лис (лист смородины), укропец*. Отшли дак не было; *Не знали всё: белоколоска кака-то, красноколоска* была; *По прошлогоде приезжали, то я всех не узнала: пацаны, Ленка большущая стала*.

4. *А лён так делали// стелят/ посушат/ мнут/ треплют/ чешут//*; *А били (шишки) так*, значит. *Шест делали такой, а к нему на конец чурку толстую такую приделывали*. И вот ей по стволу бить начинали сильно так (ОСК I, с. 192); *А приспособление тако: две берёзины и ето ошмыганы*, коню где вставать (ОСК I, с. 173); *Есть такой цветок: зелёненький, белые цветочки* такие, как мята (ОСК I, с. 77); *Вот только я знаю девятирольник траву*. Она тоже вот *така*: *большой стебель* у ей и такая вот *шишечка*, как пуговочки жёлтеньки, все в одной кучке (ПССГ III, с. 152).

Обобщающее местоимение в конкретизации-сложном ряде может отсутствовать, «присутствуя» в глагольной флексии поясняемой части или «уступая место» родовому слову:

Маруся умерла, эти уехали. Останемся чисменками [перен. «одинокие старухи» от устар. *чисмёнки* – «три нитки в мотке на мотовиле, старая единица измерения пряжи»]: *Настасья Ивановна, Калаиникова [и я]* (пример Е. В. Иванцовой); *На эту кошёвку как насядут – и ребятишки, и стары, и как укотят, а потом её прут, а все в поту, на эту гору* (ПССГ III, с. 28); *Едут за невестой, а там к венцу: сродственники, новые гости от отца и матери* (СС II, с. 152);

Сюда приехали – третья часть деревни была. Лес был: березник, тальник. Озёра были (ОСК I, с. 174); *Ещё грибы есть: берёзовый, и сухой груздь, и русский груздь* (ОСК I, с. 177); *Раньше болезни были: тиф, ашкырлатина, воспа* (ОСК I, с. 62); *Цветки были: блюземинка, еранка, фукса...* Блюземинка тоже усыпана цветом (ОСК I, с. 215); *Раньше американкой землю пахали. Она много захватывала. Части у ей: колесуха деревянная, бастрык* (ОСК I, с. 122).

В подобных случаях только интонация (и порядок членов конструкции) является средством выражения пояснительного отношения; ср.: *Лес был березник, тальник; Грибы есть берёзовый, сухой груздь и русский груздь; На кошёвку насядут и ребятишки, и старые; Останемся чисменками Настасья Ивановна, Калаиникова и я*.

II. Особенности конкретизации со значением общего – частного в диалекте связаны также со строением открытого сочинительного ряда – второго члена конструкции. К ним относим, во-первых, своеобразную «намеченность» ряда, его представленность одним членом вместо ряда однородных. «Намеченность» сочинительного ряда маркирует незавершенная интонация, семантика множественности определительных и отрицательных местоимений, входящих в первый компонент конструкции: *всё/ничего, никого; всяко; всякие, разные, всякие-разные*. Эти признаки позволяют отличить «намеченный» сложный ряд от простого ряда, близкого к включению – еще одной разновидности пояснительного отношения. Приведем примеры.

*Всё ему (мужу) дала как человеку// рубахи новы.../ Ну куды гро девал//; Всё приготовили как полагац// закуски какие.../ А вного народу пришло//; Я у отца-то всё делала// и сено метала.../ Учиться-то некогда//; В пост *ничё* скоромно ели// *Ни масло тебе.../ Упаси господь//*; Его возвьмёшь (сено) – листья-то отлетают от него. Нет *ничего: ни молока*. Како там молоко, хоть корова шоб не подохла (ОСК I, с. 152); *Маленька была/ дак всё (ела)// А щас/ ну *никого// ни молока* тебе.../ Сгрызёт за день оладушку две ли//; *Никого он ей не вернул// ни десятку.../ А пинжак* хоть бы поплоши дала-то//.**

Ходили ряжеными, вот шулюкиными ходили и *всяко, белыми одевались* раньше и... (ОСК I, с. 162); *Всяку* садили *картошку. Деал* (сорт «идеал») садим (ПССГ I, с. 25); *Всяки хлеба* родятся// и *пашеница.../* А я вот белый хлеб не люблю его//; *Кокетки* (платки) были *всякие, шерстяные...* Шили маринаки (плюшевые жакетки)... (МДС II, с. 33); *Сети* вяжутся раз-

ные: полутораёрстки... (МДС II, с. 52); *Еслиф у кого достаток есть/ да так/ вовсе там разно сало// скотско.../ Скотину еслиф забыт даκ//; Здесь вот када дождливо даκ/ грибов всяких-разных// всяких-разных// и посолить.../ Дочь приезжат/ то банок по десяти увезёт//.*

Во-вторых, незавершенность ряда в говоре может создаваться за счет повторяющихся соединительных союзов *и, да, да* и после однородных членов (члена) сочинительного ряда (чрета севернорусских говоров) при интонации фразовой незавершенности. Например:

Все здесь родилиси ага// Колька да/ Танька да/ Юлька да.../ Семеро у меня их// Здеся родилися//; На голове мы всё разно носили// платки/ да шапки да/ вязанки да.../ Щас смотрю/ тоже в платках стали//; В субботу-воскресенье напекут на постным масле пироги всяки// ягодны/ да морковны/ да картофны/ да.../ Это щас я разучилась пекчи// А раньше ох и мастерица была да//; Старость всё уносит// и полноту/ и веселье/ ц.../ Не заметишь/ как прожили//; Всем подношеньице нужно// и батюшке/ и матушке/ ц.../ Не подмаслишь/ не проживёшь//; Всё было// и столовая большая была/ ц.../ Сгорело всё//; Всяки-разны грыбы люблю// и белый гриб/ и маслёнки/ и рыжики/ ц.../ Прошлый год-от уйма грыбов было//.

В-третьих, для сибирских говоров характерна представленность последнего, но не конечного члена а) соединительного сочинительного ряда цетерными словами и выражениями обобщающего характера: (*и, да, да и*) *всё* (*на свете*), *всё тако(е)*, *всё там, разно, всяко, всяко-разно, по-всякому, чего/кого* (в значении ‘чего’) *тольки не было, всё было, всяко было, ничего (ничё), никого* (в значении ‘ничего’) и под.; б) разделительного сочинительного ряда – цетерными словами, выраженнымми относительно-вопросительными местоимениями *кто, чё (чего), куда, откуда, где, когда, как и др.* в значении неопределенных, часто в сопровождении частиц *ли, там* [8]. Открытость ряда создается значением обобщенности, универсальности, максимально-го охвата предметов и явлений, присущим цетере, которое в потенции требует конкретизации, представленности в частном, отдельном. Например:

а) *Сделай человеку добро/ и господь даст тебе всё/ и здоровье/ и всё/; А чичас он вот такой (т.е. маленький, показывает) идёт/ и всё// и Бога/ и креста/ и всё на свете материт//; Я это всё ела// ну чё в столовой// суп да всё//; И всякой рыбы// и щука/ и елец/ чебак/ ёри/ и окунь/ всё/; Теперь каки праздники// Там какой-то День лесника/ да всё тако// А у нас был уже/ определенный праздник//; Лесу тут всякого полно// кедрач/ пихтач/ ели/ всё там//; Всё тебе выстрогат// и медведя/ ну живой/ и всё там//; Разны машины были// Они уж потом появились// веянки/ да разно//; Травами всякими раньше лечились// багульник/ э-э/ придорожник/ ишио медунку/ всяко//; Всё было// и мука своя/ и орехи/ и рыбка/ и чего только ни было//; Самолёт/ вертолёт то есть/ прилетит и продукты привезёт из Томского// Ну и правда рыбы всякой// и кеты/ и каво только не привезли//; А в войну всяко жили// и голодовали/ и помирали/ и всё было//;*

Ничё не донёс// ни премию/ никого// Ведь иде пьют/ там и льют/ и ничё не помнят про себя//; Тёща-то здорова была// Один раз пошла в игород/ а оттуда

ребёнка в подоле принесла// Ничего не понимали// ни родов/ никого//; Никого (т. е. тяжелой работы) не боялися// Ни вагонов/ никого//; Ничё у нас не было// Никакого венца и ни/ ни свадьбы/ никого// С чего было делать свадьбу вот/ когда голод-холод-то был//.

В сибирских говорах выделяется группа сложных рядов, в которых в пояснении употреблено снимающее двойное отрижение местоимение *всё*, эквивалент пропозиции со значением ‘ничего больше нет’, а поясняющее представлено сочинительным рядом с отрицанием. Например:

Баня по-чёрному/ когда дым в баню// Каменка наложена из камней/ и всё// ни трубы/ ничего//; Пришёл ко мне/ одне штаны у его и всё// ни пальта/ничё//; В доме у ей одна картошка и всё// Ни мяса тебе/ ни масла/ничё//.

б) Говорит пускай хоть кто в ночь выходит// Верка или кто ли/; Кого сглазят/ корову ли кого ли/ сама порчу отвожу//; Жарим всяку мелку рыбу// чебаков/ или кого//; Чё-то с им приключилося// паралик ли чё ли/; Чё-то надоть запалить// свечку или чё//; Чё-нить я тебе поставлю// банки/ или чё ли/; Чё в бидончик налью// квас или чего там/; Чё-то Мамониха несёт// дорожку ли чего ли/;

Как не удастся мне в печке сожечь/ пойду гденистить// в сени туды/ в кладовку или куды заткну (недовязанные рыболовные сети)/; Откуда-то к нам приезжали поселенцы те// Из Расеи или откудова там/; А я всё равно чую что/ там где-то вонят// На печке иль где ли/; Как на зерно перешел/ тогда и приходит вот// в двенадцать ли когда ли/; Уж как она вправляет (грыжу)/ не знаю// Шёпчет али как/.

В-четвертых, в сложном ряде закономерно нарушение синтаксического и морфологического параллелизма между первым и вторым компонентами ряда в пользу им. падежа в поясняющем, чему способствует дистантная позиция членов ряда, ослабляющая синтаксическую связь между ними. Например:

А на смерть готовили. К смерти и всё, рубаха, платья, чулки, на ноги чё надеть... (МДС I, с. 81); Всем государство его обеспечивало// шинелка/ ботинки/ коздюм/ всё там//; Все овочи (овощи) в по-гребах хранили/ картошка/ моркошка/ свеколка/ редька//; Сроду у нас горшечник (был). Он всяку посуду мастеровал... горшок, крынка (МДС I, с. 95); Всяку ягоду сушили// земляника/ и черёмка// Сахару дак не было//; Разну картошку садили// скороспелка/ мериканка//.

В-пятых, нарушение синтаксического и морфологического параллелизма часто сопровождается нарушением параллелизма функционального (различной целеустановкой в пояснении и поясняющем), что отражает диалогический принцип построения диалектного текста, с одной стороны, и выделяет рему сообщения – с другой:

Приобретам чё?// капуста/ ранний сорт/ томаты «сибирский» (сорт)//; Счас чё попало, поганки берут. Брали что? грыбы. Были таки берёзовы – белы грыбы, грузди были, белянки были, называли, рыжики были (ОСК I, с. 163); Без стипендии был. Матери [у] него не было. Приехал, бруки посostenы [просвещивают], ноги видать. А счас рази будут так учиться! А раньше чё? Отрезы давали. Мы ему новы бруки шили

(ОСК I, с. 323); *Держали кур, гусей, а как? Чё с курицы-то? Яички получали, перо, мясо.* Всё, чё больше? (ОСК I, с. 164); *Раньше чё пили?/ квас/ медовушка/ бражка сделам// Ну процедишь её там/ Пили мушкины// ну а женишина еслив/ грешно дак//; Как раскатаю, кладу чё там? творог ли, картошка ли. Всяка начинка была: картошка, творог, с ягодой делали* (ОСК I, с. 171); *А чё топерича? девки – самокрутки, бабы – простоволоски!* (ПССГ I, с. 30); *Сноха-то много чё здесь накупила// Коздюм вот такой хороший/ он (сын) послев армии тот свой/ не одеёт// коздюм/ шуба/ стол полировальныи// Щас чё?// покупай не хочу//;*

Теперь *каки праздники?// Там какой-то День лесника/ да всё тако// А у нас был уже/ определенный праздник//; А барашик – это светочек, он маленькой, и как это у его прям такой этот цветочек, запашистый от такой... Аха. Синенький они, такие светочки, запашистый он... А тут какие цветы растут?* Они, вот *огоньки*, потом вот эти сами *бараши* (ОСК I, с. 108); *Но, может, богаты, так много белья, а у нас, мы средне жили. Так како у нас бельё? Рубаха-перемоваха* (ОСК I, с. 131); *Господи, скоко их таких? и старых, и молодых – шляются без дела. Сами не прибраны, в избе бардак* (ОСК I, с. 167); *Кого они [невестка с внуком] садили? Картошку. Ну выпили они. Борозда была. А он [сын] пришиёл стайку делать* (ОСК I, с. 281).

Вопросительные высказывания в приведенных контекстах не относятся к репликам-повторам, то есть не являются реагирующими репликами диалога (Н. Ю. Шведова); ср.: (диалектолог) *Какие цветы у вас растут? – (информант) Какие цветы растут? Огоньки, барашики.* Они включены в монологическую речь диалектносителя.

В-шестых, цепочка однородных членов в пояснении-сложном ряде зачастую прерывается вставками ассоциативного (предикативного и полипредикативного) характера. Восстановление прерванного звена в отдельных случаях происходит путем повтора предыдущего (предшествующего вставке) члена сочинительного ряда, например:

Сноха-то много чё здесь накупила// Коздюм вот такой хороший/ (он (сын) послев армии тот свой/ не одеёт//) коздюм/ шуба/ стол полировальныи// Щас чё?// покупай не хочу//; Печь затоплю/ сразу всё наварю/ борщ (сам у мене только борщ признаёт//) борщ/ картошку с чем там/ кисель вот// Ну ягода закиснет/ в кисель дак//; Не обижсаюсь на свою жизнЬ// И родители меня учили ко всему// и ткать/ (щас хоть станок подавай//) и ткать/ и прясть/ и дров напилию наколю всё//; Ничё я не знаю// ни писать/ (когда нам было учиться// Коров пасла да нянькой была// я вот у маме старшай//) ни писать/ ни читать не умею//; Разны профессии у меня были// и доярка/ (я всегда в передовых ходила//) доярка/ молотобойцем работала/ ага/ это вот в кузнице//.

В-седьмых, для диалектного сочинительного ряда характерна его неоднородность, представленность синтаксической позиции и словом, и предикативной единицей, которая, как правило, завершает пояснение-сложный ряд, органично вплетаясь в последующий контекст, начиная новую микротему; например:

Всё построили// и школа/ ясли/ клуб у нас большой// В клуб уж всё молодёжь//; Всё ить у мене повырезали// и пузырь/ и аппендиц/ и матку повырезали// Матку/ дак её лет пять как повырезали// Гуляй бабка по свету//; Весь лес годится (на изготовление лодок)// кедрач и/ сосняк и/ ель тоже долбили// Выдалбливали сами//; Раньше чё пили// квас/ медовушка/ бражка сделам// Ну процедишь её там/ Пили мушкины// ну а женишина еслив/ грешно дак//; Он ничё не хотел, ни хлеб, никого не сосал (МДС II, с. 195); Ну ничё тебе нету// простишёв/ наволоков/ ситцу нигде не куплю// И талоны нам не давают//; Мука была всяка// и простой размол/ и на сеянку мололи/ и на высший сорт мололи// Та ужсе крупчатая называлася//; Пельмени разны наст्रяпам (дети)// с картошкой/ либо с пучками наст्रяпам/ а ешо капусты туды можно втолкнуть// Вася вот у меня любил с капустой// Несут (на поле)// Мам/ мы тебе есть несём//.

В целом о конкретизации со значением общего – частного в диалекте можно утверждать, что она в ряде случаев образует сложное синтаксическое целое (ССЦ) – тематический блок – с логико-семантическим отношением включения внутри последнего. Отношение включения может быть двоякого рода: во-первых, отношение общего – частного, во-вторых, частного – общего. Эти отношения обусловлены различными способами мыслительных операций говорящего: синтетико-аналитическим и аналитико-синтетическим соответственно. Сужение объема значений частей ССЦ-го является, по замечанию В. Г. Гака, «способом продвижения повествования» [1, с. 95]. Продвигая повествование, переход от общего к частному на текстовом уровне «работает» на грамматику слушающего, имея целью предоставить ему дополнительную информацию. Подобное строение диалектного монологического текста отражает психологическую закономерность развития устной речи от общего к частному, названную принципом семантического дифрагмирования [5].

Дополнительная информация для слушающего может иметь характер цепочечного пояснения. В этом случае поясняющее 1-ой пояснительной конструкции оказывается поясняемым во 2-ой, а поясняющее 2-ой конструкции – поясняемым в 3-ей и т. д.

Например:

Всё под старость приключатся// (=а именно) как-то болесь обяжательно пришпинет// Вот (=к примеру) ослеп// (=то есть) правый// ой (=вернее) левый глаз совсем не видит износился// уж восемьдесят два года// Щас бы только бы жсить// Ешь/ чё хотиш...// Щас бы только жсить//;

Потом пояркой я была// (=то есть) сорок штук/ э-м// (=вернее) пятьдесят штук/ молоком поила телят всех// (=а именно) своих/ и за Зинку// (=то есть) напарница моя вот// Да шестьдесят штук было больших (телят)// там (=к примеру, а именно) годовики/ полуторники/ по два года// бычки/ тёлочки// Ну всех надо было вымыть/ чтоб сухо/ чисто// Вот так вот я была//.

При отношении частное – общее сначала излагается сам факт, затем следует его обобщение, подтверждающее высказанное суждение. Обобщение является необходимым структурным компонентом текста-рассуждения, его выводом. В диалектных монологах,

повествовательных или описательных по своему функционально-смысловому типу, обобщение также имеет место, формируя концовки как текстов-повествований/описаний, так и ССЦ-х в них в силу их информативного регистра. Приведем примеры:

Игурцы растут/ и лук растёт/ и даже арбузы родятся// Всё-всё растёт как есть//; Носили рубашки/ носили и подштанники/ запуны шили/ Всё носили одевали вон раньшев//; У меня один во Владивостоке дочень/ одна здесь (в Сулзате) вон// Все мои дети живут//; В том год двенадцать лошадей у отца перекопало// от той лошади// овцы попортились// И вон так вон пошло и пошло// всё наперевод//; И робили мы за мужуков/ и детишек ростили/ и фронту вязали/ пимы катали/ Вон так вон было//.

Двойной «аккорд темы», по образному выражению В. Матезиуса [6, с. 523], звучащий в зачине и концовке ССЦ-го, формирует его кольцевую композицию, которая часто используется носителями говора в текстах-повествованиях. В этом случае сочинительный ряд интерпозитивен. Например:

Всё раньше сами делали// и кожевенный/ э-э/ товар/ э-э/ скотски кожи вырабатывали/ и овчины делали на шубы// И всё делали//; А они-то/ они/ это/ корову зарезали/ эту там Колчак (колчаковцы)/ на

берегу-ту зарезали корову/ да всё нам отдают// и нам голову да ноги отдают/ да требуху-ту/ Всё нам отдают//; А мама труженица была// По всей ночи сидела пряла/ ну утром огород/ скотина там/ нас кормить// А нас семеро у их было// Мама труженица была//; Вот так вон и жили// передел (выделанные скотские кожи) выпускают/ обрабатывают всё совсем/ потом раздают людям от кого брали// Потом/ это/ снова набирают (шкуры)// опять/ так вон и жили//.

В целом пояснительные конструкции являются средством избыточности диалектного монолога [7] или его инерционности [4], которая соотносима с такой категорией грамматики литературного текста, как стагнация (англ. *stagnation* ‘застой’) [2]. Однако если в литературном тексте эта категория является частной, второстепенной, неосновной, то в монологических диалектных текстах (а «всякий монолог есть литературное произведение в зачатке» [11, с. 115] – отсюда правомерность сопоставления) она занимает далеко не последнее место. «Топтание» содержания на месте за счет вторичной номинации в пояснении/конкретизации создает «чресполосную» (И. Р. Гальперин [2]; Б. М. Гаспаров [3]) или «мозаичную» (А. А. Смирнов [10, с. 217]) содержательную структуру диалектного монологического текста.

Литература

1. Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста: сб. науч. тр. / отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1979. С. 91 – 102.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
3. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1978. Вып. 442. С. 62 – 112.
4. Евтухин В. Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1979. С. 201 – 206.
5. Маркосян А. С. Психолингвистические особенности синтаксиса разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 22 с.
6. Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 444 – 524.
7. Петрунина С. П. Об избыточности диалектологического текста и характере ее проявления // Русские ста-рожильческие говоры Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Палагина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. С. 203 – 210.
8. Петрунина С. П. Цетера в среднеобских словарях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3(51). С. 202 – 206.
9. Прияткина А. Ф. Осложненное простое предложение: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. гос. ун-та, 1983. 96 с.
10. Смирнов А. А. Психология запоминания. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1948. 238 с.
11. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык [1939] // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 110 – 129.

Список источников

- МДС – Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982 – 1983. Т. 1 – 2.
- ОСК – Областной словарь Кузбасса / под ред. Э. В. Васильевой. Кемерово, 2001. Вып. 1.
- ПССГ – Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. Томск, 1991 – 1995. Т. 1 – 4.

Информация об авторе:

Петрунина Светлана Петровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы Новокузнецкого филиала (института) КемГУ, Центр педагогического образования, кафедра русского языка и литературы, nad514@yandex.ru.

Svetlana P. Petrunina – PhD, assistant professor, the head of the Department of Russian Studies, Centre of Pedagogical Studies, Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), Department of Russian Studies.

Статья поступила в редакцию 19.05.2015 г.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРИОРИТЕТОВ В РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЯХ

T. A. Пивоварчик

THE DISTRIBUTION OF COMMUNICATIVE PRIORITIES IN SPEECH SITUATIONS

T. A. Pivovarchyk

Данная статья выполнена в рамках лингвопрагматического подхода и посвящена анализу иерархии коммуникативных ролей в речевых ситуациях. Коммуникативные роли являются переменными характеристиками для каждого говорящего и различаются по их приоритетности: адресант – коммуникативный приоритет 1; адресат – коммуникативный приоритет 2; третье лицо – коммуникативный приоритет 3. В грамматической категории лица такая соотнесенность приоритетов устойчива, в прагматике речевого общения подвижность ролевых приоритетов позволяет говорящему успешно решать коммуникативные задачи. В прагматической оппозиции «фон – фигура» позицию фигуры может занимать адресант, адресат или третье лицо. Распределение коммуникативных приоритетов связано со спецификой дискурсов и жанров, с типовой ориентацией речевой ситуации на того или иного участника коммуникации, с коммуникативными намерениями говорящего. В рамках общей теории лингвопрагматики исследование распределения коммуникативных ролей способствует формированию моделей коммуникативного взаимодействия и использования языка в конкретных речевых ситуациях, в рамках лингводидактики важно для развития прагматической компетентности носителей языка.

This article was completed under the pragmatic approach and is devoted to the analysis of the hierarchy of communicative roles in speech situations. Communicative roles are variable characteristics for each speaker and differ in their priority: the addresser – communication priority 1; the addressee – communication priority 2; the third person – communicative priority 3. In grammatical category of person, such a correlation priorities sustainable, in pragmatics of verbal communication mobility role of priorities enables the speaker to successfully solve communicative tasks. In pragmatic opposition "the background and the figure" position of the figure can take addresser, addressee or a third person. The distribution of communicative priorities due to the specificity of discourses and genres, to a typical orientation of a speech situation of a party to the communication, to the communicative intentions of the speaker. In the framework of the theory of pragmatic the study of the distribution of communicative roles contributes to the formation of patterns of communicative interaction and language use in particular speech situations, in the framework of didactics is important for the development of pragmatic competence of native speakers.

Ключевые слова: речевая ситуация, коммуникативная роль, адресант, адресат, третье лицо, коммуникативный приоритет, прагматика.

Keywords: speech situation, communicative role, addresser, addressee, third person, communicative priority, pragmatics.

Одной из актуальных задач современной лингвистики, в центре которой находится человек как субъект речи, является описание закономерностей речевого общения, в частности особенностей эффективного использования говорящими разноуровневых языковых единиц в разных типах коммуникативных ситуаций. Понятия коммуникативной (речевой) ситуации, коммуникативного (речевого) акта и коммуникантов как участников ситуации являются центральными в терминологическом аппарате современной лингвистической прагматики [14, с. 33]. Под речевой ситуацией понимается «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом поведении – высказывании, дискурсе» [23, с. 42]. В своем ядре речевое поведение ограничено репертуаром и рамками стереотипных речевых ситуаций, в том числе с точки зрения построения высказываний, используемых говорящими в качестве особого типа социальных действий. Как следствие, для каждой речевой ситуации имеется набор устойчивых формул речевого общения с типичной персональной структурой. Однако социокультурными конвенциями предоставляется определенная свобода действий в рамках ситуативных требований к созданию высказывания: *Я прошу тебя. – Я просил бы тебя. – Я хочу просить тебя. –*

Побеспокою тебя просьбой. – Хотелось бы просить тебя. – Беру на себя смелость просить тебя.

Коммуникация осуществляется путем постоянной смены коммуникативных ролей, являющихся переменными характеристиками для каждого говорящего и различающимися по их приоритетности [3; 7]: адресант – коммуникативный приоритет 1; адресат – коммуникативный приоритет 2; третьи лица (в том числе слушатель) – коммуникативный приоритет 3. Несмотря на то, что данная схема приоритетов устойчива и верна в своём обобщённом виде, каждый новый говорящий заново распределяет приоритеты ролей внутри речевой ситуации: он может таким образом строить ситуационное взаимодействие, чтобы приоритет сохранялся у него (говорю сам, не даю вступить в разговор другим), передавался другим участникам или неучастникам ситуации (например, речевой акт вопроса предполагает ответную активную позицию адресата и занятие им роли говорящего) и т. д. Таким образом проявляется эгоцентрическая модальность самооценки, формируется оппозиция «фон – фигура» по отношению к участникам общения.

Как известно, внутренняя структура грамматической категории лица представляет собой трехчленную оппозицию 3:(1:2), немаркированным членом которой выступает форма третьего лица в связи с отсутствием

в ее семантике информации относительно участия в акте речи [5, с. 20; 21, с. 91], а маркированными – формы первого и второго лица, причем второе лицо определяется как ‘участник ситуации кроме говорящего’. Местоимению 3-го лица нередко вообще отказывали в значении ‘лицо’: «...понятие ‘лицо’ ...принадлежит корреляции *я/ты* и отсутствует в *он*» [2, с. 285]. В прагматике речевого общения за каждым из персональных значений закреплен свой круг прагматических ожиданий: с семой «автор речи» (первое лицо) потенциально связана и в определенных условиях реализуется коннотация «эгоцентризм, субъективизм», с семой «адресат речи» (второе лицо) связана коннотация «контактность, сближенность», а с семой «неучастник речи» (третье лицо) – коннотация «дистанцированность» [19, с. 60].

Благодаря подвижности ролевых приоритетов в прагматике речевого общения грамматическая оппозиция категории лица становится мобильной и может выстраиваться в речевых высказываниях по-разному. Средствами актуализации коммуникативно-ролевых приоритетов и их соотнесенности становятся не только традиционные для этой функции языковые единицы и категории (персональность, посессивность, модальность и т. д.), но и переносные, нестандартные употребления лексем и грамматических форм, избыточное выражение персональных значений, сильные позиции высказывания с точки зрения расположенностей компонентов и их интонационного оформления (линейно-акцентное членение высказывания) и т. д. Например, избыточные с точки зрения ситуации общения релятивные самообозначения адресанта нередко сигнализируют о нарушении адресатом правил исполнения соответствующей роли по отношению к адресанту и имеют целью призвать адресата к изменению поведения: *Ты не смейся являться в таком виде к отцу* (‘ко мне’)! (А. П. Чехов); (жене, с упреком) *Спасибо. Подумала о муже* (‘обо мне’) (В. Шукшин). Нередко речевая ситуация представляет собой смену доминирования партнёров по общению: неоднократно на всём её протяжении или единожды – как конечный результат её развития.

Распределение коммуникативных приоритетов связано с основополагающей ориентацией каждой речевой ситуации на того или иного участника коммуникации, с тем, кто заинтересован в развитии ситуации и в её результате. «Просьба и приглашение ориентированы на интересы адресанта (я прошу – это мне нужно; я приглашаю – это мне приятно), а совет, предложение – на интересы адресата (я советую, предлагаю – это тебе нужно, полезно, приятно)» [20, с. 50]. Речевая ситуация благодарности является ситуацией с выраженным неравноправием коммуникантов, вытекающим из их предыдущего совместного опыта взаимодействия: адресант самой формулой благодарности (как самим фактом данной речевой ситуации, так и лексико-грамматическим оформлением речевой конструкции) демонстрирует собеседнику и свою зависимость от последнего, и признание авторитетности адресата в данной ситуации. Поэтому речевые формулы благодарности в повседневном общении традиционно строятся как вежливые на основе реализации семиотических оппозиций «верх – низ»,

«много – мало», в которых приоритет отдается адресату, что выражается и лексически, и грамматически: *Низкий земной поклон вам, люди в белых халатах; Выражаем искреннюю благодарность...; Позвольте поблагодарить вас...; Премного вам благодарен!; Примите от меня слова благодарности!*

Специфика большинства этикетных ситуаций проявляется в том, что в них, независимо от исходных коммуникативно-ролевых приоритетов, демонстрируется преобладание позиции адресата (это проявление категории гоноративности в ее оптимальном режиме).

Распределение коммуникативных приоритетов является одним из важнейших жанрообразующих факторов в словесности и публицистике, «определяет не только стиль конкретных текстов, но и стиль эпохи» [9, с.315]. Адресация рассматривается сегодня как одна из ведущих характеристик того или иного дискурса или его разновидностей. Так, многие исследователи (Л. Р. Дускаева, Т. Л. Каминская, Л. В. Кудинова, Т. И. Стексова и др.) отмечают, что в современных медиатекстах расширяется коммуникативное пространство адресата, фигура адресата выдвигается на первый план. В то же время коммуникация в новых медиа (социальных сетях, блогах и т. д.) ориентирована прежде всего на адресанта и его самовыражение.

Рассмотрим коммуникативно-ролевую соотнесенность участников речевой ситуации, исходя из предположения, что коммуникативные роли являются базовыми признаками, определяющими соотнесенность участников речевого процесса, хотя взаимоотношения собеседников строятся на сложном пересечении их коммуникативных ролей с актуализируемыми в речевой ситуации вторичными коммуникативными ролями, социальными, функциональными, ситуационными ролями и т. д. Например, адресат может быть намеренно эксплицирован в формулах не только как второй субъект коммуникации, но и как исполнитель социальной или ситуационной роли, как объект эмоционально-оценочного отношения адресанта, как лицо, включаемое в личную сферу адресанта или исключаемое из нее.

Обозначение коммуникативной позиции говорящего термином **адресант** подчеркивает неабсолютность этой позиции и в коммуникативной структуре высказывания, и во фреймовой структуре речевой ситуации, а также обусловленность этой позиции фактором адресата: адресант – тот, кто взаимодействует с адресатом; адресат – тот, на чьё взаимодействие рассчитывает адресант. «Я порождается общением с Ты (Я для другого). <...> Ты выступает тем зеркалом, в которое смотрится пред-Я, чтобы самоидентифицироваться... и стать Я. <...> Лишь Ты, такое же и в то же время другое, отличное, может служить необходимым образцом, точкой сравнения – отождествления и отталкивания одновременно» [10, с. 150 – 151].

Всякий отсчет в речевой ситуации идет от «я» адресанта: именно он задает стратегию общения, специфика которой находит свое выражение в системе величностных (на действительность, на пропозициональное содержание, на языковые средства) и межличностных (на самого себя, адресата и третьих лиц) установок [4, с. 34]. Мнения исследователей по поводу абсолютности коммуникативного приоритета адре-

ФИЛОЛОГИЯ

санта категоричны: «Всякая речь есть речь говорящего и действием она является только в момент говорения и может быть действием только говорящего» [15, с. 621]; «Локализация события в рамках высказывания осуществляется прежде всего применительно к точке зрения говорящего, т. е. субъекта коммуникации. Такая «замкнутость на себе» вполне оправдана общим эгоцентрическим устройством языка» [16, с. 205]. С координаты «я» начинаются оси взаимоотношений коммуникантов и оси формирования pragматических смыслов высказывания «я – ты», «я – не-я», «я – третье лицо», «я – слушатель», «я – все другие», «я – я».

Получая абсолютный приоритет в иерархии коммуникативных ролей, адресант может использовать и специальные языковые средства, чтобы «скорректировать» эту изначальную иерархию: понизить свой статус «первого коммуникативного лица» в пользу адресата или третьих лиц, уравнять его со статусами других участников ситуации или, наоборот, укрепить свою позицию. В высказывании *«Прошу у тебя прощения»* глагольная форма 1 лица сосредоточивает внимание на ситуационном действии говорящего, в фразе *«Прости меня»* сделан акцент на ожидаемом действии адресата. В результате транспозиции формы 1 лица единственного числа глагола-перформатива в форму третьего лица множественного числа возникает ситуативное отождествление адресанта с авторитетной частью социума, в результате статус говорящего укрепляется, повышаются категоричность и официальность, снижается степень вежливости: *«Вас просят покинуть зал; Тебя предупреждали!»*

Важной составной частью речевого общения является ситуационное самопредставление (самопрезентация, самопредъявление) адресанта. Свой речевой образ в соответствии с речевой ситуацией адресант создает с опорой на перцептивно-оценочную деятельность других субъектов: «я-для-себя», «я-для-других», «я-для-тебя», «я-для-того другого», «я-для-всех других» и т. д. «Выразить самого себя – это значит сделать себя объектом для другого...» [1, с. 289]. В социальной психологии уже давно было замечено, что «у человека столько социальных личностей, сколько индивидов признают в нем личность и имеют о ней представление. <...> Мы выставляем себя в совершенно ином свете перед нашими детьми, нежели перед клубными товарищами; мы держим себя иначе перед нашими постоянными покупателями, чем перед нашими работниками; мы – нечто совершенно другое по отношению к нашим близким друзьям, чем по отношению к нашим хозяевам и нашему начальству» [6, с. 24].

«Социальные и психологические параметры конкретного говорящего могут отражаться в его речи вполне сознательно и намеренно: говорящий осознанно ориентирует свое вербальное поведение на конкретного слушающего, чтобы создать у последнего определенное представление об авторе речи» [12, с. 223]. Поскольку обычно нет необходимости в описательном представлении адресанта, так как его статус, роль ясны собеседнику из самой ситуации, то актуализация этого смыслового компонента в содержании высказывания делает его pragматически значимым. При адресантной референции существительных в речевом высказывании актуализируется оце-

ночно-нормативный компонент их семантики, отражающий представления о социальной значимости той или иной роли, того или иного класса лиц, социальные прескрипции, а также ассоциативный компонент, свидетельствующий о наличии некоторых культурно-идеологических ассоциаций, связанных с той или иной ролью: *«Вы послушайте меня, Иван Иваныч, что вам я, старик, скажу: вы, батюшка, не дельно вести себя стали»* (В. М. Гаршин); – *«Эй, ты, – заорал он на лейтенанта, – поди сюда! Тебе майор говорит!»* (К. Симонов).

Этические и этикетные нормы социума обычно требуют минимального «выпячивания» говорящим своего «я», приуменьшения зоны своего влияния в речевом пространстве в пользу адресата, а в ряде случаев и в пользу третьих лиц. Например, носителю русского языка обозначение «собственной персоны говорящего в высказывании представляется <...> делом, требующим особой дипломатичности, и язык разработал способы дипломатического представления субъекта» [24, с. 193]. Так, речевые акты предложения чаще всего начинаются с обращений к адресату как протагонисту речевой ситуации, подчеркивающих, что развитие ситуации и дальнейшие действия адресанта в значительной степени зависят от желания адресата, благодаря чему фактор адресанта в речевой ситуации ослабевает: *«Аким, дай я тебя подстригу»* (В. Астафьев); *«Хочешь, я наряжусь тебе елочку?»* (В. Шукшин); *«Может, я пойду куплю четверинку?»* (В. Шукшин). Сравните также следующие высказывания пожелания с точки зрения местоименно-актантной выраженности адресанта и постепенного понижения его коммуникативного ранга в ситуации: *«Я желаю Вам успеха; Мне хочется пожелать Вам успеха; Позвольте мне пожелать Вам успеха; Примите от меня пожелания успеха; Пусть вам сопутствует успех»*.

Адресат – это «участник речевого акта, которому говорящим отводится роль респондента осуществляющей говорящим иллокуции» [13, с. 21], то есть тот, от кого ожидается перлокутивная реакция. В высказывании мы видим адресата сквозь призму субъективного взгляда адресанта – «отраженного» адресата: речевой образ адресата на уровне высказывания – это не копия реального адресата, а отражение межличностной установки адресанта на того, кто должен стать его собеседником, его представление об адресате, оценка им тех характеристик адресата, которые важны для регулирования отношений в рамках данной речевой ситуации.

Формирует высказывание и задаёт этим высказыванием некоторую речевую ситуацию адресант, но только в ориентации на адресата, и то, что говорящий выбрал некое лицо в качестве адресата своих речевых действий, не разделяет их, а наоборот объединяет и уравнивает как активных участников ситуации. Практически всегда предполагается, что произойдет мена ролей, то есть адресант изначально прогнозирует для себя роль адресата. С другой стороны аксиоматична мысль о том, что не существует акоммуникативных высказываний, адресатом может быть – при отсутствии других лиц – и сам говорящий, его «второе я».

Адресатоцентричность речевого высказывания формируется, во-первых, высокой частотностью использования местоимений 2-го лица, их пре- или постпозицией по отношению к глаголу, предпочтением тех или иных предложно-падежных форм со значением адресативности, а во-вторых, переключением внимания на адресата с помощью адресативных предикатов. Так, в речевых формулах просьбы постпозиция местоимения (*Отпусти ты меня!*) создает просьбу-убеждение, уговор, наиболее вероятное продолжение которой – аргументы типа ‘ведь для тебя это не составит труда, ведь ты можешь это сделать’ (т. е. акцент на действие и его модальные характеристики). Препозиция местоимения (*Ты отпусти меня!*) вносит оттенок экспрессивной мольбы (значимы и регулярно сопутствующие местоимению частицы); такая формула предупреждается подробными объяснениями, описанием ситуации, а ее типичное распространение – обещание благодарности (акцент на позитивную оценку личности адресата: ‘я уверен в тебе, поэтому ожидаю от тебя…’).

Одновременно с обозначением адресата говорящий может актуализировать разные оси взаимодействия и оценок: «ты – я», «ты – мы», «ты – он», «ты – они», «ты – все», поэтому речевой образ адресата может приобретать в высказывании разный фокус: «ты для меня», «ты для нас», «ты для него», «ты в глазах общества» и т. д. Кроме того, при прогнозировании речевого образа адресата адресант актуализирует какой-то один параметр адресата, например, если апеллирует к адресату как к субъекту мнения, то соответственно «предлагает» ему роли эксперта, оппонента, комментатора и т. п., если обращается к адресату как носителю социального статуса (роли, позиции), то прогнозирует роли «низшего», «высшего», «равногого»; если говорит с адресатом как носителем личностных черт, то соответственно рассчитывает на важные для него в данном случае свойства адресата и «вынуждает» их проявиться и т. д. Иначе говоря, говорящий «примеряет» свое речевое поведение к параметрам адресата.

Третье лицо в pragматической парадигме имеет иной статус, нежели в парадигме грамматической: «только с позиций pragматики можно говорить о том, что «он» и «она» перерастают из статуса третьего грамматического лица в статус лица как личности и как «я». Фактор третьих лиц проявляется в речевых высказываниях эксплицитно – особым использованием лексем и грамматических единиц с указанием на «нечастников» речевой ситуации, а также имплицитно – в коннотативном компоненте лексем, отсылающем к социально одобряемым нормам: *А вот мудрые люди говорят, что у любой веревочки конец есть; На миру и смерть красна; Опять заживем, как было. Всё своим порядком, как у людей... по-христиански* (А. П. Чехов); *Сам я не видал его пьяного, не стану вратить, но люди сказывали. И люди-то его пьяным видели, а слава такая про него ходит* (А. П. Чехов); *Люди должны воскресенья-то да отыкают культурно. А этот – нервничает, видите ли* (В. Шукшин); *Любит... Ну и люби на здоровье, но зачем же людей-то смешить?* (В. Шукшин); *Ты тут брешешь что попало, а по селу слава пойдет* (И. А. Бунин).

Это полноправие третьего лица в дискурсе о личностях подтверждается той ролью, которая почти всегда отводится в эпической литературе фигуре протагониста» [18, с. 42 – 43]. Для взаимопонимания собеседников часто бывает важно «прочесть» это третье мнение, соотнести его с мнением каждого из участников речевой ситуации и определить цели включения еще одного (стороннего) голоса в общение.

Отсылка к мнению третьего лица и оглядка на третье лицо при определенных ситуационных условиях становятся pragматическим фактором, с одной стороны, обеспечивающим «заполненность» некоторых слов в фреймовой структуре речевой ситуации, а с другой – выстраивающим определенный тип соотнесенности коммуникантов, так как «постоянная ориентация субъекта на реально присутствующее или идеально представленное лицо, несущее в себе функцию контроля, не просто сопутствует или аккомпанирует действию человека. Она активно включается в систему отношений личности к выполняемой деятельности и опосредует ее течение» [17, с. 291]. При обращении к третьим лицам меняется соотнесенность адресанта и адресата; она выстраивается уже не только в рамках «я для тебя», «ты для меня», но и «я для третьих», «ты для третьих» и т. д., то есть совмещается большее количество индивидуальных «возможных миров», картина мира в речевой ситуации становится богаче. Таким образом, адресант задействует фактор третьих лиц с целью соответствующего его интенции (то есть успешного с его точки зрения) развития ситуации.

В структуре речевых ситуаций фактор третьего лица имеет разную значимость. Так, по замечанию И. В. Труфановой, обязательным участником канонической речевой ситуации комиссива является не адресат, а наблюдатель: «речевые акты пари, торжественного обещания, присяги производятся обязательно в присутствии третьих лиц – наблюдателей» [22, с. 16].

Поскольку в речевых формулах типична ориентация на одного из действительных участников ситуации – адресанта или адресата, то постановка в центр внимания третьего лица всегда коммуникативно и pragматически значима. Высказывание может быть сфокусировано говорящим на третье лицо смысловым наполнением как диктумной, так и модусной частей. Такие речевые акты, в вершине которых – третье лицо, являющееся точкой отсчета в регулировании взаимоотношений говорящих, главной координатой в ценностной парадигме ситуации, представляют особый интерес для лингвопрагматики. Показателен сам факт предпочтения среди вариантов стереотипных высказываний формулы с реализованным фактором третьего лица. Ср.: (1) *Сам Бог видит, что не откуда взять! – Не откуда мне деньги взять!*; (2) *Всякий заметил, что Арбенин в тебя влюблен* (М. Ю. Лермонтов) – *Арбенин в тебя влюблен!*; (3) *Веши вы, конечно, не убрали... Ну да Бог вам судья* (К. Пастуховский) – *Веши вы, конечно, не убрали... Ну да прощаю вас*; (4) *У ангела бы не хватило терпения, согласитесь* (А. П. Чехов) – *У меня не хватает терпения*.

В каждой приведенной выше паре в первом высказывании эксплицирован модус третьих лиц, а во втором – эксплицитно (*Ну да прощаю вас*) или им-

плицитно (ср.: *Неоткуда мне деньги взять! – Я тебе клянусь, что неоткуда мне деньги взять!*; *Арбенин в тебе влюблен!* – *Я считаю, что Арбенин в тебе влюблен!* и т. д.) присутствует модус адресанта. Первые высказывания в парах отличаются большей экспрессивностью, «гипертрофированным» видением ситуации, настойчивостью и некомпромиссностью адресанта в выражении своего мнения и т. д.

Как прагматически релевантный компонент высказывания, шире – текста, фактор третьих лиц может быть обнаружен в самых разных дискурсах и дискурсивных жанрах, в которых он выполняет не идентичные функции. Все тексты в средствах массовой информации, независимо от их внешней, формальной коммуникативно-ролевой структуры, рассчитаны на восприятие их третьими лицами (А. А. Зализняк называет эту фигуру «косвенным адресатом» [8, с. 24]). Публикуемые в газетах диалоги-интервью, поздравления близким людям, соболезнования ставят себе целью как минимум информирование третьих лиц (читателей газеты) о некоторых фактах в жизни адресата и об отношении адресанта к адресату и описываемым фактам. Показательно следующее замечание А. А. Кибрика об интервью: «Кардинальная особенность интервью – ингерентное наличие третьего участника – Аудитории. Аудитория физически не существует при взятии интервью, однако ее существование с необходимостью учитывается и Интервьюером, и Респондентом, если они хотят успеха своей коммуникации. Что касается Интервьюера, то он в своем поведении моделирует усредненный интерес Аудитории. Респондент также должен ориентироваться в своих репликах на Аудиторию...» [11, с. 62].

В дискурсе районной прессы, в отличие от дискурса повседневности, информативная функция благодарности (‘сообщить о поступке адресата, заслужившем благодарность’) становится более значимой,

чем фатическая (‘поддержать социальный контакт в определенной тональности’), что противоречит исходной «предназначенности» данного жанра в системе речевого этикета. В газетах тексты-благодарности прежде всего необходимы для информирования широкой читательской аудитории о ситуации, и уже один только факт сообщения в СМИ выполняет «наградную» функцию для того частного или юридического лица, о котором пишется в тексте: подразумевается, что местное сообщество одобряет подобную модель поведения и как бы легитимирует ее: *Хочется поблагодарить администрацию Березиковской школы за <...> душевное радушие и гостеприимство* (Тогучинская газета. 16.05.2012). Можно в некотором смысле утверждать, что по своей аксиологической нагруженности малый жанр благодарности в современной прессе сродни портретному очерку прежних лет, только представляет его свернутый вариант.

Таким образом, если в грамматической категории лица такая соотнесенность приоритетов устойчива, то в прагматике речевого общения подвижность ролевых приоритетов позволяет говорящему успешно решать коммуникативные задачи. В прагматической оппозиции «фон – фигура» позицию фигуры может занимать адресант, адресат или третье лицо. Распределение коммуникативных приоритетов связано со спецификой дискурсов и жанров, с типовой ориентацией речевой ситуации на того или иного участника коммуникации, с коммуникативными намерениями говорящего. В рамках общей теории лингвопрагматики исследование распределения коммуникативных ролей способствует формированию моделей коммуникативного взаимодействия и использования языка в конкретных речевых ситуациях, в рамках лингводидактики важно для развития прагматической компетентности носителей языка.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика [пер. с фр.] / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
3. Богданов В. В. Коммуниканты // Человек и речевая деятельность. Вестник Харьковского университета. Х.: ХГУ, 1989. № 339. С. 7 – 10.
4. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты: уч. пос. Л.: ЛГУ, 1990. 88 с.
5. Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 5 – 40.
6. Джеймс У. Личность // Психология личности. Т. 1: Хрестоматия. Самара: БАХРАХ, 1999. С. 20 – 39.
7. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Гос. уч.-метод. центра «Колледж», 1999. С. 7 – 13.
8. Зализняк А. А. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 24 – 40.
9. Каминская Т. Л. Автор и адресат в современных медиатекстах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2008. Вып. 2. Ч. II. С. 314 – 319.
10. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петерб. востоковедение», 1996. 288 с.
11. Кибrik А. А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога // Вопросы языкоznания. 1991. № 1. С. 61 – 68.
12. Куруу К. В. Экспликация социальных характеристик говорящего в образе автора (на примере жанров в речевом поведении референта) // Язык и социум: материалы III Междунар. науч. конф. Минск: БГУ, 2000. С. 223 – 224.
13. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность. Иркутск, 1992. 217 с.
14. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 152 с.
15. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.

16. Норман Б. Ю. Лицо и другие грамматические категории глагола // Personalitat und Person / Unter Mitarbeit von Sabine Donninghaus. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. Р. 203 – 233.
17. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. 512 с.
18. Рикёр П. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 41 – 50.
19. Рымарь Н. Б. Коннотативная нагруженность транспозиций внутри отряда немецких личных местоимений // Семантика на разных языковых уровнях: Межвуз. сб. науч. тр. Рига, 1979. С. 60 – 85.
20. Савчук Т. Н. Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках. Минск, 1995. 137 с.
21. Сянкевич В. И. Семантика і прагматыка беларускай мовы. Брэст, 1995. 214 с.
22. Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 41 с.
23. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
24. Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 168 – 202.

Информация об авторе:

Пивоварчик Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой журналистики Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, t.pivovarchik@grsu.by.

Tamara A. Pivovarchyk – Candidate of Philology, Chair of the Department of Journalism at The Yanka Kupala State University of Grodno.

Статья поступила в редакцию 06.08.2015 г.

УДК 81'276.6

МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ АЭРОЛОГИИ И ВЕНТИЛЯЦИИ
A. A. Телегуз

TERM FORMATION MODELS IN AEROLOGY AND VENTILATION TERM SYSTEM
A. A. Teleguz

Терминосистема аэробиологии и вентиляции представляет собой сложное целостное образование, отражающее на лингвистическом уровне систему взаимосвязанных понятий соответствующей области знания. Термины аэробиологии и вентиляции ранее рассматривались как составная часть терминосистемы горного дела. Однако они образуют отдельную целостную систему, обладающую рядом специфических черт.

В процессе развития исследуемой терминосистемы в ней устоялись две продуктивные модели образования терминов, между которыми прослеживается тесная взаимосвязь. Целью статьи является изучение продуктивных моделей терминообразования на современном этапе развития терминосистемы. Несмотря на постоянно возрастающую роль заимствования как способа терминообразования, в терминосистеме аэробиологии и вентиляции данный способ словообразования значительного распространения не получил, поскольку для номинации новых понятий в ней используются преимущественно средства родного языка. В основу исследования положены материалы учебной, научной, справочной литературы по аэробиологии и вентиляции на русском языке.

Aerology and ventilation term system is a complex integral unit, which reflexes the system of interdependent notions of the respective field on the linguistic level. Before that study aerology and ventilation terms were considered as a part of mining term system. Nevertheless they form a separate system, which has its specific characteristics.

Two productive term formation models (compounding and affixation) have been established in the aerology and ventilation term system as a result of its development. These models are closely interconnected. The goal of the article is to study the productive term formation models on the modern level of the term system development. In spite of the growing role of borrowings as a type of word-formation, it is not widely spread in the aerology and ventilation term system, as Russian language term elements are mainly used to nominate new notions.

Ключевые слова: способы словообразования, словосложение, аффиксация, заимствование, аэробиология, абстрактные термины, основа.

Keywords: word-formation, compounding, affixation, borrowing, aerology, abstract terms, stem.

Современная терминосистема аэробиологии и вентиляции выступает внутренне организованной совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц, специфика которых проявляется, в частности, в способах терминообразования.

Основным источником терминологии являются слова и словосочетания литературного языка [3]. С

точки зрения терминоведения «термин вырастает на лексической единице определенного естественного языка или что, иначе говоря, лексическая единица этого языка является естественноязыковым субстратом термина» [9, с. 30]. В качестве подобного субстрата в терминосистеме аэробиологии и вентиляции вы-

ФИЛОЛОГИЯ

ступают следующие слова литературного языка: *воздух, газ, пыль, тепло, поток*.

«С помощью семантических способов терминообразования возникает сравнительно небольшое число терминов..., причем для формирующихся и молодых терминологий пропорция таких терминов значительно больше. Но несмотря на то, что в целом число таких терминов относительно невелико, они в большинстве случаев составляют ядро терминологии и широко используются для образования новых терминов путем деривации, сложения и образования словосочетаний с определяющими и уточняющими словами» [5, с. 128 – 129].

«Исходным материалом для терминов, образованных семантическим способом, являются сейчас чаще другие термины, а не лексические единицы – нетермины» [9, с. 47]. В результате транстерминологизации в терминосистему аэробиологии и вентиляции перешел термин *метан*, который наряду с вышеперечисленными терминами начал активно участвовать в образовании новых терминов.

По ведущему способу терминообразования возможно определить состояние развития области знания (зарождение, установление основных категорий понятий, зрелость). Отличие терминообразования молодых областей знания заключается в том, что при зарождении они, кроме общеупотребительной лексики, заимствуют и термины старых областей знания [5].

В настоящее время в связи с интернационализацией знания и его экспоненциальным ростом особо продуктивными способами образования терминов стали заимствование и аббревиация. Однако если для большинства терминосистем и терминологий характерно наличие существенной доли заимствованных терминов [6], то в русскоязычной терминосистеме аэробиологии и вентиляции их число не столь значительно.

В момент своего зарождения рассматриваемая терминология заимствовала значительный пласт общеупотребительной лексики и термины более старых и терминологически оформленных областей знания. Тем не менее на данный момент это не характерно для терминосистемы аэробиологии и вентиляции. Аббревиация также имеет ограниченные возможности в рамках рассматриваемой терминосистемы. Несмотря на то, что длина терминов может достигать 3 – 6 компонентов, лишь немногие из них имеют аббревиатуры, но даже если аббревиатура официально закреплена, она может использоваться намного реже соответствующего некомпрессированного термина. Например, термину *метано-воздушная смесь* соответствует аббревиатура *MBC*, которая используется в несколько раз реже несокращенного термина. Аналогичным образом обстоит дело и с большинством других аббревиатур.

В настоящее время рассматриваемая терминосистема является достаточно зрелой. Так как кардинальной перестройки понятийной системы исследуемой области не происходило, а горное дело (и аэробиология как его часть) в СССР и России в XX в. являлось приоритетным направлением развития, мало зависящим от зарубежных разработок и исследований, в терминосистеме, отражающей соответствующую понятийную систему, устоялись особые способы терминообразования, мало характерные для современных бурно развивающихся терминосистем.

Одна из особенностей, наблюдаемых в современной научно-технической терминологии, «состоит в стремлении к «единообразию» форм терминов» [10, с. 56]. В частности, единообразие форм достигается за счет построения большей части терминов по определенным продуктивным моделям, которые каждая терминосистема отбирает сама в зависимости от условий и этапа своего развития. Для терминосистемы аэробиологии и вентиляции характерно наличие двух продуктивных моделей образования терминов-слов.

Однокомпонентные термины аэробиологии и вентиляции в русском языке образованы по двум основным словообразовательным моделям:

1) абстрактные однокомпонентные термины, содержащие в своем составе два и более терминоэлемента (один из которых *воздух-*, *пыл-*, *газ-*, *метан-*, *поток-*, *тепл-*) и обозначающие свойства, действия, процессы, в русской терминосистеме аэробиологии и вентиляции образованы посредством словосложения (*метанодобываемость*, *газовыделение*, *газопроницаемость*, *потокораспределение*, *пылеобразование*, *пылеосаждение*, *воздухообмен*, *воздухозабор*, *воздухораспределение*, *воздухо(не)проницаемость*, *пылеподавление*, *газоотдача*, *пылеотложение*, *метаноемкость*, *газосодержание*, *газоподготовка*, *теплопотеря*, *теплоотдача*, *пылевзрывозащита*, *пылеотсос*, *пылезадержание* и т. д.).

Данная словообразовательная модель позволяет терминам сохранять прозрачную мотивировку, что не характерно для подавляющего большинства заимствованных терминов. Прозрачная внутренняя структура перечисленных однокомпонентных терминов позволяет сделать внутрисистемные связи понятий, означаемых и выражаемых данными терминами, наиболее явными.

Наиболее характерным является способ чистого сложения, когда последняя (опорная) часть является самостоятельным существительным (*пылевыделение*, *газообразование*). При этом первый компонент конкретизирует значение опорного компонента (*газопровод* – *пылегазопровод* – *воздухопровод*).

«Интенсивность пылеобразования при работе современных узкозахватных комбайнов составляет от 1,4 до 50 г/с» [7, с. 37].

«На пути от вентилятора к зобу тупиковой выработки в зависимости от воздухопроницаемости трубопровода теряется большая или меньшая часть воздуха» [2, с. 65].

В качестве элемента № 1 могут также выступать такие основы, как *углекислот-*, *влаг-*, *вод-*, *туман-* и некоторые другие. Например, они используются для образования терминов *углекислотообильность*, *влагосодержание*, *водовыываемость*, *водоотлив*, *туманообразование*, *влагопоглощение* и др. Проведенный анализ терминосистемы позволил сделать следующий вывод: частотность использования данных терминов-элементов и образованных от них терминов в несколько раз ниже (таблица 1).

«Смола АБ обладает низкой вязкостью, высокой скоростью смачивания и незначительной водовыдаемостью» [4, с. 58].

Таблица 1
Модель образования терминов № 1

Элемент № 1	Элемент № 2	Элемент № 3
Воздух-	Соедини-	(отглагольное)
Газ-	тельная	существительное,
Пыл-	гласная	выражающее воз-
Метан-		действие, которо-
Тепл-		му подвергается
Поток-		элемент № 1, либо
Вод-		его свойство
Влаг-		
Углекислот-		
Туман-		

Более того, продуктивность данных терминоэлементов значительно ниже, чем первых шести. Самой низкой продуктивностью при терминообразовании характеризуются последние два терминоэлемента (углекислот- и туман-).

«При повышенной углекислотообильности (более 5 м³/т добычи угля) выявляются источники поступ-

ления углекислого газа, для чего используются результаты подземных газовых съемок и исследования подземных и шахтных вод» [8, с. 69].

Описанная базовая словообразовательная модель оказалась весьма продуктивной. Образованные с ее помощью термины употребляются достаточно часто, вследствие чего модель была дополнена. Благодаря этому по ней были образованы термины, обозначающие признаки предметов/явлений (выраженных терминами, образованными по рассматриваемой модели) оборудование, работающее с данными веществами и т. д. Для этого был добавлен элемент № 4, находящийся в постпозиции.

По модифицированной модели образованы следующие термины: воздухонагревательный, воздухо-выпускной, воздухоохладительный, воздухозаборный, газоотводящий, газоаналитический, пылеотсасывающий, пылеулавливающий газодренажный, газораспределительный, газосодержащий, газосборный, газовыделяющий, газоотсасывающий, газоотборный, пылевзрывобезопасность, тепловыделяющий, пылеметано-воздушный и др. (таблица 2).

Таблица 2
Модифицированная модель № 1

Элемент № 1	Элемент № 2	Элемент № 3	Элемент № 4
Воздух-	Соединительная гласная	Основа, означающая воз- действие, которому под- вергается элемент № 1, либо его свойство.	Различные суффиксы
Газ-			
Тепл-			
Пыл-			
Метан-			
Поток-			
Вод-			
Влаг-			
Углекислот-			
Туман-			

«В случае контакта штрека с газоотдающим выработанным пространством газ из выработанного пространства в значительной степени выносится утечками воздуха на вентиляционный штрек» [13, с. 238].

Кроме того, благодаря диверсификации и расширению числа терминоэлементов, которые могли занять место элемента № 3, по данной модели стали образовываться имена прилагательные, второй элемент которых либо дублировал один из терминоэлементов, входящих в первую группу, либо выражал состояние элемента № 1. Например, пылегазовый, водовоздушный, газообразный, водовоздушный, паровоздушный и т. д.

«На первом этапе после взрыва вентиляторная установка, которая располагается с подветренной стороны по отношению к месту взрыва, действует на пылегазовое облако, которое приближается к установке, обрабатывает облако водовоздушной струей, подавляя пыль и растворимые газы» [2, с. 72].

«Основным направлением при коагуляции и утаяжении пыли является применение водовоздушных или паровоздушных струй» [11, с. 22].

Также по данной продуктивной модели образованы названия многих приборов, необходимых для обеспечения безопасной работы в карьерах и шахтах. Сюда можно отнести следующие термины: воздухонагреватель, газокернаоборник, водоохладитель, пылеотработник, туманообразователь и т. д.

«При опробовании керногазонаборниками угольных пластов число проб, отбираемых из одного пласта, определяется по таблице № 1» [8, с. 69].

Путем словосложения образовано огромное количество как абстрактных (пожаровзрывозащита, пожаровзрывобезопасность, искробезопасность, водопоглощение), так и конкретных (огнепреградитель, водоотводчик, влагоотделитель, термоаэроклассификатор, каплеуловитель) терминов.

Кроме того, значительное число терминов, являющихся по своей частеречной принадлежности именами прилагательными, образовано именно путем словосложения с последующей аффиксацией. К ним относятся, например, такие термины, как высокометанообильный, искробезопасный, газодренажный, углевмещающий, выбросоопасный, газопотребляющий и т. д.

ФИЛОЛОГИЯ

2) Однокомпонентные термины, обозначающие процессы, состояния и свойства, а также профессиональные заболевания, образуются при помощи аффиксации.

Таблица 3

Модель образования терминов № 2

Элемент № 1	Элемент № 2	Элемент № 3
Приставка	Корень / корни	Суффикс

Наиболее часто употребляемыми терминами, образованными по данной модели, в настоящий момент являются: *дегазация, загазование, разгазование, запыленность, запыление, обеспыливание, утечка, притечка, аэрогазовый, полуавакумный, приточный, (без)вентиляторный* и др.

«Применяемые при этом паровые безвентиляторные калориферные установки... устанавливают в здании над воздухоподающим стволом при всасывающем способе проветривания...» [7, с. 65].

Необходимо отметить наличие терминов, в структуре которых можно выделить несколько приставок (*гидрообеспыливание, пневмогидрообеспыливание, пневмогидроорошение*) и несколько суффиксов (*разгазование*).

Однако часть подобных приставок является заимствованными основами латинского и греческого происхождения, например, гидро- (<лат. hydro- из греч. ὕδωρ, ὕδρο- «вода») [14], пневмо- (<греч. πνεῦμον легкое, легкие) [12], то есть первоначально являвшихся корневыми морфемами. Таким образом, прослеживается связь структуры данных терминов со структурой терминов, образованной по модели № 1 путем словосложения.

«Пневмогидроорошение (ПГО), основанное на дроблении воды вжатым воздухом..., является одним из наиболее эффективных способов пылеподавления ...» [7, с. 42].

В особую подгруппу следует выделить термины, обозначающие заболевания, возникающие в результате воздействия различного рода пылей на организм человека. Они образованы по следующей модели (таблица 4).

Таблица 4

Модель образования терминов, обозначающих профессиональные заболевания, в рамках терминосистемы аэробиологии и вентиляции

Элемент № 1	Элемент № 2
1) основа греческого либо латинского происхождения, обозначающая вещество (вещества), из которых образовалась пыль; 2) термин <i>пыль</i> (греч. <i>conis</i>) и название органа, на который она воздействует (<i>πνεῦμον</i> – легкое)	Суффикс -оз.

Число терминов, входящих в данную группу, ограничено. Они появились вследствие глубокого изучения результатов воздействия различного рода пылей на организм лиц, непосредственно занимающихся добы-

чей полезных ископаемых как открытым, так и закрытым способом. Данная группа терминов находится на стыке аэробиологии и медицины. Сюда относятся такие термины, как *асбестоз, силикоз, талькоз, оливиноз, антракосиликоз, сидеросиликоз, графитоз* и др.

Родовой термин *пневмокониоз* в 1866 г. ввел Ф. Зенкер (греч. *pneumon* – легкое, *conis* – пыль). Этот термин объединяет все различные виды пылевых фиброзов легких [1].

В терминосистеме медицины данная модель образования терминов является продуктивной. По ней образованы такие термины, как *металлокониоз, бериллиоз, сидероз, баритоз, мanganокониоз* и др. [1; 12].

Несмотря на высокую продуктивность модели в рамках терминосистемы медицины, она оказалась ограниченно продуктивной в пределах терминосистемы аэробиологии и вентиляции. Образованные по ней термины благодаря своей внешней форме занимают обособленное место в терминосистеме аэробиологии и вентиляции. Это, прежде всего, происходит благодаря тому, что в терминосистеме аэробиологии и вентиляции заимствованные термины и терминоэлементы немногочисленны (названия всех входящих в данную группу заболеваний образованы посредством использования греко-латинских корней, что свойственно медицинской терминологии). Кроме того, несвободный терминоэлемент (суффикс) -оз, заимствованный из терминосистемы медицины и придающий терминам, в состав которых он входит, внешнюю системность, не характерен для терминосистемы аэробиологии и вентиляции и для образования других терминов данной области не используется. В настоящее время данная подгруппа не расширяется и представляет собой закрытую подсистему.

Следует также обратить внимание на наличие в данной группе таких терминов, как *антракосиликоз, сидеросиликоз, карбокониоз и пневмокониоз*. Пятая часть всех терминов данной подгруппы образована путем сложения основ греко-латинского происхождения с добавлением суффикса -оз. Для выражения сложных понятий преимущества отдается не аналитическому способу (образование терминов-словосочетаний), а синтетическому способу (образование терминов-слов, что в свою очередь близко по своей сути к модели № 1).

Родовым в данной группе выступает термин *пневмокониоз*. Он является наиболее общим и единственным в данной подгруппе, в состав которого входит морфема, обозначающая орган, подвергающийся негативному воздействию (легкие). Его гипонимы в своем составе обнаруживают наличие морфемы греческого происхождения, выражающей понятие *пыль* (*conis*). К их числу относятся, например, *металлокониоз, силикоз, карбокониоз* и т. д. Первая морфема перечисленных терминов выражает класс веществ (металлы, силикаты и т. д.). В то же время гипонимы данных терминов выражают конкретные вещества, например, *алюминий (алюминоз), олово (оловиноз), графит (графитоз)* и т. д.

Однако следует отметить, что термин пневмокониоз выступает как родовым, так и видовым термином.

«Согласно классификации различают следующие виды пневмокониоза: 1. силикоз..., 2. силикатозы,

3. карбокониозы ..., 4. пневмокониозы (антракосиликоз, сидеросиликоз и др.) – заболевания от вдыхания пыли смешанного состава, содержащей двуокись кремния ..., окислы металлов и другие вещества, 5. Металлокониозы...» [4, с. 9 – 10].

Остальные видовые термины обозначают вещества, из которых образована пыль (асбестоз, талькоз, оливиноз, апатитоз, мanganокониоз и т. д.).

Так как гипероним *пневмокониоз* объединяет множество гипонимов, возможно его употребление и во множественном числе:

«Она вызывает пневмокониозы, которые протекают тяжелее, чем силикоз, вызванный пылью чистого кварца» [4, с. 5].

Образованные по рассматриваемой модели термины *пневмокониоз* и *силикоз* путем словосложения образуют, в свою очередь, термины-слова с еще более сложной структурой: *пневмокониозоопасность* и *силикозоопасность*. Несмотря на то, что длина новых терминов-слов достаточно велика, их внутренняя структура прозрачна. Кроме того, данные термины образованы по продуктивной в рассматриваемой области знания модели образования терминов – путем словосложения. В рамках рассматриваемой терминосистемы данные термины не имеют аббревиатур.

При помощи аналогичного способа образован и термин *силикотуберкулез*. Данный термин образован путем слияния двух основ латинского происхождения

(silex – кремень и tuberculum – шишка, вздутие) с добавлением суффикса -ез. Тем не менее его структура организована в соответствии с общей тенденцией образования терминов-слов в рассматриваемой области знания.

Таким образом, в терминосистему аэрологии и вентиляции был заимствован целый блок терминов из терминосистемы медицины. Несмотря на то, что внешняя системность была сохранена, рассматриваемая группа терминов не стала расширяться по причине наличия ограниченного числа пылей (и их комбинаций), которые могут привести к пылевым фиброзам легких, являющихся профессиональными заболеваниями работников горной промышленности. Наиболее активно при образовании терминов-слов используется модель словосложения. Даже в тех случаях, когда используются приставки греко-латинского происхождения, они зачастую восходят к корневым морфемам. Для русской терминосистемы аэрологии и вентиляции характерно присутствие цепочек корневых морфем. Самым частотным является слияние двух основ, однако встречаются также цепочки из 3 – 4 основ. Несмотря на интернационализацию терминов, оказавшую значительное влияние на многочисленные терминосистемы, рассматриваемая терминосистема подобному воздействию подверглась в незначительной степени.

Литература

1. Бабанов С. А., Аверина О. М. Пылевые заболевания легких: особенности диагностики и лечения // Фарматека. 2011. № 18(231). С. 21 – 27. Режим доступа: <http://www.bionika-media.ru/files/uploads/pharmateca/PDF/-8279.pdf> (дата обращения: 24.02.2015).
2. Голинько В. И., Лебедев Я. Я., Муха О. А. Вентиляция шахт и рудников. Днепропетровск: Изд-во НГУ, 2012. 266 с.
3. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
4. Городничев А. П. Комплексное обеспыливание рудничной атмосферы. Владикавказ: Изд-во Северо-кавказского горно-металлургического ин-та (гос. технол. ун-та), 2006. 63 с.
5. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
6. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
7. Игнатенко К. П., Брайцев А. В., Эйнер Ф. Ф. Вентиляция, подземные пожары и горноспасательное дело. М.: Недра, 1975. 248 с.
8. Инструкция по дегазации угольных шахт. (Серия 05). М.: ЗАО НТЦ ПБ. 2012. Вып. 22. 250 с.
9. Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
10. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М.: Наука, 1982. 147 с.
11. Мартынов В. Л. Аэрология карьеров. Кемерово: Изд-во Кузбасского гос. тех. ун-та им. Т. Ф. Горбачева, 2012. 103 с.
12. Покровский В. И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Медицина, 2005. 1592 с.
13. Ушаков К. З., Бурчаков А. С. Аэрология горных предприятий. М.: Недра, 1987. 421 с.
14. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Флинта, 2010. Т. 1. 584 с.
15. Энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. Б. В. Петровского. М.: Советская энциклопедия, 1983. Т. 2. 448 с.

Информация об авторе:

Телегуз Анна Алексеевна – аспирант кафедры теории и практики перевода КемГУ, AnnaTeleguz@yandex.ru.

Anna A. Teleguz – post-graduate student at the Department of Theory and Practice of Translation and Interpretation, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Фомин Андрей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и лингвистики КемГУ, andfomin67@mail.ru.

Research advisor: Andrey G. Fomin – Doctor of Philology, Professor at the Department of Translation, Interpretation and Linguistics, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 03.06.2015 г.

**ПЕРЕДАЧА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОБРАЗНОСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ
УСТОЙЧИВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ**

R. E. Шкилёв

**RENDERING IMAGERY IN THE SEMANTIC STRUCTURE
OF STABLE TERMINOLOGICAL WORD COMBINATIONS**

R. E. Shkilev

В статье подвергается рассмотрению специфика передачи переосмысленных устойчивых терминологических словосочетаний юридической терминологии английского и русского языков с помощью составных терминов, не содержащих в семантической структуре образного переосмысления. Учитывая высокую степень интеграции юридической терминологии в общелитературный язык, автор использует для анализа устойчивых терминологических словосочетаний метод сопоставительного анализа, применяемый при описании фразеологических единиц. На конкретных примерах рассматриваются различия словосочетаний в лексической и грамматической структуре. Делается вывод об антропоцентрическом характере образного переосмысления при образовании юридических терминов. Автором показана взаимосвязь между природой составных терминов, содержащих в семантической структуре образное переосмысление и национальными культурами. Результаты анализа позволяют установить сходства и различия соответствующего фрагмента картины мира в сопоставляемых языках. Материал исследования может быть использован на занятиях по сравнительной типологии английского и русского языков, сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, теории и практике перевода, английскому языку для специальных целей.

The article deals with the peculiarities of rendering the meaning of stable terminological word combinations in the translation process with the help of word combinations having no imaginative rethinking in the semantic structure. The research is made on the example of legal terminology in English and Russian. As legal terms are an integral part of the literary language the author resorts to the principles of classification used in Phraseology. The examples given in the paper reveal the difference between the English and Russian word combinations in the lexical and grammatical structure. The conclusion is made that the shifts of meaning in the semantic structure of legal terms have an anthropocentric orientation. The connection between the nature of the semantic shifts in the legal terminology and national cultures is shown. The results of the investigation give an opportunity to examine the features of the corresponding fragment of the linguistic picture of the world. The material of the research can be used at the classes of Comparative Typology of the English and Russian languages, Comparative Phraseology, Linguistic Cultural Studies, Translation Technique and Legal English lessons for Russian speakers.

Ключевые слова: устойчивое терминологическое словосочетание, фразеологическая единица, образность, образное переосмысление, семантический перенос, эквивалентность, юридическая терминология.

Keywords: stable terminological word combination, phraseological unit, imagery, imaginative rethinking, semantic shift, equivalence, legal terminology.

Терминоведение как отрасль науки о языке имеет в отечественной лингвистической науке богатую историю, и к настоящему времени детальные исследования многих англоязычных терминологических систем уже проведены [11, с. 10]. Однако существует целый ряд обстоятельств, позволяющих считать сопоставительное изучение терминологических единиц в разноструктурных языках сохраняющим свою актуальность направлением лингвистики. Здесь следует отметить выделение мотивологического терминоведения в самостоятельную область знаний. Проблемы, связанные с мотивологией терминов, затрагиваются в работах Е. А. Штейнгарт [13].

Вторым направлением работы терминологов является когнитивное терминоведение. За последние годы были опубликованы работы как общего теоретико-методологического (Т. В. Лукоянова), так и прикладного практико-ориентированного характера (Р. Р. Юсупова) [6; 15]. Переосмыленные сочетания в терминологии, обладая с устойчивостью также и образностью, наиболее близки по своим характеристикам к фразеологическим единицам. Подобная близость и даёт, на

наш взгляд, основания использовать при описании типологии устойчивых терминологических словосочетаний (ТСС) принципы классификации, принятые в работах по сопоставительной фразеологии и описанные в Предисловии к «Русско-английскому фразеологическому словарю» Е. Ф. Арсентьевой [2, с. 8].

Деление ТСС на полные и частичные эквиваленты, аналоги (т. е. не совпадающие по образной основе) и безыквивалентные словосочетания уже было использовано нами в предыдущих работах [12]. Данная классификация, как и любая другая, имеет свои недостатки (в частности, трудно чётко разграничить случаи перевода с помощью свободного словосочетания и дескриптивного перевода), но именно она даёт возможность показать высокую степень «фразеологичности» наиболее интегрированных в общелитературный язык терминологических систем.

Данная статья посвящена рассмотрению случаев, когда при переводе с английского языка на русский язык или с русского языка на английский язык образная основа в семантической структуре ТСС не находит какого либо отражения в языке перевода (ПЯ).

Работа является продолжением ранее опубликованного исследования случаев перевода с помощью аналогов [12]. Представим наиболее интересные примеры в виде таблицы.

Словосочетание *part and parcel* («неотъемлемая часть») терминографы рассматривают как ТСС [1,

с. 314]. Одновременно, данное словосочетание является фразеологизмом, в котором второй компонент представляет собой устаревшее слово (букв. «часть и часть»). В словаре Хорнби словосочетание обозначено как идиома [17, р. 841].

Таблица

Английское словосочетание	Перевод на русский язык	Комментарий
<i>civilly dead</i>	лишённый гражданских прав (букв. «граждански мёртвый»)	В русском языке термин представлен трёхкомпонентным словосочетанием, аналогия со смертью отсутствует
<i>to cross the aisle</i>	голосовать против своей партии (букв. «перейти проход между рядами»)	Передача образной основы невозможна в русском языке, т. к. расположение членов партий напротив друг друга характерно для британского парламента
<i>to die seized</i>	Умереть, оставив имущество под арестом (букв. «умереть связанным»)	Использование лексемы <i>seized</i> (по аналогии с <i>dead</i>) позволяет достичь компактности в английском ТСС
<i>slim evidence</i>	несущественное доказательство (букв. «тощее доказательство»)	Грамматическая структура в двух языках совпадает, источником переноса является мир человека
<i>father of the bar</i>	старший барристер (букв. «отец адвокатуры»)	Источник переноса – мир человека
<i>to drop a right</i>	отказаться от права (букв. «ронять/ выпускать из рук право»)	Источник переноса – мир действий и физических состояний, в русском языке глагол «ронять» не используется в юридическом смысле
<i>to find bail</i>	указать поручителя (букв. «найти залог»)	Английский вариант номинирует действие «напрямую», буквально, в русском варианте проявляется тенденции к использованию более «книжного» варианта
<i>slap-the-wrist fine</i>	штраф на месте совершения правонарушения (букв. «штраф поймай за руку»)	Метонимический перенос, основанный на внешнем сходстве, в английском варианте, русский термин основан на разъяснении понятия
<i>fidelity insurance</i>	страхование на случай нарушения обязательства (букв. «страхование верности»)	Источник переноса – мир человеческих отношений, образ не существует в русском языке права
<i>employment (job) freeze</i>	временное увольнение, приостановление действия трудового договора (букв. «замораживание работы»)	В русском языке употребление слова «замораживание» возможно в ряде других терминов, но не в данном случае
<i>left-handed oath</i>	ложная присяга (букв. «присяга, данная левой рукой»)	Различия связаны с обычаем класть правую руку на Библию при даче присяги в суде
<i>bare (nude) pact</i>	соглашение, не снабжённое исковой силой (букв. «голое соглашение»)	Перенос из мира физических состояний позволяет достичь компактности в английском языке
<i>binding law</i>	императивная норма (букв. «связующая норма»)	Словосочетание наглядно демонстрирует большую «удалённость» русской юридической терминологии от общелитературного языка
<i>to meet a claim</i>	оспаривать иск, подготовить возражения против иска (букв. «опровергнуть исковое требование»).	В английском словосочетании находит отражение признак соревновательного характера действия, подразумевающий наличие в судебном разбирательстве двух равноправных сторон

Словосочетание *yellow-dog fund* (фонд взяток, деньги для подкупа, букв. «фонд жёлтой собаки») имеет ярко выраженную отрицательную оценку. Коннотация *собаки* в английском языке транслирует информацию о «нечистоте» этого животного, уходящую корнями в христианскую мифологию (ср. ФЕ *to go to the dogs, to die like a dog etc.*).

Вышеперечисленные примеры наглядно подтверждают, что самой большой группой отобранных нами терминологических единиц являются словосочетания, имеющие соответствия в виде составных терминов, не имеющих в структуре значения образного переосмыслиния. Семантический перенос оказывает существенное влияние на грамматическую структуру термина: при отсутствии эквивалента/аналога при переводе термин обычно передаётся осложнённым словосочетанием, тогда как его английский вариант является более кратким и занимает меньше пространства в предложении. Среди английских устойчивых ТСС в данной группе преобладают составные термины, образованные по моделям *V + N, Adj. + N, N + (of) + N*. В русском же языке преобладающими являются такие модели, как *Adj. + Adj. + N, V + (V + (Prep.) + N), N + (Prep.) + N + N gen., N + Participial construction (Participle + Adj. + N)*.

В юридической терминологии английского языка присутствуют ТСС, понимание которых не требует наличия фоновых знаний. Например, о значении ТСС *star witness* (букв. «свидетель-звезда»), *to stand mute* (букв. «оставаться немым, ничего не говорить»), *dead use* («мёртвое использование»), *standing rule* («стоячее правило»), *employment (job) freeze* («замораживание работы»), *slim evidence* («слабое, тощее доказательство») можно догадаться, не пользуясь специализированным словарём. Однако какими бы мотивированными ни были для нас английские словосочетания, существующие нормы русского языка исключают возможность использования калькирования.

В юридической терминологии русского языка имеются переосмыслиенные словосочетания, которым в английском языке соответствуют ТСС, не имеющие в семантической структуре образного переосмыслиния. В словосочетании «заверить копию» (*to certify a copy*) имеет место метонимическое использование глагола *заверить* («уверить, убеждая в чём-либо, обещая что-л.» → «удостоверить, скрепив подписью, печатью»). В английском же языке ему соответствует глагол, для которого указанное значение является основным (*“to certify – to declare something formally, esp. in writing or a printed document”*) [8, с. 199; 18, р. 181].

Проанализируем ТСС «проводить законы в жизнь» (*“to apply/ to enforce/ execute laws”*). Глагол *проводить* в данном ТСС имеет значение «добиться осуществления чего-либо» [7, с. 606]. В английском языке перенос на данной основе не возможен, т. к. соответствующий буквальному значению глагол *to lead* указанного значения не имеет (имеется значение *to lead a life – проводить жизнь, но не «в жизнь»*) [6, с. 447].

При переводе ТСС «поддерживать законность и порядок» (*“to maintain law and order”*) английский глагол *to maintain* употреблён в своём основном значе-

нии *“to cause smth to continue; to keep smth in existence at the same level, standard etc.”* [18, р. 708]. В русском варианте употребляется слово из общелитературного языка, буквальное значение которого («не дать упасть») имеет логическую связь с ситуацией, обозначаемой анализируемым словосочетанием [8, с. 534]. Под *законностью* подразумевается «исполнение законов и иных правовых актов органами государства, гражданами, организациями», в то время как *правопорядок* объясняется как «воплощение законности в конкретных общественных отношениях урегулированных правом» [14, с. 101]. Таким образом, данный пример наглядно показывает национальную специфику правового сознания носителей русского и английского языков.

Рассмотрим словосочетание «снимать с себя ответственность» (*“to deny one’s liability/ responsibility”*) (букв. «отрицать ответственность»). В английском языке в отличие от русского языка существует особая лексема (*liability*) для обозначения понятия «юридическая обязанность или обязательство» [16, р. 287]. Русское словосочетание имеет структуру *V + Prep. + Reflexive Pronoun + N*, где глагол употребляется вместе с возвратным местоимением, обозначающим направленность действия на самого субъекта. Буквальное значение русского глагола «достать, взять, убрать, отделить находящееся сверху, на поверхности или где-либо укреплённое» позволяет понимать восприятие ответственности носителями русского языка как нечто, принадлежащее субъекту, являющееся его частью. В английском же языке отрицание подразумевает лишь информацию о несоответствии истине [8, с. 7].

Русское ТСС «принимать поправку» переводится словосочетанием *“to ratify an amendment”* (букв. «ратифицировать поправку»). Английский глагол снабжён в общеязыковом словаре пометой *юр. – юридический термин* [7, с. 642]. В русском языке одновременно существует глагол *ратифицировать* – «подвергнуть ратификации», в то время как ратификация означает «утверждение верховной властью международного договора, заключённого её уполномоченными» [8, с. 669]. Данные толковых словарей указывают на то, что термин *ратификация* в русском языке имеет отношение к международным договорам [14, с. 316]. В английском языке термин *ratification* может использоваться для обозначения утверждения законодательного акта, в том числе применительно к резолюции собрания акционеров компании [16, р. 407]. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что глаголы *ратифицировать/ to ratify* являются «ложными друзьями переводчика», т. е. их понятийные значения не совпадают: терминологическое поле английского глагола намного шире. Нормы русского языка указывают на использование в сочетании с существительным *поправка* глагола *принять* («утвердить голосованием, выразить согласие с чем-либо») [8, с. 596]. Употребление слова общелитературного языка для номинации сугубо специального понятия можно считать отличительной чертой терминологической системы права русского языка.

Русское словосочетание «отдавать себя в руки правосудия» (*“to surrender to justice”*) (букв. «сдавать-

ся правосудию») является примером использования антропоцентрической метафоры в терминологии. Устойчивое выражение «в руках у правосудия» имеет значение «пойман» [8, с. 686]. Очевидно, что описываемой ситуации (преступник сдаётся властям) в данном словосочетании даётся положительная оценка: в структуре значения присутствует эмотивно-оценочный компонент. Грамматическая структура словосочетания такова, что находящееся за глаголом возвратное местоимение, показывающее обращённость действия на того, кто его совершает, делает субъекта из пассивной жертвы обстоятельств (образно говоря, «загнанного волка») делающим осознанный выбор хозяином собственной судьбы.

В словосочетании «тяжёлость предъявленного обвинения» («seriousness of an accusation») (букв. «серёзность обвинения») слово **тяжёлый** («имеющий большой вес, отягощающий») употребляется во множестве значений, одним из которых является значение «очень серёзный, тяжёлый» [8, с. 820]. Понятийное, терминологическое значение слова в данном случае формируется из суммы лексических значений: подоб-

ного рода *обвинение* мучительно и тяжело, неприятно с моральной точки зрения, требует значительных усилий со стороны защиты, доставляет беспокойство и трудности обвиняемому. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о наличии экспрессивного компонента в структуре значения русского словосочетания.

Юридическая терминология принадлежит к числу давно сложившихся терминологических систем. Её базовые понятия и категории были сформированы в эпоху становления английского литературного языка в его современном виде. Глубокая история британской судебной системы и стабильность на протяжении веков служат объяснением высокой степени насыщенности терминологии переосмыщенными терминами.

Проведённый анализ показал, что перенос образов из мира человека и мира живой природы, имеющий место в английском языке («живой/неживой», «головой» и т. п.), совершенно не характерен для юридической терминологии русского языка.

Литература

1. Андрианов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. Англо-русский юридический словарь. М.: РУССО, 2000. 512 с.
2. Арсентьева Е. Ф. Русско-английский фразеологический словарь. Казань: Хэтер, 1999. 317 с.
3. Борисенко И. И. Русско-английский юридический словарь. М.: РУССО, 2000. 608 с.
4. Борисенко И. И. Новый русско-английский юридический словарь. М.: РУССО, 2002. 640 с.
5. Большой русский юридический словарь / гл. ред. А. Л. Сухарев. М.: Инфра-М, 1998. 790 с.
6. Лукоянова Т. В. Когнитивное терминовдение как одно из направлений современной лингвистики // Lingua Mobilis. 2014. № 3. С. 75 – 80.
7. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М.: Русский язык, 2003. 946 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
9. Оксфордский русско-английский словарь / сост. М. Уилер. М.: Локид, 2002. 920 с.
10. Толковый юридический словарь: Бизнес и право (русско-английский/ англо-русский). М.: Финансы и статистика, 1998. 683 с.
11. Шкилёв Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях: на примере юридической терминологии в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань. 2005. 194 с.
12. Шкилёв Р. Е. Перевод устойчивых терминологических словосочетаний с помощью аналогов // Вестник Чувашского государственного университета. 2007. № 1. С. 309 – 312.
13. Штейнгарт Е. А. Мотивологическое терминовдение // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2006. № 3. С. 30 – 34.
14. Юридический энциклопедический словарь. М.: Совет. энциклопедия, 1984. 415 с.
15. Юсупова Р. Р. Английские и русские термины уголовного права и их концептуальные карты // Вестник ВЭГУ. 2013. № 5. С. 157 – 163.
16. A Dictionary of Law. Oxford University Press, 2002. 552 p.
17. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 2000. 1537 p.
18. Longman Dictionary of Contemporary English. Essex Longman house, 1995. 1668 p.

Информация об авторе:

Шкилёв Роман Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры основ межкультурных коммуникаций Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, schkilef@gmail.com.

Roman E. Shkilev – Candidate of Science in Philology, Assistant Professor of the Department of Cross-Cultural Communication of the Elabuga Institute of Kazan (Volga-Region) Federal University.

Статья поступила в редакцию 20.07.2015 г.

ТИПЫ ВНУТРЕННИХ ФОРМ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА
Н. Н. Шпильная

TYPES OF INTERNAL FORMS OF DIALOGIC TEXT
N. N. Shpilnaya

В работе актуализируется тезис о приоритете языковой формы в актах образования диалогического текста и о ее детерминированности функцией языка. Полагается, что источником и носителем деривационно-интерпретационного потенциала диалогического текста является его внутренняя форма. Цель статьи – описание типовых вариантов формальной организации диалогического текста. Исходя из тезиса об изоморфизме функциональных свойств языковых единиц и способа их структурной организации, выделяются фатический и информативный ракурсы внутренней формы диалогического текста. Фатический ракурс внутренней формы проявляется в способе формального согласования двух речевых произведений как проекции будущего диалогического текста. Информативный ракурс внутренней формы – в способе ее соотнесения с диалогическим контекстом, образуемым внеязыковой ситуацией, адресантом и адресатом. Информативный ракурс внутренней формы отражает способ передачи релевантной для процесса общения информации. В статье характеризуются разновидности фатически-ориентированных и информативно-ориентированных внутренних форм диалогического текста. В числе фатически-ориентированных внутренних форм диалогического текста выделены следующие: согласование, контраст и примыкание. В числе информативно-ориентированных внутренних форм диалогического текста выделены ситуативно-ориентированные, адресанто-ориентированные и адресато-ориентированные. Предлагаемая типология внутренних форм диалогического текста основана на анализе диалогически текстов, объединенных одной макротемой – «Переходы метро: гопники вместо цветов» и размещенных в сети Интернет по адресу <http://news.ngs.ru/ comments/1253828/>. Общее число проанализированных диалогических текстов – 614.

The paper actualizes the thesis of the priority of linguistic form in acts of dialogic text forming and its determinate function of language. It is believed that the source of diversion and carrier-interpretive potential of dialogic text is its internal form. The purpose of the article is the description of the standard options of the formal organization of the dialogue text. Phatic and informative perspectives of the inner form of the dialogue text are allocated on the basis of the thesis of isomorphism of functional properties of language units and their method of structural organization. Phatic perspective of the inner form is manifested in the way of formal coordination of the two speech works as a projection of the future dialogue text. Informative perspective of the internal form - in the way of its correlation with the dialogic context formed by extra-linguistic situation, the addresser and the addressee. Informative perspective of the internal form reflects the way of transmitting of relevant information to the communication process. Variety of the phatic - oriented and informative-oriented internal forms of dialogic text are characterized by the article. Coordination, contrast and adjunction are allocated among phatic - oriented internal forms of dialogic text. Situational-oriented, the addressee-oriented and the sender oriented are allocated among the informative-oriented internal forms of dialogic text. This typology of internal forms of the dialogue text is based on the analysis of online comments to the news article «Subways: Gopniks instead of flowers», is placed on the network at <http://news.ngs.ru/ comments / 1253828 />. The total number of analyzed text units – 614.

Ключевые слова: диалогический текст, деривация, внутренняя форма диалогического текста, модусная пропозиция, вариант формальной организации диалогического текста, фатический ракурс внутренней формы диалогического текста, информативный ракурс внутренней формы диалогического текста.

Keywords: dialogical text, derivation, the inner form of the dialogue text, mode attitude, version of the formal organization of dialogue text, phatic perspective of the inner form of the dialogue text, informative perspective of the inner form of the dialogue text.

Исходные положения

Настоящая статья является продолжением ряда публикаций автора, в которых обосновывается деривационно-интерпретационная сущность внутренней формы текста, в том числе и диалогического текста [1; 2]. Согласно развиваемой нами концепции, деривационная функция внутренней формы диалогического текста проявляется в ее (формы) способности служить формальной суппозицией в актах его производства/воспроизведения, а интерпретационная функция – в ее способности определять *характер* формального согласования текста-объекта и текста-цели как условных единиц, образующих диалогический текст на уровне его абстрактного функционирования. Интерпретационный потенциал внутренней формы диало-

гического текста определяется диалогической позицией носителя языка, соотносимой с позицией субъекта речи – отвечающим – и определяющей то, как производимый диалогический текст понимается и используется (будет использоваться) в последующих актах текстообразования.

Цель данной статьи – описание типовых вариантов формальной организации диалогического текста. Актуальным для нас является положение о функциональной детерминированности способа структурной организации диалогического текста. В статье развивается и поддерживается тезис о приоритете фатической функции языка по отношению к референтативной. Как следствие, полагается, что внутренняя форма диалогического текста обладает фатическим и ин-

формативным ракурсом. **Фатический ракурс внутренней формы** проявляется в способе формального согласования двух речевых произведений как проекции будущего диалогического текста. А **информационный ракурс внутренней формы** – в способе ее соотнесения с диалогическим контекстом, образуемым внеязыковой ситуацией, адресантом и адресатом. Информативный ракурс внутренней формы отражает способ передачи релевантной для процесса общения информации.

Далее мы исходим из того, что **внутренняя форма диалогического текста представлена в виде глобальной модусной пропозиции, или модусной макропропозиции**. В составе модусной макропропозиции могут быть выделены **модусный предикат** и **диктумные суппозиции**. Базовые модусные предикаты – это предикаты *согласен / не согласен*. Модусный предикат, выражаящий нейтральную диалогическую позицию носителя языка, мы квалифицируем как *нулевой модусный предикат*. Диктумная суппозиция – это информация, содержащаяся в тексте-объекте и в тексте-цели. В числе диктумных суппозиций могут быть выделены *прагматические и коммуникативные*. Прагматические суппозиции имеют своим референтом образ коммуникативного события – образ коммуникативного прошлого, образ коммуникативного будущего и образ коммуникативного настоящего. Выделенные виды прагматических термов соотносятся с описанными Ч. Пирсон типами отношений между интерпретантой и объектом: ремой как образом бытия позитивной качественной возможности, дицентом как образом бытия реального факта и аргументом (умозаключением) как образом бытия законности (или конвенциональности) [3]. Так, образ коммуникативного прошлого коррелирует с аргументом как образом бытия законности (так было), образ коммуникативного будущего – с ремой как образом бытия качественной возможности (к чему это может привести), а образ коммуникативного настоящего – с дицентом как образом бытия реального факта (так есть). Коммуникативные суппозиции имеют своим референтом компоненты коммуникативной ситуации; к ним мы относим образ автора, образ адресата, образ кода, образ контакта, образ сообщения, образ контекста. Выделенные коммуникативные термы соотносятся с компонентами коммуникативного акта, выделенными Р. О. Якобсоном [4].

Внутренняя форма текста как носитель потенциала деривационно-интерпретационного функционирования диалогического текста имеет определенную структуру, отражающую принципы коммуникативного соединения и следования термов и представляющую собой соотношение текстообразовательного дентерминанта и текстообразовательного форманта, выражаемое при помощи деривационного значения последнего. Текстообразовательный дентерминант – это терм или совокупность термов, детерминирующих деривационное развитие текста; текстообразовательный формант – текстообразующие термы, формирующие текст.

Фатически-ориентированные внутренние формы диалогического текста

Фатически-ориентированная внутренняя форма характеризуется следующей структурной организаци-

ей: **коммуникативный терм образ адресата + модусный предикат**. Как видим, текстообразовательный дентерминант – коммуникативный терм *образ адресата* – это суппозиция со стороны субъекта речи как адресата, а текстообразовательный формант – модусный предикат – это суппозиция со стороны субъекта речи как адресанта.

Анализ интернет-комментариев к новостной статье позволил нам выделить три типа фатических модусных макропропозиций, на основе которых осуществляется деривационное развитие диалогического текста.

1 тип – макропропозиция-примыкание – наблюдается в том случае, если производный (диалогический) текст обладает нулевым модусным предикатом, то есть он создается по модели **коммуникативный терм образ адресата + нулевой модусный предикат**.

2 тип – макропропозиция-контраст – имеет место в том случае, если производный (диалогический) текст создается по модели **коммуникативный терм образ адресата + модусный предикат не согласен**.

3 тип – макропропозиция-согласование – имеет место в том случае, когда диалогический текст создается по модели **коммуникативный терм образ адресата + модусный предикат согласен**.

Приведем примеры.

Алеккс гость

10 июл 2013 01:03

Правильно! Именно в таких злачных торговых точках скупают и реализовывают краденые мобильники! В поезде украл и тут же продал. А ешё не уверен, но очень думаю, что тут же без документов преступный элемент тарится симкартами без всяких документов. Пора прикрыть эту мутную лавочку! Да и не солидна такая подземная бараходка для третьего города России. Решение поддерживаю на 100 %!!!

Кошь летучая

10 июл 2013 16:24

Алеккс, какая бараходка?

Торговлю подозрительными телефонами надо прекращать везде, независимо от места. Что касается киосков с газетами, шоколадками и прочей мелочью – они есть в метро почти во всей Европе. И немцы, чехи не считают метро «несолидной бараходкой»

ЯЯ1

10 июл 2013 23:22

Алеккс, а вы в первом городе России давно были? в ихнем метро.

Макропропозиция-согласование как вариант организации внутренней формы диалогического текста. Макропропозиция-согласование – это вариант структурной организации диалогического текста, при котором его создание осуществляется по схеме **коммуникативный терм образ адресата + модусный предикат согласен**. Маркерами актуализации данной разновидности внутренней формы диалогического текста являются частицы *тоже, также*, модусный предикат *согласен* и его эквиваленты (одобряю, поддерживаю, правильно и пр.).

Диалогический текст пользователя **Алеккс** гость создан в результате формального согласования с тек-

ФИЛОЛОГИЯ

стом-основой по линии соотношения модусного предиката *согласен* как компонента текстообразовательного форманта с коммуникативным термом *образ адресата* как компонентом текстообразовательного датерминанта. Автор одобряет диалогическую позицию губернатора В. Юрченко (*образ адресата*), который распорядился очистить новосибирский метрополитен от торговых киосков в целях обеспечения безопасности граждан. Иными словами, диалогический текст создается в результате актуализации макропропозиции-согласования как варианта структурной организации внутренней формы диалогического текста. Ср.: *правильно, решение поддерживаю на 100 %.*

Текстообразователь- ный датерминант	Текстообразователь- ный формант
образ адресата	модусный предикат <i>согласен</i>

Макропропозиция-контраст как вариант организации внутренней формы диалогического текста. Макропропозиция-контраст – это вариант структурной организации диалогического текста, при котором его создание осуществляется по модели **коммуникативный терм образ адресата + модусный предикат не согласен**. Маркерами актуализации данной модели являются, как правило, модусные предикаты с семантикой противопоставления.

Диалогический текст пользователя **Кошь летучая** создается как текст-ответ по отношению к ДВТ-1, а следовательно, эти тексты связаны отношениями эпидигматической мотивированности. Об этом свидетельствует соотношение модусного предиката *не согласен* как компонента текстообразовательного форманта и диктумного терма «образ адресата» как компонента текстообразовательного датерминанта. Автор текста не одобряет диалогическую позицию пользователя Алекс^{гость}, о чем свидетельствует наличие в поверхностной структуре диалогического текста риторического вопроса (Алекс, какая барахолка?) и языковых единиц с семантикой неодобрения, ср.: *Торговлю подозрительными телефонами надо прекращать везде, независимо от места*. Как видим, анализируемый диалогический текст создается вследствие актуализации макропропозиции-контраста.

Представим соотношение текстообразовательного датерминанта и текстообразовательного формантов в структуре внутренней формы диалогического текста:

Текстообразователь- ный датерминант	Текстообразова- тельный формант
образ адресата	модусный предикат <i>не согласен</i>

Макропропозиция-примыкание как вариант организации внутренней формы диалогического текста. Макропропозиция-примыкание – это вариант структурной организации диалогического текста, при котором создаваемый на базе текста-основы производный текст отражает нейтральную диалогическую позицию носителя языка.

Диалогический текст пользователя **ЯЯЯ1** является текстом-ответом пользователю Алекс^{гость}. При созда-

нии данного диалогического текста актуализируется макропропозиция-примыкание, в составе которой выделяется нулевой модусный предикат, выражающий нейтральную диалогическую позицию автора текста по отношению к мнению пользователя Алекс^{гость}, и коммуникативный терм «образ адресата» как эквивалент диалогической позиции одобрения действий властей носителем языка, создавшего анализируемый текст.

Представим соотношение текстообразовательного датерминанта и текстообразовательного формантов в структуре внутренней формы диалогического текста:

Текстообразователь- ный датерминант	Текстообразователь- ный формант
образ адресата	нулевой модусный предикат

Информативно-ориентированные внутренние формы диалогического текста

Информативные внутренние формы текста отражают характер соотношения пропозиционального форманта и пропозиционального датерминанта как основных компонентов интерпретационно-деривационной структуры внутренней формы диалогического текста.

На основе анализа исходного текста и комментариев к нему мы выделили три разновидности информативно-ориентированных внутренних форм диалогического текста, отражающих типы соотношения пропозиционального датерминанта и пропозиционального форманта и характеризующих его (текста) информативный ракурс: **ситуативно-ориентированную, адресанто-ориентированную и адресато-ориентированную**. Еще раз подчеркнем, что информативно-ориентированные внутренние формы отражают характер передачи релевантной для процесса коммуникации (установления и поддержания контакта) информации.

Ситуативно-ориентированная макропропозиция как вариант структурной организации внутренней формы диалогического текста

Ситуативно-ориентированная макропропозиция – это такой вариант структурной организации внутренней формы диалогического текста, при котором в ее структуре выделяется текстообразовательный формант, а текстообразовательный датерминант коммуникативно не расчленен, то есть представлен в свернутом виде (имеет статус нулевого текстообразовательного датерминанта). Создаваемый по данной модели диалогический текст предстает как текст, соотносимый с внеязыковой ситуацией, общей для носителей языка и, как следствие, знакомой и адресанту (= отвечающему), и потенциальному адресату. Формальным показателем коммуникативного нечленения текстообразовательного датерминанта является наличие в поверхностной структуре диалогического текста рематических элементов типа *теперь, надо еще* и пр., которые являются обобщенным наименованием темы текста-основы.

маруся гость

10 июл 2013 01:02

Ну, теперь, переходы превратятся в бесплатные туалеты.

Деривационную структуру внутренней формы данного варианта диалогического текста можно представить следующим образом:

Нулевой текстообразовательный детерминант	Текстообразовательный формант
образ коммуникативного будущего	образ коммуникативного будущего
нулевой модусный предикат	модусный предикат <i>не согласен</i>

Создавая диалогический текст, носитель языка в качестве детерминанта использует модусную пропозицию, содержащую нулевой модусный предикат и прагматическую суппозицию, соотносимую с термом *образ коммуникативного будущего* («Переходы в метро освободят / станут пустыми»). В качестве текстообразовательного форманта используется модусная пропозиция, содержащая модусный предикат *не согласен*, косвенно отражающий диалогическую позицию *несогласия* носителя языка, и прагматическую суппозицию «Переходы в метро превратятся в бесплатные туалеты», соотносимую с прагматическим термом *образ коммуникативного будущего*. Как видим, в диалогическом тексте, рассматриваемом с позиций информативного ракурса, текстообразовательный детерминант коммуникативно не расчленен, вследствие чего для адекватного понимания диалогического текста адресату нужно обратиться к семантическим суппозициям текста-основы.

Или:

Вольный Плиточник^{гость}

10 июля 2013 12:38

Можно будет на мотоцикле по переходам кататься^С

Деривационно-интерпретационная структура внутренней формы диалогического текста выглядит следующим образом:

Нулевой текстообразовательный детерминант	Текстообразовательный формант
образ коммуникативного будущего	образ коммуникативного будущего
нулевой модусный предикат	нулевой модусный предикат

Как показывает анализ деривационно-интерпретационной структуры внутренней формы диалогического текста, ее основные компоненты – текстообразовательный детерминант и текстообразовательный формант – совпадают. Текстообразовательный детерминант представляет собой модусную пропозицию, в составе которой выделяются нулевой модусный предикат и прагматический терм *образ коммуникативного будущего* («Переходы в метро освободят / станут пустыми»), а текстообразовательный формант – модусную пропозицию, в составе которой также выделяются нулевой модусный предикат и прагматический терм *образ коммуникативного будущего*.

Приведем еще пример.

серёжа

10 июля 2013 10:40

Надо еще бараулку закрыть, толку от нее все равно никакого нет.

К обеду торговля уже заканчивается, не понятно, для кого они там работают?

Интерпретационно-деривационная структура внутренней формы диалогического текста выглядит следующим образом:

Нулевой текстообразовательный детерминант	Текстообразовательный формант
образ коммуникативного будущего	образ коммуникативного будущего
нулевой модусный предикат	модусный предикат <i>согласен</i>

При создании данного текста актуализируется текстообразовательный детерминант, включающий *нулевой модусный предикат* и прагматический терм *образ коммуникативного будущего (до 1 августа закроют все киоски в метро)*, и текстообразовательный формант, включающий модусный предикат *согласен*, косвенно выраждающий диалогическую позицию *согласия* носителя языка, и прагматический терм *образ коммуникативного будущего*. Формальным маркером актуализации ситуативно-ориентированной макропропозиции является наличие в поверхностной структуре диалогического текста рематического элемента *надо еще*.

Адресанто-ориентированная макропропозиция как вариант структурной организации внутренней формы диалогического текста

Адресанто-ориентированная внутренняя форма диалогического текста характеризуется сочленением текстообразовательного детерминанта и текстообразовательного форманта по линии диктумной суппозиции, при этом в тексте эксплицируется как характеризуемый компонент, образующий текстообразовательный детерминант, так и результирующе-характеризующий компонент, образующий текстообразовательный формант. Маркерами актуализации данной модели диалогического текста являются языковые единицы с семантикой характеризации, оценки, интерпретации и т. п., конкретизирующие модусный предикат и позволяющие прояснить диалогическую позицию носителя языка относительно текста-основы.

Например:

Антон^{гость}

10 июля 2013 00:10

Все правильно делают. Долой барыг, ханыг и спекулянтов из метро. Иногда бывает пройти тяжело в час пик, когда идет поток людей по переходу, а часть людей останавливается у киосков, матерю торговшей и промискиваюсь.

Деривационно-интерпретационная структура внутренней формы диалогического текста выглядит следующим образом:

Текстообразовательный детерминант	Текстообразовательный формант
образ коммуникативного будущего	образ коммуникативного настоящего
нулевой модусной предикат	модусный предикат <i>согласен</i>

Анализируемый диалогический текст создан в результате актуализации адресанто-ориентированной макропропозиции, так как его внутренняя форма уст-

ФИЛОЛОГИЯ

роена по принципу сочленения текстообразовательного детерминанта и текстообразовательного форманта. Текстообразовательным детерминантом диалогического текста является модусная пропозиция, включающая нулевой модусный предикат и прагматическую суппозицию, соотнесенную с образом коммуникативного будущего, – «Переходы метро освободят / будут пустыми». В качестве текстообразовательного форманта выступает модусная пропозиция, содержащая модусный предикат *согласен* и прагматическую суппозицию, соотносимую с образом коммуникативного настоящего (*По переходу тяжело пройти в час-пик*). Данный модусный предикат конкретизируется на поверхностном уровне за счет использования лексем с семантикой одобрения *правильно делают, долой барыг, тяжело пройти*. При этом и тот, и другой компоненты внутренней формы текста эксплицированы в нем.

Рассмотрим еще один пример.

Алеккс^{гость}

10 июля 2013 01:03

Правильно! Именно в таких злачных торговых точках скрупают и реализовывают краденые мобильники! В поезде украл и тут же продал. А еще не уверен, но очень думаю, что тут же без документов преступный элемент тарится симкартами без всяких документов. Пора прикрыть эту мутную лавочку! Да и не солидна такая подземная бараходка для третьего города России. Решение поддерживаю на 100 %!!!

Деривационно-интерпретационная структура внутренней формы диалогического текста выглядит следующим образом:

Текстообразователь- ный детерминант	Текстообразователь- ный формант
образ коммуникативно- го будущего	образ коммуникативно- го настоящего
нулевой модусной пре- дикат	модусный предикат <i>согласен</i>

Как видим, анализируемый диалогический текст создается в результате сочленения текстообразовательного детерминанта и текстообразовательного форманта, при этом текстообразовательный формант представляет как характеризуемый компонент, а текстообразовательный формант – как результирующе-характеризующий компонент, о чем свидетельствуют языковые единицы типа *правильно, решение поддерживаю, пора прикрыть эту мутную лавочку*.

Адресато-ориентированная макропропозиция как вариант структурной организации внутренней формы диалогического текста. Адресато-ориентированная внутренняя форма текста характеризуется таким сочленением текстообразовательного форманта и текстообразовательного детерминанта, при котором текстообразовательный детерминант входит составной частью в текстообразовательный формант. Иными словами, создаваемый по данной модели диалогический текст на поверхностном уровне предстает как «текст в тексте», где первый компонент тождественен текстообразовательному детерминанту, а второй компонент – текстообразовательному форманту. При этом в качестве приема экспликации текстообразовательного детерминанта используется цитирование.

Например:

Андрон Таранофф

10 июля 2013 00:08

«Гопники вместо цветов. Силовики прогнозируют рост преступности в пустых вестибюлях».

Ну, не знаю.

Тут еще надо посмотреть кто кого еще обижает.

(с)

Меня, например, продавцы цветов частенько грабят, а вот гопники обходят стороной.

Деривационно-интерпретационная структура внутренней формы диалогического текста выглядит следующим образом:

Текстообразовательный детерминант	Текстообразовательный формант	
	текстообразовательный детерминант	текстообразовательный формант
образ коммуникативного будущего	образ коммуникативного будущего	образ коммуникативного настоящего
нулевой модусный предикат	нулевой модусный предикат	модусный предикат <i>не согласен</i>

В анализируемом диалогическом тексте текстообразовательный детерминант входит составной частью в текстообразовательный формант. Текстообразовательный детерминант, представленный в виде модусной пропозиции, состоящей из нулевого модусного предиката и прагматической суппозиции, соотнесеной с термом *образ будущего – Силовики прогнозируют рост преступности в пустых вестибюлях*, на поверхностном уровне представлен в форме цитаты *«Гопники вместо цветов. Силовики прогнозируют рост преступности в пустых вестибюлях»*. А текстообразовательный формант представлен как иерархическая макроструктура, включающая, с одной стороны, текстообразовательный детерминант, а с другой

стороны, собственно текстообразовательный формант, содержащий модусный предикат *не согласен* и прагматическую суппозицию, соотнесенную с термом *образ настоящего – Продавцы цветов частенько грабят, а вот гопники обходят стороной*.

Или:

454564

10 июля 2013 09:48

«убрать торговлю с тех переходов, которые могут быть элементом проявления террористической деятельности»

Смешно читать! И это киоски элементы? Или продавцы? Даже не знаю кто опаснее!

Непонятно для чего у нас фсб, мвд и прочие силовики, если они не могут предупредить угрозу теракта другими способами, нежели ликвидировать киоски! вот вам и профессионализм. А что касается по мехе при эвакуации, так основная давка будет на

турникетах и в дверях, а уж никак не в переходах (с киосками или без).

Деривационно-интерпретационная структура внутренней формы диалогического текста выглядит следующим образом:

<i>Текстообразовательный детерминант</i>	<i>Текстообразовательный формант</i>	
	<i>текстообразовательный детерминант</i>	<i>текстообразовательный формант</i>
образ коммуникативного настоящего	образ коммуникативного настоящего	образ коммуникативного настоящего
нулевой модусный предикат	нулевой модусный предикат	модусный предикат <i>не согласен</i>

Данный диалогический текст создан в результате актуализации адресато-ориентированной макропропозиции. Так, текстообразовательный формант представлен как совокупность текстообразовательного детерминанта и текстообразовательного форманта. При этом текстообразовательный детерминант представлен модусной пропозицией, в составе которой выделяется нулевой модусный предикат и прагматический терм *образ будущего* (*убрать киоски*), а текстообразовательный формант – модусной пропозицией, в составе которой выделяются модусный предикат *не согласен* и прагматический терм *образ настоящего* (*не предупреждается угроза теракта*).

Включение текстообразовательного детерминанта в состав текстообразовательного форманта облегчает восприятие/понимание диалогического текста адресатом, поскольку последний (текст) представляет собой завершенный для адресата текст, в котором излагается как информация, послужившая импульсом для его создания, так и информация, отражающая диалогиче-

скую позицию носителя языка, создающего диалогический текст.

Заключение. Исходя из тезиса о приоритете внутренней формы в актах образования диалогического текста и о ее детерминированности фатической и референтативной функциями языка, мы выделили и охарактеризовали фатически-ориентированные и информативно-ориентированные внутренние формы диалогического текста. В числе фатически-ориентированных внутренних форм диалогического текста выделены следующие: согласование, контраст и примыкание. В числе информативно-ориентированных внутренних форм диалогического текста выделены ситуативно-ориентированные, адресанто-ориентированные и адресато-ориентированные. Наличие вариантов структурной организации диалогического текста позволяет говорить о множественности моделей его генезиса и функционирования. Анализ моделей деривации диалогического текста составляет перспективу исследования.

Литература

1. Шпильная Н. Н. Деривационные основания русского диалогического текста / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 239 с.
2. Шпильная Н. Н. Внутренняя форма текста как носитель потенциала его деривационного развития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4(52). С. 232 – 235.
3. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193 – 230.
4. Thellefsen, T. Firstness and Thirdness Displacement: The Epistemology within Peirce's Three Sign Thrichotomies // C. S. Peirce. Digital Encyclopedia, 2000.

Информация об авторе:

Шпильная Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания АлтГПУ, venata85@mail.ru.

Nadezda N. Shpilnaya – candidate of Philology, assistant professor of General and Russian Linguistics Department of Altai State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 14.09.2015 г.

МОДЕЛИ ДЕРИВАЦИИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА
Н. Н. Шпильная

THE MODELS OF DIALOGIC TEXT DERIVATION
N. N. Shpilnaya

Цель статьи – описание моделей деривации диалогического текста. В статье развивается и поддерживается тезис о диалогической природе деривации, коррелирующей с представлением языка как диалогической системы, в которой языковые единицы обладают не предметным, а относительно-диалогическим значением. Обосновывается, что модели деривации диалогического текста соотнесены с диалогической позицией носителя языка, выступающего в актах коммуникации в статусе отвечающего. Материалом для исследования послужили диалогические тексты, размещенные в сети Интернет. Общее количество проанализированных текстов – 614.

The purpose of the article is the description of models of the dialog text derivation. The article develops and supports the thesis of dialogical nature of the derivation, correlating with the language as a dialogic system in which linguistic units are not the subject value, but dialogic value relatively. It is argued that models of dialog text derivation are correlated with the dialogic position of a native speaker. The total number of analyzed text units – 614.

Ключевые слова: диалогический текст, деривация, внутренняя форма диалогического текста, модели деривации, отвечающий.

Keywords: dialogical text, derivation, dialogical position, derivation models, responsible.

Предмет статьи – модели деривации диалогического текста. Диалогический текст рассматривается нами как результат актуализации такого деривационного механизма, как диалогическая цитация, обеспечивающего прагматическую выводимость означаемого языкового знака из его означающего [2]. Согласно развиваемой в работе концепции, условием деривации диалогического текста является зеркальная симметричность адресанта и адресата в актах текстообразования, онтологическим проявлением которой является функциональная позиция субъекта речи – *отвечающий*. Об онтологической позиции говорящего как «отвечающего» говорит М. М. Бахтин: «<...> всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, нарушивший вечное молчание вселенной» [1, с. 247]. Являясь отвечающим, носитель языка, создавая диалогический текст, актуализирует в нем ту или иную диалогическую позицию, эквивалентом и представителем которой являются модусные предикаты *согласия, несогласия* или *нулевой* модусный предикат как компоненты внутренней формы диалогического текста.

Общая характеристика модели деривации диалогического текста. Прежде чем характеризовать модели генезиса диалогического текста, представим общую схему его деривации. Нам представляется, что деривация диалогического текста, опосредуемая механизмом диалогической цитации, осуществляется в несколько этапов.

Первый этап. Дотекстовый этап

На этом этапе осуществляется актуализация модусного предиката как эквивалента диалогической позиции носителя языка и пропозициональное квантование будущего содержания диалогического текста; определяется характер коммуникативного сочленения текстообразовательного детерминанта и текстообразовательного форманта как структурообразующих компонентов внутренней формы диалогического текста.

Иными словами, на этом этапе определяется фатический и информативный ракурс внутренней формы диалогического текста. Мы дифференцируем три разновидности фатически-ориентированных внутренних форм, коррелирующих с видами модусных пропозиций: *пропозицией-согласования, пропозицией-примыкания и пропозицией-контраста*; и три разновидности информативно-ориентированных внутренних форм, отражающих характер соотношения текстообразовательного детерминанта и текстообразовательного форманта: *ситуативно-ориентированную, адресанто-ориентированную и адресато-ориентированную*.

Второй этап. Превербальный этап

На данном этапе осуществляется овнешнение внутренних форм диалогического текста. Специфика вербализации модусной макропропозиции определяется подключением двух базовых механизмов вербализации – *номинации* и *предикации*. Здесь определяется, по какому пути будет осуществляться актуализация диалогического текста – либо по линии характеризации и реляции, либо по линии утверждения существования и реляции. При *характеризации* ключевая лексема из текста-объекта детерминирует появление в тексте-цели оценочных лексем. В данном случае прагматическое содержание текста-цели выражается эксплицитно. Оно связано либо с диалогической позицией согласия, либо с диалогической позицией несогласия. При использовании синтагматической сцепки типа *утверждение* ключевая лексема детерминирует появление в тексте-цели предиката существования, выводного знания. В данном случае прагматическое содержание текста-цели выражено косвенным способом. При реляции ключевая лексема, интерпретируемая языком-целью, детерминирует появление лексемы (лексем), находящейся в отношениях с исходной в отношениях синонимии, антонимии и пр. Реляционные отношения между ключевыми лексемами определяют характер выражаемого смыслового содержания. Они эксплицируют вербальную

модель актуализации информативно-ориентированных внутренних форм.

Третий этап. Текстовый этап

На этом этапе осуществляется вербализация диалогического текста, который на поверхностном уровне не представлен как единичное монологическое высказывание, обладающее референтной отнесенностью.

В связи с тем, что в работе поддерживается и развивается тезис, согласно которому приоритет в актах коммуникации имеет не референтативная (гносеологическая), а фатическая функция языка, коррелирующая с представлением языка как диалогической системы, выявленные нами модели генезиса диалогического текста соотнесены с тремя видами фатически-ориентированных внутренних форм. Как следствие, предлагается дифференцировать три модели генезиса диалогического текста: **модель-согласование, модель-контраст и модель-примыкание**. Варианты реализации указанных моделей генезиса определяются типом актуализируемой информативно-ориентированной внутренней формы диалогического текста.

На пересечении указанных моделей выделяется **комбинированная модель** генезиса диалогического текста.

Представим в таблице модели генезиса диалогического текста и варианты их реализации.

Анализируемый материал не предоставляет возможности выделить:

1) варианты модели-согласования, актуализирующие адресато-ориентированные макропропозиции и соотносимые с такими способами превербальной организации диалогического текста, как реляция и характеризация и реляция и утверждение существования;

2) варианты модели-примыкания, актуализирующие ситуативно-ориентированную и адресато-ориентированную макропропозиции.

Нам представляется, что не нашедшие отражение в анализируемых диалогических текстах варианты реализации модели-согласования и модели-примыкания могут встретиться при анализе большего количества диалогических текстов. Делать вывод об их «онтологической несостоятельности» нам кажется не целесообразным.

При описании генезиса диалогических текстов мы придерживаемся предложенной выше общей модели, однако подчеркнем, что генезис диалогического текста начинается с ключевых лексем, которые определяют тип актуализируемой внутренней формы и далее способ ее вербальной актуализации.

Таблица

Модели деривации диалогического текста и варианты их реализации

	<i>Модель-согласование</i>	<i>Модель-контраст</i>	<i>Модель-примыкание</i>
Характеризация и реляция	адресанто-ориентированная макропропозиция	адресанто-ориентированная макропропозиция	адресанто-ориентированная макропропозиция
	ситуативно-ориентированная макропропозиция	ситуативно-ориентированная макропропозиция	-
	-	адресато-ориентированная макропропозиция	-
Утверждение и реляция	адресанто-ориентированная макропропозиция	адресанто-ориентированная макропропозиция	адресанто-ориентированная макропропозиция
	ситуативно-ориентированная макропропозиция	ситуативно-ориентированная макропропозиция	ситуативно-ориентированная макропропозиция
	-	адресато-ориентированная макропропозиция	адресато-ориентированная макропропозиция

Модель-согласование. Диалогические тексты, созданные по модели-согласования, актуализируют макропропозицию-согласования, структурообразующими компонентами которой являются модусный предикат *согласен* и коммуникативный термин «образ адресата».

Вариант 1. Первый вариант реализации рассматриваемой модели генезиса диалогического текста характеризуется актуализацией **ситуативно-ориентированной макропропозиции** и таким способом превербальной организации, как **характеризация и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-согласование

Информативный ракурс: ситуативно-ориентированная макропропозиция

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: характеризация и реляция

Текстовый этап:

Сергей гость

10 июля 2013 09:36

Наконец то перестанут там торговать ворованными телефонами, раз полиция на них внимание не обращает, то пусть хоть киоски снесут

Alex2D

10 июля 2013 08:45

Закрывают очередное коррупционное опасное направление. В общем, идея правильная.

ФИЛОЛОГИЯ

В качестве примера проанализируем диалогический текст пользователя **Alex2D**.

Как видим, пользователь согласен с диалогической позицией губернатора Новосибирской области, который распорядился закрыть торговые киоски в новосибирском метрополитене в целях обеспечения безопасности жителей города от терроризма. Ср.: **идея правильная**.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется ситуативно-ориентированная внутренняя форма, в ее структуре выделяется текстообразовательный формант, образуемый коммуникативным термом «образ коммуникативного настоящего» (*закрывают очередное коррупционное опасное направление*), а текстообразовательный детерминант коммуникативно не расчленен (непонятно, какое именно коррупционное опасное направление закрывают).

Способами превербальной актуализации диалогического текста являются характеристизация и реляция. С одной стороны, в результате интерпретации ключевая лексема из текста-объекта (*распорядился*) приобретает статус лексемы **идея** (*распорядился – распоряжение – решение /идея*), которая детерминирует появление в тексте-цели оценочной лексемы **правильная**. С другой стороны, носитель языка рассматривает *торговлю в метро как коррупционное опасное направление*, тем самым отождествляя (синонимизируя) торговлю в метро и коррупцию.

Вариант 2. Второй вариант актуализации модели-согласования характеризуется актуализацией **адресанто-ориентированной макропропозиции** и таким способом превербальной организации диалогического текста, как **характеризация и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-согласование.

Информативный ракурс: адресанто-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: характеристизация и реляция.

Текстовый этап:

Надоели киоски! Гость

10 июля 2013 17:07

Давно пора! Торговля в метро – пережиток 90х!!! Я хочу ездить в метро, а нужные товары покупать в магазинах!!! Этож сколько нужно взяток одним только пожарным давать, что бы они закрывали глаза на торговлю в вестибюлях метро. Барак пора прекращать уже и вести дела цивилизованно.

Или:

ААА гость

10 июля 2013 14:13

Молодец губернатор, что собрался закрыть барахолку на гусинке и в метро, сразу понятно, что от этих точек он личного интереса не имел, а то раньше было много говорильни, но реально никто ничего не делал, т. к. имел долю с этого бизнеса. Побольше бы таких руководителей в России, прежде всего в Москве и Россия из нищеты третью сорта страны превратилась бы в государство для всего населения страны, а не для элиты, которая грабит страну, а потом уезжает проматывать деньги в Европу

Или:

Olyk

10 июля 2013 10:01

все правильно делают. нужно убирать эту барахолку и грязь. противно ходить там. а покупать тем более. и еще продукты. днем людей всегда много в метро и переходы не пустые. вечером народу мало, но и киоски-то закрыты! какие тут фобии. зато все чисто и открыто будет, а не заставлено дешевым барахлом и не завалено мусором. привыкли жить в бедламе.

Все приведенные диалогические тексты построены по модели-согласования, они актуализируют модусную макропропозицию-согласования. Авторы данных текстов поддерживают решение губернатора о закрытии в метро торговых киосков.

В качестве примера проанализируем диалогический текст, созданный пользователем **Надоели киоски! Гость**.

Давно пора! Торговля в метро – пережиток 90х!!! Я хочу ездить в метро, а нужные товары покупать в магазинах!!! Этож сколько нужно взяток одним только пожарным давать, что бы они закрывали глаза на торговлю в вестибюлях метро. Барак пора прекращать уже и вести дела цивилизованно.

В процессе создания диалогического текста актуализируется адресанто-ориентированная макропропозиция. В тексте эксплицируется текстообразовательный детерминант и текстообразовательный формант, при этом текстообразовательный детерминант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного настоящего» (*торговля в метро*), представляет собой характеризуемый компонент, а текстообразовательный формант – характеризующий (*пережиток 90-х гг., давно пора, пора прекращать и пр.*).

Способы превербальной организации диалогического текста – характеристизация и реляция. С одной стороны, при создании диалогического текста из текста-объекта «затмевается» лексема *очистить* и связанные с ней лексемы *все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков*, данная лексема детерминирует появление оценочной лексемы **давно пора!** С другой стороны, при актуализации диалогического текста между ключевыми лексемами устанавливаются отношения идентификации: *метро – пережиток 90-х гг.*, определяющие смысловое содержание диалогического текста-цели.

Вариант 3. Третий вариант актуализации модели-согласования характеризуется экспликацией **адресанто-ориентированной** модусной макропропозиции, которая на превербальном уровне генезиса диалогического текста соотносится со способом **утверждение существования (бытия) и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-согласование.

Информативный ракурс: адресанто-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: утверждение существования и реляция

Текстовый этап:кс ^{гость}**10 июля 2013 22:56**

Наше метро-позор, нигде в Европе вы не найдете подобного – чтобы в переходах метро, муниципальном объекте умудрялись организовать торговлю. Куда бы ни шло, если бы там продавались цветы, сувениры, сигареты и оформление торговых точек было приличным. Но трусы, носки, "отжатые мобили"! Гнать нужно торговшей этих

Или:

Roman_nsk**10 июля 2013 08:26**

Что такого ценного продают в переходах метро, чего нельзя купить в других местах? Зачем эти киоски в метро? С 2008 года не был в метро и мне ни разу не понадобилось туда спуститься, чтобы что-то купить. Я думаю и другие люди переживают.

В качестве примера проанализируем специфику генезиса диалогического текста, созданного пользователем **Roman_nsk**.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется адресанто-ориентированная макропропозиция, в тексте эксплицирован текстообразовательный детерминант, образуемый прагматическим термом образ коммуникативного настоящего – *переходы метро* (*киоски в метро*), и текстообразовательный формант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного настоящего» – *не был и не понадобилось, и другие переживают*. При этом текстообразовательный детерминант представляет собой характеризуемый компонент, а текстообразовательный формант – характеризующий.

Способы превербальной актуализации диалогического текста – утверждение существования (бытия) и реляция. При создании диалогического текста из текста-объекта в текст-цель «переносится» лексема *киоски в метро*, которая детерминирует появление предиката существования *зачем эти киоски в метро?* Кроме того, вербальная актуализация диалогического текста сопровождается установлением отношений идентификации между ключевыми лексемами: *киоски в метро – другие места*. Отсюда и специфика смыслового содержания диалогического текста – рассуждения носителя языка о ценности товаров, продаваемых в метро, по отношению к товарам, продаваемым в других местах.

Вариант 4. Четвертый вариант актуализации диалогического текста по модели-согласования характеризуется экспликацией **ситуативно-ориентированной макропропозиции** и такими способами превербальной организации диалогического текста, как **утверждение существования и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-согласование.

Информативный ракурс: ситуативно-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: реляция и утверждение существования.

Текстовый этап:

сережа

10 июля 2013 10:40

Надо еще бараходку закрыть, толку от нее все равно никакого нет.

К обеду торговля уже заканчивается, не понятно, для кого они там работают

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется ситуативно-ориентированная макропропозиция. В тексте объективируется текстообразовательный формант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного будущего» – *надо бараходку закрыть*, текстообразовательный детерминант материально не выражен, о чем свидетельствует появление в поверхностной структуре диалогического текста лексем с неопределенной семантикой – *надо еще*.

Вербальная модель актуализации диалогического текста определяется использованием таких способов превербальной организации, как реляция и утверждение существования. С одной стороны, носитель языка отождествляет *метро* и *бараходку*, что определяет смысловое содержание диалогического текста – не-нужность торговли в метро аналогична ненужности торговли на бараходке. С другой стороны, при актуализации диалогического текста объективируется предикат добавления – *надо еще*, который эксплицирует косвенную диалогическую позицию согласия носителя языка и связан с лексемой из текста-объекта *закрыть*.

Модель-контраст. Диалогические тексты, созданные по модели-контрasta, актуализируют макропропозицию-контрasta, структурообразующими компонентами которой являются модусный предикат *не согласен*, выражающий диалогическую позицию несогласия/неодобрения, и коммуникативный терм «образ адресата».

Вариант 1. Первый вариант актуализации диалогического текста по модели-контрasta характеризуется экспликацией **ситуативно-ориентированной макропропозиции** и такими способами его превербальной организации, как **утверждение существования и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-контраст.

Информативный ракурс: ситуативно-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: реляция и утверждение существования (бытия)

Текстовый этап:**GLOBUS****10 июля 2013 00:37**

Будем теперь ходить поздними вечерами по пустынным длинным мрачным вестибюлям..., сжимая в страхе газовый баллончик в потной ладони... брррр.

^{гость}**10 июля 2013 13:03**

Народ такое впечатление складывается, что у нас губернатор попутал свою должность с царьком – если он единолично не опираясь ни на какоето законочательство и мнение «демократического» населения принял данное решение и цитируя «провел его

ФИЛОЛОГИЯ

через координационный совет». Да здравствует КОРОЛЬ

Или:

ОЛГА

10 июля 2013 08:44

неужели нет более серьезных мероприятий – сносить легче всего!

В качестве примера проанализируем диалогический текст, созданный пользователем **горожанин^{гость}**.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется ситуативно-ориентированная макропропозиция. В тексте объективируется текстообразовательный формант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного настоящего» – *впечатление складывается*, текстообразовательный детерминант материально не выражен, о чем свидетельствует появление в поверхностной структуре диалогического текста лексем с неопределенной семантикой – *данное решение*.

Вербальная модель актуализации диалогического текста определяется использованием таких способов превербальной организации, как реляция и утверждение существования. С одной стороны, носитель языка отождествляет *губернатора с царьком, королем*, что определяет смысловое содержание диалогического текста – метафорическое представление губернатора как короля, который самостоительно провел данное решение, не учитывая мнение народа. С другой стороны, при актуализации диалогического текста объективируются лексемы *впечатление складывается*, которые связаны синтагматической связью с лексемами *решение/распоряжение* из текста-объекта.

В диалогическом тексте косвенно выражается диалогическая позиция несогласия субъекта высказывания с губернатором, о чем свидетельствует использование приема – акцентуации формы языкового знака (**КОРОЛЬ**).

Вариант 2. Второй вариант актуализации диалогического текста характеризуется вербализацией **ситуативно-ориентированной макропропозиции** и таких способов его превербальной организации, как **характеризация и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-контраст

Информативный ракурс: ситуативно-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: характеризация и реляция.

Текстовый этап:

Дмитрий2013

10 июля 2013 12:00

Считаю, что это **недальновидное и опрометчивое решение губернатора!!!**

Или:

ВладЯ^{гость}

10 июля 2013 11:07

Бредовое решение, которое не прибавит популярности губернатору, поскольку на метро все ездят и все иногда что-то да покупают: газеты, сигареты, воду, цветы и т. п. Я вот покупал машинки журнальные для коллекции, где их теперь ловить?

Или:

Freken Bok

10 июля 2013 10:39

Это просто *антинародно* превращать Метро в неуютные безжизненные катакомбы где не кому обратиться за помощью если что-одни холодные стены...

В качестве примера проанализируем модель дериации диалогического текста, созданного пользователем **Дмитрий2013**.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется ситуативно-ориентированная макропропозиция. В тексте объективируется текстообразовательный детерминант, представленный прагматическим термом «*считаю, что*»; текстообразовательный детерминант коммуникативно не расчленен – *решение губернатора*, непонятно, о каком именно решении губернатора идет речь.

В тексте актуализируется диалогическая позиция несогласия: субъект высказывания **Дмитрий2013** не согласен с позицией губернатора, который принял решение закрыть торговые точки в метро в целях обеспечения безопасности. Ср.: *недальновидное и опрометчивое решение губернатора!!!*

Вербальная актуализация диалогического текста характеризуется экспликацией таких способов его превербальной организации, как характеризация и реляция. С одной стороны, носитель языка при создании текста-цели использует лексемы из текста-объекта *решение губернатора* (= *губернатор распорядился*), которые вытягивают появление оценочных лексем, связанных с ними синтагматической связью: *решение недальновидное и опрометчивое*. С другой стороны, лексема из текста-объекта *решение* (распоряжение) обуславливает появление в тексте-цели лексемы *решение*, обеспечивающих их тождество *решение – решение* – в конечном счете характер смыслового содержания диалогического текста. На поверхностном уровне организации диалогического текста лексема из текста-объекта материально не выражена, вместо нее используется лексема с указательной семантикой, обобщенно номинирующая ситуацию, – это – *решение*.

Вариант 3. Третий вариант актуализации диалогического текста характеризуется экспликацией **адресанто-ориентированной макропропозиции** и таких способов превербальной организации, как **характеризация и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-контраст

Информативный ракурс: адресанто-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: характеризация и реляция.

Текстовый этап:

NIKNSK

10 июля 2013 08:51

Представьте как будет выглядеть длинный переход на по. Маркса, если все ларьки убрать, там опасно будет ходить. Не говоря уже о грязи. На студенческой что будет по выходным? Небезопасный заон.

Или:

Змей Горыныч
10 июля 2013 09:03

Резко против запрета киосков в метро! Особенно в длинных переходах. Мне они не мешают, а потом бывают полезны. К тому же продавцы хоть и ушлый народец, но всё же живые люди, могут помочь при случае чем-то. Хотя бы вызвать скорую или полицию в случае чего. В подземелье и так неуютно, а в небоитаемом подземелье и подавно!

В качестве примера проанализируем особенности актуализации диалогического текста, созданного пользователем **Змей Горыныч**.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется адресанто-ориентированная макропропозиция. В тексте эксплицирован как текстообразовательный детерминант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного будущего» (*распорядился закрыть торговые киоски в метро к 1 августа 2013 года*), так и текстообразовательный формант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного настоящего» – *киоски в метро не мешают, а полезны*. При этом текстообразовательный детерминант представляет собой характеризуемый компонент, а текстообразовательный формант – результирующе-характеризующий компонент.

Субъект высказывания выражает диалогическую позицию несогласия с диалогической позицией губернатора, который распорядился закрыть торговые киоски в метро в целях обеспечения безопасности жителей города от терроризма. Ср.: *я резко против запрета киоска в метро!*

Вербальная модель актуализации диалогического текста определяется экспликацией таких способов его превербальной организации, как характеризация и реляция. С одной стороны, диалогический текст является следствием реализации синтагматических потенций ключевых лексем из текста-объекта – *распорядился очистить киоски в метро*, которые вытягивают появление оценочных лексем *резко против запрета*. С другой стороны, диалогический текст есть следствие реализации парадигматических потенций ключевых лексем; характер смыслового содержания диалогического текста определяется соотношением лексем *торговые киоски мешают – торговые киоски полезны*. Несмотря на то, что глагольная форма *мешают* не используется в тексте-объекте, она является обобщенной номинацией – представителем следующей идеи: *торговые киоски – угроза для жизни человека*.

Вариант 4. Четвертый вариант реализации модели-контраста характеризуется актуализацией **адресанто-ориентированной макропропозиции** и таких способов превербальной организации диалогического текста, как **утверждение существования и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-контраст.

Информативный ракурс: адресанто-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: характеризация и реляция.

Текстовый этап:

ТХХ

10 июля 2013 15:22

Хорошо, давайте уберем все киоски из метро. И попробуйте господин губернатор, например, на площади Калинина в 8 утра купить простую булку к чаю – не купите, продуктовых магазинов рядом нет, только кофейни, золотые магазины, да МТС с Мегафоном.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется адресанто-ориентированная макропропозиция. В тексте эксплицируется как текстообразовательный детерминант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного будущего» (*уберем все киоски из метро*), так и текстообразовательный формант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного настоящего» (*попробуйте – не купите*). При этом текстообразовательный детерминант представляет собой характеризуемый компонент, а текстообразовательный формант – результирующе-характеризующий компонент.

На превербальном этапе генезиса диалогического текста актуализируются такие способы превербальной организации, как утверждение существования и реляция. При создании диалогического текста-цели актуализируются синтагматические потенции ключевых лексем из текста-объекта *киоски из метро*, которые вытягивают появление предиката существования *давайте уберем*. Характер смыслового содержания диалогического текста задается парадигматическими потенциями ключевых лексем *очистить от торговых киосков*, которые детерминирует появление в тексте-цели таких лексем, как *уберем – попробуйте купить – не купите*. Автор диалогического текста, выражая диалогическую позицию несогласия за счет использования приема иронии, позволяющего нарисовать образ «позитивного» будущего, разворачивает текст по схеме смыслового контраста.

Вариант 5. Пятый вариант реализации модели-контраста характеризуется экспликацией **адресато-ориентированной макропропозиции** и таких способов превербальной организации, как **характеризация и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-контраст.

Информативный ракурс: адресато-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: характеризация и реляция.

Текстовый этап:

Gibson

10 июля 2013 00:30

Заявления об ущемлении малого бизнеса Василий Юрченко парировал: «У нас достаточно много торговых центров, бизнес-центров, где можно это организовать». Вот с этого нужно было и начинать! ТЦ «Москва» стоит пустая, ТЦ «Юпитер» стоит пустой! На левом берегу все ТЦ стоят полумертвые. А за «Юпитером» еще одну «шарагу» строят! Нафига – непонятно!

Вит гость

10 июля 2013 08:49

«– убрать торговлю с тех переходов, которые могут быть элементом проявления террористической деятельности»

а огромные ТЦ, ТРЦ, БЦ, кинотеатры и театры не могут быть элементом проявления террористической деятельности?!))) а общественный транспорт в час пик ?))) Всё это нелепые корявые отмазки чтобы убрать малый бизнес и повысить доход крупному и завлечь людей в ТЦ где стяжти с них больше бабла.

В качестве примера проанализируем диалогический текст, созданный пользователем **Gibson**.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется адресато-ориентированная макропропозиция, для которой характерно такое сочленение текстообразовательного детерминанта и текстообразовательного форманта, при котором текстообразовательный детерминант входит составной частью в текстообразовательный формант. На поверхностном уровне организации диалогический текст предстает как «текст в тексте».

Текстообразовательный детерминант образован pragматическим термом «образ коммуникативного настоящего» (заявление об ущемлении малого бизнеса *Василий Юрченко парировал*). Что касается текстообразовательного форманта, то он образован pragматическим термом «образ коммуникативного настоящего» (Вот с этого нужно было и начинать! ТЦ «Москва» стоит пустая, ТЦ «Юпитер» стоит пустой! На левом берегу все ТЦ стоят полумертвые. А за «Юпитером» еще одну «шарагу» строят!).

Способы превербальной организации диалогического текста: характеристика и реляция. В процессе актуализации диалогического текста актуализируются синтагматические потенции ключевых лексем *торговые центры*, где можно все это организовать, которые вытягивают оценочные лексемы *вот с этого нужно было и начинать!* Кроме того, в процессе экспликации диалогического текста актуализируются парадигматические связи ключевых лексем, определяющие характер его смыслового содержания. Ср.: *малый бизнес – торговые центры*.

Вариант 6. Шестой вариант реализации модели-контраста характеризуется актуализацией **адресато-ориентированной** макропропозиции и таких способов превербальной организации диалогического текста, как **утверждение существования и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-контраст.

Информативный ракурс: адресато-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: утверждение существования и реляция.

Текстовый этап:

Андрон Таранов

10 июля 2013 00:08

«Гопники вместо цветов. Силовики прогнозируют рост преступности в пустых вестибюлях»

Ну, не знаю.

Тут еще надо посмотреть кто кого еще обижает. (с)

Меня, например, продавщицы цветов частенько «грабят», а вот гопники обходят стороной.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется адресато-ориентированная макропропозиция. В тексте эксплицируется текстообразовательный формант, составной частью которого является текстообразовательный детерминант. Текстообразовательный детерминант образован pragматическим термом «образ коммуникативного будущего» (*Гопники вместо цветов. Силовики прогнозируют рост преступности в пустых вестибюлях*). Текстообразовательный формант образован pragматическим термом «образ коммуникативного настоящего» – *Меня, например, продавщицы цветов частенько «грабят», а вот гопники обходят стороной*.

Вербальная актуализация диалогического текста сопровождается актуализацией парадигматических и синтагматических потенций ключевых лексем.

Парадигматические связи ключевых лексем определяют такой способ превербальной организации, как реляция, который объективирует информативный ракурс внутренней формы. Парадигматические потенции ключевых лексем из текста-объекта *гопники и продавщицы цветов (цветы)* вытягивают появление в тексте-цели ключевых лексем, находящихся в отношениях антонимии между собой и связанных синтагматическим связью с исходными по линии объективации предикатов существования: *продавщицы цветов «грабят», а гопники обходят стороной*. Синтагматические связи ключевых лексем определяют такой способ организации диалогического текста, как утверждение существования, который объективирует фатический ракурс внутренней формы.

Модель-примыкание. Диалогические тексты, созданные по модели-примыкания, актуализируют макропропозицию-примыкания, структурообразующими компонентами которой является нулевой модусный предикат, выражающий нейтральную диалогическую позицию носителя языка, и коммуникативный терм «образ адресата».

Вариант 1. Первый вариант реализации модели-примыкания характеризуется актуализацией **ситуативно-ориентированной** макропропозиции и таких способов превербальной организации, как **утверждение существования и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-примыкание.

Информативный ракурс: ситуативно-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: утверждение существования и реляция.

Текстовый этап:

111^{гость}

10 июля 2013 15:03

А кто нибудь помнит в Новосибирске хоть один теракт????

Или:

Житель Нск^{гость}

10 июля 2013 13:48

А будут убирать киоски с перехода у часовни?????????

В качестве примера проанализируем диалогический текст, созданный пользователем **Житель Нск^{гость}**.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется ситуативно-ориентированная макропропозиция. В тексте объективируется только текстообразовательный формант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного будущего» – *а будут убирать киоски с перехода у часовни?*, текстообразовательный детерминант коммуникативно не расчленен.

Вербальная актуализация диалогического текста сопровождается экспликацией синтагматических и парадигматических потенций ключевой лексемы из текста-объекта и, как следствие, таких способов его превербальной организации, как утверждение существования и реляция. С одной стороны, синтагматические связи ключевой лексемы *киоски* из текста-объекта способствуют актуализации предиката существования *будут убирать*. С другой стороны, парадигматические связи ключевых лексем из текста-объекта *киоски в переходах метро* способствуют появлению в тексте-цели лексем *киоски в переходе у часовни*; между ними устанавливаются гипергипонимические отношения.

Вариант 2. Второй вариант актуализации модели-примыкания характеризуется вербализацией **адресанто-ориентированной макропропозиции** и таких способов превербальной организации диалогического текста, как **утверждение существования и реляция**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-примыкание.

Информативный ракурс: адресанто-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способы внешней организации внутренней формы диалогического текста: утверждение существования и реляция.

Текстовый этап:

Максим^{гость}

10 июля 2013 11:56

Мнения разделились. Пора референдум проводить по поводу разрешения, запрещения торговли в метро. Но в некоторых узких переходах киоски реально мешают, когда людей много идет, это факт. Если уже так много сторонников запрета, то хотя бы убрать киоски из узких мест. Оставить только там, где достаточно пространства для свободного прохода в часы пик.

Или:

Старушенция^{гость}

10 июля 2013 11:41

Дело, наверное, не в том, чтобы закрывать всё, что удобно людям и пользуется спросом, а в том, чтобы не было НЕЗАКОННОЙ торговли.

Получается, чтобы прекратить торговлю мобильниками, надо закрыть ВСЕ киоски, от цветов до зонтиков-колготок.

В качестве примера проанализируем диалогический текст пользователя **Максим^{гость}**.

В процессе генезиса диалогического текста актуализируется адресанто-ориентированная макропропозиция. В тексте эксплицируется как текстообразова-

тельный детерминант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного настоящего» (мнения разделились по поводу разрешения, запрещения торговли в метро), так и текстообразовательный формант, образуемый прагматическим термом «образ коммуникативного будущего» (убрать киоски из узких мест. Оставить только там, где достаточно пространства для свободного прохода в часы пик). При этом текстообразовательный детерминант представляет собой характеризуемый компонент, а текстообразовательный детерминант – результирующий характеризующий компонент.

Вербальная актуализация диалогического текста определяется синтагматическими и парадигматическими связями ключевой лексемы из текста-объекта. Синтагматические связи ключевой лексемы из текста-объекта *киоски* способствуют появлению предикатов существования *убрать* и *оставить* в тексте-цели. Парадигматические связи ключевых лексем из текста-объекта *очистить от торговых киосков* способствуют появлению в тексте-цели лексем *убрать [киоски из узких мест] и оставить [только там, где достаточно пространства для свободного прохода в часы пик]*, связанных с ней отношениями синонимии и антонимии.

Вариант 3. Третий вариант реализации модели-примыкания характеризуется актуализацией **адресато-ориентированной макропропозиции** и такими способами превербальной организации диалогического текста, как **реляция и утверждение существования**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-примыкание.

Информативный ракурс: адресато-ориентированная макропропозиция.

Превербальный этап:

Способ внешней организации внутренней формы диалогического текста: реляция и утверждение существования.

Текстовый этап:

Виталька Каменский

10 июля 2013 13:40

в безлюдном уголке кто-то к вам пристанет и попросит «поделиться» Остальные же уверены: бизнес без тысяч проходящих мимо потенциальных покупателей пойдет «в минус»

Имхо, как то не стыкуется - при тысячах проходящих в безлюдном уголке....%)

Или:

Старушенция^{гость}

10 июля 2013 15:40

AAA,

«Россия из нищей третьесортной страны превратилась бы в государство для всего населения страны»

Это каким образом связано с закрытием киосков? Вроде, население активно против. Или вместо киосков сразу появится куча современных производств? Так, вроде, последние крупные предприятия в городе закрываются. Параллельно с киосками.

В качестве примера проанализируем диалогический текст пользователя **Старушенция^{гость}**. Этот

ФИЛОЛОГИЯ

текст является ответом субъекту следующего высказывания:

ААА ^{гость}

10 июля 2013 14:13

Молодец губернатор, что собрался закрыть барахолку на гусинке и в метро, сразу понятно, что от этих точек он личного интереса не имел, а то раньше было много говорильни, но реально никто ничего не делал, т.к. имел долю с этого бизнеса. Побольше бы таких руководителей в России, прежде всего в Москве и Россия из нищей третьесортной страны превратилась бы в государство для всего населения страны, а не для элиты, которая грабит страну, а потом уезжает проматывать деньги в Европу.

В процессе генезиса анализируемого диалогического текста актуализируется адресато-ориентированная макропропозиция. В тексте эксплицирован текстообразовательный формант, в составе которого выделяется текстообразовательный детерминант и собственно «формантная» часть. Текстообразовательный детерминант представлен pragматическим термом «образ коммуникативного будущего» – *Россия из нищей третьесортной страны превратилась бы в государство для всего населения страны*. Собственно формантная часть образована pragматическим термом «образ коммуникативного настоящего» – *Это каким образом связано с закрытием киосков?*

Вербальная модель актуализации диалогического текста определяется синтагматическими и парадигматическими потенциями ключевой лексемы из текста-объекта. В тексте-цели актуализируются синтагматические связи лексемы *это*, служащей обобщённой формой для содержания текста-объекта и способствующей появлению предиката существования *как связано*. Кроме этого, в тексте-цели констатируется отсутствие парадигматической связи между ключевой лексемы *это* и ключевого словосочетания *киосками в метро* – ключевой лексемы текста-цели. Ср.: *Это каким образом связано с закрытием киосков?*

Вариант 4. Четвертый вариант реализации модели-примыкания характеризуется актуализацией **адресанто-ориентированной** макропропозиции и такими способами превербальной организации диалогического текста, как **реляция и характеристизация**.

Дотекстовый этап:

Фатический ракурс: макропропозиция-примыкание.

Информативный ракурс: адресанто-ориентированная макропропозиция.

Литература

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940 – 1960 гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1997. 735 с.
2. Шпильная Н. Н. Деривационные основания русского диалогического текста / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 239 с.

Информация об авторе:

Шпильная Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания АлтГПУ, venata85@mail.ru.

Nadezda N. Shpilnaya – candidate of Philology, assistant professor of General and Russian Linguistics Department of Altai State Pedagogical University.

Превербальный этап:

Способ внешней организации внутренней формы диалогического текста: реляция и характеристизация.

Текстовый этап:

Олег ^{гость}

10 июля 2013 14:34

С одной стороны жалко, с другой – торговли в Нью Йоркской, Токийской или Тайбее и прочих подземках я тоже особенно не замечал, может и правильно.

Замиралова

10 июля 2013 12:26

А мне фиолетово: пусть убирают, только не вею я что все киоски уберут, все равно оставят союз печать, и еще парочку...

В качестве примера проанализируем диалогический текст пользователя **Олег^{гость}**. Генезис диалогического текста обусловлен актуализацией адресанто-ориентированной макропропозиции, о чем свидетельствует экспликация в тексте текстообразовательного детерминанта, образуемого pragматическим термом «образ коммуникативного будущего» (*торговые киоски в метро будут закрыты*), и текстообразовательного форманта, образуемого pragматическим термом «образ коммуникативного настоящего» (с одной стороны *жалко, с другой – торговли не замечал*). При этом текстообразовательный детерминант представляет собой характеризуемый компонент, а текстообразовательный формант – результирующее-характеризующий.

Вербальная модель актуализации диалогического текста осуществляется за счет использования таких способов его превербальной актуализации, как **характеризация и реляция**. Так, ключевые лексемы из текста-объекта *очистить все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков* детерминируют появление в тексте-цели оценочных лексем *жалко* и *правильно*, между которыми устанавливаются релятивные отношения – отношения контраста.

Подводя итоги, отметим, что деривация диалогического текста носит вариативный характер; множественность моделей его деривации отражает варьирование фатически- и информативно-ориентированных внутренних форм диалогического текста и способов его превербальной организации – характеристизации, утверждения как способов экспликации фатически-ориентированных внутренних форм и реляции как способа экспликации информативно-ориентированных внутренних форм

Статья поступила в редакцию 14.09.2015 г.

«ПИЩЕВАЯ МЕТАФОРА»: ОБЪЕМ И ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ
E. A. Юрина

«FOOD METAPHOR»: THE SCOPE AND LIMITS OF THE CONCEPT
E. A. Yurina

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: грант 14-04-00207 а – "Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание", 2014 – 2016 гг.

В статье рассматривается пищевая метафора как базовая когнитивная метафорическая модель «Нечто – это Еда». Частные метафорические модели, представленные в семантике образных слов и выражений русского языка и реализованные в дискурсивной практике, имеют общий «левый» компонент метафорической модели, в качестве которого выступает сфера-источник «ЕДА/ПИЩА». Метафорические проекции направлены в различные сферы внеязыковой действительности, наиболее частотными из которых являются «Человек» и «Социум». Вопрос об объеме и границах рассматриваемого термина связан с прикладной задачей составления словаря «Словаря русской пищевой метафоры» и касается критериев отнесения образного слова или выражения к данному типу метафор. Освещается периферия образного лексико-фразеологического поля «Еда», а также сферы пересечения пищевого кода культуры с другими кодами образной вербализации концептосферы в русском языке.

The article presents food metaphor as a basic cognitive metaphoric model “Something – is Food”. The particular metaphoric models presented in semantics of Russian language figurative words and expressions and implemented in discursive practice have the common “left” component of metaphoric model represented by the sphere-source “FOOD/MEAL”. Metaphoric projections are directed at different spheres of extralinguistic reality, the most frequent among them are “Man” and “Society”. The issue of scope and limits of the term under consideration is connected with an application task to draw up the glossary “The dictionary of Russian food metaphor” and related to criteria for attribution of figurative words and expressions to a certain metaphor type. The periphery of figurative lexical-phraseological field “Food” is covered, as well as the sphere of overlapping of food culture code with other codes of figurative verbalization of Russian language sphere of concept.

Ключевые слова: пищевая метафора, образная лексика, фразеология, словарь.

Keywords: food metaphor, figurative vocabulary, phraseology, dictionary.

В современной лингвистике активно изучается роль метафорических средств языка в создании национально и культурно окрашенной языковой картины мира. Методология исследования типовых образов национальной культуры опирается на положения теории языковой метафоры, когнитивной метафоры, об разности как языковой и ментальной категории (Н. Д. Арутюнова, О. И. Блинова, А. Н. Баранов, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Н. А. Илюхина, Г. Н. Скляревская, З. И. Резанова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов, Е. А. Юрина и др.). Значительные наработки имеются в области лингвокультурологических и когнитивных исследований ключевых концептов национального сознания, языковой концептуализации действительности и фрагментов языковой картины мира (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Г. Г. Слышик и др.).

Наблюдения за языком с позиций антропологической и культурологической лингвистики, представленные в указанных работах, убеждают в том, что чувственно-образное выражение идей в языке служит не только задачам украшения речи, а является одним из основных способов мышления человека. Современная когнитивная теория метафоры доказательно развивает тезис Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафорическое моделирование является одним из основных познавательных процессов в ментальной деятельности человека. Мы познаем что-то новое по аналогии с уже известным, осмысливаем нечто абст-

рактное по образу и подобию чувственных и зримых феноменов.

В задачи данной статьи входит определение понятия «пищевая метафора», использованное в названии недавно вышедшего в свет под редакцией автора «Словаря русской пищевой метафоры» [13]. Таким образом, обращение к данной теме осуществляется «пост фактум»: после того, как концепция была продумана, апробирована и реализована в словарной практике. Казалось бы, зачем? Ответ на этот вопрос содержит следующие аргументы. Во-первых, теоретические размышления в публикациях, посвященных обоснованию словарной концепции, отразили лишь общее представление о понимании пищевой метафоры, в то время как многие частные моменты, значимые для составления словаря и связанные с границами включаемого в словарь материала, оказались неосвещенными. Во-вторых, отклики на публикации и доклады авторов-составителей словаря со стороны рецензентов и заинтересованных коллег-специалистов содержали повторяющиеся вопросы относительно квалификации того или иного метафорического значения слова или выражения как соответствующего или не соответствующего понятию «пищевой метафоры». Именно эти дискуссионные случаи и будут рассмотрены в данной статье. В-третьих, пищевая метафора находится на пересечении культурных кодов, посредством которых осуществляется образное отражение мира в языке; анализ «фронтира» пищево-

го кода культуры представляет интерес с лингвокультурологической точки зрения.

Под базовой когнитивной метафорической (метонимической) моделью, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, А. Н. Барановым, А. П. Чудиновым, понимается устойчивая аналогия, основанная на сходстве (смежности – для метонимии) между нетождественными явлениями различных концептуальных сфер, обеспечивающая осмысление познаваемого феномена из сферы-мишени в «терминах» прототипического феномена из сферы-источника [4; 9; 17 – 18]. Не только базовые метафорические модели носят универсальный характер и присутствуют во всех языках мира. Также обнаруживается множество частных устойчивых аналогий между метафорически уподобляемыми явлениями. Например, форма кулинарного изделия выступает образным эталоном для характеристики формы части тела человека (рус. *калач* ‘собранные в пучок и закрученные в кольцо волосы в женской прической’; итал. *спагетти* ‘длинные прямые волосы’; казах. *баурсак* ‘о пухлых щечках, напоминающих изделие из теста в форме небольшого шарика’); свойство продукта питания метафорически проецируется на черты характера человека (рус. *сухарь* ‘равнодушный, неэмоциональный человек, словно жесткий, как сухарь’; итал. *рикотта* ‘о бесхарактерном, слабоволновом человеке, напоминающем мягкий сыр’; казах. *бал* (мед) ‘о милом, любимом ребенке, словно сладком, как мед’). Всё это свидетельствует об универсальности гастрономических образов как источника метафорических аналогий и характеристик широкого круга объектов действительности.

Итак, компонент «метафора» в анализируемом термине понимается нами в его когнитивном значении как метафорическая модель, укорененная в сознании носителей языка и регулярно воспроизвождимая в речи. Сферой-источником всевозможных метафорических проекций выступает понятийная область «Еда/Пища», а сферой мишенью – различные концептуальные сферы, явления которых подлежат метафорической номинации и образному означиванию. Пищевая метафора реализует центробежную тенденцию метафорического миромоделирования, объединяя частные метафорические модели по их общему «левому» компоненту (сфере-донору).

Метафорические модели как концептуальные структуры нашего мышления объективируются в языке посредством образных языковых единиц с метафорической семантикой. В их числе языковые метафоры – *каша* ‘неразбериха, путаница’; *сливки* ‘самая лучшая часть чего-л.’; образные слова с метафорической внутренней формой – *однокашник* ‘соученик, товарищ по учёбе’, *заваруха* ‘хлопотное дело’, *подмаслить* ‘задобрить, расположить к себе лестью, подарками’; устойчивые словосочетания, реализующие уподобление – *свернуться/сложить ноги калачиком/калачиком*, *сладкий как мёд* ‘о чём-л. приятном: голосе, словах и т. п.’; идиомы разной структуры – *как сыр в масле кататься* ‘жить в достатке, в наилучших условиях’, *вешать лапшу на уши* ‘обманывать’; образные перифразы – *уголь – хлеб индустрии*; пословицы и поговорки – *Ничего слаще морковки не пробовал* ‘жил небогато, не знал роскоши’, *Семеро с ложкой, а один с сошкой* ‘кто-л. выполняет основ-

ную работу, в то время как другие пользуются результатами его труда’ и под.

Оптимальной моделью для лингвистического представления устройства общеязыковой образной системы является **образное лексико-фразеологическое поле**, объединяющее слова и выражения на основании единства исходного мотивирующего образа (метафоризуемого концепта). Рассматриваемое нами образное лексико-фразеологическое поле «Еда» объединяет слова и выражения, мотивированные наименованиями явлений гастрономической сферы, и демонстрирует реализацию в определенном национальном языке когнитивной метафорической модели «Нечто – это Еда». Таким образом, компонент «пищевая» в составе термина «пищевая метафора» указывает на исходную концептуальную область метафорической экспансии – сферу-источник. Лексема *еда* выступает именем смысловой доминанты образного поля и номинирует метафоризуемый мегаконцепт, имеющий сложную пропозиционально-динамическую сценарную структуру и охватывающий широкий круг явлений внеязыковой действительности, относящихся к гастрономической сфере.

Концептуальная структура исходной семантической области отражает обобщенный типовой сценарий ЕДЫ в широком смысле этого понятия. Сценарий включает две основные стереотипные ситуации: 1) ситуацию приготовления субъектом блюд из определенных продуктов (*вариться в собственном соку* ‘жить, работать, решать какие-то вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не общаясь’) и 2) ситуацию поглощения субъектом готовых блюд (*поедом есть* ‘досаждать придирками, критикой’). А также третью ситуацию кормления (*кормить завтраками* ‘давать пустые обещания’), в котором процесс поглощения пищи совершается при помощи посредника.

Каждая ситуация предполагает наличие определенных участников – субъектов гастрономической деятельности (повар, едок) и их состояния (*эмоциональный голод* ‘острый недостаток эмоциональных контактов’, *жаждеда на жижи* ‘страстное стремление к обогащению’, *пресытиться* ‘удовлетворить потребность в чём-л. полностью, сверх меры’); определенные объекты (*зavarить кашу* ‘затеять хлопотное дело’), инструменты (*есть из одной чашки* ‘находиться в близких доверительных отношениях’), локусы (*кухня* ‘скрытая сторона какой-л. деятельности’) и прочие обстоятельства, в которых протекают процессы приготовления и поглощения пищи (*растя как на дрожжах* ‘быстро и интенсивно прибавлять в росте (о человеке), в количестве (об имуществе, деньгах, процентах и т. п.)’, *подавать что-л. под каким-л. соусом* ‘преподносить информацию под определенным углом зрения’).

Обобщенный типовой сценарий, маркированный лексемами с наиболее общим, «неспециализированным» значением еды и питья (*есть, пить, кушать, кормить, питаться, лизать, грызть, сытый, голодный, голод, жаждеда, еда, пища, аппетит, аппетитный, вкусный, кухня* и под.) конкретизируется в ситуациях приготовления и поглощения определенных видов продуктов и блюд, образы которых задействованы в качестве образного основания для целых

групп образных единиц, составляющих тематические микрополя. Например, микрополе «блюда, приготовление на воде» (*варить, каша, бульон*), «блюда, приготовленные из измельченных ингредиентов» (*кро-*

шить ‘нарезать’, *мешать, винегрет* и под.), «изделия из теста» (*месить, тесто, стяпать, печь, пироги*) и т. д.

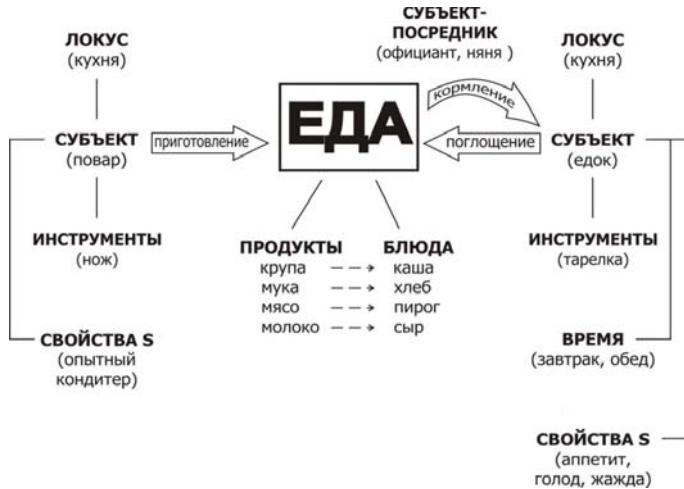

Рис. Модель концептуальной структуры исходного мотивирующего под поля «ЕДА»

Задействованные в образной номинации представления о самих кулинарных блюдах и продуктах питания, включающие знания об их форме, размере, вкусе, запахе, структуре, консистенции и т. п., в рассматриваемой сценарной структуре находятся на пересечении ситуаций их приготовления и поглощения. Блюдо (продукт питания) выступает и как результат процесса приготовления, и как объект, на который направлено действие поглощения. Например, выражение *состряпать статью* ‘быстро и не вполне качественно написать’ отражает образную ассоциацию с процессом приготовления блюда: автор статьи – повар, процесс написания – столярня, статья – не вполне качественное кушанье. А выражение *аппетитная пышка* ‘привлекательная полная девочка’ несёт образную ассоциацию с ситуацией поглощения блюда: полная девочка – пышка, внешняя привлекательность человека, вызывающая интерес и симпатию со стороны говорящего, – прекрасные вкусовые и внешние качества продукта, вызывающие аппетит со стороны субъекта восприятия.

Исходная концептуальная область «Еда/Пища» выступает в качестве источника разнообразных метафорических проекций в такие понятийные сферы, как «Человек»: «внешность», «характер», «поведение» и др.; «Социум»: «межличностные отношения», «социальная деятельность», «политика», «экономика», «культура»; «Время», «Пространство», «Животные», «Растения», «Натурфакты», «Артефакты» и некоторые другие. Приведем некоторые примеры:

– внешность человека – *мучнистый* ‘бледный, с серовато-белой кожей’ – «Я так и видела его солидное, *мучнистое, картофельное* лицо, просторные уши, зачес поперек плеши» (Грекова);

– интеллект – *нашигованный, напичканный* ‘обладающий знаниями’ «Беседуешь иногда с мамой и чувствуешь, что она *нашигована* новыми воспитательными установками, как рождественский гусь яблоками» (Медведева); «И здесь перед нами, с одной

стороны, изображенный не без иронии *ното soveticis, напичканный* идеологическими, газетными, телевизионными клише советской эпохи» (Кулагин);

– политика – *кормиться* ‘получать информацию’, *разжевывать* ‘разъяснять до мелочей’: «Ведь избиратель у нас ленивый, *кормится* лозунгами, в партийные программы предпочитает не залезать и любит, когда ему все *разжевывают*» (Ратиани);

– экономика – *жрать, пожирать, сожрать* ‘уменьшить доходы до предела, обесценить деньги (об инфляции)’: «И опять я повторюсь – нам приходится облагать дополнительным налогом сверхприбыль нефтяников, чтобы инфляция не *сожрала* деньги малообеспеченных» (Мытарев);

– животные – *бубликом, баракой* ‘о загнутом в форме кольца хвосте собаки’: «Увидев меня, мопс *пришел в бурный восторг и принялся прыгать, повизгивая и виляя скрученным в бублик хвостом*» (Донцова); «Пес был стопроцентной дворняжкой, рыжей, с острыми ушами и большим пушистым хвостом, загнутым *баракой*» (Куликова);

– артефакты – *бананы* ‘брюки, расширяющиеся до уровня колен и суживающиеся к низу’: «Без оглядики на традиции они вломились в правительственные цитадели в штанах – *бананах*, малиновых пиджаках, невероятной расцветки галстуках, долгополых кашемировых пальто и лакированных жокейских сапожках» (Грищенко).

Все приведенные выше примеры демонстрируют ядро лексико-фразеологического поля «Еда», и их отнесение к пищевой метафоре не вызывает сомнения. Дискуссионным оказался вопрос о включении в «Словарь русской пищевой метафоры» единиц, составляющих периферию данного поля. Например, *старый мухомор* ‘надоедливый старик’: «А все равно он не так прост, как хочет казаться. Очень даже себе на уме, *старый мухомор*. Мастер наводить тень на плетень» (Гандлевский), *как бледная поганка* ‘о человеке с бледной кожей’: «Публично отчи-

танская девушка яростно терла щеки, снимая излишек косметики. От унижения у нее дрожали руки. – **Как бледная поганка!** – ...Девица снова взяла зеркальце и попыталась опять нанести краску» (Моспан), **шелуха** ‘что-л. несущественное, глупое, не заслуживающее внимания’: «**Но если отбросить словесную шелуху, то в основе всего – страх** («Аргументы и факты»), **слететь как шелуха** ‘исчезнуть, удастся, обнажая что-л. спрятанное, сокрытое’: «**Цыбашев сцарапнул несколько строчек, они отвалились, как шелуха, прикрывающая истинный их смысл, и он прочел на бумаге совсем другое, не для людей, настолько страшное и мерзкое, что закричал и в страхе откинулся прочь проклятую книгу**» (Елизаров), **по-мои** ‘жидкая невкусная пища, некрепкий чай, кофе’: «**Такой же невкусный оказался и чай – не чай, а по-мои**» (Павлов), **остались рожки да ножки** ‘почти ничего не осталось’: «**Чувство торжества, которое я испытал при первом взгляде на статью, не омрачило ни то, что от написанного лично мною остались рожки да ножки, ни то, что над моим именем стояло другое**» (Рубин).

Вопрос о границах понятия «пищевая метафора» в семантическом аспекте решается с позиций теории семантического поля, в котором языковые элементы распределяются от ядра к периферии, а также с учетом имплицитной пропозициональной семантики, находящейся в пресуппозиции. Критерием для квалификации образной единицы как слова или выражения, репрезентирующего пищевую метафору, является наличие во внутренней форме номинации (мотивирующем значении) семантических компонентов ‘еда/пища’, входящих либо в ядро семантики мотивирующих единиц (**блин луны**), либо формирующих смысловую периферию (**остались рожки да ножки**). Пограничную зону пищевой метафоры составляют слова и выражения, основанные на образах остатков пищи, несъедобных продуктов, которые по ошибке могут быть съедены (ядовитые грибы), несъедобные части продуктов питания (кости, скорлупа). В связи с этим такие слова, как **шелуха, скорлупа, фантик** (от конфеты) в метафорических значениях и в составе образных выражений включаются в состав пищевой метафоры: **конфетный фантик / обёртка от конфеты** ‘что-л. привлекательное исключительно с внешней стороны, не имеющее истинной ценности, значимости’: «**Вот тогда люди смогут выбирать не блестящую «обертку от конфетки», а того кандидата, который реализует их желания наиболее эффективно**» («Новая газета»).

Кроме того, обсуждался вопрос о правомерности включения в состав пищевой метафоры образных слов и выражений, основанных на образах фруктов, овощей, ягод в том случае, если аспект метафоризации связан не с их собственно пищевыми качествами, а с формой, размером, цветом, плотностью и другими свойствами, воспринимаемыми не во вкусовой модальности. Например, **глазное яблоко** ‘анатомический термин, называющий глаз’: «**Отвернувшись в сторону, я несколько раз сильно надавил большим и указательным пальцами на оба своих глазных яблока – чтобы они покраснели и веки припухли**» (Рубанов), **грушевидный** ‘имеющий форму округлого конуса, зауженного посередине, напоминающий грушу’:

«**Оптическая звезда не материальная точка, а имеет значительные размеры, грушевидную форму и сложное распределение температуры на поверхности**» («Вестник РАН»), **малиновый** ‘насыщенный розовый с фиолетовым оттенком, подобный цвету ягод малины’: «**Милиционер в малиновой фуражке тянул ко мне ладонь** (Окуджава), **с рисовое зёрнышко** ‘о чём-л. очень маленьком’: «**По всем расчетам, в начале июня, то есть в тот день, когда мама, неся меня под сердцем, отправилась в путь, я был величиной с рисовое зёрнышко**» (Нахапетов) и под.

С точки зрения составителей словаря, все выше-названные примеры относятся к пищевой метафоре на основании принадлежности исходных образов к сфере «ЕДА/ПИЩА». Именно этот критерийложен нами в основание моделирования образного поля. Характер уподобления может быть различным: основанным на сходстве зрительно воспринимаемых признаков (формы, размера, цвета), тактильных свойствах (консистенция), на символическом переосмыслинении качества или на функциональном уподоблении ситуаций. Кроме того, следует отметить, что пищевой код культуры, представленный в данных образных номинациях, находится в отношениях пересечения с другими кодами образной вербализации тезауруса [19, с. 7]. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Термин «код» в гуманитарном знании употребляется в двух значениях:

1) система условных обозначений идеальных понятий материальными знаками;

2) система условного обозначения одного значения посредством формы другого значения. Согласно определению М. Л. Ковшовой, «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором» [7, с. 60].

Н. Ф. Алефиренко определяет код культуры как систему означивания, то есть сформированную стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов, которые используются в процессах смыслообразования и репрезентации смыслов [1, с. 61 – 62]. Обобщая определения предшественников и исходя из проблемного контекста нашего исследования, предлагаем следующее определение понятия: код культуры – это исторически сложившаяся нормативно-ценностная система вторичного означивания, несущая в себе культурную информацию о мире и социуме, структурирующая и организующая этнокультурное сознание и проявляющаяся в процессах категоризации мира и языкового миромоделирования.

В культуре известны антропоморфный («человек»), соматический/телесный («организм»), зооморфный («животное»), фитоморфный («растение»), пищевой/глютонический/кулинарный («пища»), биоморфный («живое существо»), фетиший/предметный/вещный («предмет»), анимический («природная стихия»), акциональный («действие»), духовный («ценности»). В. В. Красных выделяет 6 базовых, наиболее крупных кодов: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. Остальные, по мнению автора, могут являть-

ся частными разновидностями базовых. В современной русистике получают описание антропоморфный, соматический, предметный, зооморфный, фитоморфный и другие типы кодов.

Вслед за В. Н. Телия, В. В. Красных, Г. В. Токаревым считаем, что «культурный код можно определить по базовому образу в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций» [8, с. 281]. Это определение вписывается также в терминосистему мотивологической теории образности, согласно которой именно внутренняя форма слова и фразеологии является внутрисловным средством выражения их образности [21].

Пищевой код находится во взаимодействии с другими культурными кодами. Очевидно пересечение пищевого кода с предметным, так как блюда национальной кухни, кулинарные изделия – это явления вещного мира, артефакты. Пересечение с анимическим (природным) кодом обусловлено тем, что исходными продуктами и ингредиентами многих блюд являются природные вещества: вода, соль. Анимический код, включающий зооморфный, растительный, соматический коды, частично входит в пищевой, поскольку в пищу употребляются различные части растений, части тела и органы животных. Существенная зона пересечения наблюдается с антропоморфным кодом, так как процессы приготовления и поглощения пищи осуществляются человеком, связаны с его физическими действиями, физиологическими процессами, чувственным восприятием. Акциональный код культуры связан с процессами приготовления блюд. На этом основании ряд образных слов и выражений могут интерпретироваться одновременно как пищевые и фитоморфные метфоры (*кочан / репа / тыква* ‘голова’), пищевые и соматические (*бросать кости* ‘при распределении средств отделяться мелкой подачкой’), пищевые и вещные (*булочки* ‘округлые, полные и мягкие части тела человека’), пищевые и натуromорфные (*соль* ‘основной смысл, суть чего-л.’),

пищевые и анимические (*съесть купюру* ‘поместить внутрь устройств, принимающих платежные средства’, *жеваный* ‘измятый’) и т. п.

Таким образом, составителями «Словаря русской пищевой метафоры» при отборе материала был реализован широкий подход к определению границ пищевой метафоры. Материалы словаря показывают продуктивность использования пищевой метафоры в современной дискурсивной практике, что обусловлено высокой значимостью гастрономической сферы в жизнедеятельности человека. Гастрономическая сфера в целом и отдельные ее части становятся основой концептуализации мира, представляют собой один из важнейших этнических модулей, посредством которого люди выстраивают свой национально специфический образ мира. Образы еды зримы, ощущимы, понятны и узнаваемы. Ментальные представления о пищевых продуктах хранятся в памяти человека в виде предельно ярких, наглядных картинок-гештальтов, а также фреймов и слотов определенного сценария приготовления и поглощения еды. С пищей связан целый спектр сенсорных ощущений, возникающих по различным каналам восприятия: визуальный облик (форма, размер, цвет, структура, консистенция), запах, вкус, тактильные, температурные и даже звуковые ощущения. Эти образы связаны устойчивыми ассоциациями с эмоциональными и физиологическими чувствами человека – голод, аппетит, удовольствие, раздражение, опьянение и т. п. Это делает кулинарную метафору предельно психологически релевантной при описании самых разнообразных феноменов из области материальной, психической, ментальной и абстрактно-категориальной сфер действительности. Подобная сенсорная и эмоционально-психологическая наполненность кулинарных образов, их культурно-символическая и культурно-ценностная значимость делают кулинарную метафору предельно эффективным средством эмоционально-психологического воздействия на адресата речи.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Академия, 2002. 394 с.
2. Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2003. 351 с.
3. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
4. Баранов А. Н., Карапулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз., 1991. 193 с.
5. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
6. Илюхина Н. А. О взаимодействии когнитивных механизмов метафоры и метонимии в процессах порождения и развития образности // Вестник Самарского гос. ун-та. 2005. № 1(35). С. 138 – 154.
7. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. (Серия: Литературы и языка). 2008. № 2. Т. 67. С. 60 – 65.
8. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
9. Миронова М. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические презентации: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 280 с.
10. Похлебкин А. В. Из истории русской кулинарной культуры. М.: Центрполиграф, 1997. 640 с.
11. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
12. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
13. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26 – 52.

15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 285 с.
16. Токарев Г. В. Лингвокультурология. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.
17. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.
18. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2005. 257 с.
19. Шестак Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 321 с.
20. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау: «Келешек-2030», 2013. 240 с.
21. Юрина Е. А. Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 129 – 144.

Информация об авторе:

Юрина Елена Андреевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка НИ ТГУ, yourina2007@yandex.ru.

Elena A. Yurina – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию 30.07.2015 г.

УДК 811.11.112.2

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОМОНИМИЧНЫХ ПРЕФИКСОВ
И ПРИГЛАГОЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ
НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ**

Л. А. Юшкова

**SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF HOMONYMOUS PREFIXES
AND PREVERBAL PARTICLES IN MODERN GERMAN COLLOQUIAL VOCABULARY**

L. A. Yushkova

В статье представлены результаты исследования, предметом которого являются прилагольные частицы пространственного характера *'durch*, *'über*-, *'um*-, *'hinter*-, *'unter*- и омонимичные им префиксы. Исследование проводилось на материале коллоквиальной лексики современного немецкого языка. В статье затрагивается вопрос определения статуса омонимичных словообразовательных элементов и производных единиц с их участием, делаются выводы о степени продуктивности и активности перечисленных выше словообразовательных элементов. Далее рассматриваются различные аспекты внутренней валентности глагольных лексем, образованных с участием омонимичных прилагольных компонентов и префиксов. Особое внимание уделяется семантическому аспекту, при этом учитываются особенности словообразовательной мотивированности проанализированных глагольных единиц и префиксальных глаголов. Также представлен пример анализа отдельных значений прилагольной частицы *über*- в их взаимосвязи, который дает представление о семантическом инварианте, лежащем в основе развития значений соответствующего словообразовательного элемента и объединяющем те лексико-семантические варианты, которые реализуются в рамках той или иной словообразовательной модели в разговорной лексике немецкого языка.

The article describes the results of the research into the preverbal particles of spatial character *'durch*, *'über*-, *'um*-, *'hinter*-, *'unter*-, and their homonymous prefixes. The research is based on the colloquial vocabulary of the modern German language. The article deals with the homonymous word-formative elements and also derivative words with these elements as well as their status determination. Conclusions about the degree of their productivity are drawn. The text gives information on various aspects of inner valency of verbal lexical units, derived with the help of homonymous preverbal components and prefixes. Much attention is given to the semantic aspect and the specific character of word-formative motivation of the analyzed verbal units and preverbal verbs. An example of some meanings of the preverbal particle *über*- in their interrelation is given. The example shows the semantic invariant underlying the development of the word-formative element meanings and combining the lexical-semantic variants realized in this or that word-formative model in colloquial German.

Ключевые слова: немецкая коллоквиальная лексика, глагольное словообразование, прилагольные частицы, префиксы.

Keywords: German colloquial vocabulary, verbal word-building, preverbal particles, prefixes.

Основная цель представленного в данной статье исследования заключалась в том, чтобы проанализировать и сопоставить особенности функционирования прилагольных частиц предложного характера и омонимичных им префиксов в рамках словообразования современной немецкой коллоквиальной глагольной лексики. Основной корпус примеров был отобран методом сплошной выборки из Универсального словаря немецкого языка Duden. В качестве источников практического материала использовались также электронные словари и ресурсы „Sprachnudeln. Wörterbuch der Jetzsprache“, „MundMische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache“, Электронный словарь немецкого языка XX века (DWDS).

Немецкая глагольная лексика – это особый пласт, который включает явления, имеющие как сходства, так и различия с точки зрения их структуры, семантики, синтаксических особенностей и функционирования. Неоднородность этого лексического пласта и наличие внутри него проблемных переходных явлений объясняет традиционно высокий интерес к нему со стороны германистов. Особые трудности представляет собой проблема классификации немецкой глагольной лексики, связанная с дискуссионностью вопроса о выборе критериев разграничения отдельных явлений. Попытки представить максимально подробную и объективную классификацию современной немецкой глагольной лексики предпринимали как зарубежные, так и отечественные лингвисты (М. Д. Степанова [7], В. Фляйшер [10], К. А. Левковская [3], М. В. Раевский [5], У. Энгель [9], Ф. Хундснуршер [13]; Л. Айхингер [8] и др.).

Внутри немецкой глагольной лексики обычно выделяют следующие группы [1, с. 6 – 10]:

- 1) корневые глаголы;
- 2) производные глаголы с непроизводными основами (безаффиксные производные глаголы) с чередованием гласных или без него;
- 3) префиксальные глаголы;
- 4) суффиксальные глаголы;
- 5) префиксально-суффиксальные глаголы;
- 6) сложные глаголы;

7) глагольные единицы – обширная группа, которая объединяет все так называемые «разделяемые глагольные словообразовательные конструкции» [6, с. 65].

Наиболее проблемные явления в немецкой лексике представляют собой «сложные глаголы», правомерность выделения которых в отдельную группу нередко ставится под сомнение [13, с. 40; 12, с. 51], и так называемые глагольные единицы. Этот термин объединяет глагольные лексемы с превербальными компонентами, формально и семантически соотносящиеся с основами самостоятельно функционирующих лексем разных частей речи. Функционально соответствуя приставкам (серийное использование, роль модификатора глагольной основы), эти единицы не имеют стабильного положения в слове. В соответствии с данным определением в эту группу попадают следующие типы глагольных единиц:

1) глагольные единицы с прилагольными частями, омонимичными предлогам (auf, aus, mit, nach и др.);

2) глагольные единицы с прилагольными частями, омонимичными наречиям (hier, hierunter, hin, hinauf, weg и др.);

3) глагольные единицы с прилагольными частями, омонимичными прилагательным (fest, frei, hoch и др.);

4) глагольные единицы с прилагольными частями, омонимичными существительным [10, с. 92].

Каждый из перечисленных типов глагольных единиц имеет свою специфику, на основании которой возможна их дифференциация. Помимо этого, некоторые из представленных типов требуют ограничения от смежных с ними явлений. Это касается, в первую очередь, глагольных единиц с прилагольными частями предложного характера, которые имеют в лексической системе немецкого языка омонимичные соответствия в виде префиксальных глаголов.

Различия между глагольными единицами с отделяемыми компонентами и смежными, формально (омографически) идентичными им глагольными лексемами с неотделяемыми компонентами (umschreiben / um'schreiben) определяются в первую очередь на основании фонологического критерия и критерия сохранения типичной последовательности компонентов, так как неотделяемые компоненты в остальном ведут себя подобно префиксам [16, с. 294; 15, с. 157]. Дополнительно следует указать на то, что единицы с неотделяемыми превербами являются, как правило, переходными [17, с. 58], однако эта особенность не может использоваться в качестве критерия, ограничивающего их от омографических глагольных единиц с отделяемыми компонентами, так как отделяемые единицы могут быть как переходными, так и непереходными. В качестве семантического критерия указывают на абстрактность значения, выражаемого неотделяемыми глагольными компонентами [10, с. 392], однако, абстрактность семантики является одним из отличительных признаков также отделяемых прилагольных компонентов предложного характера.

При сравнении глагольных единиц с омографичными префиксальными глаголами выясняется, что единственное – но при этом весьма существенное – отличие рассматриваемых неотделяемых превербов от прочих префиксов заключается в их соответствии самостоятельным словам – омонимичным предлогам. Фонологически и функционально они соответствуют префиксам, что дает основания рассматривать содержащие их глагольные единицы как дериваты [16, с. 294], а неотделяемые превербы – как префиксы [10, с. 392 – 395]. Таким образом, с позиции синхронного подхода отношения, существующие между формально идентичными отделяемыми и неотделяемыми первыми компонентами глагольных лексем, можно трактовать как омонимичные на том основании, что эти компоненты относятся к разным словообразовательным элементам – к прилагольным частям предложного характера и префиксам соответственно. Глагольные лексемы с отделяемыми компонентами (прилагольными частями) и с неотделяемыми компонентами (префиксами), не обладающие близким или тождественным значением, можно считать омографами, образованными по разным словообразовательным моделям.

Если принять во внимание происхождение глагольных единиц с прилагольными частицами и формально тождественных им префиксальных глаголов от одних мотивирующих лексем, то на первый план выступает семантическая общность, отмечаяющаяся у большинства таких пар: 'durchleuchten – durch'leuchten, 'umschreiben – um'schreiben, обусловленная не только использованием одной основы, но и семантической близостью прилагольных элементов. Такие случаи можно отнести к проявлениям словообразовательной синонимии, так как речь идет о лексемах, образованных с участием различных словообразовательных средств, но имеющих одну корневую морфему.

Исследование префиксальных глаголов и глагольных единиц с омонимичными первыми компонентами, проведенное на материале 96 единиц коллоквиальной глагольной лексики современного немецкого языка, позволило прийти к общему выводу о том, что продуктивность и активность омонимичных глагольных префиксов и прилагольных частиц имеют значительные отличия. Прилагольные частицы продуктивны и активны в немецком разговорном словообразовании, так же как и в общеупотребительном, при этом количество примеров свидетельствует об их сравнительно высокой активности. Наибольшую активность в разговорной немецкой лексике имеет компонент *durch-* (54 единицы), а также компоненты 'über- (14 единиц), 'um- (12 единиц), *hinter-* (12 единиц), 'unter- (10 единиц). Исключение составляет модель образования глагольных единиц с частицей *wider-*, которая, скорее всего, так же как и модель префиксальных глаголов с *wider-*, непродуктивна в словообразовании разговорной лексики немецкого языка: в выборке примеры лексем с этими компонентами отсутствуют.

В отличие от прилагольных частиц аналогичные им префиксы малопродуктивны, либо не продуктивны в словообразовании немецкой разговорной лексики. Например, отмечено всего по два глагола, образованных при участии префиксов *durch-*, *über-* и *unter-*: *durch'sieben* – «продырявить, изрешетить», *durch'stöbern* – «1. перерыть, обыскать все в поисках чего-либо; 2. рыться в чем-то в поисках чего-либо», *über'pinseln* – «нарисовать сверху», *über'tun* – «надеть что-либо сверху (об одежде)», *unter'breiten* – «представить на одобрение, представлять на рассмотрение, докладывать, сообщать», *unter'wältigen* – «сдаться кому-либо, сдаться».

Несмотря на разнообразие и универсальный характер значений префикса *um-*, а также на его продуктивность в общеупотребительной немецкой лексике, ни одного глагола с этим префиксом в выборке не обнаружено. В выборке также не представлено ни одного глагола с префиксом *hinter-*. На этом основании можно говорить о непродуктивности данных префиксов в разговорной лексике немецкого языка. Этот вывод соотносится с результатом исследования, проведенного В. Фляйшером на материале немецкой лексики [10, с. 393].

При наличии омографических пар наблюдается закономерность, которая заключается в том, что при помощи отделяемого прилагольного компонента образуется разговорная лексема, ее общеупотребительный омограф образуется путем добавления омо-

нимичного префикса: 'überwiegen – (разг.) «весить слишком много» / *über'wiegen* – «1. иметь наибольшее значение для чего-либо, быть определяющим фактором в чем-либо; 2. иметь большее значение, вес, чем кто-либо (что-либо)»; 'übersehen – (разг.) «смотреться досыта, до отвращения / *über'sehen* – 1. окидывать, охватывать взглядом; 2. упускать из виду; 3. смотреть сквозь пальцы на что-либо»; 'umgeben – (разг.) «повязать кому-либо что-либо (об одежде)» / *um'geben* – «окружать». Такая закономерность дополнительно подтверждает факт преимущественного использования прилагольных частиц в словообразовании разговорных лексем, тогда как формально совпадающие с ними префиксы продуктивны преимущественно в словообразовании общеупотребительной лексики.

Заметных различий во внутренней валентности глагольных единиц и префиксальных глаголов с омонимичными первыми компонентами не обнаруживается. Как прилагольные частицы, так и формально тождественные им префиксы в подавляющем большинстве случаев присоединяются к двусложным корневым (*tippen, gucken, gehen, malen*) либо безаффиксным производным (*bügeln, pinseln, buttern, plumpsen*) глагольным основам исконного происхождения. Использование многосложных производящих основ (состоящих из более чем двух слов) нехарактерно для анализируемых глагольных лексем.

Среди рассмотренных глаголов встречаются единичные лексемы, мотивированные существительным или устойчивым словосочетанием. В подобных случаях мы усматриваем не только усложнение морфемной структуры производящей основы за счет добавления модифицирующего компонента, но и одновременное морфологическое преобразование основы по типу конверсии как варианта перекатегоризации основ, заключающегося в переходе основы в разряд другой части речи: *durch'sieben* – «продырявить, изрешетить» (от *Sieb, m* – « сито»).

Глагол *unter'wältigen* – «сдаться кому-либо, сдаться», – который при формальном рассмотрении представляется мотивированным существительным *die Gewalt* – «власть, сила; могущество», – требует более внимательного рассмотрения. Главным образом он представляет собой результат контаминационного соединения компонентов глагольных лексем – *überwältigen* и *unterkriegen*, которые принимают равное участие в мотивации глагола *unterwältigen* и в формировании его значения.

Мотивация устойчивым словосочетанием осуществляется по типу морфологической дефразеологизации [18, с. 103]: 'durchboxen – 1. проталкиваться, протискиваться сквозь что-либо; 2. активно добиваться чего-либо, энергично пробивать себе дорогу (от *sich durch die Welt boxen* – завоевывать себе место под солнцем).

К крайне редким случаям относится использование при образовании анализируемых единиц производной глагольной основы – префиксальной или суффиксальной (отмечено четыре примера): 'umbehalten – «не снимать какой-либо предмет одежды, который носят повязанным (шаль, передник)» (от *behalten* – «сохранять»), 'überbekommen – «1. быть сытым по горло чем-либо, пресытиться; 2. в „einen/eins/ein paar

überbekommen“ – получить удар, оплеуху» (от bekommen – «получать»), **‘durchwursteln** (**durchwursteln**), **sich** – «кое-как, с трудом, некоторое время перебиваться, содержать себя» (от (разг.) *wursteln* – «работать спустя рукава»).

Очень редко встречается использование экзогенных производящих основ (отмечено два примера) **‘durchlavieren**, **sich** – «ловко пробиться, продвинуться, используя все преимущества» (от *lavieren* – «1. лавировать; 2. изворачиваться»), **‘durchexerzieren** – «изучать, разучивать, затренировывать, проделать от начала до конца» (от *exerzieren* – «обучать строю»). В связи с этим представляется важным отметить, что правило одинакового генезиса для компонентов производного слова сохраняется в немецкой разговорной глагольной лексике, несмотря на то, что в последние годы в немецком языке наблюдается общая тенденция к увеличению гибридных лексем (в первую очередь, существительных) [6, с. 174; 4, с. 70; 10, с. 102 – 103].

Прилагольные частицы предложного характера и омонимичные им префиксы не имеют существенных отличий в лексико-семантической сочетаемости с производящими основами. К наиболее заметным отличиям относится тот факт, что прилагольные частицы активно сочетаются с основами глаголов широкой семантики, например, с модальными глаголами и глаголами *haben*, *brauchen*, *tun*, *machen*: **‘umhaben** – «носить какой-либо предмет одежды на себе, повязанным», **‘umlassen** – «оставить повязанным или надетым вокруг какой-либо части тела», **‘ummachen** – «1. обмотать, повязать; 2. обтесывать, окучивать, мотыжить», **‘durchkönnen** – «пройти, проехать сквозь/ через что-либо, мимо чего-либо, между чем-либо», **‘durchkriegen** – «1. просунуть, вытащить; 2. выходить большого», **‘überbleiben** – «остаться от чего-либо, после чего-либо», **‘überhaben** – «1. носить один (более свободный) предмет гардероба поверх другого; 2. пресытиться чем-либо». Среди всех рассмотренных примеров префиксальных глаголов был обнаружен только один подобный случай: **über’tun** – надеть что-либо сверху (об одежде).

Большинство из рассмотренных глагольных единиц и префиксальных глаголов с омонимичными компонентами образованы от основ глаголов со значением конкретного действия. При этом чаще всего действие, обозначаемое глагольной основой, характеризуется при помощи соответствующей предложной частицы или префикса по характеру его выполнения: **‘durchwaschen** – постирать что-то небольшое, простирнуть (от *waschen* – стирать): „Sie hat die Strümpfe durchgewaschen“ (DO); **‘übermalen** – «выйти за границы рисунка при раскрашивании» (от *malen* – «рисовать»), **‘hinterschlucken** – (в.-с. нем.) «заглатывать, жадно глотать, быстро проглатывать» (от *schlucken* – «глотать»), **‘unterhaken** – «взять кого-либо под руку» (от *haken* – «1. зацепить; 2. прицепиться»), **‘umtippen** – «напечатать заново (текст)» (от *tippeln* – «печатать»), **‘durch’stöbern** – «1. перерыть, обыскать все в поисках чего-либо; 2. рыться в чем-то в поисках чего-либо» (от *stöbern* – «рыться, шарить») и т. д.

При образовании глагольных лексем с омонимичными прилагольными частицами и префиксами практически не используются основы разговорных глаголов. Исключения встречаются редко; большин-

ство глагольных единиц, в состав которых входит базовая разговорная основа, образованы с участием прилагольного компонента *durch*. По признаку функционально-стилистической окраски можно выделять следующие типы производящих глаголов.

1. Неэкспрессивные разговорные глаголы (имеющие минимальное количество коннотативных сем): **kriegen** – «получать», **gucken** – «смотреть», **pennen** – «спать», **schubsen** – «пиxать, толкать», **schmeißen** – «бросать, швырять».

2. Экспрессивные (коннотативно насыщенные) разговорные глаголы (семантическая структура которых включает в себя эмоционально-оценочные и ассоциативные семы, связанные с передачей определенных эмоций): **wursteln/wurschteln** – «работать кое-как, спустя рукава», **säbeln** – «грубо нарезать, кромсать», **pauken** – «зубрить», **bummeln** – «1. гулять, прогуливаться, (праздно) слоняться; 2.ходить по барам, кутить», **mogeln** – «жульничать, мошенничать», **plumpsen** – «шлепнуться».

Отдельно можно отметить, что в качестве производящих глаголов могут использоваться общеупотребительные глаголы в производных разговорных значениях: **sausen** – (разг.) «мчаться», **ackern** – (разг.) «усердно трудиться, выполнять сложную, тяжелую работу», **filzen** – (разг.) «1. осматривать; 2. обыскивать», **sumpfen** – (разг.) «распутничать», **wichsen** – (разг.) «дать взбучку», **buttern** – (разг.) «вкладывать во что-то неоправданно много денег», **haken** – (разг.) «заедать, застопориваться».

3. Разговорно-жарганные глаголы или общеупотребительные глаголы в разговорно-жаргонном значении (встречаются единично): (спорт. жарг.) **bügeln** – победить, разгромить).

4. Диалектные и диалектно-разговорные глаголы: **fretten** – (ю.-нем.) пробиваться, утверждаться, пробивать себе дорогу, (ю.-нем.) **schlupfen** – 1. проскользнуть куда-либо, выскользнуть; 2. быстро вытягивать, перетягивать, притягивать что-либо; 3. выплыть (из яйца, из куколки), **wamsen** – (диал.) «дать взбучку».

К особым явлениям, встречающимся среди разговорных глагольных единиц и префиксальных глаголов с омонимичными первыми компонентами, относятся единичные случаи множественной мотивации: с одной стороны, производные лексемы мотивированы непосредственно участвующими в словообразовании производящими единицами, с другой стороны, большую роль в формировании семантики таких единиц играет словообразовательная аналогия, так как они повторяют структуру, общее значение и характер внутрилексемных семантических отношений прототипических единиц [2, с. 28]. Так, глагол **über’pinseln** – «нарисовать на чем-либо поверх чего-либо» – имеет мотивационные связи не только с глаголом *pinseln* – «1. рисовать кисточкой; 2. красить, раскрашивать», но и рядом общеупотребительных глагольных единиц с тождественной словообразовательной структурой и значением *übermalen*, *überstreichen*. Глагольная единица **‘durchbekommen** – «1. провести через инстанцию, миновать контроль; 2. успешно преодолеть сложное испытание (выборы, экзамен) или сопротивление» мотивирована не только входящими в ее состав компонентами, но и аналогичной по структуре и

сионимичной по значению глагольной единицей *durchbringen*. Варьироваться может как прилагольный компонент (*anrufen* – *durchrufen*), так и глагольная основа (*durchfressen* – *durchfuttern*).

В качестве прототипа обычно выступает общепотребительная или другая разговорная лексема, по аналогии с которой образуются ряды коллоквияльных словообразовательных конструкций, обладающих заметно большим экспрессивным потенциалом: **durchfallen** – **durchrauschen**, **durchrasseln**, **durchplumpsen** – «провалиться на экзамене». В приведенном примере экспрессивность производных лексем обеспечивается использованием звукоподражательных основ.

Наличие аналогичных образований объясняет довольно высокую степень мотивированности префиксальных глаголов и глагольных единиц; несмотря на многозначность префикса, интерпретация его инвариантного значения в каждом конкретном случае не вызывает проблем, поскольку поддерживается аналогией с другими производными единицами.

Мотивационные связи могут устанавливаться не только между производным и производящим словами, но и между производным словом и лексико-семантическим вариантом производящего слова. Производные глагольные лексемы могут быть мотивированы одним или несколькими ЛСВ соответствующих производящих слов: глагольная единица '**durchfeiern**' – «праздновать, отмечать праздник, проводить вечеринку какое-то время без перерыва» включает в свое содержание семы, свойственные трем отдельным значениям глагола *feiern* – «1. отмечать праздник, праздновать; 2. развлекаться, бездельничать; 3. радоваться, веселиться по какому-либо поводу». Отдельные лексико-семантические варианты глагольных единиц с анализируемыми компонентами могут быть мотивированы разными значениями одного глагола: так, первое значение глагольной единицы '**durchbummeln**' – «прогуливаться где-либо, слоняться без дела» – мотивировано основным значением глагола *bummeln* – «гулять, прогуливаться, (праздно) слоняться»; а другое значение – «пьянистовать, кутить» – семантически соотносится с производным значением производящего глагола «ходить по барам, кутить».

Структурно-семантический анализ выявил наличие функционально-семантического сходства прилагольных частиц и омонимичных им префиксов в рамках конкретной словообразовательной модели. Оно проявляется в том, что анализируемые элементы практически всегда реализуют пространственную семантику (чаще – абстрактную) и вносят в общее содержание производной единицы локативные семы. В зависимости от семантики производящей основы, с которой соединяется превербальный компонент, эти семы могут трансформироваться. Тем не менее связь отдельных лексико-семантических вариантов, реализуемых омонимичными прилагольными частицами и префиксами в словообразовании немецкой разговорной лексики, с инвариантной локативной семой (или группой сем) всегда ощущима.

Так, превербальная частица *über*- чаще всего реализует основное локативное значение «передвижение (перемещение) над плоскостью с одного места на другое». Данное значение может рассматриваться как

семантический инвариант, на базе которого формируются дальнейшие значения, свойственные прилагольной частице *über*- в рамках разговорного словообразования.

Значение перемещения над поверхностью без контакта с ней интерпретируется как «поверхность и кратковременность действия»: '**überkämmen**' – «1. быстро причесаться; 2. пригладить волосы расческой».

Представление о движении внутри ограниченного пространства приводит к появлению значения «полного насыщения пространства внутри конкретных или абстрактных границ». Как пишет М. Неро, как граница в данном случае мыслится некая «мера энергии», необходимая для реализации действия [15, с. 164]: '**überkriegen**' – «1. быть сытым по горло чем-либо, пресытиться; 2. получить свою долю, что-либо (особенно сверху)».

Похожие ассоциации приводят к представлению о «пересечении границы, выходе за рамки (связанное с полным насыщением, заполнением пространства внутри этих границ или превышением меры допустимого)», '**übermalen**' – «выйти за границы рисунка при раскрашивании».

Приближение к границам определенной плоскости имплицирует представление о покрывании ее чем-либо, формируется значение «накрывания/покрывания поверхности (чаще тканью, одеждой)»: '**überhaben**' – «1. носить один (более свободный) предмет гардероба поверх другого; 2. пресытиться чем-либо». Это значение характерно и для соответствующего префикса: '**über'tun**' – «надеть что-либо сверху (об одежде)».

Благодаря наличию пространственного инварианта, те лексемы, в состав которых входят прилагольные наречные частицы '*durch*', '*über*', '*um*', '*hinter*', '*unter*', '*wider*' или омонимичные им префиксы, как правило, семантически прозрачны, либо в небольшой степени идиоматизированы за счет метафоризации производящей основы.

Анализ семантических и функциональных особенностей омонимичных префиксов и прилагольных частиц в словообразовании современной немецкой разговорной лексики позволил прийти к ряду основных выводов.

1. Прилагольные частицы предложного характера '*durch*', '*über*', '*um*', '*hinter*', '*unter*' – продуктивны и активны в этой области немецкого словообразования, в то время как соответствующие префиксы малоактивны и незначительно продуктивны (*um*-, *durch*-, *über*-, *unter*-). Префиксы *wider*- и *hinter*-, а также прилагольная частица '*wider*' по результатам выборки определяются как непродуктивные.

2. Анализ отдельных аспектов внутренней валентности разговорных глагольных лексем с омонимичными прилагольными частицами и префиксами показал, что производящие основы, с которыми вступают в сочетания как прилагольные частицы, так и формально тождественные им префиксы, имеют ряд общих признаков: это основы непроизводных или производных безаффиксных, двусложных автохтонных глаголов, которые чаще всего обозначают конкретные действия, либо относятся к глаголам с широкой семантикой.

3. В рамках словообразования разговорной лексики прилагольные частицы 'durch, 'über-, 'um-, 'hinter-, 'unter-, 'wider- и формально тождественные им префикссы редко употребляются в тех лексико-семантических вариантах, которые признаются основными в словообразовании общеупотребительной лексики.

Тем не менее анализ значений, которые реализуются в рамках тех или иных словообразовательных моделей в разговорной лексике, дает возможность выявить лежащий в основе этих значений семантический инвариант, представленный базовыми пространственными семами.

Литература

1. Ивлева Г. Г. Немецкая глагольная лексика (проблемы классификации). М: МАКС Пресс, 2006. 18 с.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
3. Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М.: Высшая школа, 1962. 296 с.
4. Нефедова Л. А. Иноязычная лексика в современном немецком языке: иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования: монография. М.: МПГУ, 2012. 98 с.
5. Раевский М. В. К вопросу о классификациях структурных типов немецкой глагольной лексики и их логических основаниях // Проблемы общей и немецкой лексикологии: сб. ст. МГУ им. М. В. Ломоносова. Филфак. М., 1985. С. 70 – 81.
6. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 284 с.
7. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: КомКнига, 2007.
8. Eichinger L. M. Warum komplexe Verben bedeuten, was sie bedeuten // Kauffer M. / Métrich R. (Hg.): Verbale Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Wortsemantik, Syntax und Rechtschreibung, Tübingen: Stauffenburg, 2011. S. 59 – 71.
9. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 1988. 888 с.
10. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. 484 с.
11. Földes Cs. Erscheinungsformen und Tendenzen der dephrasologischen Derivation in der deutschen und ungarischen Gegenwartssprache // Deutsche Sprache. Berlin, Bielefeld, München 16, 1988 1. S. 68 – 78.
12. Fuhrhop N. Verbale Komposition: sind Brustschwimmen und Radfahren Komposita? // Kauffer M. / Métrich R. (Hg.): Verbale Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Wortsemantik, Syntax und Rechtschreibung, Tübingen: Stauffenburg, 2011. S. 49 – 58.
13. Hundsnurscher F. Das System der Partikelverben mit AUS // Tendenzen verbaler Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache, hrsg. v. Ludwig M. Eichinger, Bayreuter Beiträge zur Sprachwissenschaft Bd.4. Hamburg, Helmut Bus Verlag, 1982. 287 с.
14. Lewkowskaja K. A. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М.: Vysshaya shkola, 1968.
15. Nero M. W. Überlegungen zur Semantik komplexer verben mit über- // Europäische Studien zur deutschen Sprache. Band 26. Kauffer M. / Métrich R. (Hrsg.): Verbale Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Wortsemantik, Syntax und Rechtschreibung. X/222 S. Tübingen: Stauffenburg, 2011. S. 157 – 168.
16. Schlotthauer S., Zifonun G. Zwischen Wortbildung und Syntax: Die „Wortigkeit“ von Partikelverben/Präfigierungen in sprachvergleichender Perspektive // Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache / Eichinger L. M. u.a. (Hg.). Tübingen: Narr, 2008. S. 271 – 310.
17. Vazquez M. J. D. Neue Vorschläge in der Valenzlexikografie / Dependenz, Valenz und mehr : Beiträge zum 80. Geburtstag von Ulrich Engel / Ludwig M. Eichinger (Hrsg.). Tübingen: Groos, 2011. S. 45 – 76.
18. Yushkova L. Tendenzen im Wortbildungssystem des Verbs in der gegenwärtigen deutschen Umgangssprache - am Beispiel von konvertierten Verben / Zeitschrift für Mitteleuropäische Germanistik. 3. Jahrgang. 2. Heft. Mannheim Narr Verlag, 2013. S. 91 – 107.

Источники:

1. Das Digitale Wörterbuch der Deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts (*DWDS-Corpus*). Ein Projekt der Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Режим доступа: www.dwds.de (дата обращения: 28.07.2015).
2. Duden. Universalwörterbuch. Режим доступа: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 27.05.2015).
3. MundMische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Режим доступа: <http://www.mundmische.de/> (дата обращения: 25.07.2015).
4. Sprachnudel. Wörterbuch der Jetzsprache. Режим доступа: <http://www.sprachnudel.de/> (дата обращения: 21.06.2015).

Информация об авторе:

Юшкова Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Удмуртского государственного университета, jushkova1@yandex.ru

Liudmila A. Yushkova – Candidate of Philological Sciences, associate professor Department of Linguistics and Intercultural Communication, Udmurt State University.

Статья поступила в редакцию 31.08.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых научно-исследовательских технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года; – в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
- в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года; – в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала, при этом *статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно*.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2}k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 \mid = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.

9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.

11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.
 13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.
 14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в тексте в круглых скобках курсивом.
- Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).
15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.
 16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.
 17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 21.09.2015 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 28.09.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 27,6. Уч.- изд. л. – 26,78.

Тираж 500 экз. Заказ №_____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 16.